

*Мой 20
век*

Инициалы **Б.Б.**

Брижит Бардо

*Май 20
век*

**БРИЖИТ
БАРДО**

**Инициалы
Б. Б.**

ВАГРИУС

**БРИЖИТ
БАРДО**

**ИНИЦИАЛЫ
Б.Б.**

• ВАГРИУС • МОСКВА

ББК 84.4
Б 24

Brigitte Bardot
Initiales B.B.

*Охраняется законом РФ
об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или
любой ее части запрещается без
письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном
порядке.*

4703010100
Б $\frac{4703010100}{C82(03)-97}$ Без объявл.

ББК 84.4

ISBN 5-7027-0421-5 (рус.)
ISBN 2-246-52601-9 (франц.)

Copyright © 1996 by GRASSET &
FASQUELLE
© Издательство «ВАГРИУС»,
издание на русском языке, 1997
© Е. Кассирова, Н. Хотинская, перевод
с французского, 1997
© Е. Вельчинский, дизайн серии, 1997

**Пилу и Тотти,
моим родителям,
и Николя,
моему сыну**

*Спасибо тем, кто любил меня глубоко и искренне,
их немного, и они узнают друг друга.
Спасибо тем, кто пинками в зад научил меня жить,
кто предал меня и, пользуясь моей наивностью,
увлек в бездну отчаяния, откуда я выбралась чудом.
Именно такие испытания приводят если не к смерти,
то к успеху.
Спасибо и тем, у кого достанет охоты и терпения
прочитать эту книгу,
она — память обо мне в будущем.*

Брижит Бардо.

**Посвящаю
эти воспоминания
Жики Дюссару,
скончавшемуся 31 мая 1996 года**

Жики, друг всем нам, покинул нас внезапно, — застенчиво и скромно, как делал все важное в своей жизни. Не хотел никогда никому надождать.

Он оставался до конца смелым, цельным и бескомпромиссным. Человеком в благороднейшем смысле слова. Верным другом и любящим отцом и мужем, властным, но привязанным к семье, им созданной, и глубоко страдавшим от холодности ближних.

Жики служил нам примером, маяком, светом, символом радостно-безоблачных дней. Он был художественной натурой. Живописец и фотограф прекрасного, он не выносил неодаренности и некрасивости.

Еще до того, как превратить своих детей в людей, он старался учить меня уму-разуму, так сказать, жизненной стойкости. Его науку я помнила, помню и буду помнить.

У меня не было брата, и он заменил мне его.

Он уходит, унося важнейшую часть нашей жизни. Тем самым мы провожаем его в неведомый, но уже открывшийся ему мир.

Привет тебе, Жики!

Господь пребудет с тобой.

Прощальная речь Брижит Бардо,
сказанная ею на похоронах Жики Дюссара
в Сен-Тропезе 7 июня 1996 года.

Сколь книжек ни читай — но книгу жизни, даже
Соскучившись читать, другому не отдашь.
Однако ни один не перечтешь пассаж:
Кто, неизвестно — сам листает все пассажи!
Мы перечеть хотим какой-нибудь послаже,
А раскрывается пассаж последний наш!

Альфонс де Ламартин
(1790—1869).

БРИЖИТ

Чудная, всякая, тихоня, непоседа,
Смещение она бесчисленных кровей:
Гуляка-стрекоза сегодня до обеда,
А ближе к вечеру — трудяга-муравей.

И к ближнему она внимательна на диво.
И глазки у нее опущены стыдливо.
Но миг — и влюблена, и сразу — кипяток...
Дружок в наличии и про запас пяток.

Но папе рядом с ней, ей-богу, благодать.
Он разболеется — она ему сиделка.
И душу, и гроши готова всем раздать.

И плавает она то глубоко, то мелко.
А станет где-нибудь тоскливо — не шутя
Помчится к мамочке, как малое дитя.

*Пилу (мой папа).
Вилла «Мадраг», 16 мая 1959 года.*

Древо

Светило солнце, было 3 августа 1933 года, и в Париже в ту пору масса народу проводила отпуск, слоняясь по городу.

В церкви Сен-Жермен-де-Пре состоялась в тот день красивейшая церемония бракосочетания.

Невеста была хороша собой, необычайные чистота и свежесть исходили от нее и ее белого платья. Жених, высокий, стройный, в ладно сидящем черном костюме, казался самым счастливым человеком на свете: после долгих поисков он нашел спутницу жизни.

Анн-Мари Мюсель, по прозвищу «Тоти», сочеталась браком с Луи Бардо, по прозвищу «Пилу». Ей — 21, ему — 37.

Год, месяц и 25 дней спустя родилась девочка. 28 сентября 1934 года маесье и мадам Бардо с радостью сообщили о рождении дочери Брижит.

Было 13 часов 20 минут, и я оказалась Весами в знаке Стрельца.

Мама очень мучилась, производя меня на свет, как мучилась потом, на свете меня удерживая!

А ждали, само собой разумеется, мальчика!

Зная, что разочаровала, я выросла с сильным характером, но и легкоранимая, как незваный гость. Мама выглядела очень усталой и очень счастливой. Красный сморщенный комочек у нее на руках орал не смолкая. Зваться бы ему Шарль, а тут какая-то Брижит!

Мама рожала дома: дом 5, площадь Вьоле, 15-й округ Парижа. Первые дни своей жизни я в основном сосала мамину грудь среди цветов, друзей и бабушки с бабушкой, маминых родителей, восхищенных крошечной диковиной. Но люди без сложностей не могут, и меня понадобилось крестить. В церкви на холоде, над купелью, как грязных грешников, очищают от греха и порока бедных невинных младенцев с солью во рту и елеем на лбу! Я лежала в горячих объятьях крестной, Мидимадо, и вопила, глядя на крестного, доктора Орли. А все-таки была крещена — 12 октября 1934 года и наречена Брижит Анн-Мари, благослови, Господи!

Мама играла со мной, как с куклой.

Я была маленьким требовательным зверенышем, и бедная мамочка, кормившая меня грудью, оказалась призванной на службу потрудней военной — материнскую! Материнские тепло и запах остались в моем подсознании. Внушала я маме настоящую страсть, по малолетству о том не ведая.

Папе надоело, что жена его в рабстве у младенца, и в один прекрасный день он решил нанять няню. Мама не хотела никому отдавать меня — боялась ужасно! Бабуля Мюсель, мамина мама, в ту пору привезла из Италии молодую особу, выросшую в сиротском приюте. При бабушке она находилась в качестве служанки и была прелестна и предана, как никто.

Так и познакомилась я со своей Дада!

И стала переходить с рук на руки, к Дада (звали ее Мария) от

мамы, и не кричала. Мама смогла отвлечься и поспать, а папа — почитать, посмеяться, пожить спокойно: в доме была Дада!

Папа с мамой переехали, мы с Дада, разумеется, тоже.

Площадь Вьоле сменили мы на авеню де Ля Бурдонне, 76, возле Марсова Поля.

Дада стала мне второй матерью, я души в ней не чаяла. Перед сном она рассказывала мне сказки на своем итальянском, и я это воркованье обожала — слушала ее, сосала палец и вопила, стоило ей отойти.

И опять пошла у папы с мамой нормальная жизнь: в доме была Дада!

Ходить я научилась, падая на руки к маме, к папе или к Дада. С мамой и папой я говорила по-французски, с Дада по-итальянски. По-итальянски я говорила лучше, чем по-французски, а по-французски — всегда с итальянским акцентом. Мама ужасно смеялась, слыша, как я раскатываю «р», и заставляла меня то и дело повторять гостям: «Я приеду на тррамвае В трии уттра или в четырре На кррасивом кррасном крресле с госпожою Буррдерро».

Однажды, когда Дада убирала постель, у меня из подушки выпало перышко. Я пришла в восторг. Я дула, и оно порхало, а я не знала, как эта штучка зовется. Мама растолковала, что перышко — курочкино, как и яички всмятку, которые я кушала. Мне показалось это очень красивым: «курочкино перышко»! И так я стала говорить обо всем прекрасном.

Однако первым прекрасным «курочкиным перышком» стала для меня электрическая розетка. Круглая коробочка выступала из стены точно на уровне моих глаз. Решила я узнать, что там, в этих дырочках, величиной как раз с мой пальчик. Так вот, ударило меня так, что крик застрял в глотке. Выдернуть руку я уже не могла, и током (к счастью, в 110 вольт) било меня нещадно. От ужаса я описалась, и сила тока возросла, так как стояла я в луже.

Мама, почти тут же заметив, что случилось, попыталась оторвать меня от розетки, но не смогла и сама попала под ток. И только когда ей удалось вырвать электричество, она вызволила меня, оцепеневшую, посиневшую, но живую.

Слава Богу, французская энергосистема в ту пору еще не перешла на 220 вольт, не то давно бы меня на свете не было.

В те годы родители по вечерам часто уходили куда-нибудь.

Однажды вечером в бистро, где они с друзьями обедали, появилась гадалка. Она бегло посмотрела всем в ладони, а над папиной задержалась. «Мсье, ваше имя облетит мир, прославится и в Америке, и везде-везде!»

Папа обрадовался. Он решил, что заводы Бардо — дела как

раз шли в гору — в результате упорных семейных трудов принесут плоды! Друзья потребовали шампанское и выпили за предсказанье прекрасной Пифии. Они и представить себе не могли, что не завод прославит на весь мир фамилию Бардо, а я, безвестная девочка, и что уготована мне судьба удивительная, и что подтвержу я чудное пророчество, ни разу в жизни этой фамилии не сменив, несмотря на все свои многочисленные замужества.

* * *

Мне было три с половиной года, когда начались неприятности.

Мама стала какой-то не такой, не то больной, не то рассеянной, папа казался озабоченным и раздраженным. А Дада была сама доброта, к Дада я всегда отовсюду бежала, и она меня согревала и нежила. А потом у меня заболел живот, заболел очень сильно, и ко мне позвали противного дядьку, вонявшего лекарством. Он принес с собой странные инструменты. И, слышу, стали говорить: аппендицит, операция, и прочие страшные слова, о которых я старалась забыть на руках у Дада.

А потом мне сказали, что у меня скоро будет маленький братик или сестричка, что мама очень устала и что я должна быть умницей, хорошо себя вести и не шуметь.

Как же я беспокоилась!

Дада плакала и складывала чемоданы. Она уложила даже сумку с моими вещичками. Я-то считала, что еду с Дада в Милан к Буму и Бабуле, маминим родителям, которые там жили. А на деле очутилась в больнице с папой. Папа — он дал мне прозвище Крон — уверял, что я счастливица, говорил, что буду надувать мяч. А Дада насовсем вернулась к бабушке с дедушкой, потому что будущему младенцу и мне брали настоящую няню. Я плакала часами в своей мрачной больничной палате. Мяч или не мяч, а подайте мне Дада!

Мяч-то я получила! Страшно вспомнить!

Меня усыпили эфиром, а на маску наложили огромный мяч — контролер дыхания. Припоминаю жуткий, нечеловечески белый мир. Помню свой дикий страх, чувство полной беспомощности. А дальше... дальше тишина.

Задыхаюсь! Умираю!

Я была еще совсем мала, но вспоминаю все очень ясно. Кстати, животные, как дети, беззащитны, а чувствуют все то же, и потому, я уверена, позорно, бесчеловечно пользоваться их слабостью и умерщвлять их всевозможными способами, к примеру, в медлаборатории в ходе научных опытов. Я не против опытов, я против убийства.

Когда я пришла в сознание, Дада, моя Дада улыбалась мне.

Меня тошнило, было очень больно, но Дада со мной сидела!

Папа спал на раскладушке, а на полочке над раковиной в банке с формалином плавал мой аппендикс! Ни дать ни взять, сигара с надрезанным концом — фу, гадость! Мне хотелось пить, и Дада макала палец в стакан с водой и смачивала мне губы, при этом воркуя на свой манер — что меня успокаивало.

А потом, позже, пришла Бабуля Мюсель, милая, мягкая, теплая, толстая. Она плакала и называла меня своей «ластонькой». А рядом стоял дедушка, добрый и — умный: я говорила — «бумный». У деда «Бума» была черная борода. Он целовал меня, кося усами, доставал из кармана часы, и они тикали: так-так, так-так. И я уже не хотела расстаться ни с ним, ни с часами.

Тапомпон пришла тоже. Она работала в больнице и прозвище получила «Тампон». Бабуле она приходилась сестрой и из «тети Тампон» вышло «Тапомпон». Бывало, зажмет Тапомпон мне нос и заставит проглотить таблетку. Потом поцелуй в щечку и укол в попку. Скажет: «Раз, два, три» — готово дело!

Странные были эти взрослые, только и делали, что врали. Ни кому, кроме Дада, я не верила. А меньше всех — доктору Жаку Рекамье, с усами и в белой шапочке. Боялась я его ужасно. Единственное светлое воспоминание о той больнице — кофе с молоком из бутылочки с соской, о какой долго потом вздыхала, и — Мердок, чудный плюшевый медведь в шотландке, присланный мамой. А маму я все это время не видела. Мама лежала и была совсем плоха. Последние дни беременности она переносила мучительно. Папа, Бабуля, Бум и Тапомпон разрывались между мною и ею.

В день, когда папа меня — с мишкой Мердоком и склянкой с аппендиксом в руках — все вместе в охापке привез из больницы домой, я с ума сходила от радости. Скорей бы увидеть маму, показать ей гадость, которую вынули у меня из живота, и шрам, покрытый ртутной мазью, и сказать ей, как я ее люблю! Увидеть, увидеть! Но увидела я жуткую тетку, уroda с накладным пучком и волосатой бородавкой на подбородке.

Звали ее Пьеретта, и пахло от нее ужасно.

Это и была новая няня!

Она взяла меня за руку. Я завопила! Она попыталась поцеловать меня — я вопила. Она заговорила быстро и громко — я вопила и вопила. Тогда папа снова подхватил меня и понес к маме в спальню. Мама — красивая, горячая. Я вцепилась, зарылась в нее, дышала ею, обливала ее слезами, обожала и не хотела отпустить — боялась жуткую тетку, мамочка, мамочка... Я так и заснула у нее в постели.

Пробуждение было отвратительным. Няня стояла над душой, сухая, жесткая, страшная. Ей не терпелось, и она стучала ногой... Я возненавидела ее... Ничего от нее не принимала. Перестала есть. Играть. Чахла на глазах. Наконец, настал вечер 4 мая 1938 года. Военные приготовления, беготня взад-вперед, шепот, мамыны стоны. Меня отослали к Буму с Бабулей.

Я была рада-радехонька. Дед с бабушкой переехали из Милана в Париж и жили в чудесной квартире на втором этаже в доме № 12-бис по улице Ренуар. Увижусь с Дада!.. И увиделась, и даже только с ней одной, потому что бабушка с дедушкой были у нас, при маминых родах. А у них в большой прихожей вкусно пахло пирогом, но было немного темно и мрачно — пугал огромный платяной шкаф. Дада зажгла свет. Я побежала в гостиную, спряталась под роялем, а Дада сделала вид, что ищет меня в вольтеровских креслах.

Слышу, зовет: «Бриззи, Бриззи, где ты?»

Я пробралась в бабушкину спальню, где благоухало ланвеневским «Арпежем». В комнате царил порядок, и я не рискнула забраться на постель, она была такой гладкой, аккуратной. И бросилась я в дедушкины покои. У Бума пахло трубкой и лавандой. Я забилась под дедов письменный стол с грудой книг и бумаг и дождалась в потемках, когда Дада, выбившись из сил, наконец отыщет меня.

И пойдут у нас объятья, и закончится все горячей ванной, сытным ужином на кухне со сладостями и пирогами на сладкое и беспробудным «баиньки» в кроватке, в комнате у Дада, рядом с ее постелью.

На другой день, проснувшись, я помчалась в спальню к Бабуле. А Бабули и нет. Ну, знаете!

Кровать была такой же безупречной, как накануне, и так же пахло ланвеневским «Арпежем». Я ринулась к Буму, уж он-то, ясно, в постели, тепленький. Но трубкой и лавандой пахнет, а Бума нет.

Я — на кухню, к Дада. Дада на месте.

Дада объяснила, мешая французский с итальянским, что у меня родилась сестричка:

«Понимаес, Бриззи, твой мамма родило ребенко, уно сестричко ке си кьяма Мария-Занна. Твой бабулио сидело с мамма всю ночь, а Бум узе усол на работто».

А моя не понимай ничеготто!

Что это такое — сестричка?

Жизнь и без того была сложной: уже имелась тетка-страшила с пучком, а если еще и сестричка, к папе с мамой я назад не желаю. Тем временем я поглощала булочки с горячим молоком.

Хорошо было мне, крошке, у Дада и Бума с Бабулей! Когда Бабуля, без сил, наконец, вернулась, я ткнулась ей в колени, стала карабкаться по ногам и чуть не свалила ее. Эх, Бабуля, бедняжка, и любила же ты меня, если не послала куда подальше!

Несмотря на бессонную ночь и тревогу, она была как огурчик, свежа, надушена, в перчатках и шляпе, маркиза еще больше, чем всегда. Когда она уселась на касса-панку, сундук в прихожей, я снова набросилась на нее, стонавшую: «Ноги, бедные мои ноги!»

У Бабули на ногах были вены, и она ходила в лечебных чулках. Ноги у нее после всегда страшно болели, а тут я еще, это уж слишком. Но любовь ко мне была важнее ног, и боли, и всего прочего, что правда, то правда. Бабуля взяла меня на руки, бросив сумку, перчатки, шляпу и туфли. Удержались на ней лишь очки в тонкой золотой оправе и сеточка для волос. «Радость моя, — сказала мне Бабуля, — сегодня утром в 6.45 у тебя родилась сестричка. Твоя мама очень измучена, будь с ней ласкова. Сестричка совсем крошечная, ты ее скоро увидишь». И потом добавила: «Но ты все равно останешься моей ластонькой, и не разлюблю я тебя ни ради какой сестрички».

Тут она крепко-крепко поцеловала меня, оставив на щеке след губной помады, и жизнь пошла своим чередом. Когда пришел обедать Бум со своими шляпой, зонтиком, портфелем и трубкой, я уже и думать забыла о сестричке. Мне не терпелось полетать у него на руках в бешеной польке по громадной прихожей! Тра-ля-ля-Бум! Тра-ля-ля-Бум-Бум! Тра-ля-ля-Бум-Бум-Бум!

Но все рано или поздно кончается, кончились и мамини роды.

И с мышкой Мердоком в левой руке и бабулиной рукой в правой я вернулась на авеню Бурдонне. Уродина с пучком была там, но я на нее и не глянула, а ворвалась к маме в спальню. И остановилась как вкопанная! У нее на руках, где прежде ласкалась я, теперь лежало что-то вроде мишки Мердока, розовое, кругленькое.

Мама была чудо как хороша, тоже розовая, и улыбалась. От нее пахло чудесно — теплом, шелком, доверием и духами «Жуа» фирмы Пату. Комната утопала в цветах и солнце. Мама протянула мне правую руку, назвала меня «своей любовью», и я кинулась на одеяло — и к ней, уткнулась, осыпала поцелуями. А розовое и кругленькое тут и запиши! А мама и засмейся своим особенным, грудным, похожим на водопад смехом, распахнув лицо и показав прекрасные белые зубы. А я и заплачь. И тогда она крайне осторожно положила мне на руки круглое розовое. Папа смотрит тревожно, Бабуля улыбается, за ними стоит уродина с пучком.

А мама говорит: это Мижану, крошка-сестричка, и скоро я буду играть в нее, как в куклу. И должна всю жизнь оберегать.

И вот у меня на руках тяжесть и тепло крошечного пискуна. Один поцелуй — и контакт установлен. В три с половиной года я узнала чувство ответственности, приняв Мижану. Меня так и подмывало шепнуть папе на ухо: «Папочка, а на Новый год у меня будет братик?»

Когда дедушка с бабушкой Бардо, жившие в Линьи-ан-Баруа, узнали, что у них опять внушка, уваженья к супругам Пилу-Тоти в них заметно поубавилось. И папа послал им телеграмму: «Вы не поняли. Вместо одной Тоти у нас целых три. Три жемчужины в короне!»

Мижану-то я приняла, а вот Пьеретту, уродину с пучком, принять не желала.

Я нарочно хулиганила и, получив нагоняй, бежала за утешением к маме с папой. Когда она пеленала Мижану, папа уводил меня на Марсово Поле и рассказывал всякие чудесные истории про зверей и птиц, дивных птичек, порхавших, свивавших гнезда и певших на радость нам!

Были тут еще беседки для оркестров, и время от времени фанфары военных, пожарных и прочих одаривали нас серенадой. Тогда папа сажал меня к себе на плечи, и я замороженно слушала, как фальшивит орфеон и барабанит барабан. Мама уже снова ходила, наконец-то я смотрела на ее ноги и сравнивала их с пьереттинными! У мамы — тонкие, стройные, нежные, белые и такие длинные, что даже подняв голову, я не видела им под маминой юбкой конца. У Пьеретты грубые, толстые, волосатые, в белых тугих нитяных чулках, в башмаках, как у папы, размером с меня. Какие ноги — чьи, не спутаешь!

Мижану уже не была такая сморщенная. Головка у нее обросла рыжим пушком, и сестричка стала похожа на цыпленка.

* * *

Мы приехали в Линьи-ан-Баруа к папиным родителям.

Мама была еще слаба и не выходила из своей комнаты, а я знакомилась с другими дедушкой и бабушкой, совершенно не такими, как Бум с Бабулей, а еще с кучей дядей и тетей и двоюродных сестер и братьев.

И ужасно робела!

Дом был огромный, всюду окна. Перед домом, посредине, — квадратный участок. За домом — парк, сплошь деревья, цветы, особенно розы — розы дедушка Бардо обожал. Он часами готов был нюхать и разглядывать их. А потом долго не мог разогнуться, так и стоял, скрючившись и опершись на палку.

Я обожала проскакать у него между ног, как под мостом,

только не дай Бог задеть за опору — случится страшное, потому что дедушка еле стоял. Это вам не Бум с полькой по всей прихожей дома на улице Ренуар!

А к Бабусе Бардо я вышла на разведку.

Встретила сдержанную любезность. И поняла, что не следует переходить определенных границ. Однако была я совершенно сражена широченной черной юбкой, в которую она прятала ключи, платок и деньги. А еще у нее была круглая железная коробка с леденцами. Вечером она награждала ими всякого, кто днем хорошо себя вел. Коробка — в мешочке для рукоделья, мешочек — при Бабусе. И две палки. Ходила она, опираясь на обе палки, маленькими шагжками. В прятки с вами не поиграет. Где ты, Бабуля Мюсель, благоуханная, нежная и так меня любившая!

Мне было позволено вылизывать шоколадные кастрюли и — высшая награда! — помогать кухарке Полине накрывать к обеду стол. Входили мы с ней и ее бородой и усами в столовую, и я замирала от восторга!

Стол был большой, длинный. Вокруг стола — куча всего. Сверху — люстра, когда ее трогали, она дзинькала миллионом стекляшек-подвесочек. Вдоль — темные горки, в которых рядком дорогие тарелки. Мы с Полиной расстилали белую, с шитьем, как подвенечное платье, скатерть. И я не выдерживала и забиралась между ножек стульев под стол! Полина ворчала... но меня не искала! Это вам не Дада!

А под столом — счастье.

Прячусь и слышу, как Полина гремит тарелками, стаканами, ложками-вилками-ножами.

И вылезу — точно очутюсь в волшебной сказке! Все — красота! Сиянье! Стол похож на пещеру Али-Бабы, и я в слезы, что не имею права обедать за ним. А Полина строго в ответ, что мала еще, и что детям, которые только и знают, что сажать пятна и вообще не умеют себя вести за столом, — место на кухне. Но я за столом себя вести умела. Папа с мамой научили меня! Я даже знала, что надо вытирать рот салфеткой до и после того, как попьешь, что нельзя говорить с полным ртом, ни с каким нельзя, потому что маленьким детям за столом положено молчать. Короче, была я вполне ученой, чтобы сидеть на обеденном пиру, и очень жалела, что не допущена по возрасту.

Правда, я об этом забывала в кухне, обедая с двоюродными братьями и сестрами и с Мижану, в компании с нами сосавшей из бутылочки. Но опять начинала жалеть, когда входила в столовую сказать «спокойной ночи» всему семейству.

Какому такому семейству?

Все эти люди нагоняли на меня дикий страх, они ужасно

громко говорили, шипали меня за щеки, шлепали по ляжкам, дергали за волосы и подбрасывали на коленях, умиляясь: «Какая куколка!» Я утиралась, меня тошнило от их слюнявых чмоков, и я бежала к маме, такой же прекрасной и сияющей, как стол в столовой.

Как я любила свою мамочку, как люблю, как буду любить всегда! Она — не то, что другие тетки, не обслюнявит, когда поцелует, а оставит мне пятнышко от помады на носу и зовет меня «малышка-клоун».

Потом папа брал меня за руку и вел в нашу комнату — нашу с Мижану и Пьереттой.

Он рассказывал, уложив меня, чудесную историю про сороку-воровку, как сидит она на высоком дереве у нашего дома и стережет мой сон. Он клал Мердока на постель, крестил мне лоб и уходил на цыпочках. А я уже во сне посасываю палец и одеяло — край его зажат у меня в руке, и оно колыхается в такт дыханию.

Актрисой я стала в младенчестве, еще у мамы на ручках. Ей-Богу. Папа любил делать фильмы! У него была 8-миллиметровая кинокамера, и он постоянно снимал нас с мамой и Мижану. Спасибо ему, я и по сей день сохранила живые воспоминания о детстве и родных — отрывки жизни бесценные, ибо эта жизнь невозвратима; а завершаются они дерганьем и белыми точками, что означает конец бобины.

Однажды папа, вернувшись к обеду, застал наш с мамой спор о том, что мне надеть. Я топала ногой на балконе, а завидев папу, спешно засемила навстречу и заявила ему: «Мама дала мне поситину!»

Расстроившись из-за моего вранья, мама сказала папе:

«Слышите, что говорит ваша дочь?»

Папа, прямо мне в глаза:

«Крон! Мама дала тебе пощечину?.. Так да или нет? Ни да, ни нет?»

Я молчала и смотрела на папу в упор.

Хлясь! Он легонько шлепнул меня по правой щеке.

«Вот. По крайней мере, я-то уж точно дал».

И тут, не сходя с места, только тряхнув волосами, я сделала движение рукой, как бы срывая со щеки что-то, и выкрикнула: «Не даль! Я не взяла! Я ее бросила!»

Вечером, укладывая меня спать, папа с мамой объяснили, как надо молиться. Я еще и слов молитвы толком не понимала, но, если им так хочется, пожалуйста! Однажды, молясь, я сказала: «Отче наш, помилуй всех, кроме Пьеретты и портнихи».

— Почему так? — поинтересовалась мама.

— Потому что портниха — злючка, а Пьеретта — набитая дурился!

Тапомпон, бабулина сестра, часто бывала у нас, я относилась к ней как к своей третьей бабушке и очень ее любила. Она была вдовой, ее муж Жак Маршаль умер от ран, полученных на первой мировой войне. А Тапомпон сумела выстоять и вырастить сына, в ту пору — студента-медика. Работала она медсестрой у доктора Бенуа.

В то время женщины в нашей семье не работали, и она у нас считалась белой вороной...

Мне ужасно нравился ее белый халат и косынка с красным крестом. И еще ее темно-синее грубое драповое пальто! Вот бы одеваться, как она! В обращении она была прямой и резкой, и я ее, по правде, побаивалась. Однажды она спросила меня, почему я так редко у нее бываю.

«Потому сто нет времени!» — сказала я и кинулась наутек. При всем том она подарила мне на мои четыре года дивную форму и сумку медсестры. К моему восторгу. Теперь я стану как она, и все люди будут меня бояться! О счастье!

Тапомпон с сыном Жаном жили на 2-м этаже в доме № 65 на рю Мадам. В квартире было сыро. Топилась «саламандра», печурка на углях. Печная дверца рассеивала красный отсвет раскаленных углей. Я сидела тут же на низеньком стульчике и смотрела книжки с картинками, а Тапомпон, уже не в белом халате и не страшная, носила из погреба ведра с углем.

У нее был усталый вид, и я захотела ей помочь.

В результате весь мой уголь оказался на ковре, а я собирала черные кругляши и вытирала руки о платье. Когда я хорошенько вымазалась, Тапомпон повела меня в столовую, где был дикий холод, как в погребе. Зато пахло черствым пирогом, воском, высушенными цветами, липовым чаем и еще чуть-чуть плесенью. Никогда не забуду этот запах!

Нас ждал полдник. И какой!

Горячий шоколад, бисквитный торт и медовое печенье! Над столом — висячая опаловая лампа, которая поднимается и опускается, если дернуть за веревочку. Освещен только стол. Все остальное — мрак и тени... И я, припомнив недавние картинки в книгах, боюсь волка! Я знаю, он тут, у Тапомпон в столовой, он ждет. Вот погаснет свет — и он съест меня.

К счастью, появлялся Жан, и волк исчезал. Жан, юный красавчик, живчик и весельчак. Мы играли в аэроплан посреди гостиной, а Тапомпон ворчала, что из-за нас в комнате все вверх дном. А потом он провожал меня на метро домой. А метро — чудо! Я мчалась по переходам, увлекая Жана за руку, но от страха останавливалась как вкопанная перед большими автоматическими дверями, которые закрывались сами собой, как в сказках.

Подобно чуткому зверьку, я учуяла что-то неладное. У взрослых был озабоченный вид. Папа приходил с работы с газетами, и мама читала их с беспокойством, между бровей у нее появлялась морщинка.

Бум и папа то и дело что-то обсуждали, каждый высказывал свое мнение, а мама с Бабулей тем временем перешептывались. Тапомпон волновалась за Жана... Папины и мамини друзья, приходя к нам, не смеялись, как раньше. Люди приникали к радиоприемнику и напряженно слушали сводки новостей.

Был 1939 год, накануне войны между Германией и Францией.

II

Несколько дней спустя шкафы, благодаря маме, оказались забиты съестным. Были даже плитки шоколада, целая стопка, но трогать их запрещалось. Видит око, да зуб неймет, а почему, непонятно! И еще кучу разноцветной шерсти заложили в большой плетеный короб в нафталин, от которого я чихала. Бум накопил себе трубочного табаку, десятки пакетов. Дом стал похожим на магазин, в котором нельзя покупать.

Все — припасы. Благодать!

С Мижану стало интересней. Она что-то лепетала сама с собой, сама же себе смеялась и силилась встать в своем манежке, цепляясь за решетку. Точно зверек в клетке.

«Война, война!» Только о войне и говорили. Меня слово «война» пугало, и я спрашивала у мамы, что это значит. «Это как если бы твоя подружка Шанталь стала отнимать у тебя Мердока, а ты бы не отдавала и подралась бы с ней, защищая его. Так вот, война — это то же самое, только больше!»

В одно прекрасное утро мы покинули свой дом. Я поехала с папой в «драндулете» — в набитом чемоданами стареньком «рено», а следом за нами в «ситроене», сидя за рулем, катила мама вместе с Бабулей, Мижану и Пьереттой.

Остальные: Бум, офицер запаса, отбыл в Шартр, Тапомпон продолжала работать медсестрой, Дада сторожила дом, а Жан определился как военврач.

Мы проехали многие километры по дорогам Франции — люди заплотонили их, пешком, на лошадях, на машинах. Под бомбы мы, к счастью, не угодили и после долгих переездов остановились наконец в Андэ, провели там некоторое время и уехали в Динар, где было надежней.

Папа оставил нас и отправился добровольцем в 155-й альпийский артиллерийский полк. Теперь одна мама у нас командовала, решала, утешала.

Папа «ушел на немца». И я представляла, что папа стоит на каком-то чудовище, попирая его, как в книжках с картинками. А что дальше — было загадкой, и только из разговоров взрослых я уразумела, что папа в опасности. И еще потому, что больше не получала булочек с шоколадной начинкой, а ведь вела себя хорошо!

В Динаре очутились мы в двух меблированных комнатенках у хозяйки, мадемуазель Ленэ. Пьеретта ушла от нас еще в дороге, и я была очень этим довольна.

Мне исполнилось 5 лет, и мама решила учить меня читать.

Сидя на моем стульчике с букварем на коленях, мама показывала мне буквы Б и А и складывала: БА. И я говорила: БА. И все было ясно. Потом мама показывала Б, А, Р и складывала: БАР. И я: БАР. Ясно. Тогда мама велела складывать без нее. И я: Б и А — БА, а Б, А и Р — БАРЬЕР! И мама, терпеливо, все сначала: Б и А — БА.

— Ну, складывай сама.

— Б и А — БА. Б, А и Р — БАРЬЕР!

Мы удивлялись друг на друга. Я сидела с букварем на стульчике и оплакивала бестолковость взрослых, которым никак не понять, что Б, А и Р — это БАРЬЕР! Дураку ясно.

А тем временем Мижану до смерти напугала маму и Бабулю истериками. Все наши переезды подействовали на ее нервы. Она синела, задыхалась и билась в судорогах. Мама была ее по лицу мокрым полотенцем.

А потом папу отослали в тыл.

Франции нужен был завод, заводу — папа. Мы вернулись в Париж. В доме на улице Бурдонне стало мрачно. Жили мы в двух комнатах, обогреваясь — папа, мама, Мижану и я — одной-единственной электрической печкой. Бум находился в шартрском гарнизоне, и Дада уехала к нему помочь по хозяйству.

Я спала не раздеваясь, с мишкой Мердоком, лежа между папой и мамой, тоже одетыми. Иногда среди ночи мы впопыхах спускались в подвал, светя себе свечкой, а стены дома сотрясались, сирены выли, и самолеты бомбили Париж, и Булонь, и всю страну. Мне было страшно. Этот страх травмировал меня. До сих пор не могу без того детского ужаса слышать вой сирены.

Мама была святой! В самый разгар войны она и учила нас, и лечила, ибо переболели мы всеми детскими болезнями. Начало положила я, в 6 лет подцепив среди зимы скарлатину в школе Буте де Монвель.

В школе я наконец усвоила, что Б, А и Р — это БАР.

Целых 40 дней не вставала я с постели и благоговейно слушала, как мама читает мне вслух «Примерных девочек» графини де

Сегюр. Часто, устав, она засыпала над книгой и надо мной, захваченной ее чтением, и я тормозила ее: не спи, читай дальше! Теперь я говорила только, как Камилла! Писала, как Мадлена! Мечтала поступать, как Софи! Я любила, когда мама читала мне. У нее был приятный голос, и говорила она разными голосами за каждого персонажа.

И потом она, когда читала, принадлежала только мне!

За чтением «Розовой библиотечки» и питьем молока с ванильным сахаром я стала поправляться.

40 дней подвал был мне противопоказан, и я до сих пор помню, как в комнате, где в одеялах и с молитвами пережидали мы авианалет, рухнула нам на голову люстра.

Когда я сравниваю себя в детстве с нынешними детьми, меня разбирает смех.

Бедные деточки, то-то им не скажи, се-то не сделай!

И в довершение ко всему целые родительские ассоциации встают на дыбы от малейшего, хоть, может, вполне заслуженного выговора ненаглядному отпрыску! Стыдно этак растить, вернее, гробить детей. Дети — наше отраженье. В общем, молодцы взрослые. Преклоняю колени. Только не жалуйтесь и не хнычьте потом, когда пожнете то, что посеяли!

Дело у меня шло на поправку, и мама, спасибо ее хлопотам и заботам, а еще спасибо черному рынку, раздобыла бараньи мозги и с большой любовью приготовила их мне на обед. Я уселась за стол. В тарелке лежало что-то студенисто-беловато-вязкое!

Какая мерзость!

Я не могла проглотить ни ложки! А Мижану, счастливица, уплетает свою манную кашку! Мама сказала мне, выходя из комнаты: «Не встанешь из-за стола, пока не съешь все»...

Подошло время ужинать.

Я уже наполовину спала над своим мерзким и давно остывшим кушаньем. Мама, отчаявшись, схватила меня за нос и силой затолкала мне в рот холодную клейкую массу. Мне было плохо всю ночь. И по сей день меня тошнит при одной только мысли об этом. И, когда вижу в мясных магазинах бараньи мозги, с отвращением вспоминаю о той своей детской трапезе. Стыд и срам — поедать мозг животного! Но людям только бы набить брюхо. Люди — подлецы!

Кроме уроков в школе Буте, игр с подружкой Шанталь и воздушной тревоги развлечений у меня не имелось. Прогулки были опасны.

Я с трепетом обнаружила папин патефон. Что за чудо! От сети и без — крутилось! С восторгом ставила я пластинки. Тогда-то я начала танцевать! Это было сильнее меня. Когда меня заставляли,

я краснела до ушей. Но мама была в восхищении и, поставив мне на голову банку с водой, заставляла ходить по дому.

«Малышка держится так прямо!»

Еще бы не прямо! Согнись попробуй — обольешься и получишь затрещину. И было решено водить меня раз в неделю в танцкласс, в свободный от школы день!

Мсье Рико стал моим первым учителем танцев.

Из своей старой шелковой, бледно-розовой ночной рубашки мама сшила мне платыице, и купили мы туфельки на пуантах. В балетных школах всегда особый запах. Пахнет потом, духотой, целлофаном, косметикой и дешевыми духами. Я была заинтригована. «Пахнет, — объяснила я Бабуле, — сладеньким». Объяснение так и осталось в семье. О запахе театральных кулис, танцзалов и спортклубов мои родные говорят «сладеньким пахнет».

Плие, дегаже, антраша и глисады давались мне куда легче счета и письма! Даже при том, что силы были неравны: день в танцклассе и неделя в школе. В 7 лет я получила первый танцевальный приз у нас в классе и похвальную грамоту в школе.

Маме хотелось сменить квартиру.

Улица Бурдонне напоминала ей о грустном и неприятном!

И мы с папой на большом и маленьком велосипедах колесили по городу в поисках объявлений «сдается квартира». Сняли мы квартиру в доме № 1 на улице де ля Помп, где и жили, когда не сидели в бомбоубежище, не ходили в танцкласс, в школу, не стояли в очереди за продуктами. В этой чудесной квартире и провела я остаток детства и отрочество. Вот это была роскошь! С угольной топкой в кухне! С балконом во всех комнатах, выходящих на площадь Мюзет. И с длинным коридором, где я каталась на самокате, а Мижану, которой было 4 года, с криком бежала сзади.

* * *

По причине войны отдыхать мы ездили в Лувесьенн, в имение бабушки Бардо в 15 км от Парижа. Местность была лесистая. Мы гуляли здесь с Мижану и подружкой Шанталь. На участке росли вековые деревья, зеленел кресс-салат и бил родник, откуда брали мы воду, чтобы сварить обед и помыться, потому что водопровода не было, и в комнатах стояли кувшины и тазики.

А еще имелся крольчатник.

Одни кролики бегали на свободе, другие сидели в клетках. Большие жирные крольчихи рожали крольчат и бросали их умирать. Мама, Мижану и я пытались спасти безволосые розовые комочки, давая им кукольные бутылочки с соской. Но спасти часто не удавалось, и я горько плакала о том, как несправедливо, когда умирают детеныши, брошенные мамой.

Но много и живых крольчат бегало в загоне. Один из них был

совсем черный, и я звала его «Черныш». Он премило складывал лапки, точно молился. С продуктами было плохо, и родители часто кормили нас крольчатиной. Мне казалось подозрительным, что загон пустеет, а тарелки наполняются, но родители божились, что наши кролики убегают на волю, а тех, что едим, покупаем на ферме.

Но вот исчез Черныш. Мама сказала, что он прогрыз дырку в загоне и удрал в лес.

Вечером на ужин подали рагу из кролика. Есть я наотрез отказалась. Я была уверена, что это Черныш, и долго редела, проклиная взрослых за то, что они убивают крольчат, умеющих молиться. Много позже мама призналась мне, что папа, чтобы накормить нас, зарезал-таки Черныша. А ведь мы, ни я, ни мама с папой в тот вечер не могли проглотить ни кусочка. Очень практично! Чудный ручной кролик убит, и рагу из него — насмарку!

С тех пор я не ем крольчатины.

Папу у Шанталь убили на войне. Она этим гордилась, а я ей завидовала. Мой был всего лишь тяжело ранен, притом давно, еще в 14-м году. Правда, он еле-еле выжил, но ведь не умер же! И рядом с Шанталь я чувствовала себя второсортной. Как только мы начинали спорить, она говорила: «Да, но зато у меня папу на войне убили!» И я сдавалась и уважала.

Однажды я пошла к маме и открыла ей душу: какая, говорю, я несчастная, что папу на войне не убили. Шанталь теперь передо мной нос задирает! Мама мягко взяла меня за руки и сказала: «Девочка моя, это счастье твое, что папа жив. Несчастливая — Шанталь. Теперь она наполовину сирота, и мы ей помогаем, а ты-то счастливая, и нос тебе задирать, помни об этом!»

И я помню.

Я смотрела на папу, млея от восторга. Однажды я благородно предложила Шанталь папу поделить: полпапы мне, пол ей, раз у нее убили. В общем, с тех пор Шанталь стала мне почти сестрой.

Папины заводы работали, производили бутылки с кислородом и ацетиленом и осуществляли поставки французам.

Немцам это не нравилось, но когда они заявлялись, то находили только сломанные станки. Не на тех напали. Братья Бардо уже имели с ними дело на первой мировой. В то время они были молоды и воевали геройски. У папы тяжелое ранение, шрам, Крест Почетного Легиона и объявление благодарности в приказе. Андре умер на войне, отравленный газами. Но были живы Пилу, Гастон и Рене, и они вели семейное, частное дело по-граждански,

для сограждан-французов! Можно быть в запасе по форме, а не по сути!

Вся семья Бардо, родом из Лотарингии, ненавидела немцев, но прекрасно говорила по-немецки. И это часто помогало в критических ситуациях.

Одной из многочисленных папиных забот стала выплата денег рабочим в конце месяца. «Выплата» была тяжкий крест для него, мечтателя, поэта, эстета и балагура.

В конце месяца, стало быть, начинался кошмар. К папе не подступишься. Он мрачен, занят только своей счетной линейкой. Вокруг комнаты, где он страдает, ненормальная тишина! Всякий шорох — ошибка в счете, ошибка в счете — бессонная ночь, бессонная ночь — мамин гнев, мамин гнев — наша порка.

Переехав на новую квартиру, я перешла и в другую школу, из Буте да Монвель в Атмер Принье на рю де ля Фезандри. У новой было в моих глазах огромное преимущество: занятия три дня в неделю, остальное время — уроки дома.

Три дня школа — три дня танцы!

Все время занято!

Что толку, что занимали мы хоромы на 6-м этаже. Жили в 3-х комнатах, остальные были необитаемые, ледяные. Папа сновал от подвала до квартиры и переправлял на «грузовых подъемниках», руках, ведра с углем, который топка в кухне пожирала, как обжора. А расходовать уголь надо было экономно, потому что выдавали его помалу. Вот и теснились мы в трех ближних комнатах. Были: детская, папы с мамой и общая комнатка на правах гостиной и столовой. В каждой имелся камин. По воскресеньям, спасибо нашему «ситроену», мы ездили в лес за хворостом. И потом всю неделю сучья в камине горели потрескивая, и от их тепла приятно веяло деревней.

А еще имелась служанка.

Да что служанка! Целая череда! В то время еще не говорили «домработница», а называли вещи своими именами. Служит, значит, служанка!

О служанках я могла бы написать трактат! Я их перевидела всех мастей и возрастов! Сыта была ими по горло! В ту пору прислуга жила на последних этажах домов. В доме на рю де ла Помп служебное помещение располагалось прямо под крышей, летом в нем было очень жарко, зимой очень холодно. В жилой его части водопровода не было, вода и уборная — на лестнице, а в комнате, как в Лувесьенне, на столике кувшин и тазик. Центрального отопления тоже нет. Убогий электрообогреватель. Если включен слишком долго, вылетают пробки. Служанка отвечала за уборку, готовку, в те годы довольно простую, и сопровождение нас с Ми-

жану в школу или на катехизис. А Бабуля отводила меня в танц-класс и после класса приводила к ним с делом домой. Бум, вернувшийся из Шартра, где был демобилизован по старости, выходил из кабинета и помогал мне готовить уроки. Иногда я оставалась ужинать, и Дада подавала рагу из брюквы и топинамбура, приправленное маргарином, и пирог из отрубей с эрзацем какао.

Ничего, есть можно!

Но часами надо было стоять в очередях в магазинах, чтобы приготовить такой ужин. В 3 ночи Дада занимала очередь, а в 5 утра ее сменяла Бабуля, и тогда была надежда, что, стоя 20-й или 25-й, ухватишь те крохи, которые окажутся на прилавке.

А я и не знала о таких трудностях.

Потом близился комендантский час, и надо было успеть добраться до дома. Или же я оставалась на Ренуар и спала на большой деревянной кровати с вишнево-красной атласной, надутой, как мяч, периной. А если, увы, среди ночи нас будила воздушная тревога, Бум относил меня в постель к Бабуле, и, пока они читали «Отче Наш», я продолжала спать, засунув голову под подушку.

Кроме Шанталь, с которой я виделась очень часто, друзей у меня не было. Мама косо смотрела на девчонок из танцкласса, они же — «кухаркины дети»! Стоило мне завести подружку, папа с мамой тут же спрашивали: «А кто у нее родители?» Я не знала. Я не успевала с новой девочкой и двух слов сказать, как меня уводила домой служанка или забирала Бабуля.

Единственным моим товарищем по играм была Мижану.

Однажды родители куда-то ушли. Мы — при служанке. Играл в индейцев. Прячемся под стол. На нем — скатерть, и нам она — укрытие. Служанка — враг. Враг нас не найдет! А враг и не ищет — красит ногти, напевая веселую песенку, и с виду ничуть не кровожаден. Но мы ползком заматаем следы и запугываемся в краях скатерти. Скатерть съезжает, падает, и вместе с ней падает бесценная китайская ваза, которую мама бережет, как зеницу ока. Конец индейцам, вазе и веселой песенке!

Нам — от служанки по две пощечины.

Когда папа с мамой вернулись, мы сидели в кладовке, дрожащие от страха, ибо знали, что наказание будет строгим. Служанку немедленно уволили. Я завидовала ей: легко отделалась! Что до нас с Мижану, мы получили по 20 раз каждая папиным галстуком по заднице. Приговор привел в исполнение папа, побелевший от ярости.

И это было еще не все!

Мама сухо и кратко прочла нам мораль и, не слушая оправданий, решительно приговорила: «С этого момента вы нам не дочери. Вы чужие, и будете, как чужие, с нами на «вы». Запомните

хорошенько, что живете вы не у себя, а у нас! И ничто тут не ваше, и дом не ваш тоже».

Мне было 7 с половиной лет, Мижану — 4 года.

С тех пор я, мучаясь, говорила «вы» самым дорогим для меня людям. И родная семья стала казаться чужой. Тогда-то впервые я узнала одиночество, чувство покинутости, отчаянья, желание умереть. То, что ощущала потом всю свою жизнь.

Много лет спустя, после папиной смерти 5 ноября 1975 года, мама, одинокая и потрясенная, несчастная, попросила меня снова быть с ней на «ты». Я не смогла... Впрочем, я и Богу не смогла «тыкать» после долгих лет «выканья». Я и сегодня говорю «Отче Наш» так же, как в детстве. Господь для меня — не приятель свой в доску.

С того дня я находилась в состоянии вечной вражды с родителями. Я судила их судом суровым. Исподтишка наблюдала за двумя взрослыми людьми, которых звала папой и мамой. Посторонняя — значит имею право осуждать. Бывало, сравню себя с Шанталь и заплачу. Шанталь — свет в окошке для своей мамы Сюзанн. Шанталь то, Шанталь это. И все для Шанталь, любимой-ненаглядной. И игрушки у нее самые дорогие, и живет она дома, и говорит маме «ты».

* * *

Мама, вконец замороженная микробами и болезнями, считала, что уберезет нас, заставив летом и зимой ходить в шерстяном белье.

Каждое утро она сама проверяла, достаточно ли длинны у нас штаны и рубашки. И так приучила, что рубашка — до колен, а штаны — до подмышек, что довела меня до помешательства. И я уже просто жить не могла, если штаны не были мне по шею. И, действительно, заболела, когда резинка в панталонах ослабевала и чертовы портки, съехав, держались, где положено, на своем законном месте: на талии.

Как же все с тех пор изменилось!

Мама ненавидела открытые окна.

Зимой — сэкономила тепло, летом — боялась воров. И в квартире у нас было как в душегубке. Особенно я мучилась летом: служанка закрывала окна и ставни к вечеру, в полседьмого, когда солнце еще жарило. Дома сразу — темно как в могиле. С тех пор у меня аллергия на ставни и окна, на засовы и замки. У мамы к тому же была страсть все запирать. Буфет с вином и ликером на замке. Комод у нее в спальне на замке. Аптечка на замке.

В общем, все на замке!

Вдобавок, ключи она постоянно теряла. Все наше детство — это поиск ключей и перемена замков слесарями. Зато мама, очень рассеянная с ключами, была очень внимательна к тому, как мы убираем постель. Каждое утро приходилось стелить заново все. По сему случаю окно раскрывалось на целых 10 минут. Затем мы «клали каре», то есть складывали одеяло с простыней край в край, как в армии. А папа был единственным компетентным оценщиком. Он, приходя домой обедать, говорил — хорошо или плохо. И, в зависимости от настроения или отношений с мамой, хвалил нас или заставлял все перестилать. Меня до того замучили этой проклятой застилкой, что, если на простыне была хоть складочка, я глаз сомкнуть не могла, вставала среди ночи и разглаживала, и натягивала, чтоб заснуть наконец спокойно.

Занятия катехизисом принесли плоды. Я приняла свое первое причастие 9 мая 1943 года. Я была взволнована, горда, а родители вздохнули с облегчением, решив, что теперь я стану «хорошей девочкой».

Самое большое мое детское разочарование случилось в ноябре 1943 года. Мне недавно исполнилось 9 лет.

Я пришла из танцкласса мадемуазель Бурга домой вместе с Бабулей усталая, но счастливая. Я обожала танцевать. Я будто перерождалась. По французскому и арифметике, как ни бился со мной Бум, я училась хуже всех, а в танцах оживала, была из первых!

Папа ждал меня, он хотел со мной поговорить. Я перепугалась. Почему? Я же так хорошо танцевала... Я уткнулась в Бабулю, но папа крепко взял меня за руку, увел в столовую и закрыл дверь. Что я такого сделала? Помертвев от страха, я заплакала. Но папа успокоил, сказав, что ругать меня он не собирается, а просто хочет задать мне один вопрос.

«Ты еще веришь в Деда Мороза?»

Я так и покатила со смеху. Что за вопрос, конечно верю, еще как верю!

«А почему вы спросили, папа?»

«А потому, душенька, что ты уже большая и должна знать, что его нет. Тебе подружки в классе или Шанталь, наверно, сказали, что подарки покупают родители!»

Я все еще улыбалась, хотя не так весело, недоумевая, что еще за глупые шутки... Я не понимала и понимать не желала... Но понять пришлось! Конец, конечно детство с волшебными сказками, снами, мечтаньями. Я рыдала и рыдала, осознав это. Оплакивала свою наивность, веру и очарованность волшебством. И, пожалуй, не разбей тогда папа во мне чего-то заветного, я бы и сегодня верила в Деда Мороза. Мне, чтобы выжить, необходима сказка!

Мижану, несмышлениш, в Деда Мороза еще верила, традиция на мне не пресеклась.

В любом случае два праздника в доме отмечались обязательно: Рождество и наши дни рождения. Дни всяких там святых и предподобных не помнили.

Но Рождество Христово! Каждый раз ждали его с нетерпением.

Вечером, накануне рождественской службы, мы всей семьей наряжали елку и устраивали ясли. Делали на провансальский манер, с глиняными фигурками, у каждой — своя роль. Помню, был «Раввин», он тарашил на младенца Иисуса глаза и растопыривал руки! А еще — пастушкí с овечками, пекарь с хлебом, то-чильщик, пряха, молочница с горшком молока на голове! Я грезила наяву, глядя на рождественские фигурки, я и сама мечтала быть такой вот фигуркой и жить в царстве красоты и добра. Из толстой упаковочной бумаги мама мастерила пещеру. Зеркальце означало воду, а рисинки — гальку.

Как всамделишное!

С елкой все обстояло сложнее.

Папе не давали покоя: елка стоит то криво, то шатко, то еще как-нибудь. Наконец — хорошо. И мы — вынимать из коробок разноцветные шары с блестками, сияющие гирлянды — звезды и серебряные дожди! Наконец доставали цветные гирлянды-лампочки. Они погорят-погорят, и испортятся. И опять к папе. И папа за отвертку, и весь вечер ходит в электриках!

Я верна обычаю и на каждое Рождество наряжаю елку и делаю ясли с фигурками! И до сих пор с завистью смотрю на глиняных человечков и люблюсь на заветное деревце, которое озаряет волшебством самые бедные, самые суровые жилища!

Рождество — настоящая ежегодная сказка. А сказок в жизни так мало. Упускать их жаль... Кончали мы развешивать игрушки и ставили свои тупли в камин, а не было камина — под елку.

Затем начиналась рождественская служба.

Накануне, в сочельник, мы ничего не ели. Рождество — праздник веры; близилось таинство, и нам было не до еды. Наутро и в туфлях, и даже на полу, лежали свертки. Море свертков! О радость — медленно разворачивать их, стараясь угадать, что внутри. О счастье — видеть восторг, улыбки, благодарные ласки и поцелуи.

Довольны все!

Как правило, к рождественскому обеду папа приглашал двух-трех человек с завода, из цеха или конторы, несемейных. Все дарили друг другу подарки, день был светел, прекрасен и незабываем! Дада и наша служанка готовили вкусный обед. На сладкое —

шоколадный торт с каштанами. Каштаны для торта Дада чистила часами, но делала это с удовольствием, потому что знала, что я обожаю их. Вечером я засыпала без сил, вся в подарках, и уже мечтая о следующем Рождестве.

А Новый год был тяжелой повинностью!

Вся семья собиралась у дяди Гастона и тети Марсель, папиного старшего брата с женой. Приходило нас человек тридцать, и стол выглядел внушительно. Для нас с Мижану это был ежегодный день встречи с двоюродными братьями и сестрами. Красовались мы в платящих с оборками, белых носках и высоких ботинках. При этом так безумно боялись испачкаться, что целый день чинно сидели на стульях и дохли со скуки.

Для наших семей это был повод повидаться, поговорить о том о сем, запасть темой для взаимных пересудов и обменяться подарками и советами, следовать которым никто не собирался. В самый разгар войны каждый приносил к столу свое, потому что небогатому дяде Гастону не под силу было прокормить всю ораву на собственных продуктовых талонах. В день разговения обед сливался с ужином. Рождественское полено я получала как бы в полдник, а послеобеденный кофе взрослые пили чуть не в полночь.

После сладкого нам, детям, разрешалось встать из-за стола. У меня на ляжках была отпечатана плетенка стула... И мы рассаживались в своих выходных нарядах на старинные штофные кресла рококо и глазели друг на дружку, не зная, что сказать и чем заняться.

С тех пор я ненавижу званые обеды и нарядные платья.

Дни рождения тоже праздновались на славу, но в отличие от Рождества на них было много званых, но мало избранных — то есть один-единственный.

Лично я родилась 28 сентября и свой праздник ждала с нетерпением, но и грустью, потому что три дня спустя начинался учебный год, и 1 октября было для меня ненавистным днем! Так что ко дню рождения в подарок я получала, как правило, ранец, тетради, толстые и тонкие, пенал, энциклопедию или школьный фартук. Изредка дарили одеколон или оловянных солдатиков (их я обожала, а к куклам была равнодушна).

Единственным утешением было стать на год старше, значит, приблизиться к взрослым. Не успев задуть свечи на пироге, я с ужасом думала о 1 октября и школе.

В те годы у нас дома случилась повальная эпидемия. Корью, ветрянкой и коклюшем переболели все, даже мама. Заболели — слегли. И Бабуля с сиделкой по очереди несли при нас вахту.

Такая гекатомба ненормальна!

У папы в то время была дивная коллекция африканских «бубу» — резных деревянных, довольно примитивных фигурок. Фигурки изображали членов какого-то племени.

Одна мамина очень суеверная приятельница заявила, что все дело в фигурках и надо избавиться от них немедленно. Папа расстроился. Он самолично привез свои бубу из Африки, где их подарил ему один колдун. Они были уникальны! Что и говорить, без большой охоты снес он их в подвал! Бубу исчезли, мы выздоровели и забыли о них. А они о нас нет!

Однажды подвал затопило.

Папа рвал на себе волосы: пропали бубу!

«Ну тогда, — сказала мама, — надо продать их, и дело с концом».

Мы подправили, подсушили их, и папа отнес их на комиссию в магазин африканского искусства. И мы опять о бубу забыли... А вскоре африканский магазин разорился! И опять мы взяли их назад и забыли о них уже напрочь, даже папа не мог вспомнить, куда их упрятал...

Если услышите, что разорен еще один африканский магазин, скажите мне адрес, я схожу посмотрю, не наши ли там бубу действуют! И это не анекдот. Говорят, они, однажды заговоренные колдуном против кого-то, продолжают приносить несчастье.

С тех пор я терпеть не могу африканское искусство!

Вспоминаю еще одну таинственную историю, которая случилась с маминной подругой, Виолеттой Бенистан. Она продавала недорогие платья у себя дома на улице Боккадор в Париже. Виолетта заметила, что стоит ей войти с покупателями в гостиную, служившую магазином, обязательно что-то случится: или расхотят покупать, или разобьют коллекционную вазу, или денег у них не хватит, или сама она поссорится с мужем, или прислуга уйдет... Наконец, не выдержав, она сняла со стены часы и — стрелки завертелись, как бешеные, посреди гостиной... Она спустилась к консьержке и спросила, чем занят сосед под ними.

— Египтом, мадам!

Виолетта объяснила, что дома у нее творится что-то странное. Тогда консьержка рассказала, что нижний сосед недавно привез ценные вещи из раскопок, а приезд его, выходило, совпал с появлением чертовщины в Виолеттиной гостиной. И женщины решили сходить к соседу на разведку вдвоем, как только тот уедет.

А пока Виолетта заперла злополучную комнату, и однажды вечером хрустальная люстра, висевшая в гостиной 20 лет, упала и разбилась вдребезги.

Чертовщина продолжалась. Наконец настал день — сосед уехал.

Виолетта с консьержкой кинулись к нему, прихватив часы. Стрелки в гостиной у соседа, которая находилась под гостиной Виолетты, снова бешено закружились. В комнате, мрачной, зловещей, стоял саркофаг. Дамы раскрыли его. В нем лежала мумия!

История эта — подлинная правда. Мумия отправилась в естественно-научный музей, Виолеттина гостиная снова стала уютной. Но зловредные флюиды в мире существуют...

С тех пор я и древнеегипетское искусство не выношу.

* * *

Во время войны мама — и для души, и для денег — стала делать шляпы. У нее был вкус, и шляпы выходили очень изящные. Всюду валялись соломки, вуалетки, перья, искусственные цветы! Я изготовляла шляпы куклам и оловянным солдатикам, а мама — подругам. Она сама придумывала фасоны и чуть не до ночи шила и примеряла все на свою прелестную головку.

Со временем шить она перестала, а договаривалась с лучшими модистками и забирала у них на переделку слегка устаревшие образцы. Подправляла, подновляла и — продавала обратно. Потому у нас дома шляпам отвели особую «шляпную» комнату, сразу у входной двери. В шляпной было чудесно! Пахло духами, на болванках красовались букетики с ленточками, капоры, фетровые шляпки а ля Грета Гарбо и свадебные — с подвенечной фатой. Я млела, глядя на них и порой примеряя! Патлатая, в очках, с проволочкой на зубах и дамской шляпкой на голове, выглядела я посмешищем...

Мамиными заказчицами были небогатые светские дамы, ее подруги или подруги подруг. Была, другими словами, беготня туда-сюда, вполне веселая, но ужасно бесившая служанку, которой надоело без конца открывать входную дверь.

В кино мы ходили редко, два-три раза в год. Телевизора еще не существовало, а театр был привилегией важных шишек.

Поэтому вечером устраивался, как правило, именно вечер, хотя порой и долгий. А если родители не шли в гости и не ждали гостей сами, то просто сидели вместе с нами. Закончив уроки, мы могли немного побездельничать перед сном. Папа читал нам сказки про кота на насесте Марсея Эме и рассказы Киплингa. Читал он забавно. На разные голоса, и сам смеялся. На его смех смеялись и мы. Или еще он рассказывал нам сказки о сороке-воровке, которые сам же и сочинял, так что им не было конца. Эти воспоминания мне дороже золота, потому что их у меня очень немного.

Чаще всего мы коротали вечера втроем с Мижану и служан-

кой: ссорились, плакали или тарашились друг на друга, как фарфоровые собачки. Не могу припомнить в своем детстве счастливого времени. Почему? Ведь моя родная семья вполне могла дать все то счастье, какое требуется ребенку.

Конечно, время было военное, скудное. Но мне по малолетству сравнивать было не с чем, и я прекрасно приспособилась. Получала самый минимум питания, не знала ни конфет, ни сладостей, вместо них имела витаминные галеты и литиевые порошки «от доктора Гюстена» — лимонный эрзац с сахарином: паке-тик на стакан воды — восхитительная шипучка!

Разумеется, бомбардировки травмировали. От подспудного страха по ночам я просыпалась в ледяном поту; я дрожала на уроках арифметики или танца. Не зная, что будет дальше, мы тем больше ценили редкие минуты затишья, от сирены до сирены. Этот душ Шарко, может, не опасен взрослым, детям он — противопоказан.

Но самый большой след оставили во мне семейные отношения. Со временем я почувствовала, что отдаляюсь от родителей, что Мижану у них любимей. Последствия родительского предпочтения младшей сестры сказываются до сих пор.

До чего же это было несправедливо!

То и дело мне ставили ее в пример. В школе Любек Мижану — отличница, а я в Атмере — в «двочной тройце» (в классе, кроме меня, были еще две двочницы). А еще Мижану — хорошенькая куколка, хоть и ябеда, и бежит жаловаться на меня по каждому пустяку. А мне — порка. И вечно исполосован зад. Я не раз слышала, как мама говорит подругам: «Слава Богу, есть Мижану. Только от нее и радость. Брижитка — и злая, и некрасивая».

А я смотрелась в зеркало и плакала.

И правда, некрасивая!

Своей внешности я стыдилась. Все отдала бы, чтобы стать, как Мижану, с рыжими, до пояса, волосами и фиалковыми глазами, и быть любимицей папы и мамы. Господи, ну почему у меня волосы тусклые и как палки, и косоглазие, и очки, и зубы выпирают (в детстве сосала палец), и приходится носить проволочку! Проволочка, к счастью, ничего не дала! Зубы у меня так и выпирали, и казалось, что я надула губы — моя знаменитая на весь мир гримаска!

Беспокойство поселилось во мне и постоянно меня точило.

Может, я им неродной ребенок?

Ни на кого не похожа, урод, а в семье все красивые.

Я стала сторониться Мижану, как чумы, совсем замкнулась в себе. Забыться могла только на уроках танцев. Особенно я люби-

ла упражненья у станка, всегда одни и те же — прекрасный разогрев и подготовка к работе «на середине». Прощайте, очки, комплексы, уныние! На скачущие аккорды пианистки я распахивалась, как сезам. Танец делал красивыми и душу, и тело. Мышцы растягивались и расковывались, я становилась гибкой, и стройной, и пластичной, чувствовала ритм и такт и слушалась музыки. От танцев у меня и эта посадка головы, и походка, которые называют «типично моими». Танец же научил меня дисциплине и придал выносливости. Уж их-то, по крайней мере, сестрице моей было у меня не отнять!

В нашем доме на рю де ля Помп был гидравлический лифт. Чисто портшез без верха. Ехать на нем с первого на шестой было долго, но порой мне хотелось, чтобы стало еще дольше, так я боялась возвращаться домой. И часто спрашивала себя, зачем вообще родилась... Зачем живу? Вопрос без ответа, а задавала я себе его постоянно.

Однажды я раскрыла душу Буму. В самый разгар его работы — правки какой-то книги — спросила: «Скажи, Бум, дорогой, зачем я родилась?»

— Чтобы радовать нас с Бабулей.

— Нет, а правда?

— Но это правда, малыш.

— Нет, Бум, скажи, зачем — вообще?»

В моем голосе была непреклонность, но и тревога. У деда, видимо, сжалось сердце, и он со смешком, как всегда, когда хотел уклониться от серьезного разговора, сказал:

— Зачем-зачем, затем, что я в брюках!

Сраженная столь философическим ответом, я тоже засмеялась: нет, с Бумом говорить бесполезно.

Бум был человеком из ряда вон.

Широко образованный, он читал на латыни, увлекался историей и углублял свои географические познания, то есть по выходным путешествовал где-нибудь, не выходя из собственной комнаты. Так, листая атласы, путеводители и энциклопедии, он изучил Мексику, древние цивилизации, пирамиды инков, индейские наречия, мексиканскую кухню, экономику, политику, культуру, сельское хозяйство и т. д. Потом — Японию, Африку, США, другие страны. объездил весь мир, сидя за столом, потому что реально путешествовать было безумно дорого, а главное, из-за войны — невозможно.

Занятия с Бумом и уроки в школе Атмер не давали мне того образования, которого хотели мои родители. Меня перевели в

школу де Ля Тур — там училась и, судя по всему, получала прекрасные знания Шанталь. Итак, конец танцам! Теперь мой досуг — молитвы и молитвы.

Вот это не повезло!

Сплошные монашки! Да, сестрица, нет, сестрица... Не по мне все это. А потом я была новенькой. За моей спиной перешептывались — хуже этого в монастырской школе нет. Я сидела в Ля Тур на задней парте и получала колы, зато научилась врать и притворяться. Полагалось ходить с опущенными глазами, то и дело преклонять колени, носить в кармане четки, исповедоваться по утрам, ябедничать на подруг, доносить про все, что видишь и знаешь.

Словом, ужас.

Хорошим тоном считалось ходить в башмаках на деревянной подошве. А у меня туфли были все еще на коже, и мне объявили бойкот. Напрасно я ходила, топая изо всех сил. Звали меня «барышней на коже». Стыд и срам. Вдобавок, мою Шанталь сестрицы любили, и она отреклась от меня, чтобы в любимицах остаться.

А мне-то, чьей любимицей быть мне?

К счастью, я свалилась с воспалением легких и тем сократила себе учебно-монастырский курс. Правда, пришлось остаться на второй год в 7-м классе, зато я вернулась в родную школу Атмер и в любимый танцкласс.

После воспаления легких я очень ослабела, к тому же и настоящих каникул у меня не было давным-давно. Родители решили отправить меня к Шанталь. У ее матери была крошечная ферма в окружении яблонь в Нормандии, в Мениль-Жильбер, близ Безю-Сент-Элуа. На тот момент дела в стране обстояли так, что отдыхать приходилось в самых невероятных местах. Мать у Шанталь была женщиной суровой и злой. Вечно в трауре, помешана на принципах, редко улыбается и без конца молится. Она обожала свою дочь, всех остальных детей считая выродками. В то время, как, в общем, и теперь, я безумно нуждалась в ласке. От костлявого лица Сюзанны меня слегка воротило. Вся Сюзаннина нежность доставалась дочери, а я, как сейчас помню, часто засыпала, плача под одеялом и мечтая о материнском поцелуе. Однако в свободное от слез время я веселилась!

При помощи бутылочных пробок и проволоки мы с Шанталь изготавливали дамские туфли, по тогдашней моде — на сплошной подошве. Сделаем — и взгромоздимся на пробочные платформы, и прохаживаемся горделиво, как индюки. Наконец Шанталь — этого следовало ожидать — вывихнула ногу.

Пробки отправились в шкаф, Шанталь — в постель!

Когда она выздоровела, появился велосипед и прогулки на колесах по деревенскому простору, который я открыла с восхищением. Еще у нас имелись качели, вещь редкая, в Лувесьенне их не было. Качели да еще бассейн — вот, казалось тогда, верх счастья, несбыточная мечта! Но большую часть времени отнимали у нас домашние задания на лето. Хуже того, ежедневно добрую четверть часа нам втирали «Мари-Роз», ароматизированное средство от блох. Как у всех школьников, блохи у нас водились, и Сюзанна упорно на них охотилась.

С тех пор я против любой охоты!

Вскоре я стала так скучать по родителям, что потеряла аппетит. Видя это, Сюзанна позвонила папе, чтобы он приехал и забрал меня. Приедет — 6 июня! Осталось потерпеть всего-то три дня!.. Минуты шли, аппетит возвращался.

Папа должен был прибыть на вокзал в Этрепаньи, откуда пригородным автобусом добраться за город до местной дороги. Я, сгорая от нетерпения, умолила Сюзанну выйти пораньше. И вот мы втроем сидим, жаримся на солнце у обочины, на откосе... Время автобуса прошло, мы ждем и ждем... Час, другой... Нет автобуса. Я реву, Сюзанна удивляется. Автобус ходит без опозданий, а тут три часа его нет...

Убитые неудачей и жарой, мы все еще ждем, и вдруг... черная точка в конце дороги. Что-то движется к нам, пешком... В жарынь, такую, что плавится асфальт, по самому солнцепеку мог идти только папа! Я со всех ног кинулась навстречу!

Он был совсем без сил, пройдя 20 км пешком, потому что не оказалось ни автобуса, ни машин, ни даже телефона! Не оказалось ничего!.. Только что высадились Союзники! Папа, капитан 155-го артполка, вспомнил привычку подолгу шагать с рюкзаком... Он уселся рядом и рассказал нам о высадке, то есть о том, что успел узнать в Париже.

Мы смотрели на него во все глаза.

Мы-то знать ни о чем не знали и весь день с утра только и слышали, что пенье птиц да шорох листьев. А в это время где-то рядом происходили такие события! У Сюзанны папа помылся, поел наскоро и тут же собрался со мной обратно. Безумие, конечно, но он обещал маме вернуться в тот же вечер и не хотел, чтобы она беспокоилась. Телефонная связь была прервана, предупредить ее он не мог. Оставалось пройти в обратном направлении 20 км, днем уже пройденные папой. Вечером из Этрепаньи отходил поезд, на него следовало успеть! Лет мне было 9 с половиной, и так долго топать пешком я бы не отважилась. Папа посадил меня к себе на спину. Оттуда я любовалась пейзажем. Папа шагал быстро и ровно. Покачивание убаюкивало. Я заснула, положив голову папе на макушку и обвинив его шею обеими руками.

Как волнующе воспоминание об этом путешествии на спине у папы!

Когда отец состарился, ослаб, утратил твердость походки, я снова и снова с волнением думала, что этот человек пронес меня, уже вполне большую, на спине 20 километров по жаре! Будь ты проклята, старость, если отнимаешь столько силы и крепости! Прибыли мы в тот день, верней, в ту ночь, в Париж, если не ошибаюсь, за полночь, около двух. И опять я проехала у папы на спине остаток пути от вокзала Сен-Лазар до дома по тихому, пустому Парижу, и папины шаги гулко звучали по мостовой.

Самый длинный день связан у меня именно с ходьбой обессиленного, измученного человека, который несет домой свое дитя, а поблизости решается судьба Франции, гремят снаряды, умирают люди, горит земля. И у меня одна любовь на свете — к тому, кто наперекор стихиям уносит меня к теплу домашнего очага.

Шли последние бои. Война кончалась.

Агония была ужасной.

Мы на время укрылись у Бума с Бабулей. Сюзан с Шанталь удалось добраться до нас. Квартира на улице Ренуар, прежде изящная, шикарная, превратилась в большую ночлежку. Все у всех стало общим. Ни света, ни газа. Случалось, отключали воду. Но мама чувствовала себя в безопасности в таком солидном каменном доме. Особенно на первом этаже — никакого риска. Не то что современные башни из трухи!

Но прожили мы там дни не из легких. Бомбили нас без передышки, и в подвал ходить не имело смысла: все равно не успели бы добежать. Родители повесили матрасы на окна от осколков и случайных пуль. Папа принес с завода ацетиленовые лампы. Они светили мертвенно-бледно, источая едкий неприятный запах. В шкафу были остатки неразбавленного спирта. Он шел на разогрев воды — основы нашего питания. На воде варилась крупа или чечевица с жучками.

От продуктовых карточек толку уже не было. Выходить стало опасно, да и потом в магазинах шаром покати, к тому ж закрыты.

Единственным нашим с Шанталь и Мижану развлечением было смотреть в окно в минуты затишья. На улице светило солнце и бежали редкие прохожие, спеша, наверно, домой, в укрытие. В комнатах у нас было мрачно, на окнах висели толстые шторы, свет почти не проникал. А дом напротив стоял прекрасный, высокий, современный, сияющий, с пустым бассейном во дворе. Дом завораживал меня. Бабуля тоже была любопытна и заметила одного жирного типа — он подъезжал к дому на роскошной машине. Мы прозвали его «свинопродавцем», решив, что

разжирел он на спекуляциях. Так оно и было, скорее всего. Мы стерегли его, прижавшись носом к стеклу.

Потом пошла пальба по крышам Парижа, наша артиллерия смело и решительно гнала немца. Тапомпон и Жан, кстати, одни из первых вошли в город с дивизионом Леклера. Но Булонь-сюр-Сен — сплошь руины, заводы Ситроен и Рено под огнем и немцев, и союзников.

Обессиленные, но упорные, люди ценой жизни еще боролись за родину, столицу, свободу. У нас дома шальная пуля разбила хрустальную подвеску на люстре в комнате, где мы пережидали стрельбу!.. Всюду — смерть... И мы в ее тисках. А в душе у нас искра надежды, безумной, страстной, вот-вот возгорится.

В августе 1944 года Париж был наконец освобожден!

Флаги вынули из нафталина и вывесили на окнах. Мы разгуливали по улицам с бумажными трехцветными флажками, а американские солдаты дарили нам жвачку, шоколад, поцелуи. Жвачка шла на подметки куклам, шоколад мне самой, поцелуи — к черту.

Было время всеобщей эйфории.

Конец бомбардировкам и комендантскому часу, можно наконец пойти в Булонский лес, нагуливать красные щечки, как говаривала няня. Наконец я узнала, что такое белый хлеб, и молоко досыта, и сливки, и хорошее настроение у взрослых, и смех, и игры на воздухе.

1 октября с карманами, набитыми жевательной резинкой, я снова пошла в школу Атмер. Ненавидя и уроки и жвачку, я заключила сделку с соседкой по парте: она переписывает мне задания в тетрадь за жвачку. Счастье длилось три дня! На четвертый учительница заметила, что у нас с соседкой в тетрадях один черк, и устроила нагоняй.

И осталась я при жвачке и при позоре. И вернулась в «двочную тройцу».

* * *

Примерно в это время родители наняли гувернантку. Ей поручалось завершить наше образование. Я со страхом ждала появления сей дамы. Оккупантша какая-то. И слушайся ее, и пикнуть не смей. Не успели вздохнуть свободно, как теперь, в 10 лет, новая тюрьма!

И появилась мадам Легран, высокая, внушительная, во вдвоем трауре. Говорила она с нами на французском вперемежку с английским. Раньше она жила при виконтессе де Лестранж компаньонкой и с тех пор привыкла блюсти обычаи. Боялась я ее

очень, но она оказалась так добра и благородна, что в конце концов меня приручила!

За высокий рост и английский язык я прозвала мадам Легран, с ее собственного разрешения, «Биг». Биг, которую со временем я переделала в Бигу, потом в Бигуди, была женщиной удивительной, уравновешенной и справедливой, она умела мирить детей с родителями, и самих родителей, и самих детей. Шли годы, а я все сильнее к ней привязывалась. Меня она считала дочкой, называла «своей душечкой».

Я ее любила и не оставляла до самой смерти.

III

Наше жилье на улице де ля Помп не было мирным гнездышком. Огромная квартира с длинным коридором, коридор ведет в четыре больших комнаты, ванную, кухню, кладовку. Из прихожей вход в гостиные — большую и поменьше, в столовую и «шляпную».

Папа с мамой по натуре нервны, нетерпеливы, стремительны. Атмосфера в доме всегда наэлектризована. Мама злится на гувернантку, гувернантка на служанку, служанка на нас с Мижану, а мы с Мижану льем слезы. Родительские семейные ссоры приводили меня в детские годы в ужас. Ей-богу, лучше не ссориться на глазах у детей.

Папу с мамой нельзя назвать образцовой семейной парой. В их отношениях были привязанность, нежность, понимание, но судя по раздельным спальням, вряд ли — великая любовь!

Как часто мы бывали напуганы, глядя, как папа ходил со злым лицом и хлопал дверьми! И как часто держались за руки под столом, за обедом в полной тишине — лишь жеванье да стук вилок о тарелки.

Это было затишье перед бурей.

Папа опрокидывал стул и швырял на пол салфетку, мама всхлипывала над стаканом, оба вскакивали и, хлопнув дверью, забирались в папиной комнате. И вот оттуда, слышим, выкрики, вопли, рыдания, мольбы. Мы за столом, друг против друга. Мы оцепенели, мы перепуганы насмерть, как брошенные щенки, мы слушаем во все уши, что там, в соседней комнате.

Подобные сцены повторялись то и дело. Иногда среди ночи нас внезапно будили крики, топот и — опять хлопанье дверей.

Мижану так пугалась, что забиралась в мою постель, прижималась ко мне и просила поклясться, что, если папа с мамой нас бросят, я, ее сестра, останусь с ней навечно. Я клялась, и сестренка, успокоенная, засыпала у меня на плече, а я лежала с от-

крытыми глазами, дрожа и прислушиваясь, перед тем, как заснуть.

Однажды ссора, по-видимому, была столь ужасной, что папа собрал чемодан, чтобы уйти от мамы «навсегда». Мама зарыдала, закричала, бросилась на колени перед Биг и перед нами. Мы стояли онемев. В конце драматического «3-го акта» папа выскочил на балкон, решив покончить с собой.

Жили мы на шестом этаже. До сих пор вижу, как папа завис над решеткой, лишь одной ногой стоя на твердом, и мама с перекошенным лицом вцепилась в эту ногу, силясь перетянуть к себе папино туловище, чтобы удержать его. Вопли родителей, плач наш с Мижану, причитания Биг — все как в мелодраме, постановленному на смех. Папа, слава Богу, снова обрел разум и равновесие. Мама упала в долгий обморок, да и мы были к тому близки.

Рана у меня в сердце не зажила до сих пор. Я не выношу ни криков, ни ссор, ни семейных сцен. И если, случается, окажусь в подобной ситуации — поворачиваюсь и ухожу.

К счастью, Биг была рядом, склеивая разбитые сердца, миря, утешая, успокаивая.

В антрактах между сценами родители относились друг к другу бесконечно нежно. Они были, когда не ссорились, прекрасной парой. Любили веселье, серьезные разговоры, игры, друзей. Долгие годы не имея возможности приглашать к себе в гости, теперь они стали наверстывать упущенное. Обожали устраивать званый ужин на отдельных столиках. На этот день была задействована вся семейная прислуга. Дада, двое наших слуг — муж с женой, повар, нанятый на вечер, иногда кухарка родителей друзей — все в деле. Консьержка на входе как гардеробщица. Я обожала приготовительную часть. Вынимали столовое серебро и парадный сервиз.

Нам с Мижану поручалось перетереть посуду, вытереть пыль, освободить место от лишних вещей и достать из бельевого шкафа салфетки. Приятная суматоха, как за кулисами. Обыкновенно мама накроет десяток карточных столиков, по четыре прибора на столик. Загадки-шарады указывают, кому куда сесть. Мужья с женами оказывались порознь, и родители мои, я слышала, смеялись, усадив рядом — несочетаемых месье N и мадам NN.

В эти дни нас с Мижану укладывали спать рано, едва мы вылижем кастрюли из-под шоколада и выслушаем пожелания не путаться под ногами и не торчать на кухне. И я тосковала, чувствуя себя обманутой! Ведь старалась, помогала! Хоть одним глазком взглянуть, как красивые тети и дяди пробуют то, что так старательно и долго готовилось, как смакуют пирог. Мама обещала: если что останется, завтра съедем мы. Но после гостей и прислуги не оставалось ни крошки.

А мама в эти дни была так занята, что забывала зайти поцеловать нас на ночь. Помню — смех, звон бокалов, шаги, и я не сплю, а пытаюсь по этим звукам представить, что сейчас происходит в гостиной. Порой расхрабрюсь и высуну нос в приоткрытую дверь. Вижу: ярко освещенный коридор, и только. Тогда я на цыпочках в прихожую: шубы, шали, норковые пелерины! Зароюсь во все это мягкое, благоуханное и мечтаю, что я тоже взрослая и ужинаю вместе со всеми!

Если гостей не было и сами родители никуда не шли, мы все вместе молились. Молитва — это свято! Да и Биг, чей единственный сын Ги учился в духовной семинарии, поддерживала в нас религиозное рвение.

И вот мы у наших кроваток вчетвером на коленях, устремив глаза на Распятие, просим Господа простить «согрешения наши». Папа серьезен, мама сосредоточена, мы с Мижану бдительны, дабы не запнуться в «Отче Наш» и «Богородице Дево». Затем по два крепких поцелуя нам в щеку, свет погашен, жизнь переходит в соседние комнаты. А мы с Мижану — шептаться, пока она не заснет. А заснет — шепчу одна, потому что не умею засыпать быстро.

Не помню, чтобы мама готовила, делала мне котлетки или пирожки! Мама на дух не выносила «стряпни». Всякая там жарка-парка, говорила она, — занятие для «женушек».

Мама была очень красива. Прекрасные руки, маникюр. Любила все, что могло подчеркнуть красоту. Правда, изредка, когда Биг была выходной, мы все-таки получали по куску ветчины или холодное жаркое с салатом. Плакать я не плакала, но хотелось и мне, как всем детям, съесть что-нибудь вкусненькое, мамочкино! И я, чтоб утешиться, стала готовить сама! Теперь, могу похвастаться, я неплохая стряпуха и очень люблю помучиться ради тех, кого кормлю. При этом я тоже слежу за собой и делаю маникюр, зато могу обойтись без помощников. Я и вообще всегда старалась научиться как можно большему, чтобы меньше зависеть от других.

Не забуду, как Жорж Бом сказал, когда я только еще училась стряпать: «Подгорелое блюдо любящей хозяйки лучше, чем ресторанный деликатес».

* * *

Бабуся Бардо покинула наконец свой дом, под Каннами, в котором пересидела почти всю войну, и приехала с Полин, своей усатой кухаркой, в Париж. Поселилась она на рю де ла Помп, в доме № 1 на 5-м этаже, то есть прямо под нами: папа случайно

обнаружил, что нижняя квартира сдается. Дедушка Бардо умер от старости несколько лет назад. Бабушка была уже давно парализована, переезжать ей было сложно. Вдобавок, она не желала расставаться с вещами — мебелью, безделушками, буфетами, обеденным, огромным, как бильярдный, столом, собственной кроватью — машиной из темного дерева, книгами, часами, коробочками и т. д. и т. п.

Квартира была большой, и бабушка предложила дяде Рене, младшему папиному брату, жить у нее, когда он с дочерьми, моими двоюродными сестрами, приедет в Париж.

И получила я почти одновременно и ласку бабушки, которой почти не знала, и дружбу кузин, которых не знала вообще. Мадлен, Мартин, Франс и Даниэль скоро стали необходимыми участниками наших с Мижану игр. Было очень удобно: все в одном доме! Как только сможем — за дверь и к ним, играть до потери сознания в прятки при бабушке, снисходительной и занятой паянсом.

«Нижние девочки» были нашим светом в окошке все время, пока жили в Париже. То подшутим над бабушкой, то нагреем в кухню за Полининым пирогом, то ищем хитрую Сью в креслах под чехлами. Шкаф — укрытие, штора — ширма, скатанный ковер — туннель, прячась на здоровье. Мама у «нижних девочек» не было. Жена дяди Рене умерла от туберкулеза. Мы с Мижану жалели их, не представляя, как можно жить без мамы.

В тот год Жан Маршалль женился. Тапомпон была очень горда: женой его стала необыкновенная черноволосая красавица Жанн Трио, по прозвищу Тату, большая кокетка, не принесшая, увы, Жану счастья.

Пожились они в Ла Рошели.

Их свадьба — прекраснейшее воспоминание. Мы с Мижану — подружки невесты. Новобрачные хороши, и Ла Рошель тоже, и день, и... Бернар. Ах, Бернар... брат невесты! 17-летний атлет, блондин, французский скаут, в которого я влюбилась!

Впервые в жизни у меня забило сердце. Пылают щеки, и в душе смущенье, смятенье, не знаю, что. Я уже не носила ни очков, ни зубной проволоочки. Слегка завитая и, ей-ей, почти хорошенькая... Вдобавок, уже обозначилась грудь, чем я очень гордилась.

Всю ночь, Бернар, видела тебя во сне. Весь день — наяву... Ничего больше не слышала... Думала только о тебе. Курам на смех. А ты не заметил, ты был так мил, только жаль, не поцеловал меня! Но взял меня за руку, и я чуть не хлопнулась в обморок от счастья! Ты был моей первой любовью в год моего первого

причастия. И любовь эта длилась долго-долго после того, как я вернулась в Париж, черт возьми!

В последующие недели я находилась неотлучно при молодоженах. Тату мне напоминала своего брата — тебя, Бернар! Когда я говорила ей, что хочу выйти за тебя замуж, она только улыбалась.

До замужества, однако, меня ожидала другая церемония — причастие. Каждому овощу свое время! Мама отправила меня на выучку к Сестрам Провидения на рю де ля Помп. Я уходила из дома ни свет ни заря, проводила у них день и возвращалась вечером, пропитанная ладаном и елеем!

У Сестер нам вменялось молиться с 8 утра до 6 вечера. Святое причастие мы должны принять чистыми. Одно, личное, я уже приняла, когда мне было 8 лет. И теперь не понимала, что во мне появилось такого нечистого, кроме любви к Бернару, однако эту повинность Христу несла.

В торжественном причащении нравился мне не сам обряд, а наряд, и еще подарки. Я жаждала надеть восхитительное белое тюлевое платье, в котором причащались и мама, и Бабуля, и Тапомпон. Ему было уже лет сто. Мама вынула его из коробки, где пролежало оно 22 года. Кружева, слегка пожелтевшие, сборочки, как у монахини (специальный фасон!), а еще чудный круглый кошелечек для милостыни, а еще чепчик в кружевных гофрированных оборках и прошивках, а еще вуаль, примятая, но прекрасная!

Как я жалела, что нельзя поймать разом двух зайцев — принять причастие и обвенчаться с Бернаром! Ладно, делать нечего.

Я шла, опустив глаза на молитвенник в костяной обложке. Рядом Биг и родители. Мижану чуть сзади. И я чувствовала свое превосходство, хоть раз в жизни, причем превосходство значительное! Только напрасно. Сестренка считала, что платье у меня немодное, что я в нем как ряженая на карнавале. Поняла я это позже, когда она отказалась от нашего фамильного платья и надела стихарь — белую суконную робу — и вуаль, как у нянечки: наряд в современном вкусе!.. На службе мне было не по себе. Нервы напряжены, в животе пусто, волнение, запах ладана. Наконец, все позади, и дома меня ждет роскошный завтрак.

Остаток дня — сплошной праздник.

Официанты с подносами сладостей и шипучки сновали между гостей. На столике были разложены подарки с визитками щедрых дарителей. Подарили: дюжину четок всех цветов; шесть молитвенников в пышном переплете; одно «Подражание Иисусу Христу»; три набора автоматических карандашей в красивых футлярах; одно распятие из слоновой кости и черного дерева; одну картин-

ку с Распятием; две золотых медали с датой моего причастия на обратной стороне; одну фарфоровую кропильницу; один дорожный будильничек... и... «трех енотов», как сказал бы Превер.

Когда гости разошлись, дом был похож на пейзаж после битвы. И я вдруг почувствовала одиночество, тоску и усталость в конце дня столь долгожданного!

Сейчас сниму дивное платье навеки!

Я заплакала... Мама встревожилась и велела мне ложиться спать. Я упростила ее позволить мне еще разок пройтись в платье по улице под руку с Дада. Мама улыбнулась и позволила. А на улице было еще тепло, солнечно! Я медленно шагала с Дада, желая во что бы то ни стало явить миру то, что вот-вот уйдет навсегда. Я была и гордой, и грустной. Дада думала, что у меня температура или болит живот. А я в свою очередь размышляла о том, как ненадежен и мимолетен блеск нарядов.

* * *

У меня, в общем, не было каникул нигде, кроме как в Лувесьенне. Красивое имение площадью с гектар, высокими, вековыми каштанами принадлежало наполовину бабушке, а наполовину тете Мими. На тетиной половине оказался дом и службы — конюшни, сарай, флигели, на бабушкиной — ничего. И бабушка выписала из Норвегии сборный домик, что по тем временам считалось причудой!

Домик, прелестный, целиком деревянный, в меру с завитушками и финтифлюшками, был всем хорош для моей матери. Только два минуса: отсутствие удобств и присутствие свекрови.

Бабушка, под конец жизни парализованная и глухая, как пень, помыкала всем и вся из своего кресла. Ничего не слышала, зато все видела. Пересчитывала полотенца, ложки-вилки, даже куски сахара в сахарнице. После обеда сама раздавала фрукты, начиная с тех, что «с бочками». Потому ели мы вечно гнилье и каждый — свою долю! Четвертушка абрикоса, персика, сливы и груши и составляли «долю». И никаких добавок! Раздаст — и до свиданья, в буфет остальное, а ключ в бездонный карман широкой юбки...

А мы так и едим гнилье до тошноты.

Хотя мама терпеть не могла Лувесьенн, все же, пока бабушка была жива, мы ездили туда довольно часто. Лучшие мои детские воспоминания — именно там. Семейная мебель, мрачная, пышная, но удобная, сад на старинный манер, с цветниками, бордюриками, дорожками, родником, где рос кресс-салат, низкие ветви дуплистых деревьев, соседство кузенов и кузин. Как я любила этот дом и как рада, что Мижану в нем живет до сих пор, хоть и продала она всю мебель, и выбросила с чердака всю памятную

рухлядь, и дом теперь похож на финскую баню, а сад зарос соньяками.

Она на свой лад продолжает семейную традицию...

Именно в Лувесьенне, когда мне было 12 лет, у меня появился первый настоящий кавалер! Друзья родителей жили в одном с нами доме. У них был сын Ги, на три года старше меня. Ги с сестрой Дениз ненадолго приехали погостить к нам в Лувесьенн, пока их родители вместе с нашими куда-то укатили. Нас, весь наш выводок, поручили матери Шанталь.

Ги был некрасив — долговязый, худой, костлявый, чернявый, волосы ежиком, рот, как щель в копилке, в общем: уродина!

Но был он какой-никакой, а юноша, и это поднимало его в наших с Шанталь глазах, ведь, принадлежа к противоположному полу, он мог на сей счет просветить нас... Сюзанн не следила за нами так уж неотступно, и, играя в «полицейского и вора», мы легко укрывались в саду за деревьями. Там-то я и наскочила на Ги и Шанталь. Они целовались в губы, и я впервые в жизни устроила сцену ревности. Они стояли красные от стыда, а я кричала, что все расскажу ее матери, если она не уступит мне место, чтобы я тоже попробовала.

Сказано — сделано. Умирая от страха, в ужасе от того, что вот-вот случится, я крепко закрыла глаза и рот, и жду... Он поцеловал мои сжатые губы, и я загадала, как всегда, когда делала что-то впервые: чтобы однажды меня поцеловал не такой урод.

Остаток каникул мы с Шанталь по очереди целовались с нашим горе-Дон Жуаном, непременно зажмурив глаза и сжав губы.

А потом обе шли исповедаться и, прощенные, мечтали о новых поцелуях.

В том же году мне повезло: я прошла по конкурсу и поступила в балетную школу. Поступавших было 150 человек. Отобрали 10, меня в том числе.

Но нелегко мне в тот год пришлось!

Два часа танцев ежедневно плюс 4-й класс в школе Атмер. С мадемуазель Шварц, моим педагогом по танцу, были шутки плохи! Пропустив более двух раз занятия без справки от врача, ты — исключена!

Я не привыкла к такой дисциплине. Пришлось привыкать. Моя гувернантка Биг сидела на каждом уроке. Она вязала или дремала, пока я билась над антраша или стирала в кровь ноги, снова и снова повторяя что-то трудное. Когда мы уходили с занятий, она так проникалась моей усталостью, что шла со мной в

первое же быстро и брала мне лимонад, заодно помогая и выпить его.

Биг ходила со мной и в школу Атмер, три раза в неделю, явить учителям мои успехи в домашних занятиях. Мадам Берже, учительница математики, нагоняла на меня страх. Считать я всегда могла только на пальцах. А пространственная геометрия и алгебра были для меня китайской грамотой. Когда я публично страдала у доски на смех всему классу, Биг тайком страдала за меня.

Мсье Кервель, учитель латыни, ставя мне пятерки за переводы, которые делал Бум, изумлялся моей немоте на уроках и считал, что я просто застенчива! И Биг смеялась, уткнувшись в вязанье, она-то знала, в чем дело... Никакого отдыха у меня не было. От станка к $a+b$ в квадрате, от $a + b$ в квадрате к «партибус фактис сик локутус эст лео». Вот, пожалуй, и все, что я помню после шести лет зубрежки латыни и алгебры.

Однажды Биг сказала маме, что ходит со мной погулять, потому что я плохо выгляжу, перезанималась и должна побыть на воздухе! А на самом деле — вот так сюрприз, спасибо, Биг, дорогая! — отправились мы в кино! Так один-единственный раз ходила я в кино, с ней, тайно, и этот поход не забуду никогда. Смотрели мы «Фелиси Нантей» с Мишлин Прель и Клодом Дофеном. Чудесный фильм, чудесный поход! История любви, видимо, ускорила мое кровообращенье, потому что, когда мы вернулись, мама сказала, что выгляжу я намного лучше!

Хорошо ли, плохо ли, танцую и зубря, я дожила до июня и, значит, до экзаменов в балетной школе! Экзамены проходили на сцене Опера Комик, состав экзаменационной комиссии — впечатляющ! Председатель — Леандр Вайя, балетный критик. Я помирала со страху, но, благодаря усиленным упражнениям в течение всего года, ноги не дрожали. Надеялась я, что заслужила награды, пусть малой. Помню, танцевала на экзамене хорошо. Мама, сидевшая тут же и судившая строго, могла гордиться! Она — мой первый и самый строгий критик. И вот, в ожидании результатов, я, с ней рядом, сгораю от нетерпения.

Торжественно объявили вторые места — то, на что я надеялась... Моей фамилии нет. Я в отчаянии. Это несправедливо! И я зарыдала на плече у мамы, когда стали объявлять первые.

Боже, о чудо! Я слышу свою фамилию и прыгаю, прыгаю от радости, на сцене, как мячик, еще плача и уже смеясь и гордясь безумно! Вместе со мной «первой» была Кристьян Минацолли, впоследствии знаменитая театральная актриса.

После столь успешного учебного года папа с мамой решили повезти нас на каникулы в Межев. С нами поехали и Шанталь, и Бум с Бабулей, и Дада. Сняли прекрасную квартиру с окнами на

Монблан. Чтобы премировать меня, а заодно научить всех плавать, мама записала нас с Мижану и Шанталь в бассейн отеля Резиданс — самой шикарной межевской гостиницы! Знай наших.

Бассейн потрясающий! Учиться плавать страшновато, но тренер так хорош собой! Зовут Курт Викс, на вид — картинка! И тут же целая ватага парней и девчонок, красивых, как на подбор. Им от 16 до 20 лет. Смотрю на них во все глаза. У девочек бикини и длинные светлые волосы. И я слегка стыжусь своего шерстяного полосатого матросского купальника...

А вечером мы с Шанталь лежим на диванах в гостиной, отделенной от столовой тонкой занавеской. В столовой мама с Бабулей, вот их китайские тени. Шепотом обсуждаем наш первый чудный день. Тихонько смеемся по пустякам. Нам так хорошо!

Мама услышала, рассердилась. Почему не спите, нечего разговаривать в постели. И потом, что за смех? Что смешного? Мы с Шанталь молчим. Мы и сами уже забыли, почему смеялись. Боясь ляпнуть что-нибудь. А мама недовольна. Решила, что смеяться над ней и что затеяла все — я. В наказание — рвет мой месячный абонемент в бассейн!.. Я рыдала всю ночь. До сих пор не пойму, что заставило ее так поступить со мной!

На другой день и потом, пока Шанталь и Мижану плавали в бассейне, я томила одна на балконе, созерцая Монблан и проклиная взрослых.

Неделю спустя Мижану невольно избавила меня от наказания. Она заболела брюшным тифом. Состояние ее было тяжелым, и мама, боясь, что мы заразимся, отправила нас с Шанталь к знакомым, жившим в гостинице и проводившим целые дни в бассейне.

Мижану цеплялась за жизнь и с каждым днем теряла силы, а я цеплялась за бортик бассейна, учась плавать. К концу каникул Мижану выжила, хотя была крайне слаба, а мы с Шанталь учились плавать брассом.

* * *

Бабуся умерла весной.

Полин сообщила нам, что с бабушкой очень плохо, и мы всей семьей поехали в местечко близ Канн департамента Альп-Маритим, где у бабушки был дом. Дом называли «Вишенкой», так как окна и входная дверь были украшены керамическими вишнями, а в саду росли вишневые деревья.

Я расстроилась, потому что очень любила бабушку Бардо, научившую меня стольким вещам! Старушка, несмотря на свои 86 лет и паралич, еще могла перемещаться с помощью двух палок и кресла на колесах. Когда мы приехали, она лежала на своей боль-

шой дубовой кровати, утопая в подушках. Ее благородное лицо, прежде розовое, теперь стало мертвенно-белым.

Всю ночь была суматоха, я слышала: топот на лестнице, звяканье тазиков, бульканье выливаемой воды, беготня на кухню. Выйти я не решалась, потому что никто не звал. Но все равно не спала, смутно чувствуя, что происходит что-то непоправимое.

Назавтра в доме стало странно тихо. У папы было перекошено от горя лицо, у Полин с усов свисали слезы, мама казалась подавленной: бабушка умерла! Впервые я видела смерть. Меня ужаснула неподвижность того, что было бабушкой.

Вспомнила я, как шутили мы над ней, как воровали конфеты из ее бездонного кармана, как она с улыбкой грозила нам набалдашником палки. Не играть нам больше с ней в дурачка, не разгадывать головоломки и ей не жульничать из страха, что проиграет!

С бабушкой умерла частица меня самой.

Я и теперь отказываюсь верить в смерть, не могу смириться с ней, непонятной и неизбежной. Она парализует меня, страшит беспредельно. Я всем сердцем люблю жизнь, а смерть не понимаю и не принимаю.

После бабушки я, к несчастью, потеряла еще многих дорогих мне людей. И всегда появлялись эти муки бессилия, вопрос без ответа и внезапное желание уверовать в тот свет, чтобы утешиться на этом, когда существо из плоти и крови превращается в неодушевленную вещь и уходит в небытие. Отсюда мое неприятие охоты, войны, бессмысленного убийства людей и животных; смертной казни, бойни, вивисекции и прочей бесчеловечности, придуманной человеком. Вот то, против чего протестую изо всех сил.

После бабушкиной смерти папа унаследовал дом в Лувесьене, и мама решила обустроить его.

Семейные портреты были сосланы на чердак, мрачную мебель продали, ну а мраморные умывальные столики с расписными кувшинами и мисками пошли монахиням, потому что никто не захотел ни купить их, ни взять даром. Туда же отправились и лампы с шитым жемчугом абажуром, бронзовые статуэтки и прочие безделушки, которые сегодня стоят бешеные деньги. Повезло же святым сестрам, если, конечно, хватило у них ума сохранить их на чердаке... Все это заменили на раковины, души, светлую живопись на стенах, легкие кресла и мягкий штоф.

Стали устраивать выезды за город, и дом повеселел. На природу отправлялись каждые выходные. Набивались все — Бум, Бабуля, Дада, папа, мама и мы с Мижану, — в старый «ситроен».

У всех на коленях корзины со снедью, приготовленной Дада. Целая экспедиция.

А приедем — пойдет потеха! Каждый делал, что хотел. Бум, патриарх, выносил свое плетеное кресло, усаживался поудобней на свежем воздухе, закуривал трубку и слушал птиц. Не успеет запеть — дед говорил мне, что за птица. В сумерках шелкали соловьи, а днем я узнала, как поют трясогузки, синицы, сороки-пересмешницы — и правда, смешно, — вороны, сойки, воробьи, снегири, скворцы, малиновки. Любить природу научил меня в Лувесьенне дед Бум. А за каждого убитого комара он выдавал нам два су: и средства от комаров не нужно, и мы при деле.

Бабуля раскладывала свои вещички! Она всегда опрятна и часами разбирает у себя в шкафах, благоухающих лавандой. Крикнет из окна раз-другой: «Леон, домой! Сам простудишься и малышку простудишь!» — закроет ставни и оставит Бума предаваться грезам...

А Дада, моя дорогая, ненаглядная, ездила с кухни на кухню. Она одна хозяйничала, жарила-парила, подавала, мыла посуду, получала нагоняй, чистила, убирала, стирала и почти не спала!

Именно она поселилась в моем детском сердце, и, может быть, ее-то я больше всего и любила. Красоточку, итальяночку, изящную, как фарфоровая статуэтка. Дада оставалась при бабушке почти всю свою жизнь. И только когда она совсем состарилась, я взяла ее к себе, чтобы она могла провести остаток дней на покое.

А папа отправлялся прямиком в Бомберж, наш фруктовый сад.

500 метров пешком — и мы в раю! Много ли было в Бомберже яблонь, вишен, груш, слив, абрикосов, смородинных кустов, малины, мирабели?

Знаю только, что мы объедались теплыми фруктами, штабелями складывали в погребе ящики слив и что никогда потом у ренклода не было такого жарко-солнечного вкуса! Кроме плодовых деревьев в саду имелась дощатая щелястая сторожка — домик садовника. Домик моей мечты! Лежал там всякий садовый инвентарь, тачки, старые сапоги, ношенная вельветовая куртка, трубка и пакет табаку. Садовника звали мсье Кирие. Это служило поводом дедовской шутке: Бум, вечный шутник, говорил, что у садовника компаньон по фамилии Лейсон. И со смехом разъяснял: «Кирие и Лейсон!» (Слова «кирие элейсон» я все время слышала на мессах.)

Что касается мамы, она страстно наводила порядок, двигала мебель, собирала, напевая, цветы, красиво расставляла и зажигала

лампы, накрывала на стол и уходила к себе в комнату навести ма-
рафет. Мижану болталась там и сям, то с одним, то с другим, в
ожидании ужина копалась в своем «сади́ке», где якобы выращи-
вала экзотические растения. Ну, а я — я была так счастлива за
городом, что хотела сразу все.

Выходные кончались, по моему мнению, слишком быстро.
Я и теперь того же мнения!

Однажды в Лувесьенне, вооружась метлой, папа гонял в погре-
бе несчастную мышку. Я видела, как беспомощно мечется кро-
хотное животное, а папина метла нещадно молотит по жалкому
тельцу, обессиленному, но все еще живому. От подобной жесто-
кости я пришла в ужас. Я рыдала, я умоляла папу остановиться!
Решив, что мышь сдохла, папа пошел убрать метлу, а я взяла в
руки дрожавший комок. Мышка была живехонька, но оцепенела
от потрясения. Я спрятала ее в рукав свитера и побежала ужи-
нать.

Никогда не забуду тепло мышьиной шкурки на коже. Мышка
ползала вверх-вниз по моей руке, пока я сидела за столом с
папой, мамой, Бумом, Бабулей и Мижану. Мышка шекотала
меня, взбираясь к воротнику, и я легонько подергивала плечом и
сбрасывала ее в рукав. Никто ничего об этом так и не узнал. Это
наша с ней тайна. После ужина я вышла в сад и выпустила ее с
просьбой не попадаться папе. Она как будто пришла в себя. Ни-
когда ее не забуду.

IV

Чуть позже друг моих родителей Кристьян Фуа, ведущий танцов-
щик балета Шанз-Элизе, просил маму отпустить меня с их труп-
пой на гастроли в Фужер и Ренн. Мама отпустила. Выступить на
сцене мне, быть может, пойдет на пользу!

Я в ту пору оставила балетную школу и училась у Бориса Кня-
зева. Итак, отправилась я на месяц в Ренн, сданная Кристьяну
Фуа. Женщинами Кристьян не интересовался, поэтому я показал-
ась ему прекрасной спутницей!

Почти вся труппа жила на квартире. Хозяйка по специальнос-
ти — врач-онколог. Мне места не хватило, и Кристьян нашел для
меня гостиницу, небольшую и недорогую, ибо зарабатывала я че-
пуху. Одна в своем углу, не слишком я радовалась началу незави-
симой жизни.

Столовались мы у хозяйки, но я потеряла аппетит, заглянув в
хозяйскую лабораторию, где умирала дюжина хорошеньких кро-
ликов и множество больных раком мышей. Утром и днем, а иног-

да и вечером, мы репетировали. Я была страшно рада танцевать в балетной труппе, может, не лучшей, но по крайней мере профессиональной. Нам предстояло выступить в реннской опере, а я так гордилась, словно в нью-йоркской. Примерка костюмов стала наслаждением. За исключением экзаменов в балетной школе, когда я красовалась в классической белой пачке, я всегда танцевала в купальнике и рабочем трико. По утрам, просыпаясь на гостиничной койке, я была вся в красных пятнышках. Позже поняла, что в кровати полно клопов, они-то и кусают.

Прима-балерина, Сильвия Бордонн, была велика́ — и в длину, и в ширину. Однажды на репетиции она споткнулась и рукой, гибкой, но сильной, случайно ударила Кристьяна так, что он на четверть часа потерял сознание. Помня это, я всегда старалась танцевать на некоторой дистанции от нее.

В первом балете я была негритенком, прыгавшим и вертевшимся. Зрелище уморительное. Во втором — «Детских сценах» Шумана — выступала одна, в кринолине и локонах. Последним шел балет Прокофьева, где мы — конькобежки в длинных юбках, круглых шапочках и S-образных муфтах, голубых, розовых, желтых, бледно-зеленых.

Было очень красиво.

Подумали обо всем, кроме одного.

На первом спектакле в Фужере получила я горький опыт. Негритенок в первом балете — прелесть, я была черней ночи в ваксе, черном парике и обычном черном купальнике. Но между негритенком и «Детскими сценами» оказалось всего десять минут аплодисментов. Мама приехала на спектакль и теперь стаскивала с меня трико и парик, а я, сунув голову в раковину, терла лицо туалетным мылом, торопясь смыть чертову ваксу!

Получилась я красная, как помидор, с черными несмытыми полосами. Парик успел сплюснуть мне локоны, а пот еще и склеил — прически не стало. Некогда было даже огорчиться. Немного пудры на пунцовые щеки и нос, мама расческой разлепляет бублики и прикрепляет хвостик...

На сцену, быстро!

Кошмар!

Юбка не застегнута, трусы съезжают, книжечка, которую я якобы читаю в начале сцены, потерялась. Я затянула на себе поясом трусы и юбку: держатся, но дышать стало нельзя! Вдобавок, я расшиблась на лестнице, потому что идиотский театр был устроен так, что попасть со двора в сад можно было только под сценой.

Вышли у меня не детские сцены, а стриптиз. Сперва я потеряла заколку, и волосы рассыпались по лицу. Я ослепла, но, по крайней мере, не были видны черные полосы на щеках! Потом

потихоньку стала съезжать юбка. Тогда я бросила книжечку и подхватила юбку обеими руками, но свои скромные штанишки не удержала, они спустились и сковали ноги.

Это надо было видеть!

Умирая от смеха и стыда, я опять грохнулась на все той же проклятой лестнице по дороге обратно в крохотную уборную. Мама и Кристьян хохотали до слез, будто на экзамене в цирковом училище.

А для танцев на катке сцена оказалась так мала, а ступни Сильвии Бордонн так велики, что, когда Кристьян вращал ее, держа за руку, она в арабеске, вытянув назад под прямым углом ногу, попала стопой в занавес, потихоньку завернулась в него, как в ветчинный рулет, и на глазах у публики чудесным образом исчезла.

У тамошних зрителей, наверное, челюсти отвалились от изумления, а мы, артисты, чуть не умерли от смеха! Кристьяна и всегда было хлебом не корми, дай посмеяться, а тут он хохотал просто до истерики.

Незабываемый вечер!

И для реннской оперы пришлось нам поменять балеты местами, чтобы дать мне время смыть ваксу и подтянуть трусы. Мама еще оставалась некоторое время со мной, но больше такого хохота не было. Мы сменили с ней гостиницу и в чистом и довольно новом отеле сняли двухместный номер с ванной, который оказался мне раем! Это был один из редких моментов в моей жизни, когда я оставалась вдвоем с мамой, и она существовала для меня одной и больше ни для кого. И незабвенно воспоминание о том, что целую неделю мама заботилась только обо мне.

* * *

Вернувшись в Париж, танцы я сочла не слишком надежным делом. А тут мне предложили сняться для «Жарден де мод жюньор». Была зима 1949 года. Мамина подруга, мадам де ля Виллюше, заверила маму, что это не «за деньги», что журналу я нужна как «девушка из общества», а не как манекенщица.

Я снялась. Мама ходила со мной.

Дескать, эти фотографии — известное дело...

Я была горда: хорошенькая, без очков и зубной проволоочки. Фотографии удались и пошли в журнал. Я до сих пор, как талисман, берегу этот номер! Тогда же Элен Лазарефф увидела в нем мои фото и, опять через мамину подругу, предложила мне сняться на обложку майского номера «ELLE».

Дома — крик. Никаких «девушек на обложку» в нашей семье! Ах, ну если не за деньги — надо подумать. Наконец — ладно,

иди! Дрожа, стесняясь, комплексуя, прячась за мамину спину, я вхожу в фотостудию. Толпа. У меня душа в пятки.

Мама всех знала. А я вот-вот упаду в обморок. Меня разглядывали, обсуждали мои зубы, волосы, ногти.

Нет, косметикой не пользуюсь, мне всего 14 лет!

Нет, лифчика не ношу, мне всего 14 лет!

Нет, позировать не умею, мне всего 14 лет!

Короче, я невзрачна, зажата и только в профиль еще туда-сюда: нос — ничего, остальное не видно. «Профиль, — как сказала Саган, — пропавший». Однако не для всех.

Потому что ровно через год, день в день, я снова снялась для «ELLE». Спецвыпуск от 8 мая 1950 года был посвящен моде «Дочки-матери». Я фигурировала во всех ракурсах и платьях, и утренних, и вечерних. И вот я неперменный атрибут журнала, и судьба моя действует помимо моей воли: Марк Аллегре увидел фотографии и попросил о встрече.

Домашний скандал. Никаких актерок в семье! Хватит с нас! Лучше б ты учила латынь или историю! Не дура же, можешь на-верстать упущенное!

И снова семейный совет в столовой: Бум — председательствует, вокруг остальные. Должна малышка или нет встретиться с Аллегре? Опять крик, Опять «все актрисы проститутки», «нам в семье таких не надо» и т. д. и т. п.

Вдруг Бум стукнул кулаком по столу и заявляет: «Если малышке суждено стать шлюхой, она ею станет, в кино или без. А не суждено — так и кино тут ничего не сделает! Дадим ей шанс, мы не вправе решать за нее».

Спасибо, дед, что поверил в меня.

Спасибо, что дал мне шанс.

И машина заработала.

Я отправилась к Аллегре. Принял меня Роже Вадим, его помощник. Мама была со мной. Смотрела она спокойно и с любопытством. А я опять дрожала и стеснялась: хочется и колется. Аллегре говорил маме, что собирается сделать со мной. Вадим ничего не говорил, но смотрел на меня хищно, и пугал, и притягивал, и я чувствовала, что сама не своя.

Вечером дома за ужином мама тараторила без умолку, рассыпалась в похвалах Аллегре. Он, де, и воспитан, и обаятелен, и не похож на этих беспардонных киношников, в общем, человек нашего круга, и так далее... А я, уткнувшись в тарелку, сидела как истукан и вспоминала глаза Вадима...

Клод, мой 20-летний брат — двоюродный, но в качестве род-

ного, провожал меня на пробы. Маме было некогда, и она, удивившись, что Аллегре прекрасно воспитан, спокойно перепоручила меня кузену. Мы прибыли с ним в студию, оба впервые.

На пробах, оказалось, я не одна!

Два десятка девушек, моих сверстниц, одна лучше другой, гримеры, костюмеры, ассистенты, толпа каких-то страшных незнакомцев, я погибла! В самой гуще ослепительный свет, возня, особый запах пыли, грима, горячей резины. Огромные пространства, осветители на мостках у прожекторов. Юные красотишки-блондинки строят глазки всем, даже Клоду, которого они приняли за важного киношника. Клод бросил меня и занялся кандидатками на роль, совсем потерял голову. А на мне уже макияж в два пальца толщиной, волосы затянуты в пучок, платье — старые лохмотья. Меня вытолкнули на площадку.

Я чопорна, скована и чуть не плачу.

Сотни пар глаз устремились на меня.

Сгораю со стыда.

Понятно, почему родители хотели уберечь меня от этой муки. И в миг, когда, чувствовала я, мне конец, и забыла все слова, какие должна была сказать, появился Вадим, спокойный, улыбающийся и прекрасный — прекрасный, как никто никогда!

— Вы дрожите?

— Нет, плачу. Мне страшно, по-моему, я провалюсь.

— Да нет, все будет хорошо. Реплики буду подавать я, успокойтесь.

Он говорил медленно, и в глазах у него была какая-то жуткая глубина. Он взял мою руку, и я вцепилась в него... зачарованная.

О Вадим, спасибо, что понял мое смятение, страх, неуклюжесть!

Спасибо, что велел снять с меня слой штукатурки, тряпье и заколки. Мне стало легче. На пробе перед камерой я впервые слышала: «Внимание! Мотор! Проба Бардо, первая». Рядом со мной был ты, ты заставил меня говорить, улыбаться, смеяться. Успокоенная твоим присутствием, я стала вертеть головой и забыла, что я — лошадь на торге, которой смотрят в зубы прежде, чем купить ее. Когда погасли прожекторы и утихли мои тревоги, оказалось, что пропал Клод. Кузен, выдав себя за сына продюсера, отправился провожать двух красоток, нашедших наконец, кого очаровывать.

Вадим вызвался проводить меня. Родители сидели за столом, когда появились мы. Это еще что такое? Но вежливость прежде всего. Пришлось родителям пригласить его к ужину.

Я помню, какой был контраст: роскошный обед, добропорядочное семейство, слуга, свечи, столовое серебро — и Вадим, с

длинными волосами и в старом свитере. Он был похож на цыгана, и это сводило меня с ума. Но на маму его обаяние подействовало только наполовину, потому что за кофе она тихонько велела слуге сосчитать серебряные ложки, безумно боясь, что Вадим две-три ложки унесет в кармане. Но унес он не ложки, а мою душу, и дверь ему была у нас отныне приоткрыта.

Выбор пал на меня. Лошадь оказалась отличной. Правда, фильм снимать не стали. Но не все ли равно? Сердце билось радостно: из 20-ти девушек лучшей была я. И об этом говорили. И другие режиссеры меня приглашали.

Журнал «ELLE», принеший мне счастье, напечатал фото «своей девушки», которую будут снимать в кино.

Сначала Вадим виделся со мной изредка, потом часто, потом каждый день. Всегда у нас дома, потому что в 15 лет одну меня никуда не отпустили бы.

Мы репетировали с ним «Школу жен».

Однажды с разрешения родителей я была на репетиции у Даниэль Делорм и Даниэля Желена, на улице Ваграм. На другой день утром отправилась я не в школу, а к Вадиму домой. Было 9 утра. Я, как обычно, села на автобус, но, с бьющимся сердцем и с учебниками под мышкой, сразу сошла и поехала в другом направлении. Он будет ждать меня! Сто раз повторил мне! Я боялась еще больше, чем накануне у Желена. У меня никогда не было романа. Целовалась несколько раз, случайно, но понятия не имела, что такое любовь... Я шла на свое первое свиданье, представляя на свой лад, как все произойдет. Может, будет шампанское? А что, в 9 утра — непривычно и мило! Он вроде живет в мастерской художника. Наверно, везде свечи и обстановка богемная, как в фильмах.

Я посмотрелась в зеркало витрины...

Боже, что за дурацкий вид у меня в этих носочках и кофтенке с плиссированной юбочкой... Волосы вислые, тускло-русые, хвостик на затылке. И больше моих 15-ти мне не дашь, а хочется — 18! Мать запрещает носить чулки и лифчики, говорит — еще успеешь быть женщиной... Ну вот, пришла, избегаю по лестнице через три ступеньки, сердце стучит, как молоток. Звоню.

Тишина.

Странно! Толкаю дверь — открывается... Оказываюсь в крошечной тьме, осторожно иду вперед. Слышу чье-то дыхание. Глаза привыкают к темноте, вижу, что очутилась в комнатухе. Никакой мебели. Только две огромных кровати и две взлохмаченные головы на каждой. Ничего не понимаю. Наверно, я ошиблась этажом. Но нет, вот его свитер на полу... А чья — вторая голова?

И которая Вадима? На цыпочках подхожу к одной кровати — он, спит мертвым сном. Смотрю на другую — какой-то парень, и тоже спит мертвым сном.

Вот тебе и первое свидание!

Хочу зарыдать и убежать, что и делаю. Только ошиблась дверью и попала в ванную. Рассыпала учебники, разбудила обоих.

— Что там еще за черт?

— Это я...

— Кто — я?

— Брижит!

— Что ты здесь делаешь в такую рань? И вообще, который час? Полдесятого? Ты с ума сошла!

— Я думала, что... что...

— Ты хоть булочки на завтрак принесла? Нет? Тогда тебе нет прощенья. Дай нам доспать и заходи попозже, в 12.

Я вне себя от бешенства: прогуляла уроки, не дай Бог, узнают родители, пришла сюда с бьющимся сердцем, схожу с ума от любви, а мне говорят — заходи попозже! Ну, знаешь, извини!

В школу идти уже поздно, домой — рано! Не знаю, что мне с собой делать. Сажусь к нему на кровать и тихонько плачу. И вот я в постели с неприятным ощущением собственных туфель на нагретой простыне. Но уже не помню, где я, что я, и, только наплакавшись, сознаю, что нахожусь в одной постели с мужчиной, а в двух метрах спит еще и другой...

Для первой любовной встречи, пожалуй, чересчур. Однако я молчу. И потом, если я одета и ничем не рискую, значит...

Так и осталась я в тот раз одетой... и целомудренной...

Зато я открыла, что спящий мужчина не совсем тот же, что не спящий. Оказалось, тело его во сне нежное и мягкое, а проснется — твердое, жесткое...

Удивительное дело! От удивления я не могла опомниться...

Я пришла к нему на другой день.

Вторая кровать была пуста, и я принесла булочки. На этот раз я оказалась под одеялом без всего, уже приятно ощущая кожей его кожу и точно зная, что он не спит, а только притворяется, говоря со мной сонным голосом.

От этой обузы-девственности я избавлялась постепенно. С каждым днем ее оставалось во мне все меньше, и я с беспокойством спрашивала его, одеваясь: на этот раз я — окончательно женщина?

Это было для меня время поразительных открытий. Вместе с его телом я открывала свое собственное. А дома, вечером перед сном, я долго разглядывала живот и спокойно засыпала, удостоверившись, что он такой же плоский, как и раньше! Осанка у

меня изменилась, я чувствовала себя умней и сильнее, мелкие повседневные заботы казались мне вздором. Любовь — единственный смысл жизни. Я удивлялась, как можно думать о чем-то другом... Занятия я прогуливала, уроков не делала, жила ожиданием нескольких безумных часов в первой половине дня.

Скандал разразился чудовищный!

Однажды вечером, когда я вернулась, отец спросил меня, как дела в школе и что сегодня было на уроках... Я ответила, покраснев, что-то неопределенное. Кажется, запахло жареным. Со странным спокойствием отец объявил мне, что знает о моих прогулах, что решил отправить меня доучиваться в Англию, что уезжаю я поездом завтра утром, он меня проводит, и что пробуду я в Англии до своего совершеннолетия.

Он уже все устроил.

Я посмотрела на мать — лицо у нее было непреклонно. Сестра — с нее взятки гладки...

Это было мое первое настоящее горе, ощущение детского бессилия, когда ты одинок, никем не понят и совершенно не можешь противостоять врагу, беспощадно-ледяному, как бывают порой родители! И с Вадимом не увидеться! Мама, папа, мне надо поговорить с вами, объяснить, вы сделали мне так больно...

Я не могу этого вынести!

Где он теперь? Ему даже некуда позвонить...

Мама, помоги, нет, что я, это безумие! Нет...

В голове ледяной вихрь, бред, ненависть. Я онемела, оцепенела!

В тот вечер был спектакль, не помню, где. Родители с сестрой уходили в театр. Я осталась дома, сказав, кажется, что голова болит или уроки не сделаны...

Помню — открыла на кухне газ и закрыла окна и двери. И вот, в свои 16 лет, сую голову в духовку — вдыхаю запах смерти. Больше ничего не помню... В тот вечер меня нашли на полу у плиты с короткой предсмертной запиской. Знаю только, что спектакль в тот день отменили, родители вернулись домой раньше времени и обнаружили меня лежащей без сознания.

Когда я очнулась, рядом сидел врач — «знакомый», чтобы не вышло огласки!

Я плакала! Я была в отчаянии. Слышала, как говорят о школе в Англии, а обо мне городят такое, что я, даром что не стою на ногах, — не прочь снова сунуть голову в духовку.

На другой день было решено, что Вадима я не увижу до своего совершеннолетия и что немедленно еду в Англию изучать английский язык. Как жалкая бездомная дворняжка, я скулила, умоляла маму не трогать меня. Бесполезно! Я, де, так жестоко с ней по-

ступила! Столько горя причинила! Она бы никогда не утешилась, случись со мной что... И потом ведь она желает мне добра! Хочет, чтобы я вышла замуж за человека молодого, богатого, красивого... Ведь она любит меня... Да, любит, а сама отправляет на пять лет на чужбину!

Я молила и вымолила, отец смягчился... Мне разрешили не ехать в английский ад, но запретили выходить замуж за Вадима до моего 18-летия! И точка.

* * *

Родителям и в голову не приходило, что я его любовница. Считали меня все еще ребенком и непоколебимо верили, вплоть до моей свадьбы, что я чиста и невинна.

А мы с Вадимом были мастера отводить глаза! Родители частично контролировали меня, и, чтобы встречаться, нам приходилось пускаться на всякие военные хитрости. Любовные свидания превратились в шпионские акции с алиби и «крышей»... А если родители уходили в театр, мы решались заняться любовью на полу в гостиной: отсюда был слышен лифт, и врасплох нас вряд ли застали бы, не то что в моей комнате — мышеловке в конце коридора.

Однажды Вадим пригласил меня в театр «Антуан» на очень важную премьеру. Я была напугана, потому что никогда еще не оказывалась там, где — «весь Париж». В тот вечер мама собственноручно одела меня, чтобы я выглядела симпатичной девочкой... И я явилась в театр в темно-синем платье с отложным воротничком, носочками в цвет и косичкой. Вид еще более детский, чем всегда.

Было полно знаменитостей. Вадим произвел на меня впечатление — он знал всех, был со всеми на «ты», знакомил меня... Я рот раскрыть боялась, а сама так хотела быть похожей на всех этих блестящих блондинок в мехах и духах. И удивлялась, почему Вадим выбрал меня, ведь мог прийти с одной из этих роскошных особ. В глазах все расплывалось, пьесы не помню, от нее осталось в памяти сплошной шум и гам!

Потом ужин у «Максима».

Вадим хотел идти, для него это было обычным делом. А для меня? Для меня все это недоступно. И вдруг — войти в храм красоты в носочках и крахмальном воротничке! Какой стыд! И вот я сижу за большим столом. Рядом множество приглашенных. Во главе стола мадам Симон Берьо. Она — директор театра «Антуан», она приглашала на вечер всех знаменитостей...

И я, нечаянно, — среди них!

Затерявшись в толпе журналистов, министров, писателей, режиссеров и актрис, я хотела съежиться и забиться куда-нибудь в

мышиную норку. Увы, как назло, глядели в мой конец стола и недоумевали, что там за птичка такая. Так что за десертом только обо мне и говорили.

Вадим непринужденно, но сдержанно объяснил, кто я. И вдруг, ни с того ни с сего мадам Берьо спросила меня: «Вы так очаровательны, малышка. Вы все еще девственница?» Воцарилось гробовое молчание. Все смотрят на меня, все, черти! Господи, исчезнуть бы! Смеются... Смеются надо мной. И мой голос за меня, все в той же тишине, отвечает: «Нет, мадам, а вы?»

Я густо покраснела от собственной наглости!

Взрыв хохота, аплодисменты, теперь черти смотрят на нее, старую, ядовитую, в идиотской шляпе! Один ноль в мою пользу — чувствую, вижу по глазам Вадима, сияющим, заглядывающим мне в душу. Я была на седьмом небе от счастья! Я выиграла свой первый бой. А чтобы избежать подобных вопросов, надену чулки в следующий раз, когда пойду к «Максиму»!

Родители решили, что за Вадима я не выйду, пока не сдам экзамены на бакалавра. Судя по моим занятиям, это было равносильно вечной девственности! А тем временем меня знакомили с сыновьями инженеров, папиных друзей, и сыновьями врачей, друзей маминых. И приглашали меня, и водили в театр все эти сыночки, адвокатские, писательские, такие, сякие... Зануды со своими стрижечками и костюмчиками.

Однажды мне разрешили пойти на вечеринку с сыном нашего домашнего доктора, с Жилем Мартини. Типичный мольеровский «ученый лекарь»: тощий, очкастый, белобрысый. Но воспитанный, образованный. И уже — студент-медик! По случаю вечеринки мама одолжила мне платье (оказалось, слишком велико!) и позволила надеть капроновые чулки и пояс с резинками... Плевать на платье, я была в настоящих чулках! От счастья я едва не задирала подол, чтобы все увидели, что я не ребенок! Но была я все равно — ребенок, потому что, когда мой няня-кавалер зашел за мной, папа сказал, что отпускает только до 12-ти ноль ноль и что у нас — военная дисциплина! Медик принял к сведению и увел меня.

Вечер был в духе моего кавалера.

Только и радости мне было, что собственные чулки!

Возвращались пешком, потому что у тогдашней молодежи не было ни машин, ни карманных денег. Подходя к подъезду, я заметила в окне силуэт. Это был отец. Ждал с видом на редкость недовольным.

Он молча посмотрел на часы, заявил, что сейчас десять минут первого, и с ледяным спокойствием, зажав меня под мышкой, задрал мне юбку и как следует шлепнул меня. Я и сейчас, когда

пишу это, краснею... Папа, в мои несчастные 16 лет вы унизили меня нельзя ужасней: на глазах у юноши отшлепали дурочку, которая уже не ребенок для подобных шлепков, вдобавок на ней впервые в жизни были чулки и пояс с резинками!

Из-за этого казуса я еще больше ополчилась на родителей. Я чувствовала, что чужая в семье. Тайком я продолжала встречаться с Вадимом. Я признавалась ему, как страдаю дома, как люблю его, как жажду свободы. Думала я только об одном: бежать из дома, прочь от враждебности и холодной войны.

* * *

В это же время родители, чтобы отдалить от меня Вадима, уцепились за приглашение Андре Тарба. Тарб собирался устроить спектакль во время морской прогулки на «Де Грасс». Решено было, что я выступаю на пару с девушкой по имени Капюсин, фамилии не помню: на мне — танец, на ней — показ моделей высокой моды, организация, песни, фокусы-покусы...

Мне было 16 лет.

Этот круиз казался мне морским раем — волей после домашней тюрьмы. Конечно, придется две недели жить без Вадима, но я, дальше деревни не ездившая, буду путешествовать! Я грезила наяву и прыгала от радости!

А пока надо было вкалывать и вкалывать, танцевать через вечер, каждый раз другую «вариацию». Гонорар — 50 тысяч старых франков, то есть 500 франков новых. На них мне самой шить костюмы, так как родители не дают ни гроша, а заказывать у портнихи еще дороже.

От швейной машинки — в репетиционный зал — и обратно. Я работала, буквально не покладая рук! То, что не получилось сшить, взяла напрокат в театре у костюмера... И часами корпела, обметывая, сбирая, делая складочки и пришивая крючки. И получилось! Костюмы смотрелись очень неплохо. Я предусмотрела даже корабельную качку. Не ровен час, поскользнешься в балетных туфельках на коже — подшила их резиной.

В поезде по дороге в Гавр я слегка волновалась.

Я впервые предоставлена самой себе и еду в чужие края с чужими людьми! А привыкла я, что гувернантка меня провожает, родители контролируют, бабушка с дедушкой лелеют, Вадим любит. К тому же мама была очень больна и легла в больницу на операцию.

На «Де Грасс» я занимала крошечную каюту вместе с Капюсин. В каюте негде повернуться — все завалено платьями «от кутюр» и моими пачками, туфлями, трико, кринолинами и прочими причиндалами. Прежде мы с Капюсин не были знакомы, а

теперь узнала симпатичную молодую особу, красивую, обаятельную и простую.

Когда меня не тошнило от качки, трясло от страха. В кризисе я научилась обходиться без посторонней помощи. Днем репетировала с оркестром. Ни кулис, ни занавеса, ни декораций. Предстоит танцевать на ресторанной площадке, на скользком паркете. Волна — и пол из-под ног, я чуть не падаю... Оркестр к классике не привык и играл мою музыку на манер нежных слоу, как в американском баре.

Но, хорошо ли, плохо ли, а выступила!

На пути в Лиссабон я снова танцевала шумановские «Детские сцены». В Португалии — фламенко, но не слишком успешно! Классическая выучка мешала мне ярко стучать каблуками... По дороге на Канары я прихлопывала ладошами и сапожками в «Венгерской рапсодии». «Маленький барабан» (не помню, чей) я исполняла в красно-бело-синей пачке с барабаном на боку и в берете с помпоном. Ближе к Азорам я в длинной романтической юбке выступила в прекраснейшей классической вариации Прокофьева и, наконец, в прощальный вечер на подходе к Гавру — был маскарад!

Моим последним выступлением стал танец из «Трех Гимнопедий» Эрика Сати. Я надела академический, телесного цвета купальник с нарисованными мною водорослями, изображая сирену. Проблема заключалась в том, что начинала я танец лежа, а как перейти на ресторанный площадку незаметно, я не знала!

Среди пассажиров находился Эмар Ашиль Фулд с друзьями. К маскараду они приготовили португальские рыбацкие платья. Их-то и осенило: завернуть меня в рыболовную сеть и вынести на площадку. Я оказывалась на полу — это и нужно было мне для танца. В тот вечер я имела огромный успех, спасибо за него отчасти и милому Эмару!

В кризисе я познавала мир. Все, что я видела, было мне внове. Не сводила глаз с элегантной Капюсин — изучала. И красилась, как она, и мечтала одеваться так же, и быть такой же в точности! Вдобавок, наблюдала шашни и шуры-муры в нашем узком пассажирском кругу. Возраст, простодушие и чистота меня, слава Богу, от них уберegli!

Я открыла другие страны, обычаи, традиции.

В Гавр я прибыла в слезах и мечтах.

А папа с мамой все еще пытались разлучить меня с Вадимом. Брак с ним, богемным и бездомным, родителям казался мезальянсом. И, хотя он был сыном русского консула по фамилии Племянников, никакого положения не имел и был не «нашим».

Летом родительские друзья пригласили нас на месяц в Ля Круа-Вальмер, к себе на виллу на берегу моря.

Дом был частично разрушен снарядами, и жили мы жизнью полудомашней, полулагерной. У каждого стояла кое-где у обломков стен с остатками крыши. Зажигали мы свечи и керосиновые лампы, а ящики, покрытые платками, стали столами, стульями, тумбочками. Все было очень романтично. Как в сказке. Обедали-ужинали на террасе, выходящей на море. Ели на доске, положив ее на козлы. Вместо скатерти — пляжные юбки. Зато вилки-ложки — настоящее столовое серебро: контраст со всей остальной robinзонадой.

На Миртовом мысе близ Ля Круа-Вальмер я открыла для себя солнце, запах сосен и тмина, смешанный с ароматом флердоранжа и эвкалипта, свежесть воздуха, жар песка по ночам, когда мы смотрели на звезды. Я научилась жить первобытной жизнью, ходить босоногой, в бикини и первый раз загорела. Новый образ жизни оказался вполне по мне.

Отдыха у меня не было очень долго, ни до, ни после. И эти дни мне не забыть. Позже, на вилле «Мадраг», я пыталась вернуть их атмосферу — и не могла.

В жизни есть моменты неповторимые. Мой отдых на Миртовом мысе у супругов Бай — один из таких моментов, драгоценное воспоминание.

Вернувшись в Париж, я снова снялась для журнала «ELLE» (хотелось немного заработать), увиделась с Вадимом, и жизнь снова вошла в свое русло. Мало-помалу обо мне заговорили в газетах.

Но как мне назваться?

Отец не желал, чтобы трепали имя Бардо. У мамы девичья фамилия красивая! Мюсель — почти как Мюссе. И я подписалась Брижит Мюсель, но снимки вышли с подписью — Брижит Бардо.

Странно! Но назад ходу нет!

Зато какое наслаждение ехать в автобусе и видеть, как вокруг читают обо мне. Я на обложке иллюстрированного журнала, я на страницах толстого еженедельника... Не могу опомниться!

Мир принадлежал мне, потому что я еще не принадлежала ему...

Я брала все и не давала взамен ничего. Райское блаженство! Быть ничем. Стать без славы прославленной.

И пошло-поехало: режиссеры, просто любопытные, все хотели

со мной познакомиться. Предложили сниматься в кино... На телефонные звонки отвечал отец... Началась путаница. Нужен был импресарио. Но какой? События нас опередили.

Экзамен на бакалавра? Или диплом в балетной школе? Или кино?

Я уже не знала, куда податься.

Колетт подыскивала девушку на роль Жижи в театре.

Вадим был немного в курсе и встретился с ней в Пале-Рояле у нее дома, чтобы поговорить об инсценировке книги. Я пошла с ним и так, в 16 лет, познакомилась с этой выдающейся женщиной!

Она сидела, раскинувшись в шезлонге у окна, выходящего в дивный пале-рояльский сад. Тут же находился ее муж, Морис Гудке, Вадим, я и множество кошек. Она посмотрела на меня долгим острым взглядом. Глаза ее были пронизательны и умны. От этого взгляда я ужасно робела. Он словно пронизывал, раздвигал, судил; оценивал, а я не понимала, зачем, ведь я пришла просто так, с Вадимом. Наконец она мне сказала:

«Здравствуй, Жижи».

Я опешила.

Она пояснила, что я в точности — ее героиня, и спросила, не актриса ли я и не хочу ли сыграть эту роль.

Я онемела. Вадим ответил за меня, объяснив, что я смущена, растеряна и вообще новичок. Никогда не забуду эту темную гостиную, заставленную мебелью и всякими безделушками, светлое пятно окна с силуэтом пышных волос Колетт. Жижи мне играть не пришлось, играла ее Даниэль Делорм, но мимолетная встреча с писательницей, назвавшей меня именем своей героини — вечно жива в моей памяти.

Все так же сопровождая Вадима, я познакомилась с Кокто в Милли-ла-Форе. Очень смутно помню прекрасный особняк, в котором, куда ни ступи — одни раритеты и ценности. Но самым ценным были внимание и галантность Кокто по отношению ко мне.

Он принял меня как важную даму. Любезен, вовлекает в беседу, угощает соком, водой и без конца говорит комплименты. С Вадимом он говорил о разных высоких материях, а я во все глаза смотрела на этот новый чудный мир, на книги, на картины, на их хозяина, и хрупкого, и великого.

Никогда не забуду его!

Я познакомилась со многими прославленными личностями благодаря Вадиму. Он представил меня братьям Миль, Эрве и Жерару. Жили они в роскошном особняке на улице Варенн.

Люди необычайно талантливые; оба гомосексуалисты. Очень разные, но сходные в стремлении к изыску.

Вадим возил меня к братьям ужинать. Бывали — из тех, кого помню — Николя Вогель, Кристьян Макран, Жан Жене, Питу де Лассаль, Жюльет Греко. Дом с прекрасным садом завораживал меня. Завораживали метрдотель, меню, кружевная скатерть, золотые канделябры, изысканные блюда, икра, шупальца лангустов, рябчики, небывалые десерты и самые дорогие и редкие вина...

Однажды у них я случайно наткнулась на фотоальбом Картье-Брессона, раскрыла и увидела чудовищную фотографию: «Умерший от голода в индийском городе». Я повернулась к Вадиму со словами: «Смотри, умерший от голода, как раз в момент смерти!»

Здорово я их насмешила. Они кое-что объяснили мне.

Вадим занимал на пару с Кристьяном Марканом комнаты для прислуги в роскошной квартире на Кэ д'Орлеан, на острове Сен-Луи. Эвлин Видаль, хозяйка, оказавшись на мели, сдавала комнаты для слуг своим бывшим любовникам, а собственную спальню — будущим.

И вот однажды, придя к Вадиму, я обнаружила, что квартиру лихорадит. Вадим хлопотал на кухне, стараясь приготовить завтрак по-американски — яйца всмятку, апельсиновый сок и пр. Хозяйская спальня была сдана Марлону Брандо. Теперь, в два часа дня, он еще спал. Мне безумно захотелось увидеть его живьем, и я вызвалась отнести ему поднос с завтраком. Стучу и вхожу в логово спящего зверя.

Воняет окурками, затхлостью, мужским потом. Тьма, как в колодце. Зажигаю свет и говорю, что принесла завтрак. Из-под одеяла высовывается опухшее, небритое лицо. И голос сонно, лениво: «Go away, son of a bitch!»* Кое-как поставила на постель поднос, и он опрокинулся, как только тот повернулся, чтобы спать дальше. Но я, уходя, замешкалась, и он схватил яйца, шмякнул их об стену и снова заснул в месиве апельсинового сока, молока, кофе, раздавленных желтков и собственной славы.

Больше я никогда его не видела, и в моей памяти он ничуть не похож на свой знаменитый образ. Как сказал не помню кто: «Нет кумиров для их лакеев».

Старый папин друг, Морис Вернан, стал в конце концов моим импресарио и предложил мне сниматься в фильме с Бурвилем «Нормандская дыра». Восторга у меня это не вызвало. Сладенькая история, действие происходит, как ясно из названия, в нормандской деревне, играть надо крестьяночку, довольно противную,

---

* Убирайся, сукин сын! (англ.)

Жавотту. Роль крошечная, разве что в титрах мелькнет имя. Не то что теперь — в титрах мы с Бурвилем на равных. Но предложили мне 200 000 старых франков (2 000 новых), и это решило дело.

Буду богатой-богатой!

К черту экзамены, дипломы! Я стану кинозвездой!

Вадим пожал плечами и сказал, что напрасно я согласилась на этот фильм. Сказал из зависти: свой собственный снять не мог. Слушать я его не стала, а отправилась покорять мир или хотя бы Нормандию... Он обещал часто приезжать ко мне и с грустью смотрел, как я радуюсь.

Близилась съемка, и радость улетучивалась. Меня снова стали одолевать страхи. Я одна-одинешенька среди профессионалов, а сама ничего не умею.

Вот ужас-то!

Если существует на земле ад, мой первый фильм тому пример.

Подъем ни свет ни заря в 6 утра, уродский грим — рыжеватая пудра и пурпурная помада, — моя беспомощность, тычки, брань грубых ассистентов, негодяи-продюсеры, отвратительные гримеры. И сама я немногим лучше — даровитые актеры смотрят с иронией: забываю слова, двигаюсь неуклюже, смешно. Совсем сбита с толку, пропадаю и схожу с ума от стыда и отчаяния.

Не успевала я проснуться — меня сдавали гримерше, толстой, вульгарной, безобразной тетке, которая творила, что хотела, с моим лицом. Мучить меня доставляло ей особое наслаждение. Она покрывала меня жидкой, цвета темной охры пудрой, вонявшей тухлятиной, и казалось, что я в маске. А поверх охряной пудры сыпала рисовую, и лицо становилось как в гипсе. Подкрашу ресницы — глаза сразу маленькие, круглые черные бусинки, как у плюшевого медведя. А рот, Господи, рот! Этой толстухе, абсолютно безгубой, мой рот не давал покоя. Ликвидировать его! Не рот, а черт знает что! Она совала мне в лицо зеркало, я смотрела и плакала! Ну зачем вся эта штукатурка, ведь я похожа на мумию, мерзкая мумия!

Ох, гримерша, как же я тебя ненавидела!

На этом мои пытки не кончались. Являлась парикмахерша, мегера, волосы редкие, траченные молью. Она с завистью оглядывала мои длинные тяжелые локоны, затягивала их, замазывала, заклеивала. Голова получалась, как кокосовый орех. А скажи я ей или посоветуй — огрызалась, говорила, что, мол, сначала стань звездой — тогда капризничай, а пока сиди и помалкивай... Царство гримеров и парикмахеров — суший ад для начинающих.

Но надо было терпеть еще три месяца. Три месяца унижаться, выслушивать насмешки и оскорбления, не отвечать, стараться изо всех сил, глотать слезы, сжимать кулаки — обрабатывать свои двести тысяч...

Беда не ходит одна. Месяц спустя я с ужасом увидела, что беременна...

В этой нормандской, действительно, дыре, несовершеннолетняя, связанная по рукам и ногам! Мое отчаяние не знало границ! От любого запаха тошнит, кружится голова, вот-вот упаду в обморок.

Однажды, когда меня тошнило совсем нестерпимо, продюсер Жан Бар спросил, отчего это со мной: «Может, вам неприятна сигара?» Смущаясь и перемогая тошноту, я сказала: «Да, месье, сигара, мне нехорошо от нее». Он посмотрел на меня в упор, закурил и, выдохнув сигарный дым мне в лицо, сказал: «Трудно в учении...» Я бросилась вон, еле сдерживая рвоту. Тогда же я дала себе слово, что, если стану знаменитой, никогда не буду работать с ним.

Я сдержала слово. С тех пор он не раз и не два делал мне заманчивые предложения. Я неизменно отвечала: «Свою сигару нюхайте сами».

С Вадимом в эти месяцы я виделась редко. Он был на мели и искал в Париже работу. Но несколько раз приезжал. В этом я нуждалась очень и очень. Я устала, не знала, что делать, беспокоилась, мне было не до первой пылкой влюбленности. Ночи любви коротки, если вставать чуть свет, а вечером, валясь от усталости, учить роль на завтра.

Смиренно и стойко я вытерпела до конца, как терпят, глотая горькое лекарство. По окончании съемок я поклялась, что с кино завязываю, и вернулась в Париж, без сил, с досадой и с безостановочной рвотой.

Я совсем разболелась и не могла есть. Вадим по-прежнему сидел без денег, а у меня был только мой гонорар! Родители, вдобавок, не спускали с меня глаз, нечего и думать об аборте... Мама в сильнейшей тревоге вызвала ко мне очень хорошего врача. Он осмотрел меня и объявил: вирусная желтуха! И прописал тишину и покой!

С тех пор врачам я не слишком верю...

Я умоляла родителей отпустить меня в Межев немного отдохнуть. Согласились. Я уехала, встретила с Вадимом, помчалась в Швейцарию, поспешно сделала аборт, вернулась в Межев сразу же и позвонила родителям сказать, что мне лучше...

А ведь могла и умереть, не получив должного ухода...

От этого печального опыта осталась во мне паническая боязнь забеременеть. О беременности я и думать не желала, считала ее Божьей карой.

Родители видели, каков оказался мой кинематографический дебют. О Вадиме говорили — обаятельный, но неосновательный, несolidный для будущего зятя. Не давали с ним видеться. Однажды все-таки отпустили меня с ним в кино. Но вернулись мы позже дозволенных 12-ти. Отец, бледный от гнева, дождался, стоя в прихожей.

— Откуда вы так поздно?

Вадим очень спокойно:

— Из кино!

— Из кино? В пол-второго ночи?

— Но мы шли пешком!

— Вы что, издеваетесь? Не два же часа идти пешком!

— Мы шли медленно.

— Негодяй! Вы проявили неуважение к моей дочери!

Отец вынул из стенного шкафа револьвер, наставил его на Вадима и сказал:

— Только попробуйте, коснитесь Брижит, и я вас убью, приятель.

Вошла мама в халате. Она выхватила револьвер из папиных рук, и мы вздохнули с облегчением. Но она сама навела его на Вадима и крикнула:

— А не убьет он — убью я, если вы тронете Брижит до свадьбы!

Ну и спектакль!

Только что мы занимались любовью, и отношения наши длились уже два года, а родители были готовы на все, чтобы сберечь мою девственность. Мне стало страшно... Вадим стоял бледный, но спокойный. Сказал, что готов жениться завтра же, что любит меня и что «уваженье проявляет». И наконец успокоил их!

На другой день я дрожала, как бы не потребовали от меня медицинского освидетельствования...

Дальше так продолжаться не могло! Свадьба не свадьба, я собиралась жить с Вадимом и не желала больше притворяться и лгать! Если выйду за него замуж — должна буду зарабатывать, потому что у него средств нет. Мне предложили новую роль в кино, я согласилась. И на два месяца уехала на юг на съемки своего второго фильма «Манина, девушка без покрывала».

Я готовилась к аду, получила чистилище! Съемки были в Ницце, Вадим находился рядом, светило солнце. Снова заработала 200 тысяч старых франков, вернулась в Париж, снялась как фотомодель и наконец отложила немного денег...

Тем временем Вадим ушел из кино в журналистику, стал писать в «Пари-Матче». Теперь он зарабатывал на жизнь регулярно и мог просить моей руки.

Даниэль Делорм и Даниэль Желен, Вадимовы близкие друзья, не раз обеспечивали нам алиби. У них же мы с Вадимом зачастую встречались. И, когда Желен закончил свой первый фильм «Длинные зубы», он просил нас быть свидетелями на их с Даниэль свадьбе.

А когда после отказов, отговорок, угроз и нашего трехлетнего ожидания родители наконец согласились на мой с Вадимом брак, Делорм с Желеном стали нашими свидетелями на бракосочетании в мэрии. Родители потребовали венчания в церкви. Священник, однако, отказался обвенчать меня с православным! Думали-думали, наконец придумали, что Вадим два раза в неделю будет ходить на курсы катехизиса, чтобы добрым католиком пойти под венец.

Вадим, который и так уж был сыт по горло, чуть было не бросил меня, узнав о родительском решении. Сильно, судя по всему, он любил меня, если вместо кино отправлялся со мной выслушивать почтенного аббата Бодри. Подумать только! Мы благоговейно сидели на церковных скамьях, а в глазах целого света стали воплощением порока, эротики и прочего в том же духе! Какая вопиющая несправедливость!..

Мама решила сшить мне подвенечное платье у своей подруги Ивет Транц. Ее ателье располагалось в бывшем публичном доме, куда хаживал еще Тулуз-Лотрек, на рю де Мулен, 6. Ирония судьбы, просто ирония — примерять наряд невинной девы в заведении шлюх. Меня разбирал смех, когда я смотрелась в вычурное зеркало, не привыкшее отражать невест!

Так и изготовили мне свадебное платье в бывшем борделе, вполне серьезно и делово.

Венчались мы в соборе Пасси 21 декабря 1952 года.

На мне было белое платье. Мой любимый дедушка Бум вел меня к алтарю. Прошло все красиво и трогательно. О свадьбе много говорили и писали. Я была любимым детищем газет, Вадим — кино! Мы сияли красотой и радовались жизни. Мы сможем спать вместе не таясь, и все будет честь честью! Отец даже после церемонии в мэрии еще косо глядел на Вадима, когда тот пошел проводить меня до моей девичьей спальни.

Сегодня я получила право спать с мужчиной, подписала документ при свидетелях и могла любить на законных основаниях. Правда, в ту ночь между нами не было близости — на законность ушли у нас все силы. Счастливые, мы заснули обнявшись.

На этом детство закончилось, и я перевернула страницу.

И вот мне 18 лет, и я хозяйка себе, заоблачной карьеры и реальной квартиры на улице Шардон-Лагаш, которую родители купили и предоставили в наше распоряжение, очень надеюсь, что вскоре мы подыщем себе другую, а эту из экономии можно будет сдать. Не в силах работать весь день по хозяйству, чтобы выгадать гроши, я взяла служанку.

Наняла я пожилую даму лет 70-ти, звали ее Аида, была она русской княгиней. Я ужасно робела, не знала, как приказывать почтенной особе, которая годилась мне в бабушки. Вадим, зная, как я люблю животных и как в детстве хотела иметь собаку, подарил мне Клоуна, прелестного двухмесячного черного коккера! Рассчитывал он, что дает мне товарища на случай своих ночных сидений в «Пари-Матче», порой до 6 утра. Аида уходила в 20.00, и я весь вечер и всю ночь тосковала и тревожилась. Клоун стал мне поддержкой и утешением в отсутствие Вадима.

Но Вадим, видя, что я нуждаюсь в нем уже не так остро, стал пропадать вечерами, засел, кажется, в покер... Редкую ночь теперь проводил он дома. Я спала с Клоуном, клубочком свернувшимся рядом, и часто утром вставала, когда Вадим только-только засыпал, поздно вернувшись.

Кристьян Маркан, лучший, задушевный Вадимов друг, с которым Вадим был неразлучен, собрался продать старую БМВ.

Вадим обожал хорошие машины, но редко имел на них деньги. Недавно, в день своего 18-летия, я с блеском сдала на права, утерев нос дюжине парней, которые гоготали и показывали на меня пальцем, думая, что я провалюсь. Но провалились они, а я сдала одна-единственная. Вадим умел учить.

Мы купили подержанную «аронду». Я скакала от радости, Вадим сгорал со стыда! Маркан приехал на своем чудо-автомобиле высмеять нашу пенсионерскую колымагу. Его БМВ была довоенного выпуска. Колеса со спицами, багажник в задней части кузова, капот, открывающийся посередине, подножка, приборный щиток из розового дерева, старинные счетчики. И в довершение всего — откидной верх!

Нищий Вадим бредил ею!

Наконец однажды Кристьян спросил, сколько у меня денег в банке! За вычетом швейцарской авантюры, послесвадебного обустройства и недельного запаса продуктов у меня на все и про все оставался как раз гонорар за «Манину», 200 тысяч. Я и глазом не успела моргнуть, как сделка состоялась. Я выдала чек Вадиму, Вадим — Кристьяну.

БМВ ждала нас у подъезда.

Я всегда панически боюсь сидеть без гроша. Вадим объявил, что не в деньгах счастье, что, если они есть — надо тратить, что всегда можно заработать и огорчаться нечего. Да, нечего! Ему — нечего! Деньги — мои, достались мне они потом и кровью. А бензин на что купить? А что завтра есть будем?

Я разлилась не на шутку. Тогда он сказал, что я скупердяйка.

С этого случая, может быть, я и прослыла скупой. Скупая — не скупая, купила машину я, и принадлежала она мне! Чтобы забыть, что сбережений — ноль, я предложила Вадиму тотчас же поехать опробовать ее в Булонском лесу. И вот с Клоуном — в путь! Я гордо сидела за рулем моей красавицы, она урчала, потом вдруг фыркнула, вздохнула, звякнула — и замолкла совсем...

Да, хороши мы были, сломавшись посреди Булонского леса в час дня!

Вадим, ничего не понимавший в механике, уткнулся в мотор, ахал, охал, но мотор не откликался никак. А мне хотелось убить Вадима, убить Кристьяна. Ярость душила меня! Попалась, как дура! Мимо ехала полицейская машина, подвезли нас троих, с Вадимом и Клоуном. Вызов техпомощи, замена мотора. Итого 700 000 ст. фр.

Кристьян наотрез отказался вернуть мне деньги.

Денег на починку не было, и через полгода машину продали на аукционе. С тех пор я предпочитаю быть скорей скупой, чем глупой, и, как чумы, боюсь «друзей», которые продают машины.

Имеющий уши да услышит!

И все-таки я по-прежнему слепо верила в Вадима.

Он многому научил меня, он рассказывал мне об Андре Жиде, с которым играл в шахматы, он говорил о книгах Симоны де Бовуар и Сартра. Я слушала, зачарованная его эрудицией, умом, юмором, воображением.

Как-то в одном из разговоров он сказал, что, когда ему было 13 лет, он нашел крысиное яйцо в городке Морзин, где провел детство. Я возразила, что крысы не несут яиц.

«Ты что, Софи (он часто звал меня Софи, вспоминая «Несчастья Софи»), шутишь? Ты правда не знаешь, что крысы несутся?»

А я, если честно, не была уверена на все сто... И Вадим рассказал мне историю, где неслись крысы, трещала скорлупа, из яиц вылезали крысята. Поведал, как во время войны крестьяне-горцы жарили яичницу из крысиных яиц... Я свято всему поверила и на другой день слово в слово пересказала гостям крысиную историю. Я имела успех: моя наивность стала притчей во языцех. Смехом не убивают. Только потому я осталась тогда жива.

Однажды я передала Вадиму дедушкин рассказ о мучениях французских солдат в первую мировую. Он мрачно выслушал и сказал: «Это все тьфу по сравнению с болезнью служивых в 14-м году».

— С какой болезнью?

— А что, ты не знаешь?

И проникновенно рассказал мне, как несчастные солдатики, часами торча в залитых водой траншеях, с ужасом заметили, что «яйца» у них вытягиваются и отвисают чуть ли не до земли.

Я оцепенела. Как? И у дедушки Бума?

— Ну да, — ответил Вадим. — И у твоего папы Пилу, только он был моложе и у него висело меньше.

Нет, нет и нет! Быть того не может!

— Да может! — заверил Вадим. — Доказательство — велосипед. Ты заметила, что в мужском сверху есть рама, а в женском нет? Это чтобы класть «их» на нее, не то попадут в спицы...

Доказательство было неопровержимым.

А я никогда не знала, почему существуют мужские и женские велосипеды... Ну вот, теперь знаю. Но — ничего себе! Я не могла опомниться. На другой день побежала к Буму. И так, и сяк приглядывалась я к его брюкам — ничего не заметно. Папу я вообще много раз видела в трусах и подштанниках, но специально не разглядывала. Надо присмотреться. Но у папы тоже все было в порядке. Ничего не понимаю! Пришла домой и говорю Вадиму, что он ошибся. Вадим так и покатился со смеху. Потом сказал, что со временем, видимо, все встало на свои места, потому что кожа, дескать, эластична и стягивается, как у женщин на животе после родов.

Тут, спору нет, он был прав!

Истину я узнала в разговоре с мамой. Однажды болтали мы о том о сем. Я сказала, что очень жалею дедушку и папу, и объяснила, почему. Казалось, мама лопнет от смеха, пока я глядела на нее в изумлении. Как же ей не стыдно смеяться над таким несчастьем!

С тех пор я и слышать не желала Вадимовы рассказы.

А жаль. Они были забавны.

От своей наивности избавилась я не скоро. Теряла ее очень медленно. Сначала разуверилась в Вадимовых сказках. Потом стала узнавать о частностях супружеской жизни, о лекарстве от любви.

Для меня любовь всегда была чудом, чем-то прекрасным, из ряда вон. Она отрывает от быта и уносит в путешествие вдвоем, она не терпит пошлости. Так писал о ней Альбер Коэн в своих

«Небесных даях». Увы! Длиннополые сорочки (их носили еще в 53-м), носки в гармошку (носят и сейчас), тапочки («Тапочки, где мои тапочки?»), разные звуки, спуск воды в унитазе, сморканье, отхаркивание, наконец, ежедневные недоразумения — вот поистине лекарство от любви.

Я всегда об этом помнила и не выносила, чтобы человек опусклся под предлогом, что он у себя дома.

...Для самоуспокоения я стала искать слова, произносить которые приятно. Ведь и правда, иные слоги и звуки тают во рту, как молочная ириска. А некоторые словечки хочется повторять — так хороши. Может, они не значат ничего особенного или вообще означают чепуху, но звуки в них круглые, мягкие, питательные. Первое такое слово я нашла, сказав: «Оп-ля-ля!» Как сладко языку сказать и повторить. Оп-ля-ля!..

Потом обнаружила: «Профитроль». Звуками полон рот. Потом было: «Дуэт». Тихо, округло, спокойно говорить: «Дуэт». Потом выискала: «Прагматик» — суховато, но увлекательно. Потом — «Пурпурный», сочно, нежно...

Время было трудное.

Кроме приятных слов я искала свою дорогу в жизни. Критики отзывались о двух моих первых картинах так плохо, что двери в кино для меня с треском захлопнулись. Со мной все кончено!

Не люблю поражений, не выношу, когда меня гонят. Предпочитаю уйти сама! Я решила взять реванш, начать с нуля. Для начала — найти хорошего менеджера. Прежний, престарелый друг моих родителей, только что умер...

Мне рассказали про Ольгу Орстиг.

Я написала ей с робостью, прося заняться мной. Назначили встречу. Оказалось — деловая, впечатляющая, властная и с шармом чисто славянским. Она бегло оценила меня и решила, что «берет». Отныне ее квартира стала моим вторым домом, а она мне — второй матерью. Мы не расставались никогда. Я зову ее «мама Ольга». Как-никак, она занималась моими делами, а главное, по-матерински меня любила и прощала. В тот момент она как раз подыскивала молоденькую актрису для фильма с Жаном Ришаром «Портрет ее отца» режиссера Бертомеяна.

* * *

Анатолий Литвак, американский режиссер русского происхождения, человек замечательный, одаренная натура и добрая душа, никогда не слушал чужих мнений. Через Ольгу он пригласил меня на роль французской субретки в своей новой картине «Акт любви».

Главные роли играли Дани Робен и Керк Дуглас. Надо было

говорить по-английски. Я могла объясниться через пень-колоду, и меня взяли!

Съемки проходили зимой, на студии «Сен-Морис» (теперь здание снесли). В артистических было холодно и уныло. В моей работало газовое отопление и воняло газом. Долгими часами я дожидалась там вызова на съемочную площадку. На мне был халат, фартук, носки (опять носки!) и башмаки на деревянной подошве. На голове две косицы.

Действие фильма происходило во время второй мировой войны.

Дани Робен вызывала во мне восхищение: стройная, хорошенькая, раньше тоже танцевала. Приятно было думать, что мы похожи... Приятно, а потом очень неприятно, когда я узнала, что она — заядлая охотница.

Американец Керк Дуглас — кинозвезда, полубог, не подступиться. Но я подступалась, даже налетала на него в темных промерзлых коридорах. Он говорил мне «сорри!», и я краснела! Не красавец, ниже меня ростом, но море обаяния!

Ассистент натаскивал меня. По роли я говорила 2-3 фразы, но знать их надо было наизусть. После долгого ожидания в своей комнате я оказалась наконец перед камерами. Литвак был великолепен: шапка седых волос, большие светлые глаза. Волнуюсь, трясусь — он смеется! Я должна была просунуть голову в окошко для подносов и сказать: «Кушать подано». Мой большой выход!

Играй я по-английски Федру, гордилась бы и тряслась от страха ничуть не меньше!

Мама, когда смотрела этот фильм в кино на Елисейских Полях, была простужена и чихнула как раз в тот момент, когда на экране в окошке для подносов высунулась моя голова. Пришлось маме остаться на второй сеанс, чтобы все-таки посмотреть на меня 30 секунд!

В апреле 1953 года я сопровождала Вадима на Каннский фестиваль, куда он поехал взять интервью у Лесли Карон для «Пари-Матча». С Лесли я была знакома. Мы работали с ней у Князева, и когда она снялась в фильме «Американец в Париже», я гордилась, что знаю ее.

В Каннах я узрела мировую знаменитость.

Чудно! — думала я. Мы были с ней как сестры-двойняшки, как два пальца на руке. Столько общего, работа в том числе. Но она достигла высот, а я не могу одолеть первой ступеньки бесконечной лестницы. Ее ждут лучшие фотографы и журналисты, а меня снимают на гостиничном пляже приятели, туристы или местные газетчики.

Я оценивала свое положение и видела, как далеко мне до Лесли.

В Каннах встал на рейд американский авианосец. Капитан пригласил кинозвезд на «вечеринку». И я опять сопровождала Вадима. Он делал на пару с Мишу Симоном, фотографом, репортаж об этом неожиданном приеме. Кинозвезд Лесли Карон, Лану Тернер, Эчику Шуро, Гари Купера, Кёрка Дугласа и многих других экипаж корабля встречал криками «ура!». Прячась за Вадима, я с любопытством и трепетом наблюдала за всем происходящим. Вдруг капитан подошел ко мне, поздоровался, вывел меня на середину палубы и представил экипажу:

«Это Брижит!»

Что делать? Я подняла руки и крикнула: «Хелло, ребята!» Что тут началось! Моряки стали бросать в воздух береты. Потом подхватили меня и понесли, ликуя и скандируя: «Брид-жет! Брид-жет! Брид-жет!»

Они понятия не имели, кто я. Потому что я и была — никто. И я не могла уразуметь, в чем дело, но, видимо, между нами возникло притяжение, раз они чувствовали единственную каннскую «незнаменитость».

Эта реакция, неожиданная, но приятная, возможно, объясняет другую, несколько лет спустя. Именно благодаря американцам я прославилась после выхода фильма «И Бог создал женщину».

* * *

К мастерству актеров, с которыми работает, Ольга относится серьезно. Посоветовала мне брать уроки драматического искусства у Рене Симона.

Прихожу. Человек 50, юношей и девушек, смеются, говорят, обсуждают, репетируют. Хочется раствориться, исчезнуть. Я вся сжалась и сидела забившись в угол, пока Симон на возвышении с безумным видом что-то вешал. Заявил, что секрет успеха — молодость. Что у молодости нет возраста. Что ты молод, пока видишь, как писаешь (так и сказал!). То есть не следует толстеть. Когда живот толстый, человек не видит, как писает! А мы, женщины, не люди: толстые или нет, все равно не увидим.

Это был мой первый и последний урок драматического искусства у Симона! Я покинула курсы, приобретя эти весьма ценные познания и в душе сочтя, что лучшее учение — сама работа, а мастерство — время и жизнь! Но в списке учеников Симона оказалась моя фамилия, и впоследствии он на этом сделал себе рекламу! «Бардо окончила курсы Симона»... Так написано в моих справках.

Андре Барсак предложил мне в театре «Ателье» роль, уже сыгранную Дани Робен в «Приглашении в замок» Жана Ануя. Вы-

бирать не приходилось. Надо было жить. Платить должны 2000 ст. фр., то есть 20 новых, за вечер — лучше, чем ничего!

В театре я никогда не играла. Новичок. Репетиции, неудачи, отчаяние. Полная беспомощность. Ануй приглядывался ко мне, считая, что из меня выйдет прекрасная Изабель.

В вечер премьеры пришли маститые критики, в их числе Жан-Жак Готье. «Старики» тряслись от страха, я — тем более.

Подняли занавес... Вперед — и в бой, и все забыто! Я думала только об Изабель, становилась ею с помощью дивного ануевского текста! Перед спектаклем Ануй прислал мне цветы с запиской: «Не волнуйтесь, я приношу счастье».

Записку я сохранила и убедилась, что он был прав!

На другой день Готье расхвалил меня, и почти все остальные отзывы оказались хвалебными — о пьесе и обо мне.

Пьесу играли уже месяц, моя скованность мало-помалу прошла. И вдруг однажды, во 2-м акте я забыла слова. Первое, что я вспомнила и произнесла, была реплика из середины 3-го акта. Грегуар Аслан, игравший со мной, опешил! За кулисами поднялась суматоха, выскочил ошарашенный актер, который должен был ответить мне в 3-м акте! Спектакль укоротился на целый час. Антракта не было. Зрители недоумевали...

Так я выходила на сцену целых три месяца...

Но на ежедневные две тысячи старых франков жить было нельзя. Я опять искала работу!

* * *

Ольга предложила мне сняться в понедельник, мой выходной, в эпизоде фильма «Если бы мне рассказали о Версале».

Саша Гитри искал «недорогую» актрису на роль мадемуазель де Розиль, случайной любовницы Людовика XV. Людовика играл Жан Маре. 5000 франков за день съемок в Версале. Я согласилась с радостью.

В тот самый понедельник я явилась к 9 утра в замок, в грим-уборные. К 12-ти надо быть готовой. Ужасно хотелось спать. Накануне я играла в театре «Ателье» в двух спектаклях, днем и вечером, и легла очень поздно.

Опять примерный ад, где «чем больше, тем лучше». Сперва я походила на сырой эскалоп по-венски. Потом физиономию посыпали рисовой пудрой — впору выступать в пантомиме на пару с Марсо. Наконец нахлобучили мне напудренный парик, и я стала похожа на тряпочную куклу без губ и без глаз. В довершение ко всему парик съехал, и казалось, что у меня кривая шея. Я рискнула сказать об этом. В ответ мне отрезали, что моя роль

так мала, что не только шею — меня саму не заметят!.. Спасибо! Прекрасное напутствие.

К 12-ти я наконец была готова!

Меня нарядили в розовое, цвета нижнего белья платье «эпохи». На поясе корзины, в юбке — обручи. При полном параде я и присесть не смела. Стояла и повторяла реплику, ожидая милости от тех, кто решал мою судьбу.

В 3 часа дня, не держась на ногах, я наконец села на ступеньки лестницы, задрал, увы, юбку выше головы!

В 5 часов подвело живот от голода. Я робко спросила, нельзя ли пойти съесть бутерброд. Отвечали: платят, чтобы ждала, значит, жди. К тому же через 15 минут тебя позовут!..

В 7 часов я все еще ждала. В животе урчало, глаза слипались. Я задремала в версальском кресле! Проснулась, совершенно разбитая, в 10 вечера. Одна. Вокруг ни души. Кромешная тьма.

Вышла узнать, как идет дело, и была обругана гримершей! Что с лицом? Пудра слезла, тушь потекла! Парик съехал на лоб, и теперь я была похожа на Поля Пребуа.

Я сказала ей, что жду с 9 утра, больше не в силах, хочу спать. Бесплезно. Она снова меня напудрила, оттянула со лба мой не то парик, не то берет и велела ждать стоя. И я, как лошадь, чуть было не заснула стоя, когда в полночь за мной пришли.

Вывели меня на свет в большую позолоченную гостиную, где разыгрывалась моя сцена с Жаном Маре. Вид у меня, наверно, был не блестящий: помятый, жалкий, измученный. Меня подвели к Гитри. Он командовал, сидя в кресле на колесах. Сзади его катил ассистент. Гитри был бородат, в шляпе и с тростью. Он долго смотрел на меня и вдруг спросил с сомнением: «Сколько вам лет, крошка?»

Я ответила: «Девятнадцать, мэтр».

Он лукаво улыбнулся и сказал тихонько: «В ваши годы, крошка, можно и подождать!»

Мама, часто простужавшаяся, на премьере фильма в моей сцене с Маре опять чихнула. И, выходит, опять меня пропустила! Но обещала мне, что обязательно залечит свой хронический насморк перед моим следующим фильмом!

А испытаний, пока Бог «не создал меня», было немало!

Мартин Кароль была в апогее славы, у продюсеров нарасхват. Одно имя — и лучшей рекламы не надо.

Жан Девевр предложил мне небольшую роль в фильме «Сын душечки Каролин». А почему не «Кузен душечки Лолы Монтес» или не «Молочный брат душечки Нана»? Ладно, в общем, если нашлась золотая жила — выберут все до песчинки. Но еще хуже названия был актер — Жан-Клод Паскаль, сын знаменитой кра-

савицы. Ему предстояло в своем роде продолжить матушкино дело. Увы, трудно поддержать семейную честь, когда дело имеешь со столькими красотками... В их числе Магали Ноэль, страшно сексапильная. Работа предстояла тяжелая для всех...

Вадим проводил меня в Пор-Вандр, где снимали натуру. Мы приехали вечером накануне съемок.

Все было готово — костюмы, декорации и проч. Только забыли выкрасить мне волосы в черный цвет, а играла я испанку Пилар, аристократку, на которой в конце фильма женился Жан-Клод, прежде переспав со всеми!

Катастрофа!

В 10 вечера местная парикмахерская закрыта, у нашей парикмахерши нет краски, а я опять рыдаю, что опять мои прекрасные пепельные волосы выкрасят, пересушат, испортят на потребу поганого кино!

Если бы не контракт, я бы уехала.

Но осталась, не спала ночь, и в 7 утра, обмирая от страха, вошла в гримерную. Парикмахерская не открылась, и парикмахерша не достала краски! И мне тушью для ресниц вымазали пряди на лбу!

Хороша я была! Волосы отвердели, слиплись, спереди — в черных комочках, сзади — светлый пучок прикрыт черной мантилей. Черт-те что! Далеко мне до Мартин Кароль! В таком виде с ней не сравниться. В общем, что говорить... Ноэль была прелестна, кружилась, смеялась, болтала, Жан-Клод тоже прелесть, веселился с ней на пару. А я — не знаю кто. Только не восходящая звезда...

Вечером того же дня я была отведена в парикмахерскую, наконец открытую, обмазана черной клейкой массой и сделана жгучей брюнеткой с ненужными черными подтеками на лице и шее. Волосы, которыми я всегда гордилась, были сожжены, секлись и ломались. И снова я плакала, проклиная судьбу, требовавшую от меня таких жертв.

Фильм вышел на редкость плохим. Жан-Клод Паскаль не шел в сравнение с Мартин Кароль, Магали Ноэль тоже, обо мне и говорить нечего.

С сыном или без, душечка Каролин останется единственной и неповторимой.

«Пари-Матч» послал Вадима к виконтессе де Люин сделать репортаж о псовой охоте, которую устраивала она в своем замке на Луаре.

Я не захотела оставаться одна дома даже в обществе Клоуна. До смерти боялась, что Вадим встретит там красотку и устроит мне на голове то же украшение, что и у оленя, предмета охоты.

С одной стороны — ревную, с другой — не могу видеть, даже издали, как охотятся — проливают кровь. Приехав в замок, я тут же ощутила жуткую атмосферу, которая предшествует большой бойне. Я заперлась у себя в комнате, дождалась отъезда убийц и вышла на прогулку в лес. Издалека доносились звуки рога, лай собак и прочие шумы, нарушавшие тишину леса, где люди убивали.

Помню, мечтала, чтобы добрая фея остановила их!

И молила небо спасти оленя от кровожадной своры.

И плакала, прижавшись лицом к стволу, и спрашивала, зачем нужно это варварство.

Я представляла себя на месте оленя, тосковала его тоской, мучилась его мукой, его — тихого и безобидного лесного жителя, повинного только в том, что имеет рога, которые люди жаждут повесить, как трофей, у себя над камином.

С того дня ненавижу охотников. Я осознала, как никчемна, жестока, бесчеловечна охота. Я думала: так бы охотились за рогами рогоносцев — мир обезлюдел бы!

Было уже темно, когда я вернулась. В замке — смех, визжат дамы в поисках кавалеров, бьют мужчины, гордые, что убили. Посреди пустого двора лежал олень в луже крови. В моей памяти эта кровь несмываема. Она заливает мне глаза, когда речь идет об охоте. В тот миг я поклялась, что буду делать все возможное, чтобы люди осознали свое заблуждение. И начала немедленно.

Сдерживая тошноту, я вошла в гостиную, где находился Вадим. Он недоумевал, куда я запропастилась. Я не поздоровалась ни с кем, даже с хозяйкой. Смотрю — гости пьют за успех охоты. Смеются, когда надо плакать! Слуга поднес мне шампанское. В горле был комок, а в сердце боль. Я отказалась. Не из робости — от отвращения! Сама не своя от тоски, раздражения и бессилия, я вышла из замка и отправилась пешком в Париж. Вадим догнал меня на машине и с чемоданами.

Таков был, есть и будет мой характер.

Несмотря на болезненную застенчивость, я всегда делала то, что считала правильным.

Несколько дней спустя, войдя к себе в дом, я обнаружила, что кругом грязь, в холодильнике пусто, а Вадим с Аидой играют на полу в рулетку. Аида вроде бы знала карточный трюк, который соглашалась продать за 1 миллион франков. Трюк был беспроектный, она доказывала это потрясенному Вадиму, беспрестанно выигрывая.

Я принялась убираться, пока она прикарманивала, сверх своего жалованья, остальные наши денежки...

Вадим поверил. Он занял у приятеля миллион, сунул деньги на глазах у Аиды в ящик письменного стола и вместе с ней от-

правился в Довиль испытать ее трюк. Подтвердится — Вадим отдаст ей миллион. Нет — вернет приятелю.

Итак, я брошена! На этот раз я не поехала с ним, а осталась одна с Клоуном! Оказалось, ненадолго. На следующий день Вадим вернулся. У него пропали все деньги и... Аида. Аида как сквозь землю провалилась... На самом деле она вернулась в Париж и, пока меня не было дома, забрала миллион.

Больше мы ее никогда не видели!

Почувствовав отвращение к служанкам, карточным трюкам и мужьям-идиотам, я собрала вещи и переехала с Клоуном в отель «Бельман».

Хлопотать по хозяйству мне больше не требовалось, и я занялась работой всерьез. Марк Аллегре пригласил меня сниматься в «Будущих звездах» с Жаном Маре в главной роли.

«Бельман» — один из самых чудных и беззаботных периодов моей жизни!

Какое счастье — когда в твоём распоряжении лакей или горничная, которые говорят тебе только одно: «Чего изволите?» А Клоун раньше и не пробовал таких паштетов — мясо с рисом «Анкл Бенс»!

У Вадима не было никаких поездок, и он перебрался ко мне.

Я ужасно обленилась. Утром, едва проснувшись, я звонила, и гостиничный служащий шел выгуливать Клоуна. Потом я заказывала легкий завтрак. Потом... в том же духе. Пластинки я крутила без передыха. Жила я на последнем этаже. В соседних номерах ребята — все приятели. Вадим работал, а мы в коридоре танцевали ча-ча-ча.

Одиль была ненасытна в любви, как бывают только очень юные. В номере у нее постоянно крутились красивые парни и девушки. Моя собственная сестра Мижану приходила в соседний номер к приятелю, женатому, но слишком любвеобильному — набраться женского ума-разума. Другие соседи по этажу — фотографы и репортеры из «Пари-Матча». И до работы рукой подать, и гуляй, сколько хочешь!

Весело было безумно. То чьи-то подштанники забытые, то трусики передавались из комнаты в комнату, подальше с глаз какого-нибудь ревнивца. Нередко данные предметы одежды оседали у меня — мне самой прятать было нечего — до поры, пока Вадим не обнаружил на дне стенового шкафа дюжину мужских трусов и чуть не подал на развод.

Одиль была необыкновенно красива, бесстыдна и естественна, как зверь. Она учила меня танцевать ча-ча-ча, а мой гав-гав-гав наблюдал за нами. Ей исполнилось 16, мне — 19! Я восхищалась ею! Она воплощала собой все то, чем не могла быть я в силу

своего воспитания. Я проклинала наши три года разницы. Я считала себя старухой, а она говорила, что я красивая, и мы танцевали и танцевали наше ча-ча-ча, более или менее одетые, под афролатиноамериканскую музыку, пока не продолжили танцы вдвоем в постели.

Это был мой первый и последний опыт подобного рода!

В то время я, повторяю, снималась в фильме с заманчивым названием «Будущие звезды» и целые дни проводила бок о бок с Жаном Маре. Танцевать я умела, освоила азы драматического искусства, а вот в пении была полный ноль.

И вот учусь певчески округлять губы, правильно дышать и держаться, как примадонна. Пою — под фонограмму — известные арии из «Тоски» и «Мадам Баттерфляй»...

И опять я посмешище!

Допев арии, по роли играю любовь с Маре. Прилагаю для правдоподобия огромные усилия: ленивый и холодный партнер не слишком вдохновляет.

Решительно, ни Жан-Клод Паскаль, ни он — моему сердцу не угроза и Вадиму не соперники.

* * *

Противозачаточных таблеток еще не придумали, прочие средства были не надежны. Всякая задержка вела к тревоге, тревога — к панике!

То и дело я считала дни, вперед, назад, по ночам не знала, как быть — не скажу с «супружеским долгом», ибо не было это ни долгом, ни супружеским. Ну какой из Вадима супруг! В общем, не любя арифметики, но любя любовь, я снова забеременела!

Вроде бы я замужняя дама, не страшно. Страшно! Еще как! Меня никогда не тянуло стать матерью... К тому же первая беременность оставила ужасное воспоминание. Хоть убей, не хотела ребенка! А потом, надо было работать, только-только стали появляться роли. Откажусь — ставьте на мне крест.

Подумать только, в твои лучшие годы — детский плач с утра до вечера, стирка пеленок, запах свернувшегося молока — вечный запах грудных младенцев, и, разумеется, пожизненная ответственность. Нет, ни за что!

С согласия Вадима я решила на аборт.

Но в те годы аборт был уголовно наказуем... И я замахала кулаками после драки: поклялась больше никогда и ни за что не заниматься любовью! Столько мук за миг удовольствия... Может, я какая-то не такая? Как же другие женщины — живут, любят и — не беременеют? А я не успею взглянуть на голого мужчину — и уже в положении!

Ведь это несправедливо.

Мой врач пожалел меня и обещал сделать выскабливание, если я найду кого-нибудь, кто устроит кровотечение. Я нашла — в сомнительном квартале, в каком-то грязном углу. Произошло все в ужасных антисанитарных условиях. Итак, срочно больница и операция! И тут я очутилась в глубоком обмороке. То ли анестезия слишком сильная, то ли аллергия на пентотал, то ли еще что... Сердце остановилось на операционном столе. Мне сделали сердечный массаж. Хвала Господу, сердце заработало!

Под общим наркозом я не осознавала ничего, рассказали мне обо всем позже и посоветовали никогда не пить пентотал в качестве снотворного. Вышла я из больницы еле живая и с трудом оправилась. Но долго еще была слаба.

Ужасно то, что актрисе нельзя заболеть. В этом я вскоре еще раз с горечью удостоверилась. Больна или нет — а фильм надо снять. Работай или сдохни — вот изнанка нашего ремесла.

VI

Франция меня не оценила, я решила завоевать Италию. В Риме предлагали работу.

Я собрала чемодан и из парижской гостиницы уехала в римскую. Одно было плохо — Клоуна из-за карантина пришлось оставить с Вадимом. В Риме все оказалось чудесным — сам город, и жизнь в нем, и жители!

У меня появилась подруга. Звали ее Урсула Адресс, и она, как и я, пыталась сниматься в кино. Жили мы (но не спали) вместе, из экономии. Подойдем режиссерам, нет ли — неизвестно. То говорят — ростом не вышла, то чересчур длинна, то юна, то то, то се. Вспомни они об этом впоследствии — локти кусали бы!

Наконец я нашла себе роль в американском фильме «Елена Троянская» с Россаной Подестой. Я должна была играть ее рабыню. По-английски я говорила слабо, а трусила сильно. На пробы пришло 80 человек. Слова я выучила назубок, правда, не понимала смысла, зато говорила так уверенно, что была принята. Забавы ради сунула палец в шестеренки американской киномашины.

А с ней шутки плохи!

И дисциплина, и английский давались мне с трудом. Ни то, ни другое я на дух не выносила. Ходила на съемки, точно несла солдатскую службу!

Вадим был мне как-никак супругом и курсировал между Парижем и Римом. В общем, я любила его, но страсть со временем прошла, и у меня появились любовники, юные римляне... Недолго я блюла обет целомудрия! Но мне всегда нужна была опора.

Вадим — опора. Он необходим мне. Я ни за что на свете не брошу его!

Пребывание в Риме затянулось. Больше так не могу!

Американцы милы, но с какой стати вставать в 5 утра, если съемки в 9? Мое отношение к работе их сместило. Им нравилась малышка «френч-герл» — у себя дома они признали это! А я, раз уж торчала в Риме, после «Уорнер Бразерс» на мелкой местной киностудийке снялась с Пьером Крессуа в посредственной мелодраме «Ненависть, любовь и предательство». Но заработала я на ней совсем неплохо — будет на что вернуться во Францию.

Но прежде вернулась я в больницу.

Сказались последствия операции и усталость после двух фильмов — целые дни я проводила на ногах. Я слегла с сильным кровотечением.

Пришлось пойти на новую операцию в римской клинике с американскими нянечками. Недоснятая мелодрама превращалась в драму по моей вине. На третий день после операции режиссер умолял меня выйти на съемки. Только закончи, а там отдохай, хоть всю жизнь. В больнице мне гнить надоело, было одиноко и невесело, и я согласилась.

В результате — еще месяц съемок. Час снималась, потом, ослабев, ложилась... Режиссер уговаривал пересилить себя, встать. Я вставала. Потом, едва живая, измученная кровотечением, возвращалась в отель, надеясь, что завтра мне станет лучше! Но завтра было, как вчера, и, даже собравшись с силами, я могла продержаться очень недолго. Скоро я обессиливала и должна была лечь.

В таком плачевном состоянии я отправилась доканчивать фильм в Доломитовые Альпы, итальянский Тироль. Ко всем моим несчастьям, говорили там только по-немецки. Был волчий холод, медсестры днем с огнем не найти, слава Богу, ассистентка режиссера, милейшая женщина, взяла меня под свое крыло и десять раз в день делала мне укол, чтобы помочь продержаться.

К счастью, всему приходит конец. Фильму он пришел раньше, чем мне.

Вернувшись во Францию, я сразу же заявила на житье к Бабуле! У нее я слегка оклемалась. Она лелеяла меня, нянчила, выхаживала. У меня не было ни забот, ни хлопот: угадывалось малейшее мое желание. Даже Клоун накормлен и обласкан.

Бум чуть с ума не сошел от радости, что заполучил меня, Дада готовила специально для меня все самое полезное, самое питательное, Бабуля выказывала мне столько внимания и нежности, что казалось мне — я в раю!

Вадим, со своей стороны, подолгу сидел у меня, переживал за мое нездоровье. Мама меня ласкала и говорила, что лучше бы

мне родить, чем так мучиться. Папа, не зная, в чем, собственно, беда, заявил, что кино мне вредно для здоровья, и посоветовал сменить профессию, чтобы не болеть.

В общем, я блаженствовала. Век бы так жить! Но пришла Ольга, справиться, как дела, и предложить роль в фантастическом фильме.

Работа актера не из легких.

Ни в коем случае нельзя упускать шанс. А где именно — шанс, не угадаешь. Приходится соглашаться на все! Вечный поиск, вечный бой. И никаких поблажек. Передышка — остановка, остановка — отступление.

У меня железная воля и каменная лень. Я как бы между двух огней. Но в конце концов воля все-таки берет верх. И я покинула свое гнездышко, где было тепло и покойно, как до рождения у мамы в животе, и вышла в мир, еще на долгие годы мой — кино.

Благодаря Ольге мне удалось сняться вместе с Мишель Морган и Жераром Филипом в фильме Рене Клера «Большие маневры».

Роль была невелика, но лучше маленькая роль в хорошем фильме, чем большая в плохом! «Маневры» стали для меня школой! Рене Клер был на редкость добр и умен. Направлял он меня мягко, но решительно.

На Морган я смотрела во все глаза, но заговаривать с ней не смела, в ее присутствии ужасно смущалась... Зато с ее дублершей, Дани Дессе, подружилась. А Жерар Филип — живая легенда! Когда он обращался ко мне с вопросом, я краснела до корней волос. Я и вообще всегда краснела — от волнения, переживания, застенчивости! Даже со временем, отвечая журналистам и находя какие-нибудь особенно меткие и дерзкие слова, я принимала самоуверенный вид, а все равно становилась красной, как рак. Лицо горело, и я понимала, что остроумный ответ с краской стыда не сочетается... И однажды зашла я вечером в аптеку возле дома и попросила таблетки, чтобы не краснеть. И покраснела до слез. Аптекарь, засмеявшись, сказал, что таких таблеток не существует, что, наоборот, краснеющая женщина — прелесть, но, по нашим временам, — редкость, и лучше мне остаться, как есть. Я послушалась его, скрепя сердце, и осталась как «есть»!

* * *

Вадим потрудился для меня на славу и написал сценарий забавного фильма, где мне предстояло сыграть главную роль. Фильм назывался «Отрывая лепестки маргаритки».

Я была довольна. Он дал мне прелестную героиню. Она в меру сексапильна, в меру простодушна и поднимает вокруг себя суету и неразбериху. Снимать фильм собирался Марк Аллегре, и это

было прекрасно, потому что он стал большим нашим другом, к тому же дорожил своей репутацией «первооткрывателя кинозвезд». Действительно, именно он открыл Симону Симон и Даниэль Делорм, первым снял в кино Даниэль Дарье и многих других, правда, без таких вот двойных инициалов. А эти совпадения с инициалами его ужасно забавляли. Он прославил именно С.С., Д.Д. Почему бы теперь не Б.Б.?

«Будущие звезды» не имели большого успеха, и фильмом «Отрывающая лепестки...» Аллегре хотел взять реванш. И, кстати, для этого старался всюю.

Партнерами моими были Даниэль Желен и Дарри Коуль. Моя фамилия шла в титрах первой, отдельным кадром, а соперницей у меня была одна Надин Талье, знаменитая стриптизерша. Она, когда вышла замуж за барона Эдмона Ротшильда, стала еще знаменитей. И барон прекрасную плоть одел драгоценностями еще прекрасней. Правда, плоти было многовато, и «одежда» обошлась недешево.

Я отрывала лепестки маргаритки два с половиной месяца, так что ради славы натрудила пальцы до мозолей.

Итальянцы не хотели отставать и предложили синьоре Бардо другой шедевр.

Английская поговорка гласит: «Можешь взять, бери!» Я «взяла» и снова уехала в Рим.

Клоуна со мной не было, Вадим приезжал редко, и я утешалась любовью по-итальянски с неким красавцем — исполнителем сентиментальных песенок. Каждый вечер я заходила в кабаре, где он выступал. Голос его был нежен, обволакивающий, в кафе мне было уютно, и я всю ночь танцевала, смеялась и забывала, что завтра в 6 утра у меня встреча. Встречалась я в столь ранний час с Нероном, то есть с Альберто Сорди в роли Нерона. Я играла Помпею, Глория Свенсон — Агриппину, Витторио Де Сика — уже не помню, кого...

В итальянских фильмах, где озвучание после съемок, слова совершенно не важны. Актеры говорят, что хотят, на языке, каком угодно. Я говорила по-французски, Сорди и Де Сика по-итальянски, Свенсон по-английски. Во время съемки была жуткая неразбериха. Слева рабочие приколачивали декорацию, справа парикмахер брил режиссера и режиссер орал на парикмахера, оцарапанный. А посередине — мы несли чушь, уважая себя за талант и презирая остальных за то, что талант не ценят и не затаили дышанье. После американской дисциплины я попала из огня да в полымя — на римские оргии, изо дня в день...

Именно тогда я впервые в жизни почувствовала свою «звездную» власть.

Помпея должна была принять знаменитую молочную ванну, и я предвкушала пользу для кожи... Каково же было мое разочарование, когда я узнала, что гигантская ванна, почти бассейн, наполнена крахмалом! Я не желала входить в нее: не хватало накрахмалиться, как воротничок сорочки!..

Я в слезы. В общем, устроила сцену.

Поднялась суматоха... А не крахмал — что же тогда? Говорю: «Молоко». Все с ужасом ждут, что я потребую не простое молоко, а ослиное, но нет, я не капризная, ослиного не надо! И все-таки столько молока — бешеные деньги! Что делать? Разбавить водой. Половину на половину! Сказано — сделано. Получила я ванну из молока полуторапроцентной жирности!

Но Бог меня наказал.

Сцена снималась два дня. В первый я гордо и блаженно окунулась в свежее тепловатое молочко... Юпитеры, жара, грим, долгие часы съемки... Под конец я плескалась в мерзкой створоженной простокваше. Завтра в нее не окунешься. Вышла я из ванной в жалком виде и на другой день согласилась на крахмал. Так закончились мои римские каникулы и звездные капризы.

С опытом и без денег я вернулась во Францию.

И опять очутилась в своей квартирке-душегубке на улице Шардон-Лагаш в Париже, который показался тесным и тусклым мне, восходящей звезде. В Риме я привыкла к величине и величю, а тут царила ограниченность, мне невыносимая!

Хочу рассказать еще об одной особе, старушке-консьержке в моем доме, по имени мадемуазель Маргерит.

Встретились две женщины: одинокая старая — 75 лет, жизнь позади — и одинокая молодая — 20 лет, жизнь впереди! Мы стали друг для друга бабушкой и внучкой.

Вспоминаю об этом потому, что видела от нее столько тепла и преданности! И, если бы не она, я, может, и не стала бы тем, чем стала... Жила она очень бедно в убогой комнатке, точно взятой из романов Золя. И никого у нее на свете не было, кроме канарейки Тины, которая пела для нее целыми днями.

Царство вам небесное, мадемуазель Маргерит! Вы были само милосердие, сама доброта!

Вернувшись из Рима, я узнала, что мадемуазель Маргерит умерла.

Вообще-то надо сказать вот о чем.

По натуре я крайне чувствительна и уязвима!

И всегда мне была необходима любовь или привязанность, просто человеческое тепло, поэтому я всю свою жизнь цеплялась

за кого-то — друга или подругу, кто давал ласку, нужную мне, как воздух! Возможно, я недобрала ее когда-то в раннем детстве, и это сказалось на всей моей жизни. Я всегда зависела и завишу от чьего-то знака внимания, участия. Я всегда взволнована, когда близкие добры ко мне. Из благодарности за любовь готова чуть ли не встать на колени!

Я обожала Дада за все ее заботы и ласки!

И боготворила Биг за ее доброту и снисходительность!

И глубоко уважала дедушку и бабушку — Бума с Бабулей — за их беззаветную любовь ко мне!

И пыталась, возможно, неловко, найти столь же большое чувство в родителях!

И всегда искала в возлюбленных привязанность и нежность. Физическая любовь, как бы сильна она ни была, отходила на второй план.

Чтобы не сидеть без дела в ожидании очередного дрянного фильма, я приняла приглашение пообедать перед телекамерами у Мориса Шевалье в Марн-ля-Кокет и попозировать художнику Ван Донгену. Я была известна, они — прославлены! Ван Донген, перед которым я преклонялась, написал с меня превосходный портрет. Телевидение снимало Ван Донгена за работой, а заодно и меня...

Купить портрет я не могла — не было ни гроша. С досады я кусала локти. И тщетно улыбалась ему — он требовал не улыбки, а банкноты. Очень жаль. Теперь этот портрет в энциклопедии Лярусса назван ван-донгеновским шедевром.

Позже я пыталась отыскать картину и узнала, что она продана в Америку. В 1970 году ее привезли во Францию и предложили мне. Стоила она тогда 270 000 франков, а мне показалась жалкой мазней...

Американцы не забыли меня. Из-за океана прибыл ко мне на подпись готовый контракт от «Юниверсал Компани».

Боже, как быть?

С одной стороны — заманчиво! Договор на 7 лет с ежемесячным заработком, огромным по тем деньгам, что я имела! С другой — снимают меня или нет, никакой работы на стороне... Что делать, не знаю...

И хочется, и колется. Не люблю уезжать, отрываться от корней. Слабых, но все же! А денег нет. Уходят в два счета.

Кстати, из экономии я не брала прислуги. Но гостей любила. Приходилось готовить самой, уловив минуту между фотосъемками для журнала, встречами с режиссерами и походом за продуктами.

Однажды я позвала друзей на обед. Впервые в жизни сделала жаркое. Пока оно готовилось, предложила гостям выпить...

О ужас!

Из кухни, из-под двери, вдруг пополз дым!.. Я к плите! Загорелась духовка, огонь перешел на стол! Я завопила и распахнула в кухне окно, выпустить чад! Прибежали гости в испуге и с кашлем. А духовка уже пылает! Вспоминаю: при пожаре нельзя допустить сквозняка. Выскакиваю из кухни, захлопываю дверь и держу изо всех сил. А гости-то в кухне, в огне! Стучат, кричат, но я вцепилась в дверь, одно помню: при пожаре не допускать сквозняка!

Короче, Вадим спокойно, только с диким хохотом, придя домой, вызволил их.

В тот день мы обедали в ресторане, и я согласилась, что каждому — свое. И дала слово больше не готовить. Но слово не сдержала.

Итак, контракт ждал подписи, импресарио — моего выбора, а я — своей судьбы.

Незадолго перед тем разразилось «дело Розенбергов». Чудовищная несправедливость! Ничего я не понимала в политике и теперь, впрочем, не понимаю, но всегда будут жить в моей памяти муж и жена Розенберги! Да, всегда, права я или нет. Я следила за вашим процессом, и тревожилась, и надеялась вместе с вами. В ночь накануне вашей казни я написала от руки сотни листовок, листов бумаги, где я сказала, что вы невиновны. И разбрасывала эти листки везде, где проезжала. Жаль, что их не хватило, чтобы запорошить ими парижские улицы, точно снегом, чистым и белым, как ваша совесть.

Этель и Юлиус, мужественно погибнув на электрическом стуле, вы изменили не только ход истории, но и судьбу одной французки по имени Брижит, которую хотели нанять ваши сограждане. Безвестная актриса, ничто, я все же отомстила за вашу нечеловеческую муку и смерть.

Взяла я и порвала американский контракт.

А потом собрала клочки, бросила в конверт, как в мусорную корзинку, и отослала...

Как приятно сказать: «Идите к черту!» — тем, кто убивает невинных!

Кстати, я всегда отказывалась от американской карьеры. Даже на вершине славы не поехала сниматься. Не удивляйтесь. Во мне живет понятие справедливости и человеческого достоинства. Смерть Розенбергов не искупить долларами и постылым успехом. Так я была вашей сообщницей, Этель и Юлиус, и теперь верна вам, храня вас в сердце.

Есть смерть, которой нельзя казнить даже преступников.

Американцев — к черту. Были англичане...

К счастью, потому что франков, то есть денег, у меня уже не было.

Шли съемки сериала «Доктор в море» с Дирком Богардом. Мне предложили эпизодическую роль. И вот снова: отдать швартовы и — в путь, покорять Альбион.

Как я ненавидела уезжать!

Опять отрываться от корней, Вадима, Клоуна, дома. Ольга поехала со мной поездом (самолетом в те годы я еще не летала). Она поселила меня в «Дорчестере», познакомила с будущими партнерами, продюсерами, операторами, словом, привезла дитя в пансион и сдала наставникам. Потом, в вечной спешке, бросила меня на англичан и вернулась в Париж, наказав мне быть серьезной, прилежной, дисциплинированной и проч. и проч.

Я осталась одна в гостиничном номере — тосковать и обливаться слезами.

Вечная потребность в любви, страх одиночества, неприятие чужого... Но «Доктор...» был мне прекрасной языковой практикой. Рядом никто не говорил по-французски. Я повторяла английские слова, как попугай, чаще всего не понимая даже смысла!

Прекрасная школа.

Вставать приходилось в 5 утра — от Лондона до пинвудской студии полтора часа езды. День изнурительной работы, обратная дорога — и плюхаюсь без сил в ванну и в постель, и засыпаю за ужином — пудингом...

В субботу и воскресенье съемок не было: английская рабочая неделя! Не зная, куда деться, я проводила выходные в постели, пытаюсь отоспаться. Скука смертная.

Однажды меня пригласил на воскресный обед Дирк Богард.

До его дома ехала я на машине два часа. Приехав, сидела в чужой компании! От английского языка болела голова. Полмира за словечко по-французски!.. Счастьем было познакомиться с Жаком Сальбером! Он заведовал лондонским отделением Франс-Пресс и взялся скрасить мне здешнее пребывание. Он и его жена стали развлекать меня, представили своим знакомым, повели в кино и театры. Наконец съемки завершились. Фильм был не шедевром, но ничего, и я была ничего, и более того! И не успела я полюбить Лондон с его скрытой прелестью и потрясающим прошлым, как подошла пора сесть на поезд.

И вернулась я к бедняге Клоуну, уставшему вечно дожидаться хозяйку! Вернулась к мужу, вернулась к корням.

* * *

Вадим по-прежнему занимался, чем придется, и сочинял роман под названием «Элле».

Я стала сниматься в фильме «Свет в лицо». Продюсером был Жак Готье. Его помощница, спутница, стала навеки моей подругой. Мне исполнилось 20, она вдвое старше меня.

И была она, есть и будет — моей Кристиной!

В нашем легкомысленном круге люди глубокие редки. Кристина была как раз из этой редкой породы. Красивая, высокая, благородная. Взяла меня под свою опеку, стала заботиться. А в покровительстве я всегда, сознательно, нет ли, нуждалась. Знаю точно: нежность подружки изменила мою жизнь.

Фильм снимался на Лазурном берегу. Народ подобрался хороший. Я не была большой знаменитостью, но и не совсем безвестна. О съемках вспоминаю с удовольствием. Роль была выигрышной, никто меня не уродовал, напротив. Выглядела я прекрасно. Удачно гримируют и красят, проявляют вниманье. Партнеры, Раймон Пеллегрен и Роже Пиго, очень милы. Снимались мы в городке Боллен на Роне.

Тогда-то и случился анекдот, о котором вспоминает ассистентка режиссера Жанна Витта в книге «Волшебный фонарь». Я в ту пору была еще очень стыдлива и наотрез отказывалась раздеваться догола, чтобы переплыть реку. Кристина Гуз-Реналь умоляла, уламывала — я ни в какую. Отчаявшись, она привела дублершу, со спины отдаленно похожую на меня. За кругленькую сумму дама немедленно разделась и вместо меня переплыла реку.

У дублерши, к несчастью, был низкий зад.

«Смотри, — сказала мне Кристина, — у нее зад чуть не до земли. А будут думать, что это у тебя...» И так далее. Задетая за живое, я послала стыдливость в задницу и обнажила собственный зад, ничуть не низкий. Лиха беда начало.

Кристина опекала меня и поддерживала.

Работа с ней становилась в радость. Она учила меня находить во всем плюсы... В ту пору я не могла жить одна. Я говорю не о дневном одиночестве — с утра до вечера вокруг меня находилось с полсотни людей. Я боялась одиночества вечером, ночью, утром, в минуты, когда мир о тебе забыл. Эта зависимость, потребность в руке, плече, теле, которое согреет ночью, превратила меня в рабу на долгие-долгие годы.

Нелегко разглядеть лицо, спрятанное за камерой. А все же я разглядела, увидела. И влюбилась на все время съемок. И для него старалась быть красивой, чтобы он мог гордиться мной! Звали его Андре. Он был оператором и, о ужас, имел семью. И я, о ужас, тоже. Но вообще-то фильм как оазис в песках мира и живет своей обособленной жизнью. Я обожала Андре, а он, как богиню, запечатлевал меня на пленке.

Он был красавец и — коммунист!

Мой партнер, душа-человек, тоже красавец и — коммунист!

Раймон Пеллегрен был чудесный малый, умница и — коммунист!

Из чего я заключила, что компартия — заведение отличных ребят, и решила вступить в нее.

Так в двадцать лет понимала я политику.

Потом я познакомилась с Жоржем Марше и вступать в партию передумала.

Съемки кончились, как каникулы. Прощай, прекрасные оператор, съемочная группа, партнеры. Прощай, Ницца, беззаботная жизнь, прощай «свет в лицо».

В съемках плохо то, что три месяца живешь с людьми одной семьей, а конец работе — семья распалась, и редко потом встретишься с ними, да и они уже не те... В общем, конец съемок — отчасти смерть, перевернутая страница, шаг в неизвестность. А то же и с теми же не повторится.

Одна Кристина была и будет со мной.

Она смеялась, глядя, как живу я, точно школьница на каникулах. Шутила над моей тоской. Всякого уже навидалась и, ей-Богу, в качестве моей подруги навидается позже! Дружба двух женщин — вещь потрясающая, если искренна и глубока. Именно такая дружба была у меня с Кристиной. Кристина видела во мне отчасти и саму себя, свой характер, а я мечтала стать, как она. Она была почти моим идеалом, хоть внешне мы разные. Понимали мы друг друга без слов — хватало жеста, взгляда, улыбки.

Когда Жак Готье внезапно умер вследствие неудачной операции аппендицита, Кристина осталась одна, без средств, в отчаянии. Но решила продолжить работу Жака. И стала продюсером благодаря собственной отваге, деловой жилке и моей подписи в ее контракте... Этот контракт, без даты, впоследствии оказался Кристине на руку, потом объясню, почему.

В Париж я вернулась грустная, все казалось мне серым. Какая тоска — сидеть одной дома на Шардон-Лагаш. Вадим с утра до вечера пропадал в «Пари-Матче» или писал сценарии на заказ. Клоун мне безумно радовался, но я видела, что и ему хочется на простор.

У меня не было ни друзей, ни подруг.

Шанталь, подруга детства, вышла замуж за крупного делягу, и наши пути разошлись. Поэтому виделась я с Кристиной, обедала-ужинала с Кристиной, жила с Кристиной, цеплялась за Кристину. Ольга, успев узнать меня, поняла, что эмоциональная сторона

отношений мне важней деловой. И поэтому я виделась с Ольгой, ела с Ольгой, жила с Ольгой, цеплялась за Ольгу!

И Ольга, и Кристина заменяли мне мать в течение всей моей жизни в кино. Они были мне спасательным кругом, наперсницами, сообщницами, советчицами. Лечили меня, когда я болела, дарили мне подарки на Рождество и день рождения, становились мне новой семьей, другой, лучшей.

А ведь обе порой умели быть неумолимы, когда хотели мне помешать совершить ошибку. Они умели поддержать меня и в тяжелой роли звезды, и как ребенка, которого опередила его собственная судьба...

* * *

Увидев меня в «Больших маневрах», Мишель Буарон, ассистент Рене Клера, решил испытать мою судьбу, а заодно и свою. В качестве режиссера он снял фильм «Эта проклятая девчонка». Фильм сослужил мне хорошую службу!

Мишель — сама веселость, остроумие, изящество. Таким же сделал он фильм. И, используя мои танцы, такой же сделал и меня — веселой, раскованной, в точности как я настоящая. Впервые в кино я была сама собой.

Отныне я считалась звездой и получила наконец личную гримершу.

Гримерскую братию я ненавидела с самого первого своего фильма. Боялась ее, как чумы! Мою личную гримершу звали Одетта Берруайе. Молода, хороша собой, весела, надушена. Ей все было внове, в кино она пришла совсем недавно. Кем же с тех пор стала для меня Одетта? Своим человеком, ежеминутно, ежедневно, ежедневно. Супруги не бывают столь спаяны, как были спаяны мы. И самый длительный мой роман — миг в сравнении с нашей дружбой, вечной и неизменной!

Одетта стала Дебеттой, потом «Деде». Мы взаимно были друг другу опорой во времени и пространстве, в горе и радости, в болезни, отчаянии. Мы не расставались никогда и двадцать лет жили, как сиамские близнецы. Она была счастлива моим счастьем, гордилась моими успехами и переживала, как свои, мои поражения.

Тем временем Вадим писал сценарий и водил дружбу с продюсером Раулем Леви.

Ни Рауль Леви, ни Вадим, ни я, толком ничего не сделавшие, решили снять фильм под названием «И Бог создал женщину». Но всерьез ни о чем не думали. Казалось, три весельчака затевают благотворительный вечер.

Никто не хотел дать нам денег: ведь ясно же — дело гиблое.

Леви, однако, форсил вовсю! Обеды и ужины у «Максима», в Тур д'Аржан и т. п. Мне этот цирк в новинку! Пойти было не в чем: только брюки да майка. В платье я выглядела ужасно. Со своим пучком я становилась похожа на школьную училку. А на каблуках ковыляла, как после перелома обеих ног.

Господи! Я-то ругала себя за уродство, возмущалась дурацкими понятиями о приличии. А Вадим преспокойно уходил обедать с Леви и Иксом, Игреком или Зетом, которые могли дать деньги на фильм. И я, десять раз переменяв наряд, три раза — прическу, наругавшись и наоравшись, выпивала, чтобы успокоиться, бутылку красного и укладывалась в постель, пьяная от вина, злости и зависти к мужикам, избавленным от проблем с тряпьем!

Вадим привык. В ответ только смеялся. Говорил, что проблему я выдумала, потому что считал меня красавицей. Уговаривал: наплюй, тебе и так все к лицу... Я не очень-то верила. Он был настолько от этого далек, что иногда надевал разные носки и искал битый час костюм, который уже надел!..

Я взвыла: «Кристина, спаси!»

Кристина отвела меня в «Мари Мартин», где я купила-таки пару платьев! Но нечего было надеть на ноги... Купила туфли, чулки. Потом кашемировые кофты. Кристина объяснила, что с чем надевать.

Теперь не было шубы! А восходящей звезде без шубы нельзя. Причем или норковая, или никакая. Тогда — никакая: я уже в те годы не выносила звериного меха. Тут возникла мама, повела меня к подруге, у которой была — и норковая, и дешевая! Шуба оказалась на десять размеров больше меня, я в ней утонула. Но мама сказала: «Лучше утонуть в шубе, чем в слезах с тоски по ней!» И осталась я, дура дурой, в шубе и без денег.

Хорошо мне было только с распущенными волосами, босыми ногами и одетой так, как будто я только из постели... Я решила: одно из двух — или однажды мир примет меня такой, или я не приму мир никаким.

Горе скандалистке!

Стало быть, горе мне!

Ведь предрассудки только и значат, когда им придают значение. Воспитание, приличия — придуманы. Ну так я придумаю наоборот. Я отвергла «как принято» и стала жить «как не принято». Именно так я явилась в один прекрасный день к «Максиму», с волосами по плечам, в платье в обликпу и открытых плоских туфельках, которые легко скинуть под столом, а вместо украшений — огромное пятно — от поцелуя любовника.

Все это было мило, но не серьезно. Однако финансирование фильма — вещь очень и очень серьезная.

Был апрель 1956 года, время Каннского кинофестиваля. Ехать в Канн надо было обязательно! Ехать не хотелось, но приходилось дергать за все веревочки, чтобы наскрести деньги на фильм, хотя бы черно-белый.

Для меня фестиваль был мукой!

Но: назвался груздем — полезай в кузов!

Как многие застенчивые люди, я пряталась под броней наглости и агрессивности. И нахальством скрывала, что легко ранима. Я обесцветила волосы. Золотистый цвет оказался мне к лицу. Я стала похожей на львицу! Превратившись в блондинку, начала меняться сама.

В Канне я оказалась «дежурным блюдом». Восходящая звезда, босоногая, в бикини и с декольте! Обо мне заговорили. И слава Богу! Потому что нужны были деньги на фильм.

Для какого-то репортажа меня привели к Пикассо.

Вот это человек! Вот это личность! И я рядом с ним никакая уже не звезда, а девчонка, восхищенная полубогом. И опять смущаюсь, краснею. Он показал мне картины, керамику. Провел по мастерской. Он был прост, умен, чуть безразличен и обаятелен.

Первая и последняя наша встреча.

Потом мне часто хотелось заказать ему свой портрет, но я так никогда и не решилась...

Ага Хан с супругой пригласили гостей фестиваля на завтрак в их роскошном каннском имении «Якимур». Я говорю о настоящем Ага Хане, ныне покойном, владыке из владык, весившем 150 кг и получавшем ежегодно от подданных собственный вес — золотом!

Жорж Кравен, известный киношный деятель, водивший дружбу с нами всеми, добился, на радость Раулю Леви, приглашения и для меня. Такая честь, привилегия... Назначено было на завтра на 12 дня. Никаких опозданий. В руке я держала роскошную визитку с золотой тисненой короной: приглашение на мое имя.

Торжество и страх.

Нечего и думать о расстегнутых блузах, босых ногах и распущенных волосах. И снова-здорово: что надеть? Завтрак — значит, ничего вечернего. Остальное у меня — джинсы да купальники.

Откуда эти проблемы с тряпками берутся? «Из моих брюк», — сказал бы дед Бум. А Бабуля сказала бы: «Отвечай, если спросят, — сама не знаю». Объяснения, конечно, философские, но

ничего не объясняют. И я решила, что утро вечера мудреней, а пока проведу остаток дня спокойно.

Это была эпоха ча-ча-ча. Оркестр играл блестяще, я танцевала одна или с кем попало, босоногая, налегке, раздражая женщин и возбуждая мужчин!

Леви, Вадим и приятели посматривали на меня странно. К чертям балетную школу и суровую дисциплину! Я вертелась, покачивалась, распаивалась от жара, изображала страсть под бешеный ритм тамтамов. Я словно переродилась! Шампанское приятно освежало. И вдруг — а, плевать! — от жары я выплеснула шампанское себе на грудь, плечи, ноги! Прохладно, приятно! И сумасшедше! Я сошла с ума!

В тот вечер Вадим решил вставить в свой фильм сцену с тем моим бесстыдным бешеным танцем. Эти кадры облетели весь мир...

А было уже далеко за полночь. Пора возвращаться. Завтра — трапеза у Ага Хана. Я заснула. Как хорошо было спать — плавать в бессознательном, где нежится душа и свободно все, и тело, и Дух!..

Вдруг зазвонил телефон. Я проснулась.

Кому это вздумалось будить меня после такого! Звонил Кравен. Сообщил, что сейчас 12 дня и он ждет меня в холле, внизу, чтобы идти на завтрак. Что? О Господи, вот ужас! Вмиг я все поняла. И ответила, что нет, пойти никак не могу!

В трубке ледяное молчание.

Кравен задохнулся от ярости. Он же пустил в ход все свои связи, чтобы меня пригласили! А я — «не могу пойти»! Это же публичное оскорбление! Позор и ему, и мне. Стыд и срам.

Но ведь я не нарочно так сделала! Да, опоздала на завтрак к Ага Хану. Но получилось-то, что не я осталась с носом, а сама оставила! Впоследствии то, за что меня ругали, выходило так же. Проваливала что-то, но потом не поджимала виновато хвост — за что и прослыла наглой. А на самом деле была просто несобранной.

Леви и Вадиму так и не удалось достать денег на цветной фильм, и они впервые решили пойти ва-банк: за ночь написали дополнительную роль для Курда Юргенса, уже тогда безумно знаменитого. Фильмы делались его именем, и он был занят на три года вперед. Утром они улетели в Мюнхен со сценарием под мышкой, на Юргенса поставив все. В Мюнхене сразу к нему.

У обоих были дар убеждения, размах и счастье игрока! Устоять, в общем, невозможно. Юргенс согласился сняться у них в паузе между двух своих давно назначенных фильмов... Дал он им 10 дней. Вернее, не дал, а продал: продал свое имя за бешеные

деньги, и был прав! По контракту знаменитое, на вес золота имя шло первым в кадре, над самым заглавием. А я — под, внизу...

Так женщина, которую «создал Бог», становилась просто приживалкой!

Впоследствии Юргенс проявил благородство, ибо предложил, посмотрев фильм, поменяться со мной местами и поместить первой меня, над заглавием, а его под! Как бы там ни было, Юргенс решил дело. Благодаря ему перед нами открылись все двери! Таким образом, я — его должница. Без него мой путь мог оказаться иным!

А фильм этот, решивший мою судьбу, должен был сниматься в Сен-Тропезе. Так что спустя несколько дней я покинула каннские празднества, похожие на поминки, и уехала в Сен-Тропез, свой будущий приют.

VII

Устроилась я в отеле «Айоли» и в ожидании съемок бездельничала и только примеривала наряды, взятые для меня костюмершей в «Вашоне». С восторгом я открывала для себя эту рыбацкую деревушку, в те годы еще безлюдную.

Лучших съемок у меня не было. Я не играла — жила!

Вадим, изучив меня, никогда не переснимал одну и ту же сцену более двух раз — знал, что с каждым дублем уходит моя естественность. Сцены с Юргенсом еще не были досняты, а ему предстояло через день отбыть на другие съемки. Вадим переделал сценарий и в середине фильма «отправил» его в морское плавание, так что Курт смог улететь в Мюнхен.

У меня имелась «осветительная» дублерша, та же что и у Морган.

Сходство для такой дублерши не важно, главное — те же рост и волосы. Дани стояла вместо меня, пока налаживали освещение.

Этот труд тяжелый и неблагодарный.

Дублерша должна повторить в точности жесты и движения актрисы. Должна неподвижно стоять часами в холод и жару. От кино она видит только плохое... Дани стала, во-первых, моей подругой, верной, надежной, прямой, на которую я всегда могла положиться, а во-вторых, соратницей, работавшей почти во всех моих фильмах. Она стала членом моего небольшого киносемейства, куда уже вошли моя милая Деде, гримерша; подруга и мой любимый продюсер Кристина; костюмерша Лоранс и Ольга, импресарио.

Играя в любовных сценах, я была сама собой, поэтому, само

собой, влюбилась в партнера по фильму Жан-Луи Трентиньяна. С Вадимом мы жили как брат и сестра. Я оставалась к нему бесконечно привязана, он был мне опорой, другом, семьей. Но не возлюбленным. Я давно остыла к нему. А к Жану-Луи я испытывала безумную страсть. Скромный, глубокий, внимательный, серьезный, спокойный, сильный, застенчивый — не похожий на меня, лучше меня!

Я бросилась очертя голову в его глаза, в его жизнь, а с ним — в голубое Средиземное море. Это море стало единственным свидетелем наших встреч!

Забыты взбалмошные выходки, ча-ча-ча, ночные клубы, вечерние платья, коктейли, интервью и Вадим!

Жан-Луи хотел только меня одну, как есть, простую, простоволосую, перевозданную. Он показывал мне ночное небо и звезды, и мы засыпали на теплом пляжном песке. Он открывал мне классическую музыку, и проигрыватель у меня в конуре стал крутить классику вместо афро-кубинских шлягеров. Он учил меня любить неистово, по-настоящему и быть в подчинении у любимого...

И я жила все это время по-цыгански.

Мои чемоданы лежали в багажнике машины Жана-Луи, спали мы, где придется, ничто не имело значения, все казалось ерундой, когда мы были вместе.

По утрам мы, счастливые, являлись на съемки.

Под глазами у нас были круги. Мы ни на миг не расставались.

Вадим мучился, снимая с нами любовные сцены. А мы мучились, играя их перед ним и остальной группой. Не то было наедине, вдали от всех! Эти «все» судачили, сплетничали, судили-рядили и обсмеивали ту небольшую драму, которая разыгрывалась у них на глазах. Но мы в любви оставались чисты и были выше людских пересудов. Нас ничто не задевало, не ранило, не пятнало. Не раздражали даже газеты, объявлявшие меня «пожирательницей мужчин», «ветреной и бесстыдной»!

Я просто-напросто — влюбилась!

Жан-Луи был женат на Стефан Одран, я замужем за Вадимом.

И мы бросили все друг для друга!

С Жаном-Луи я прожила самые лучшие, полные, счастливые дни той моей жизни. Дни беспечности, свободы и еще — о блаженство! — инкогнито и безвестности!

Вернувшись в Париж самым длинным путем на его старой симке, мы не знали, куда податься! Сначала остановились в «Реле Биссон», но, видно, выглядели не слишком почтенно. Пришлось переехать в «Куин Элизабет». Какое-то время мы жили там, но жизнь в гостинице, причем роскошной, не была нам по душе. Оставался, конечно, дом на Шардон-Лагаш, но ехать туда мне

было неловко: там как-никак прошли четыре года совместной жизни с Вадимом.

С утра до вечера я читала объявления в «Фигаро», пока Жан-Луи ходил на озвучку предыдущего фильма. Потом я бегала по объявлениям, осматривала то, что объявлялось как «две комнаты и кухня». Вторая комната оказывалась кладовкой без окна, а кухня — закутом с плитой в ванной комнате — без ванной. В гостиницу я возвращалась, упав духом, и еще сильнее радовалась гостиничному комфорту!

Я не виделась больше ни с Дани, ни с Кристиной, ни с Одеттой, ни с Ольгой.

Я не видела никого, кроме Жана-Луи и квартирных агентов.

В моем уютном номере дни тянулись долго, часто я сворачивалась клубочком и лежала в ожидании его вечерних приходов!

Однажды я зашла на Шардон-Лагаш посмотреть, что и как. Все разобрала, поменяла, переделала, обновила. Кое-что памятное, еще дорогое сердцу, глотая слезы, выбросила! После моего рейда квартира изменилась: спальня в гостиной, гостиная в спальне. Все наоборот, ничто не смущает. Без сил, но счастливая, я вернулась к Жану-Луи, чтобы переночевать в гостинице в последний раз. На другой день мы переехали в обустроенное мной гнездышко, небольшое, зато новое и милое.

Именно там Жан-Луи познакомил меня с Шарлем Кро, там мы читали Уильяма Сарояна, там часами слушала я Брассенса и Альбинони. Жила взаперти, но не под замком. Выходила редко, смотрела, как Жан-Луи для меня готовит, записывает, для меня же, на магнитофон стихи. Жили мы, как Адам и Ева, в раю на четвертом этаже без лифта в доме № 79 по улице Шардон-Лагаш.

Но нет рая без змея-искусителя.

Наш свернулся в киноленту и назвался «Кино».

Пока мы жили друг для друга вне времени и пространства, забыв обо всем на свете — радио, телевидении, друзьях, газетах, это «все на свете» то и дело о нас вспоминало!

Фильм смонтировали, нас ждали на озвучивание. Мнения о картине разошлись. Одни критики пели дифирамбы, другие ругали на чем свет стоит. «Пари-Матч» просил мою фотографию на обложку. Требовалось выйти из подполья и снова стать той, которая сыграла свою Джульетту в «И Бог создал женщину».

Кристина, не видевшая меня давным-давно, заключила за меня контракт. Раньше я просто подписала для нее пустой лист бумаги. Теперь она нашла прекрасный сценарий «Новобрачная была слишком красива» Одетты Жуайе. Я согласилась — куда деваться? А самой хотелось завязать с кино и до скончания века жить в нашем с Жаном-Луи особом мире.

Ольга обрадовалась. Обо мне говорили еще до выхода фильма! Предложений было хоть отбавляй, и она дивилась моему безразличию к собственной новой, настоящей славе!

Тут со мной случилась история.

Вадим просил меня встретиться с Жаном-Франсуа Деве, журналистом, делавшим погоду в «Франс-Суар». Деве пожелал написать о фильме. Это было очень важно. Жан-Франсуа часто заезжал к нам, когда мы с Вадимом жили еще вместе. Ревнивый Трентиньян принял Вадимову затею в штыки. А я, как всегда, не зная, в чем пойти, надевала то одно, то другое, возилась, теряла время, уходила, возвращалась поцеловать Жана-Луи, так что в результате опоздала к критике на целых полчаса.

Деве встретил меня высокомерно и холодно.

Не поздоровавшись, он показал на часы (напомнив мне отца с его достопамятным шлепком). Это была моральная пощечина. Я и рта раскрыть не успела, как он процедил, что терпеть не может ждаты и что сделает все, чтобы опозорить меня — меня осмеют, похоронят, забудут еще до выхода картины. Заявил, что мое бесчестие — дело его чести: впредь буду знать, как издеваться над ним!

Тут он повернулся и вышел.

Я вернулась домой ошарашенная. Несправедливость человека обидела меня гораздо сильнее, чем ненависть критика, впоследствии ядовито, с сарказмом уничтожавшего меня. Но не уничтожившего. Он умер несколько лет назад, так и не сделав «дела своей чести».

Спаси, Господи, его душу!

Потеряв одного друга, я нашла нескольких!

Именно в это время я подружилась с людьми, которые и сегодня близки мне. Тогда я еще не была так прославлена, так что полюбили они меня бескорыстно.

Однажды Мижану попросила меня принять молодого художника, приехавшего из Касси. Он оказался без денег и искал богатых покупателей. Но богатых среди моих знакомых не было, а ходить я никуда не ходила и вряд ли ему пригодилась бы.

Все-таки я приняла его, чтобы не обидеть.

Так пришел ко мне Жислен Дюссар, со временем — «друг Жики» и заодно названный брат.

Жили мы с Жаном-Луи, отрезанные от всего мира, и телефон стал для нас единственным источником информации. В половине первого ночи кончались телевизионные новости, начинались телефонные. У звонивших были свои псевдонимы.

Игра замечательная!

«Наполеон», «Арсен Люпен», «Сара Бернар», «Бигуди» чешут язык, кокетничают, несут околесицу. Человек двадцать говорят, столько же слушают, как мы, молча. Своих имен не называют.

Игра захватывала. Я отваживалась сказать: «Здрате!» Тут же, почуяв новенькую, голоса три-четыре спрашивали, кто я. Я поспешно: «Шушу»: (так звалась я в будущем фильме «Новобрачная была слишком красива»). И кто-то ко мне с вопросами. И кому-то я с вопросами...

Только осторожно, чтобы не выдать себя!

Забава хороша!

Я и Жан-Луи хохотали ночи напролет. Шушу имела успех. Голос ее нравился, правда, она клялась, что ей 70 лет, но по разговору ей не верили. И, пока я развлекалась телефонной игрой, выход картины «И Бог создал...» близился.

Премьера состоялась в Марселе.

Я покинула Жана-Луи, предварительно купила, по совету Кристины, «платье-секси» и вытащила из чехла свою норковую шубу «на вырост».

Мне всегда была в высшей степени небезразлична обстановка, где я ночую. Ради одной только ночи я могла переставить всю мебель в гостиничном номере. Не могу ни жить, ни спать в комнате, где мне неприятно. Бывало, обойду в гостинице все свободные номера, пока не найду угол по душе... Взять животных — кошка урчит, выбирая подушку, собака все обнюхает, отыскивая место, где заснуть. О них говорят — инстинкт. А обо мне — каприз!

Не прославься я, меня бы сочли просто чудачкой: мол, хлебом не корми, дай со скуки мебель подвигать. Но уж коли я — звезда, разумеется, — «капризна!» Марсельский отель напоминал строящуюся станцию метро. Всюду железяки, а оконные стекла до того замызганы, что едва пропускают свет. Пыль, грязь, мрак...

А спальня моя была усыпальницей. Большая, зловещая, темная гробница. Войти и выйти!

Я села в прихожей на чемодан и наотрез отказалась там жить! О моем «капризе» тут же донес журналистам директор отеля. От злости, что я уйду к конкурентам, он сделал мне рекламу на уровне собственного заведения. Раньше меня уже объявили «пожирательницей мужчин, ветреной и бесстыдной». Теперь, значит, еще и «капризной!» Как легко создаются репутации... Всю жизнь злословие напяливало на меня ложную личину. И сегодня я пишу книгу, чтобы представить все в истинном свете.

Во Франции фильм Вадима был встречен довольно сдержанно. Журнал «Кайе дю синема» отзывался тепло. Но упрекал за легко-

весность сюжета и неудачный актерский состав (кроме Юргенса). Меня критики «Кайе» ругали за, по их словам, растягивание слов и неважную артикуляцию. А Рауль Ребу без обиняков заявлял, что я выгляжу, как служанка, и говорю, как малограмотная! В результате на Елисейских Полях картину показывали только половину срока, предусмотренного контрактом!

Леви и Вадим рвали на себе волосы.

В надежде на лучшее пришлось обратиться к другим странам. Нет пророка в своем отечестве!

Тем временем в Либурне у меня начались съемки «Новобрачной...» с Луи Журданом и Мишелин Пресль, а Жан-Луи был призван в армию, так как его семилетняя отсрочка от воинской службы подошла к концу.

Это стало нашим самым тяжким испытанием.

Я постоянно заливалась слезами: предстоит три года разлуки. А потом, эта война в Алжире! Все может быть! Вечером каждую субботу я уезжала на поезде в Париж и с Жаном-Луи проводила воскресенье (по воскресеньям его отпускали с курсов в Винсенне). Вечером — опять на поезд обратно в Либурн, и в понедельник утром прибываю прямо на съемки.

Сниматься не хотелось до смерти!

А порой и правда хотелось умереть!

Душой я пребывала не на съемках, а с ним!..

Мне было скучно, тошно, неудобно!

А Кристина и Одетта переживали! Кристина — за судьбу своего первого фильма, от которого зависела ее дальнейшая карьера в кино, а Одетта за мой вид на экране, ибо гримом не могла она скрыть ни мои синяки под глазами, ни прыщи, ни заплаканное лицо!

В самый разгар съемок взорвалась бомба...

В августе 1956 года Насер национализировал Суэцкий канал.

Ситуация стала кризисной!

Бензин исчез!

Как в войну, нам выдавали талоны!

Я строила глазки нашему хозяину гаража по фамилии Кошону, очень похожему на свою фамилию*, и благодаря ему могла передвигаться!

Без сил, в депрессии, я бросилась к тем единственным людям, которые могли поддержать. К родителям.

Хотя им был не по душе мой недавний развод с Вадимом и

---

* Cochon (фр.) — свинья.

открытая связь с Жаном-Луи, они приняли меня с распростертыми объятиями!.. Мы же тебя предупреждали, не надо было идти за Вадима, ты была слишком молода, мы лучше знали! А теперь вот жизнь себе калечишь, живешь нерасписанной, так нельзя! И это бы еще ладно, но посмотри, как ты выглядишь! Повзрослела, называется! Разве можно так наплевать на себя!.. Но я давно вышла из-под их опеки и теперь выслушивала все спокойно. Став свободной и независимой, я полюбила и родителей гораздо сильнее.

Папа познакомил меня со своим другом. Я думала, старичок, оказалось — парень 19-ти лет, гитарист, богема, остряк, талантлив. Это был Жан-Макс Ривьер, написавший мне впоследствии множество песен: «Мадраг», «Смешно», «Новая квартира» и др.

И вот после Жики — Жан-Макс, «Максу», еще один названный брат. Семья росла...

* * *

Счастливая весть прилетела из США. На картину «И Бог создал...» американцы валили валом. Успех феноменальный! Рецензии одна лучше другой. Я стала вмиг самой знаменитой французенкой за океаном!

Фильм принес десятки миллионов долларов (не мне, я получила всего 2 млн ст. фр.). Вадим был признан лучшим режиссером за последние десять лет, а я «новой звездой первой величины», «французской секс-бомбой» и т. п.

Вся эта шумиха подействовала на меня двояко: я и обрадовалась, и испугалась. Вроде и наслаждается душа, но и в пятки уходит, предчувствуя опасный водоворот! Я всегда относилась к себе трезво, смотрела на себя со стороны и успехом не опьянялась! Удивлялась, не верила, восторгалась, гордилась, но никогда не обманывалась, понимала, как это все хрупко, ненадежно, преходяще, а главное — ничтожно!

Я стала знаменитостью, а сама только и думала о Жане-Луи. Ему предстояло ехать в Германию, в Трир. Подумать только! Зная, что вот-вот он уедет из Винсенна, и стараясь навидаться с ним про запас, как можно больше, я, не в силах жить без него, в тоске, в отчаянии, была несчастной влюбленной дурочкой, и в то же время — самой популярной актрисой, самой модной красоткой!

Телефон звонил не смолкая, письма шли потоком, я сходила с ума!

Пришлось взять секретаря. Жан-Луи помог мне выбрать. Так появился Ален Каре. Гомосексуалист (Жан-Луи мог быть спокоен), 30 лет, очень милый человек, очень преданный, бывший актер, он сжился со мной и на несколько лет стал моей опорой и

помощником, родной душой. Так что Жан-Луи поручил меня Алену перед отъездом в трирские казармы!

Пожалуй, день его отъезда, начало разлуки, я буду вспоминать до гроба, проживи я хоть сотню лет! К чертям идиотскую популярность, кино, американцев, деньги, славу! К чертям жизнь!..

А она, жизнь, продолжалась.

Кристина, Ольга, Одетта, Ален — все мои «девушки» были на чеку. Я ушла в себя, замкнулась, задыхаясь, не зная, что с собой сделать.

Мне всегда требовалось жить с кем-то или для кого-то.

Все, что мне удавалось — только благодаря человеку, который вдохновлял меня действовать. Мои личность, дарованье, воля, упорство ни на что не годны, когда я одна. Вот почему я так боюсь одиночества. Не выношу дом, где в тишине лишь мои шаги. Тревога приходит ко мне и уже не уходит...

Я, вечный символ «свободной женщины», испытывала, когда была ею, несвободу, не понятную никому! Я казалась себе бездомной собакой на живодерне в ожидании конца.

Леви, разжившись на удачном дебюте картины «И Бог создал...», затевал для всех нас втихую с Вадимом и Ольгой новое дело. Задумали они фильм «Ювелиры при лунном свете».

А Кристина по утрам присылала за мной машину, чтобы везти меня на озвучивание «Новобрачной». Лучше бы она присылала тягач: нелегко было вытащить меня из дома!

Озвучивала я без души.

Ален возился со мной — был нянькой, секретарем, шофером, кухаркой. Приходила я вечером с озвучки — дома тепло, чисто, уютно, на столе вкусный ужин, который мы съедали часто вместе. Потом он шел к себе. Я оставалась одна с кошками — теми, которые скребут на сердце.

Какой контрастной была тогда моя жизнь!

Я, днем новойспеченная звезда, вечером — одинокая домоседка в тоске и тревоге!

В довершение ко всему в октябре — ноябре 1956 года произошли «венгерские события». Советские танки вошли в Будапешт и уничтожили несколько тысяч венгров.

Словно наступил конец света!

Всюду атмосфера тревоги и страха.

Того и гляди, грянет третья мировая... Все могло быть. Это советское массовое убийство венгров потрясло меня до глубины души.

Позор!

Да, позор, когда сильный идет на слабого!

Фотограф из «Пари-Матча», мой друг, погиб, делая репортаж

в Будапеште. Его звали Жан-Пьер Педрачини. Ненавижу войны, революции, бессмысленное кровопролитие, огнестрельное оружие и воинскую службу, которая учит убивать.

Однажды Кристина, не в силах больше видеть меня в таком состоянии, устроила мне встречу с одним высокопоставленным военным чиновником. Она знала многих политиков: ее шурин, Франсуа Митгеран, с которым познакомилась и я на последнем Каннском фестивале, как правило, сводил ее с нужными людьми!

Итак, она заверила меня, что некто А.Т., большая шишка в военном министерстве, может, если захочет, вернуть Жана-Луи во Францию. Меня ввели в огромный, весь в позолоте кабинет. Из-за стола ко мне вышел человек. Это и был А.Т. Словно врач, в чьих руках моя жизнь и смерть. Я рассказала ему, в чем дело, открыто, не стыдясь, призналась, как страдаю.

Он улыбнулся — насмешливо, снисходительно, самоуверенно...

И спросил, на все ли я готова ради спасения возлюбленного. Я ответила — «на все» — без всякой задней мысли.

Тогда он пригласил меня назавтра поужинать с ним: в ресторане о сердечном деле говорить якобы удобнее, чем в министерстве.

И вот на другой день я в небольшом зале, почти в «кабинете»...

А мой чиновник осыпает меня поцелуями руки в надежде, вероятно, на большее! Я разозлилась. Надо, однако, отказать не обидев, чтобы не навредить Жану-Луи. А он пристаёт, как конфета к пальцам. Пожирает глазами.

Ну и влипла!

И я спрашиваю прямо — может он или нет помочь нам? И он тоже вполне прямо, что все зависит от меня. Буду я с ним нежна, тогда, может, и сможет. Нет — тогда, может, отправит его из Трира напрямиком в Алжир... Кровь бросилась мне в лицо. Смерив его взглядом, я сказала, что терпеть не могу шантаж и что не торгую любовью и верностью Жану-Луи... На сем вернулась домой и погрузилась в бездну отчаяния. Я и всегда была не лучшего мнения о человечестве, а в тот вечер, помню, моя мизантропия перешла все границы!

Как можно, будучи человеком, настолько не быть им?

Наутро я встала совершенно убитой. Вместе с Аленом решили: ехать в Трир.

Я была уверена, что мой чиновник постарается отомстить, и спешила предупредить Жана-Луи любой ценой.

Поездка в Трир напоминала атмосферу романов Сименона!

Черно-серые пейзажи, суровые ледяные дома, свинцовое небо, изморось.

И мы с Аленом как два призрака.

Прибыв в Трир, тоже в сырости, тумане, дожде, мы устремились в ближайшую гостиницу. Алену удалось добиться для Жана-Луи, ввиду особых обстоятельств, увольнения до завтрашнего утра. Наш гостиничный номер стал почти прекрасен, жар, огонь разлился по моему телу. Мы очутились на пустынном острове кровати, и время пролетело незаметно.

Приехав обратно в Париж, я, чтобы развеяться, решила переехать. Мечталось мне о двухэтажной квартире с террасой. Пока ходила по объявлениям, Ольга с Раулем подготовили мне целый список предложений. Я прочла сценарии — они мне понравились, особенно сименоновский «В случае несчастья». Режиссером Раулю виделся Клод Отан-Лара. Другой фильм — «Ювелиры при лунном свете» — в постановке Вадима.

Ставки мои вместе со славой росли, и Ольга радостно потирала руки. 10% ей обеспечены. Чем больше снимусь я, тем больше получит она! Поэтому вдобавок она предложила мне «Парижанку» Мишеля Буарона (продюсер Франсис Кон). Кристина не захотела отстать и взялась за картину «Женщина и паяц» режиссера Жюльена Дювивье.

В общем, в ближайшие два года на хлеб насущный заработаю! А пока небольшая передышка, потому что первые съемки — фильма «Парижанка» — начинались весной 1957 года.

Как странно было узнать, что я нарасхват! Но выбирать теперь не придется два года. Себе не принадлежу, продана нескольким компаниям и сама ничего не решаю. Ну и ладно! У меня появились деньги. Можно позволить себе двухэтажную квартиру за 10 млн франков (старых).

Наконец я устроилась на авеню Поль-Думер, 71, в доме с лифтом. Я прыгала от радости. То, что надо, с терраской! Кажется, мне тут будет хорошо.

* * *

Однажды Ольга позвонила мне в крайнем волнении: я приглашена на ежегодное лондонское празднество «Роял Кэмманд Перформэнс», где должна быть представлена королеве...

И как всегда, я и горда, и смущена!

Но тут уж не откажешься.

И, конечно: что надеть?

Ольга с Кристиной отвели меня к Бальмену, модельеру, в основном классическому, как раз для подобного случая. Боже, до чего дороги платья известных кутюрье! Ну просто хоть иди в ком-

мунисты! Угрохать столько денег, чтобы пофорсить один вечер! Мне этого не понять. Может, и поэтому тоже меня считают «скупердяйкой». Поломавшись и покуражившись, Бальмен «одолжил» мне белое платье, шитое жемчугом и стразами с широченной накидкой из черного тюля.

Точно подал святые дары!

Одетта, моя гримерша, вручила мне ридикюль с косметикой, наводит марафет. Расчехлила я свою норку «на вырост», сложила чемоданы и стала с беспокойством ждать отъезда. Год жизни отдала бы я, чтобы не ехать, ибо все эти публичные выходы всегда были для меня пыткой. И вот с чемоданами в ряд, картонкой от Бальмена (для шика) и ридикюлем-косметичкой я, Ален и Жан-Луи (в отпуске по случаю моего отъезда) ждем Ольгу, которая пошла за такси, чтобы отвезти меня к поезду. Самолетами я все еще не летала и не собиралась.

И вот они: роковой миг и Ольга.

Жан-Луи и Ален машут мне на тротуаре, а я смотрю на них и проклинаю то, за чем еду. Ольга, тонкая и умная, дождалась, когда мы очутились в вагоне, чтобы прочесть мне нотацию. Теперь-то мне домой не сбежать... Пришлось выслушать, что я сама не понимаю своего счастья. Что тысячи женщин мечтали бы оказаться на моем месте. Что нечего хныкать. И что, кстати, перед тем, как пойти в вагон-ресторан, не мешало попудриться!

Косметичка куда-то запропастилась. Нет, как не было! Забыла дома впопыхах. Я всерьез в слезы, чуть было на стоп-кран не нажала! Как я без пудры покажусь на вокзале в Лондоне? А волосы? После ночи в поезде на голове будет колтун, а у меня ни расчески, ни щетки, ничего!

Ольга, не будучи кокеткой, порылась у себя в сумке и предложила мне ярко-розовую пудру, крошечный гребешок, годный разве что для ресниц, и помаду отвратительного лилового цвета. В общем, я взяла у нее только снотворное и заснула сидя, чтобы не измять прическу.

Приезд был не совсем спокоен. Я до глаз завернулась в шубу «на вырост», а темными очками скрыла остальное. Пучок на голове держался, видимо, Духом Святым. Только бы добраться до «Савоя». Боже, сколько пленки изводят эти фотографии и трещат вспышками затем только, чтобы заснять верх пучка и кончик носа! Ну что за интерес!

Савойские апартаменты были великолепны. Номер с окнами на Темзу. Цветы от поклонников.

Я почувствовала себя уверенней.

Хотелось только одного — купить пудры и помады. Но в субботу днем? Теперь терпи до понедельника. Магазины закрыты.

Я опять запаниковала. Праздник в воскресенье вечером. Не пойду, и дело с концом!

И тут Рауля, сопровождавшего нас, осенило. Он позвонил Жану-Луи и попросил немедленно отвезти мой ридикюль с косметичкой в Орли и передать его стюардессе первого же лондонского рейса. А он, Рауль, встретит ее в Лондоне и к вечеру доставит ридикюль мне.

Так и сделали.

А тем временем я приняла участие в репетиции представления Ее Величеству.

На действие собралась масса людей, в том числе распорядитель и дублерша королевы. А еще английские и американские кинозвезды. Я перепугалась не на шутку, уцепилась за Ольгу и не смела шагу ступить. Наконец мы выстроились, как на линейке. Дублерша шла вдоль, и каждый, мимо кого она проходила, должен был присесть по протоколу, то есть согнуть колени, не сгибая туловища, ответить на первый вопрос — «да, Ваше Величество», а на второй, если последует второй, — «да, Мадам». Но я смолчала: боялась, что от волнения плохо отвечу и распорядитель отчитает.

Далее прошествовала дублерша принцессы Маргарет. С ней то же самое. Ответ «Ваше Высочество» на первый вопрос и «Мадам» на второй.

Все это уже стало мне казаться легкой игрой, но тут вдруг объявили, что черный цвет при дворе запрещен. Только королева носит его. А как же моя фаевая накидка? Не идти же в театр с голыми руками. Еще простужусь, чего доброго! Да и декольте тоже запрещены, а мое — до пупа!

Нет, все. Возвращаюсь во Францию, домой. А там надену, что захочу, и скажу всему свету: катитесь к черту!

Ольга, однако, пустила в ход дипломатическое искусство вкупе с чаевыми горничной, чтобы она сшила мне скромненькую тюлевую покрывушку. Мне сказала, что до театра черный фай можно не снимать, а появление Рауля с ридикюлем окончательно решило дело.

Великий день настал. Я разоделась, расфуфырилась и, так сказать, прибралась — укутав плечи, зализав волосы и еле-еле подкрасив губы и глаза. Чувствовала себя не в своей тарелке: чересчур нарядна, на мой вкус. Ее Величество явилась собственной персоной, вместе с принцессой Маргарет, герцогом Эдуардом, лордом Сноудоном и свитой лордов и леди.

Тут-то я и увидела Мерилин. И уже ни на кого, кроме нее, не смотрела.

Восхитительная блондинка в золотом платье с вырезом чуть не

до ног, она не вписывалась в протокол, зато вписывалась в сердце — так была хороша. Непокорные пряди выбились, упали на шею, на уши, она будто только встала с постели — улыбчивая, естественная!

Я столкнулась с ней в комнате «Для дам». Я зашла расколоть волосы и тюлевую покрывушку, она — посмотреться, улыбнуться, повернуться в зеркале. Веяло от нее «Шанелью» № 5. Я засмотрелась на нее влюбленно и очарованно, забыв о заколках. Вот такой я хотела быть в точности!

Это была моя первая и последняя встреча с ней, но в 30 секунд она покорила меня навеки. Ее хрупкость и грацию, нежность и озорство забыть невозможно. Когда несколько лет спустя я узнала о ее смерти, сердце сжалось от боли, точно я потеряла существо, бесконечно мне дорогое.

Ее Величество, много ниже меня ростом, протянула мне руку в белой перчатке, я присела, ответила, опять ответила. Но была я единственной среди гостей француженкой, и она по-французски задала мне кучу вопросов о французском кино. Принцесса Маргарет была сама прелесть, и принц был сама прелесть, и все были сама прелесть.

У Аниты Экберг грудь была так велика, что, казалось, в лифчике у нее две бомбы. Я с ужасом смотрела на них: не дай Бог, взорвутся. Но нет, обошлось.

Так прошла моя краткая встреча с Ее Величеством.

* * *

Стали приходиться письма от поклонников.

Алена завалило почтой, и я подумывала устроить ему рабочий кабинет с большим письменным столом в будущей квартире. А пока письменным столом служила ему моя кровать или ковер в гостиной. Я помогала Алену открывать конверты, сортировать, отвечать. В основном просили фото с автографом. Я взяла один свой снимок, напечатала сотню копий и, подписав, рассылала в ответ на просьбы.

Однажды попало письмо особенное.

Писала девочка 15-ти лет, рассказывала, что из шести детей она в семье старшая, что семья бедная, живут в Гренобле. Письмо трогательное, очень поэтичное... Дело было в декабре. Малышка Бернадетта, никогда не получавшая к Рождеству ни подарков, ни поздравлений, писала мне, точно доброй фее, говоря, что мой ответ лично ей — был бы первым и самым лучшим подарком! Письмо меня взволновало. Я решила не разочаровывать ее. На другой день купили мы с Аленом всякой всячины и отослали,

а я приписала, что рада немного побаловать ее и люблю ее заочно!

И заочно с тех пор мы любили друг друга. И переписывались.

Я не забывала поздравить девочку с Рождеством, а ее письма были как плата сторицей за такую малость — подарок! Много позже она написала, что выходит замуж, и я подарила ей, знакомой все так же заочно, свадебное платье!

Впоследствии мы увиделись. Бернадетта красива, мягка, обаятельна, чиста, поэтична. Она похожа на свои письма, и дружба наша длится уже 40 лет!

К Рождеству Жан-Луи приехал в отпуск.

Бросив квартиру, и кино, и режиссеров, и съемки, и пятое, и десятое, мы помчались на юг в Касси, к Жики, давшему нам приют.

До этого я встречалась с Жики всего несколько раз, но между нами возникла теснейшая дружба. Художник, вечно без денег, он жил с женой Жанин в крошечной мастерской в Сен-Жермен-ан-Ле.

А в Касси у Жики был домик — жилище, которое он обожал.

Старое кирпичное строение в ландах среди холмов было всей его жизнью. Никаких удобств, ни горячей воды, ни ванной, ни отопления. Только солнце, благоухание розмарина, балки, штукатурка и прованский сыр! Стоило мне попросить у Жики ключ от его лачужки на рождественскую ночь с Жаном-Луи, Жики немедленно дал мне его, предупредив только о неудобствах...

Спасибо тебе, Жики!

Удивительное было Рождество!

В нашей сельской хижине имелся камин, где сжигали мы хвост, собранный на холмах. Как сладко пахло сосновыми шишками! Над огнем постоянно грелся таз с водой — то посуду помыть, то самим помыться!

Мылись по очереди, стоя в дымящейся лохани посреди комнаты, в тепле, у огня. Жан-Луи поджаривал куски мяса с тмином, лавровым листом, чесноком и розмарином. Электричество — голая лампочка под потолком — нам не потребовалось. Свечи и каминное пламя сияли огнями вечного праздника!

Десять дней жизни сказочной, простой и первобытной, точно нет XX века с его скучно-практическими достижениями. Десять дней романтики в безымянной эпохе любви!

Машины не имелось, на рынок в Касси мы ходили пешком. А как прекрасен был этот южный базар! Весь бы скупить! Но все на себе не унесешь, приходилось покупать самое необходимое. Потом — по стаканчику белого на террасе «У Нины», иногда —

лодочная прогулка в знаменитых бухтах! Единственным нашим гостем стал красавец — дикий кот! Он жил на холме и был похож на тигренка. Каждый день я кормила его...

В сочельник мы пешком пошли на Рождественскую мессу. И я опять, как в детстве, воображала себя елочной игрушкой — фигуркой святого. Хотелось, как волхвы, принести Младенцу Иисусу огромный глиняный кувшин с дарами, но похожа я была не на волхва, а на ясельную няню в своем бумажном деревенском платочке!

В последний день 1956 года мы сидели одни у камина и пили теплое шампанское (холодильника не было). В полночь мы вышли на воздух. Мир, казалось, только-только сотворен, деревья благоухали, а звезды заменяли нам елочную гирлянду!

Никогда впоследствии не было у меня отдыха спокойней и блаженней этих мимолетных дней. Разного рода обязательства, слава, комфорт и роскошь, для счастья якобы нужные, окончательно отдалили от меня первозданно-ветхий покой кукольного домика, где я по-настоящему жила десять лучших дней своей жизни!

Но порой запах сосновых шишек, розмарина или старой штукатурки повеет счастьем и перенесет меня в кассийские ланды!

Я всегда и во всем искала простоту.

И хорошо мне было с простыми людьми, а не со светскими снобами!

И жизнь просто милая и душевная нравилась мне куда больше помпезной, ненужной, ледяной роскоши, в которую помещали меня во время поездок и съемок, думая угодить! Чем дальше я от природы, тем мне тошней. Потому ненавижу города, небоскребы, бетон, высокие потолки, этажи, залы, лифты, неон, многолюдые, пластмассу и электробытовые приборы.

А еще я не люблю, когда меня обслуживают.

Не выношу тех, кого зовут домработницами. Вопрос — кто на кого работает?..

И мне вечно отравляли жизнь слуги. Вопрос — кто кому служил?..

Эти чужие, постоянные свидетели твоей личной жизни, явные шпионы и тайные недоброжелатели — невыносимы! К тому же я давно привыкла во многом обходиться без посторонней помощи. Помощь требовалась мне редко, в основном вечером, в их нерабочее время, в их выходной или в «профсоюзный» двухчасовой обеденный перерыв!

Всю жизнь я искала родственную душу, человеческое тепло, преданность, честность, благородство и взаимное доверие среди людей, служивших мне!

И всегда наталкивалась на недоброжелательство.

И всегда терпела его, ибо по роду занятий нуждалась в помощниках. Но 24 часа в сутки терпеть присутствие человека неприятного, стесняющего, враждебного... того, кто следит, судит, судачит без малейшей симпатии, то есть — близкого чужака! Который предаст вас, написав «Мемуары», осудит, оклеветает, обольет грязью, продаст газетам украденную тайну и лучшую часть вас самих... Каково?!

Говорю об этом, потому что жизнь мою отравили эти люди, все, за редким-редким исключением.

В Касси я еще была от них свободна! И потому это время кажется мне теперь особенным и блаженным!

* * *

Праздники кончились. Жан-Луи уехал в Трир, я в Париж.

Я начала переезжать в свой новый дом, пытаясь воссоздать на Поль-Думере кассийский дух!

И с радостью снова встретилась с Аленом!

А Ольга, Кристина и Рауль так и вцепились в меня. Они были напуганы моим рождественским бегством, не знали даже, вернусь ли... Для первой ночевки в новом доме я хотела дожидаться Жана-Луи. Все лучшее для новой жизни я уже перевезла. На Шардон-Лагаш осталась одна рухлядь. На этом пепелище я и проводила последние ночи, полубеженцем, полупогорельцем!

А днем я обживала новый дом, обставляла и обустроивала, топя камин, который заказала сама (пришлось долбить потолок), челночила вверх-вниз по лестенке из спальни в гостиную.

Устраивала нору, обнюхивала углы, раскладывала в шкафу белье и, как делала Бабуля, рассовывала по полкам пакетики с лавандой. В кухне, верней, кухоньке развешивала связки кассийского лука и чеснока, заполняла фруктами корзины, вешала на окна занавески в красно-белую клеточку. Сама сажала цветы в горшках на терраске! Увивала плющом стены, пытаясь устроить себе на 8-м этаже в центре Парижа на десяти кв. метрах террасы уголок природы, о которой всегда тосковала!

Настоящее счастье! Мне 22 года, на авеню Поль-Думер мой первый дом, и в нем я проживу 15 лет! Позже я куплю еще немало домов, имений и квартир, но эта первая покупка останется моей самой сильной радостью!

На авеню Поль-Думер была ловушка.

А именно: служебное помещение. Служебное — значит для слуг... У Алена уже есть комната. Он целиком — секретарь, на нем моя бухгалтерия и почта, готовить ему некогда.

Итак, где эти слуги?

Почему, кстати, «слуги», когда они не столько служат, сколько злятся. Надо бы говорить — «злюки», а не «слуги».

Чудесным образом Жана-Луи перевели в Париж, на бумажную должность в министерстве... Помогли, может, актерская профессия, может, образованность и ум... А может, мой недавний поход на военного чиновника? Как бы там ни было, наступил праздник!

Мы отпраздновали новоселье на Поль-Думере.

И наконец ночевали на новом месте в доме, где будем жить вдвоем.

Фильм «Новобрачная была слишком красива» готовился к выходу.

Кристина и Ольга волновались.

Просили меня быть на премьере, дать интервью, позировать хорошим фотографам, таким, как Ришар Аведон, сделавшим мою знаменитую фотографию и включившим ее в свою собственную замечательную книгу. Целыми днями я отвечала журналистам, а они вопросами старались загнать меня в тупик, считая меня «красоткой-идиоткой!» От мамы у меня умение удачно ответить, а от папы сострить. Мои ответы не раз меня выручали, а иные разошлись на цитаты. Между тем телефон не умолкал. Алэн разрывался. Мне начинало это все надоедать.

Колготне этой не было конца... Новобрачная была слишком красивая, но не слишком привлекательная. Фильм получился, но публика жаждала ту же секс-бомбу, что и в первой картине, «И Бог создал женщину».

Совершенства на свете нет.

Хотите секс-бомбу? Будет вам секс-бомба.

Во всяком случае, я уже стала «несбыточной мечтой женатых», «кошечкой», «испорченной девчонкой» и т. п.

Едва я выходила на улицу, фотографы начинали безостановочно щелкать.

Господи, сколько можно!..

VIII

В то время родителей я видела редко. Они уверяли, что не хотят вмешиваться в мою жизнь из деликатности. А мама не желала казаться мамашей-тиранкой. Но со временем деликатность стала походить на черствость. Отношения дали трещину. Трещина разрасталась.

Иногда я приходила к ним, но это было вроде обязаловки. Пила чай и говорила о том, как живу. Мама удивлялась, почему, когда приглашают, больше не хожу на званые вечера; почему

плохо, даже безвкусно, одета; почему отказываюсь от своего счастья; почему гублю лучшие годы на своего «кондитера» — так звали они Жана-Луи! Ей так хотелось, чтобы я вышла за богатого и видного чиновного босса!

Ну, а папа просил познакомить его то с той, то с этой «любимой» актрисой. Но с киношниками я не встречалась и почти ни с кем сама не была знакома — этого папа понять не мог! По его мнению, все актеры друг друга знают!

Иногда мне случалось забежать к Буму, Бабуле и Дада. Они звали меня «светом в окошке» — так мои появления освещали их жизнь.

Бум засыпал меня вопросами о работе и моральном облике тех, с кем я была рядом, напоминал, как обманчив блеск славы. Бабуля беспокоилась, тепло ли я одета, хорошо ли питаюсь, не слишком ли устаю. Дада была довольна, что я не зазналась, не задрала, прославившись, нос и остаюсь просто ее малышкой.

А потом я уходила, и они со слезами на глазах просили меня приходить почаще.

Что до сестры, Мижану с блеском сдала экзамены, получила два диплома бакалавра и стала гордостью папы и мамы.

Говорить нам с ней было не о чем.

Мы получились разные, пошли своей дорогой, и дороги с годами разошлись.

В общем, меня считали как бы «семейным уродом».

Потому, видимо, я так никогда больше и не увиделась с дядями, тетками, двоюродными братьями и сестрами, которых помнила по детским годам. Разве что с одним-единственным. Это был дядя Бак, чудака, живописец, считавший, что карьера моя — ничем не плоха, даже наоборот. Возможно, от этого «уродства» я всю жизнь чувствовала себя очень одинокой и с потерей любовника теряла почву под ногами, и тогда в отчаянии цеплялась за Жики и других верных друзей.

Свою новую семью собрала я сама. В нее входили Жан-Луи, Ален, Ольга, Дани, Кристина и Одетта. Меж нами вечно тишь и благодать, у каждого дома на столе всегда лишний прибор для кого-то из нас. У нас были одни и те же режим дня, темы для разговоров и цели.

Шумиха вокруг меня казалась мне фикцией. С какой стати — я? Я с детства знала, что некрасива, бесцветна, и считала, что, если напушу на лоб челку и завешу щеки волосами, свою некрасивость немного скрою. Этот комплекс остался во мне навсегда, не дав стать самоуверенной, наоборот, приучив к смирению, в этом, может быть, и есть секрет моего успеха.

А стыдилась своего лица я до крайности.

Меня всегда потрясало, что какой-то мужчина считает меня красивой. За это я была ему безумно благодарна и боялась, что, увидев меня без косметики, он ужаснется. Поэтому я долгие годы спала, не стирая туши с ресниц. В результате наутро лицо у меня оказывалось в черных разводах. Это был еще один способ спрятаться...

К жизни кинозвезды я оказалась не готова.

Все пришло ни с того ни с сего.

Обеды и ужины с режиссерами, кинопробы, встречи с журналистами (ну и типы!), премьеры... Я старалась, к Ольгиному отчаянию, бывать на них как можно реже, и то не имела ни минуты свободной. Со страниц «Франс-Диманш» и «Иси-Пари» мое имя буквально не сходило. Но, Боже, сколько лжи обо мне писалось! К примеру, я, дескать, купила закусовые и прачечные. Чистейшее вранье. А слухи так и остались. Даже мой налоговый инспектор, поверив, полез в мои счета, чтобы вывести меня на чистую воду! Сорок лет прошло, а сборщики налогов все выискивают мои кафе и химчистки — журналистские байки, высосанные из пальца.

Сколько зла может причинить пресса, очернить, оклеветать, осмеять! Стыд ей и срам!

Газеты подняли насмех и мои отношения с Жаном-Луи. Писали о «звезде и черве», о «солдате и секс-бомбе» и прочее в том же роде.

Много позже меня уверяли, что славой своей я обязана прессе. Что, мол, она в общем-то и создала, и запустила, и раскрутила меня. Ну да, только прежде отравила мне жизнь. И даже не знает, до какой степени! Да не будь журналистов, я все равно осталась бы сама собой, зато не создали бы они мне массу проблем.

А нервы у меня были постоянно на взводе! На Поль-Думере караулили фотографы, жить там стало невозможно! Прости-прощай, покой и тишь! На нервной почве у меня на губе выскочил герпес — вирусная лихорадка.

Хороша я была с блямбой! Рот и так пухлый, а теперь — словно у негра!

А через неделю съемки «Парижанки». Катастрофа.

Франсис Кон, продюсер, рвал и метал.

Замечательный режиссер Мишель Буарон, снявший со мной «Эту проклятую девчонку», прозвал меня «девушка с прыщиками». Ольга, мама Ольга, отвела меня к врачу. У нее у самой выскочила крапивная лихорадка — 10% моего герпеса. Врач прописал мне тишину, покой, полный отдых. Но раз пятнадцать на дню звонил телефон — справлялись, «как блямба?». Каждый зво-

нок — нервный срыв, нервный срыв — новая блямба... Еще немало — и я рехнусь...

Газеты пестрели заголовками: «Прыщи Б.Б. разорят продюсеров!» «Прыщи Б.Б. — конец ее карьеры?» «Запоздалые юношеские угри: начала за здравие, кончит за упокой?»...

От ежедневных внутривенных уколов витамина С я падала в обморок! И как же мне было стыдно! Я завидовала мужчинам и их усам. Как ни трясла я волосами, проклятую блямбу скрыть не могла! Заперлась дома, не подходила к телефону, не читала газет и никого к себе не пускала.

Через десять дней блямба прошла, начались съемки.

Анри Видаль и Шарль Буайе, мои партнеры, были блистательны, обаятельны и забавны. Буарон вел нас талантом, душой и юмором. На съемочной площадке царила непринужденная атмосфера — верный признак удачи. Натуру собирались снимать на Лазурном берегу. О радость!

По моей просьбе друга Жики взяли в массовку. Он сидел без гроша, а мне хотелось хоть как-то отблагодарить его за рождественское счастье в Касси!

На юг, таким образом, мы прибыли вчетвером: я с Жаном-Луи и Жики с женой Жанин. Приехали, как в отпуск.

Там-то в одно прекрасное воскресенье, на Горной Дороге, поехав обедать в чудный придорожный ресторан с едой на вертеле, мы увидели осла. Он шел один, точно заблудился. Немедленно увести его с дороги. Задавят же! Я привязала его веревкой к буферу своей открытой симки, и мы поехали дальше — Жан-Луи, Жики, Жанин и я за рулем, в ногу с ослом. В ресторане, съев по хорошему бифштексу и накормив морковкой осла, мы продолжили путь с нашим ослом и прибыли в Ля Коль-сюр-Лу, в отель, похожий на что угодно, только не на отель.

На пятнадцать километров мы потратили три часа.

«У Жозефа» не имелось конюшни. Что делать? Не селить же к себе на второй этаж осла! Я решила отвести его на ночь в гараж.

Скормив ему все ресторанные салаты и морковки, а также пирожки и сахар, мы пожелали ослику спокойной ночи и отправились спать. Но на другой день были съемки. Не вести же осла на съемочную площадку! Черт меня дернул связаться с ним! А местные газеты в один голос завопили о вчерашней краже осла. Его хозяин подал жалобу и обещал вознаграждение нашедшему. Я ужаснулась. Немедленно позвонила бедняге, извинилась, объяснила, в чем дело, и благополучно доставила беглеца по месту жительства...

Так началась моя страсть к животным.

Пока мы заканчивали съемки на студии «Викторин» в Ницце, начался Каннский фестиваль.

Тысячу раз на дню Франсис Кон, продюсер, умолял меня съездить туда.

Тысячу раз на дню, измученная, я отвечала — нет. Нет и нет! Нечего там мне делать! Противно!

Тысячу раз на дню он возражал мне, что ехать надо, надо показаться фотографам и ответить журналистам.

Я пригрозила новым герпесом, если он не отстанет. Объяснила, что, если кому важно меня увидеть — приедут в Ниццу и увидят! Сказала я это так, чтобы Франсис отвязался.

А они и правда приехали!

Да, в автобусе, набив его битком — англичане, немцы, американцы, испанцы, итальянцы и французы! Я сама себя наказала! А они в баре внизу, заказав себе мятный коктейль со льдом, терпеливо дожидались, пока я улучу минуту или снизойду подарить им полчаса! Даже съемки для того были остановлены!

Я в себя не могла прийти! Сначала, однако, прийти надо было к журналистам.

А я не хочу!

В конце концов решила обратить все в шутку. Спряталась в контейнер с соками. Рабочие ввезли контейнер в бар — и здарсьте! Я с хохотом из контейнера, в джинсах и майке!

Всеобщее изумление. Потом дружеский смех. Симпатия. Они ждали чванливую примадонну в шелках и со свитой. А я — вот она я, как есть и как буду всегда. Все смеялись, чокались, шутили со мной. Говорили по-английски, французски, итальянски. Отношения — на равных. Они мне нравились, я им тоже, наверняка.

Гора Каннского фестиваля пошла к Магомету, ко мне — это до сих пор единственный подобный случай! Причем случилось это в 1957 году, когда вольной манеры держаться не было. Софи Лорен и Джина Лоллобриджида, суперзвезды фестиваля-57, выходили на-люди с ног до головы в брильянтах. Дорогие меха, пышные платья, «роллс-ройсы» и прочее тому подобное — для их актерского «ноблесс оближ»! А я их правил игры не приняла. Это изумляло и сбивало с толку.

Я никогда не любила ходить строем. Вообще не люблю проторенных дорожек. На моду мне наплевать. Потому-то и звали меня злодейкой, провокаторшей, дурной женщиной, а я просто была сама собой.

Фильм, тонкая и умная комедия с шутками и нежными чувствами, имел большой успех. Мы с Анри Видалем прекрасно сработались вдвоем. Зритель полюбил нас, и продюсер затеял серию подобных комедий — с нами в качестве французских Фреда Астера и Джинджер Роджерс. «Парижанка» — одна из немногих картин, которыми я горжусь. Ее успех окрылил меня, вдохновив на труд в поте лица.

На Поль-Думере я появлялась редко.

Ален был на все руки мастер, заодно занимался и Клоуном. К Жану-Луи я приходила по вечерам без сил и заранее вся в за-втрашних делах. А ему осточертела его воинская служба, сплошное валяние дурака! Он был прав: пропустил столько картин, не зарабатывал, начал мучиться, глядя на мою работу, и я его понима-ла. Но делать нечего. Хочешь — не хочешь, терпи.

Наши служанки сменялись со скоростью света. Я и слова не успевала сказать с одной, как уже являлась другая.

Во всей этой летней суете 1957 года, в один из редких дней покоя, 10 июля раздался телефонный звонок. Алена не было, я сама сняла трубку. Звонила мама, голос дрожал. Я поняла: случи-лось что-то ужасное.

Жан Маршалль, сын тети Тапомпон, врач, парень-весельчак, выдумщик, которого мы любили как родного брата, разбился на машине в местечке Брезоль департамента Эр-э-Луар. Я слушала маму, смотрела на ослепительный солнечный луч на ковре и кро-вати, а в самой себе ощущала беспросветный мрак небытия и смерти...

Мама попросила меня сейчас же приехать, ей надо было мне что-то сказать. Я приехала и увидела Тапомпон — она сидела, как восковая кукла. Сын, ее сыночек, единственная любовь, погиб! Тут же были Бум, папа, Бабуля, Дада, мама и еще Тату, красавица-жена Жана, с детьми Бету и Жаком.

Мне сказали, что Жан в море, что будет вскрытие...

Какое вскрытие?!

Тогда мама шепнула мне по секрету, что он покончил с собой...

Покончил с собой! Он, Жан, жизнелюб, почему?

Из-за жены, объяснила мама. Жена собиралась уйти от него к его лучшему другу... Жан сел в машину и направил ее на дерево. Перед смертью он оставил записку.

Я не могла опомниться... Я до сих пор так и не опомнилась. Человек потрясающий, геройски сражался на войне и — пал духом в мирное время, да так, что погиб трагически! Возможно ли? Возможно. Поняла я это позже, когда мир отхлынул от меня, как море в отлив, а потом вдруг меня накрыло волной, и я не могла увидеть, что вдали-то ясное небо.

Гибель от любви 37-летнего Жана Маршалья — первый разрыв в семейной цепи. Самый молодой умер первым...

Бум не переставал оплакивать Жана, как сына. Мама, единст-венная дочь Бума, относилась к своему кузену Жану как к брату, Бабуля и Тапомпон считали, что потеряли любимое дитя.

Что до меня, я прекрасно понимала непоправимость случившегося. Я вспоминала его смех, глаза, как голубые звезды, его ум, мужество, особенно жажду счастья.

Едва похоронив Жана, Тату вышла за его лучшего друга, тем самым отняв у Тапомпон остаток семьи.

* * *

«Ювелиры при лунном свете», мой новый фильм, должен был сниматься в Испании. Снова отъезд и расставанье с Жаном-Луи, которому запрещалось пересекать границу, и с Аленом, и с Клоуном...

Как грустно...

Я не знала Испании, а должна была прожить в ней 3-4 месяца, в зависимости от съемок.

Бесчеловечно...

Жан-Луи страдал, Ален страдал, Клоун, и тот страдал.

Только служанка чихать на все хотела.

С отъездом были свои трудности.

Никаких самолетов — это я вписала в контракт. Я боялась их, как огня! Поезд идет целые сутки, но что делать! Одетта — со мной, она тоже не летала, и мы из всей группы — две ретроградки. Жан-Луи помахал мне на перроне, наши взгляды встретились и слезы слились! Что за бред — бросать любимого ради фильма, до которого мне как до лампочки! Но контракт я подписала — тут никаких сомнений, значит, продалась в рабство. Леви, продюсер, Вадим, режиссер, Алида Валли и Стефен Бойд, мои партнеры, ждали меня в Мадриде. Хочешь — не хочешь, поедешь!

Одетта тоже плакала: она расставалась с мужем Пьером и двумя детьми — Жан-Пьером и Мишелем.

Ехали долго, утомительно, грустно, скучно.

В Мадриде очутилась я в отеле типа «Хилтон», совершенно безликом. В номере у меня стоял огромный букет цветов от Леви и сидел на стуле тревожный Вадим собственной персоной.

Он знал меня и понял, что мне плохо.

Вадим — отличный друг. Ему ничего не надо объяснять. Он все поймет сам. Он, благородная душа, разорвется на части, чтобы разогнать твою грусть. Я зарыдала, сказала ему, как страдаю от разлуки с Жаном-Луи, не хочу жить здесь, презираю кино, в общем, вывалила содержимое души, а не чемоданов!

Бедняга Вадим, друг и брат!

Ему пришла гениальная мысль!

Он сказал мне, что съемки затягиваются. И, значит, я могу потребовать себе либо дополнительный гонорар, либо бесплатный билет на самолет туда и обратно в каждые выходные, чтобы видеться с Жаном-Луи в Париже...

Это было единственной радостью, и я воспряла духом.

Забыла я гостиничную тоску, четыре предстоящих месяца работы, забыла все. Помнила только о воскресном самолете! Вечером в ресторане я ужинала с Одеттой и с Жанин, которую устроила своей «осветительной» дублершей.

Едва я им рассказала о своей затее на выходные, Одетта заявила, что летит со мной, а Жанин молча улыбнулась, давая понять, что надолго меня не хватит!

По-испански я не говорила ни слова, зато итальянский вспомнила очень быстро и, позвав служащего, уверенно сказала: «Ум поко ди бурро, пер фаворе».

Он так и застыл с карандашом в руке и вытаращенными глазами, точно я просила луну. А мне всего-то немного масла!

Не понимает, что ли?

Кретин!

Я изобразила ему жестом, как намазываю масло на хлеб. Он расхохотался и ответил: «Mantequilla, si, signora!»* И принес мне масло и фотографию осла.

Откуда это он знает, что я люблю животных?

Да нет же, просто недоразумение! «Бурро» по-итальянски масло, а по-испански — осел. Значит, я попросила немного осла, вот он и вытаращился.

Салат был пресный. Я снова позвала официанта и попросила уксуса. Говорю: «Ачето, пер фаворе».

Он принес постное масло.

Ну что за бестолочь!

Так нет, оказалось, по-испански «ачето» не уксус, а растительное масло. Уксус — «винагре». Придется забыть итальянский и учить испанский. Первое, что я выучила — «hora mismo». Теоретически это — «сейчас же», но практически — «завтра». И «mañana» теоретически — «завтра», практически — «никогда».

В субботу вечером после съемок я должна была лететь. Мне было страшно, тошно, не по себе, хоть вешайся! Я взяла билет для Одетты тоже: вдвоем помирать веселей. В ту пору самолеты были еще винтовые четырехмоторные, летели долго! Я перекрестилась, пристегнула ремни, взяла Одетту за руку и стала ждать...

Когда заработал первый пропеллер, я подскочила и уткнулась Одетте в плечо. Когда самолет оторвался от земли и стал неудержимо подниматься, я принялась вспоминать всю свою жизнь... А когда самолет убрал шасси, я решила, что случилась авария. Кровь застыла у меня в жилах. Далее был переход на другой

---

* Масло, конечно, синьора! (исп.)

режим работы, а я уже не сомневалась, что заглох мотор. В общем, увидев, как я напугана, Одетта действительно потеряла сознание и упала на меня. Страх мой как рукой сняло. Теперь я смачивала ей лоб одеколоном, чтобы привести в чувство.

Измученная, но счастливая, я приземлилась в Орли. Так я получила боевое крещение.

24 своих отпускных часа я провела в постели с Жаном-Луи. Сил не было, ни физических, ни моральных. И так страдала я, что дома всего на миг, что не могла этим домашним мигом насладиться. Время пролетело так быстро, что в воскресенье вечером в самолете на Мадрид я уже думала, что все это мне приснилось!

А в понедельник в 7 утра съемки!

Кино — ремесло утомительное. Во-первых, убивают тебя часы ожидания, когда некуда деться.

Во-вторых, раздражают люди, которые пристают с разговорами, знакомят с родней, сватями и братьями, а тебе до них никакого дела, но ты вымучиваешь улыбку и ответы. В-третьих, изматывает бесконечная подготовка освещения, звука, игровых сцен!..

Когда, наконец, начинается съемка, сил нет, а теперь-то и надо сосредоточиться и думать только об одном — том, что сейчас будет увековечено. Когда же ты захвачен игрой, предаешься ей душой и телом, вдруг: стоп! Потому что в кадре тень от микрофона, или свет не в порядке, или актер слишком в профиль! И все заново... И снова — стоп, потому да посему! И опять все заново. А когда наконец все в порядке — не в порядке ты сам. Опять: стоп! Снова-здорово! И ежеминутное нервное напряжение в течение восьми часов съемки. Вечером у тебя одна мечта — в ванну и в постель!

В душе я никогда не была актрисой.

Лучшим временем суток в кино оказывался вечер, когда работе конец и можно отдохнуть и отвлечься. Но сказывались усталость за день, жара от прожекторов и тяжкая студийная атмосфера. Я валилась без сил в номере и не имела уже пороку ни переодеться, ни навести марафет, чтобы пойти поужинать. Просто просила принести немного фруктов и жевала, пока звонила Жану-Луи.

Изредка Жики, Жанин и Одетта все же вытаскивали меня вечером, немного развлечься. Благодаря им я побывала в тамошних ресторанчиках, где пахнет горячим растительным маслом и гитары наигрывают фламенко. Выпив сангрию и съев пирожков с креветками, я вовлекалась в ритм и настроение танца. Сон как рукой снимало. Я неистово хлопала руками и притопывала ногами, рас-

качивалась, опьяненная дикой животной пляской. Иногда вставала из-за стола и сама пускалась в пляс, и была вся — в движении бедер и ног. Давно уже стала я танцевать босой, задолго до чунги.

Испанцы обращались ко мне «гуапа», что означает «красотка», и говорили нежно и гортанно что-то непонятное. С ними, незнакомыми, я освоила три первых аккорда на гитаре.

Наутро я не могла глаз разодрать, засыпала стоя. Оператор пристально смотрел на меня и объявлял, что я не так выгляжу. Грим не спасал. Роль я забывала. Настроение было ужасное, я ворчала и в ответ слышала брань. Мне говорили, что я хочу успеть всюду, что я профессионально безответственна.

Мне всегда и везде хотелось спать. Могла прикорнуть, где и когда угодно. Это освежало и заряжало до конца дня. Однажды я отрубилась на десять минут прямо на съемочной площадке, в диком шуме и при свете юпитеров. Эта способность быстро восстановиться меня очень выручала.

Я купила гитару и, стараясь не ошибиться, постоянно играла три усвоенных аккорда. Гитару я всегда обожала. По-моему, прекрасней инструмента нет. Хорошо играть я так никогда и не научилась, но оказалась способна повторить услышанные там-сям аккорды фламенко, самбы и латиноамериканского фольклора. Получается вообще-то средне, но подыграть себе, когда пою, могу.

Однажды Жики прибежал ко мне запыхавшись, красный, вне себя. В руках у него была насмерть перепуганная собака. Жики сказал, что мальчишки на улице хотели ее повесить, она вырывалась из веревок, а тут как раз Жики подросел и развязал ее.

Я в ужасе оцепенела.

Как можно пытаться убить безобидного пса? Сердце заболело. В горле комок. Я взяла на руки белое с черными пятнышками существо, заглянула в ореховые, глубокие, ласковые, умоляющие, боязливые глаза. Я сказала собачке, что люблю ее, беру к себе и буду оберегать. Это была девочка, дворняжка.

По-моему, прехорошенькая. И я назвала ее Гуапа.

Так началась история любви, которая продолжалась долгих пятнадцать лет.

IX

Ничего нового не открою, если скажу, что обожаю животных, особенно собак. Со временем эта любовь усилилась, потому что я убедилась, что собака не предаст, и будет любить, что бы ни случилось, и не бросит вас в самые трудные дни. О собаке у вас

только добрая память. На ее нежность, преданность, присутствие можно рассчитывать всегда. Собака не ругается, радуется, когда вы приходите, не держит на вас зла.

Итак, Гуапа пришла в отель на житье ко мне. Портье, увидев нас, скроил кислую физиономию, администратор воспротивился. Ладно бы еще породистая собака, ухоженная! Но эта шавка!

Я ему сказала: или мы с Гуапой, или никого.

Он выбрал нас с Гуапой.

Я никогда не водила ее на поводке. Надела ей ошейник со своей фамилией и стала о ней заботиться. Она и без объяснений поняла, что делать свои дела у меня в комнате нельзя, и, когда хотела выйти, скулила у двери. Она ходила за мной, как тень, и неизвестно, кто кого любил больше. Моя жизнь изменилась. Я больше не была одной. Я спала, прижимая ее к себе, и все мы с ней делили на двоих — еду, прогулки, чужие взгляды.

Как я любила ее!

На воскресенье я по-прежнему летала в Париж, но с меньшим энтузиазмом. Гуапу я оставляла на Одетту или Жики с Жанин, но расставалась с ней скрепя сердце. В воскресенье вечером с радостью забирала ее.

Наша съемочная группа должна была ехать на натуру в Торремолинос, на самый юг Испании. Оттуда на воскресенье во Францию не скатаешься. Аэропорта нет, а поездом до Мадрида в те годы — двадцать часов.

В Мадриде я уже отбыла два с половиной месяца.

И вот в съемочной машине мы — мой шофер Бенито Сьерра, Жанин, Одетта, дублерша Дани, Гуапа и я — отправились в эту неведомую даль, в этот самый Торремолинос. Жики от нас откололся, уехав в Париж, чтобы попытаться продать картины. Мне жаль было, что он не с нами. Я любила его общество. Энергия и жизнелюбие Жики поддерживали меня.

А потом я побаивалась ехать в эту испанскую глухомань. Разлука с Жаном-Луи затянется. С телефоном проблемы. И в Мадрид-то оттуда не дозвониться, часами можно ждать разговора, а тут в Париж...

4 октября 1957 года, в день запуска первого русского искусственного спутника, мы и уехали в Торремолинос!

По радио только и передавали «бип-бипы» спутника, а мы ехали по раскаленным пустынным испанским сьеррам и вглядывались в небо в надежде увидеть что-то жуткое, как в фантастических фильмах.

Наше ночное прибытие на место было из ряда вон.

Мы оказались в испанском селеньице, похожем на кукольную

деревню. Сплошь беленые домики, и всюду цветы: плющ, герань, гортензии. Машин нет, одни ослики с корзинами на боках. Днем было слишком жарко, и жизнь начиналась вечером.

Поэтому на деревенской площади оказалось довольно оживленно: в кафе «Посада» посетители за деревянными столиками; два гитариста — прямо на полу; влюбленные, созерцающие море; продавцы арахиса, ребятишки-попрошайки, бездомные собаки. Мы ходили туда-сюда и вскоре нашли нашу гостиницу «Монтемар»: ряд простых бунгалов прямо на пляже. Перед каждым — садик с цветами. Посреди пляжа — столики. За столиками несколько человек сейчас, в два часа ночи, еще ужинало. Мечта! Райское место! Уголок любви!

Мой беленький домик звался «Лас Альгас».

Имелись в нем две комнаты, гостиная — полугостиная, полуверанда — и ванная. По-деревенски, просто и прелестно. Известка и дерево, как я люблю. Тут же пляж, песок и море. Плющ именно ввивался в дом из окон и дверей, переплетался и спутывался, благоухал флердоранж, трещали сверчки, стрекотали кузнечики, плескались волны. Звездное небо сливалось с морем. Я посмотрела, не видать ли спутник. Нет. Все спокойно. Ничего иного в звездно-небесном океане!

Я почувствовала, что счастлива!

Промучившись два с половиной месяца в Мадриде, где задыхаешься от жары, где ни глотка воздуха, где раскален бетон, оказаться вдруг на природе, в своей стихии — вот блаженство!

Мы с Жанин поселились вместе в одном бунгало, Одетта с Дани — в соседнем «Ла Тортуга»*, круглом, как черепаха.

Ночью мы не сомкнули глаз. Гуапа сходила с ума от радости. Она открывала новую для себя природу, к тому же целая ватага собак прибежала полюбезничать с ней, позвать ее на прогулку по ночному пляжу. Гулять ей, по-моему, было рановато. Впрочем Гуапа ни за какие коврижки не пожелала расстаться со мной, и я успокоилась.

Одетта каждый раз, возвращаясь из Парижа, привозила в чемодане разные сорта сыра, в том числе камамбер.

Часть сыров она раздавала всем французам группы, к великой их радости, а часть оставляла себе и нам. А дело, надо сказать, было летом, и Одеттин чемодан я в аэропорту определяла по запаху, так он вонял!

Бедняжка Одетта, утонченная, ухоженная, от сырной вони буквально заболела. Вся ее одежда пахла камамбером, но лю-

---

* Tortuga (исп.) — черепаха.

бовь к сыру пересиливала, вдобавок ей хотелось доставить удовольствие и нам всем. Но теперь я, пожалуй, поселилась в одном бунгало не с ней, а с Жанин именно из-за этого проклятого сыра. С ним пора покончить! Я предложила своим девушкам устроить у Одетты легкий ужин. Заказали местного красного вина и хлеба, немного мяса для Гуапы и — за сыр. Он потек, сплющился и на сыр-то уже не был похож...

Умяли мы половину.
Сделали дело!

Съемки начинались лишь через три дня. Значит, три дня отдыха. И, не боясь никаких упреков завтра, я в сопровождении Гуапы и Жанин отправилась купаться. Голые, свободные, ошалевшие от блаженства! Вода струилась по волосам, лицу, смывая дневную пыль. Время остановилось, уступило место нашему хохоту и песням. Мы пробежали несколько метров от воды до бунгала и плюхнулись в чем мать родила в ивовые кресла в садике.

Жанин была очень хороша: высокая, золотоволосая, породистая. Мне всегда нравилось иметь красивых подруг: мы как бы взаимно оттеняем друг друга.

Жизнь в Торремолиносе начиналась изумительно!

На другое утро часть съёмочной группы завтракала в ресторане, то есть на пляже: расселись за колченогими столиками под громадным соломенным навесом на деревянных опорах. Красота. Солнце уже высоко. Стало припекать. Сказка.

Чая, разумеется, не было. Местные жители не знали даже, что это такое. Мне подали кофе с козьим молоком — выплюнула тут же — и масло до того горькое, что и в рот не возьмешь! Я выпила стакан апельсинового сока и съела сухарик. Потом решила позвонить Жану-Луи. Ждать надо было двенадцать часов. Имелась лишь одна линия на почте, на несколько десятков местных телефонов. В Париж никогда никто не звонил. В ожидании разговора я купалась. Пляж был пуст. Только изредка пройдет крестьянин с ослом.

Одетте, плохо переносившей жару, нездоровилось. Она скучала по мужу и чувствовала себя отрезанной от мира. Зато Жанин расцвела — по мужу она не скучала, а солнце обожала и, кажется, жаждала завести роман — я видела по глазам.

А я была нечто среднее между Одеттой и Жанин. С одной стороны — неуютно, с другой — свободно, как на морской прогулке. Я плыла и не помнила, кто я и где я.

В ресторане мы встретили Вадима, Стефена Бойда и его дублера, испанца, красивого малого. Звали его Манси Сидор, и Вадим над ним подшучивал: «Сидор — сидрыхнет». Дело в том, что бедняга Манси ни слова не понимал по-французски и всегда

сидел, не участвуя в разговоре, с видом отсутствующим, как бы сонным. Нам подали рыбу в горшком масле, непромытый салат в горшком масле и козий сыр, пахший туалетным мылом, тоже горклым. Короче, я снова заказала сок и сухарик. Сидор и Жанин пожирали глазами друг друга. Тем лучше для них! В этих краях, чтобы выжить, разумней всего питаться водой и... любовью.

Вечером, умирая от голода, я набросилась было на остатки Деттинного сыра, но тут меня позвали на разговор с Парижем. Телефонной кабины не имелось, телефон стоял в баре, а в баре — полно наших.

«Алло!»

Ничего не слышно. Потом что-то пролопотала телефонистка. Наконец далеко-далеко, в диком треске я расслышала голос Жана-Луи. Находясь в компании из 30-ти человек, которые к тому же орут, о любви не поговоришь. Настроение испортилось.

Господи, да что я тут делаю рядом со всеми этими типами, в испанском захолустье, тогда как в моем собственном доме кто-то ждет и любит меня! Заснула я в обнимку с Гуапой уже не так блаженно, как накануне.

Сидор, как и следовало ожидать, пришел к нам спать в одной постели с Жанин. И теперь настал мой черед повторять: «Сидор сидрыхнет... с Жанин»...

Я послала Жану-Луи письмо, но письма шли две недели. Почта приходила с таким опозданием, что писать я перестала...

Через три дня съемки начались. Наши дублеры весь день «сидрыхли», вместо Жанин была Дани, а Серж Маркан, Вадимов ассистент, работал за Сидора. Теперь Серж должен был дублировать Бойда, а заодно и меня в особо опасных сценах.

Так что однажды я увидела себя в обличье здорового детеныша с обезьяньим лицом, с прищипленным светлым пучком и кудельками на висках (чтобы скрыть уши!), в красной юбочке и белой, очень открытой блузке с видневшейся волосатой грудью. Он дублировал меня за рулем американской машины без верха. Езда была безумно рискованной. Выглядел «под меня» он чудовишно. Просто монстр. Но издали могло сойти...

Свой день рожденья я отложила. Отмечала в октябре, числа десятого. Пригласила всю местную цыганву, певцов и гитаристов. Наша съемочная группа пришла в полном составе. На столе была сангрия, колбаса, хлеб и огромный пирог с 23 свечками! А еще я понатыкала свечей по всему пляжу: впечатление, что звезды, упав с неба, мерцают в песке!

Бойд приударял за мной, но так, не всерьез! Было жарко, все танцевали, и я радовалась.

Леви на день рождения преподнес мне осленка! Я назвала его Чорро, потому что съемки велись в ущелье Чорро. Ослик был чуть больше собаки, и Гуапа смотрела на него недобро! Гулял он по пляжу, ел герань возле домика, а спал в моей комнате вместе с Гуапой. На съемки я возила его с собой на машине. Он бродил и щипал траву вдоль горного потока. Вечером я увозила зверинец назад в Лас-Альгас. Я стала похожа на цыганку, загорелая, босая, с волосами до пояса и в рваном черном облегающем платишке, с собакой и осликом за мной по пятам!

Такая жизнь была по мне!

Притом, к счастью, группе наняли стряпуху-француженку, стряпать в нашей столовой без стен.

У Гуапы появился возлюбленный, весь в кудряшках, как куколка. Я назвала его Рикики и приняла в зверинец.

Снимали мы в селеньицах, затерянных во времени и пространстве: ни электричества, ни удобств, ни, разумеется, телефона.

Женщины ходили за водой к колодцу на площади, а грязную воду выплескивали прямо из окон. Мощеные улочки шли под гору, прямо посередине — сток для нечистот. Жара удушающая, вонь нестерпимая. Тучи мух. Дети возятся тут же, чумазые, косолапые. У одного нет руки, у другого ноги, третий слеп, четвертый в нарывах. Были и горбун, и карлик, даже малыш, у которого кисти рук росли прямо от плечей! Не говоря уже о собаке-кенгуру: родилась она без передних лап и передвигалась, прыгая на задних. Вечно стоя!

Глядя на это ужасающее зрелище, я начинала понимать графику Гойи. Убожество в чистом виде, без прикрас! Я не успевала отгонять мух, дюжинами облеплявших лицо, руки, ноги! И уж совсем не могла отогнать любопытных, жадных, гнойных детей, окржавших меня, разглядывавших, трогавших!

Господи, что за кошмар!

Спасибо Тебе, Боже, что создал меня такой, какая я есть, нормальной и в добром здравии!

Однажды вечером, вернувшись без сил после одного из таких тяжелых, нехороших дней, я увидела, что небо почернело и вот-вот начнется гроза. Ну и прекрасно! Смывает всю пыль вокруг, всю грязь, всех микробов! Упали первые, тяжелые, огромные капли. Дышать нечем. Сверкают молнии, грохочет гром. Жуть. Вдобавок дикие порывы ветра.

Гроза переходила в смерч!

Вдруг погасло электричество. Ослик, Гуапа, Рикики и все бро-

дяди пляжные собаки в страхе прибежали укрыться в бунгало. А Одетта уже не могла дойти до дома, вода хлестала стеной!

Натерпелась я страху.

Всюду сквозняки, ни дверь, ни окна не закрыть, в доме вода и ветер. Стало холодно. Мы завернулись в одеяла, теплых вещей у нас с собой не было. После целого дня съежек хотелось есть и пить. Море бушевало, огромные волны ударяли в стену бунгало, нас окатывало брызгами. Я уж решила, что нам конец — смоем волной...

Ночь мы просидели во тьме, придвинув шкафы к дверям и окнам, подтирая воду, лившую с потолка, и успокаивая обезумевшее, скулившее зверье. На рассвете в доме было уже наводнение, вода поднялась над полом на 10 см, осел и собаки залезли на столы и кресла. Гроза все бушевала.

А наружи что творилось!

Пляж залило. На песке — бесформенные груды; дохлая овца; несколько сломанных стульев; стол, матрац, трость, шляпа; вырванные с корнем деревья; и грязь, грязь... Все в зеленоватом свете, сквозь стену дождя. И адский грохот волн. Апокалипсическое зрелище.

Что же делать дальше?

Мне несколько раз в жизни было по-настоящему страшно: на лодке в сильнейшую бурю на Багамах; на вертолете в пургу, в Канаде; в частном самолете над Шамбери, в 20-30-метровых воздушных ямах. Но в этот первый раз страх был самый жестокий.

И полное бессилие перед разбушевавшейся стихией, слабость, зависимость, ожидание, неизвестность!

В конце концов главный продюсер Роже Дебельмас, человек замечательный, добрался до нас босой, увязая по колени в грязной жиже, мокрый насквозь. Он принес несколько банок консервов, минералку и плохие новости. Нас залило и отрезало от мира. Ураган сорвал и разнес все — дорогу, рельсы, телефон, электричество. Саманные деревянные домики были разрушены, имелись десятки убитых, стада овец унесло потоком грязи, летевшим с гор и сметавшим все на своем пути. Несколько машин исчезло: их смело разгулявшейся жидкой почвой. Не ровен час, начнется эпидемия: вокруг сплошь разлагающиеся овечьи туши!

Съестных припасов не осталось совсем, питьевой воды было мало.

Роже сообщил нам все это и отправился обратно босой по воде разносить остальным остатки продуктов. Я просила его передать Дани, чтобы она добралась до нас, если сама на месте. А Манси с Жанин, съездившись в кровати, теперь уже не «сидрыхли»! Мне казалось, что мы единственные чудом уцелевшие на

разрушенной планете. Пол в бунгало представлял собой огромную грязную лужу, и мы хлюпали в ней.

Я продрогла до мозга костей.

Одетта кашляла, ее лихорадило и трясло.

Ни воды согреть, ни согреться, никакого источника тепла, одна сплошная пронизывающая, леденящая сырость. Пришла Дани, мокрая и грязная, вскоре за ней Вадим, тоже весь вымокший. Он не хотел оставлять меня одну, знал, как мне страшно. Мы разложились по-туристски, поделили поровну ледяной зеленый горошек, галеты и минералку. Колбасу со всеобщего согласия отдали собакам. А ослику Чорро положено было подкрепиться остатками ползучих садовых растений, когда ливень уменьшится. Во всяком случае, растения уже не ползли, а лежали в грязи у бунгало.

Я стала умолять Вадима отправить меня в Париж: не хочу оставаться, фильм не фильм, того и гляди, заболую, больше не могу, сил моих нет, хочу уехать, уехать любой ценой! Он улыбнулся и ответил, что уехать нельзя никакой ценой, все разрушено, помощи нам оказать не могут, но, как только сообщение наладится, он меня, клянется, отправит домой! Тем более, с фильмом теперь все пропало: нынешний пейзаж ничуть не похож на вчерашний. Доснять картину придется где-то в другом месте!

Лучик надежды забрезжил: уеду, да, но... когда?

Наш дом становился новым ковчегом.

Мужчины, женщины, звери — мы все делили меж всеми. Собаки согревали нас, прижавшись к нам, зарывшись в одеяла.

Мы чесались без конца.

Зверинец увеличивался: у нас завелись блохи!

На другой день дождь прекратился, мы могли подсчитать убытки.

Гигантская клоака, конец света, смерть во всех ее видах. На небольшом кладбище, где снимали мы позавчера, — развороченные могилы, груды скелетов, костей, обломки гробов, остатки спутанных одежд.

Жуткое зрелище.

Я заболела.

На кровати, казавшейся нищенским ложем, без белья, черной от грязи, завернувшись в одеяло, полное блох, я чувствовала, как поднимается температура. Болел живот и правая сторона поясницы. Врач-испанец, поехавший с нами в Торремолинос на случай какого-либо несчастного происшествия во время съемок, нашел у меня острый коллибациллез. Необходимо было принимать лекарства и пить много воды. Ни того, ни другого!

Врач вкатил мне успокоительный укол.

Одетта сидела со мной рядом, в кресле, всю ночь.

Назавтра я проснулась в бреду и блохах.

И тут же сказала бедной Одетте, что уезжаю. Иду складывать вещи. Пусть найдет мне машину. Или хоть что, но — уехать. Затем в бывший чемодан собрала бывшие вещи — теперь кучу грязи. Оделась, как могла, и стала ждать.

Пришел Вадим. Он сказал, что ехать — неразумно. На дорогах неразбериха. Машина у меня в ужасном состоянии и т. д. Я поручила ему отдать Чорро какому-нибудь порядочному крестьянину с остатком моих испанских денег и советами, как осчастливить дорогого ослика. А уехать я уеду... Вадим обещал отдать Чорро в надежные руки и сделал еще одну попытку отговорить меня ехать.

Тут подоспел Дебельмас с теми же речами.

Я вверила ему Гуапу. Попросила, чтобы он сам привез ее на машине в Париж, потому что боялась брать ее в самолет. Еще сказала, что, если Рикики будет очень скулить, пусть привезет и Рикики... Я верила в Дебельмаса. Он любил животных, был человек серьезный и с большим чувством ответственности. Гуапа ушла, жалко поджав хвост. Мне тоже хотелось плакать. Но на войне как на войне! Встретимся в Париже через несколько дней!

Жанин и Сидор пришли проститься. Вид у них был счастливый и отрешенный. Жанин просила меня сказать Жики, что она беременна и остается в Мадриде с Манси! Ну и ну...

С тех пор я больше никогда не видела ее!..

Я взяла под мышку сверток, оставив чемодан на видном месте с запиской: «Ушла пешком в Париж». Совершенно больная, шла я еле-еле, ноги увязали в жиже, жижа чавкала.

И удивлялась, в какой рай прибыла и какой ад покидаю!

Подумать только, через 15 лет я вернулась сюда и Торремолиноса не нашла! На пляже — башни из стекла и бетона, всякие «Холидей-Инны» и «Софители», один выше другого. Мой отельчик «Монтемар» снесли. На его месте — 16-этажная махина... Все американизировано, безлико, гнусно. Выстроили также роскошный аэропорт. С приходом цивилизации ушла прелесть. Былой катастрофы, конечно, не повторится, но часто с водой выплескивают и ребенка.

Съемочная машина с Бенито Сьеррой за рулем, Одеттой и чемоданами нагнала меня через несколько километров.

До Мадрида добирались 18 часов, несколько раз дорогу нам преграждали груды обломков и ямы с водой размером с озеро. Ночью Бенито ехал то держа голову в окне машины, то хлеща себя по щекам, чтобы не заснуть.

Мадрид показался мне землей обетованной.

Отдохнув, помывшись, продизенфицировавшись, прихорошившись и обретя наконец прежний облик, мы с Одеттой сели в самолет на Париж — на этот раз с билетом только в один конец.

Оказаться дома не означало — наслаждаться.

У себя на Поль-Думере я лежала пластом на кровати, силясь вернуться в форму, снова обрести Жана-Луи и саму себя.

Все казалось чужим... Я приехала из такого далека! Столько всего пережила, безразличного для него! Разлука убивает любовь. С глаз долой, из сердца вон. В разлуке у каждого свои мелкие дела, другому уже неважные. А потом заочная ревность...

Жан-Луи был уверен, что все это время я ему изменяла... Больше месяца от меня не было писем... Может, снова сошлась с Вадимом, пожалев о прошлом? Ну как ему доказать, что он не прав? Единственный мой аргумент — чистые сердце и совесть. Мало против репутации «пожирательницы мужчин».

Клоун обнюхивал меня неодобрительно: пахла я странно, дрянной испанской дворняжкой... Он ревниво ворчал, но втайне ждал ласки, и я ласкала его очень нежно, объясняя, что скоро к нему приедет сестренка и надо ему отнестись к ней со всей душой.

Ален сунул мне длинный перечень чеков на подпись. Я опоздала с оплатой счетов и особенно налогов. А потом и служанка собиралась уволиться.

И холодильник сломался...

Короче, весь набор неприятностей за полгода — мне в пять минут. В довершение ко всему пришел Жики, посмотрел на меня подозрительно и спросил, почему Жанин не со мной. Пришлось сообщить ему горькую весть как можно деликатней. Я думала, он меня убьет!

Но я-то здесь при чем?..

А притом! Я, оказывается, дурной пример для порядочной женщины и втягиваю подруг в разгульную жизнь, и т. д. и т. п. От горя Жики сам не знал, что говорил. Он хлопнул дверью и тут же ринулся в Мадрид за женой, сами понимаете, напрасно!

Единственной радостью в парижской жизни стало возвращение Гуапы. Дебельмас вручил мне мое сокровище целым и невредимым и объявил, что съемки закончатся в Ницце на студии «Викторин», что там готов уже кусок испанского селенья, кладбища и песчаного пляжа.

Мой коллибациллез был залечен, но, видимо, не вылечен: от него у меня остаточные явления и по сей день.

Клоун принял Гуапу настороженно. Оглушительно лаял и но-

ровил укусить. Она то спасалась у меня под юбкой, то заползала, поджав хвост, под тумбочку. Два дня спустя, сев в поезд на Ниццу, я покинула Париж без сожаленья. Со мной ехали Гуапа и Одетта. Ноябрьский город был дождлив, а Поль-Думер впервые показался мне враждебным.

Конец картины снимался крупным планом. Декорации заменили натуру. Вместо солнца светил большой прожектор, а морской ветерок обеспечивался вентилятором на малой скорости.

Но все — как на самом деле!

А мне под конец съемок «Ювелиров» пришлось вынести еще одно испытание.

В одной из сцен я должна была выступить как тореро с черным бычком на арене Ронды. В общих планах меня, понятно, заменил дублер, молодой испанец-торeadор, одетый и причесанный «под меня». Издали, со спины он чем-то на меня смахивал. Но на съемках в Ницце понадобился крупный план. Нашли черного бычка (у нас большая редкость) и привязали его за ноги к какой-то подпорке в декорациях. Бедное связанное животное не могло пошевелиться, ревели как резаное и страдало от многочасовой жары осветительных приборов.

Камера позади бычка брала в кадр рога и — между ними — мое лицо. Но бычок беспрестанно дергался и заслонял меня. Вызвали ветеринара. Тот засадил ему шприц с успокоительным.

Но с лекарством дурень, видимо, переборшил.

Бычок, оцепенев, рухнул в своих путах, закатил глаза, застонал и пустил длинную беловатую слюну. Через несколько минут он умер в невыносимом пекле прожекторов. Должно быть, аллергия на слишком сильное успокоительное, которое вкатил ему коновал.

Господи, как я оплакивала бессмысленную, глупую смерть! Бедный бычок, милый черный красавец! Только ради фильма? Да ни ради чего! А сцену даже и не сняли...

Откуда у людей право распоряжаться жизнью и смертью животных? Неужели мы убиваем их безнаказанно?

Мне было горько, больно, тошно! Я отказалась сниматься в этой сцене с новым бычком. Наотрез.

X

Вернувшись в Париж, я бросилась к Клоду Отан-Лара.

«В случае несчастья» начиналось через несколько дней.

Примерка костюмов, подбор прически и грима... Леви, к счастью, остался продюсером. Он мог отложить начало съемок, чтобы дать мне вздохнуть неделю!

Танин Отре, костюмерша, выискивала мне платья и туфли не- сколько легкомысленные. Но Отан-Лара, если что-то вбил себе в голову, спорить с ним бесполезно. Легкомысленные костюмы, значит легкомысленные. К тому же я сильно струхнула: партне- ры — Эдвиж Фейер и Жан Габен.

Вечерами возвращаюсь домой после примерок, хождения по магазинам и разговоров с Отан-Лара. Прихожу без задних ног и реву в объятиях Жана-Луи. Ален подавлен, Клоун и Гуапа обню- хивают и слизывают мои слезы. Я, лентяйка, копуша, в душе без- дельница, приговорена к каторжным работам! А потом, впервые в жизни у меня серьезная роль в хорошем фильме с великими партнерами.

С приближением первого съёмочного дня росла моя тревога.

Тогда-то и позвонил Жильбер Беко.

Он предложил мне сняться с ним в небольшом телешоу ново- годней вечерней передачи — 31 декабря 1957 года.

А у меня ни минуты свободной!

Но против Беко не устоишь, Жильбер умеет уговорить. Он смеется, шутит и благодарит прежде, чем вы сказали «да».

И я очутилась на студии «Бют-Шомон» с Беко, его оркестром и своим страхом!

Но тут совсем другое дело.

В студии царило веселье, Жильбер был обольстителен и шутки ради приударял за мной. К тому же мне нравились его песни. Я должна была прогуляться среди корзин с фруктами по «прован- скому рынку», изобразить знаменитую таинственную красотку из его песни «Так расскажи, как это было», а потом, лежа просто- душно и кокетливо на рояле, смотреть, как Жильбер играет и поет для меня прекрасную песню. После чего мы с ним желали телезрителям счастливого Нового 1958 года.

Прожекторы погасли, а мы все смотрели друг на друга. Во власти его чар я забыла весь мир. Я влюбилась, внезапно и до безумия.

Только этого мне не хватало!

На авеню Поль-Думер я вернулась сама не своя.

Стала привирать, терялась, не знала, что придумать, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Я никогда не могла порвать легко. По мне, лучше синица в руках... Чем больше я чувствую себя виноватой по отношению к мужчине, тем нежней и внима- тельней с ним. Чтобы успокоить Жана-Луи, купила ему его завет- ную мечту — спортивную «остин» с откидным верхом, увы, яб- лочно-зеленую, цвета надежды!

Днем свободного времени у меня не было совсем: примерки, пробы, репетиции. Я рискнула встретиться с Беко у себя на

Поль-Думере, зная, что Жан-Луи просидит до ночи на службе в министерстве.

Наше любовное, но пока еще невинное свидание было прервано неожиданным возвращением Жана-Луи! Как гром среди ясного неба! Разразился и испепелил все вокруг. Я вспомнила о водевилях: над персонажами смеются, а ведь смешного, по сути дела, мало!

Все произошло очень быстро.

Мужчины ушли почти одновременно, оставив меня одну, и это было лучше всего. Я принялась было взвешивать все «за» и «против», но хотелось спать, я устала и сама толком не понимала, что случилось. Съёмки начинались послезавтра, я должна быть в форме, а теперешний скандал совершенно выведет меня из строя. Я улеглась между Гуапой и Клоуном, вспомнив, что утро вечера мудреней.

Не тут-то было.

Вернулся Жан-Луи, спокойный и решительный, и стал собирать вещи. Что ж, он прав. Он чист, целен и не желает ни с кем делиться. Считая соперника лучше себя, он уходил, возвращая мне свободу и машину. Я все понимала, но в ужасе смотрела, как он молча складывает чемодан!

Что сказать? Что сделать? Солгать? Снова?

Ну нет! Я просто попросила оставить себе машину. Настаивала, и он согласился. Господи, несколько минут — и насмарку два года жизни, а я, идиотка, стою, как в кошмарном сне, не в силах пошевелиться.

Наконец я вышла из оцепенения, стала говорить и, говоря, уговорила себя, что невинна, и потом убедила его, что совершенно чистосердечна. Чушь несусветная, конечно. Но от усталости я сама не знала, что делаю.

Итак, жить я продолжала с Жаном-Луи, а работать — с Фейер и Габеном. Но в душе я не могла найти себе места. На съёмках, в первой сцене, в адвокатской конторе Габена, я оказалась неспособной проговорить роль, то и дело путалась в тексте. И сходила с ума еще больше.

Отан-Лара начал нервничать, теребил свою кепку. Съёмочная группа смотрела неодобрительно. Одетта принялась пудрить мне нос и шепотом уговаривала успокоиться. Напряжение достигло предела.

И тут Габен оказался на высоте. Чувствуя, что я, в страхе, смущении, беспамятстве, — на грани нервного срыва, он нарочно ошибся в следующем дубле. И проворчал, что, дескать, со всяким может случиться! Этим он разрядил атмосферу, и я наконец произнесла все правильно. Спасибо, Габен! Под грубоватой оболоч-

кой у вас была нежнейшая душа, и, благодаря вам, мне в «Случае несчастья» удалась роль!

А в остальном то, что должно было случиться, случилось!

Жильбер покорила меня, атакуя цветами, телефонными звонками, записками. Думала я только о нем и, если могла играть на студии «Сен-Морис», не могла разыгрывать комедию дома!

Однажды вечером, когда я еле приплелась после съемок на Поль-Думер, у нас с Жаном-Луи произошел окончательный разрыв. И он ушел, потому что я не останавливала его, потому что вообще не знала, что делать.

Легко писать десятки лет спустя!

Трудно жить, пережить, принять.

Я любила Жана-Луи до безумия, любила, может быть, так, как никого никогда, но сама о том не ведала, просто была молода и хотела жить, и не терпела принуждения, и не шла на уступки. Уступать — умереть, а я хотела жить!

И уж жить я жила!

В тоске и одиночестве с Аленом на обед и Жильбером на сладкое! Слава Богу, Клоун и Гуапа грели и обласкивали меня. Но рядом ни руки, ни плеча, никакой опоры! А съемки изматывали. Приходилось пить активфос, чтобы не свалиться. В студии былолюдно и тепло, все любезны и, может быть, только внешне, ко мне внимательны. Работала я на всю катушку. Одетта, костюмерша Лоранс и Дани заботились обо мне. Присылал цветы Беко, который сам был неизвестно где.

А дома по вечерам хотелось умереть.

Кому рассказать о том, что было днем? С кем поужинать, посмотреть телевизор?

Разумеется, Беко звонил каждый вечер, вернее, ночь, в три — в четыре утра, в самый мой сон. Он как раз полон сил в Брюсселе, Женеве, Мюнхене. Собирается ужинать с друзьями и любит меня, любит, любит! А мне скоро вставать. Предстоит тяжелый день. Я злилась, что его нет, ревновала к его славе и что-то недовольно бурчала в трубку.

В сочельник вечером 24 декабря 1957 года, выпив по случаю праздника продюсерского шампанского, поцеловав Леви и Отан-Лара с женой Жислен, пожелав счастливого Рождества всей группе, пожав руку Габену и сказав слова любви и благодарности Одетте, Дани и Лоло, я очутилась одна-одинешенька на Поль-Думере.

Помнится, Мижану, не слишком богатая, оставила мне кучу чудесных пакетиков с заколками, леденцами, мылом, цветными

карандашами и пр. А от мамы мне принесли елочку с игрушками, роскошную ночную рубашку и черную шаль.

Рождественскую ночь я провела в слезах, в обществе Клоуна и Гуапы, недоумевавших, почему я так печальна, ведь ночь как ночь...

Я думала о Жане-Луи. Где он?

Вспоминала о кассийском Рождестве, проведенном вместе.

Потом подумала о Жильбере. Он сейчас с женой и детьми в местечке Шене, недалеко от Версаля. У меня даже нет его телефона. Помню, бродила всю ночь по квартире в своей новой ночной рубашке и дивной шали, говоря себе с опозданием, что женатый — не для меня! А на моей постели очень мило заснули Гуапа с Клоуном, моя единственная опора!

На другой день я осчастливила папу с мамой, явившись к ним на обед! Они опомниться не могли! Сколько лет уже мы не собирались вместе! Моя посеревшая физиономия маму встревожила.

С чего грустить в 23 года, когда удача улыбнулась тебе и вся жизнь впереди?

Я излила ей все, и душу, и слезы. Рассказала о разрыве с Жаном-Луи, о новой любви. Призналась, что чувствую себя не в своей тарелке, что мне грустно и одиноко. Описала, как страдаю, мучаюсь, угрызаюсь, в общем, сняла с души тяжесть. Мама всегда учила меня видеть в жизни хорошие стороны, и то, что сказала она мне в тот день, так поддержало меня, что я ушла от родителей утешенной и счастливой.

Когда я вернулась на авеню Поль-Думер, позвонил Беко.

Он придет вечером, с подарком! Каждый его приход был праздником, а праздник — вещь редкая, его отмечают! Вечером 25 декабря Поль-Думер был похож на маленький дворец, освещенный свечами. Я была красива, Гуапа с Клоуном прелестны. Из клеток я выпустила голубей, они порхали по квартире, пахло дорогими духами, на столе, на кружевной скатерти — куча вкусных вещей, которые я припасла на случай, если...

Жильбер пришел, таинственный и страстный. Свою жизнь он оставил за порогом. А здесь, у меня, помнил только обо мне, о нас! Как странно — любить кого-то, кто знаменит на весь мир! Смотришь на него, рядом, совсем рядом, — и не узнаешь, а ведь это он!

Он самый!

В тот вечер он надел мне на шею платиновую цепочку с брильянтовым кулоном от Картье. А я, не ожидая подарка, сама ничего не приготовила, поэтому вручила ему в ответ ключ от своей квартиры, блеснувший в его руке, как талисман. Вечер пролетел

быстро, в два часа ночи прозвонил будильник, и Жильбер ушел, как явился — таинственный и страстный, — к семье, жене, к себе домой.

У него-то были корни, те самые пресловутые корни, которые помогают нам жить!

А у меня их не было.

И я решила найти их, то есть завести свой дом, дом на море. У мамы был свой домик в Сен-Тропезе. Она и Ален помогли мне, списавшись со всеми тамошними агентствами по продаже недвижимости.

В конце этого года на торжественном вечере мне вручили мой первый актерский приз «Триумф французского кино» в результате опроса, проведенного профессиональной газетой «Фильм Франсе» среди директоров кинозалов.

А вот передача, сделанная мной с Жильбером, была показана 31 декабря и, действительно, имела колоссальный успех.

Досадно, что журналисты что-то пронюхали и писали с намеками. Мы стали четой года, и, опуская наше семейное положение, нас и обручали, и женили во всеуслышанье.

Что за пытка!

А ведь сочельник мы встретили вместе только на экране, а в жизни — порознь: я — в одиночестве у себя на Поль-Думере, а он — у себя в Арменонвиле, с женой и друзьями.

Отныне за мной постоянно следовали репортеры: подстерегали утром, провожали до студии и обратно вечером домой, спали в машинах у подъезда... Ситуация становилась невыносимой. Да и Жильберу, который сделал крепкую семью частью своего имиджа, очень не нравилась газетная шумиха о наших с ним отношениях.

А ведь мы ни разу нигде не появились вместе, ни в ресторане, ни в кино, ни даже у друзей. Встречались мы тайно, у меня по ночам, когда не было ни служанки, ни Алена.

Откуда же об этом узнали?

«Франс-Диманш» и «Иси-Пари» под заголовком «Беко и Бардо неразлучны» писали слащавую ерунду во вкусе домохозяек. Я никогда не могла понять, каким образом каждый мой шаг, каждый порыв, даже самый тайный, становились предметом публичного обсуждения, хотя я не говорила о них никому, даже самым близким друзьям.

В результате Жильбер по-прежнему звонил мне по ночам, анонимно посылал цветы, но больше не приходил ко мне, объясняя это тем, что боится скандала, боится, что у меня дома его сфотографируют, что публика осудит, боится того, боится сего...

А о том, что боится потерять меня, мне не говорил!

Итак, в начале 1958 года целыми днями я пропадала на студии, в работу ушла целиком. Пыталась чего-то достигнуть в жизни, заслужить в поте лица профессиональное признание. Но журналисты, хотя и приходили, и сидели на съемках, причем после тщательного отбора, произведенного нашим ответственным по связям с прессой, продолжали писать о нас с Беко.

Не хватит ли?

Теперь я молчала или сухо отнекивалась, что они обратились не по адресу, что снимаюсь я не с Беко, а, к их сведенью, с Габеном и Фейер, прекрасными партнерами.

Нервы были у меня на пределе.

Вечерами я запиралась дома, ожидая звонка от Жильбера. Я уже ни с кем не виделась. Алэн был, как всегда, на посту. По его мнению, квартира помрачнела. Мой на все руки мастер возился с Клоуном и Гуапой, пока я была на студии, давал распоряжения служанке, отвечал на письма, разбирал бумаги и ежедневно готовил длинный список счетов на оплату. Потом он шел к друзьям. Иногда в спальне появлялся огромный букет роз без записки.

Я знала: от него!

Были телефонные послания. Кристина хотела повидаться. Она затевала интересный фильм с режиссером Дювивье «Женщина и паяц». Контракт составили. Книга Пьера Луи лежала у меня на подушке. Ольга согласна, Дювивье тоже, Оренш и Бост берутся сделать сценарий. Ждут меня. А я, раскрыв «Женщину и паяца», жду звонка от Жильбера.

Присылали предложения агентства по продаже недвижимости, с фотографиями домов «на берегу». Предлагали Касси, Жуан-ле-Пэн, Бандоль, Трифуйи-ле-Бегонья.

Я смотрела на ворох почты, но в мыслях была далеко-далеко, за тридевять земель отсюда.

Так это и есть жизнь?

Работать до изнеможения. Быть красивой, неплохой актрисой, и сильной, и терпеливой. А вечером сидеть в одиночестве, ждать случайного звонка, метаться по квартире, как мышь в мышеловке, быть газетной притчей во языцех потому только, что влюблена в знаменитого певца.

Хороша жизнь, нечего сказать!

Но была ли я, действительно, влюблена в Жильбера?

Уже и сама не знала. Влюблена была, скорее всего, в телефонный аппарат.

Это я-то, любившая солнце, волю, песок, зной, деревню, жи-

вотных, запах сена, любившая бегать босой, свободной и жить у моря, — жила с утра до вечера затворницей, не видя неба, как чахлое комнатное растение. Увядала в свои 23 года!

И мне захотелось уснуть совсем. В аптечке я нашла имменоктал. Для верности проглотила сразу пять таблеток; потом, заплакавшись и устав, еще несколько.

Потом зазвонил телефон. Услышала звонок — не знаю, во сне или наяву. Сняла трубку, но сама плакала и, что говорила трубка, не могла разобрать. Потом разобрала: «Это Жиль, Бриж! Ответь!» И я ответила, раз телефон заговорил человеческим голосом. Прижала трубку к уху и поведала ей, как страдаю и как устала. И поцеловала черную, мокрую от слез пластмассу. И услышала приказ, краткий, но безумно тревожный: «Бриж, встань и открой входную дверь».

Встать я была не способна. Я словно бы куда-то отлетала, далеко-далеко.

Из этого далека ватный крик опять велит открыть входную дверь. Я упала с кровати вместе с телефоном.

Словно под наркозом, я слышала: «Открой дверь, открой дверь, открой дверь», — и бессознательно поползла «открыть дверь». В ушах звенело: «Дверь! Дверь!» Врач, посланный Жильбером, нашел меня на коврик на пороге, в коме, но дверь была, слава Богу, открыта. Жильбер, который в тот момент находился в Марселе, позвонил знакомому доктору и просил его срочно приехать по адресу Поль-Думер 71, 8-й этаж, налево.

Совершенно не помню никакого доктора, но, благодаря ему, могу сегодня рассказать эту историю. Он, как я потом узнала, сделал мне переливание крови, и 48 часов я лежала под капельницей.

Наутро, в полдевятого, пришел Ален и застал у меня врача. Тогда он немедленно вызвал маму, и вместо одиночества я получила массу внимания и нежности, но не в состоянии была осознать это. А меня ждали на студии.

А я была в полукоме.

Мама, зная, что пресса неотступно следит за мной и каждый мой шаг перетолковывает, осталась рядом. Она даже и не была уверена, смогу ли я выкарабкаться, и все плакала и не понимала, но рассудительности не утратила. Она позвонила главному продюсеру и сказала, что я отравилась несвежими устрицами, очень плохо себя чувствую, лежу в постели и на съемки прийти не могу.

Когда съемки прерывались из-за болезни актера, фильм объявлялся «убыточным», и убытки оплачивала страховая компания. Вот почему перед съемками актеры обязаны были пройти медосмотр у нанятого страховой компанией врача. У нас был постоян-

ный — добрый доктор Гийома. Он и решал, здоров ли актер, готов ли к тяготам съемок или нет.

Если же актер заболел, перед выплатой страховых денег Гийома приходил проверить, правильно ли его собрат по профессии поставил диагноз. Разумеется, покушения на самоубийство компанией не оплачивались, убытки нес продюсер.

Помню, мамин голос твердил: «Бишон, Гийома придет тебя осмотреть. Скажи, что отравилась несвежими устрицами, слышишь, деточка, несвежими устрицами».

В вене на руке была игла. Капельница свисала с лампы. В комнате темно. Мне казалось, что я наелась мятого картона. Язык не ворочался, мутило, в глазах двоилось. Меня беспрестанно били по щекам, поднимали мне веки и громко звали: «Брижит, Брижит, ты слышишь?»

Добрый доктор пришел на другой день и очень удивился, услышав, что устрицы повергают молодую здоровую женщину в коматозное состояние. А вдобавок я, когда почувствовала, что мой любимый добрый доктор здесь, стала плакать и умолять его не пускать меня больше никогда на съемки, говоря, что устала морально и физически. В общем, он все понял, но он и сам меня любил, поэтому подтвердил отравление и прописал мне неделю отдыха.

48 часов спустя я еще была между жизнью и смертью, не различала, день ли, ночь, едва приходила в себя и снова и снова погружалась в черную бездну.

Мамочка, милая, клала мне на лоб мокрые полотенца, сильно сжимала мне руку, говорила, что любит меня, что никто на свете не стоит того, чтобы из-за него болеть и гробить здоровье.

Натерпелась она страху.

Я слушала ее рассеянно и думала, что, кроме нее, по-настоящему никто и не любит меня. Плевать всем на мою душу. Хорошо мне или плохо, лишь бы фильм закончила!

А умерла бы — катастрофа.

Финансовая.

В этот момент пришла Кристина Гуз-Реналь.

Она была потрясена. Она тоже любила меня! Я должна упорядочить свою жизнь! Найти стержень! Кристина расстроилась. А еще я должна подписать контракт на «Женщину и паяца». Он у нее все-таки с собой. Надо же наконец поставить точку!

Если не подпишу сегодня, дело рухнет, потому что все опять держится на моем имени! А потом, по словам Кристины, сниматься будет весело, как в фильме «Свет в лицо». Поедем на праздничное гулянье в Севилью, я развеюсь, натанцуюсь испан-

ских танцев, а она возьмется за меня, потому что хочет, чтобы я была счастлива.

Я очень ослабела, не могла еще вынести яркого света, и в спальне было довольно темно. Но все же я вглядывалась в лицо Кристины и пыталась понять, говорит она искренне или только хочет, чтобы я подписала контракт.

Читать я не могла, буквы расплывались, а потом эта игла в вене не давала ни двигаться, ни тем более писать. Кристина сама прочла мне контракт и сказала, что Ольга его уже одобрила, а потом добавила, что, если я куплю дом на море, мне понадобятся деньги, а фильм их и даст! Если все будет в порядке, после теперешних съемок «В случае...» до начала этих, в апреле, у меня целый месяц на отдых.

Убаюканная воркованьем, не в силах напрягать мозги и противостоять такому напору и воле, я подписала!

Хотела бы я сегодня посмотреть, что за каракули у меня на том контракте под строкой «сим подтверждаю»! Наверно, не подпись, а частокол мушиных лапок!

Наконец я могла спокойно заснуть.

* * *

Мамиными попечениями и звонками Жильбера я выздоровела. Впоследствии я узнала, что у них был долгий разговор обо мне. Оба беспокоились на предмет моих реакций, непредсказуемых и неадекватных!

Жильбер меня, конечно, любил, но прежде любил работу, успех и собственный образ, который создавал для публики, поэтому и думать было нечего оформить наши отношения официально. Все же он понял, что я не могу жить, когда совсем одинока. И однажды вечером он пришел ко мне с милейшим юношей, которого назначил мне в няни на случай своих отъездов.

Нянь у меня хватало... Преданный Ален, секретарь; Жики, друг и брат; Ольга, Кристина, Дани, Дебетта! Но юноша — все же друг Жильбера. И я буду ближе к Жильберу рядом с ним...

Так я познакомилась с Полем Жанноли. Прозвала я его «Пиноккио» за длинный нос. Пиноккио был газетчиком, но прежде всего — Жильберовым другом. И никогда не злоупотреблял этой дружбой для газетных сенсаций. А потому благослови его, небо! В ту пору и лучшие друзья продали бы мать родную для скандальной статейки.

Моя работа на студии «Сен-Морис» возобновилась. По вечерам меня ждали и радостно встречали уже Ален, Клоун, Гуапа и Пиноккио. Весело, душевно, чудесно!

Если я слишком уставала, обедали дома все вместе. Ален готовил, а Пиноккио говорил о Жильбере, Жильбере, Жильбере!..

Иногда мы продолжали вечернее веселье, отправившись в «Эскаль» на улицу Мсье-ле-Прэнс, где играли по очереди гитаристы-латиноамериканцы. На насесте над баром спала курица, спрятав голову под крыло, в шуме, гаме, дыме.

Мне было хорошо здесь. Я стала своей всем этим людям. Были они разных национальностей, пели о родине, закрыв глаза, и заражали нас любовью к их родному языку и фольклору.

Я познакомилась с Педро, индейцем, и Нарсиссо, венесуэльским негром, выступавшими в группе «Гуаранис». Для меня одной они пели под гитару чуть не до утра.

Покидая этот райский уголок, мы часто видели странного клошара, спавшего на лавке неподалеку от курицы. Хозяин сказал, что это великий пианист, бросивший все из-за несчастной любви. Клошар был нищ, носил лохмотья, а башмаки заклеивал пластырем. Но чувствовался в нем какой-то стиль, класс. Впечатление подтвердилось: когда нас познакомили, он, держась безукоризненно, поцеловал мне руку. Запавшие, лихорадочно горящие глаза и ухоженные белые пальцы. Какой резкий контраст!

Я была заинтригована.

Рядом с Пиноккио я открыла для себя совершенно новую жизнь, удивительных людей, прелесть латиноамериканской музыки, кое-какие премьеры и сборища парижского бомонда, блестящего и безобразного.

А Гуапа толстела не по дням, а по часам.

У меня еще не было того безошибочного инстинкта, который сегодня дает мне почувствовать малейшее изменение в состоянии здоровья моих собак. Я решила, что Гуапа просто мало двигается и много ест. И посадила ее на диету, попросив Алена выводить их с Клоуном на большую прогулку в Булонский лес. Когда я не была на съемках, ходила с ними, если только за мной не увязывался какой-нибудь очередной писака.

А Гуапа, умирая с голоду, толстеет и толстеет!

Ах, так я буду бабушкой!

И уныло смотрела я на Клоуна, полагая, что от черного коккера и дворняжки потомство произойдет странное. А в общем, не все ли равно, ведь щенки — их, моих любимых собак.

Пиноккио уговорил меня пойти на премьеру в Лидо. Мне не хотелось, но он так трогательно просил и при этом так печально вытягивал нос, что я не устояла.

Пришлось наряжаться.

Во-первых, будут без конца снимать, во-вторых, хотела, чтобы

Жиль ревновал и страдал, что не со мной. А еще чтобы как-то отстаивать себя: выходила на публику я редко, а надо было положить конец сплетням, слухам, клевете, домыслам всех этих «добрых людей», которые в глаза хвалят, а за глаза мешают с грязью. Отнять у них все зацепки!

По просьбе Кристины Живанши одолжил мне на вечер красивейшее платье.

Одетта пришла причесать. Маленький пучок, а из-под него там-сям несколько непокорных прядок. Ольга в отчаянье называла их макаронами. По ее мнению, все, что не приколото, прилизано, приглажено, как у Морганши или Фейерши, у которых ни волоска не выбьется, — все лохмы. Бедняга Ольга! «Макаронны» — это еще цветочки! Скоро я угощу ее «кислой капустой».

Но об этом в другой раз.

Пиноккио, очень элегантный в смокинге, ждал, пока я оденусь, попивая шампанское с Аленом.

Прождал он всю ночь! Только я собралась надеть свое платье, как услышала из спальни громкий протяжный стон. У меня на кровати рожала Гуапа. Смотрела она на меня с мольбой и доверием, вся во власти нестерпимой муки, которая только и кончится, когда выйдут из ее живота щенки. И нет на свете ни коров с телятами, ни свиней с поросятами, ни премьер с «макаронами». Я осталась со своей страдальницей, я рожала с ней, возле нее, ободряя, любя, лаская, помогая.

Вот это, действительно, премьера!

Лучшая в моей жизни! Родились у нас прекрасные младенцы! Пиноккио с Аленом исполняли роль взволнованных папаш. Время от времени они заглядывали узнать, как дела. Одетта — акушерка. Клоун обнюхал пищавшие комочки и довольно завилял хвостом.

Назвали их Лидо, Блюбель и Премьера. В силу сложившихся обстоятельств.

Однажды, вернувшись со студии, я не застала ни Алена, ни Пиноккио. Только Клоун с Гуапой ждали у двери. В гостиной на полу перед магнитофоном сидел Жильбер со стаканом виски в руке и тихонько пел, почти шептал, в микрофон... Я застыла на месте, обмирая от счастья, не смея помешать ему и только слушала:

На свете все кисло,
Работать нет смысла,
Когда тебя нет.
И на сердце едко,
И жизнь как таблетка,
Когда тебя нет.
И тьма — белый свет,
Когда тебя нет...

Я заплакала от радости и прервала случайную запись!

В тот вечер я была самой счастливой на свете женщиной!

Тот, кого я любила, был рядом! Он подарил мне изумительную песню, мне посвященную! Он сочинил ее, пока ждал в гостиной. Слова любви приходили сами собой, по-детски правдиво и просто. В тот вечер я действительно почувствовала, что Жиль любит меня. Кроме «Таблетки» он подарил мне двадцать четыре часа своей жизни. Остался у меня на сутки. Вся ночь и весь день — такого у нас еще не было! Я ужаснулась было, подумав, что завтра утром — в студию, но потом думать отложила. Не хотела отвращать драгоценные мгновения, украденные нами у мира.

Ален, посвященный в тайны богов, принес ужин любви: блины, икру, шампанское!

Ели мы на полу, в основном глазами друг друга, поэтому до ужина дело уже не дошло. Только шампанское, которое пили вместо бокалов с губ друг у друга, вылакивали до последней капли. Он дал мне послушать свою последнюю запись — гибкую пластинку, только из студии, где в тот день он записал ее.

Есть тайные углы любви...
Мы не забьемся в норы эти,
Мы выбежим на свет, как дети...

Он сказал, что сочинил ее мне, думая обо мне.

Заснули мы поздно, потому что Жиль любил жить по ночам!

Ну и что! Я была счастлива.

Жиль завораживал меня. Он был не как все, совершенно неотразимый. Талантом и жизненной силой он покорял. И держал в объятьях покоренную. Меня!

Проснуться было мученьем.

Я оставила Жилю записку, написав, что пришлю ему машину, чтобы он заехал за мной на студию к трем часам дня.

XI

В тот день я играла заключительную сцену «В случае несчастья».

Полиция находила меня с перерезанным горлом в грязной мансарде моего любовника и убийцы Франко Интерленги.

Обстановка была грустной, мрачной, а я сияла от счастья!

Я жду Жиля!

Дебетта, Дани, Лоранс, все женщины были в курсе и по очереди выходили во двор, карауля его «совершенно секретный» приезд. А поскольку сцена — уныла и декорации невзрачны, журналистов на студии — ни на съемочной площадке, ни в баре, ни в коридоре — не было.

Жду Жилия!

Дедетта вымазала мне шею красной краской и очень натурально нарисовала рану. А на мне был, разумеется, подаренный Жилем на Рождество брильянтовый кулон. Отан-Лара разозлился на мое украшение, стал топтать ногами собственную кепку с криком:

— Нельзя быть окровавленной, с перерезанным горлом и в брильянтах! Посмешище! Сними цепочку немедленно!

— Не сниму.

— Нет, снимешь.

— Нет, не сниму.

И правда, ни за что на свете я не сняла бы цепочку, приколовшую меня навек к Жилю! Снять, хоть на миг, — все равно, что искушать судьбу, попробовать порвать отношения.

Жиль приехал, когда я еще была на площадке. Я нашла его у себя в гримуборной. Он был испуган: боялся, что узнают, и шел через студийный двор, закрыв шарфом лицо!

Моя кровавая рана добила его. Он даже не решался приблизиться... Да и вся я, надо сказать, была не в лучшем виде: шея и грудь в крови, волосы слиплись, губы бесцветные, лицо как мел, ведь я же труп!

Я показала ему свой брильянтик, теперь тоже красный.

Поколебавшись, Жиль снова замотался шарфом и отбыл прочь, когда я пошла в павильон заканчивать со своей смертью, ставшей вдруг действительно мучительной, потому что я больше не ждала Жилия! А что я вообще ждала?

В глубине души я знала, что мне не жить с ним. Во-первых, жизнь у него давно своя, но это еще не главное. Мало ли на свете разводов и разрывов! Но во-вторых, и в главных, была во мне скорее влюбленность, а не любовь. Любовь — глубже, подлинней.

Любовь была к Жану-Луи.

Любить — ежесекундно делить все. Любовь — союз, слияние, а ничего подобного не было у нас с Жилем. И в отместку я радовалась, когда Алэн принес мне газету, не то «Франс-Диманш», не то «Сине-ревью», где намекали, а потом и говорили прямо о нашей с Беко идиллии. Беко олицетворял успех во всем. Быть с Беко — значило подняться к высотам незнакомым, пугающим, но заманчивым.

В моей жизни, надо признаться, заманчивого было мало.

Работала я как вол, но после студии получала лишь Алена, Пиноккио, время от времени папу с мамой, Ольгу для очередного контракта, изредка Жики — и все. Даром, что уже на весь мир известна, а живу, как отшельник, бегаю от жадных до клубнички газетчиков, боюсь публичности, не общаюсь ни с кем, кроме партнеров на съемках! Жиль встречался с очень разными, замеча-

тельными людьми, знаком был с редакторами центральных газет, министрами, «всем Парижем»!

И такой успех восхищал меня.

А я, помню, в то время безумно скучала.

Вечером, когда, разбитая, приходила домой, не знала, куда себя деть. В воскресенье — одиночество и тоска. У Алена выходной, у служанки тоже, все у себя, или у друзей, или за городом. А я смотрю телевизор с Клоуном, Гуапой и щенками.

Одиночество на Поль-Думере давит, я прислушиваюсь к шуму лифта. Мечтаю о веселой жизни с любимым, о жарких странах и песчаных пляжах.

Иногда звонили новые приятели, гитаристы из «Эскаль», Педро и Нарсиссо. С ними я забывала тоску. Играли зажигательную, ритмичную музыку. Ноги так и пускались в пляс. Глядя на ребят, я сама взялась за гитару всерьез, часами разучивала трудные аккорды.

Жиль подарил мне свой концертный галстук, «счастливый», синий в белый горошек. У него имелась дюжина одинаковых. Это был его талисман. Без синего в белый горошек галстука он на сцену не выходил. Тот, что он мне дал, был на нем в Олимпии и в телепередаче, которую я смотрела, когда он пришел ко мне. Даря мне галстук, он объявил новость: я приеду к нему в Женеву и отправлюсь с ним на гастроли. О счастье! Съемки кончаются, я буду свободна как птица и смогу разделить с Жилем жизнь и работу. И чтобы никакого Пиноккио, никого! Чтоб только я одна! У Жили всегда была свита, у меня тоже. Теперь он хотел, чтобы мы были вдвоем без свидетелей — в счет не шли его оркестр, импресарио, пресс-секретарь и т. п. Весь гастрольный штат...

Жиль безумно боялся, как бы пресса не пронюхала, что я с ним, и велел мне записаться под чужим именем в отеле дю Рон, где он будет ждать. Просил спрятать волосы и надеть черные очки, не просил только приклеить усы, и на том спасибо.

Я и сегодня не люблю ездить одна, а тогда просто не выносила! Застенчивость, несамостоятельность, страх неизвестности в чужой среде, без друга, без соломинки, чтобы уцепиться. А потом гастролировать — значит кочевать, мотаться по гостиницам и почти не быть вдвоем!

Я тряслась от страха, но решилась. Под лежачий камень вода не течет. Жиль достаточно ездил, чтобы увидиться со мной, могу и я один раз для Жили стронуться с места.

Я села в спальный вагон Париж — Женева в строжайшей тайне.

Ален проводил на вокзал. Февральский день 1958 года. Холодно. Я надела свою норку «на вырост».

На другое утро я уже в Женеве. Шел снег. Я обмоталась платком, до глаз закрылась шубой, вдобавок черные очки — попробуйте, узнайте! В отеле дю Рон записалась «мадемуазель Мюсель» — маминой девичьей фамилией, как было условлено с Жилем, и благополучно добралась до заказанного мне номера. Там ждал огромный букет с запиской, извещавшей, что Жиль опоздает, сломалась машина. И вот я бегаю по номеру, смотрю, как над рекой идет снег... волнуясь... скучаю...

Вечером он пел в Женеве.

Понятно, раз опоздал — прямиком на концерт, не ко мне же!

Пробую читать, потом звоню Алену. Говорю, что сижу в гостиничном номере и дико тоскую! Ален советует спуститься в бар, выпить, отвлечься.

Но не в шубе же и платке спускаться выпить!..

Ладно, в конце концов надоело играть в невидимку. Я спустилась в бар в виде Брижит Бардо, и меня увидели!

Уселась за стойкой и заказала томатный сок.

И тотчас пошел шепот, стали оборачиваться... Гостиничные служащие просовывали в двери головы, как кукушки в ходиках. Долго сидеть одной мне не пришлось. «Помните, мы с вами встречались у таких-то пять лет назад, когда вы были замужем за Вадимом?»

В другое время я бы этого типа послала подальше, но сейчас улыбнулась ему, как можно ласковой, радуясь, что есть с кем поговорить, а не торчать одной всем на обозрение, как диковинный зверь. Однако радовалась недолго. Оказалось, слушать этого типа еще скучней. Я вернулась к себе в номер, снова ждать, но ждать по-другому: я, взбудоражив отель, тоже теперь тут хозяйка, а не бедная приживалка в ожидании хозяина!

Я — это я, а он — это он, и у нас здесь свиданье.

Мы на равных, это совсем другое дело.

Жиль влетел, как вихрь, закурил меня в объятьях, познакомил с Жаном, братом и помощником, сказал, что любит, что обожает, и вихрем умчался в театр. Я поняла, почему его зовут «Господин Сто Тысяч Вольт». После него стало тихо-тихо, вещи обрели нормальные размеры, Жан смог сказать несколько слов.

«Рэймон Бернар, дирижер оркестра Жильбера, зайдет за нами перед концертом и отведет в театр, в Жильберову артистическую».

Значит, опять играть в невидимку посредством платка, очков и прочего.

Все, однако, шло хорошо до артистического подъезда. А там — давка, народ, фотогафы стеной.

Бернар в испуге накинул мне шубу прямо на голову и повел меня, как слепую. Я спотыкалась, ничего не видела, задыхалась под шубой, в обезумевшей толпе.

Наконец добрались до артистической. Пахнет пудрой, сигаретами, виски и мужским одеколоном. Меня втолкнули в каморку рядом и сказали ждать. Скинув шубу, я увидела, что нахожусь в умывальной комнатке. За стеной голоса, смех, потом хохот Жилия, особенный, похожий на хриплое крещендо; звон стаканов. Потом все ушли, а Жиль вот-вот выйдет на сцену: зазвенел звонок. Когда все совсем стихло, я открыла дверь и выглянула.

В комнате никого.

Как хорошо в тишине! Налила себе виски (которое терпеть не могу!) для бодрости. Я устала, выдохлась и сама удивлялась, что я делаю здесь, в этом театре, в этом городе одна и почему меня, как прокаженную, скрывают и стыдятся.

Было очень грустно.

Я слышала, как на сцене Жиль поет песни, которые я любила и помнила наизусть. Я знала, что за кулисами его ждет жена со стаканом воды, на случай, если в паузе он захочет пить. Я-то ему воды не протяну, я любовница, а любовниц прячут!

Жиль забежал ко мне — я смиренно сидела на месте. Он был потный, счастливый, сказал мне, что поет в этот вечер для меня. Ничего себе, для меня, которая где-то на задах... Ну и что, ведь он любит меня, обожает!

Я все-таки протянула ему стакан воды. Его глаза блестели...

Вспомнилась строчка Гюго: «Все ж дай ему напиться!»...

Под конец концерта пришел Жан. Он очень деликатно попросил, чтобы я вернулась в чулан, пока журналисты, фотографы и всякие там друзья-приятели, которые неизбежно набьются в артистическую, не уйдут. Я вернулась и, за неимением в чулане стульев, уселась на унитаз. И стала ждать. Курила сигарету за сигаретой. Минуты ползли еле-еле. Возвращение со сцены, шум, гам, поздравления, автографы, треск вспышек, интервью, грудной женский смех, хлопанье двери, «до свиданья!», тишина.

Теперь — скоро. Жиль, наверно, ушел с поклонниками, и Жан придет меня вызволить. Сама я не решалась выйти: мало ли кто еще застрял у Жилия.

Вдруг свет погас.

Ничего себе! Нет уж, хватит с меня концерта!

Я щелкнула зажигалкой, покинула «уголок» — не тот, о каком мечтала, и очутилась в артистической. Тут тоже полная тьма. В коридорах, за кулисами тоже. Театр закрыт, я взаперти!

Я зарыдала от бешенства, бессилия, тоски, усталости, и опять поклялась, и опять с опозданием, что никогда, никогда не буду

любовницей женатого мужчины! Никогда не засяду в чулан хуже сортира! Не спрячусь! Никогда! Ни за что!

Именно в этот миг зажегся свет, вошел Жан, извинился, что опоздал, но пришлось-де ждать, пока не уйдут все: рабочие, гардеробщицы и прочие. Теперь путь свободен, никто не увидит, 2 часа ночи...

Да только вот Жиль сидел в ресторане с друзьями. Они, сказал Жан, ужинают, а мы заедем за ним. Нет, конечно, я не выйду, а останусь ждать в машине.

Жан припарковался не очень близко, вернее — очень не близко, и пошел за Жилем. Ждать минут пятнадцать, не больше, Жиль сейчас уже расплачивается. Шел снег. Я замерзла, хотела есть, спать, все, мягко говоря, надоело! Включила радио — музыкальная передача. Включила мотор — согреться. В 3 ночи на улице никого. Где ресторан, не знаю. Сажу в туфельках на шпильках. Не искать же такси в снег и гололед!

Я решила, что, если я не иду к спасителям, пусть спасители идут ко мне. В полицейской форме. И раскрыла я в машине все окна, и врубила радио на полную мощность. Грохот раздался чудовищный. Бешеное ча-ча-ча. Помирать, так с музыкой. Окна ближайших домов раскрылись. Добропорядочные швейцарцы, разбуженные моей музыкой, стали возмущаться.

А я — веселиться.

Заспанный консьерж крикнул, что вызовет полицию. Я — ноль внимания. Молодые люди, возвращавшиеся с вечеринки, навеселе, подошли к машине, выкрикивая непристойности. Я — ноль внимания.

Вдруг кто-то узнал меня!

— Да это Брижит Бардо!

— Ага, ври больше!

— Она, говорю!

— Да че ей тут делать, ночью?

— Шас спрочу!

— Вы часом не Брижит Бардо?

Я — ноль внимания.

Наконец прибыла полиция. Полицейские собирались вчинить мне судебный иск за нарушение тишины в неположенное время. В общем, когда в 4 утра Жиль и Жан пришли, чтобы ехать в отель, их встретила революция.

Жиль злился — не то слово!

А я радовалась — не то слово!

На другой день, вернее, через несколько часов я уехала поездом в Париж, навеки оставив Жильбера изумляться и не пони-

мать, что именно мне не понравилось, когда все было так прекрасно!

Конечно же, я просто капризная, разве нет?

* * *

На авеню Поль-Думер я приехала опустошенная вконец. Ален глазам и ушам своим не верил, увидев, что вернулась так скоро, и услышав, почему.

Мой дом мне показался раем с Клоуном, Гуапой и потомством. Все радовались, обнюхивали. Но в сердце у меня, в голове — пустота и тоска. Я называла это состояние «кринг-кронг».

Я оказалась в полном кринг-кронге!

Что теперь делать?

Когда снимаешься, есть цель, и силком заставляешь себя идти на студию. А на студии — друзья, работа: не до кринг-кронга! Дни расписаны до минуты. Некогда думать о себе. Я не за себя отвечаю — только за работу.

А теперь...

Что делать со всеми этими днями и ночами?

Куда ехать отдыхать одной, в феврале?

Терпеть не могу коньки и лыжи!

Пойти куда-нибудь с кем-нибудь. Куда? С кем? И потом, театр, кино — это пара часов вечером, а ведь впереди вся ночь...

В музеи? Скучища. Ненавижу, когда произведения искусства — в ряд. Не знаешь, куда смотреть... По магазинам? Невозможно! У подъезда почти всегда фоторепортеры, следуют за мной стадом и привлекают ко мне праздную толпу, которой избегаю, боюсь! И я решила разбирать почту и заниматься хозяйством.

Когда я была в кринг-кронге, то двигала мебель с места на место. Мне казалось: изменю обстановку — изменюсь сама. Именно об этой моей привычке Жан-Макс Ривьер написал песню «Новая квартира».

И вот собаки бесятся, а мы с Аленом перетаскиваем диваны, столы, ковры, кресла из комнаты в комнату. Комнат всего две, поэтому управляемся быстро. Потом без сил, но в восторге созерцаю новый дом... Часто не нравилось, и давай! Все обратно! Тут тебе и зарядка, и капитальная уборка, и раскопки ручек, монет, сигарет, иногда чего-то совсем давнишнего...

А служанке, наверно, лежалось на лежанке!

Письма оказались хорошим развлечением. Я читала все подряд, некоторые были со странностями, чтобы не сказать — «с приветом».

Были письма с бранью, с просьбой денег, с признаниями в

любви, с похабщиной. Надо было бы сохранить несколько... Все выкинула.

В одном письме пришло приглашение в Кортина д'Ампеццо, очень престижный зимний курорт в Италии... А еще пришли фотоснимки особняков на Лазурном берегу... И кипа обычных счетов, налоги, пошлины и тому подобная дребедень.

Заходила я к бабушке с дедушкой. Они совсем скисли, не видя меня так долго. У Бума был вид усталый, он уже не работал. Дада с наслаждением готовила мне спагетти.

И я радовалась, когда была с ними.

Бабуля советовала принять приглашение в Кортину. Она обожала все итальянское. В Италии она прожила полжизни. Мама тоже одобряла Кортину: развеюсь немного.

Таким образом, я отправилась на неделю в итальянские снега в обществе Мижану и дублерши Дани.

Думала, будет деревянная хижина из сказки о Белоснежке, оказалось — особняк в стиле модерн начала века, с башенками и балкончиками в кованных решетках. Целый эскорт слуг, номера — комнатки-будуары! Хрустальные люстры, и мебель рококо, и бронза, и мрамор, и позолота.

Я чуть было не уехала тут же!

Но ведь пригласили меня с моим собственным эскортом город Кортина д'Ампеццо, мэры, именитые граждане. Без дипломатического скандала не удрать. В общем, нужна я им для рекламы. Взялся за гуж...

А потом, под лежащий камень...

И за королевское обслуживание в отеле «Кристалди» пришлось тащить хвост репортеров и журналистов весь срок пребывания в Кортине.

Что свинство, то свинство!

Некий Жерар де Вилье из «Франс-Диманш» был особенно нескромен и гнусен. К счастью, я встретила Поля Шалана, парижского журналиста, приятеля Вадима.

Его стараниями мой рекламный визит стал сносен. Поль водил нас в трапторию, настоящие деревянные шале с клетчатыми скатертями и занавесками. Дани, Мижану и я спали втроем в одной постели — гигантском катафалке почти трехметровой ширины: я бы померла со страху, спи я в нем одна!

К люстре мы подвесили все наши чулки, платки и шарфы. Получилось пестро и оживило помпезный номер. Горничная, очень вышколенная, каждый день вставала на стул, чтобы убрать все тряпки в комод Людовика XVI, а мы каждый день вытаскивали их обратно и запускали вверх, пока они не повисали на хрустальных бомбошках под наши вопли: «Оп! гоп! одна есть! ура!»

После официальных приемов (скупнейших коктейлей в гости-

ной отеля) и стоянья перед фотообъективами с мэром, женой мэра, дочерью мэра, кузиной мэра, директором отеля, чьим-то зятем, бухгалтером, тещей директора отеля и тройкой служащих я прихватила свои вещи и вместе со своими голубушками дала тягу!

Единственное светлое воспоминание — прогулка в Венеции, где мы садились на поезд. Прошлись, наконец-то одни, по зимней Венеции, облачной и туманной, без единого туриста — вот уж, действительно, достопримечательность!

* * *

Во время моего путешествия Жиль звонил неоднократно, но Ален отвечал односложно. Да, прав Наполеон: «В любви одна беда — бегство».

Жики заходил узнать, не прокачусь ли я с ним на юг, Ален ничего определенного не ответил.

А я еще морально не окрепла, чтобы сопротивляться Жильберовым звонкам, потому решила скорей уехать с Жики к зимнему кассийскому солнцу. Жики до сих пор киснул после ухода жены. Итак, я поручила Алену дом и собак, переменяла в чемодане джинсы с майкой на спортивные штаны со свитером, и мы на моей симке с откидным, но не откинутым верхом двинули с Жики к прованскому солнцу залечивать наши общие раны.

Жики, мой друг и наперсник, очень дорог мне.

Он на десять лет старше меня и всегда, как старший брат, поддерживал меня. Его опыт и здоровая крестьянская смекалка пошли мне на пользу. В деликатных ситуациях советы его были кстати.

Жики любит все простое и подлинное, море, солнце, кассийские холмы. Любит непосредственность и не любит, как сам выражается, «дурь»! Каждую минуту он способен сделать неповторимой. Он ценит время и не тратит его попусту.

В ту поездку Жики открыл мне Эпикура. Рассказал про грека, который умел наслаждаться жизнью, от него-то и слово «эпикурец». Например, рассказывал: когда Эпикур ел апельсины, то не просто жевал, а впивался зубами, глазами, носом, пальцами...

С тех пор Эпикур для меня — любитель апельсинов!

Жики писал в своей манере деревенские пейзажи, женские портреты, нью-йоркские небоскребы. Мне ужасно нравятся его карандашные наброски на клочках бумаги, от случая к случаю.

Мы осмотрели все дома, которые расхвалили агентства за красоту, тишину, местоположение и пр. Ни один мне не понравился. Слишком велики, далеки от моря, вычурны и дороги. Плюнули

мы и решили заехать в Сен-Тропез повидать моих. Папа с мамой жили в рыбацком домике на рю Мизерикорд.

Как прекрасен Сен-Тропез зимой!

Мы взяли напрокат велосипеды и объехали все улочки и закоулки. Я открыла для себя совершенно неожиданный город: средневековый. Во время съемок фильма «И Бог создал...» я не разглядела его. И теперь я в него влюбилась и решила, что дом куплю именно здесь.

И назад — в агентства.

Но дома на продажу нет!

А тем более на берегу. Ладно, подождем!

Я понемногу приходила в себя, Жики тоже. Родители радовались, что я наконец ожила. Хохотали мы по каждому поводу. Вечером затевали игры у крохотного камина в гостиной, пожирившего кучи сосновых шишек. Гостями нашими были Франсуа де л'Эскинад и Феликс де л'Эскаль, представители сен-тропезской знати!

Пока я наслаждалась жизнью, пресса принялась за нас с Жильбером. Да только поздно!

Но, увы, в результате репортеры из «Нис-Матэн» и «Вар-Матэн» теперь увязывались за мной, думая, что я тут с Жильбером инкогнито.

Жизнь опять стала адом!

Ни покататься на велосипеде, ни позагорать! Не успеем мы с Жики выйти из дома — объективы, вспышки.

А беднягу Жики газетчики приняли за Беко! Газетчики — тоже бедняги: здорово им влетело от редактора, когда они гордо выложили ему на стол «суперснимки» со мной и Жики. Спасая честь, местные газеты намекали, что Жики — моя дежурная пассия. Вот так создавалась легенда, что я обожаю скандалы и меняю любовников, как перчатки. Я обожала спокойствие, а скандалы обожала пресса! И так было всегда! Это отравляло мне жизнь и создавало ужасную репутацию, с которой пришлось бороться.

Величайшая несправедливость всей моей жизни!

В том же 1958 году Мишель Рено, танцовщик, звезда парижской Гранд-Опера, папин друг, свел меня с двумя типами, отвлекшими прессу.

Дело, впрочем, было хорошим.

Меня попросили съездить в Валь-де-Грас к раненым в Алжирской войне. В то время кинозвезд, таких, как Мерилин, часто просили навестить молодых людей, рисковавших жизнью и про-

ливших кровь за родину. Однажды утром в сопровождении Алена я поехала к устроителю дела.

Так познакомилась я с Жан-Мари Ле Пенем и помогавшим ему Пьером Лагайярдом.

Они тоже были молоды и безгранично благодарны мне за согласие. В такой приятной компании я приехала к раненым. Они страдали, но рады были моему приезду. Мне вспомнилась прекрасная песня. Ее пел Жан-Клод Дарналь: «Войне подай парней! Любовь и соловей не требуются ей, ей в барабаны бей...»

Я брала солдат за руку, отвечала взглядом на взгляды, чувством на чувство. В возмущении я покинула это царство боли, абсурдной, никчемной, царство под названием Валь-де-Грас! Оставьте наконец в покое солдатиков, калек в 20 лет!

Я не политик, но у меня есть свой взгляд на некоторые вещи, есть чутье, как правило, безошибочное.

Я люблю справедливость. По-моему, в основе ее — очевидность.

Совершенно случайно я снова встретила с Ле Пенем на обеде у своего адвоката мэтра Жана-Луи Бугеро в Сен-Тропезе 7 июня 1992 года. Ле Пен — обаятельный, умный человек. Как и я, возмущен некоторыми вещами. Эрудит, сыплет анекдотами, историческими и современными. Правда, общения не вышло: внезапное чувство, взаимное, толкнуло меня к одному из его друзей, Бернару д'Ормалу, на счастье и горе.

Всю жизнь обо мне судили и рязали вкривь и вкось, и доброты, и зложелатели. Зла я ни на кого не держу. Все забыла, оставила без вниманья. Но кое-чем не поступлюсь никогда.

Так вот, в дружбе не важен цвет кожи!

А если речь о вражде — не сваливайте все на расизм!

Не надо перегибать палки!

Кристина Гуз-Реналь хотела свести меня с Дювивье, ибо съемки начинались через месяц. Пошли примерки костюмов, подбор прически и грима. Ввиду копродукции моим партнером вроде бы назначался Антонио Вилар, прекрасный идальго.

Самым срочным делом стали уроки фламенко.

По сюжету я завлекала мужчин танцами. Кристина очень рада о «Женщине и паяце» и не отходила от меня ни на шаг. Следила за каждой мелочью, цветом платья, лишним моим локоном. Опекала меня, как мать, даже провожала на курсы испанских танцев.

Прекрасный танцовщик Леле де Триана обучил меня фламенко, танцу дикому и чувственному. Как он нравился мне. Получалось у меня неплохо. Я притопывала ногами и покачивала бедрами по-цыгански пылко. Я взмахивала руками в духоте танцзала и

глазами дерзко оглядывала воображаемую публику, и выгибалась, и кружилась.

Кристина была в восторге, и Леле, и я.

Кристина повела меня в театр «Антуан» на пьесу Артура Миллера «Вид с моста» с Рафом Валлоне.

Потом уговорила меня пойти поздравить актеров после спектакля и принять приглашение Рафа поужинать.

Хотя я никогда не уверена ни в чем, в тот вечер я знала точно, что господину Валлоне понравилась. Мне льстило, что он не сводил с меня глаз, и было интересно слушать его, умницу, эрудита и всеми признанного красавца.

Кристина говорила с ним о литературе, театре, музыке. Я слушала и мотала на ус. Интересные разговоры были редкостью. Говорили, как правило, о еде, дороговизне, погоде и моде или кто с кем спит — что вызывало у меня зевоту.

С Кристиной и Рафом я провела потрясающий вечер.

Раф убеждал встретиться под предлогом, что даст мне почитать пьесу с ролью специально для меня. Пришлось согласиться на завтрашний вечер. У меня в жизни никого. Что ж, как раз! Почему бы и нет, в конце концов, я свободна, одна, могу распорядиться своим временем, как хочу. Кристина заговорщицки подмигивала мне. Ведь на пользу делу, если любовь вдохновит меня.

Я уже говорила: когда не влюблена, дурнею.

Истинная правда.

Когда моя жизнь мрачна, плоска и пресна, я становлюсь на нее похожей. И только когда я любила или была любима, оживала. И проявлялось все то хорошее, приятное или особенное, что было во мне. Без любви я как лопнувший мыльный пузырь или как сорняк.

Рафа послала мне судьба. Но с ним в чем попало на люди не выйти! Еще недавно газеты обсуждали его связь с одной очень утонченной актрисой. Раф итальянец, а итальянцы чувствительны к красоте, изяществу, шику!

Обдумывая, что надеть, я чуть ли не сидела в шкафу... Ничего, в чулане я уже сидела, мне не привыкать... Но подходящего платья не находилось! А ужинать мы шли в «Монсеньер», русский ресторан, из самых шикарных в Париже!

Кристина опять выручила меня, отведя в «Мари Мартин». Купила я золотое узкое платье с разрезом сбоку. Еще надена скромное ожерелье и норку «на вырост». Годится!

В «Монсеньере» я поразилась старой русской роскоши. Шампанское в драгоценных кубках, икра, лососина, блины, литые серебряные канделябры, золотые приборы, рыдающие скрипки... Глаза Рафа!

Голубые и глубокие, глаза пронизывают, почти инквизиторски, всю душу! Я не влюблена, но очарована, заморожена человеком, которому, кажется, мое сердце, непосредственность, простодушие важнее тела.

По-моему, платье мое он заметил только, когда я сняла его.

Сначала он любил меня глазами. Глядел и глядел... И говорил со мной, утешая, обучая — тихой ночи, нежному плечу, бездонному взгляду.

Захочу — и он каждый вечер будет приходить из театра ко мне, спать у меня, со мной!

Захочу — и он поведет меня ужинать в лучшие русские рестораны.

Захочу — и он откроет мне мир своей любимой классической музыки, Вивальди, к примеру, даст прочесть лучшие книги лучших писателей.

И я захотела.

С Рафом я, и правда, узнала многое, в том числе тишину. Зато не узнала, что такое чулан по-итальянски! А ведь и Раф был женат. Только он имел мужество не скрывать того, что делал, а гордился женщиной, которую любил.

Как-то ночью, когда мы в энный раз слушали «Времена года» Вивальди, телефон зазвонил и нарушил гармонию! Я не подходила. Тогда Раф снял трубку сам...

Звонил Жиль!

Разговор был краток:

— Нет, это не Бриж!

— Нет, по-моему, не хочет.

— До свиданья.

Я думала, у меня будет разрыв сердца. Да, разрыв — то самое слово. Потому что с этого дня Жиль никогда мне больше не звонил.

* * *

Пришлось оставить Рафа, Вивальди и парижскую Россию ради Севильи, «Женщины и паяца», фламенко!

Терпеть не могу менять знакомое на неизвестное. С Рафом мне было так хорошо! Я расцвела, раскрылась. Скажи я слово — он звонил бы мне каждый вечер после спектакля.

А газеты были еще на стадии моего романа с Беко — от жизни сильно отстали. Кое-где, правда, мелькнули случайные снимки, где мы с Рафом выходим из ресторана, но считалось еще, что у нас профессиональные встречи. Наверно, втихую снимаем картину! Мой отъезд в Севилью пресек будущие сплетни.

В отеле «Кристина» ждали мои девочки, Лоранс и Дебетта.

Дублерши Дани не было. Дани не похожа на меня. Кристина с Дювивье взяли другую — Маги Мортини. Маги некоторое время почти не покидала меня. Она уже поработала моей дублершей в «Ювелирах». С ней мы оказались до того похожи, что в кадре издали я и сама не знала, кто из нас кто.

Папашу Дювивье в группе звали Дюдю, но запанибрата с ним никто не был. Он вечно ходил в шляпе и постоянно либо жевал языком, либо поправлял вставную челюсть. Таланта это ему не убавляло, но я сразу учуяла, что с ним будет трудно, даже почти невозможно. Он так и сверлил вас своими хитрыми мышиными глазками и, быть может, думал о вас то же самое, что и вы о нем.

Съемки начинались во время знаменитой севильской ферии. Ферия — ежегодное гулянье на Пасху. Движенье машин по центральной улице прекращено. Люди богатые и знатные устанавливают вдоль тротуаров шатры в восточном вкусе, яркие, пышные. Чем человек богаче и знатней, тем шатер роскошней. Затем посреди улицы начинается шествие музыкантов и танцоров, исполняющих фламенко.

На каждом шагу пьют сангрию. Солнце пылает, испанская кровь тоже. Можете себе представить, в каком состоянии толпа через 24 часа...

Во время ферии дозволено все. Это как бы всеобщее разговенье после крайне строгого католического поста. Бывает, заденешь ногой влюбленную парочку чуть ли не в водосточном желобе или наступишь на чью-то тушу с головой в винной бочке. Народу — море. Только у знати в шатрах, так называемых «кабанос», во всем этом действе — привилегии, впрочем, довольно условные. Разница в том лишь, что знать кутит, занимается любовью, распутничает в дорогих шатрах, и все шито-крыто.

Маги дублировала на улице, чтобы оператор проследил за мной в толпе. Народ принял ее за меня и накинулся на бедняжку. Вырвали ее у них еле живую, в изорванном платье, синяках и ссадинах.

Меня Бог миловал!

Со мной подобную сцену и думать нечего снимать! Так вот нет же, Дюдю решил снимать именно со мной. Ему подавай правдивость. То есть иди сама в толпу!

Я наотрез!

Поглядев на Маги, чистейшее безумие гнать меня на закланье дикарям! Хорошее начало! Дюдю уселся, стал жевать язык и ждать, когда я повинуюсь.

Я тоже уселась — ждать, когда он передумает!

Кристина в панике. Вот тебе и съемки... Бегают от него ко

мне, взывает к разуму. А мы с Дюдю оба уперлись! Когда решали что-то, стояли на своем насмерть!

Нечего сказать, гулянье.

Времени потеряли массу. Наконец додумались послать меня в толпу под защитой наших мужчин. Защитников требовался добрый десяток, причем крепких. Но 10 человек, свободных в момент съемок? То есть бездельников? Признать себя таким охотников не нашлось. Пришлось очень ласково просить присутствовавших репортеров и друзей, счастливо встреченных на ферии.

Так и швырнули меня в бурное людское месиво под охраной Мишу, приятеля из «Матча», его брата Жан-Клода и других ребят, симпатичных, хотя незнакомых.

Но мы мигом познакомились.

Меня буквально подняло в воздух. Платье задралось, тысяча рук, откуда ни возьмись, облапили меня, чуть трусы не сорвали. Я заорала, вцепилась в Мишу, пытаюсь влезть на него, чтобы вытащить живот и ноги из адской каши, оторваться от рук, вовлекавших в пучину кошмара! Мишу и Жан-Клод были здоровяки, а их, казалось, раздавит обезумевшая толпа. Других ребят унесло и носило по воле волн...

Как меня вызволили, не знаю, я была почти без сознания.

Полиция держится от ферии подальше. Так что преступлений на празднике хватает. О них узнают уже после всего, когда находят трупы.

Один Дюдю был в восторге. Он радостно потирал руки и приговаривал: «Вот видишь, не умерла же!»

К счастью, в подвале отеля имелся ночной ресторан «Ла Бodega».

В то время я, чтобы отвлечься, ходила танцевать. Да нет, не танцевать! Устроить самой себе представление, просто так, для души, и делать что хочется. В те вечера мы с Маги в сопровождении Мишу и Жан-Клода были гвоздем программы!

Каким же здоровьем я должна была обладать в те годы, чтобы хватало меня на «ресторанный» успех после каторжного дня работы! Что и говорить, жила на всю катушку. Спала мало, но так крепко, что даже Раф, звоня, еле мог меня добудиться.

Перед уходом на съемки утром письма, записки, цветы на мое имя мне приносил служитель. Однажды, выпавшись чуть лучше обычного, я присмотрелась к нему.

Господи, молод, привлекателен! Где же я раньше была! Меня никогда не занимало социальное положение тех, кто мне нравился. Служитель или кто, если хорош собой, остальное — тьфу...

Вот только попробуйте строить глазки в семь утра, если вы сейчас спали, а не плясали — а я не плясала, нет!

Мне тогда было 23 с половиной года. Он, вроде, моложе, ну и что! Звали его Хавьер, хозяину отеля он приходился племянником и готовился на курсы гостиничного хозяйства. Работал до шести, я тоже — очень удачно! Я попросила его нанять фиакр на 7 вечера: мне хотелось посмотреть с ним Севилью!

Он пришел на свиданье. Я тоже.

Фуражку служителя он снял. На нем были джинсы и майка. Я стерла всю косметику, дышалось мне легко. Фиакр ждал. Парень повез меня по Севилье, как настоящий экскурсовод: посмотрите налево, посмотрите направо! Моя рука чуть касается его бедра, а ему хоть бы что!..

Одни сплошные дурацкие рассказы про дурацкие достопримечательности. Наконец я не вытерпела и спросила, не сменил ли он тему? Хватит про закаты, байки для старушек-англичанок.

Он осекся и замолк, видимо, не веря, что знаменитость может интересоваться им самим больше, чем памятником! Возвращались мы так, как мне и мечталось: рука в руке, глаза в глаза, стук копыт в такт стуку сердец, по улочкам вдоль беленых домиков с решетчатыми окнами в плюще и герани... Но мой служитель не захотел, чтобы нас увидели вместе, и вышел в нескольких метрах от входа в отель. Я все могу понять, но чтобы гостиничный служащий стыдился показаться в одном фиакре с Брижит Бардо — это до сих пор для меня загадка!..

Ну, да ладно. Мы условились о свидании у меня в номере ровно в полночь.

После неистовых ча-ча-ча с Маги, Мишу и Жан-Клодом в «Ла Бодеге» я вернулась в номер и дождалась своего рыцаря. Рыцарь явился с ледяной бутылочкой «Мозт и Шандона». Но он так и трясся со страху, как бы кто не увидел... Я удивленно посмотрела на него и предложила шампанского. Ему понравилось, попросил еще. Когда я взяла его за руку, он выдернул руку так быстро, что я перепугалась. Я и без того вечно в себе не уверена, а так тем более!

Может, он гомосексуалист?

Или девственник?

Хотя в 20 лет, в Испании — вряд ли...

Тогда в чем дело?

В том, — со слезами ответил он, — что как раз вчера умерла его бабушка и что... и что то, и что это...

В общем, я в постели с юношей, оплакивающим бабушкину кончину! Чуть не всю ночь я утешала его, пока не позвонил Раф. Парень тут же дал стрекача. И я поклялась Рафу всеми святыми, что мне очень грустно и одиноко. И я не обманывала!

Ничего у нас с Хавьером не получилось.

Тайна осталась тайной. Жалеет ли он теперь? Не знаю! Во всяком случае, он опять стал примерным служителем и приносил мне записки и письма, а когда попозже я спросила, пережил ли он бабушкину смерть, он сказал, что да, но что теперь очень больна его мама, из чего я поняла, что он еще не готов любить другую женщину! Это единственный подобный случай в моей жизни, потому и говорю о нем!

В Севилье отвели меня и на бой быков!

Раньше я ничего об этом не знала и знать не хотела, но Кристина и Жорж Кравен, наш пресс-секретарь, решили, что в рекламных целях меня следует лишить данной невинности.

И так, ясным воскресным днем, когда заняты особо нечем, меня отвели смотреть то, что в жизни своей больше не увижу, а буду вечно осуждать и проклинать! Сидя в амфитеатре на почетном месте в тени, я смотрела на арену — белую, красивую! Вокруг сотни людей. Нет. Каких людей? Нелюдей. В шляпах, с веерами, мужчин, женщин, с виду прекрасных, в душе безобразных, кровожадных.

Я была одной из них и умирала от стыда!

Над загоном висели часы. Когда бык выходил, на смерть ему отводилось 20 минут. И я неотрывно следила за стрелками, похожими на пики тореадоров.

Когда бык, красавец, природная стихия, мощь в чистом виде, издох, лошади оттащили его на разделку, и два человека освежвали, чтобы отдать на котлеты в городские больницы! После этого выгнали второго быка, и снова двадцать минут потехи! И опять мясник-тореро срывает аплодисменты. За хорошую работу он снова получит уши и хвост!

И так шесть раз подряд!

Меня тошнило, и до сих пор тошнит, и будет тошнить всегда!

Дамы и господа, любители корриды, почему бы вам не отправиться утолить жажду крови просто на бойню?

Там удовольствие — сторицей! Вот там смерть так смерть, в больших количествах, в чистом виде! Вы обожаете кровь, агонию, насилие, ну так и нечего изображать недотрог, имейте мужество быть такими, как вы есть, сходите же на бойню и ешьте мясо и дальше, если охота не пропадет!

А пока оператор съемочной группы и газетные репортеры стеггли мои реакции!

Тогда я еще была другой. Мне сказали аплодировать — я аплодировала! В душе волком выла, но вслух пикнуть не смела!

Да, один раз сидела на бое быков в Севилье, и аплодировала,

но была глубоко потрясена зрелищем смерти, и другого раза — не будет.

* * *

Кристина Гуз-Реналь, как и все женщины, обожает драгоценности. А я к ним безразлична. По-моему, лучшее для женщины украшение — молодость, лицо, волосы, сердце. Остальное излишне. То, что продается, — не ценность.

Тем не менее (но и не более, как добавлял один из моих друзей) Кристина услышала про одного «гениального ювелира» на Калье Сьерпес. Однажды вечером после съемок она решила отвести нас с Дебеттой и Маги к нему. Что ж, ладно.

Магазин закрывался в полседьмого, времени переодеться нет, и я пошла, как снималась, в черной облипушке — суперсексуальном платье, с волосами по плечам, как у цыганки, и босыми ногами. За мной побежало пол-Севильи.

А улица Калье Сьерпес — тупичок на холме, идет в гору. Ювелирная лавка — в самом конце. И войти-то мы вошли, все четверо, а вот выйти уже не могли. Десятки мужиков загородили дорогу, выставив все свое мужское достоинство прямо перед витриной ювелира!

Уж конечно, их главные фамильные ценности!

Боже, что за ужас!

Глаза Кристины метались от дымчатых топазов к торчавшим жезлам по ту сторону витрины.

Без полиции нам не выйти.

Испанские полицейские, шуты гороховые, вывели нас, да толку от них было мало. Опять эти руки, появляются ни с того, ни с сего и лезут под юбку. 5—6-летние шкеты, цыганята, липли к ногам, хватали за ляжки! Стыд и позор, но уж как есть!

Если любите сильные ощущения, побывайте на Калье Сьерпес в Севилье. Останетесь довольны.

Итак, я поплясала с босыми ногами на столе, поехала верхом, поприставала к Вилару, поиграла и пофлиртывала в солнечных цветущих патио и вернулась в Париж. Натурные съемки были закончены.

С моим четвероногим семейством стало хлопотно. Пять собак! Для псарни дом тесноват! Но какое счастье — встреча с ними, их горячие ласки, сумбурные, как всегда после вашего долгого отсутствия. Но надо внять рассудку и найти трем малышам других хозяев.

Ален уже все предусмотрел.

Лидо взял владелец ресторана с острова Сен-Луи. Он обожал щенка и ждал моего возвращения, чтобы забрать его. Блюбель

взяли в деревню под Парижем очень милые люди. Премьера составила счастье Аленова друга, человека одинокого.

По очереди я расставалась с ними, с теми, кого приняла, любила, растила — и сердце разрывалось. От них остались всюду на полу игрушки. И еще следы щенячьих луж на ковре как память о чем-то подлинном, прекрасном, чистом. Гуапа искала щенков и плакала. И я плакала.

И дала себе слово, что однажды заведу много-много собак, буду жить в деревне и ни за что не отпущу от себя крохотных существ, за которых отвечаю, раз уж дала им родиться.

В апреле 1958 года в Брюсселе состоялась Всемирная выставка!

Почетное место занял павильон Ватикана. В нем имелся зал для всяческих святых, Бога, чудес и т. п. Имелся и другой зал, выставявший «Зло», серное пламя, чертей, разврат, ад.

А кто же олицетворял грех и мерзость?

Я.

Фотоснимок, где я танцую мамбу из «И Бог создал...».

Вот был скандал!

Папа, обезумев от бешенства, сорвался с места и полетел по епископам и архиепископам Парижским, Французским, Наваррским, так что десять дней спустя снимок был снят. Теперь грех во всех его проявлениях олицетворяло пустое место, но мой образ, моя жизнь еще долгое время связывались с аморальностью, плотским грехом, рогатым чертом и были символом развращенности.

Я очень страдала из-за этого, родители тоже.

Когда я думаю об этом теперь и сравниваю с тем, что происходит в обществе сегодня, я вижу, как по отношению ко мне велика несправедливость церкви со всей ее проповедью любви и терпимости к ближнему своему.

Съемки продолжились на киностудии «Булонь», с прекрасно сделанными декорациями Жоржа Вакевича. Полное впечатление, что я в Севилье!

Дюдю, такой же, как всегда, продолжал выкрутасы!

Во время репетиции сцены, где я посылаю Вилара к черту, Дюдю решил, что я покажу ему язык!

Я — показывать язык! Да еще крупным планом!

Ни за что.

— Ты покажешь язык.

— Нет.

— Почему это?

— Потому что показывать язык — невоспитанность, потому

что родители запрещали мне, тем более крупным планом это не эстетично.

И Дюдю уселся жевать свой в ожидании, что я покажу свой. Погасили прожекторы. Все занялись своими делами. Работа прекращена...

А Кристина не на месте!

Фред Сюрен, которому каждая минута обходилась в тысячи франков, был вне себя.

«Как, все это из-за языка?»

Никогда еще язык не стоил так дорого. Чуть было не вызвали поверенного составить протокол. Страховые фирмы не возмещают «отказ актрисы показать язык».

А пока остальные языки благополучно чесались.

Через несколько часов обсуждения пришла Кристина в ярости. Нельзя даже сбегать в парикмахерскую без того, чтобы я не выкинула фортель! И все наши ну высовывать язык: мол, смотри, ничего ужасного! Даже Кристина высунула. Но, чем больше я смотрела на свисавшие языки, тем крепче, не желая им подражать, сжимала рот.

И победила!

Показ языка был заменен мне на гримасу, которую я старалась скорчить как можно менее безобразно!

Зато после этой истории разные языки дали себе волю!

Однажды майским днем я сидела на студии в своей гримуборной, дожидаясь, что один из помрежей придет за мной. Накрашенная, готовая, полуголая в своем съемочном рваном платье. Вдруг Лоранс, костюмерша, объявила, что какой-то тип хочет меня видеть.

Я всегда ненавидела у себя незваных гостей, когда находилась на студии! Люди, зная, что у меня съемки, приходили и желали побеседовать. И не было этому ни конца, ни края! «Гости» доводили меня до белого каления. Оставят меня в покое или нет?

В этот день снимали труднейшую сцену. Я хотела остаться одна и сосредоточиться. Лоранс сказала, что тип настаивает, говорит, что мы знакомы по «Эскаль» на Мсье-ле-Прэнс.

Я сразу подумала на Педро или Нарсиссо.

Оказалось — клошар!

Увидев его, я попятилась было, но потом взяла себя в руки. Он стоял весь в заплатах. Пластырь на свитере, изолянтной обмотаны башмаки и старая тряпка вместо воротничка.

Шикарный поклонник!

Но глаза глубоки, жгучи, руки прекрасны, чисты. В конце концов, ничем не хуже других, даже лучше!

Он хотел есть и пить!

Я попросила Лоранс принести обед на двоих ко мне в комнату.

Никогда не забуду при этом ее физиономию! Лоранс была как бы моей кино-няней! С огромным тактом и безграничной любовью ко мне. Она, видно, сильно струсила. Побежала за Одеттой. Пришла Одетта под предлогом, «не нужно ли чего». Увидев «типа», вытаращила глаза. Потом побежала за кем-то, а тот побежал еще за кем-то... Вскоре в дверь стали просовываться головы, головы!

Знали бы они, как чудесен, увлекателен, образован этот человек и как далек от них, нас, меня, один на своей планете красоты и правды и одинок в своей цельности!

Мы пообедали. Кормила нас Лоло, хмуро, поджав губы.

Любовное свидание звезды и бродяги — есть на что посмотреть.

Красотка и клошар!

Но клошар особенный — умеющий сидеть за столом, с безукоризненными манерами и прекрасным французским. Говорил о Бахе, Бетховене, Моцарте, о своей любви к музыке. Рассказал историю своей любви, разочарование, уход. Крах всей жизни из-за измены! Я слушала его, изумленная, и веря, и не веря, и все же — веря!

Что за удивительный человек!

Он ничуть за мной не ухаживал. Просто изливал душу. Я смотрела на его руки: наверно, он не лжет, что был большим пианистом! Наверняка. Но хорошо бы удостовериться.

На студии, на складе, был рояль.

Провожая клошара до дверей, я спросила, не хочет ли он, любопытства ради, погулять за кулисами. Он с радостью согласился. За нами последовала вся группа, в том числе Дедетта, Лоло и Маги. Наши почуяли развлечение. Киношники — мерзкий народ. Все, что не выглядит на миллион, для них — мусор. Так что мой клошар ничего, кроме презрения, не заслуживал.

Но он и бровью не повел. По сравнению со мной он казался неуязвимым.

Увидев рояль, я изобразила удивление и попросила клошара сыграть. Честно, я за него побаивалась. Но, если тебе наплели с три короба, тоже неприятно. Уж лучше припереть к стенке! Он не заставил себя просить, провел по клавишам, попросил табурет и блистательно сыграл сонату!

Каков урок!

Вся наша группа стояла замерев. У Дедетты глаза были мокрые, Лоло дышала учащенно, как случалось с ней в сильном волнении. А я гордилась, гордилась им, его мужеством бросить все

из-за любви. Мало людей, способных так поступить. Он оказался способен.

Ушел он, как пришел, с той лишь разницей, что вслед ему смотрели с уважением. Не знаю, как зовут его, никогда не знала, он навеки останется безмянным!

Вечером я рассказала эту историю Рафу. Он не удивился!

Он поставил мне фортепьянный концерт Моцарта и концерт для двух скрипок Баха. Адажио из баховского скрипичного концерта — словно дыхание.

И я проводила вечера, дыша в такт скрипкам!

В самом деле! Бах сделал адажио похожим на мягкий тихий вздох. Днем я стучала каблуками в ритме фламенко на съемках «Женщины и паяца», а вечером тихонько дышала в объятиях Рафа в такт адажио из баховского концерта для двух скрипок с оркестром.

XII

Однажды вечером мама позвонила мне из Сен-Тропеза. Она нашла дом «у самой воды», но агентство требовало дать ответ немедленно: желающих купить много.

Это было 15 мая 1958 года!

Из-за съемок я не могла выехать сразу, и только в субботу вечером отправилась поездом в Сен-Рафаэль. Мама встретила меня и прямо с вокзала повезла посмотреть виллу «Мадраг».

Я попала в тропический рай. Высоченный тростник, кактусы всех видов, мимозы, смоковницы, среди всего этого дом притаился под бугенвилией в фиолетовом цвету, и море плещется почти в гостиной! Я всегда знала, чего хочу!

И я купила виллу «Мадраг».

В то воскресенье контора нотариуса в Сен-Тропезе в порядке исключения была открыта. Мадам Муазан продала мне дом за 24 миллиона старых франков, вместе с мебелью! Вечером в воскресенье я уехала на поезде в Париж, так как в понедельник утром мне предстояла съемка. Мой кошелек понес ощутимый урон, надо будет изрядно потрудиться, чтобы справиться с таким расходом!

Мама спешно вернулась со мной в Париж.

Буму совсем плохо!

Из студии, снимаясь в бурных сценах, я звонила в перерывах, чтобы узнать, как чувствует себя единственный мужчина, кото-

рый по-настоящему что-то значил в моей жизни — мой дед, Бум. У него был рак легких, уже давший метастазы...

По вечерам, после съемок, я часами сидела у его постели, рассказывая ему о вилле «Мадраг», куда он обязательно приедет отдохнуть, как только ему станет получше. Я лгала со слезами на глазах, лгала просто так: он со своей проницательностью и ясным умом снисходительно слушал мою ложь. Он страшно исхудал, дышал с огромным трудом, его тело мучили боли. Прикованный к постели, он зависел от всех и во всем.

Бедный Бум — всегда такой веселый, деятельный, живой, независимый, мужественный!

Я уходила измученная, убитая, подавленная несправедливостью жизни, несправедливостью смерти. Мне стоило сверхчеловеческих усилий танцевать назавтра фламенко и смотреть на всю эту мишуру, среди которой я должна была играть комедию, в то время как мой дед умирал.

7 июня 1958, в 8 часов утра мама позвала меня к телефону, чтобы сообщить, что Бум умер... Бум умер, Бум умер! Эти слова звучали эхом в моей голове, в моем теле, в моем сердце. Бум умер, нет больше этого необыкновенного человека, отныне он будет лишь воспоминанием. Для кого? Для меня... для мамы, для Бабули, для Мижану. Надолго ли? Я позвонила на студию: сниматься не могу в связи с кончиной... В связи с кончиной! Какая безликая, холодная, глупая фраза.

На своем смертном ложе Бум походил на надгробие из далекого прошлого. В нем была красота, утонченность и прямота истинных вельмож. Друг нашей семьи художник Киффе изобразил его во всем благородстве застывшей навеки неподвижности. Эта неподвижность наполняла меня страхом, ужасом; с ней застывала какая-то часть моей собственной жизни!

Все кончено, больше никогда, никогда не будет «и зим — и зам — и бум, зим-бам-бум, зим-бам-бум».

Не будет путешествий в книги по географии, не будет чтений по-латыни в подлиннике, не будет его «Если б я не перебрал, этого бы не случилось». Не будет неистовых полек в прихожей. Не будет больше Бума!

Мама, Бабуля, Тапомпон, Дада и папа пребывали в прострации в разных углах квартиры. Только у нас с Мижану еще были силы, которые дает молодость перед лицом смерти. Бум умирал в страшнейших мучениях, он задыхался много часов подряд, прежде чем испустил последний вздох в нечеловеческом спазме. Без венков и цветов мы временно предали его земле в Лувесьенне. Могилу накрыли плющом из усадьбы — он его обожал.

Позднее мама приобрела склеп на маленьком кладбище Сен-

Тропеца, и останки Бума перевезли туда. Он первый из нашей семьи был захоронен в этом месте, которое оставалось — пока не было по распоряжению мэра, господина Блюа, безобразно расширено, — одним из красивейших кладбищ мира.

Я с грехом пополам довела до конца съемки; в голове у меня была одна мысль: уехать на виллу «Мадраг», отдохнуть, все забыть.

Этот дом был мне абсолютно чужим. То есть, он, конечно, был моим, но я ровным счетом ничего о нем не знала и видела-то его всего несколько минут. Я поручила Алену купить маленький подержанный «ситроен». Мы набили его чемоданами с бельем, посудой, втиснули туда же клетки с горлицами плюс Клоуна и Гуапу, и — вперед, веселая компания! Ален отбыл в «ситроене», а я в спальном вагоне выехала в Сен-Рафаэль.

Я решила позволить себе долгие каникулы, первые настоящие каникулы за много лет. Я была свободна от каких-либо обязательств: съемки следующего фильма «Бабетта идет на войну» предстояли мне только в начале 1959 года. Солнце, жара, теплое море и хлопоты по устройству нового жилища быстро развеяли меня. Очень скоро я обнаружила, что этот маленький рай доставит мне много хлопот. Дом — не квартира. Это совершенно отдельный мир, тут нет ни управляющего, ни совладельцев, ни консьержки — словом, никого, кто бы вам помог.

Первым вышел из строя водонагреватель! Потом отказал и насос, качавший воду из скважин: мотор перегрелся из-за недостатка воды! Наконец полетела вся электросеть: оказывается, не было предохранителя! Я начала жалеть, что не сняла номер в отеле или квартиру... На другой день дом заполонили представители различных ремесел. Надо было сменить мотор у насоса, наполнить резервуар... Электрик менял проводку и поставил предохранитель... Я рвала и метала: сколько денег вылетело на все эти дела, столь же непонятные, сколь и неотложные. Мне пришлось немедленно написать и приколоть к дверям двух ванных комнат таблички: «Не открывать краны без нужды; спускать воду только в случае крайней необходимости».

Но это был еще не конец моим бедам!

Кристина и ее муж Роже Анен приехали на несколько дней помочь мне устроиться. Им была предоставлена комната для гостей.

А в одно прекрасное утро все умывальники, раковины, биде, души, ванны и прочие удобства вдруг одновременно засорились! Чаша моего терпения переполнилась, я была сыта по горло этим домом у самой воды. Водопроводчик не смог ничего сделать. Очевидно, водостоки и отстойники оказались закупорены корнями из-за того, что в доме долго никто не жил.

Этого мне только не хватало!

И где же они, эти злосчастные отстойники?

Об этом никто понятия не имел!

Пришлось обратиться в фирму «Роза» — «все услуги по ассенизации», — и сад превратился в зияющий котлован. Отстойники надо было отыскать во что бы то ни стало.

Сад походил на Верден в самые страшные дни первой мировой войны, а мы мужественно сносили неудобства, пользуясь морем как большой ванной.

В один из таких дней Раф Валлоне сделал мне сюрприз, явившись без предупреждения на своей роскошной «ланчии». Вот уж действительно выбрал время! Он приехал — безупречно элегантный, чистенький, одетый с иголки, надушенный... а тут мы — заскорузлые от соли и песка, липкие от жары и волнений!

Отстойники, которые наконец-то удалось отыскать, распространяли тошнотворный запах, автонасос работал, всасывая их содержимое с адским шумом, а отбойные молотки сражались с корнями, закупорившими стоки.

Уж не знаю, как он воображал «Мадраг», но вряд ли увидел райские кущи, которые обычно представляют себе, стоит произнести это волшебное слово. Никто не встретил Рафа с распростертыми объятиями: я была слишком занята, закапывала рвы вместе с Аленом и рабочими. Бедняга быстренько смотал удочки, сел в «ланчию» и укатил, так и не поняв, ни тогда, ни потом, что же произошло.

Ну и невелика потеря!

Изысканная элегантность итальянского актера плохо смотрелась бы на фоне первобытной дикости и некоторой богемности этого морского берега, с его буйной тропической растительностью и почти полным отсутствием комфорта.

К нам приехала Маги, моя дублерша.

Мы временно превратили лодочный сарай в комнату для гостей, установив в нем за ширмой умывальник.

Потом явился Жики. Комната Алена превратилась в дортуар, матрасы лежали прямо на полу. Было очень здорово, мы все веселились от души.

Однажды вечером я играла на гитаре на маленьком песчаном пляже; мы разожгли костер, ходили на цыганский табор и были счастливы. Вдруг мы увидели плывущую плоскодонку — на таких суденышках выходят в море местные рыбаки. Грубо сколоченная лодка была, судя по всему, пуста, и ее медленно сносило течением. Жики, отличный пловец, не долго думая, нырнул, поймал плоскодонку и приволок ее к нам на пляж.

Вот удача! Как раз лодки нам очень не хватало!

Алле-оп! Через две минуты все были на борту, включая Клоуна, Гуапу и мою гитару!

Жики греб, я пела, мы хохотали; лился волшебный лунный свет, было тепло, лодка бесшумно скользила по тихой воде, и этот летний вечер был прекрасен. Впервые мы могли посмотреть на «Мадраг» с моря, но вдруг — бум! крак! чпок! стоп! — мы наскочили на риф! В лодке куча мала, Клоун упал в воду, музыкальная программа завершается визгом, лаем и воплями на разные голоса. Мы сели на мель, которая тянется вдоль всего побережья — просто мы о ней не знали. Потом эта мель стала моей защитой от туристов. Не одно судно закончило на ней свои дни, тем самым способствуя продлению моих.

Но пока мы сами попались!

И вот мы все в воде, путаясь в склизких водорослях и наступая на морских ежей, толкаем, тянем, пытаемся снять с мели судно, ставшее нашим на один вечер. Остаток ночи мы провели, паря ноги в тазаках с теплой жавелевой водой и вытаскивая щипчиками для удаления волос иголки морских ежей, которыми были утыканы наши подошвы.

Назавтра, когда хозяин нашел свою плоскодонку у меня на пляже, нас чуть ли не обвинили в воровстве. А ведь если бы не мы, она, наверно, доплыла бы до Корсики!

Ни одно доброе дело не остается безнаказанным!

А ночами, оставаясь одна в своей постели, я мечтала о Жане-Луи, и сожалела о Жане-Луи, я хотела открывать для себя этот дом вместе с ним! Мне не хватало его, ему бы понравилось слушать плеск волн и глядеть на звезды, крепко обнимая меня.

Дом был полон, а я чувствовала себя одинокой.

Ален понимал это, Жики тоже — он познакомил меня с кучей своих приятелей. Красивые спортивные парни увозили меня при лунном свете в море за амфорами — этот промысел был строжайше запрещен, но в том-то вся и прелесть! Я собственными руками с помощью лебедки выудила со дна амфору, полную масла, песка и воды, весившую не меньше четырехсот килограммов и не видевшую солнца больше двух тысяч лет — она лежала под сорокаметровым слоем воды среди сотен других.

Это было волнующее зрелище, когда из глубины веков медленно поднималась восхитительная ваза женских форм. Меня всегда поражало, как много могут рассказать украшения, безделушки, мебель, всевозможные вещицы, чудом уцелевшие в пожарах, в войнах, во времени!

Рыцари моря, которые галантно выбрали ее для меня, жили прямо на своем судне — простая жизнь, лишенная всяких удобств и такая настоящая! Они ловили рыбу, а я жарила ее

между двух камней на пляже, они научили меня азам подводного плавания с аквалангом. Они катались на водных лыжах — на одной, разумеется.

* * *

Моя жизнь протекала под перебор гитарных струн в убаюкивающем ритме плеска волн о борта.

Именно сейчас я все бы отдала, чтобы быть замужем... пустить корни! Вечная проблема корней опять не давала мне покоя.

Маги, у которой проблемы корней никогда не было — разве что проблема корней волос перед очередным обесцвечиванием, — привезла ко мне однажды своего возлюбленного. Она его «заарканала» в ночном кабаре «Эскинад».

Мне был представлен молодой человек, темноволосый, дочерна загорелый, не слишком высокий, с очень широкими плечами и глазами восхитительного зеленого цвета. Звали его Саша Дистель, он был племянником Рея Вентуры и играл на гитаре как бог. Он бросал томные взгляды на попку Маги и называл ее «прекраснейшей на свете». Это было очаровательно и ни к чему не обязывало. Потом Маги пришлось уехать в Париж...

Саша остался на вилле «Мадраг», играл на гитаре, бросал томные взгляды на мою попку и ничего не осмеливался сказать! По правде говоря, я его не замечала. Он был в доме, как многие другие, — и только! Между тем, он всячески старался меня очаровать... Его красивый низкий голос, его влажные глаза — что-то во мне дрогнуло. Я никогда не отбивала поклонников у своих приятельниц, и если «друзья моих подруг — мои друзья», то любовники моих подруг — не обязательно мои любовники.

Короче, Маги все не возвращалась, стояла жара, мне было грустно и одиноко, он открыто ухаживал за мной, а плоть, как известно, слаба — и я раскрыла ему свои объятия и свою постель. На другой день я была крайне удивлена, когда он явился в «Мадраг», нагруженный чемоданами и окруженный приятелями. Вся эта братия оккупировала комнату для гостей, дортуар и лодочный сарай.

Мы с Аленом глядели друг на друга, не зная, ужасаться или смеяться. Жики, вне себя от этого нашествия, покинул дом, с издевательской усмешкой пожелав мне счастья.

Что ж, по крайней мере я больше не буду чувствовать себя одинокой.

Не проходило дня, чтобы какой-нибудь дружок-фотограф не заглянул просто так, мимоходом, выпить стаканчик и сделать снимок. С ума сойти, как много друзей Саша были фотографами и журналистами. Я всегда избегала их, и вот пожалуйста — они разгуливают у меня, как дома.

Наша идиллия обрушилась шквалом на страницы мировой прессы. Саша Дистель стал знаменитостью. Клод Дефф, его менеджер, изловил одним ударом двух зайцев — одним из «зайцев» была Брижит.

Меня просто ошарашил этот поток кричащей рекламы. Меня, не спросив моего согласия, вовлекли в головокружительную кампанию, которая не могла кончиться добром: я не выносила, когда мне навязывали свою волю, между прочим, не имея еще на это законных прав. Стоило замаячить поблизости объективу, как Саша склонялся ко мне с нежным воркованием.

Потом был бал в тулонском адмиралтействе. Я получила приглашение от самого адмирала. Обычно такого рода корреспонденция сразу отправлялась в мусорную корзину. Но на этот раз Саша, Клод и Кристиан Деффы, Марк Дозльниц и вся компания уговорили меня поехать.

Было очень жарко, поэтому мы решили ехать в джинсах и переодеться где-нибудь в отеле поближе к Тулону. И вот машина останавливается перед скромной, но приличной гостиницей. Мы с Саша выходим, чтобы попросить номер. Служащая за конторкой узнает меня, и глаза у нее лезут на лоб...

— Мы хотели бы комнату, мадам.

— На ночь, месье?

— Нет, на четверть часа.

— При вас есть багаж, месье?

— Да, мадам, и еще друзья.

Мы прошествовали мимо ошеломленной женщины, которая не верила своим глазам и ушам, и поднялись в двенадцатый номер: Саша, Клод, Кристиан, Марк, Жики, Мишу и я, плюс портпледы, дорожные сумки и прочее. Глаза служащей снова лезут на лоб, когда мы возвращаемся, преобразившись в миллиардеров! Одна только деталь выпадала из мира грез: Мишу никак не мог надеть ботинки и умолял ее дать ему суповую ложку.

Сегодня я понимаю, что та жизнь была гораздо легче и проще, чем нынешняя. Мы жили большой оравой, у меня была только одна приходящая прислуга да садовник, заходивший на два часа в день. Но несмотря на это, все шло как по маслу. У каждого были свои обязанности по дому, и это не было никому в тягость, наоборот. Участие в общем деле забавляло нас, сблизало, давало каждому свободу выбора и чувство ответственности.

Я пытаюсь представить себе такой образ жизни сегодня.

Это была бы катастрофа.

Может, потому что мы постарели, может, потому что друзья погрязли в эгоизме и берегут силы для собственных домашних

дел, может, потому что вообще все стало так сложно, никому больше не нравится делать покупки, готовить или заниматься хозяйством.

Домашний персонал, скажу проще, прислугу — в наше время невозможно найти: их оклад стал выше Нобелевской премии, а ответственность за весь дом целиком ложится на плечи хозяйки. Я же всегда была хозяйкой дома — и вот я выбиваюсь из сил, падаю под грузом обязанностей, которые мне приходится брать на себя ради удовольствия тех, кого я у себя принимаю. Я становлюсь прислугой в собственном доме. От завтрака, который я готовлю старательно и с душой, до последней рюмочки коньяка после ужина — все на мне: покупки, обед, стол, посуда, аперитив перед ужином, ужин, опять посуда, кофе, ликеры... нет, всего не перечислить!

Вечером я едва доползаю до кровати на ватных ногах, с шершавыми руками, с пустой головой, боясь подумать, что завтра все начнется сначала!

Что ж, раз мои друзья и бровью не ведут, позволяя себя обслуживать, я их больше не приглашаю — поживу хоть немного для себя.

В то лето 1958 года Саша решил стать певцом. Надо было ковать железо, пока горячо. Он, конечно, божественно играл на гитаре, но это разве хлеб? Вот стать французским Синатрой — дело куда более прибыльное.

День-деньской Саша перебирал струны, насвистывал и напевал, пытаясь создать шедевр своей жизни — называться он должен был, разумеется, «Брижит».

Все это время я слушала его вполуха, без особого восторга, и занималась своими обычными делами, с тоской вздыхая о таланте Беко. У Саша ничего не получалось, и Клод Дефф пригласил одного из соавторов, Жана Бруссоля, сочинившего их самые удачные песни. Я только и слышала: «Брижит», «Брижит» в ритме слоуфокса, «Саша-ша-ша», назойливые томные мелодии сменялись более ритмичными... «Брижит, Брижит, приди, Брижит, головкой белокурой к моему плечу прильни»!

Ничего себе, шедевр!

Чтобы не слышать этого вздора, я брала лодку и уходила далеко в море, отмыться от всей этой заурядности. Кажется, я попала!

Газеты пестрели заметками о романтической чете, которую составили мы с Саша. Пляж «Мадраг» окружали фотографы под видом туристов, вооруженные громадными телеобъективами, они непрерывно шелкали.

Я больше не чувствовала себя дома.

Повсюду — нотная бумага, магнитофоны, электрогитары, усилители, микрофоны... и голос Саша: «Брижит, Брижит, приди, Брижит...» и т.д.

Но почему-то вместо того, чтобы спешить на зов, я, едва слышав первые аккорды этой прелести, бежала прочь, заткнув пальцами уши!

Однажды, когда я в очередной раз удрала из дому, мне вздумалось померить платье у Вашона, местного кутюрье — его модели из провансальской ткани были очаровательны.

Я забрела туда случайно; сама мадам Вашон встретила меня с распростертыми объятиями. Но пока я забавлялась, примеряя крестьянские платья, узнавшие меня зеваки сбежали к витрине. Другие, завидя скопление народа, тоже поспешили полюбопытствовать. Не прошло и пяти минут, как толпа человек в двести наглухо перекрыла вход в магазин.

Пришлось вызывать полицию!

Чтобы вывести меня, им пришлось поработать локтями. Люди топтали друг друга, пытаясь прикоснуться ко мне. Одни называли меня шлюхой, развратницей, потаскухой, другие признавались в любви, преклонялись. Какая-то женщина все протягивала мне своего ребенка, умоляя дотронуться до него: это-де принесет ему счастье. Я была дьяволом и святой Бернадеттой одновременно.

Я ненавижу толпу, боюсь людей, они несдержанны, безумны.

Я твердо решила: больше никогда никуда не хожу одна.

* * *

Настал наконец сентябрь.

Я должна была представлять фильм «В случае несчастья» на фестивале в Венеции.

Предвкушая освобождение, я за неделю до отъезда упаковала чемоданы — пусть никто не подумает, что я подло сбежала.

Рано я радовалась!

— Ну-ну, — говорил мне Клод. — Конечно, ты поедешь в Венецию с Саша на машине, это будет сказочное путешествие, и потом, ты ведь никогда не любила самолетов, а поездом — слишком много пересадок. Нет, детка, решено: вы совершите вдвоем чудненькое свадебное путешествие, а мне пришлете открыточку.

Действительно, пересадки мне не улыбались, а что до самолетов — все знают, как я к ним отношусь. И потом, в Саша, когда он не пел, были и хорошие стороны. Он был внимателен ко мне, прекрасно воспитан, умен, нежен. Я, конечно же, растеряюсь в Венеции, под натиском прессы и толпы. Похоже, без него мне в самом деле не обойтись.

Сразу по прибытии в Город Дожей я поняла, что поступила правильно.

Сотни фотографов давились, наступая нам на ноги, орали, вопили, падали друг на друга.

Я просто насмерть перепугалась.

Саша сиял улыбкой, но и ему было не по себе.

По счастью, Рауль Леви и Ольга Орстиг были уже там. До приготовленной для меня квартиры на Лидо мы с ними бежали. Венеция? Какая Венеция? В окно я видела людный пляж, напоминавший кемпинг «Ежевика» в разгаре августа... Никаких каналов... и никаких гондол! Мы были в новом городе, в современном отеле, стиль модерн. Стоило ехать так далеко! Я с тоской вспоминала прекрасные закаты в «Мадраг».

А теперь еще удивляются, почему я больше не путешествую...

«Ты знаешь, где я только не был, я повидал другие берега», — так поется в одной песне, которую я исполняла. Но за редким исключением, лучше всего я себя чувствую дома, и красивее всего — здесь, у меня!

Однако тогда был не самый подходящий момент для философствований.

В квартире было не меньше ста человек — «тесный круг». Саша знакомился с одними, с другими, но кто уже не был слышан о нем? Жорж Кравенн, уполномоченный от прессы, огласил расписание!

Завтра: пресс-конференция, фотографы, коктейль в «Даниэли», презентация фильма во дворце фестивалей, затем потрясающий вечер в великолепном дворце... приглашены все гости Рауля Леви, а также мировая пресса...

Довольно!

Я устала, мне хотелось принять ванну, выставить за дверь всех этих надоед, они мне осточертели, я хотела быть одна, подальше отсюда, в покое!

В моей спальне стояли сотни гладиолусов, а я терпеть не могу эти цветы — длинные и негибкие, как жердь. Были там и корзины с фруктами, и шампанское, но все мне казалось скверным и безобразным. Назавтра был «день Бардо». Нанятые Раулем Леви самолеты выписывали Б.Б. белым дымом в синем небе Венеции.

Я исполняла обязанности звезды: позировала фотографам, улыбалась, отвечала на вопросы, — в бикини, потом в вечернем платье. Ни отдыха, ни продыха, ни на минуту. Саша исполнял обязанности верного рыцаря. Какой взлет! Клод Дефф, должно быть, потирал руки!

Вечером был показан наш прекрасный фильм. Приняли его довольно сдержанно. И все-таки «В случае несчастья» останется

одной из лучших моих картин, вместе с такими, как «Истина», «Вива, Мария!», «И Бог создал женщину» и «Медведь и кукла».

Рауль Леви думал, что мы получим «Золотого льва».

Я думала только о том, как бы поскорее смыться.

Но мне еще пришлось присутствовать на чудесном званом вечере, который устроили в мою честь в подлинном дворце времен дождей; меня доставили туда в гондоле, в сопровождении Саша, с мамой Ольгой и Раулем Леви. За нами следовала целая орда «паращи» на «вапоретто» — они едва не потопили нас всех! Представители этой профессии опошляют, губят, разрушают все на своем пути. Они — Аттилы наших дней, бич Божий и кошмар звезд.

Я смотрела во все глаза на этот старый, очень старый дворец, весь в трещинах, в позолоте и росписи великих мастеров. Огромный стол был освещен только свечами в канделябрах из позолоченного серебра, и я думала, что мы возрождаем, быть может, в последний раз, празднества былых времен, сгинувшие навсегда в современной цивилизации, унылой и уродливой, где пышности и красоте не осталось места.

Прощай, Венеция, прощай, непонятая красота, поруганная, осмеянная, оскверненная жадной до снимков публикой, которая не видит, не знает, не осознает главного.

Думая о Венеции, я думала о себе.

А на фестивале фильм Луи Маля «Любовники» с Жанной Моро в главной роли завоевал... «Серебряного льва».

Тем лучше для них, тем хуже для нас.

Зато в этом году — и в следующих, до 1961 — мне достался первый Приз популярности, учрежденный журналом «Сине-Ревю».

* * *

Вернувшись в «Мадраг», я застала там мою собачью братию, Алена и, слава Богу, никого больше!

Приближался мой день рождения. 28 сентября 1958 года мне исполнилось 24 года. В этот день я впервые в жизни проголосовала в мэрии Сен-Тропеза. Я отдала свой голос, свое доверие и свое уважение Де Голлю. К этому большому человеку, честному, мужественному, стойкому и надежному, я всегда питала слабость.

За ним я следовала много лет.

О нем я много лет сожалею.

А потом «упаковали лето в картонные коробки, и грустно вспоминать время солнца и песен...».

Терпеть не могу жить в Париже.

Я чувствую себя пленницей, ищу траву, землю, деревья, сельские запахи, а нахожу только бетон, повсюду бетон, всегда бетон.

В Париже мы не видим смены времён года, не знаем, полная ли луна, не слышим шелеста ветра и шума дождя, не чувствуем росы и влажного запаха земли после грозы. Мы погружены в свои проблемы, заботы, хлопоты, нам постоянно некогда. Мы живем в ячейках, мы выстроены рядами, одни над другими, ровненько, как бутылки в ящиках.

Это ужасно.

Человек рожден, чтобы быть свободным, чтобы ходить, бегать, работать на земле своими руками. В городе человек превращается в карикатуру, у него укорачиваются ноги, тяжелеет брюшко, сутулятся плечи, оттянутые вниз вялыми руками, которые едва способны повернуть ручку телевизора. Волосы редеют, глаза тускнеют, щеки становятся дряблыми, мозги тоже.

Иногда я из любопытства рассматриваю проходящих по улице людей. Это до того удручающее зрелище, что, вернувшись домой, я благодарю Бога за дарованную мне возможность поддерживать себя в форме.

Разумеется, все не могут быть красивы, это ясно. Но каждый может делать хотя бы маленькое усилие, чтобы стать чуточку менее безобразным. Тучность, выпирающие животы, складки и морщины, невымытые, сальные волосы, черные или обгрызанные ногти, грязная, порванная по швам одежда; люди горбятся, ходят враскоряку, харкают, ковыряют пальцем в носу, в зубах...

Ох! Человечество, куда ты катишься, куда?

Раньше больной человек сопротивлялся недугу, пытался бороться, а в постель ложился и пичкал себя лекарствами лишь в самом крайнем случае. Теперь же малейшее недомогание — и люди бросают работать и травятся несметным количеством совершенно бесполезных медикаментов. Вот вам и кислые мины, и запавшие глаза, и восковой цвет лица, и чахлый, болезненный вид всех этих жертв общества, которое обещает им безопасность, а обеспечивает вырождение.

Таково в общих чертах мое представление о человечестве.

Теперь, надеюсь, понятно, почему я предпочитаю животных.

* * *

Итак, я вновь водворилась в свою маленькую ячейку на восьмом этаже авеню Поль-Думер.

Тогда религия была еще незыблемой. Ничего не изменилось с незапамятных времен. Духовные особы служили мессу на латыни, спиной к пастве, о микрофонах в храмах не было и речи, а проповедь хороший кюре читал с высоты кафедры. По правде говоря, мне нравилась тайна молитв на латыни, нравилось видеть спину священника: ведь он смотрел на Бога, а не на публику, как

на сцене театра. Мне нравились тишина, сосредоточенность и некоторая официальность на воскресной мессе.

Все это я говорю к тому, что тогда церковь еще не переменяла дату дня святой Бригитты, и он праздновался 8 октября.

Прошло несколько дней, и, по случаю моих именин, Саша, Клод Дефф, Рэймон Вентура и Бруно Кокатри выдали «гениальную» идею.

Саша, который, вернувшись в Париж, записал «сорокапятку» с пресловутой песней «Брижит», будет в день моих именин подписывать свою пластинку в холле «Олимпии». Само собой разумеется, я должна быть там и подписывать вместе с ним, иначе какой в этом интерес?

Об «Олимпии» я слышала, что для допущенных в это святая святых шоу-бизнеса предусмотрены выходы «в прологе», «в первом отделении» и «во втором» (для звезд). О «холле» я услышала впервые.

Но чтобы я пошла туда — об этом не могло быть и речи. Я не сделала бы этого даже для себя самой, а для кого-то другого — и подавно. А потом, если уж я даю себе труд куда-то отправиться ради какого-то человека, то я хочу по крайней мере им гордиться. Я бы приехала с удовольствием, если бы Саша записал пластинку гитарной музыки, лучше всего — «Облака» Джанго Рейнардта, которые он великолепно играл. Но ради «Брижит, Брижит, приди, Брижит, головкой белокурой к моему плечу прильни...»?

Более того, злоупотребление доверием зашло так далеко, что Саша поместил на конверте пластинки фотографию — мы вдвоем в «Мадраг», — не спросив моего согласия. Протестовать было поздно — конверт отпечатали тиражом в несколько тысяч экземпляров, и не стану же я судиться с человеком, с которым связала свою жизнь — пусть даже по глупости. О том, что я буду в «Олимпии», уже везде было объявлено.

Ольга позвонила мне, крайне встревоженная: «Как, Бри-Бри, вы не ходите даже на премьеры ваших картин — и вы собираетесь делать рекламу никому не известному молодому певцу? Может быть, он талантлив, даже очень, но его же никто не знает!»

Я была в панике!

Неужели мне не выбраться из этой мышеловки?

Я думала о Жиле — как я восхищалась им, он такой талантливый! Как бы мне хотелось оказаться в аналогичной ситуации с ним! Но Саша так красиво ухаживал за мной, а я вообще от природы несколько ленива и не люблю осложнений. Рэймон Вентура был сама любезность, Клод Дефф паясничал, а Бруно Кокатри выказывал искреннюю дружбу — все это вместе взятое сломило

мое сопротивление. В день святой Бригитты я стояла рядом с Саша под стендом с нашими фотографиями в холле «Олимпии».

Нас окружали десятки фотографов и сотни зевак, просто любопытные, поклонники и хулители. Толпа, беспощадная толпа, я ненавижу ее, я от нее бегу, я ее боюсь. Лейтмотивом звучала пластинка Саша, слащавая и пошловатая песенка. Я чуть не плакала от злости! Мы подписывали конверты людям, покупавшим пластинки... Желая достойно увенчать этот незабываемый дебют, Саша принялся швырять конверты в ревущую толпу. Толпа взревела еще громче от возмущения, когда обнаружилось, что конверты пусты.

— Скупердяй! Шут гороховый! На черта нам твои конверты!

И конверты, подобно бумерангам, сыпались на наши головы. И все это сопровождалось грязными шуточками!

Мне хотелось умереть, исчезнуть, вообще не существовать, стать мыльным пузырем...

Говорили об этом по-разному — кто хорошо, кто плохо, но факт тот, что об этом говорили... на мой взгляд, чересчур много, на взгляд Саша — маловато. Однако он сделал себе имя и был «шансонье будущего», по словам одних газет, и «поющим рыцарем Прекрасной Дамы», по словам других. Квартира на авеню Поль-Думер стала продолжением «Мадрага». Нетленные шлягеры сочинялись пачками. После «Брижит», с которой, кажется, не все получилось, мозговой трест взял курс на новый стиль — нечто свежее и забавное: «Скубиду»*. «Яблоки и груши, скубиду-биду, йе!..»

Спасибо, хоть не клюква!

Я вполуха слушала эту свежайшую свежатику и благодарила небо, что на сей раз в нее не замешана, и от души желала Саша, чтобы она произвела фурор!

23 октября Маргерит Люрас опубликовала в «Франс-Обсерватер» великолепную статью «Королева Бардо».

Ирония судьбы — и просто ирония.

Ален вручил мне письмо от одного из директоров телекомпании: памятуя о прошлогоднем успехе, меня просили записать новую рождественскую передачу.

Я поняла, куда они клонят... в 1957 — Беко, в 1958 — Саша!

Ну уж нет!

Я делала эти передачи бесплатно, в качестве рождественского подарка телезрителям, так пусть мне дадут выбрать то, что доставит мне удовольствие.

---

* Плетеная куколка.

Вот что я пожелала: станцевать па-де-де из балета «Сильвия» Лео Делиба с Мишелем Рено, первым танцовщиком «Опера».

Я не танцевала с 16 лет, а мне было 24! До записи оставалось два месяца. Работать мне предстояло без продыха.

Я с увлечением и азартом вновь взялась за классический танец.

Это было трудно, тяжело, порой у меня опускались руки.

Я выходила с репетиций измученная, разбитая, с окровавленными ногами, мышцы сводило судорогой, все мое тело болело, но сердце пело от гордости и счастья. Я победила и годы, и страхи. Я победила свое собственное тело. Я сделала свои мышцы подвижнее и эластичнее. Вновь обрела грацию движений рук и осанку, дающую равновесие. Мишель Рено оказался редкостным учителем, он ничего мне не спускал, ни единого сбоя, ни малейшей неточности, он хотел, чтобы я станцевала это па-де-де, как если бы была прямой-балериной «Опера».

И мы станцевали!

Это был, наверное, лучший рождественский подарок и для меня, и для тех, кто смотрел нас по телевизору, потому что делалось это с любовью и только ради любви к удивительному искусству танца.

20 декабря Рэймон Картье опубликовал в «Пари-Матч» статью: «Б.Б. — социальный феномен».

Медленно, но верно я перемещалась все выше в табели о рангах.

Я была свободна от съемок и брала все, что могла, от жизни.

Саша открыл мне мир джаза, это был мир гениев и безумцев, наркоманов и алкоголиков — но он брал за живое. Мы проводили ночи напролет, слушая самых прославленных джазистов в «Блю Ноут» или «Марс Клуб». Сара Воган, Клод Люте, Анри Кролла, Рене Вортелер, Майлс Дэвис, Стефан Граппелли и многие другие устраивали «быка» — коллективную импровизацию исполнителей, никогда не игравших вместе. Часто Саша брал гитару и до глубокой ночи играл, с ходу присоединяясь ко всем музыкантам. Это было потрясающе.

Пока у меня был досуг, во второй половине дня, если за мной не следовала машина с фоторепортерами, я шла поглазеть на витрины. Вот так однажды, проводя время за этим занятием в предместье Сент-Оноре, я замерла от восторга перед магазином, полным совершенно восхитительных платьев. Случай, которому все мы многим обязаны, привел меня в «Реал», и с тех пор эта фирма больше двадцати лет одевала меня как в жизни, так и на экране.

Элен и Вилли Важе, Арлетта и Шарль Наста, брат и сестра, и деверь, и золовка, привили мне вкус, индивидуальность и непосредственную, чуть вызывающую элегантность, подходящую к моему характеру.

С их помощью через много лет я запустила свою серию моделей «Мадраг».

XIII

В январе 1959 впервые вышла в эфир телепередача «Пять столбцов на первой полосе», ставшая большим событием для телевидения и для всех телезрителей.

Пьер Лазаревф, Пьер Дегроп, Пьер Дюмае и Игорь Баррер предложили новую форму подачи информации, которая имела огромный успех на протяжении многих лет. Мне выпала большая честь быть среди немногих участников этого события в прямом эфире с Бютт-Шомон. Папа дал Лазаревфу фрагмент восьмимиллиметровой киноплёнки, где я в возрасте трех или четырех лет была запечатлена катающейся на велосипеде в сопровождении мальчика, моего ровесника. Прогулка завершалась на пшеничном поле: мальчишка опрокидывал меня в колосья и целовал взасос, а я отбивалась, хохоча и дрыгая ногами!

Это была целая программа! Просто прелесть!

В маленьком фрагменте уже виделась соблазнительница, которую кино — настоящее кино — сделало из меня годы спустя.

Этот редкий кинодокумент — который, к сожалению, нам так и не вернули, — комментировала Франс Рош, она же брала у меня интервью. Так я стала участницей эпохальной страницы в истории французского телевидения.

На пороге нового, 1959 года заговорили о «новой волне».

Целая плеяда молодых режиссеров и актеров открыла новый стиль в кинематографе. И я, хотя мне только-только стукнуло 24, почувствовала себя отодвинутой в ряды старых хрычей-рутинеров!

Годар, Трюффо, Шаброль ставили фильмы, в которых пульсировала свежая кровь. Забыты были все старые табу, в моду вошли достоверность и непосредственность, приправленные чуточкой провокации. Молодые актеры — Жерар Блен, Жан-Клод Бриали, Жак Шартье, Паскаль Пти, Жюльетта Менъель и Бернадетта Лаффон стали выразителями новых веяний.

«Бабетте», отправляющейся на войну, предстояло отразить этот неожиданный натиск.

Кристиан-Жак, при всем своем таланте, тоже попал в ряды рутинеров. К тому же, когда мне представили на одобрение сце-

нарий, я просто взвыла от ужаса и отчаяния. Я-то представляла себе «Бабетту» очаровательным и забавным фильмом — и вдруг получаю пошлый и совершенно неинтересный сценарий! Я отослала его, перечеркнув все листы красным карандашом и написав везде на полях: «Дерьмо!» На последней странице, где должно было стоять одобрение за моей подписью, я крупно вывела: «Ни за что не буду сниматься в таком дерьме». И подписалась!

Я была вне себя, я рвала и метала: меня обманули.

Могла ли я предвидеть, что идея будет вывернута наизнанку?

Я соглашалась на прелестную роль юной партизанки поневоле, а получила какую-то вульгарно-сексуальную Мату Хари, которая спит со всеми подряд. Всю жизнь я хотела как можно больше брать на себя, но я не могу сама писать для себя сценарии и диалоги.

Каждому свое ремесло, и потом, надо же думать о зрителях!

Какой же был скандал!

Рауль Леви знал меня не первый день, он понимал: если я сказала «нет» — значит «нет». Окончательно и бесповоротно. С другой стороны, фильм делать надо. Все уже готово. Оплачены павильоны, приглашены актеры, установлены декорации. Вот тогда Рауль подумал о Жераре Ури, который в свой переходный период (он оставил актерскую карьеру, но еще не стал замечательным режиссером) был талантливым сценаристом и автором диалогов.

Рауль, Кристиан и Жерар работали день и ночь. Они создали новую Бабетту, простушку-победительницу, и собрали сценарий буквально из локутов, чтобы уже приглашенные актеры не выпали из новой версии! Виртуозная штопка: швов не было заметно, а ткань совсем не пострадала, даже наоборот!

Через несколько дней, внимательно прочитав новую «Бабетту», я поставила на сценарии свою подпись с самыми теплыми словами в адрес Жерара Ури: если бы не он, фильм вряд ли бы состоялся, с моим участием уж точно!

Оставалось найти мне партнера. Я провела пробы на студии в Сен-Морисе — с Пьером, Полем и Жаком в один день!

Лично мне из этой троицы больше всех нравился Жак Шарье.

Нравился он и Раулю Леви, и Кристиан-Жаку, и Жерару Ури.

Жак Шарье был самой яркой звездой «Обманщиков» Карне — этот фильм произвел фурор и в самом деле чертовски удался. Жак стал новым Жераром Филипом — романтический, красивый, хорошо воспитанный, кроме того — что требуется публике — сын полковника. Кто же мог лучше сыграть молодого французского офицера, влюбленного в Бабетту?

И повернулось колесо судьбы...

Весь день в студии я видела Жака, говорила с Жаком, репетировала с Жаком, обедала с Жаком, играла любовь с Жаком, а вечером, возвращаясь на Поль-Думер, заставляла там Саша, ужинала с Саша, ложилась в постель с Саша... и во сне видела Жака!

Скубиду, хула-хупы и прочие аксессуары песен и танцев, разбросанные по всей квартире, начали не на шутку меня раздражать. Я жила по-настоящему только в студии, пока могла до вечера глядеть в голубые глаза Жака, слушать его ласковый голос, впитывать тепло его тела, когда он обнимал меня в любовных сценах. Медленно, но верно Жак Шарье приручал меня. У меня всегда был очень практичный, приземленный характер, хотя у тех, кто видел меня на экране, может создаться впечатление, что я легко теряю голову от любви. Я, однако, предпочитаю синицу в руках журавлю в небе. На данный момент моей опорой, моим сегодняшним днем, моим спутником был Саша. Но моей мечтой, идеалом, прекрасным принцем, моей утопией был Жак! Я разрывалась между двумя мужчинами, находя у каждого как преимущества, так и недостатки.

Очень помог мне мой знак Весов.

Днем чаша склонялась к Жаку, а ночью Саша восстанавливал равновесие!

Моя гармоничная натура не допускала радикальных решений — мне было хорошо и так! Это могло бы тянуться годы и годы, но...

В один прекрасный день Саша, понятия не имевший о моей слабости к Жаку, ликуя, сообщил мне, что он отправляется на гастроль, петь «Скубиду» и все прочее! Его нимало не беспокоило, что я останусь на Поль-Думере одна, усталая, что я буду скучать! Он думал только о гастрольной поездке со всем своим штабом, да что там говорить — о славе!

Звездой в нашей чете внезапно стал он!

Он со своими контрактами, своими музыкантами, своим мозговым трестом, своим «паблик-релейшн». Если бы он знал тогда, что его первой и главной «паблик-релейшн» была я... Он понял это слишком поздно, когда все развеялось, как дым, ничего или почти ничего не осталось от славы! Не он один совершил эту ошибку.

Я говорю с такой уверенностью, потому что жизнь, как ни прискорбно за моих спутников, не раз доказывала, что это правда! Свой час славы познал каждый мужчина, что-то значивший в моей жизни, будь он певцом, актером, плейбоем, художником или скульптором. Каждый думал, что этой славой обязан только себе, и каждый был жестоко разочарован, видя, как она осеняет его преемника, а ему приходится вернуться к унылым будням.

Я не говорю о Саша — он сумел, благодаря труду и упорству, сохранить известность, которая, быть может, слишком легко ему досталась. Но его случай — исключительный, и мужество всегда достойно уважения.

Короче, Саша уехал, а я по-прежнему не любила оставаться вечерами одна. Ален Каре, мой поверенный во всех делах, подал мне идею устроить скромный ужин вдвоем с Жаком.

Прекрасная мысль!

Однако все в доме пропахло Саша; когда пришел Жак, я почувствовала это особенно остро. Но шампанское, музыка, пламя свечей и уютный огонь в камине помогли мне в конце концов уснуть в его объятиях под умиротворенными взглядами Клоуна и Гуапы.

Труден только первый шаг!

Коль скоро он сделан, почему бы не продолжить завтра, послезавтра и каждую ночь?

Но на душе у меня было беспокойно! Саша звонил мне в любое время дня и ночи. Я кидалась из спальни в гостиную, или наоборот, в спальню, если мы с Жаком были в гостиной, чтобы поговорить без помех. И все равно мой голос звучал фальшиво, я чувствовала себя нашкодившей девчонкой, произносила «люблю» шепотом, боясь, что Жак войдет или услышит разговор. Однажды он заставил меня снять трубку при нем, не понимая, что это за дурацкая комедия — он ведь думал, что я давным-давно порвала с Саша.

Что ж, так мне и надо!

Я сама туманными намеками дала ему это понять. Обстановка накалялась до крайности. Жак говорил, что это не шутки, что он любит меня, хочет на мне жениться и ему невыносимо делить меня с другим — хотя вообще-то никто меня не делил. Саша же находил меня немного странной, но думал, что это его отсутствие так угнетает меня. К тому же его концерты имели успех, ему было о чем рассказать, и мы говорили больше о нем, чем обо мне, что меня устраивало. Моя шаткая конструкция могла бы с грехом пополам продержаться еще довольно долго, но...

Однажды ночью, спокойно лежа в постели рядом с Жаком у себя на Поль-Думере, я вдруг услышала лифт.

Кто бы это мог быть в час ночи?

В мгновение ока я оказалась у двери спальни и заперла ее на ключ в тот самый момент, когда заскрипел ключ в замке входной двери. Потом раздался голос Саша: «Ау! Ау! Это я! Я приехал, это тебе сюрприз!»

Я стояла, оцепенев от ужаса, не зная, что делать, что сказать. Моя спальня оказалась настоящей западней!

Никакой возможности выйти — разве что прыгнуть из окна восьмого этажа!

Ошеломленный Жак торопливо натягивал брюки, решив, видимо, что хороший мордобой раз и навсегда прояснит ситуацию — а ему только и хотелось ясности и определенности!

Тем временем Саша по другую сторону дергал и тряс дверь спальни, не понимая, почему я не открываю ему и молчу. Я так сжимала в кулаке ключ, будто, стиснув его сильно-сильно, могла исчезнуть, как в сказке. Саша и Жак переговаривались через запертую дверь, колотя ее каждый со своей стороны, ругались, на чем свет стоит, сулили друг другу самые страшные казни и смерть без покаяния!

Жак хотел отобрать у меня ключ.

Куда мне было бороться с ним — я просто открыла окно и бросила ключ на улицу — а до земли было восемь этажей.

Прощай, мой ключик!

Мне казалось, что я вижу кошмарный сон, когда словно прирастаешь к земле, хочешь проснуться и никак не можешь. Мы с Жаком были надежно заперты, Саша орал и бесновался в прихожей, собаки лаяли, я плакала, все смешалось в чудовищный гвалт. В конце концов слово взяла я, я умоляла Саша успокоиться и уйти, заклинала Жака отстать от Саша, я объясняла им обоим, что выбросила ключ в окно и на сегодня мы лишены возможности встретиться для выяснения отношений.

Наконец Саша ушел, оглушительно хлопнув дверью.

И наступила тишина!

Мы сидели бледные, ошарашенные, взвинченные до предела.

Мне ужасно хотелось залпом опрокинуть рюмку коньяка, но распроклятая дверь была заперта. Как же выйти? Позвонить консьержке!

И вот в два часа ночи я звоню мадам Аршамбо, моей доброй привратнице. Я прошу ее выйти на улицу с электрическим фонариком и попытаться найти ключ от моей спальни, который я по досадной неловкости уронила в окно.

Мадам Аршамбо, должно быть, решила, что я сошла с ума!

Но через четверть часа она принесла ключ и наконец освободила нас.

Разрыв свершился помимо моей воли, и столь любимая мною гармония сменилась подспудной драмой.

Я приходила на съемки с красными после бессонных ночей глазами. Саша... Жак... Жак... Саша... я сходила с ума от ревности

одного и другого, оба подозревали меня, проверяли. Ах! Если бы я могла найти третьего!

Когда Саша окончательно съехал, на меня вдруг накатило ощущение чудовишной пустоты и одиночества. Я загрустила.

А Жак, памятуя о той злополучной ночи, наотрез отказался ночевать на Поль-Думере. Он снял какую-то жалкую мебелирашку, убогую, отвратительно мрачную и грязную, и постановил, что отныне только там мы будем проводить наши ночи любви.

Вот это додумался!

Я так люблю мой дом, мою норку, мои привычки, мои вещи, мое уютное гнездышко, завтраки в постели с красивой салфеточкой и розой на подносе... а мои собаки, а Алэн, а горничная? Чтобы я после дня изнурительной работы ночевала в комнатенке без удобств только ради удовольствия переспать с парнем, который мне, в сущности, нужен, как прошлогодний снег!

Ну и влипла же я!

Какое-то время мы с Жаком играли в «кто кого перетянет»: каждый оставался на своих позициях. Я предлагала ему вечера в тепле и неге, он отказывался, предлагая мне в свою очередь прихватить в ближайшей закусочной два горячих сэндвича с ветчиной и сыром, пару банок пива и расположиться у него, где-то в районе улицы Лежандр. Жуткий квартал!

К тому же слухи о моем разрыве с Саша уже просочились, а фоторепортеры быстро унюхали идиллию с Жаком и неотступно следовали за мной по пятам. Нам следовало быть очень осторожными. И я возвращалась по вечерам домой одна, преследуемая сворой «папарацци»! Маги согласилась пожить немного со мной, чтобы было не так грустно. Жак звонил мне ночи напролет, восхитительный, желанный, обворожительный, властный, влюбленный — о, как он умел очаровывать даже по телефону! Конечно же, я не устояла и однажды вечером отправилась к нему, прибегая к хитростям индейцев, чтобы сбить со следа прилипал-фотографов.

Скажу я вам, это была далеко не тысяча и одна ночь!

Но Жак был так трогателен... Он накрыл скромный ужин при свечах, прямо на полу, за неимением стола. На кровати были простыни, но подушки отсутствовали. Ванна оказалась сломана, работал только душ, да и то чем слабее была струя, тем теплее текла вода. На окнах — ни ставней, ни занавесок, и я почти до рассвета ворочалась в постели, тщетно пытаюсь заснуть. Газовый фонарь светил мне прямо в лицо: мы были на втором этаже.

Говорят, женщина — лишь отражение, а ее зеркало — мужчина.

Уж не знаю, какое отражение я представляла собой, явившись на следующий день в студию, но мои девочки заохали и заохали

при виде моей помятой, кислой физиономии. Они решили, что я больна или заболеваю, и ни в какую не верили мне, когда я сказала им: «Моя ночь у Жака». Мне всегда претил студенческий, божественный, сомнительный образ жизни, который иные молодые люди и девушки просто обожают. А Жак — он был на два года младше меня — чувствовал себя в походных условиях как рыба в воде. После двух-трех подобных попыток, доказавших мое горячее желание и самым пагубным образом сказавшихся на моей физической и моральной форме, я решила, что с меня хватит.

Это было уж слишком: Маги, моя дублерша и подруга, вместе с Аленом ведет на Поль-Думере жизнь принцессы... Шампанское, поданные горничной деликатесы на ужин, чистое, выглаженное белье, горячая ванна, никаких забот по дому — а я тем временем ишачу целый день на съемках, а потом прихожу, вымотанная, в квартиру, где мне предстоит мыть вчерашнюю посуду, стелить постель, стирать, убирать и разогревать готовые ужины. От пива я опухала, от осточертевших сэндвичей начала полнеть! Не говоря уже о грязном белье Жака — нет вернее средства убить любовь.

Сколько я ни убеждала себя, что ничего такого, если, моя руки, я заодно простирну его майку, носки или трусы, — не находила я в такой жизни романтики, и все тут! Если бы еще не было другой возможности, я бы, наверно, приспособилась, но у меня-то были средства, чтобы жить в свое удовольствие.

Почему же я должна выбрать худший вариант?

Только потому, что мужчина постановил, что он — глава!

Я начала жалеть о Саша.

Чаша моих Весов угрожающе колебалась. Я знала: мне стоит только шелкнуть пальцами, чтобы вернуть Саша. Но с другой стороны, это уже не «моя чашка чаю», как говорят англичане. И вообще, я терпеть не могу подогретый суп, не верю, что можно склеить разбитую чашку, и никогда не пыталась вернуть любовь, если она прошла — никогда в жизни!

А потом — бац! — желтые газетки запестрели заголовками о моем новом романе с героем-любовником, писанным красавцем, и таким, и сяким... Два-три раза нас застучали у входа в дом на Поль-Думере или в его машине, кадры из фильма дополнили картину!.. Саша на фотографии в углу газетной страницы, осунувшийся и постаревший, был в этом треугольнике робким, осмеянным воздыхателем, но он хотя бы сохранил свое достоинство.

Жаку досталась роль соблазнителя, неотразимого любовника!

А я — я была мерзавкой, потаскухой, безжалостной тварью, разбивающей сердца, пожирательницей мужчин, жестокосердной и корыстной шлюхой!

Если бы эти ослы только знали, что я, вместо того, чтобы пре-

даваться разврату и изыскам сладострастия, стираю носки соблазнителя в холодной воде и подметаю грязный пол!..

Это искаженное изображение моего истинного «я», которое всегда швыряли на растерзание толпе, я ненавижу больше всего на свете. Я шлюха не больше и не меньше, чем любая другая женщина, я всегда жила просто, жила «как все, не походя ни на кого», как сказал Кокто. А с меня проецировалось изображение, несоразмерное по фальши, публике показывали только одну сторону медали, пряча другую.

Снова открылся сезон охоты на мою личную жизнь.

И все приемы были дозволены!

Я опять стала дичью среди охотников, не знающих жалости. Каждый мой шаг, каждое движение подстерегали, анализировали, фотографировали с помощью телеобъектива, марали, коверкали и осмеивали журналисты вроде Буvara и Эдгара Шнейдера.

Однажды я встретила у подъезда моего дома папу — он принес мне розу. Это был ритуал: папа выказывал мне свою любовь, регулярно оставляя у консьержки для меня «розовую розу» с коротенькой очаровательной запиской.

В тот день, хоть я и знала, что фотографы, как всегда, караулят в засаде в машинах или прячутся в подъездах дома напротив, я задержалась, чтобы нежно поцеловать папу, поблагодарила его за розу и предложила подняться ко мне, но он отказался, не желая меня беспокоить.

Через несколько дней я получила пренеприятный сюрприз — одна из сделанных в тот день фотографий появилась в какой-то газетке типа «Минют» с подписью примерно следующего содержания: «Она больше не довольствуется тем, что обольщает всех юнцов подряд, — теперь она пробует свои силы на более чем зрелых мужчинах, о чем свидетельствует этот снимок».

Я ощутила холодную ярость и ужасающее чувство собственного бессилия. Что я могла сделать? Дать опровержение, которое появится через неделю, когда все уже об этом забудут — кроме меня, разумеется?

«Вы только подольете масла в огонь», — сказал мне мой адвокат.

Ах, как бы я хотела быть мужчиной, обладать достаточной физической силой, чтобы набить морду этому грязному подонку, этому тупице-журналисту, трусливо скрывшему свое имя!

Помню, когда я была еще совсем девчонкой, лет шестнадцати, один негодяй — его звали Ришар Балдуччи — сострипал грязную статейку о личной жизни актера Жоржа Маршала.

Тот вырезал статью, подстерег Балдуччи у выхода из редакции,

припер его к стене и спросил, что это такое. Самоуверенный нахал ответил: «Хороший материал, очень хороший!» «Ах вот как, хороший? — сказал Маршал. — Раз он такой хороший, ты у меня сейчас съешь свою подтирку». И действительно заставил его съесть газетную вырезку!

Браво, Жорж Маршал, вам повезло, что вы могли ответить мерзавцу унижением на унижение. Но я, уввы, — не Жорж Маршал, и мне не раз случалось проклинать свой слабый пол. Все это чудовищно действовало мне на нервы. Я была все время настороже, чувствовала себя затравленным зверем, не решалась никуда выйти, ездила только в студию и обратно.

Я стала затворницей, пленницей в собственном доме. С какой стати?

Жак понял, как обстоят дела, и больше не просил меня ночевать у него: нас бы просто обложили. Иногда он появлялся у меня среди ночи, поднимаясь по черной лестнице, выходявшей на улицу, параллельную авеню Поль-Думер. На рассвете он уходил тем же путем. Очень удобно!

Нет, поистине, любовь приятна, только когда ее не надо прятать. При всем горячем желании, при самой пылкой страсти, эти ухищрения и хитросплетения постепенно убивают ее.

В довершение всех бед заболела Маги. Острый приступ аппендицита.

В воскресенье я решила навестить ее в клинике — это было недалеко. Я приехала во время обеда и вошла в лифт вместе с какой-то санитаркой, которая несла поднос больному. Мы были одни, а лифт полз страшно медленно. Санитарка уставилась на меня злыми глазами. Я почувствовала смутную тревогу. Мне было страшно!

И вдруг ее прорвало!

«Так это вы, а? Шлюха, гадина, тварь! Вы отнимаете мужчин у нас, бедных женщин! Так бы и изуродовала ваше личико! Так бы глаза и выцарапала!»

Она схватила вилку и кинулась на меня.

Я дико закричала и успела только закрыться руками; вилка вонзилась в рукав моего пальто. Я отбивалась ногами, не рискуя открыть лицо. Я чувствовала, как женщина дышит мне в волосы, она продолжала выкрикивать оскорбления и царапалась свободной рукой — вилка прочно запуталась в петлях вязаного рукава.

Мне казалось, что прошла целая вечность!

Наконец на пятом этаже я выскочила, ни жива ни мертва от страха, и рухнула без сил к ногам какой-то медсестры, а лифт так же медленно пополз дальше, на шестой. Я все рассказала директору клиники, предъявила вилку как вещественное доказательство

и потребовала, чтобы эту санитарку нашли. Я была в ужасном состоянии, кричала, плакала, мне пришлось дать успокоительное.

Женщину, которая набросилась на меня в лифте, так и не разыскали: ее описание не подходило ни к одной из служащих клиники. Что до подноса, в этот час все обеды уже раздали, к тому же на шестом этаже палат с больными не было — только операционные!

Однако эта жуткая история на самом деле произошла со мной в апреле 1959 года, в клинике Пасси, на улице Николо.

Луи Маль в «Частной жизни» сделал эту сцену немного иначе: столкновение происходит в гидравлическом лифте моей многоэтажки, с уборщицей, рано утром. Вилка заменена половой щеткой, но символ агрессии остался.

* * *

Мама и папа были озадачены неожиданным поворотом событий. Они у меня всегда отставали на одного любовника. Считаю, что я все еще с Саша, они узнали о Жаке из газеты, или из болтовни консьержки, или из пересудов друзей.

Нельзя сказать, чтобы эта перемена их огорчила: Саша им никогда особенно не нравился. По мнению мамы, он уж слишком пользовался ситуацией. А Жак, образец юноши из хорошей французской семьи, сразу же покорила их обоих. «Ищи мужа со своей улицы», — всегда говорила мне мама. Она в свое время была в отчаянии от моего брака с Вадимом, считала неподходящей партией Жана-Луи «из простых», вздыхала оттого, что Саша был другого вероисповедания, а вот мою идилию с Жаком одобрила с первого взгляда. Слово «замужество» не сходило у них с языка — но об этом не могло быть и речи!

Однако мое состояние оставляло желать лучшего. Настолько, что в один прекрасный день, 22 апреля 1959 года, Жак поговорил со мной с глазу на глаз, чтобы сообщить следующее: мне нужен ребенок. Он сказал это так серьезно, так многозначительно, так проникновенно!

Ребенок? Да он спятил!

Ничего подобного. Ребенок поможет мне обрести душевное равновесие, станет моей защитой, моей силой, внесет в мою жизнь любовь и нежность, которые мне так необходимы. Когда у меня появится мой малыш, моя жизнь, мое божество, плоть от моей плоти, все остальное покажется мне смешным, глупым и ничтожным. Он, Жак, любит меня безумно, хочет, чтобы я была счастлива, хочет, чтобы я стала его женой и родила ему ребенка. Я плакала, мне так хотелось счастья, так хотелось покоя и равновесия. Я мечтала жить тихо и мирно, «как все». Потому я и держалась за Жака.

Я очень хотела ему поверить. И я поверила!

Он сделал мне ребенка в тот день, со всей любовью, со всей решимостью, на которую способны только пылкая страсть юности и легкомыслие незрелого ума. Когда этот несвоевременный приступ безумия прошел, я опомнилась, высвободилась из его объятий и хотела было ринуться на всех парах в ванную. Но он меня не пустил! Он даже разозлился на меня за такую реакцию. Но я протрезвела, и я не хотела ребенка!

Нет, Боже, только не это!

Я шарахнулась, как черт от ладана. Мысли пронеслись в моей голове со скоростью 100 км в час, от них мутился рассудок. У меня была как раз середина цикла, самые опасные дни. Я ухитрилась вырваться, но Жак оказался проворнее и загородил дверь ванной!

Поздно, я уже ничего не смогу сделать.

С ума сойти... Я сойду с ума или уже сошла.

В моей жизни и без того много сложностей, если мне придется со всем справляться самой, да еще с ребенком на руках — хорошенькое дело! Жак, конечно, очень мил, но не могу сказать, чтобы я умирала от любви к нему, и разве заводят детей с человеком только потому, что он очень мил? Я обреченно покорилась неизбежности, изо всех сил сцепив за спиной скрещенные пальцы, уповая на чудо и стараясь больше об этом не думать — все равно теперь уже ничего не поделаешь, остается только ждать.

Я сказала «ничего не поделаешь»? Считайте, что это шутка.

Съемки «Бабетты» были в разгаре. Мы выехали в Сет на натуру. Еще никогда в жизни я не была такой отчаянной. Чего я только ни вытворяю в этом фильме: езжу верхом, летаю на самолете и прыгаю с парашютом, перемахиваю через стены и падаю ничком там и сям. Я просто изнемогала. Но если я изнемогала, то как же чувствовал себя зародыш, угнездившийся, возможно, в моем животе? Уж я возьму его измором — в этом возрасте они, наверно, не очень-то выносливы.

Жак был со мной исключительно нежен. Погода стояла солнечная, и я любила по вечерам ужинать в знаменитых портовых бистро, где можно полакомиться ракушками, глядя на разноцветные рыбацкие лодочки, похожие на детские игрушки.

Жак повез меня в Монпелье, чтобы представить полковнику и мадам Шарье. Я познакомилась с большой, дружной и очень славной семьей, которая приняла меня довольно сдержанно.

Я была одновременно звездой со скандальной репутацией, молодой женщиной из хорошей семьи и партнершей Жака в «Бабетте». Ни о чем больше на сегодняшний день речи не было.

Вернувшись в Париж, я встревожилась не на шутку.

В сотый раз я изучала мой календарь, считала дни и так, и этак, высматривала малейшие признаки, но ничего не замечала. Теперь, вспоминая, в какой я была панике в те дни, я думаю, что нынешним женщинам безумно повезло: в их распоряжении — все современные противозачаточные средства. Не говоря уже о легальных абортах.

Любовь стала наконец удовольствием!

Это полнейшее самозабвение, когда отдаешься всем своим существом, это абсолютная общность всех ощущений и фантазий, когда, кажется, на двоих одно сердце, одна душа. Это бесконечное мгновение, счастье в чистом виде, ничем не обузданная нежность. И завершение — полное слияние и абсолютная освобожденность. Но тогда все, что могло бы быть так прекрасно, было постоянно отравлено боязнью «залететь». Я только и думала о том, чтобы поскорее добежать до ванной, где холодная вода безжалостно хлестала мое охваченное истомой тело. Как мало в этом было поэзии, да и просто человечности. Зато теперь, когда, благодаря таблеткам, любовь могла бы расцвести в истинной своей красе, оказалось, что отсутствие всякого страха — палка о двух концах. Парочки занимаются любовью просто так, по-приятельски, ложатся в постель на полчаса, между двумя киносеансами. Девушки больше не придают этому никакого значения, чувствуя себя равными мужчинам. Отдать свое тело — все равно что выкурить сигарету. Жаль! В этом тоже нет ни поэзии, ни человечности.

Но вернемся ко мне — что же со мной будет?

Я с ужасом вспоминала о печальном опыте своего последнего аборта. А ведь в июле мне предстояло сниматься в «Хотите танцевать со мной?» Я подписала контракт еще года два назад! Франсис Кон, продюсер «Парижанки», решил сделать с Мишелем Буароном еще один фильм и снова пригласить дуэт Анри Видаль — Брижит Бардо, так полюбившийся публике.

Я совсем потеряла голову.

Почему мысль о ребенке так пугала меня?

Этот вопрос навсегда останется для меня без ответа. Я задавала его себе не раз и не два. Я не чудовище, отнюдь! Я люблю животных именно за их уязвимость, беззащитность, за все, что в них есть детского. Я всегда рада согреть душу и сердце несчастным, одиноким, страдающим. Я беру на свое попечение старых, больных людей, несу за них ответственность. Так в чем же дело? Откуда этот утробный страх перед материнством?

Быть может, оттого, что я сама нуждалась в надежной опоре,

но так и не нашла ее, я не чувствовала себя в силах дать жизнь существу, которое будет всецело зависеть от меня.

В студии, когда я сообщила девочкам, что у меня неделя задержки, началась паника. Бедная Бабетта, в которую я должна была вдохнуть жизнь наперекор всем тревогам! Как бы то ни было, надо заканчивать фильм, такой веселый и очаровательный!

Что ж, попробуем уколы «простигмин-рош», вызывающие сокращения матки при задержках. Делалось это втайне от Жака — он убил бы меня, если бы узнал. Но, несмотря на двойные дозы, от которых у меня скручивало все нутро и я падала в обморок после каждого снятого кадра, ничего не происходило. Я никогда ничего не делаю наполовину, и внутренности мои тоже так легко не сдаются!

Я позвала на помощь Кристину.

Она очень расстроилась, но сказала, что у нее есть знакомый гинеколог, который, возможно, поможет мне. Не зная, на что уповать и какому святому молиться, я поговорила с мамой. Она тоже порекомендовала гинеколога, но только для того, чтобы подтвердить или опровергнуть мои подозрения. Не стоит так портить себе кровь, пока нет полной уверенности, что я действительно беременна. После съемок, тайком от Жака, я бегала по врачам.

Приговор был единогласным!

Я ждала ребенка.

Я не настолько любила Жака, чтобы всерьез думать о браке, о жизни с ним. Но и порывать с ним я ни за что не хотела, слишком боясь остаться одной с ребенком на руках — это был бы беспрецедентный скандал. Жак все еще ничего не знал, и я решила, что испробую все средства, чтобы попытаться прервать беременность, прежде чем скажу ему хоть слово. Я играла для него комедию, притворяясь беззаботной прелестницей, после того как весь день мне приходилось играть комедию перед камерами, и все это время на сердце у меня лежал такой тяжелый камень!

Я побывала у врачей, акушерок и шарлатанов всех мастей. Я предлагала баснословные суммы самым подозрительным лекарям.

Не нашлось никого, ни единого, кто согласился бы пойти на такой риск — сделать аборт «самой Брижит Бардо», ярчайшей звезде в зените славы: страшно подумать, что грозило тому или той, кто имел бы несчастье допустить оплошность.

У Жан-Клода Симона, моего давнего друга, с которым мы когда-то здорово веселились в Севилье, во время съемок фильма «Женщина и паяц» была подруга в Швейцарии, Мерседес, она знала в Женеве одного врача, который сделал бы все в лучшем виде. Но как уехать в Женеву, не возбудив подозрений Жака? В Париже со мной мог произойти несчастный случай... выкидыш

на раннем сроке — не редкость... но в Женеве!.. Я заикнулась Жаку, что Жан-Клод хочет создать вместе со мной кинокомпанию совместно со швейцарцами, и мне нужно срочно выехать туда, чтобы обговорить детали, но Жак пожелал ехать со мной, боясь, что меня надуют. Я поняла, что он больше не отпустит меня от себя ни на шаг!

Пора было Бабеттиной войне закончиться, так как началась моя.

Меня затошнило! От каждой сигареты подкатывало к горлу, от запаха грима мутило, от кухонных паров выворачивало наизнанку.

Жак просто обезумел от радости, узнав мою потрясающую новость.

Своим счастьем он заразил и меня. В конце концов, может быть, он и прав?

Ребенок — это прекрасно!

Я вечно была не в ладу с самой собой, отсюда все мои колебания, боязнь решений, неодолимый страх в момент, когда надо делать выбор. При этом я очень энергична, знаю, чего хочу от жизни, и если требуется рискнуть — не раздумывая рискую! Станный характер, с ним нелегко жить и окружающим, и мне самой. Я так никогда и не нашла надежного плеча, на которое могла бы по-настоящему опереться, меня мотало и бросало в разные стороны, и жизнь моя всегда зависела — зависит и по сей день — от руки, протянутой мне.

А я свою руку готовилась еще раз отдать «на радость и на горе», зная, что это не навсегда. Я отдавала ее от чистого сердца, с печалью обреченности, во имя спасения чести.

Честь — она всего лишь двумя буквами отличается от мерзости*! Честь — это понятие сегодня ничего уже не значит, но в меня его вколачивали все мое детство. Смешное, устаревшее слово, но тогда, в 1959, его еще озаряло закатное сияние — скоро, очень скоро оно исчезнет, испарится, канет в забвение!

Дело чести! Долг чести!

Слово чести! Клянусь честью!

Сколько было всего, чего уж больше нет!

Честь всего лишь двумя буквами отличается и от счастья**, человек, по-моему, носит ее в себе, как веру. Итак, ради сохранения чести семьи я должна была выйти замуж, и как можно скорее! Это было не так-то просто: о любом бракосочетании мэрия должна дать оповещение как минимум за две недели. В таком случае тотчас примчится вся мировая пресса, поднимется немис-

---

* По-французски «honneur» и «honneur».

** «Honneur» и «bonheur».

лимый шум, гам и бедлам. Нет, никакой огласки, полная конфиденциальность!

Родители Жака и мои отчаянно пытались умиловить муниципалитеты Монпелье, Парижа (XVI округа), Сен-Тропеза и Лувесьенна: мы должны были пожениться по месту проживания одного из нас или наших семей!

С помощью многочисленных пожертвований коммуне, на дом престарелых, на какой-то профсоюз, какую-то школу и так далее, папе удалось умаслить мэра Лувесьенна.

Обещания сыпались дождем.

Кап-кап-кап!

Ни в коем случае никому не сообщать.

Ну конечно!

Только родственники, никого больше.

Само собой!

Мы не останемся здесь, приедем только накануне, поженемся быстро, тихо, без торжеств 18 июня 1959.

Разумеется!

В ожидании этого дня мы уехали в Сен-Тропез.

Жить в «Мадраге» я не захотела: не было ни сил, ни мужества заниматься домом, полным воспоминаний о совсем недавнем прошлом, так не похожем на мое настоящее. Мы устроились в рыбацком домике, у папы и мамы.

Между двумя приступами рвоты я видела, как Мижану и Саша Дистель проезжают, нежно обнявшись, в открытой машине Саша прямо под террасой дома; они что-то кричали нам и посылали воздушные поцелуи.

Меня воротило с души во всех смыслах!

Неужели мало мужчин во Франции и Наварре, чтобы надо было закрутить роман с моим последним по счету любовником, будучи моей сестрой?

Вот, между прочим, к вопросу о чести!

Я никогда в жизни не позарилась на любовника или мужа своей подруги или даже приятельницы, тем паче сестры. От этой показухи мне было мутрно.

Жак то и дело ездил в Париж и обратно. Ему предстояло вскоре начать сниматься в фильме Рене Клемана «На ярком солнце» с Аленом Делонем и Мари Лафоре. Красивая история, немного детективная, немного любовная, действие происходит на яхте, где-то между Францией и Италией.

А я в это же время должна была сниматься в «Хотите танцевать со мной?» на студии «Викторина» в Ницце! Ну и профессия у нас, актеров, немного же нам придется бывать вместе! Я плака-

ла одна по вечерам в постели, в красивом и уютном домике, принадлежавшем моей семье. Дада, моя Дада была здесь, как всегда, колдовала над своими кастрюльками, стараясь приготовить мне что-нибудь лакомое. А я могла есть только макароны!

Бабулю, год назад овдовевшую, мама полностью взяла на свое попечение; теперь она с утра до вечера шила или вязала и панически боялась только одного — как бы я не простудилась, не подняла что-нибудь тяжелое, а то, не дай Бог, потеряю ребенка. Благодаря моей глупости, Бабуле скоро предстояло стать прабабушкой, и она была мне за это бесконечно признательна. Чего нельзя было сказать о маме: нелегко вот так сразу состариться, сделавшись бабушкой в 47 лет!

Что до папы, он, как всегда, шел по жизни «с розой в руке» и был очень рад, что появится малыш, которому он сможет читать свои стихи и рассказывать сказки про госпожу Сороку.

Я смотрела в будущее по-картезиански трезвым и холодным взглядом. Квартира на Поль-Думере слишком мала для нас с ребенком! Придется переехать, нанять няню, такую замечательную девушку, которая сможет полностью заменять меня. Где только найти сию редкую птичку?

А фильм? Пока будут идти съемки, меня разнесет, это станет заметно, как же быть? Какого выбрать врача, когда наступит время рожать? И где я буду рожать, при том, что вся мировая пресса следует за мной по пятам?

И главное, главное — моя жизнь только начинается, я не хочу быть пленницей ребенка и мужа, которого я недостаточно люблю! Какой же мужчина возьмет меня потом с ребенком на руках? Я не успела еще выйти замуж, а уже думала о другой жизни с другим мужчиной...

Тем временем Жак в Париже записал очень миленькую пластинку на 45 оборотов, четыре чудесные песни о любви, которые он от всего сердца посвятил мне. Решительно, стоило мужчине сойтись со мной, как он начинал петь, это становилось прискорбной привычкой. Мурлыканье глупостей под музыку — не лучший способ материально обеспечить появление на свет младенца. Снова мне одной придется взять на себя все бытовые проблемы, связанные с этим нежеланным событием. Да чем же я прогневила Господа, чем заслужила такое наказание? Я вела сказочную жизнь, заставляла страдать мужчин, делала, что хотела, не считаясь с обществом.

Теперь я расплачивалась по счетам — и каким счетам!!!

Из окна моей комнаты на втором этаже нашего домика, прячась за приоткрытыми ставнями, я высматривала фоторепортеров, зная, что они прячутся вдоль всей улицы Милосердия, представлявшей собой извилистый переулок. Они поджидали меня,

притаившись за машиной, за дверью гаража, за углом, за стеной, даже на крыше домика напротив они лежали на желобчатой черепице, скрытые ветвями бугенвиллии. Все телеобъективы, похожие на готовые к бою базуки, целились в меня, чтобы малейшее мое движение было растиражировано на первых полосах газет всего мира.

Я не решалась выйти из дома.

Я впадала в депрессию!

Погода стояла прекрасная, мне хотелось искупаться, побегать на солнышке и вообще насладиться всем, чем этот дивный и еще не изгаженный курорт мог меня порадовать, — а мне приходилось в мои 24 года сидеть в четырех стенах за закрытыми ставнями и считать по пальцам часы в обществе бабушки, Дада и мамы.

Но тропезианцы — настоящие — потрясающий народ!

Узнав от мамы, что я пребываю в заточении из-за фотографов, они погнали их взащей из поселка; доблестный поход возглавили Феликс-Портовый, Феликс-с-Таити, Франсуа из «Эскинада», Габи, с которым познакомил меня Жики, каменщик Огюстен, соседка-прачка Маргарита, молочница, торговец рыбой, Марсель-рыбак и другие. Ну просто Вифлеем, вставший на защиту младенца Иисуса в яслях.

Спасибо им от всего сердца!

Они так славно поработали, что я смогла наконец жить почти нормальной жизнью до 17 июня, когда мы все отправились в Лувесьенн — маленькими группками, чтобы не привлекать внимания.

XIV

«Я замуж выхожу, сегодня мой девичник, ах, как я вся дрожу...» — так поется в одной песенке!

Дом в Лувесьенне напоминал большой притихший улей. Мы разговаривали вполголоса, боясь, как бы нас не услышали с улицы. Родители Жака и мои, а также Бабуля, Дада, Мижану, Ален, Клоун и Гуапа — все были в сборе.

Рано утром папа отправился в мэрию узнать, все ли в порядке. Бедняга: ничего не подозревая, он наткнулся на две сотни фоторепортеров и журналистов со всего света! Папа вернулся белый как полотно и убитым голосом сообщил нам новость. Паршивец мэр за солидное вознаграждение согласился не давать оповещения, а потом продал, должно быть, на вес золота, информацию, которую, кроме близких, знал он один.

Нас поставили перед свершившимся фактом.

Или мы не женимся...

Или мы женимся, но в каких условиях...

Между двумя пробежками в ванную комнату я лихорадочно размышляла. Мне было муторно в прямом и переносном смысле этого слова. Поистине, мир полон мрази! Мама увела меня в свою комнату:

— Брижит, что ты решила? Ты в силах выдержать весь этот шабаш?

— Нет, мама. Я отсюда не выйду, пусть меня оставят в покое, я больше не могу.

Мама как мой официальный представитель передала это всем.

Жак поднялся ко мне, взвинченный донельзя. Я лежала на маминой кровати.

— Неужели ты не можешь не капризничать хотя бы в день твоей свадьбы? Мои родители здесь, я здесь, все тебя ждут, ты должна выйти, я люблю тебя, люблю...

— Я делаю то, что я хочу. А я не хочу — и точка!

— Брижит, научись наконец владеть собой, ты повинешься только инстинктам, стань же взрослой, будь мужественной, пора уже знать, чего тебе хочется!

— Чего мне хочется?..

Скок! — я скрылась в ванной. Согнувшись над раковиной, я размышляла. Если я не выйду замуж сегодня, то не выйду за Жака уже никогда, то есть стану матерью-одиночкой. А хотела я опоры, мне был нужен мужчина, муж, а не ребенок, которого придется растить совсем одной... Я была на втором месяце, если не удалось сделать аборт на первом, то теперь и речи быть не может, значит?..

Значит, отступать некуда! Вперед!

Бедный папа — он-то собирался вести меня под руку к господину мэру. Такой потасовки свет еще не видывал! Нам пришлось работать кулаками и ногами, пробивая себе дорогу сквозь толпу фоторепортеров.

Они влезли на столы, заполонили зал, опрокинули стулья и кресла для новобрачных. Я плакала, уткнувшись в плечо Жака, который понял — увы, слишком поздно! — свою ошибку. Когда снимки появились в газетах, подписи гласили, что я прижала его к своей груди, произнося традиционное «да», и лишилась чувств от волнения.

При поддержке полковника Шарье папа припомнил свой командный голос капитана 155 альпийского пехотного полка. Они заявили, что, если все фотографии не очистят без промедления зал бракосочетаний — никакой церемонии не будет; что здесь не цирк и не ярмарочное гулянье, что мы собрались для того, чтобы заключить брак, и имеем право требовать, чтобы это исключительно важное для всех нас событие свершилось, как и полагается

в таких случаях, в спокойной обстановке и при надлежащем уважении.

Спешно прибывшие жандармы помогли им затолкать репортеров в соседнее помещение, но, когда хотели закрыть двери, мэр напомнил, что бракосочетание — событие публичное и брак, заключенный «при закрытых дверях», будет считаться недействительным и незаконным. Жандармы пришли на выручку, закрыв все выходы живым барьером, чтобы не дать фотографам снова броситься на нас. Вот в такой кошмарной, накаленной до предела обстановке, перед измученными и напуганными родителями, под непрерывными вспышками фотоаппаратов нас с Жаком объявили мужем и женой. Слезы застилали мне глаза, Жак весь позеленел — а ведь мы были самой обыкновенной молодой красивой парой, мы хотели немногого — всего лишь спокойствия, единения и доброжелательности. Но нам было в этом отказано.

Я надела в тот день миткалевое платье в бело-розовую клеточку, сшитое в «Реале». Именно оно дало толчок разнузданной моде. А я, между прочим, выбрала это платье за его простоту и нежную расцветку. Сама того не желая, 18 июня 1959 года я ввела в моду миткаль в клетку, длинные светлые волосы и мягкие туфельки без каблучков.

Наша маленькая усадьба в Лувесьенне, где мама приготовила обед на свежем воздухе, чтобы отпраздновать свадьбу, превратилась в филиал ООН. Представители всех стран, вооруженные фотоаппаратами, устроили настоящую осаду. Они карабкались на окна, сидели верхом на воротах, стояли на крышах своих легковушек и грузовиков. Папа висел на телефоне, призывая на помощь полицию, а я тем временем висела на цепочке унитаза, меня выворачивало наизнанку, я извергала наружу свое нутро, сердце, душу, жизнь.

Надолго мне запомнится день моей свадьбы! Нет уж, лучше тысячу раз остаться старой девой, одинокой женщиной, матерью-одиночкой, одиночкой, мать вашу...

* * *

Наше свадебное путешествие началось с того, что мы бегом, чтобы оторваться от фоторепортеров на перроне Лионского вокзала, отправились назад в Сен-Рафаэль.

Мне пришлось покинуть славный домик моих родителей и укрыться в «Мадраге». Но и там было одно дерево, особенно удобное в качестве насеста для фотографов — мы окрестили его «мудакским деревом»! Жак, я, Ален и собаки — какой покой после всех «скубиду» прошлого лета. Но дом, окруженный со всех сторон телеобъективами, был холодным, нежилым и чужим.

Жан-Клод Симон — в то время он еще был моим другом —

посоветовал мне завести сторожевую собаку, настоящую, предназначенную исключительно для охраны.

Он был, конечно, прав; больше того, он знал подходящего злющего пса в Сен-Рафаэле и обещал, что завтра же мне его доставят.

Я была на вилле одна, когда хозяин питомника привез мне Капи.

Мое приобретение оказалось помесью волка с шакалом: пес показывал зубы, а глаза у него горели угрожающим желтым огнем. Моя любовь к собакам всем известна, но тут у меня душа ушла в попку, как говаривал Бум! Пока хозяин был здесь, я расточала «миленьких, маленьких Капи», пару раз решила погладить пса по голове и проворно одергивала руку, а на свои «ах, какой он славный!» получала в ответ «р-р-р-руа-а-а!», грозный оскал и желтое пламя в глазах! Я решила взять в свои руки ситуацию, а заодно и поводок Капи, который непрестанно обнюхивал старые метки Клоуна и Гуапы (они, к счастью, были на прогулке с Аленом).

Держать при себе хозяина питомника вечно я не могла, рискуя навлечь на себя справедливый гнев моего мужа. Настал момент, когда мне пришлось поблагодарить его и остаться наедине с «моим» псом. Я спустила его с поводка, чтобы он без помех ознакомился со «своей» территорией. После этого, спокойно направившись к комнатам для гостей — они у меня выходят прямо к морю и совершенно изолированы от остальной части дома, — я услышала леденящее кровь рычание. Капи бежал за мной — вот-вот бросится, клыки оскалены, глаза полыхают жутким желтым пламенем!

Я задала стрекача и едва успела запереться в первой же комнате: оскаленная морда «моего Капи» уже тыкалась в стеклянную дверь. Вот так попала в собственную ловушку. Я нашептывала псу нежности, которых хватило бы, чтоб ввести во грех всех мужчин от сотворения мира, но все было тщетно — «мой Капи» и не думал идти на мировую, доказывая мне, что он и в самом деле грозный страж, которого на ласковые слова не купишь. А клыки у этого зверюги были огромные.

Я смертельно боялась, и он это чувствовал!

Потом я узнала, что ни в коем случае нельзя показывать животным свой страх: они все понимают и пользуются вашей слабостью. Надо искать взаимопонимания на равных или показать, что вы сильнее, поставить себя хозяином, чтобы вас сразу уважали.

Но в тот момент я была в безвыходном положении — одна, в изолированной комнате, даже без телефона, во власти чересчур

ретивого сторожа, за которого я заплатила небольшое состояние и который меня первую изловил.

Освободил меня Жан-Клод Симон.

Он зашел в «Мадраг» — он вообще был здесь частым гостем, — дал псу хорошего пинка в зад, и тот убежал, поджав хвост. За свою долгую жизнь Капи перекусал всех моих друзей, включая и министра связи: когда тот однажды любезно нанес мне визит, мне же пришлось мазать ему ляжку меркурохромом!

Зато мой пес не раз и не два великодушно позволял ворам обчистить виллу «Мадраг». Вероятно, Капи был воспитан в духе социализма и полагал, что каждый имеет право на свою долю пирога.

Пока я изображала из себя укротительницу, небывалый газетный циклон обрушился на весь мир. Моя свадьба с Жаком красовалась на первых полосах мировой прессы. А поскольку не бывает дыма без огня, то кое-кто уже намекал на ожидающееся счастливое событие. Этого было достаточно, чтобы всполошить создателей моего будущего фильма.

Франсис Кон, продюсер, позвонил мне с поздравлениями, а под конец осторожно поинтересовался, все ли у меня в порядке и не изменились ли мои планы. Мишель Буарон, режиссер, тоже поздравил меня и добавил что-то вроде «надеюсь, ты не собираешься обзавестись младенцем, ты еще так молода, так красива, любима публикой, знаменита!».

Я, разумеется, ответила «нет», я отрицала, возмущалась, находя все эти прозрачные намеки неуместными, однако сердце у меня было не на месте.

Ольга, единственная, если не считать моих девочек, посвященная в тайну, кусала локти от досады. Было, конечно, некорректно лгать людям в глаза вопреки очевидности, которая будет все очевиднее с каждым днем. Я рассматривала в зеркале свой еще плоский и гладкий живот, как смотрят в последний раз на дорогого человека, перед тем как опустить крышку гроба.

А потом вмешалась еще и страховая компания.

На обязательном перед каждым съемками медицинском осмотре мы, помимо всестороннего обследования, были обязаны, положила руку на сердце, письменно ответить на ряд вопросов и подписаться. Женщин, в частности, спрашивали: «Беременны ли вы в настоящий момент?» и «Когда были последние месячные?» Как назло, этот осмотр я проходила не в Париже, у моего доброго доктора Гийома, а в Ницце, у незнакомого и ужасно недоверчивого врача, который так и сверлил меня глазами поверх очков. Когда я ответила «нет» на первый вопрос, «две недели назад» на второй и подписалась, этот проклятый лекарь потребовал, чтобы

я сделала пипи в баночку для анализа «на крольчиху» — это-де самый надежный тест на беременность.

Я попалась!

Но я не могу сделать пипи, мне совсем не хочется! Он хотел обследовать меня зондом... я завопила, как резаная, что пришла на обычный общий осмотр и не желаю, чтобы во мне ковырялись. С какой стати?! Я и так прекрасно знаю, что не беременна! Но отвязаться от него не удалось: он велел мне сделать анализ в лаборатории Сен-Троpez и срочно выслать ему результат, иначе — никакой страховки и никакого фильма!

До чего же сложная штука жизнь!

Становилось сушим мучением скрывать эту беременность. Между прочим... напоминает «бремя».

Ладно, не будем об этом.

Вернулся Жак. Выглядел он неважно.

Мы оспаривали друг у друга право блевать с утра пораньше, просыпаясь.

Ну-ка, я — бе-е! А теперь ты — бе-е-е! Какой дуэт!

Случалось, что мы совпадали и вместе бросались очертя голову вон из спальни; кто успевал первым, у того было право выбора: унитаз или раковина. Это было очаровательно!

У мужчины, когда он ждет ребенка, обычно не бывает подобных симптомов. Он что-то от меня скрывал или сам еще не знал, что чем-то болен!

Когда я почувствовала себя лучше, Танина Отре, художница по костюмам, стала примерять мне платья, в которых я должна была сниматься в «Хотите танцевать со мной?». Прелестные миткалевые платья, зеленые с белым, сшитые в «Реале», были сильно обужены в талии или же завлекательно облегали фигуру. Я просила портниху не слишком утягивать меня, оставить «слабину», говорила, что в августе будет очень жарко, а мне нужно чувствовать себя свободно. Еще я велела пришить по два ряда крючков на талии, а на примерках как могла надувала живот.

Будто мало было мне всех этих проблем, со студии позвонили и потребовали мой анализ. Ах ты! Я и забыла про пипи!

Да что они себе думают? Что я вот так запросто отдам мое пипи невесть кому? Невесть для чего? Да сколько можно талдычить про это пипи, заколебали уже! Тогда мне позвонила мама Ольга и очень серьезно, очень официально заявила: или я сделаю пипи в баночку, или фильма не будет. Она знала заранее результат этого треклятого теста, но хотела быть честной до конца, предпочитая потонуть вместе с кораблем — то есть, в данном случае, со мной.

А наш кораблик мал, да удал, по морям, по волнам он плывет назло штормам!

Я пошла к Дада, которая любила меня, как родную дочку.

— Дада, ты можешь кое-что для меня сделать?..

— Конеш-ш-шно, Бриззи, все, что хош-ш-шешь, сокр-ррр-ро-вище мое.

— Дада, сделай пипи в чистую баночку из-под варенья и дай ее мне.

— ???

— Дада, пожалуйста, ни о чем не спрашивай, это очень важно.

И я отнесла в лабораторию пипи моей Дада, наклеив на банку ярлычок «Брижит Бардо». Я поинтересовалась, что же это за анализ и при чем тут крольчиха. Мне объяснили, что крольчихе вводят мочу: если ее яичники воспаляются — значит, женщина ждет ребенка, если же нет — результат отрицательный.

Итак, к дорогой цене, которую я платила, прибавилась еще и крольчиха. Я попросила, чтобы бедняжку, в порядке исключения, зашили после операции и отдали мне. На меня вытарасили глаза, но я была в своем праве. Я не могла допустить, чтобы погибло несчастное животное ради какого-то идиотского липового теста, никому не нужного, кроме садистов из страховой компании.

Назавтра, с отрицательным результатом в левой руке и крольчихой в правой, я вернулась в «Мадраг» очень гордая собой.

В тот же день Жака увезли на «скорой» с острым приступом аппендицита.

После операции я поселилась при нем в клинике.

Мы провели неделю нашего медового месяца в больничной палате, тоскуя о гондолах Венеции и кокосовых пальмах Багамских островов. Это были последние дни нашей совместной жизни. Выздоровев, Жак должен был сразу же уехать на съемки «На ярком солнце» с Рене Клеманом и Аленом Делоном. А мне предстояло отправиться в Ниццу и приняться, пока я еще в силах, за «Хотите танцевать со мной?».

Мне казалось, что я не переживу разлуки.

Я останусь одна с моей тайной ношей, с грузом ответственности за очень важный для меня фильм, с сознанием своей ущербности и физической слабости, а мой муж будет где-то далеко, на яхте, недосыгаемый даже по телефону — от этой мысли я плакала с утра до вечера и с вечера до утра. Жак, понимая мою проблему, переживал подлинную нравственную трагедию. Глубоко тронутый моим искренним смятением, он решил, сославшись на свою болезнь, расторгнуть контракт.

Это была огромная жертва.

Ради того чтобы быть со мной, он отказался от потрясающей роли — Морис Роне, сыграв ее, стал звездой. Жак пожертвовал для меня признанием, которое так необходимо всякому актеру.

Препоручив «Мадраг» и Капи заботам четы итальянцев-садовников Анджело и Анны, которые приходили каждый день на несколько часов, мы — Ален, Жак, Клоун, Гуапа и я — отправились в Кань-сюр-Мер, где в горах для меня на время съемок был арендован красивый старый дом, принадлежавший одному антиквару.

Мне всегда было безумно трудно привыкнуть к незнакомой обстановке, особенно если, не успев освоиться, я застаю на новом месте «комитет по встрече», неизбежный для всякой звезды мировой величины, официально приезжающей на съемки. Франсис Кон, мама Ольга, Мишель Буарон, Дедетта, моя гримерша, Маги, моя дублерша, Анна, моя нищкая костюмерша (парижскую, Лоранс, не взяли, так как пришлось бы платить компенсацию), Танина Отре, художница по костюмам, антиквар и его дружки... Они заполнили дом, который должен был быть моим, а походил больше на киностудию. Площадь перед домом была черна от толпы. Художник фильма, Жан Андре, мой старый приятель, предусмотрительно поставил загородки, но люди проделали дыры и бесстыдно разглядывали все, что происходило «у меня». Я уж не говорю о неизбежных «папарацци», которые, взгромоздясь на деревья, щелкали наперебой.

Франсис, очень славный человек, которого все с моей легкой руки звали Фран-Фран (такая у меня причуда — удваивать первый слог имен всех моих друзей), постарался устроить мне самый теплый прием. Шампанское, лососина, икра, экзотические фрукты... все полакомились, кроме меня — меня по-прежнему мутило.

В тот же день я узнала, что мой секрет был секретом полишинеля. Вся съемочная группа уже знала о моем «бремени», и Франсис был мне бесконечно благодарен за то, что я скрыла этот факт от страховой компании, дав ему возможность снять фильм или, по крайней мере, начать его.

Я, как известно, недавно вышла замуж и вполне могла забеременеть в ходе съемок — в этом случае страховой компании возразить было нечего. Главное — чтобы в начале все было законно.

Уф! У меня появились союзники!

Мама Ольга говорила, что я сумасшедшая, но отважная. Глаза у нее были на мокром месте, когда она прижимала меня к груди, выражая надежду, что все пройдет хорошо. Она сообщила, что проведет со мной несколько дней, чтобы помочь мне освоиться и в случае чего поддержать. У Жака, когда он это услышал, судо-

рожно сжались челюсти. Он не любил ее, находил навязчивой и считал, что его присутствия мне было бы вполне достаточно.

Мне надоели все эти зануды, и я отправилась в одиночку обследовать дом — очень милый, только битком набитый.

Случайно забредя на кухню, я столкнулась нос к носу с какой-то женщиной, которая улыбнулась мне и сказала, что зовут ее Муся, а здесь она для того, чтобы побаловать меня и помочь вести дом. Наконец-то я почувствовала, что встретила человека настоящего, простого, умного, доброго и бескорыстного. Я усе-лась рядом с женщиной, и мне сразу стало хорошо.

В сущности, я могла быть самой собой только с людьми, кото-рые делали вид, будто не знают, кто я такая. Завязался разговор, я отдыхала душой, и время шло незаметно. Пахло супом, прован-сальскими травками, свеженатертым полом — это все были запа-хи Муси.

* * *

Я слишком поздно поняла, какую чудовищную совершила ошибку, не дав Жаку уехать на съемки «На ярком солнце», поме-шав ему жить своей жизнью актера, жизнью мужчины, лишив его возможности чувствовать себя на равных со мной.

Напряженность между ним и мамой Ольгой все усиливалась. Мы с ним не были больше близки — ни в каком смысле. Мой день был заполнен: Алэн, почта, счета, заказы, Муся, меню, по-купки, обеды и ужины, телефон, хозяйство и мама Ольга, проек-ты, сценарий, поправки в диалогах и т.д. Мы с Жаком оставались вдвоем только поздно вечером, когда я с ног валилась от усталос-ти, а он, сильный молодой мужчина в отличной форме, надеялся наконец хоть что-то получить от женщины, которая засыпала, вместо того чтобы отвечать на его вполне естественные желания!

Что-то у нас не клеилось!

Это было невыносимо. Я не могла стать «отдыхом воина» за-долго до того, как сыграла эту роль, не могла изображать безум-ную страсть, когда мне хотелось только принять горячую ванну и уснуть.

И потом, обжегшись на молоке, будешь дуть и на воду. Пусть мне нечего было бояться, но я шарахалась от всего, что хоть мало-мальски напоминало мужское достояние, оно внушало мне только ужас, ужас, ужас!

Какое это было мучение!

Жак сходил с ума, и я его понимала, но можно было понять и меня! Мы с ним говорили на разных языках. Мы постепенно ста-новились врагами, я от него устала, избегала его, чувствуя себя в безопасности лишь в присутствии третьего лица.

Накануне первого съемочного дня, 14 июля, мы все — Ольга,

Ален, Муся, Жак и я — собрались на террасе и любовались великолепным фейерверком, озарившим разноцветными огнями Бухту Ангелов.

Мы пили шампанское, пахло Провансом, было тепло, пели цикады, Клоун и Гуапа, напуганные шумом и треском, забились под шезлонги. Было так чудесно, и я чувствовала себя почти хорошо, несмотря на волнение, которое всегда предшествует началу съемок.

Именно этот час почти полного блаженства выбрала мама Ольга, чтобы сообщить мне новость: Рауль Леви и Анри-Жорж Клузо предлагают мне с мая 1960 года сниматься в фильме «Истина». Это будет потрясающая картина, а трагедийная роль сделает из меня признанную актрису, станет венцом моей карьеры.

Я почувствовала, как Жак весь сжался!

Ольга все перечисляла, как много может дать мне такой фильм. В небе полыхало зарево, разноцветные искры падали и гасли в ночи. Я молчала, чувствуя, что неотвратимо надвигающаяся гроза вот-вот разразится. А между тем мне хотелось броситься Ольге на шею, сказать ей, как я счастлива, что мне сделано подобное предложение, хотелось пуститься в пляс, расцеловать всех подряд, хотелось смеяться. Меня переполняла гордость: такие люди, как Клузо и Леви, оказывали мне доверие.

Жак вскочил.

Лицо его было непроницаемо, кулаки сжаты. Он принялся ходить взад и вперед; его силуэт маячил на пламенеющем фоне фейерверка, как китайская тень. Вдруг он круто повернулся к Ольге:

— Могли бы, между прочим, поинтересоваться моим мнением... или я вообще не в счет в ваших играх, я, ее муж! Отныне я решаю, будет моя жена сниматься или не будет! А я не желаю, чтобы она снималась, скоро ей придется заниматься ребенком. Этот фильм — последний, в котором я разрешаю ей сняться, и то потому, что она подписала контракт еще до того, как я вошел в ее жизнь!

Я остолбенела. У нас сейчас не бальзаковские времена!

Да как у этого паршивца, который к тому же еще и живет за мой счет, язык повернулся сказать такое моему импресарио при моем секретаре, моей горничной и при мне самой! Ну нет, этого я не потерплю.

От ярости я не могла вымолвить ни слова, только чувствовала, как во мне поднимается жар и волна нечеловеческой силы захлестывает меня. Я готова была убить этого супермена на сцене, который посмел так нагло сунуть свой нос в мои дела, не имеющие к нему никакого отношения. Ольга, однако, сумела сохранить спокойствие, по крайней мере внешне. Она не понимает,

сказала она, с какой стати он позволяет себе вмешиваться в деловой разговор, который касается только ее и меня.

Услышав это, Жак кинулся на нее, схватил за горло и заорал:

— Я ее муж, старая сводня, теперь я решаю, а я говорю нет, нет и нет, никогда, хватит этой курочке нести для вас золотые яички, конечно, конечно, конечно!

Ален уже разнимал их, умоляя Жака успокоиться, а Муся взяла меня за руку, чувствуя, что я вот-вот кинусь в драку.

Я действительно вскочила, словно подброшенная пружиной, и вцепилась Жаку пару великолепных пощечин — они были достойны лучших кадров мирового кино. То, что началось потом, не поддастся описанию. Это был выплеск ярости, слишком долго копившейся и в нем, и во мне, бурное выяснение отношений, неуправляемая стихия; то, что мы делали, что кричали друг другу, не укладывалось ни в какие рамки дозволенного. Мы боролись не на жизнь, а на смерть, нам двоим было тесно в этом доме, на этой земле, один из нас должен был уйти навсегда. Я ненавидела его, ненавидела себя за то, что вышла за него замуж, что ношу от него ребенка, я хотела умереть, слохнуть, сгинуть, а его оставить на всю жизнь калекой, импотентом. Я изо всех сил была его коленом между ног, я наказывала то, что сильнее всего меня унизило.

Ольга, Ален и Муся общими усилиями и с большим трудом растащили нас.

Я лежала на полу с распухшим лицом и адской болью в низу живота. Может быть, у меня будет выкидыш! Ольга позвонила маме и сказала, чтобы она приезжала немедленно, что мне очень плохо и что я вышла замуж за буйного психа.

Жак убрался — и слава Богу!

Срочно вызвали врача, он сделал мне какие-то противоспазматические уколы. А мне так хотелось, чтобы случился выкидыш! Но я была до того измучена, обессилена, растеряна, растерзана, что безропотно покорилась тем, кто занялся мною после этого незабываемого кошмара. Разумеется, о съемках назавтра не могло быть и речи.

Недурное начало!

С первого же дня у съемочной группы были сплошные проблемы, и все из-за меня. Но разве это моя вина? О, нет!

Сразу же приехала мама. Теперь со мной были обе мои мамы. Они окружили меня любовью и заботой, Ален и Муся неусыпно присматривали за мной, Клоун и Гуапа ластились ко мне, и благодаря всему этому я довольно быстро поправилась.

Снималась я, как будто глотала лекарство, необходимое, чтобы выжить. Я думала о Жаке. Несмотря ни на что я чувствовала свою зависимость от него: он был отцом ребенка, кото-

рый спал — и наверняка видел кошмарные сны — у меня в животе.

Жак был мне нужен!

Куда он уехал? Он не давал о себе знать.

Мои мамы советовали мне развестись как можно скорее — они помогут мне растить ребенка, а я, по крайней мере, буду хозяйкой своей жизни, своих поступков, своего будущего. А не то я превращусь со временем в подобие матери Жака, зачуханную домохозяйку с пятью или шестью детишками на руках, покорную рабу большой семьи, главой которой будет он! От этой картинки к горлу снова подкатила тошнота, которой я так боялась, хотя в последнее время она мучила меня все реже.

Они были правы! Но тогда зачем я выходила замуж?

Зачем? Зачем? Зачем вообще все?

Однажды вечером Жак позвонил. Он был в Париже, пытался возобновить свой контракт, но слишком поздно. Морис Роне уже снимался. У Жака был грустный голос: он в отчаянии, он совсем потерял голову, он любит меня, он так несчастлив! Я чувствовала то же самое. Мы снова хотели быть вместе. Узнав об этом, мама и Ольга чуть не упали в обморок. Они ни минуты не останутся в этом доме, если вернется Жак! Они не меняют свои мнения, как перчатки, и если у меня семь пятниц на неделе, то на них я могу больше не рассчитывать. Я сама делаю себя несчастной. Мне нравится устраивать драмы и создавать сложности, и так далее, весь набор аргументов оскорбленных в лучших чувствах матерей.

Жак вернулся, обе мамы уехали.

Я была счастлива. Он тоже. В доме стало весело, собаки заливались радостным лаем, съемки шли прекрасно. Все было лучше некуда в этом лучшем из возможных миров!

Я получила приятное письмецо от Бернадетты Жером, моей юной протеже, которую я уже довольно долго опекала. Она сообщила, что выходит замуж. Самым большим счастьем для нее было бы, разумеется, видеть меня на свадьбе.

А самым большим горем было то, что у нее не хватало средств, чтобы купить настоящее белое свадебное платье, о котором мечтает каждая девушка. Я позвонила в фирму товаров для новобрачных «Пронуптиа» в Гренобле, где жила Бернадетта, заказала платье ее мечты и подарила его ей на счастье!

Все дни напролет я танцевала. В объятиях Дарио Морено раз за разом отплясывала румбу — «Тибидибиди-пой-пой!» Порхала в руках Филиппа Нико под неистовый рок-н-ролл. Обольщала Анри Видаля, зазывно покачивая бедрами в ритме супер-эротического блюза.

Танцы до упаду!

Мой четвертый месяц становился заметным. Плоский животик слегка округлился, но самым красноречивым свидетельством были мои груди. Каждые три дня костюмерше приходилось покупать мне бюстгальтер на номер больше. Я походила на подушку, перетянутую посередине! На меня надевали корсет, чтобы талия оставалась тонкой. Но от этого жировые валики расходились кверху и книзу!

Я уже начала бояться, что произведу на свет уродца с деформированной головой или с увечьями от моих прыжков, скачков и пируэтов.

* * *

Жена Франсиса Лопеса, Сильвия, 25 лет, красивая до упоминания, играла роль этакой Маты Хари, любовницы моего мужа, Анри Видаля. Я смотрела на нее, немного завидуя ее красоте, фигуре, походке. С такой соперницей мне придется нелегко. Но выглядела она хрупкой и не совсем здоровой. На правом запястье у нее была незаживающая гноящаяся рана. Эту язву, которая причиняла ей ужасную боль, приходилось скрывать широкими золотыми и серебряными браслетами. Поползли жуткие слухи о лейкемии...

Однажды ко мне на студию неожиданно явились Рауль Леви и Клузо! Слава Богу, Жака как раз не было! Клузо собирался провести август в «Золотом Голубе», в Сен-Поль-де-Ванс, и хотел поближе со мной познакомиться. Рауль был, как всегда, неприжженный, красивый, уверенный в себе и в своих планах. «Истина» будет их шедевром, а я — ее героиней, вот и все!

Клузо, которого я никогда раньше не видела, произвел на меня странное впечатление. В этом маленьком сухощавом человечке отталкивающей наружности была какая-то волнующая чертовщинка.

Что я беременна и что Жак категорически против моего участия в фильме, им было абсолютно безразлично. Их интересовало только мое, лично мое мнение — и точка! Они оставили мне краткое изложение сценария и сказали, что заедут за ответом через несколько дней. То, что оказалось у меня в руках, было настоящей бомбой. А для меня — возможностью хоть раз в жизни проявить себя настоящей актрисой, способной играть в диапазоне от легкой комедии до глубокой трагедии.

Драма разразилась, когда Жак застал меня за чтением этого наброска «Истины». Он сказал, что запрещает мне раз и навсегда даже думать о съемках в подобном фильме, что этой ролью я опозорю себя перед ним, его семьей, нашим будущим ребенком, что

мое падение разрушит все, в чем он видит залог нашей счастливой совместной жизни.

Я не переношу приказов, особенно лишенных смысла; у меня сразу возникает желание побороть то, что я называю идиотизмом в чистом виде. Я — взрослый, независимый человек, я отвечаю за себя и за тех, кто со мной связан, я вправе принимать решения сама, без давления с чьей-либо стороны. От диктаторских замашек Жака я стервенела.

Я решила не обращать на него внимания!

Это было хуже всего.

Жак разорвал сценарий, приказал Алену не подзывать меня к телефону, если позвонят Леви или Клузо. Он запер меня в моей комнате — чтобы дать мне время одуматься. Окна выходили на крутой склон очень глубокой ложбины. Нечего и пытаться выпрыгнуть в окно — надо быть самоубийцей. Эта мысль манила меня как выход из кошмара: будто бы я проснусь где-то в другом месте. Внезапно навалилась страшная усталость. Что я делаю, зачем так отчаянно борюсь с жизнью, с Жаком, с самой собой, со своим положением замужней беременной женщины, со своим безнадежным одиночеством, с этим фильмом — рискованной затеей, которая скорее всего принесет мне только новые проблемы?

У меня началась истерика!

Я выла, колотила себя кулаками по животу, бросалась на мебель — пусть я покалечусь, зато убью наконец растущее во мне существо, которое слишком дорого мне достается.

В ящике моего ночного столика лежали таблетки гарденала. Доктор дал мне их на случай бессонницы или нервного перенапряжения после чересчур утомительных дней. Я приняла всю упаковку. Понимала ли я тогда, что делаю? Я хотела освободиться — во всех смыслах этого слова, — хотела и не могла, будучи пленницей моего слишком известного имени и собственнической натуры Жака, пленницей моего тела, моего лица, моего ребенка.

Если б меня не вырвало, я бы, наверное, умерла. Неделю я была между жизнью и смертью, почти не приходила в сознание. Меня мучили почечные колики, так как из-за большой дозы снотворного отказали почки — таков был печальный результат моего безрассудного поступка.

Съемки прекратились, журналисты не дремали, скандала удалось избежать только благодаря находчивости продюсера: он объявил, что я вывихнула ногу, чересчур увлекшись акробатическими танцами.

Жак снова куда-то исчез. Дебетта, Ален и Муся дни и ночи просиживали у моей постели. Приехала Ольга. Добрый доктор

Гийом явился осмотреть меня по поручению страховой компании. Я так хотела уйти навсегда — а вместо этого снова оказалась в центре всеобщего внимания. Возможно, некоторые из вас, читая эти строки, пожмут плечами и сочтут меня легкомысленной, трусливой, избалованной дурой. Но, может быть, другие, более тонко чувствующие, поймут все мое тогдашнее смятение и не осудят меня.

Работа над фильмом тем временем с грехом пополам продолжалась; снимали сцены с Сильвией Лопес, которая тоже чувствовала себя скверно. Я выкарабкалась, но была еще очень слаба.

Мама ежедневно справлялась обо мне, но приехать ухаживать за мной не рискнула, боясь столкнуться нос к носу с Жаком, которого она люто возненавидела. Ольга привела в порядок мои дела, устроила встречи с Клузо и Раулем. Из чистой бравады я подписала контракт, связавший меня с «Истиной». Я не знала, буду ли еще когда-нибудь в силах сниматься, но, дав согласие, я доказала, что по-прежнему сама за себя решаю.

Я стала быстро уставать. Маги пришлось заменять меня во всех сценах, связанных с физическими нагрузками. Непосвященный зритель не мог ни о чем догадаться: она была моей точной копией, только тоньше и стройнее — я-то тяжелела день ото дня.

Бернадетта и ее муж Бернар навестили меня на студии «Викторина». Передо мной предстала молоденькая девушка, робкая, краснеющая по любому поводу, такая скромница, ну настоящая птичка-невеличка! Она глубоко тронула меня: в ней было столько поэзии, столько кроткой доброты и благодарности. Как велика порой дистанция между мечтой и действительностью! Девочка впервые в жизни встретила с «самой Брижит Бардо», воплощавшей для нее апогей успеха, счастья, везения, сказочной жизни кинозвезд! И увидела просто женщину, измученную морально и физически, совсем не похожую на шаблонную знаменитость, которую она себе представляла.

Она была гораздо счастливее меня.

Время от времени я виделась с Клузо.

Он пытался докопаться до сути моего характера, чтобы легче было потом со мной работать. От его визитов мне становилось не по себе. Клузо, несмотря на свой золотушный вид, среди снимавшихся у него актрис слыл Дон Жуаном. Ни одной он не пропустил. Тот факт, что я ждала ребенка, нимало его не смущал, напротив, он находил в этом особую прелесть! Меня от него воротило, и мне было безумно трудно осаживать его. Но после того как он наконец все понял, я провела с ним удивительные часы. Мне открылись его интеллект, способность тонко чувствовать,

ясность ума, его макиавеллизм, садизм, но и его ранимость, одиночество, боль; я лучше узнала его, но по-прежнему остерегалась. Это был человек со знаком «минус», пребывающий в постоянном конфликте с самим собой и с окружающим миром. От него исходило какое-то странное обаяние, ощущение разрушительной силы.

Лазурный берег, оккупированный августовскими курортниками, превратился в отстойник пошлости. Кемпинги бляшками экземы уродовали, оскверняли прекрасный пейзаж. Потная толпа, масса обожженных солнцем и еще белесых тел заполонила все уголки края, бывшего некогда вотчиной принцев и аристократии, которых дорвавшаяся до власти посредственность изгнала навсегда.

Мне хотелось купаться и загорать. Но было слишком много народу, особенно в воскресенье, мой единственный свободный день. Пляжи и бассейны брали штурмом; покажи я туда нос, представляю, какая поднялась бы смута!

Опять приехал Жак.

Он, можно сказать, вернулся в лоно семьи, но его возвращение не вызвало такой эйфории, как в первый раз. Я знала, что он опять уйдет, как только я признаюсь ему, что подписала контракт на «Истину».

Для меня он был здесь на временном постое.

От наших отношений комнатной температуры мне было мало радости; правда, в одно из воскресений он взял напрокат катер и увез меня на целый день в открытое море. Мой живот походил на маленький буюк, и казалось, будто я держусь за него, лежа на спине посреди безбрежного и пустынного соленого простора. Я нежилась в воде, обсыхала на солнце и чувствовала, как пробуждается жизнь в моей крови, в моем сердце, в моем теле. Как необходимо мне солнце, чтобы выжить, как я люблю море и его тайну!

Я очень привязалась к Мусе и спросила ее, не согласится ли она стать няней моего ребенка. Она уже хорошо знала меня, привыкла к царившей в доме атмосфере «кабаре», была в курсе моих отношений с Жаком. Только славяне, мудрые и веселые от природы, способны на такую снисходительность к людям. Муся могла бы быть моей матерью, могла быть и матерью моему ребенку. Она с радостью согласилась, и у меня камень с души свалился. С Аленом они отлично ладили; было даже решено, что, когда Муся будет брать выходной, заменять ее будет Ален: никому постороннему он не желал передавать право заниматься младенцем.

Я была на пятом месяце!

Стало немножко заметно, какое там немножко — очень! Талия

у меня теперь отсутствовала, снимать можно было только «американским» планом, не ниже «роскошеств», как говорил оператор Луи Не, старый мальчишка с парижских улиц, милейший человек и бог кадрирования.

Для меня фильм был почти закончен. Самое время! И тут страшное, невероятное известие ошеломило меня: Сильвия Лопес умерла от лейкемии. Никакие врачи, никакое лечение — ничего не помогло. Она угасла, оставив мир скорбеть по ее красоте и молодости, по ее любви к жизни и умению добиваться своего. Я не могла не думать, что умереть следовало бы мне, мне, я-то ведь все для этого сделала!

Ее смерть сама по себе была трагедией, а для фильма она обернулась настоящей катастрофой. Чтобы поскорее закончить со мной, Буарон оставил съемки нескольких сцен с Сильвией на потом. Теперь надо было начинать все заново с другой актрисой, и это при том, что я могла сниматься только крупным планом! Часть декораций сохранили для съемок с новой актрисой, но контракт съемочной группы со студией «Викторина» истекал. Надо было освободить место следующему фильму, и все остатки наших декораций громоздились на одной площадке. Тем временем Франсис Кон лихорадочно искал актрису, которая могла бы войти в роль без долгой подготовки.

Это оказалась Доун Адамс!

Все сцены были сняты заново с ней! Снимали на скорую руку, чаще всего крупным планом, декораций не хватало, а мой живот занимал слишком много места. Мне казалось, что я вижу Сильвию, а передо мной была Доун. Мы с Анри Видалем очень тяжело переживали скоропостижную, такую неожиданную кончину Сильвии. Но таков уж закон зрелищ — может случиться несчастье, а продолжать все равно надо.

Я заехала ненадолго в «Мадраг», затем вернулась в Париж и стала готовиться к переезду в квартиру побольше, как вдруг соседка сообщила мне, что продает свою. Вот удача! Квартира прямо-таки свалилась с неба — я смогу видеть ребенка, когда захочу, стоит только пересечь лестничную площадку. Он будет жить там с Мусей, а я останусь в своей квартире, которую так люблю.

Уже было решено, что я, как все знаменитости, буду рожать в клинике «Бельведер», самом снобистском медицинском учреждении того времени.

А пока я потихоньку обустроивала квартиру, которая должна была стать детской. Там была комнатка, предназначенная младенцу, и огромная, залитая солнцем гостиная с пятью окнами, которую я отвела под кабинет Жака. Мне очень нравилось обставлять и украшать квартиру. Делать из хижины дворец — это я всегда

обожала. Я, по-моему, не обделена вкусом и выдумкой, у меня в этом плане много забавных и практичных идей.

И вот в этот-то период относительного спокойствия Жака призвали в армию. Эта новость нас потрясла! Его отсрочка кончилась, ее не продлили. Служба в то время продолжалась от двух с половиной до трех лет. Шла война в Алжире.

Я о военной службе была столько наслышана, как будто прошла ее сама! Я знала об уставах, знала, что надо пить, чтобы нашли белок в моче, знала, как глупы унтер-офицеры и какая все это чудовищная потеря времени. Я становилась воинствующей антимилитаристкой.

Как я буду жить целых три года без Жака?

Конец его актерской карьере, его далеко идущим планам, честолюбивым замыслам о собственных фильмах.

Мы плакали, обнявшись, но наши слезы никого не трогали, кроме нас самих, и безотказный капкан административного аппарата уже захлопывался за молодостью, которую один из множества мужчин должен был отдать Франции. Жак поклялся мне, что его комиссуют, он добьется этого ради меня, пусть даже ценой своего здоровья, репутации, жизни, в конце концов.

Он уехал 20 сентября, в день выхода на экраны фильма «Бабетта идет на войну». На афишах Жак выглядел бравым лейтенантом. С горделивым видом он красовался рядом со мной на стенах парижских домов и рекламных страницах газет.

Я в день премьеры сидела дома в полной прострации, не в силах пойти на представление картины прессе и опостылевшим гостям, без которых не обходится ни одно событие в парижской жизни. Рауль Леви рвал на себе волосы. Ни Жак, ни я не могли помочь ему в раскрутке фильма. Пришла Ольга. Она говорила, что одно небольшое усилие с моей стороны обеспечит 80% успеха, что, несмотря на красные глаза и округлившийся животик, я все равно красавица, но с таким же результатом она могла обращаться к стенке: я ее даже не слушала.

Я думала о Жаке, о его отчаянии, о холодной, похожей на тюрьму казарме, в которой его, беднягу-новобранца, будут донимать шуточками и насмешками, неизбежными для знаменитости. От того, что он мой муж, будет еще хуже.

«Бабетта» одержала победу в своей войне и была благосклонно принята публикой: зрителей привлекла чета, которую составили мы с Жаком, окружавшие нас великолепные актеры — Франсис Бланш и другие — и вся эта потешная и уморительная война не всерьез.

А Жак после уик-энда, проведенного в вооруженных силах, вернулся мрачнее тучи. В то время освободиться от воинской

службы было практически невозможно, и никакие липовые оправдания всерьез не принимались. Годными признавались самые хилые из сынов Франции. Для пополнения рядов армии мобилизовали даже тех, кто прежде был комиссован; иные воинские части, наверно, представляли собой отряды рахитиков.

Жак делал ставку на психическую неуравновешенность. При его действительно подавленном настроении он без труда сыграл нервную депрессию, отказался принимать пищу и демонстрировал полное равнодушие ко всем и вся. Однако его физическую форму признали более чем удовлетворительной, и приговор был: «годен к службе». Душевное состояние новобранцев мало интересовало военных. Жак твердо решил с помощью своего друга доктора Д. подорвать свое здоровье до мобилизации, лишь бы избежать кошмара, которым была для него и для меня эта бесконечная и бессмысленная воинская служба. Он ничего не ел, накачивался кофе, перестал спать и поглощал в огромных количествах успокоительные и снотворные. Он исхудал, глаза ввалились и покраснели. Его нервозность внушала опасения! Слабость не поддавалась описанию! Доктор Д. мерил ему артериальное давление — оно неуклонно падало!

Я перепугалась не на шутку!

Я жила с тяжело больным человеком, больным от нашего бесчеловечного общества, которое забирает себе лучшее, а отдает только худшее. Я видела, что Жак разрушает себя, что он, возможно, навсегда погубит свое здоровье, и все это ради того, чтобы быть со мной, когда родится наш ребенок.

Какая несправедливость!

Почему человек не волен сам выбирать между войной и миром? Почему войну навязывают тем, кто отвергает ее и ненавидит?

На Поль-Думере мы жили, как в клетке.

Правда, мы могли пересечь лестничную площадку и оказаться в квартире напротив: еще несколько квадратных метров, где можно было ходить кругами. Но мы просто сходили с ума! Как же я понимаю зверей, на всю жизнь запертых в тесных клетушках зоопарка!

Доктор Лаэннек, которому предстояло принимать у меня роды, посоветовал мне по часу в день гулять пешком в Булонском лесу с моими собаками. Но как я могла совершать этот необходимый моцион, когда десятки набитых фоторепортерами машин поджидали меня возле дома?

Я заказала у Дессанжа парики — черные, с короткой стрижкой. Выйти я никуда не могла и видела, как с каждым днем увеличивается темная полоса у корней моих светлых волос. Нужно

было покраситься, но сама я никак не могла этого сделать. Весь день я ходила в парике, это было очень мило, но вечером, сняв его, я видела мои волосы, слипшиеся, тусклые, как слежавшееся сено, видела широкую каштановую полосу у корней и чувствовала себя грязной, неухоженной. А ведь длинные густые волосы всегда были моей гордостью, моим лучшим украшением. Что же я с ними сделала?

Наконец однажды я решила, надев черный парик, поехать к Дессанжу подправить свою красоту. Жак увидел меня, когда я была уже готова, на выходе, в сопровождении Алена, который должен был вести машину.

— Куда это ты?

— К Дессанжу, покрасить волосы.

— Я тебе запрещаю!

— Могу я узнать, на каком основании?

— Запрещаю, и все!

— А я все равно поеду!

Затрещина обрушилась на меня, прежде чем я успела среагировать. Моя голова так стукнулась о дверцу стенного шкафа, что та треснула: в резьбе осталась пробоина! От такого нокаута я отключилась на несколько секунд и упала. К счастью, парик немного смягчил удар. Я чувствовала, как сильно стучит что-то в виске в ритме ударов моего сердца. Очень долго я лежала, скорчившись, на полу и плакала.

Мне хотелось умереть.

У меня даже не хватало духу подняться; жизнь сломила меня. Почему, ну почему всё и все против меня? Даже человек, которого я любила больше всех на свете, которого поддерживала вопреки всему? Если я уже не имею права пойти к парикмахеру?.. Я ни с кем не вижу, я стала толстой и безобразной, грязной, нечесанной, неухоженной!

Ален долго ждал меня внизу, окруженный фоторепортерами, которые тоже меня ждали. Я все не выходила; наконец он поднялся и нашел меня лежащей в позе зародыша, с синяком у виска, в полной прострации.

Моя правая почка оказалась слабой, а в результате падения весь вес младенца пришелся на нее, и в тот же вечер меня скрутил приступ нестерпимой боли. Срочно вызванный доктор решил было, что это выкидыш, но потом определил почечную колику. Я так мучилась, что пришлось вколоть мне морфий. Я и не знала, как хорошо бывает после этого чудодейственного укола. Боль утихла, и я парила в каком-то удивительном мире.

Какие все вокруг красивые, какие все добрые!

Даже Жак, склонившийся надо мной, казался мне сказочным

существом. Мама, ласковая, встревоженная, смачивала мне губы ледяной водой, а я бредила, купаясь в беспредельном блаженстве, я пугала всех, а сама обретала покой.

Это был первый из длинной череды приступов, не отпускавших меня до рождения Николая.

На Жака после той памятной затрешины я смотрела с ненавистью. Теперь я ждала его отъезда в армию — пусть остается там как можно дольше и оставит меня в покое! Треснувшая дверца стенного шкафа постоянно напоминала мне о его несдержанности, злобе и дурацком желании непременно настоять на своем. Я мечтала, чтобы с ним обошлись так же безжалостно, как он обошелся со мной.

Однако в день отъезда я увидела, какой он жалкий, слабый, подавленный, — и гадких мыслей как не бывало: я думала только о предстоящих ему мучениях и о том, что я останусь одна, соломенной вдовой с ребенком на руках по милости незыблемой и беспощадной административной системы.

Меня опять мучили почечные колики.

Оставшись дома одна, я звонила, как правило, среди ночи, ассистентке доктора Лазэннека. Она делала мне спасительный укол морфия и засыпала рядом со мной в кресле, а я тем временем купалась в море блаженства. Доктор Лазэннек, встревоженный частыми приступами, испугался, что морфий может сильно навредить ребенку. Он осмотрел меня дома и посоветовал сделать рентген, чтобы определить положение плода. К рентгенологу необходимо было поехать: не мог же он прийти ко мне со всей своей аппаратурой!

Я по-прежнему жила в осаде: фоторепортеры обосновались в бистро на первом этаже, у консержек в соседних домах и даже сняли за бешеные деньги комнаты для прислуги в доме напротив, окна которых смотрели прямо в мою гостиную. Я жила с закрытыми окнами и задернутыми шторами, боясь всех и вся. И вот теперь надо выйти и встретить армию противника лицом к лицу! Как быть?

Черный парик и очки преобразили меня; Алена я попросила ждать меня с машиной у черного хода соседнего дома. Я не знала, что длинные языки сделали свое дело и мой план тайного выхода перестал быть тайной благодаря щедрым чаевым.

Ничего не подозревая, я вышла к дому 28 по улице Виталь.

Машины там не оказалось. Я была одна!

Но недолго! Двое репортеров ринулись на меня... я услышала шелканье фотоаппаратов... они взяли меня в тиски, прижали к стене, я была в их власти... Я заметалась, толкнула дверь черного хода, из которой только что вышла, и попыталась убежать от них.

Не тут-то было: они кинулись за мной, втиснули в узкий, вонючий проход, заставленный мусорными ящиками. Как загнанный зверь, я попыталась проскочить между ними и бачками для отбросов. Они толкали меня, загораживали дорогу, и кончилось тем, что я упала прямо в огромный ящик из зеленого пластика, который стоял открытый, точно только и ждал меня. Итак, я, с животом, лежу в помойке.

Вот он — сенсационный кадр, за которым они охотились столько дней!

Потом я узнала, что Алена с машиной трое репортеров оставили в начале улицы, создав чудовищную пробку; они не освобождали путь, дожидаясь, пока я, сфотографированная, окруженная, униженная, буду у них в руках. В съехавшем набок парике, с пылающим лицом, я вернулась в свое ненадежное убежище на восьмом этаже. Нет, решительно, жизнь ополчилась против меня. При всем моем горячем желании, я не могла больше бороться. Я проглотила все снотворные таблетки, какие попались под руку. Те, что оставил Жак, и те, что выписал мне доктор.

Ну и натворила же я беды! Врачи сменяли друг друга у моей постели и никак не могли вытащить меня из глубокой комы. Перевезти меня в клинику было невозможно: на другой день о случившемся кричали бы газеты всего мира.

А тем временем Жак, ничего об этом не зная, был доставлен в госпиталь Валь-де-Грас в безнадежном состоянии: он вскрыл себе вены.

Мой час еще не пробил... я пришла в себя.

Что-то слишком часто я уходила за грань и возвращалась. Я смертельно устала. Я не поднималась с постели и терпела адские мучения от почечных колик. Не успела я прийти в себя от комы после снотворного, как меня отправили в nirвану с помощью морфия.

Мне было очень плохо, и только морфий приносил подлинное облегчение. От подавленного настроения, от одиночества приступы — то истинные, то притворные — все учащались. Доктор Лаэннек категорически заявил, что больше не станет колоть мне морфий, что это слишком вредно для ребенка и для меня. Теперь я звонила среди ночи другу Жака, доктору Д., чтобы получить свою дозу. Этот добрый доктор, знавший, что меня беспокоило и каким радикальным способом облегчал мои мучения Лаэннек, не жалел пальфиума, нокеля и других производных морфия.

Благодаря ему я снова видела прекрасные сны!

Я с трудом просыпалась около полудня, еле тащилась в ван-

ную, а уж одеться было для меня почти непосильной задачей. Ален приносил мне почту — я на нее и не глядела.

Время от времени в журналах типа «Пари-Матч» или «Франс-Диманш» появлялись безобразные фотографии. Жака засняли за решеткой в его келье в Валь-де-Грас. Он походил на несчастного зверя в зоопарке. Увидела свет, разумеется, и моя коррида с мурсорным ящиком!

Представляю, что могли о нас подумать!

От Жака я не получала никаких вестей. Только его санитар, славный парень, иногда звонил мне и говорил, что он в изоляторе, в ужасном состоянии — и все!

Именно в это время, не самое веселое в моей жизни, некая рекламная компания оклеила стены Парижа гигантскими афишами, восхваляющими достоинства минеральной воды: «Бэбэ любит Шарье»*. Ну да! Была такая минеральная вода «Шарье», забытая Бог весть сколько лет назад, и вот нашелся предприимчивый человек, который в подходящий момент вспомнил о ней.

Мэтр Жан-Пьер Ле Ме, мой тогдашний адвокат, отсоветовал мне судиться: они в своем праве, придраться не к чему. Источник Шарье существовал с незапамятных времен, существует, кстати, и по сей день, но прославился он ненадолго, только благодаря хитроумной формулировке, столь актуально прозвучавшей в то время. Причем написали «бэбэ», а не мои инициалы — знаменитые «Б.Б.» И все же это могло дать повод для весьма сурового решения суда: я не уверена, что они бы непременно выиграли!

Но кто бы там ни любил Шарье на стенах в Париже и провинции, а Б.Б. ждала Шарье, изнывая от нетерпения и тревоги, на авеню Поль-Думер.

Бедя не приходит одна.

Несчастья следуют чередой, непохожие друг на друга. Глубокой ночью 2 декабря утонула значительная часть населения Фрежю: плотину Мальпассе прорвало. Бурлящий ледяной поток ворвался в уснувшие дома, унося с собой мужчин и женщин, детей, стариков, животных, мебель, стены, машины и тракторы.

Небывалая катастрофа.

Все эти несчастные люди, невинные жертвы, застигнутые во сне, не в состоянии были спастись. Ущерб был колоссальный, число погибших тоже. Радио, телевидение, газеты объявили сбор средств для помощи пострадавшим. Разумеется, обратились и ко мне. Я помогла им от всего сердца.

С телевидения ко мне прислали молодого репортера по имени

---

* Игра слов: «В.В.» — инициалы Брижит Бардо и «bebe» — бэби, младенец.

Кристиан Бренкур. От себя лично я передала чек на миллион франков и попросила всех откликнуться на этот отчаянный призыв о помощи. Кристиан с тех пор стал моим верным другом. Мы познакомились благодаря катастрофе и пережили потом еще немало других.

Этот прорыв плотины навсегда останется для меня верхом ужаса и несправедливости, напоминанием о том, как безмерна сила стихий и как слаб человек в сравнении с разбушевавшейся природой!

10 декабря 1959 года меня разбудил телефонный звонок.

Фран-Фран неживым голосом сообщил мне, что умер Анри Видаль.

Что?

Я завопила в трубку, забилась в истерике!

Я кричала, рыдая, нет, это невозможно, я не хочу, нет, только не он, такой живой, такой веселый, молодой, красивый.

Нет, нет, не-е-е-ет...

Мой крик перешел в жалобный вой обиженной собаки, я повторяла «нет» и не могла остановиться. И все же «да» — Анри Видаль умер ночью от сердечного приступа в возрасте 40 лет. Это было так несправедливо, так ужасно, что я не могла, не хотела в это поверить. Судьба ополчилась на фильм «Хотите танцевать со мной?». Сперва умерла Сильвия Лопес, такая молодая и красивая, теперь Анри Видаль, в расцвете лет и совершенно здоровый! Бог любит троицу, третьей буду я — я умру при родах. Смилуйся, Господи! Смилуйся!

Я накинула пальто прямо на ночную рубашку и велела Алену немедленно везти меня на остров Сен-Луи, в отель «Ламбер», где жил Анри. Плевать мне на всю эту мразь, на репортеров, которые кружат, как стервятники, поджидая добычу. Мой близкий друг, мой замечательный партнер умер, и пусть мир рушится ко всем чертям, а я помчусь к нему, даже если уже ничем не могу ему помочь.

Эта смерть глубоко потрясла меня.

Неделю спустя, 18 декабря 1959, как пышные похороны, состоялась премьера «Хотите танцевать со мной?». На экраны Парижа вышел не фильм — кладбище!

Жак вернулся с временным освобождением от военной службы — это вместо ордена Почетного легиона.

Он был не в себе. Я тоже.

Мы уехали за город, попытаться успокоить наши смятенные души. В Фешроле нашлась чудесная сельская гостиница под названием «Приют Святого Антония». Держала ее Жермена, жен-

шина, много в жизни повидавшая. Там я познакомилась с изумительным врачом, гинекологом, доктором Буане. Его простота покорила меня. Роды, считал он, это вполне естественно, и бояться их вовсе не надо. Это ведь тот же любовный акт, только наоборот! Он так умел успокоить, представить все в прекрасном свете! Я тут же решила оставить Лаэннека с его светскими замашками ради Буане с его простотой и «спокойной силой»! За месяц до родов менять врача! Дружный вопль мамы, Ольги, Алена и иже с ними.

Только Жак понял и одобрил меня. Буане и его подключил к моей подготовке к родам без боли! Он объяснил ему, как все будет происходить, чтобы Жак как бы непосредственно участвовал в рождении своего ребенка.

Осада дома на Поль-Думере продолжалась, это стало страшнее осады Алезии. Не осталось ни одного окна напротив, где не маячил бы телеобъектив, нацеленный на наши окна. Каждый входивший или выходивший слеп от вспышек.

Мне было жаль жильцов дома!

Бедняги, прежде жившие так спокойно, теперь не могли избежать вторжения одержимой толпы в их частную жизнь. По счастью, среди них не нашлось парочки нарушителей супружеской верности, пришедших скрыть свою греховную любовь в этом благопристойнейшем доме, казалось бы, гарантирующем сохранение тайны.

При таком наплыве международной прессы я никак не смогла бы в день X отправиться в клинику, не вызвав вопящего, шелкающего, ужасающего шквала; поэтому моему врачу, моим родителям, моему мужу и мне самой пришлось срочно принимать меры. Надо было оборудовать родильную в квартире напротив, предназначенной для будущего ребенка. Я связалась с одной специализировавшейся на этом фирмой, и нам доставили множество орудий пыток, достойных Инквизиции. Стены и пол покрыли белым пластиком! Посреди всего этого сверкал сталью стол для роженицы. Были там баллоны с кислородом и азотом, каждый — с манометром, гибкой трубкой и страшной резиновой маской. В стальных коробках прятались маленькие, но острые инструменты. Весь этот устрашающий арсенал был достоин самых жутких фильмов о Франкенштейне. Чтобы не пугать меня заранее, мне не разрешали входить в квартиру напротив. Как все запретное, она манила меня; на какие только уловки я не пускалась, чтобы хоть что-нибудь увидеть сквозь стеклянные квадратики двери, которая тоже была затянута занавеской из белого пластика.

Я купила колыбель, шкафчик для пеленок, подогревателя для бутылочек и английскую прогулочную коляску с большими коле-

сами. Но детского приданого у меня было немного. Бабуля связала какие-то белые вещички — я хотела, чтобы все было только белое. Они были такие крошечные, даже не верилось, что в них поместится ребенок. Одна фирма, выпускающая товары для новорожденных, должна была прислать мне в подарок все необходимое ребенку в первые годы жизни.

Муся приехала и царила во владениях напротив.

Клоун и Гуапа выражали свое недоумение непрерывным лаем. Клоун, более нервный, чем Гуапа, бросался на каждого, кто проходил из одной квартиры в другую — двери были все время открыты, потому что ходили туда-сюда часто. Пришлось отдать Клоуна доктору Д., который его очень любил. Я была в отчаянии от разлуки с моим милым коккером!

Решительно, роды становились тяжким испытанием.

Я воспринимала их как расплату с жизнью и твердо решила: если выживу, никогда больше не стану рабой младенца, который так глупо переворачивает жизнь женщины, плохо ко всему этому подготовленной. Я стала огромной, хоть и затягивала, насколько могла, свой «пояс для беременных». Я ничего не ела, наивно думая, что не буду больше полнеть! Я весила 60 кг! Это казалось мне чудовишным ожирением по сравнению с моими обычными 52 кг!

Жак выглядел очень усталым, подавленным: испытание, которое он так трагически пережил, оставило на нем неизгладимый отпечаток на всю жизнь. Как сказал бы мой Бум, «ваши дела следуют за вами по пятам».

Рождество и Новый год прошли у нас совсем не празднично. Только мама прислала мне украшенную елочку, чтобы соблюсти традиции. Проходя мимо нее, я думала: «Пахнет елкой!»

Комментарии излишни!

XV

С 1 января 1960 года ввели новые франки. Надо было учиться выписывать чеки, отнимая два нуля от наших старых привычек. Горе тем, кто забывал, что миллион превратился в 10 000 франков — их банковский счет мог понести серьезный урон.

Вечером 10 января мы — Жак, Гуапа и я — смотрели телевизор. Было воскресенье, у горничной выходной. Я лежала и наслаждалась записью «Кармен» в «Опера» с Джейн Родс и оркестром Роберто Бенци. «Кармен» вошла в репертуар «Опера» — это было событие. Я думала о Бизе, о том, как осчастливило бы его это признание через столько лет после его кончины, и тут

вдруг острая боль пронзила мне живот. Согнувшись пополам, задыхаясь, я едва смогла пересохшими губами сказать Жаку: «Началось».

— Что началось? — спросил он.

До чего же мужчины порой туго соображают, дебилы, да и только!

Под звуки знаменитой арии тореодора, которого ждала любовь, я корчилась в спазмах такой силы, что мой организм, конечно же, не мог долго этого выдержать.

Я стану третьей жертвой фильма «Хотите танцевать со мной?».

Я умру, умру, я точно знаю.

Я далеко не неженка. Мне выпадали в жизни физические страдания, боли на грани переносимого, и всегда я с ними справлялась. Но то, что терзало мой живот, раздирало меня надвое в ту ночь с десяти до двух часов, находится за пределом всех человеческих возможностей. Как смертельно раненный зверь, я кричала, не сдерживаясь, не воспринимая ничего, кроме своей боли. Схватки следовали одна за другой так часто, что я не успевала перевести дыхание.

Я хотела выброситься из окна!

Я была вся мокрая от пота, волосы слиплись, меня рвало, изо рта текла слюна. Я лежала на полу, сотрясаясь в таких конвульсиях, что перекатывалась из угла в угол, как те одержимые бесом, что успокаиваются при виде распятия.

Доктор Буане пытался заставить меня дышать, как дышат щенята, часто-часто и очень сильно выдыхая, но куда там! Другая жизнь во мне, которая была сильнее моей собственной, пользовалась моим телом, чтобы принять свою судьбу. Я стала ненужным коконом, который куколка покидает, превращаясь в бабочку.

Меня перенесли на холодный стол, на который женщину кладут, как на жертвенный алтарь. Я видела склоненные головы между моих широко раздвинутых ног. Я всегда была так стыдлива во всем, что касалось секретов моего тела, тайны моего пола — и вот я лежу, разодранная, окровавленная, словно туша на прилавке мясника, и меня потрошат глазами все эти незнакомцы. Какая-то могучая сила заставляла меня исторгать наружу меня самое. Испуская нечеловеческие вопли, я выталкивала все мое нутро. Я вдыхала отвратительный запах, было душно, анестезиолог дал мне маску, я задохнулась. Дьявольский перезвон колокольчиков у меня в ушах слился с криком новорожденного, перед глазами замелькали желтые и синие полосы, как будто вдалеке я слышала бесконечно повторяющееся эхо, и мое тело охватило огонь где-то в самой его сердцевине.

Все, я умираю...

Я открыла глаза и удивилась, что не вижу больше горы раздувшейся до предела плоти, которой был мой живот, а на ее месте оказалось что-то теплое — я подумала, что это резиновая грелка. Сильно жгло между ног. Я чувствовала только эту боль, той, другой больше не было! «Резиновая грелка» тихонько шевелилась на моем животе — это было первое знакомство с жизнью.

Когда я, окончательно придя в себя, поняла, что это мой ребенок тихонько ползет по мне, я завопила, умоляя, чтобы его забрали: я носила его девять кошмарных месяцев, я не хочу его видеть! Мне сказали, что у меня мальчик!

— Мне все равно, я не хочу его видеть!

И я забилась в истерике...

Это может показаться крайностью, согласна, это нелепо, не укладывается в голове.

И все же я отвергала моего ребенка!

Он был как опухоль, которая питалась мною, которую я носила в моем разбухшем теле и так долго ждала благословенной минуты, когда меня наконец избавят от нее. И вот теперь, после того как кошмар достиг высшей точки, я должна была на всю оставшуюся жизнь взвалить на себя то, что принесло мне столько мук.

Нет, ни за что, лучше умереть!

Всю ночь я не спала, терзаясь мучительным страхом. Мне никак не удавалось представить ребенка в моей жизни, а между тем он уже был. Бедный малыш, ни в чем не повинный, спал свою первую ночь, отвергнутый, далеко от меня, за лестничной площадкой и двумя крепко запертыми дверями. Наверное, я была чудовищем!

Внизу авеню Поль-Думер превратилось в бушующее живое море. Сотни и сотни фоторепортеров и журналистов остановили уличное движение. Были тут и просто любопытные: зеваки, таксисты, автомобилисты, почтальоны — все обсуждали рождение самого знаменитого ребенка года. Моя консьержка, мадам Аршамбо, заперла подъезд на ключ, предварительно выгнав половой щеткой самых ловких репортеров, притаившихся на каждом этаже. Вызванный папой полицейский нес охрану у дома, как будто это была резиденция главы государства. Автомобильные гудки на все лады скандировали добрые пожелания в мой адрес от всей этой безымянной и гордой за меня толпы!

С самого утра дом был заполнен цветами; тысячи букетов, и великолепных, и скромных, прислали все, кто меня любил, и богатые, и бедные. От Робера Оссейна мне доставили восхититель-

ную золоченую клетку, в которой пели две прелестные канарейки.

Жак, взволнованный, потрясенный до глубины души, смотрел на меня с бесконечной благодарностью. Радость переполняла его: родился сын, долгожданный, желанный. Из нас двоих у него был сильнее развит материнский инстинкт! Он принес мне белый сверток, из которого чуть виднелась негроидная головка зачинщика всей этой суматохи. Надо было кормить. Нет, нет и нет! Я не дам грудь.

Я не стану уродоваться, принуждая себя к бесчеловечной роли кормилицы. Теперь есть всякие смеси, близкие к материнскому молоку. Пусть Муся разбирается как знает! Мои огромные, раздувшиеся груди болели, молоко промочило насквозь рубашку и простыни, но я не хотела больше отдавать ни капли себя — пусть даже лопну!

Мы с Жаком заранее выбрали два имени — «Мари» для девочки, «Николя» для мальчика. И вот Жак отправился в мэрию, чтобы зарегистрировать рождение «Николя-Жака Шарье», 11 января 1960 года.

Пройти незамеченным через бушующую толпу, которая осадила дом, ему не удалось. Фотографы шелкали наперебой, газетчики приглашали его выпить шампанского в бистро на первом этаже. Это была буря, почти революция. Репортеры из каждой газеты, от каждого агентства умоляли Жака впустить их, чтобы сфотографировать меня с младенцем. Их было не меньше тысячи!

Жак вернулся, зарегистрировав Николя, с пачкой газет под мышкой. На всех первых полосах красовались заголовки: «Б.Б. — мама». «У Жака и Брижит замечательный сын 3 кг 500».

«Самый знаменитый в мире младенец родился сегодня ночью в 2 часа 10 мин.». «Самая знаменитая и самая красивая в мире мать произвела на свет сына!» и т.д., и т.п.

Телеграммы приходили со всего света.

Ален отвечал на звонки, бегал вниз за цветами, возвращался, нагруженный подарками, письмами, всевозможными посланиями. Это было сушее безумие, всеобщее ликование тех, кого случившееся не касалось. Для моих близких это была небольшая драма. Для меня — катастрофа.

Из фирмы «Приданое для новорожденных» доставили огромные коробки, полные распашонок, ползунков, пинеток, пальтишек. Фирма сделала широкий жест в рекламных целях: подарила от моего имени полное детское приданое всем младенцам, родившимся в этот день, 11 января, во всех парижских больницах и родильных домах. Потом, когда меня благодарили все эти неизвестные мне люди, я узнала, что именами «Николя» и «Брижит» на-

звали множество детей, появившихся на свет в тот день в Париже.

Жером Бриерр, директор «Юнифранс-Фильм» — я знала его с моих первых шагов в кино и всецело ему доверяла, — ухитрился, прорвавшись через кордоны полиции, секретаря и родных, войти ко мне в комнату. Это был старый приятель, он мог видеть меня в любом состоянии! И Бог свидетель, в тот день он увидел меня в состоянии полного физического и морального упадка. После непременных поздравлений и пожеланий он объяснил мне, зачем он здесь. Мне нельзя оставаться в осаде сотен фоторепортеров! Жильцы уже жаловались, а журналисты могли в любой момент ворваться в дом силой, чтобы заполучить наконец снимок века!

Он, Жером, если я не против, предлагал свои услуги, чтобы сделать серию фотографий Николая со мной и с Жаком. Мы посмотрим их вместе, отбракуем плохие, оставим только удачные, и он бесплатно раздаст их всем желающим, тем самым избавив меня от необходимости принимать тысячу фотографов одного за другим, без всякой гарантии качества снимков. Я лежала, измученная, некрасивая, грязная, мои простыни и волосы были еще липкими от пота, которым я обливалась, терпя ту чудовищную боль, — и я уже должна была платить дань своей славе: позировать фотографу!

Нет, что же это за профессия у меня! Я не на съемочной площадке!

Я только что родила, я вся истерзана, еще свежи шрамы и не утихла боль в моем теле, в самых потаенных его местах — а мне говорят, что надо фотографироваться!

Я долго плакала, проклиная свою злую судьбу!

Мама и Бабуля попытались уговорить Жерома. Надо подождать немного, день или два! Но Жером недаром был профессионалом! Злоба дня превыше всего! Если я не сфотографируюсь, может разразиться скандал: какой-нибудь паршивец рано или поздно найдет способ проникнуть ко мне, сделает черт знает какие снимки и пустит их в продажу.

Весь верхний этаж, где находились комнаты для прислуги, уже заполнили фотографы. Вдруг Ивоннетта, моя горничная, пойдет выносить мусорное ведро и забудет позвать Алена, чтобы тот запер за ней дверь, — и готово дело, это непременно произойдет! И вообще, мы не можем вечно жить на осадном положении. Доктор, медсестра, папа, мама, Бабуля, Дада — кто-нибудь то и дело выходит, возвращается, серьезная неприятность может случиться в любой момент!

Скрепя сердце я согласилась.

Мама помогла мне дойти до ванной, а тем временем Бабуля, Ивоннетта и Дада превращали мою спальню в покои королевы.

Сухой шампунь распушил мои слипшиеся волосы, и я долго расчесывала их щеткой. Принять ванну было нельзя, я обошлась очень горячим душем и сразу почувствовала себя отдохнувшей. Мама принесла мне прелестную ночную сорочку, голубую, шелковую с кружевами; мои груди так и оттопыривали ее, ну да ладно! Я кое-как подкрасилась и подобрала самые непослушные пряди моей шевелюры, соорудив небрежную, но очаровательную прическу, — она послужила основой так называемой «кислой капусты», модной в последующие годы.

Жером сделал сотни фотографий этой молодой женщины и ее младенца! Снял он и несколько кадров с Жаком. Повсюду были цветы, на простынях тоже — голубые. Эти снимки облетели весь мир, появились на обложках всех крупных журналов, на первых полосах всех газет и осчастливили каждого, кто их видел.

Кристина Гуз-Реналь не могла иметь детей.

Я выбрала ее в крестные. Она подарит Николая преданную и надежную любовь, заменит ему мать на время моих отлучек и обеспечит воспитание в строгости, но не без юмора.

Пьера Лазаревфа можно было назвать моим отцом в области прессы. Ведь именно благодаря многочисленным обложкам и фотографиям в «ELLE» я сделала свои первые шаги в кино! Крестным отцом я выбрала его. Он подарит Николая знания, мужество, житейскую мудрость, размах и, быть может, успех в жизни. Но Пьер был евреем, оказалось, что ему нельзя держать Николая над купелью, и Алену пришлось заменить его. Католическая религия не перестает удивлять меня своими запретами. Ей не хватает великодушия, снисходительности, подлинной широты.

Сейчас, когда я пишу эти строки, мне 47 лет, и у меня есть мой чудный двадцатидвухлетний Николая, моя семья и моя опора. Я люблю его больше всех на свете. Я благодарю небо за этот дар и ни за какие сокровища не согласилась бы прожить свою жизнь заново без него, — но тогда!

* * *

Вымотанные всеми этими событиями, мы с Жаком решили забыть о них в горах, в снегу. Николая оставили под бдительным оком Муси и Алена, зная, что Бабуля в новом качестве прабабушки присмотрит за всем и мама в новом качестве бабушки-наседки не упустит из виду ни единой мелочи. Мы уехали в направлении Альп, сами толком не зная; куда.

Избегая больших отелей, жаждущих рекламной шумихи, мы то и дело набредали на маленькие гостиницы-шале для спортсменов! После изрядного количества пересадок с одного подъемника на

другой мы наконец обнаружили затерянный в горах маленький домик, увенчанный шапкой снега, уединенный и с виду такой тихий!

Канатные дороги кончали работать в 4 часа, и, когда мы поняли нашу ошибку, бежать было поздно. Мы оказались в окружении оравы буянов-горцев. О, узнать-то они нас узнали! Но для них мы были такие же люди, как все! Хлоп! — я получаю звонкий шлепок пониже спины.

Бардо? Ну и что с того, что ты Бардо?

Мы любим горы, и видали мы всех этих Бардо в белых тапочках!

Бац! — дружеский тычок кулаком в спину! И тут же к нам лезут чокнуться полными стаканами какого-то «вырви-глаза»! И плевать все хотели на Бардо и Шарье, на Шарье и Бардо! Дети орали, взрослые топали по полу тяжеленными башмаками, громко разговаривали, грубо хохотали. Я робко осведомилась, где моя комната. «Да нет тут никаких комнат, все спят в общем зале!» Я посмотрела на Жака, как приговоренный к смертной казни на того, кто может его помиловать!

Эту ночь нам пришлось коротать в храпящей и скверно пахнущей тесноте, среди спортсменов, истосковавшихся по жизни бойскаутов. В 8 часов утра, оставив их с лыжами и воплями, мы бежали к канатной дороге и первой же кабиной вернулись к нашей машине, как в тихую гавань!

Руководствуясь путеводителем «Мишлен», мы отправились в Кордон, где маленькая гостиница «Рош-Флери» предлагала желаемую тишину, прекрасный вид и спокойную семейную атмосферу — все, чего мы хотели.

Наш приезд стал событием. Рэн, хозяйка, побежала предупредить свою старушку мать, распорядившуюся на кухне, захопала в ладоши, сзывая своих постояльцев. Под их любопытными и умиленными взглядами мы заперлись на два поворота ключа в нашей — только нашей! — комнате.

Мы чудесно провели время в Рош-Флери.

Первое потрясение прошло, и мы жили бок о бок с простыми и милыми людьми, которые старались наперебой сделать мою жизнь приятной. Такими были, например, Фонс и Жак Омон, пожилые супруги, неотделимые от этого дома, как мебель; веселые и полные юмора, они покорили меня на всю жизнь: я до сих пор поддерживаю дружеские отношения с Жаком — теперь он остался один.

Я потом часто приезжала к Рэн, и всегда меня ждали там теплый прием без лишней пышности и та уютная семейная атмосфера, которую я всю жизнь искала, но нигде больше не нашла.

Однако нам пришлось уехать: Жак должен был встретиться с одним своим другом в Шамони. Мы остановились в отеле «Мон-блан», в самом центре города. Я ненавижу, сразу возненавидела Шамони, этот заснеженный город в слепящих огнях, грязь в водосточных канавах, толпу и гнетущие горы, которые мешают видеть и дышать. Где фермы, источники, лесопилни, так приятно пахнущие свежераспиленным деревом, где Кордон?

В окно было видно только здание напротив, поэтому я закрыла ставни и легла в постель среди бела дня, твердо решив не вставать до самого отъезда. Чтобы скорее уснуть, я проглотила несколько таблеток снотворного. Жак, вернувшись, застал меня в бреду. Пришлось вызвать врача. Хозяйка отеля была просто чудо. Она выжила меня как родную дочь, говорила со мной, успокаивала.

Когда меня в очередной раз поставили на ноги, я, благодаря ей, познакомилась с самыми известными проводниками этих беспощадных гор. Это был удивительный, незабываемый вечер с настоящим фондю по-савойски. Я увидела грубоватых и каких-то очень настоящих людей, здоровых, широких душой, отважных и жизнерадостных.

Я попала в мир, совсем не похожий на мой, манящий мир, но и жестокий. Здесь все имело свою истинную ценность. Здесь женщины мирились с одиночеством, с преждевременным вдовством. Таков был суровый закон гор. Они подчинялись ему, но не как покорные рабыни, и хранили традиции с восхитительной безмятежностью. Я вспоминала, как пыталась бежать, укрыться от жизни, трявась снотворными. А вот они жили с высоко поднятой головой. Только морщины — следы пролитых слез, солнечными лучиками расхолодившиеся от глаз, — говорили о многом. Женщины с гор — воплощение мужества.

Укрепившись духом после этого наглядного урока человечности, я отправилась в Сен-Тропез.

Капи был так рад снова нас увидеть!

Пилар Фернандес, присматривавшая за моими владениями, все подготовила к нашему приезду, и дом хотел казаться уютным и приветливым, но все равно зимой оставался холодным среди потерявшего всю листву сада. Как по-разному выглядит «Мадраг» в разные времена года! Летом это тропики, буйная растительность, солнце вливается в комнаты потоками, и дом купается в теплом и ласковом свете. Зима же — сущее бедствие. Сад заполняют водоросли, от брызг прибоя преют листья. Комнаты кажутся слишком большими, им не хватает уюта и тепла. Зимой здесь грустно, холодно, сыро, уныло.

Я решила построить «малый Мадраг», будущий дом Николая.

Не стала утруждать себя оформлением разрешения на строительство, решила не связываться с архитектором. Большая комната с деревенским камином, широкое окно с видом на море, маленькая ванная, толстые балки, очень низкий потолок с наклоном под покатою крышей; все побелить известью — и готово дело!

Я наняла подрядчика и сама занялась планировкой, делая все измерения «на скорую руку», на глазок. А потом сама принялась за дело, стащив у каменщиков водяной уровень и отвес: мне хотелось, чтобы стены были немного кривоватые — так дом будет выглядеть старым. Увидев на стыке стен острую грань, я проходила по ней, в буквальном смысле слова сглаживая углы. Дел было по горло, и мне все это ужасно нравилось.

Я ходила купаться; вода в марте была еще ледяная, но это укрепляло мой растянувшийся живот.

Жак между тем проводил время с Жаном Орелем и Сесилем Сен-Лораном, которые задумали фильм с его участием.

Все трое ходили на героя комиксов о Лодыре.

Они много пили, много говорили и мало работали!

С 11 часов утра они сидели за аперитивом, и выглядело все это не очень серьезно. Я присоединялась к ним в обед, перемазанная известкой от джинсов до волос. Потом я поняла, что они примеряли меня к главной женской роли их будущего шедевра, продюсером и героем-любовником которого должен был стать Жак. Они поведали мне историю, сочиняя ее на ходу, перемежая рассказ икотой и пьяноватым хохотом. Меня это позабавило, и только. Я прекрасно знала, что занята на ближайшие два года, однако, не желая их обижать, с самым серьезным видом кивала головой на все, что они говорили.

А они приняли это за чистую монету!

В результате у нас с Жаком снова появился повод для бурных сцен.

— Как это, ты снимаешься у кого попало, а со мной в качестве продюсера не хочешь?

— Но Жак, ты же знаешь, на ближайшие два года я занята, спроси у Ольги.

— Я не желаю о ней слышать! Освободись, и будешь сниматься со мной, а не то...

Кончалось все это плохо. Жак хлопал дверью и уходил, оставляя меня на всю ночь вдвоем с Капи. С обоими своими приспешниками он топил горькое разочарование в выпивке и злословии. Я устала от этих ссор. В «Мадраге» становилось ужасно. Я была счастлива только одна, в обществе строителей и пса. Как только возвращался Жак, я вся сжималась.

Наконец, оставив недостроенный дом каменщикам, а Капи под присмотром Пилар, я решила уехать в Париж.

* * *

У Николая были широко распахнутые голубые глаза.

Он походил на полковника Шарье, отца Жака — меня это привело в отчаяние!

На меня навалились привычные заботы, счета, налоги, всевозможные неприятности: горничная попросила расчет, Алэн влюбился в певца с сомнительным шармом, меня, как всегда, осаждали со всех сторон! Радовала меня и веселила только моя Гуапа. Клоун был за городом: доктор Д. временно препоручил его своему знакомому мяснику. Мне рассказывали, что он живет там, как принц, день-деньской гоняется за кроликами, получает все мясные отходы, грызет кости и обжирается от пуза.

Жак не получил окончательного освобождения от военной службы, ему предстояло повторно пройти призывную комиссию. Поэтому он пока не мог ни работать, ни вообще строить какие бы то ни было планы на будущее. Дата новой медкомиссии не была назначена, и Жак жил под дамокловым мечом. Мы ни с кем больше не виделись, варились в собственном соку, только доктор Д. был вхож к нам. Он помогал Жаку как мог.

Мне снова стал звонить Рауль Леви. «Истина», похоже, должна была стать потрясающим фильмом и наделать много шума. Клузо изъявил желание увидеться со мной, чтобы поговорить об актерском составе: он никого еще не пригласил. Ольга, наигравшись в мамашу-наседку, вернулась к прежней роли агента кинозвезды и стала очень деловой.

Жак не выдержал всего этого — нервы у него сдали.

Была ли это ревность мужа или актера?

Или ощущение своего бессилия перед человеком, который был, казалось, сломлен в самой сердцевине, но возрождался из пепла? Как бы то ни было, у него началась самая настоящая нервная депрессия. Доктор Д. прописал ему уколы «кальциброната», от которых он неделю пребывал в коматозном состоянии. После этого доктор посоветовал мне почаще выезжать за город, чтобы Жак пришел в себя в тишине, на свежем воздухе.

Это было уж слишком. Я девять месяцев носила ребенка, родила его в адских мучениях, все заботы на мне, я готовлюсь к трудному фильму, в котором на карту будет поставлена моя карьера, и еще я должна нянчиться со впавшим в депрессию мужем, который становится мне обузой.

Нет уж, с меня хватит, хватит, хватит!

Тем не менее я взяла Жака под ручку и отправилась с ним за

город. Мы гуляли по полям, обедали в дивных ресторанчиках, иногда ночевали в какой-нибудь сельской гостинице. Между нами установились отношения брата и сестры. Я твердо знала: никогда, никогда в жизни я больше не смогу заниматься с ним любовью. Пережитая травма навсегда сделала меня фригидной! Я уже пожаловалась доктору Буане; он успокоил меня, сказав, что это со временем пройдет.

Дебетта, зная мою паническую боязнь беременности, как-то сказала мне: «Ничего, забудешь, женщину это только красит». Ничего себе «красит», еще и сегодня я считаю это самым страшным из всех недугов! Результат — молодая женщина, красивая, сексапильная и все такое, но холодная, как ледышка.

Мне больше всего хотелось найти загородный дом, бежать из Парижа, видеть деревья, траву, землю. Пользуясь нашими прогулками, я посетила все фермы, дачи и усадьбы, адреса которых читала на витринах агентств по недвижимости. Каких только безобразий мы с Жаком ни насмотрелись. Гуапа в восторге резвилась, убегала большими прыжками, все обнюхивала, возвращалась поделиться со мной своими открытиями; она помолодела.

Глаза Николя стали карими! Муся с восторгом рассказывала, что он прибавил 20 граммов после последнего кормления, на что я озадаченно пожимала плечами.

Жака вызвали на комиссию.

Я одна тащила на себе все — семью, дом, «мозговой трест». Ален совсем не помогал мне. Сердцем и мыслями он был далеко от меня, со своим певцом. Только этого не хватало! Ивоннетта ушла. К счастью, рядом была Муся, всегда готовая взяться за дело.

Как раз в этот момент, когда мне совсем заморочили голову, Кристина Гуз-Реналь сообщила об официальной премьере в Лиссабоне фильма «Женщина и паяц». Мы были приглашены на уровне глав государств. Португальское правительство предоставляло мне усиленную охрану: моторизованных полицейских, личных телохранителей. Не сказать, чтобы я особенно гордилась этим фильмом, но меня привлекла возможность отвлечься на 48 часов.

Я нашла в «Реале» роскошное платье, великолепный костюм для поездки, и мы — Жак по правую руку, Кристина и ее муж Роже Анен по левую — полетели в Лиссабон.

Всем уже известно: я всегда панически боялась самолетов. В тот день мне было особенно страшно, и это вызвало сильнейшее кровотечение. По времени оно примерно соответствовало первой послеродовой менструации.

Мы все предусмотрели, кроме этого!

Это была катастрофа!

Меня уложили в кабинке стюардесс. Все бумажные салфетки, все ватные тампоны для снятия макияжа ушли на эту течь, такую страшную и так не вовремя открывшуюся. Я запачкала юбку, жакет, как же мне теперь выйти из самолета перед всеми журналистами, официальными лицами, фоторепортерами? Стоило мне встать, я чувствовала, как моя жизнь вытекает между ног.

Я была на грани обморока.

Я повернула юбку так, чтобы пятно было спереди, и держала перед собой большой шарф, который дала мне Кристина. Жак набросил на меня свой пиджак, чтобы скрыть пятно на спине моего жакета, и я вышла из самолета в лиссабонском аэропорту, где меня торжественно, под звуки оркестра, встречали председатель муниципального совета, мой партнер Антонио Вилар и ревушая толпа! Мы поспешили в отель в сопровождении эскорта из четырех мотоциклистов впереди и четырех позади — ни дать ни взять президентский эскорт.

Не будь я в таком плачевном состоянии, я бы наверняка оценила оказанный мне бесподобный прием. Я сидела на пиджаке Роже Анена, чтобы не запачкать сиденье «Мерседеса-600», который вез нас по дивному и незнакомому мне краю — Португалии. Потом, когда приехали в отель, — новые формальности, бесконечные речи и тосты в мою честь, музыка, народные танцы, а я держу шарф спереди, сумочку сзади и думаю только о том, как бы поскорее лечь, стгорая со стыда, измученная, выпотрошенная.

Предоставленные мне апартаменты в отеле были роскошны. Огромная, изумительно убранная спальня для меня, гостиная, достойная английской королевы, еще одна спальня, такая же красивая, для Роже и Кристины, повсюду цветы, фрукты, подарки, сувениры. Оставшись наконец одна, я рухнула на кровать и через телефонистку отеля попросила вызвать врача!

— Какой врач вам нужен, мадам?

— Гинеколог, мадам, и срочно!

Журналисты узнали об этом звонке раньше, чем сам врач! Когда же он явился в сопровождении целой делегации служащих отеля и, выпроводив всех, осмотрел меня, то самым серьезным образом порекомендовал двое суток никуда не выходить и не вставать с постели. Он сделал мне уколы, чтобы остановить кровотечение, потом успокоительные, массу каких-то уколов, от которых я совершенно отупела!

Но премьер-то должна была состояться в тот же вечер!

Кристина в отчаянии пыталась встряхнуть меня, заставить подняться, они с Жаком даже попробовали натянуть на меня ве-

чернее платье, но я была как ватная, не держалась на ногах, и из меня непрерывно текло.

И все же, несмотря ни на что, я присутствовала на премьере «Женщины и паяца».

Я сидела в ложе, полной цветов, чувствуя себя прескверно. Потом был изысканнейший ужин, на котором собралась в мою честь вся знать, все сливки португальского общества. Целый город чествовал меня, ждал, поднимал бокалы за меня и за фильм — лучшего лечения нельзя было придумать. Студенты устроили мне «почетную стезю», положив на землю свои плащи, это было грандиозно и трогательно, это был триумф.

XVI

Мой час «Истины» близился.

Я сделала пробы с несколькими молодыми актерами. Я заново осваивалась в студии, училась играть и каждому из оцепеневших от испуга юношей давала шанс. Клузо заставил меня целый день повторять одну и ту же сцену — с Жан-Полем Бельмондо, Юго Офрэ, Жераром Бленом, Марком Мишелем, Жан-Пьером Касселем и Сэми Фреiem.

Это была любовная сцена!

Я сжимала их в объятиях и чувствовала их дрожь, их пот, их страх. Я говорила им всем одни и те же слова с одинаковым пылом, а они отвечали мне каждый по-своему.

Жан-Поль Бельмондо был слишком самоуверен, хоть его сердце и билось очень сильно у моей груди. Жан-Пьер Кассель не подходил по внешности! Жерар Блен оказался ниже меня ростом! Юго Офрэ чересчур нервничал, я даже испугалась, что он потеряет сознание в моих объятиях. Марк Мишель не обладал достаточной индивидуальностью, был слишком «как все», да еще страх мешал ему быть самим собой! А Сэми Фрей был именно таким, как надо — отчужденным и родным, суровым и нежным, влюбленным и проникновенным. Он и был приглашен на «Истину» вместе с Шарлем Ванелем, Полем Мёриссом, Луи Сенье, Мари-Жозе Нат и Жаклин Порель.

Вернувшись домой, я узнала от доктора Д., что Жак находится в частной клинике где-то за городом: его окончательно признали негодным к воинской службе. Это было победой и поражением одновременно. Алён, совсем потерявший голову от любви, давно не появлялся. Почты накопилась гора, горничная ничего не делала. Только верная Муся оставалась на своем посту, надзирающая за Николой.

Я устала, страшно устала. Мне хотелось другой жизни, с надежным человеком, который был бы всегда со мной, взял бы мою ношу на себя, я больше не могла! Я примеряла костюмы с Таниной Отре, делала фотопробы с Арманом Тираром. 2 мая 1960 года я снималась в первой сцене у Клузо, на студии в Жуанвиле.

По вечерам я навещала Жака в клинике. Он был совершенно не в себе. Я плакала о нем, о себе, о нас!

Когда я возвращалась домой, на меня наваливались проблемы: кефир для Николя, Ален со своей любовью, хозяйственные вопросы. Сколько надо было иметь энергии, чтобы все это вынести. Каждое утро я уезжала, меня ждал утомительный день, и я не знала, что еще будет уготовано мне вечером. Жак вернулся домой, но ему пришлось еще много дней лежать в постели.

Актриса днем, сиделка ночью — вот такая была у меня программа.

Однажды вечером мне позвонил Лазаревф:

— Брижит, детка, вы даете согласие на откровения вашего секретаря?

— ???

— Полноте, Брижит, не будьте ребенком! Вы согласны на публикацию «Записок» вашего секретаря?

— Пьер, уверяю вас, я не в курсе! Я ничего не понимаю!

— Брижит, он продал свои «Записки» за 50 миллионов старых франков «Франс-Диманш», где я главный редактор, так что, поскольку мы с вами друзья, я решил узнать, что вы об этом думаете!

Земля ушла у меня из-под ног.

Как? Ален, мое доверенное лицо, единственный, на кого я полагалась, продал «Франс-Диманш» за 50 миллионов старых франков мои переживания, мои тайны, мою такую бурную жизнь? Этого не может быть!

— Спасибо, Пьер, я правда была не в курсе, это, наверно, какое-то недоразумение, я все выясню и перезвоню вам завтра.

Час был поздний. Я сразу же позвонила моему адвокату, мэтру Жан-Пьеру Ле Ме:

— Жан-Пьер, я только что узнала от Лазаревффа, что Ален продал «Франс-Диманш» свои «Записки», такое возможно?

— Да, Брижит, секретари не обязаны хранить профессиональную тайну!

— Поверить не могу, этого просто не может быть. Что мы можем предпринять?

— Ничего, дорогая Брижит, разве что попытаться достигнуть договоренности по каждой строчке этих так называемых «Записок».

Я была потрясена, убита!

Как мог Ален сделать такое? Нет, не может быть, это сон! Однако после встречи с этим идиотом-певцом Ален очень переменялся. Он не оставил мне телефона, и связаться с ним я не могла. Я не сомкнула глаз до утра — ждала его. В эту бессонную ночь мне не хватало Жака, хотелось поговорить с ним о случившемся, но он спал, одурманенный успокоительными уколами доктора Д. Опять я была одна, но только теперь на мои плечи лег груз непростительного предательства.

В 9 часов, стоя в прихожей, я услышала лифт, потом скрежет ключа в замке. Ален вошел — в самом радужном настроении, улыбаясь во весь рот! При виде моего грозного лица он застыл как вкопанный!

— Брижит, что случилось?

— Ален, вы продали ваши записки «Франс-Диманш»? Отвечайте честно: да или нет?

Ален помертвел. Я видела, что он не может солгать мне, но и признаться не в силах.

— Брижит, о чем вы? Я не понимаю!

— Вы все прекрасно понимаете, Ален! Вы продали мою личную жизнь «Франс-Диманш» за 50 миллионов франков? Да или нет?

— Но Брижит, я ничего не понимаю! Что это с вами сегодня?

Он был бледен как полотно.

— Ален, Пьер Лазаревф, крестный Николя, мне все рассказал. Я хочу, чтобы вы мне ответили: правда это или нет?

— О!.. Пьер Лазаревф вам звонил?.. Но я имел дело с Максом Корром, и он обещал мне полную тайну!

— Значит, это правда?

— Да о чем вы говорите? Я предложил «Франс-Диманш» безобидную статейку, Макс Корр, редактор, купил ее у меня, вот и все.

— Ален, скажите мне правду: вы продали «Франс-Диманш» ваши «Записки секретаря Б.Б.» за 50 миллионов франков?

— Да, Брижит, но я не виноват, это мой друг меня заставил, иначе он ушел бы от меня, я так люблю его, мне так плохо!

— Ален, отдайте ключ.

Он протянул мне ключ от квартиры.

Я выставила его на лестничную площадку и закрыла за ним дверь — навсегда!

Из-за моей жажды справедливости и безупречной честности я порой попадала в затруднительные положения. Я вычеркнула Алена из моей жизни за то, что он гнусно предал меня. И осталась одна с грудным ребенком, больным мужем, домом и хозяй-

ством, без горничной и с ролью, которую ни за что нельзя было провалить! С такой ситуацией любому нелегко было бы справиться, а мне — так просто невозможно.

Я позвала на помощь маму.

Было достигнуто соглашение между объединением «Франпар», куда входили такие издания, как «ELLE», «Франс-Суар», «Франс-Диманш», «Иси-Пари», которое возглавлял Лазарефф, и моим адвокатом мэтром Ле Ме. Лазарефф, Макс Корр — редактор «Франс-Диманш», мой адвокат и я вместе прочтем рукопись Алена Каре. Любое не соответствующее действительности слово, фраза, ситуация будут непременно вычеркнуты. Но помешать им опубликовать эти записки, столь интересные для читателей и купленные за такую дорогую цену, было невозможно.

Я с отвращением думала, что этой гнусности обязана не только Алену Каре, но и Лазареффу, крестному моего сына.

Когда я вернулась домой вечером, после съёмочного дня, вся компания была уже в сборе в гостиной на Поль-Думере. Читал Макс Корр. Я слышала чистую правду, до того безжалостную правду, что мне хотелось крикнуть: «Протестую!» Я молчала, зная, что вычеркнута может быть только ложь. Но меня еще ожидало самое подлое вероломство — моя наспех нацарапанная записка, в которой я сообщала Алену, что поехала прогуляться к озеру в Булонский лес, что у меня скверно на душе и я не уверена, что в это самое озеро не брошусь! Клочок бумаги, исписанный моим почерком, был сфотографирован. Все пушено на продажу, все!

Я по натуре стыдлива.

Да, я показывала на экране мое обнаженное тело, но в моих фильмах это всегда что-то значило. Это никогда не делалось просто так. Я обнажала свое тело, красивую оболочку, почему бы нет?

Но я никогда не обнажала свою душу!

Я никого не допускала в глубины моего «я». Именно поэтому я вдвойне мучилась во время родов. Приоткрыть самое сокровенное — даже для такого естественного акта — казалось мне верхом бесстыдства. И вот я продана толпе, обнажены мои самые потаенные мысли, меня отдали на растерзание публике за звонкую монету — это было для меня худшей в мире несправедливостью, гнуснейшим предательством. Однако пришлось мне снести и это. Сенсационные материалы появлялись каждую неделю в течение нескольких месяцев. Публика с упоением читала о моих страхах, о наших ссорах, о моих родах и отказе от материнства, об уплаченной мною сумме налогов, обо всех моих терзаниях и о попытках самоубийства, которые до сих пор удавалось держать в тайне.

Все это время я, как стойкий солдатик, продолжала сниматься — под пересуды статистов, под смешки гримеров, водителей и костюмерш.

Однажды Жан-Клод Симон явился ко мне в уборную с тремя фотографиями. На них были запечатлены великолепная плакучая ива, прелестный домишко, маленький пруд. Эта дача в Базоше близ Монфор-л'Амори продавалась. В воскресенье я поехала с Жан-Клодом посмотреть ее. Это была моя мечта: крытая соломой старая овчарня, холмы, столетние деревья и водоем.

Я купила без промедления!

Я бы с удовольствием осталась в этом домике, но надо было сниматься. Я сказала ему «до свидания», твердо решив укрываться здесь всякий раз, когда появится возможность.

Мои отношения с Жаком стали просто невыносимыми!

Он выздоравливал после болезни, уж не знаю, насколько мной, я же действовала, трудилась, боролась. Да еще и снималась! По утрам я приходила в студию подавленная, расстроенная, уставшая от унижительного существования, которое приходилось влачить дома. Мои девочки поднимали мне настроение. Клузо мне его портил, чтобы я не выбилась из тона.

Клузо был деспотом.

Он хотел, чтобы я принадлежала ему безраздельно, и чувствовал себя надо мной полным хозяином. Если он говорил мне «плачь», я должна была плакать. Если приказывал хохотать, я должна была немедленно повиноваться. А ведь нет ничего тяжелее для актрисы, чем плакать или смеяться по команде.

Однажды мне надо было сыграть трагическую сцену. Клузо отвел меня в уголок и тихо говорил со мной о грустном, о страшном, стараясь вызвать во мне эмоции, которые заставили бы меня заплакать. Потом он оставил меня, чтобы я сосредоточилась. На съемочной площадке стояла гробовая тишина. Все ждали моих слез. Закрыв лицо руками, я думала о родителях, о том, какой трагедией была бы их смерть. Сквозь пальцы я видела, как рабочие сцены поглядывают на часы, слышала чей-то кашель. И вдруг я осознала, до чего все это смешно, залилась нервным смехом и никак не могла остановиться.

Съемочная группа так и ахнула.

Клузо подбежал и в ярости влепил мне пару звонких пощечин. Не раздумывая, я тотчас дала ему сдачи.

Он остолбенел! Никто никогда не позволял себе так с ним обращаться!

Вне себя — его смертельно оскорбили, унизили при свидете-

лях! — он со всей силы наступил мне на ноги своими каблуками. Я была босиком. Я взвыла и разрыдалась от боли. Он тут же командовал «мотор!» — ему-то только моих слез и надо было, чтобы снять сцену. Но я, хоть и хромала на обе ноги, покинула площадку с видом оскорбленной королевы и, вернувшись в свою уборную, потребовала вызвать судебного исполнителя.

Когда тот официально засвидетельствовал, в какое плачевное состояние привел Клузо пальцы моих ног, я уехала домой, заявив, что не появлюсь в студии, пока ноги не заживут, а Клузо не извинится.

В другой раз снимали сцену самоубийства.

Я будто бы наглоталась барбитала и должна была лежать в бреду, хрипло дыша. Мне эти вещи были, увы, хорошо знакомы... Я думала, что выгляжу в полукоматозном состоянии естественней некуда, но Клузо не нравилось. День кончался, все с ног валилось от усталости, на съемочной площадке было нестерпимо жарко. Клузо хотел, чтобы я обливалась потом, пускала слюни; гримеры наносили мне пену в уголки рта, глицериновую воду на лоб. У меня разболелась голова, не было больше сил без конца повторять эту тягостную сцену.

Я попросила принести мне стакан воды и две таблетки аспирина. Клузо сказал, что у него есть аспирин, и я проглотила две белые таблетки, которые он мне дал.

Я почувствовала себя странно: какое-то оцепенение сковало меня, глаза весили по тонне каждый, я слышала как сквозь вату... Двум рабочим пришлось нести меня домой на руках. Деетта, перепугавшись, сообщила маме, что Клузо дал мне вместо аспирина две таблетки сильного снотворного.

Я не могла проснуться 48 часов!

Зато сцена была снята с натуры и получилась более чем правдивой.

Папа, обезумев от ярости, явился к Клузо и грозил ему судебным преследованием. Раулю Леви пришлось вмешаться, и Клузо письменно обязался не повторять подобных злоупотреблений! Шум поднялся невероятный.

Таков был Клузо — он не отступал ни перед чем, если хотел добиться своего.

Перед Сэми Фрейем я ужасно робела.

Он был очень сдержан, даже замкнут, так сказать, соблюдал дистанцию и смотрел на все ироничным, слегка насмешливым взглядом. В перерывах между сценами он читал Брехта, разговаривал мало, не откровенничал. Это был актер в самом глубоком смысле слова.

Он обожал репетировать каждую сцену множество раз, пытаясь сыграть лучше. Полная противоположность мне! Репетиции наводили на меня тоску, я выдавала все, на что способна, только в момент съемки. К чему выкладываться, повторяя одно и то же, какой в этом смысл?

Сэми был вежлив, но не более; насколько я понимаю, он сторонился той экстравагантности, которую я олицетворяла. Я знала, что он живет с Паскаль Одре, — и только. Это был очень скрытный человек. Его равнодушие и некоторая отчужденность смущали меня. Раздражало то, что я не могу ближе сойтись с человеком, который будет любить меня безумной любовью, играть со мной сцены бесподобной страсти. Он, должно быть, считал меня ограниченной и пустоголовой, может, и некрасивой, может, я вообще была ему противна. Когда он обнимал меня, я чувствовала, что краснею до ушей. Его взгляд становился удивительно нежным в любовных сценах. То, что он говорил мне, звучало так естественно, что на меня порой накатывало безумное желание в это поверить. «Снято!» Клузо падало как нож гильотины, безжалостно рассекая мир грез, в который я уносилась, а моя голова оставалась на плече Сэми чуть дольше, чем следовало бы после того, как сцена была закончена.

Я привязывалась к Сэми, а он ко мне — нет!

Однажды я пришла совершенно убитая.

Бурная ссора с Жаком доконала меня.

Мы с Сэми стояли за щитом и ждали, когда загорится сигнальная лампочка. Мы были одни, каждый в своих мыслях. Я силсилась и не могла удержать подступавшие к глазам слезы. Сэми заметил это. Он не сказал ни слова, просто взял меня за руку, сжал крепко-крепко и не выпускал. Мне стало хорошо, я ощутила острое, как боль, счастье. С тех пор, стоило нам остаться вдвоем, Сэми брал мою руку или прижимал меня к своей груди, и его глаза говорили мне все, что невозможно было сказать иначе.

Как это прекрасно — влюбиться!

Как сразу переменилось все!

То, что происходило между мной и Сэми, озарило светом мое лицо и мою жизнь. Ради него я старалась раскрыть лучшее во мне, перестала отлынивать от репетиций, свой текст знала назубок, не капризничала и не заводилась понапрасну. Клузо не узнавал меня: я стала почти шелковой. Мои девочки что-то почуяли и тактично удалялись, когда подходил Сэми.

Мы хотели сохранить в тайне нашу новорожденную любовь из уважения к Паскаль и Жаку, а также чтобы избежать сплетен. Эти «шу-шу-шу», которые опошляют все, неизбежно достигли бы ушей репортеров желтой прессы. Сэми потихоньку узнавал меня,

совсем непохожую на ту, что он себе представлял. Мы оба робели, не давали воли своим чувствам, это не способствовало скорому развитию романа. Мы раскрывались друг другу застенчиво, целомудренно. У нас было время, и мы не торопили его — мы любили друг друга надолго.

* * *

Возвращаться на авеню Поль-Думер было тяжело.

Там меня ждали одни проблемы.

Мама отыскиала мне секретаршу среди своих знакомых. Мадам Малавалон, в высшей степени «комильфотная» дама, жена морского офицера в отставке, работала впервые в жизни.

И какая это была работа!

Разобрать почту, копившуюся два месяца, в которой письма попадались порнографические, а счета ужаснули бы самого министра финансов. Эта женщина неопределенного возраста, исключительного обаяния и такта, целыми днями краснела до корней волос и поведала мне, что за несколько месяцев своего секретарства узнала больше, чем за тридцать лет брака.

Вместе с мадам Малавалон я, содрогнувшись от истории Кэрила Чессмена, написала президенту Эйзенхауэру письмо с просьбой помиловать его.

Американец Кэрил Чессмен был без весомых доказательств обвинен в изнасиловании. Он находился в заключении с 1948 года; времени для пересмотра его дела было более чем достаточно. Он написал книгу, рассказав в ней о своих злоключениях; исполнение смертного приговора без конца откладывалось и в очередной раз было назначено на весну 1960 года.

Решительно, американцы вели себя по-скотски, проявляя бесчеловечность, недостойную народа, который претендует на роль мирового лидера и желает освободиться от замшелых традиций предков-европейцев.

Я получила ответ из Белого дома: мне советовали обратиться с просьбой о помиловании Чессмена к губернатору штата Вашингтон. Но отправить это новое письмо я не успела. Через несколько дней Кэрил Чессмен был казнен. Орудием казни был избран цианид газовой камеры.

Несколько лет спустя, вновь посмотрев замечательный фильм «Я хочу жить», финал которого — газовая камера, я не могла не вспомнить о Кэриле Чессмене, которого убили через двенадцать лет после ареста, без подлинных доказательств его виновности.

Позор вам, люди, способные на такие ошибки, на такую жестокость, на такой несправедный суд.

Муся сообщала мне, как растет и умнеет Николя, но протес-товала всякий раз, когда я хотела взять его на руки!

Микробы! Вирусы!

Весь этот бесконечно крошечный народец не дремал, готовый наброситься на бедного малыша, и меня не подпускали близко, размахивая грозным предостережением «берегись инфекции!». У меня и так не был особенно развит материнский инстинкт — этого хватило, чтобы я не рвалась к сыну.

Только моя Гуапа дарила мне всю нежность, всю теплоту, всю бесхитростную привязанность, которых я так ждала. Жак, видя, как я ласкаю собаку, отпускал неуместные намеки: эта любовь, по его мнению, должна была бы достаться ребенку. Но Гуапе-то было наплевать на микробы, вирусы, инфекцию, я могла вдоволь насладиться ее теплом, телом, глазами, и никто не протестовал.

Сэми снял однокомнатную квартирку возле парка Монсо.

Первый этаж, темный, унылый, грязный! Боже, какие мерзкие квартиры бывают в Париже! Но для нас это была единственная возможность спокойно побыть вдвоем, уйти ненадолго от всего света — а нам так этого хотелось. Мы слушали концерт для двух скрипок Баха, концерт для кларнета Моцарта, Дворжака. Музыка окружала нас, раздвигая унылые серые стены повседневности.

Сэми был редким человеком — какой-то вулкан нежности, бездна тепла и глубины. Он был и останется мужчиной моей жизни, которого я, увы, встретила слишком рано — на десять лет!

В августе Сэми уехал на несколько дней с Паскаль Одре. Мы начали снимать сцены суда, в которых он не участвовал, так как я его убила.

Эти сцены давались особенно трудно.

Клузо каждый день готовил меня к съемке, показывая мне жизнь с ее самой неприглядной, самой несправедливой, самой жестокой стороны. Я снималась без грима, с волосами, собранными в неопрятный пучок, в куцем черном костюмчике жалкого вида. Я была на скамье подсудимых, одна против всех, наталкиваясь на стену непонимания обывателей со спокойной совестью. Мои адвокаты — Шарль Ванель и Жаклин Порель — умно и немногословно старались спасти мне жизнь в битве с грозным соперником — адвокатом противной стороны, Полем Мёриссом.

Это были тягостные сцены.

За стенами павильона стояла прекрасная погода, август; хотелось каникул, простора, песка и солнца. А в «зале суда» было душно, пахло потом, раскаленной резиной и табачным дымом. Я по-настоящему входила в роль. Мне уже казалось, что это суд надо мной. Речь шла о моей дурной репутации, о моем скандаль-

ном поведении, о моем непостоянстве и полном отсутствии нравственных устоев. Беспутная жизнь, сменяющие друг друга, как в калейдоскопе, любовники — все это было так же применимо к Брижит Бардо, как и к Доминике Марсо, героине фильма.

Это на меня показывали пальцами, меня обвиняли, моей крови жаждали!

Клузо каждый день подливал масла в огонь, проводя отчетливые параллели между моей жизнью и жизнью моей героини. Я ведь оставила мужа и ребенка, а мой любовник на данный момент оставил меня. Я — олицетворение разврата, я всеми презираема, я одна, одна, одна! Подавленная, целыми днями в слезах, я терпела пытку этой двусмысленной ситуации. Мне предстояло произнести длинный монолог, очень искренний и трогательный. Это было мое последнее слово, последняя отчаянная попытка смягчить сердца присяжных.

Зал был битком набит статистами. Суд в полном составе, присяжные, адвокаты, полицейские, судебные исполнители.

Все ждали моего выхода!

Наверняка придется переснимать десять раз, думала я, я обязательно собоюсь, запутаюсь, забуду текст. Все титулованные актеры смотрели на меня с усмешечкой, как смотрят на укротителя, которого вот-вот сожрет лев.

Клузо подошел поговорить со мной.

Текст я знала назубок, но если вдруг что-то забуду, это неважно, надо продолжать, импровизировать, говорить своими словами, своим нутром. Он крепко сжал мои руки и сказал, что это будет лучшая сцена в фильме, что я должна им всем показать, на что способна, своей искренностью взять верх над их мастерством, и пусть утрется все эти остолопы, что смотрят на меня.

Ванель обернулся ко мне перед самой командой «мотор» и с нежностью шепнул «ни пуха, ни пера». Он очень любил меня. Наступила гробовая тишина.

«Мотор!» «Съемка!» «Пошла!»

Я помедлила секунду или две. Я смотрела на них, на всех этих людей, судивших меня за то, что я посмела жить!

Потом зазвучал мой голос. Надломленный, хриплый, сильный. Я им сказала, я им всем сказала все, что накипело на сердце. Моя сила поднималась откуда-то из нутра, я дрожала, как натянутая струна, на карту была поставлена моя голова, моя жизнь, моя свобода. Я плакала, слабела от слез, мой голос срывался, но я договорила до конца и рухнула без сил на скамью, уронив голову на руки, во власти самого настоящего безысходного горя.

На мгновение воцарилась тишина, потом Клузо крикнул: «Снято!»

И тогда весь зал суда заплодировал мне, судьи были взволно-

ваны, присяжные потрясены. Это было одно из самых сильных переживаний в моей жизни. Я была опустошена, выложились до донышка, но сцена получилась.

Я победила.

Разумеется, переснимать не стали.

Клузо был доволен, Ванель горд мной, Дедетта роняла слезы в пуховку. Рабочие говорили мне: «Слушай, и впрямь пробрало, а мы уж всякого насмотрелись!» Я не могла спасти жизнь Доминики Марсо, зато спасла свою репутацию актрисы.

А между тем я никогда не была актрисой. Или мне было безразлично, и я отбарабанивала текст как есть, без всяких усилий, или я в полной мере переживала то, что играла, готова была даже убить себя, веря, что это «по-настоящему». Я никогда не влезала в шкуру моих героинь — я натягивала на героинь мою шкуру. Существенная разница.

Потом снимали сцену самоубийства Доминики Марсо в камере женской тюрьмы Рокетт.

Мое отчаяние достигло предела!

Клузо сознательно держал меня в состоянии глубокой депрессии. Жизнь лишена смысла, люди — чудовища, род человеческий — мразь, только смерть может дать долгожданный покой и отдохновение. Я разбивала зеркальце своей пудреницы и осколком вскрывала вены. Бледная, исхудавшая, полубезумная... я должна была изо всех сил надавить стеклом на левое запястье, одновременно сжав в руке резиновую грушу с гемоглобином. Я почувствовала, как липкая теплая жидкость течет по руке. Было полное ощущение, что я и вправду покалечила себя, и слезы сами брызнули из моих глаз, которые постепенно закатывались, и в конце эпизода мое безжизненное тело оставалось неподвижно лежать на тюфяке.

Вот в таком состоянии со знаком минус я снова встретилась с Сэми.

Он порвал с Паскаль Одре. Их каникулы были сушим адом. Вернувшись, он нашел дома повестку и должен был в конце сентября отправиться в армию. Через год после Жака, день в день. Все правильно — он был на год младше!

Боже мой, ну почему эта проклятая воинская служба так неотступно преследовала меня? Да потому что я, сама того не ведая, всегда выбирала мужчин моложе себя!

Жак почти не жил дома, то уходил, то приходил без всяких объяснений. Я их, впрочем, и не требовала. Думаю, он тайком от меня выпрашивал, куда я хожу и что делаю, у Муси, мадам Малавалон и горничной.

Дани, моя дублерша в «Истине», жила в прекрасной квартире на бульваре Сен-Жермен, прямо над кафе «Рюмри». Она сама любезно предложила мне приютить нас с Сэми, чтобы мы могли спокойно побыть вдвоем, не боясь, что заявится Жак.

Однажды вечером мы вышли из студии, собираясь ехать прямо к Дани, — и каково же было наше удивление, когда мы увидели Жака, поджидавшего нас у входа. Прямой удар в челюсть Сэми был его первым словом. Тут же как из-под земли появились репортеры, не меньше десятка, и защелкали фотоаппаратами! Жак схватил меня за руку выше локтя и не отпускал, а Сэми за другую руку тащил к машине. Двое мужчин разрывали меня на глазах у фотографов, которые уж отвели душу. Моя сумочка упала, Жак наклонился, чтобы поднять ее, а я, воспользовавшись этим, кинулась со всех ног к машине, оставив ему сумочку со всеми документами, с деньгами, с письмами Сэми. Жак бросился за нами, еще раз ударил Сэми через открытое окно машины... Мерцали вспышки, толпа загородила нам дорогу. У Сэми текла кровь, заливала глаз, надо было ехать очень осторожно, чтобы не задавить кого-нибудь из падких до скандала зевак, теснившихся вокруг машины. Мы поехали прямо, куда глаза глядят. Свежий ночной ветерок обдувал нас, стало полегче.

Мы ехали потрясенные, ошарашенные. Не обменялись ни словом.

Сколько отвратительных и более чем явственных картин теснилось у каждого в голове!

Поздней ночью мы без предупреждения ввалились к Даниэль Делорм и Иву Роберу. На мельнице, служившей им загородным домом, они приняли нас с распростертыми объятиями. Обласкали, накормили, приютили.

* * *

Мы с Сэми мечтали об одном — умереть!

Только смерть могла стать нашей избавительницей. Мы были сыты по горло обществом с его законами и запретами. Мы уносились вместе в райский мир грез, принимая всевозможные снотворные таблетки. Мы любили друг друга наперекор всему и не находили себе места в этом обществе, которое отвергало нас.

Сэми пора было уезжать в армию!

Он поклялся мне, что покончит с собой, если ему не удастся добиться освобождения.

Я поклялась ему, что тоже умру, чтобы соединиться с ним.

Оставшись одна на Поль-Думере, я по-прежнему целыми днями спала, укрываясь от действительности. Мама, встревоженная моим подавленным состоянием, сказала, что мне нужно

переменить обстановку. Она договорилась с Мерседес, подружкой Жан-Клода Симона, и отправила нас вдвоем в Ментону, в уединенный дом, который любезно предоставили в наше распоряжение друзья Мерседес.

Мама решила, что там мне будет спокойнее.

В доме не было телефона, не было горничной. Только старый, глухой как пень садовник заходил раз в день. Я дала себя перевезти, как мебель. Ничего не ела, ни на что не реагировала, не хотела видеть даже море, отворачивалась от солнца, лежала в постели, а время шло.

28 сентября, в день моего рождения, Мерседес вернулась из поселка без почты — никакой весточки от Сэми не было в почтовом ящике, который она абонировала на мое имя. Видя, какая я печальная, она договорилась, что мы поедем на ужин к ее друзьям, жившим в нескольких километрах. Глядя в никуда, в пустоту моей души, я ждала, когда пройдет этот день, мой двадцать шестой день рождения. Цикады пели мне серенаду, солнце еще пригревало, раскинулась пустошь, поросшая низким и душистым диким кустарником, — она отделяла меня от общества, которое я так ненавидела. Часов в шесть вечера Мерседес откупорила бутылку шампанского и пожелала мне «много счастья в день рождения».

Мои слезы капали в бокал и поднимались пузырьками.

Мне хотелось остаться одной, и я отказалась ехать на ужин. Мерседес была очень раздосадована и не знала, как быть. Телефона нет, чтобы предупредить друзей, надо ехать к ним. Если она оставит меня одну, у нее на душе будет беспокойно... Я уговорила ее поехать. Я прекрасно могу остаться одна, в конце концов, сегодняшней день ничем не отличается от любого другого. Пусть она весело отпразднует мое рождение с друзьями, но без меня. Мне не хочется никого видеть, я устала, я лучше посплю...

Как только она уехала, я прикончила шампанское, запивая каждым глотком таблетку имменоктала. Как раз хватило на всю упаковку. Я твердо решила умереть, уйти из этой невыносимой жизни — я не создана для нее. Я вышла из дома, ночь была теплая. В правой руке я сжимала бритву, которой собиралась вскрыть себе вены. Я шла в темноте наугад и остановилась у загона для овец. От барашков хорошо пахло, они тихонько блеяли. Я села на землю и изо всех сил прижала лезвие к одному запястью, потом к другому. Было совсем не больно. Я легла среди барашков и увидела над собой звезды. Мне стало хорошо и спокойно: сейчас я сольюсь с землей, которую всегда так любила.

Мерседес тем временем замучила совесть: она только выпила с друзьями стаканчик и уехала домой. Не найдя меня, стала звать, вышла в сад, искала, но тщетно. Встревоженная, она пошла к

ближайшим соседям, фермерам, спросить, не видел ли кто молодую светловолосую женщину. И тогда все семейство, вооружившись электрическими фонарями, отправилось искать меня по окрестностям.

Когда меня нашли, я еще дышала, но очень слабо — лежала в глубокой коме, вся перепачканная кровью и землей.

48 часов спустя в больнице Святого Франциска в Ницце сознание мало-помалу вернулось ко мне.

Я лежала, связанная по рукам и ногам, на реанимационном столе, вся в каких-то трубках; я приходила в себя, и с каждой секундой все невыносимее становилась боль. Я была одна, предоставленная самой себе в этой стерильной палате, и мои слабые стоны никому не были слышны. Мое возвращение на грешную землю обернулось сушим кошмаром. Врачи сочли меня сумасшедшей и препоручили психиатрам.

На меня надели смирительную рубашку!

Я была так слаба!

Мне делали рентген черепа, электроэнцефалограммы... Я по-прежнему была привязана к столу пыток, все тело у меня ныло, и я билась, спасаясь от судорог и боли, которые бывают от долгого неподвижного лежания на железе. Приезд мамы положил конец этим мучениям. Я получила наконец право на нормальную палату, кровать и почти человеческое обращение. Однако меня заперли на ключ, а окно было зарешечено.

Слишком измученная, чтобы пытаться встать, к тому же прикованная к кровати капельницами, я удивлялась: зачем столько предосторожностей, неужели они думают, что я убегу? Мои запястья были туго обмотаны марлей и бинтами.

Пускали ко мне только маму. Часами она сидела у меня, и мы обе молчали. Я знала, какую боль ей причинила, но мне самой было так тяжело, что я не могла попросить прощения.

Мне не удалось умереть, улететь, освободиться.

Я была наказана за попытку убить себя: меня заперли, со мной обращались как с помешанной, не признавая никаких смягчающих обстоятельств. Регулярно приходил психиатр и задавал мне безжалостные вопросы о том, что я сделала! Я очень скоро поняла, что следует во всем с ним соглашаться, иначе я рискую остаться здесь на веки вечные. Еще я узнала, что больница окружена фоторепортерами. Осада продолжалась с того дня, как меня привезли сюда, и мою палату запирали именно для того, чтобы кто-нибудь меня не шелкнул. Медсестры рвали друг у друга из рук «Франс-Диманш» и «Иси-Пари», где новость о моем самоубийстве красовалась крупными буквами на первых полосах.

Меня подняли на смех — ведь у меня хватило наглости не умереть.

Зачем я вернулась в этот мир?

Я всегда знала, что люди жестоки, злы, несправедливы, коварны, бесчеловечны, я хотела бежать от них, по-настоящему, предпочтя им другой тлен, более здоровый, — тлен смерти. Мне не дали погибнуть сразу, это произойдет по-другому, в течение всего отпущенного мне времени. Сама жизнь, через тех, кто делит ее со мной, будет уничтожать меня, постепенно, потихоньку, день за днем, утрата за утратой, разочарование за разочарованием.

Рауль Леви и Франсис Кон приехали помочь маме вызволить меня. Они были моими продюсерами, но главное — они были мужчинами, бравшими на себя ответственность в самые трагические моменты жизни.

Под руку с Фран-Франом я покинула этот ад. Я едва держалась на ногах, а вокруг шелкали фотоаппараты всей мировой прессы. Рауль Леви отвез нас с мамой в Сен-Тропез, где должно было начаться мое долгое выздоровление под пристальным надзором. В домике на улице Милосердия я спала с мамой в ее постели: она не отпускала меня от себя ни на шаг, боясь, что я повторю свою попытку.

Мне всегда говорили, что тонущий человек, достигнув дна, обязательно всплывает. Я побывала на самом дне, глубже некуда, теперь я должна всплыть на поверхность, это неизбежно.

Но пока я плавала в мутных водах.

Мама, не переносившая одиночества, пригласила своих подруг. Дом вдруг наполнился очаровательными и недалекими женщинами, которые трещали, как целый вольтер попугаев, объясняя мне, что жизнь прекрасна, что не стоит забивать себе голову проблемами, что их интересуют только драгоценности, любовники, путешествия, зрелища, что они счастливы, когда идут к парикмахеру, счастливы, что у них богатые мужья и т.д. Я жила в другом мире, параллельном тому, о котором говорили они, и твердо решила, что к их миру никогда принадлежать не буду.

Эти дамы были ужасные зануды.

Они отнимали у меня маму. Мне было одиноко из-за них. Они вскрывали почту и комментировали адресованные мне письма. Однажды они прочли вслух, издавая охи и ахи, анонимное письмо, автор которого сожалел, что я не довела дело до конца, одной шлюхой стало бы меньше на земле, и советовал мне в следующий раз броситься с восьмого этажа, вернее будет, а пока я бы лучше занялась своим ребенком, может, не останется времени таскаться по мужикам... Сидя поодаль, я слушала их смех, их пересуды!

Это меня доконало. Ну почему я не умерла?

И всех бы это устроило. А теперь этот долгий путь с множеством препятствий я должна пройти до конца — нет, я не выдержу. Я начала задыхаться в обществе мамы и ее подруг с их дурацкой болтовней.

Фоторепортеры маячили по всему поселку, подстергая меня.

Я снова была пленницей.

Приехал Жан-Клод Симон и привез мне письмо от Сэми. Он ждал меня в одном загородном доме недалеко от Парижа. Его комиссовали, это глубоко отразилось на его состоянии, физическом и моральном. В тот же вечер я уехала с Жан-Клодом на машине, невзирая на причитания мамы и вопли ее подружек.

Дом был уединенный, очень старый, его сняла Марселина Ленуар, импресарио Сэми, специально чтобы скрыть от всех нашу встречу. Какой это был патетический момент! Сэми, худой как скелет, еле держался на ногах, я была бледная, осунувшаяся, еще с повязками на запястьях. Мы обнимали друг друга, боясь сломать. Марселина и Жан-Клод полностью предоставили нас самим себе, купив запас продуктов и настоятельно посоветовав ни под каким видом никуда не выходить, чтобы никто не узнал, что мы здесь.

Телефона в доме не было, до ближайшей деревни — четыре километра.

Там, в полной изоляции, мы с Сэми вместе выздоравливали; с нами был огонь в камине, наши пластинки с классической музыкой и наша любовь. Мы обрели наш собственный мир, так непохожий на мир живых, но и на мир мертвых тоже. Когда кончились припасы, мы питались молочной смесью для новорожденных.

Все, что не «мы», было нам абсолютно чуждо.

Сэми рассказывал мне о своем детстве.

Нас окутывала музыка — концерт для двух скрипок Баха — и освещало пламя.

Однажды, в 1941 году, на улице Розьер в Париже его мать занималась кройкой и шитьем; он был тогда совсем маленький, 3 или 4 года. Он играл на полу и вдруг услышал на лестнице шум. Мать тут же спрятала его под ворох ткани и сказала, что это такая новая игра: надо молчать и не шевелиться, пока она не скажет, что игра окончена. Он слышал громкий стук в дверь, потом незнакомые голоса и топот сапог. Думая, что это все входит в игру, он сидел тихо. Потом он услышал, как мать открыла дверь и сказала: «Подождите минутку, я только возьму пальто, я здесь одна, я сейчас!» Кто-то гремел мебелью, звучали все те же чужие

голоса, стучали по полу сапоги, наконец дверь захлопнулась, топот стих на лестнице, и больше он ничего не слышал!

Он уснул.

Когда он проснулся, было темно. Он проголодался, игра ему надоела; он вылез из своего укрытия и стал искать маму. Нигде ее не найдя, он ухитрился открыть дверь и оказался один на лестничной площадке. Там он расплакался и плакал до тех пор, пока его не обнаружила соседка.

Ни папу, ни маму он больше не увидел; их отправили в Освенцим. Все детство его передавали с рук на руки соседи, дальние родственники; какие-то фермеры давали ему приют, а он пас их коров. В школу он то ходил, то нет, его крестили в католичество, эксплуатировали все, кто только мог. Он прятал свое семитское происхождение под панцирем комплексов, сторонился людей, как дикий звереныш, запуганный, мечущийся, всеми отринутый.

Как жестоко преследует иных людей беспощадная судьба!

Позже, читая романы Ежи Козинского «Пестрая птица», «Шаги», я думала о Сэми — он тоже польский еврей и в каком-то смысле тоже был проклят!

К нам приехала Марселина. Она привезла письмо от Ольги для меня, контракт для Сэми. В наш тщательно оберегаемый мир вторглись чужие.

Я забыла обо всем на свете. Но они-то — нет!

Ольга очень деликатно напоминала мне, во-первых, о своем существовании, немного обиженная, что я не даю о себе знать, во-вторых, о необходимости озвучания «Истины» и о существовании контракта с Франсисом Коном на фильм режиссера Жана Ореля под названием «Отпустив поводья», съемки которого должны были начаться в январе. Я о нем совершенно забыла! Это Жак заставил меня встретиться с Орелем в Сен-Тропезе. Господи, только бы Жак не был продюсером картины или исполнителем одной из ролей! Ну зачем я дала втянуть себя в эту историю? Почему бы не оставить меня в покое!

Посеяла ветер — пожинай бурю!

Пришлось вернуться в Париж, к людям, на авеню Поль-Думер! После полутора месяцев отсутствия дом показался мне странным и чужим. Николя чувствовал себя хорошо, Муся была заботлива и безупречна. Мадам Малавалон как могла исполняла обязанности главы этого маленького семейства и истратила все деньги, которые я оставила! Больше всех обрадовалась мне Гуапа.

Я обнаружила в доме новую горничную, больше ничего нового.

Жизнь входила в свою обычную колею. Счета, налоги, сломался пылесос, течет биде, соседи жалуются на постоянные жож-

дения по площадке из квартиры в квартиру! Дел прибавилось, почта второй месяц ждала меня, дом в Базоше, где я так и не успела побывать, ограбили! Жак подал на развод... В «Мадраг» нужно то, другое, третье...

Мне безумно хотелось уйти куда глаза глядят, навсегда.

Ну почему, почему сплошь плохие новости, хоть бы что-нибудь приятное, веселое, положительное — так нет!

Сэми жил у Марселины Ленуар в Нейи. Там, вместе с Гуапой, я проводила ночи, растворяясь в нем, погружаясь в его любовь до утра.

Однажды вечером, вернувшись с озвучивания «Истины», я стала Жики. Он выглядел как нашкодивший кот, кружил вокруг да около, явно не решаясь заговорить о том, ради чего пришел. В конце концов он спросил меня, не продала ли я дом в Базоше и не разрешу ли ему съездить туда на несколько дней с одной девушкой, в которую он безумно влюбился. Я дала ему ключи.

* * *

2 ноября 1960 года фильм «Истина» вышел на парижские экраны. Меня, разумеется, на этот раз снова не было на премьере. Однако, несмотря на мое отсутствие, фильм был хорошо принят и имел огромный успех.

Вот что писал, например, Жан де Баронселли в «Монд»:

«Наконец-то мы увидели Брижит Бардо такой, какая она есть.

Клузо преобразил ее. Явившись поначалу в своем привычном образе избалованной девочки, взбалмошной и капризной, она превращается во взрослую женщину на скамье подсудимых. Поразительно, как она меняется — другой голос, другой взгляд, даже тело вдруг теряет свою броскую красоту. Когда она кричит о своей любви и о любви человека, которого она убила, это потрясает до глубины души. А ее взгляд затравленного зверя ночью, в тюрьме, когда она сжимает в руке осколок зеркала, — от этого взгляда больно... Насколько велика роль режиссера в этой метаморфозе? Трудно сказать, но наверняка она была решающей».

Итак, ценой своей жизни я стала наконец титулованной актрисой?

По правде говоря, мне больше хотелось быть настоящей, искренней, быть самой собой, со щитом или на щите, чем называться «актрисой», которой я никогда не была!

Фильм имел огромный успех у публики и по сей день остается одной из моих самых больших удач в кино. Он получил награды на многих фестивалях, а я была признана в нескольких странах лучшей актрисой года.

Что ни говори, а приятно!

Разбирая с Малавалон почту, мы наткнулись на письмо, которое глубоко тронуло нас.

Восемнадцатилетний инвалид — он прислал свою фотографию в кресле-каталке — просил меня подарить ему к Рождеству аккордеон: для него это была единственная возможность осуществить свою мечту, так как его семья была слишком бедна, чтобы купить ему инструмент. Некоторые послания западают мне в сердце: так тронули меня письма Бернадетты. Помогать ей, повинаясь своему сердцу, было для меня радостью — вот и после этого письма мне захотелось сделать то же.

Мы обегали весь Париж в поисках аккордеона. Каково же было наше изумление, когда мы узнали цены. Хороший аккордеон стоил 20000 или 30000 франков, футляр от 5000 до 7000. Ужас! Я позвонила моему другу Жан-Максу Ривьеру, музыканту-профессионалу — и попросила найти мне что-нибудь приличное за разумную цену. Вскоре он принес подержанный аккордеон в хорошем состоянии; только футляр был немного потертый, и все за 5000 франков. Играть на этом инструменте ни я, ни Малавалон не умели, пришлось поверить на слово. Не помня себя от радости, я послала юному инвалиду этот аккордеон в подарочной рождественской упаковке и приложила записочку с пожеланием самого большого счастья.

Ответ ошеломил меня.

Да как я посмела, это с моей-то кучей денег, как только у меня наглости хватило прислать ему подержанный аккордеон... Я могу загладить свою вину, разве только если пошлю его матери стиральную машину — новую. И вообще, никакой он не инвалид, он специально сфотографировался в кресле, чтобы узнать, правда ли я такая скряга, как пишут в газетах. Он здорово меня раскусил, а теперь, убедившись в моей жадности, ждал стиральную машину!

Для меня это был жестокий удар. Я разрыдалась. Я была еще слаба и угнетена, у меня не укладывалось в голове, что люди могут быть такими злыми!

Человечество в целом опротивело мне, жизнь тоже. Я потихоньку обратилась мыслями к Николя и стала готовить для него первое в жизни Рождество. Увы! Жак предьявлял права на сына, и я неминуемо заставляла его у кровати Николя в любой час дня и ночи. У меня не было сил выносить эти встречи. Я заходила все реже, просила Мусю предупреждать меня, когда территория будет свободна. Я разрывалась между Сэми, Николя и моей квартирой, такая жизнь не способствовала моему душевному равнове-

сию. У меня на Поль-Думере — никакой семейной обстановки: Малавалон уехала, и по вечерам в доме было пусто и тихо.

От того, что мы с сыном жили в разных квартирах, пропасть между нами, естественно, увеличивалась.

В январе начались съемки фильма «Отпустив поводья»; моим партнером был Мишель Сюрор.

Мне так хотелось быть «другой», что я даже перекрасила волосы в каштановый, мой естественный цвет; это совсем не понравилось продюсерам, Жаку Ройтфельду и Франсису Кону. Но фильм все равно был идиотский!

Я только начинала выходить из очень глубокой депрессии, и мне было плевать, что из этого получится. Это был просто способ развеяться — не хуже любого другого.

Жан Орель, режиссер, мнил себя гением. Я же гениальности в нем не находила, можно сказать, даже искала, но тщетно. В нем была какая-то мягкотелость, нерешительность, и в то же время самодовольство, весьма опасное для главы такого предприятия, как постановка фильма. По вечерам, просматривая отснятый материал, безнадежно серый, мы слышали одинокий смех Жана Ореля — он был в восторге, находя каждый кадр шедевром века...

* * *

Жики, пылко влюбленный в свою Анну, скрывался с ней в Базоше. Он с юмором рассказывал мне об их первой ночи в незнакомом и нежилом доме. Когда приехали, все было чудесно: затерянная хижина, внутри холод, они согрелись, всю растопив камин, пламя было единственным освещением — какая романтика!

Но любовь и свежая вода... этого мало.

Особенно когда воды нет!

Жики взял ведро и пошел в непроглядной темноте искать родник. Он упал в воду, вернулся промокший и продрогший до костей, но с полным ведром! Потом им захотелось есть! Я когда-то неопределенно распорядилась доставить какие-нибудь консервы, на всякий случай... Они нашли так называемый «продуктовый шкаф» — полупустой стенной шкафчик, где красовались две банки рагу с фасолью, сардины и три пакета лапши. Они выбрали рагу... но белая фасоль и сосиски оказались не первой свежести. Им было худо всю ночь. Одного ведра воды не хватило, Жики пришлось пять раз подряд бегать к роднику. Он получил сильнейший насморк вдобавок к поносу, который мучил обоих в течение суток.

С тех пор Жики успел отремонтировать водопровод и заново провести в дом электричество. Он очень мило обставил комнату,

которая служила им привратницей; там же они спали, ели, любили друг друга и однажды пригласили нас с Сэми на воскресенье.

Была зима; места, которые я видела такими красивыми, стали голыми и унылыми. В мае, когда я покупала дом, его не было видно под побегами вьющихся роз — теперь же он походил на старуху с изборожденным глубокими морщинами лицом, которое не скрывала больше вуалетка из цветов и листвы. Я была убита! Не решалась войти... боялась увидеть, сколько предстоит сделать, переделать, привести в порядок. Но, толкнув низкую дверь разделенной перегородкой надвое конюшни, я застыла в изумлении. Жики сотворил чудо: немногочисленная мебель была живой и милой — большая кровать, стол, накрытый клеенкой, такой гостеприимный, с салатами, бутылками, стаканами, свечами. Большое и яркое пламя в камине.

Пахло счастьем.

Я впервые увидела Анну, очаровательную молоденькую женщину с упрямым личиком девушки с далеких островов. Она жила легко, считая вполне естественным, что Жики все делает и за все отвечает! Как она была права — надо пользоваться этим благословенным отрезком времени, который предшествует собственно супружеству в социальном и бытовом смысле. Этот день пошел нам на пользу: мне тоже не пришлось ничего делать, и каждую минуту я вкушала в полной мере. Я решила не продавать Базош и попросила у Жики позволения проводить здесь воскресенье. Хорошо приезжать к себе, если тебя принимают как в гостях! Ни о чем не болит голова, наслаждаешься сегодняшним днем сполна — а то ведь я уже падала под грузом забот!

Фильм, к которому я возвращалась каждый понедельник, мало-помалу становился самой большой клюквой века. Однажды я попросила продюсеров зайти ко мне в уборную и без обиняков заявила им: «Я — пас!»

Только что вышла «Истина», это был шедевр.

После нее меня признали «актрисой» в полном смысле слова, даже самые желчные критики, скрепя сердце и перо, выдавливали из себя: «Надо признать, что Брижит Бардо...»

Мне это удалось дорогой ценой, и я не желала все испортить из-за колоссальной ахинеи, которая мне надоела до смерти. Я пошла на риск — дело могло кончиться скандальным процессом, так, кстати, и случилось, — и поставила их перед дилеммой: или я просто-напросто прекращаю сниматься, или пусть приглашают другого режиссера. Я знала, что учу ученых: продюсеры сами за голову хватались при виде того, что за фильм получался.

Они были просто счастливы, что вопрос об отставке Жана Ореля решила я.

Капризом больше, капризом меньше — мне-то терять нечего!

Проблема была в том, чтобы найти замену. Режиссеры — народ дружный, никто из «маститых» не хотел занять место уволенного товарища, пусть даже отставку он получил по причине полнейшей бездарности. Однако Вадим — ради дружбы с Франсисом Коном, из симпатии ко мне и еще потому, что он глубоко презирал Ореля, — согласился помочь нам в этой исключительно щекотливой ситуации.

Нет ничего труднее, чем вот так, на ходу, включиться в начатый фильм!

Вадиму пришлось перекроить сценарий на свой лад, пригласить нового автора диалогов — Клода Брюле, просмотреть весь отснятый материал и отобрать хотя бы минимум, чтобы не выбрасывать три недели работы в корзину. Штопать и подклеивать было в десять раз труднее, чем создавать собственную картину.

В это же время меня вызвали в суд для примирения с Жаком! С ума они сошли, что ли, эти судьи, если думают, что я помирюсь с Жаком? Мы решили развестись не для того, чтобы упасть в объятия друг друга перед согласительной комиссией.

Все эти формальности — дело ужасно грустное и удручающее. Каждый в сопровождении своего адвоката, мы избегали смотреть друг на друга, говорили вполголоса и стали еще более чужими, чем прежде. А ведь у нас было немало хорошего, были какие-то чувства, было согласие, мы произвели на свет ребенка, с нежностью сжимали друг друга в объятиях — все эти прекрасные картинки из книги, которую мы закрыли, терялись в нагромождении обид, печали, боли, непонимания.

Ну почему это невозможно сохранить? Я снова мысленно переживала наш брак, отвечая «да» на традиционный вопрос «вы абсолютно уверены, что хотите развода?». «Да», чтобы соединиться, «да», чтобы расстаться — какая насмешка! Я вышла оттуда подавленная.

Бабуля неотлучно была при Николае.

Она обожала своего правнука и часами ползала на четвереньках, играя с ним. Ему только что исполнился год. День его рождения отпраздновали в семейном кругу, даже Жак принял участие в этом маленьком событии. Был и пирог, которого именинник в упор не видел, куда больше заинтересованный пламенем свечи.

Каждый раз, когда я приходила, он начинал вопить как резаный!

Я чуть не плакала...

Бабуля называла его «своим дорогим сокровищем» и всячески оправдывала. Муся, движимая чувством собственности, изгоняла меня из их мира. Она пеняла мне, что ребенок из-за меня нервничает. Весело, ничего не скажешь! Я спрашивала себя, какого черта я вообще здесь делаю, и, поджав хвост, уползала к Гуапе.

* * *

Съемки «Отпустив поводья» возобновились с Вадимом.

Мы выехали на натуру в Виллар-де-Лан. Немного снега, атмосфера зимнего курорта должны были оживить картину. Сэми остался в Париже, и я, злая как собака, слонялась по гостиничному номеру, затянутому пыльными гардинами. Здесь было еще безобразнее, чем в Кортине д'Ампеццо, хотя уж там-то!.. Снег казался грязным за грязными стеклами! Встав в семь утра, в полной темноте, и заgrimировавшись в восемь, при электрических лампах, я была отвратительно бледной в девять, когда мы начинали съемку на лютом холоде. От мороза у меня немело лицо, краснел нос, зеленела кожа. Дететта с заледеневшей пуховкой, замороженными карандашами и застывшими румянами при всем своем таланте была бессильна.

Каждый был здесь при своей. Вадим притащил с собой семнадцатилетнюю брюнеточку, которая носила прическу, как у меня, и одевалась, как я. Звали ее Катрин Денёв. Она выглядела этаким простушкой, чем иногда ужасно раздражала.

Однажды мы отправились снимать в «Мушротт» — затерянный высоко в горах приют, куда можно было добраться только по канатной дороге. Там, вдали от машин, автострад и прочих примет цивилизации, природа была прекрасна.

Гостиница, вся деревянная, но очень комфортабельная, с огромным камином и диванчиками из козьих шкур, наконец-то походила на то, что хочется увидеть в горах. Светило солнце, работать было приятно и легко. Часам к трем пополудни яростные порывы ветра нагнали тяжелые облака. В надежде, что солнце еще появится, мы ждали, коротая время за большими бокалами подогретого вина с корицей. Но чем дальше, тем сильнее становился ветер и чернее тучи. Когда идет съемка, никто не имеет права уходить до конца рабочего дня, даже в случае дождя или снега: продюсеры всегда надеются, что долгожданный солнечный луч проглянет и позволит доснять эпизод.

В результате в 6 часов вечера, когда нам объявили, что можно расходиться до завтра, директор гостиницы, витиевато извиняясь и сокрушаясь, объяснил, что из-за бурана канатная дорога не работает.

Уехать невозможно. Мы отрезаны!

Мой 20
век

Я хотела стать олицетворением и символом Франции.
И я этого добилась.

3 августа 1933 года.
Свадьба моих родителей
Луи Бардо
и Анн-Мари Мюсель
в церкви
Сен-Жермен-де-Пре.

Я, совсем еще крошка,
с игрушками в своей комнате.

Мне 8 лет, и я учусь танцевать. Это моя первая артистическая фотография.

1945 год. С моим котенком Крокусом. Надо ли напоминать, что уже с детства я обожала животных.

Июнь 1945 года. На причастии в платье, которое принадлежало моей бабушке и маме.

Инициалы Б.Б.

1946 год. Уже «звезда»
на курсах танца Бурга, я даю руку
моей подруге Сесиль Обри
(сидит за пианино).

Мне 16 лет.
Первый публичный
спектакль на «Де Грасс».

1949 год. Танец стал смыслом моей
жизни: я только что получила
первую грамоту в консерватории.

Брижит Бардо

Первые пробы к фильму «Лавры сорваны» режиссера Марка Аллегре. Фильм не удался, зато я встретила молодого ассистента режиссера Вадима Племянникова и нашла свою любовь...

Журнал «ELLE» №232
от 8 мая 1950 года.
Режиссер Марк Аллегре
увидел эту обложку
и предложил встретиться.
Тут против моей воли
и изменилась моя судьба.

21 декабря 1952 года. День моей свадьбы.
С моими родителями и матерью Вадима.

Лето 1952 года.
С Вадимом,
очень
влюбленные.

Париж.
В гостях
у Марка Аллегре.
Марк
разрабатывает
с Вадимом
сценарии,
которые должны
сделать из меня
звезду.

Октябрь 1953 года. Мой первый и последний театральный опыт. Клоун, милый коккер-спаниэль, поддерживает меня в театре «Ателье». В день премьеры автор Жан Ануй написал мне: «Не волнуйтесь, я приношу удачу».

Инициалы Б.Б.

1955 год. Рим.
Знаменитая сцена купания в фильме «Уик—энд с Нероном», в котором я снималась с Альберто Сорди. Я потребовала, чтобы крахмал заменили молоком.

1956 год. Фильм «И Бог создал женщину», после которого меня по-настоящему заметили. Мой партнер Жан-Луи Трентиньян пронзает меня взглядом.

Нежные моменты с Жаком Шарье, моим партнером по фильму «Бабетта идет на войну». 18 июня 1959 года он стал моим вторым мужем.

1960 год. Мой любимый фильм «Истина». С Сэми Фрейем. После этого фильма я стала известной актрисой.

С Жаком Шарье. Я снимаю свое кино по другую сторону камеры!

Сентябрь 1958 года. Фестиваль в Венеции. Саша Дистель (справа) и Рауль Леви (слева), удачливый продюсер картины «И Бог создал женщину».

Когда я снималась в фильме «Женщина и паяц», меня учили секретам дивного и чувственного танца фламенко.

17 апреля 1970 года.
С Жан-Полем Бельмондо и Жан-Пьером Касселем, моим партнером по фильму «Медведь и кукла».

1956 год. Фестиваль в Каннах. Пикассо приглашает меня в свою мастерскую. Я очарована, но не решаюсь попросить нарисовать меня.

Незабываемая встреча с Жаном Кокто во время гала—концерта в «Опера». Он сказал про меня, что я «жила как все, не будучи ни на кого похожей».

Февраль 1965 года. Мерибель. Система «звезд» обязывает, и я только что подарила себе «роллс-ройс».

28 сентября 1965 года. С Жанной Моро и Бобом Загури в гостинице в Гассене.

Загримированная под мать—настоятельницу,
Дедетта, моя гримерша,
между своими звездами — Анни Жирардо и мной.

Октябрь 1967 года.
Вместе с Сержом Гейнзбуром в клипе
«Бонни и Клайд».

Съемки фильма Годара «Презрение».

В Голливуде
я встретила великих
американских «звезд».
И была очарована
голубыми глазами
Пола Ньюмана.

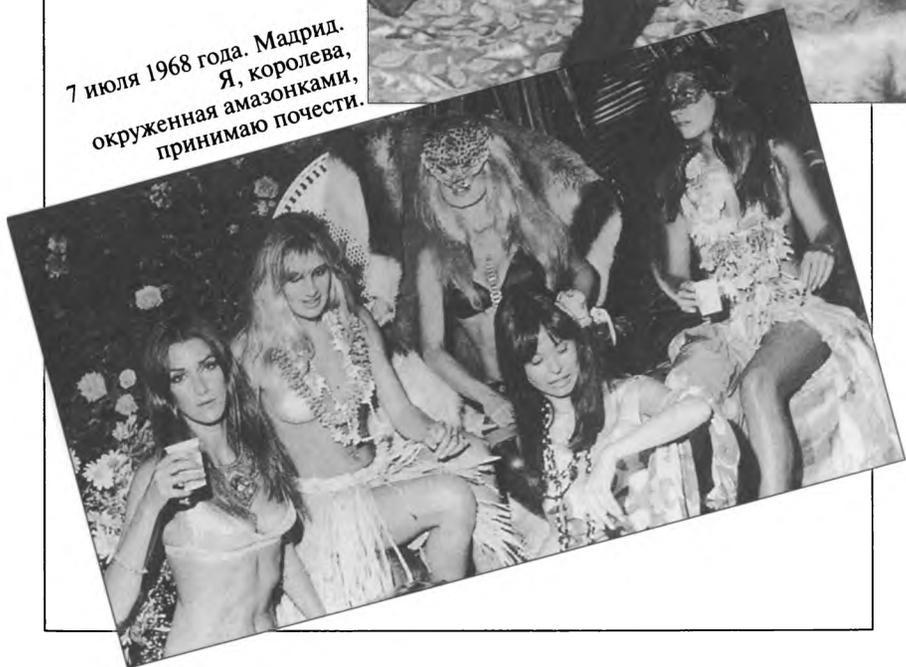
Осень 1968 года.
Лондон.
Меня представляют
принцессе Маргарет
во время премьеры
вестерна «Шалако»
с Шоном Коннери.

Это я... как Чарли!

7 июля 1968 года. Мадрид.
Я, королева,
окруженная амазонками,
принимаю почести.

Инициалы Б.Б.

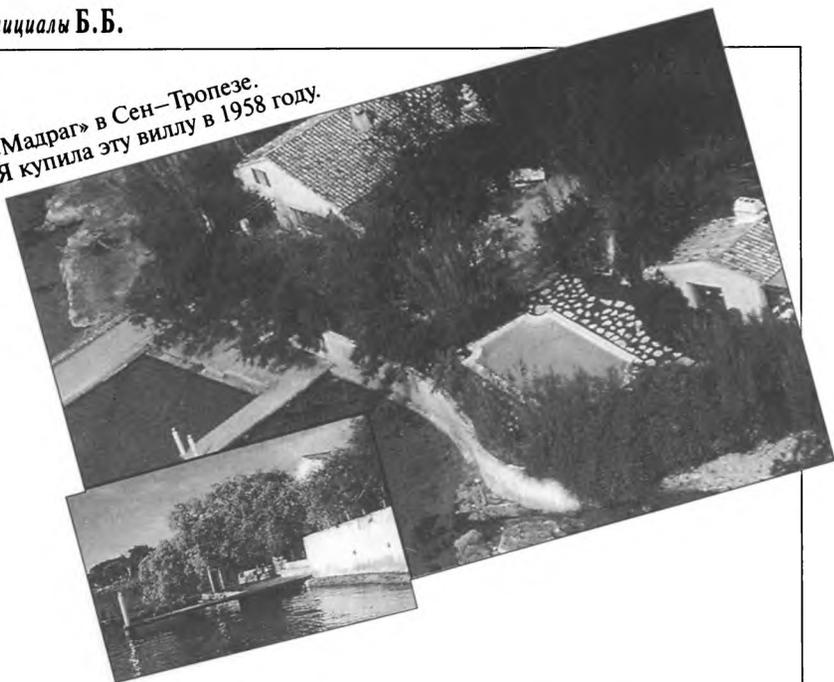

1965 год. Мексика. Съемки фильма «Вива, Мария!»
Я приучила симпатичную маленькую утку,
которая повсюду следовала за мной. Вся съемочная группа
меня дразнила, что бросят ее в кастрюлю.

Инициалы Б.Б.

**«Мадраг» в Сен-Тропезе.
Я купила эту виллу в 1958 году.**

С моей дорогой бабушкой.

**Папа приехал
ко мне в Мексику.**

Моя сестра Мижану,
которая очень похожа
на Гарбо, и ее муж,
актер Патрик Бошо.

С сыном Николя.

Инициалы Б.Б.

1966 год. Дождь из роз, прошедший над «Мадраг», сделал миллионера и плейбоя Гюнтера Сакса моим третьим мужем. Настоящий господин.

31 марта 1971 года.
Перед 30 тысячами
зрителей я делаю
первый удар по мячу
в футбольном матче
между Францией
и Бразилией.
Пеле представляет мне
свою команду.

Кристиан пытается
заставить меня
забыть прошлое.

В Мерибель
с моей верной мадам Рене.

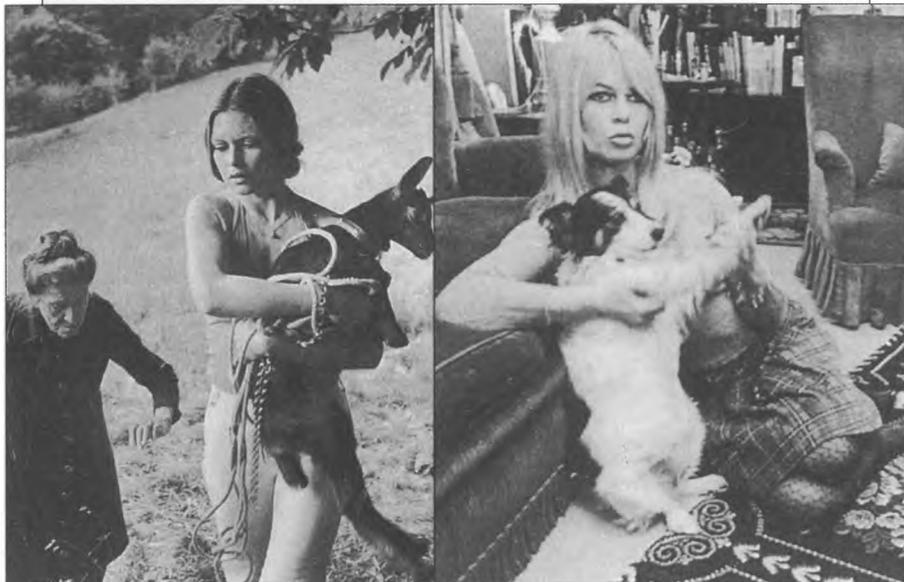
Инициалы Б.Б.

**День усыновления.
В приюте для животных
в Женевиле.
Растроганная и разъяренная
от того, как страдают
животные, я беру пять
собак и десять кошек.**

За мной идет крестьянка, у которой я только что купила ягненка, чтобы спасти его от неминуемой смерти.

Пишну и Колинетта, козочка, делили мою постель, несмотря на недовольствие директора гостиницы.

Инициалы Б.Б.

1973 год. Последний кадр из моего последнего фильма «Колино...» — символ моей будущей жизни, посвященной животным. Прощай, кино!

Нет, это только со мной вечно что-то случается, и что за пакость эта «канатка» — чуть подует ветерок, и она уже не работает. Я просто взбесилась и заявила, что спущусь пешком: мне было невыносимо чувствовать себя пленницей чего бы то ни было. Но, едва высунув нос наружу, я тотчас передумала. Снежная буря, достойная степей Великой Руси, яростно билась в окна и двери. За два шага ничего не было видно. Телефонные провода были оборваны, ветер угрожающе завывал в вершинах елей, Дракула наверхья бродил где-то поблизости! Ничего не поделаешь, пришлось смириться.

Несколько имеющихся комнат отдали женщинам; рабочие получили раскладушки и спальные мешки. Свет вдруг погас, нас освещал только огонь в камине да свечи. Нам подали фондю из сыра на пятьдесят человек.

Все это начинало походить на роман Жюль Верна.

Меня бесило, что при мне нет зубной щетки и что я не могу предупредить Сэми — теперь он будет всю ночь названивать в отель и строить всякие догадки, почему я не вернулась. Без толку клясться и божиться, что я была отрезана в «Мушротте», высоко в горах, — он все равно не поверит.

Нас с Дани и Дедеттой устроили в прелестной маленькой спальне, но спать нам не хотелось, и мы присоединились ко всей компании в общей комнате, которая походила на приют для беженцев.

Снаружи бушевала буря.

Внутри пламя камина и свечей освещало наши движения, когда мы стали играть в «посланников» — игра заключается в том, что надо сообщить своей команде какую-нибудь фразу, название фильма или книги без единого слова, только жестами, мимикой, ужимками и гримасами, и это то и дело давало повод к взрывам хохота. Мы разделились на «толковых» и «бестолковых». На тех, кто угадывал с пол-оборота, и лопоухих недотеп, ни черта не понимавших. Клод Брассёр, Вадим и Серж Маркан были признаны «несравненными». Я вместе с Дедеттой, ассистенткой режиссера, Франсисом Коном и Мишелем Сьюбором попала в «толковые», а дальше шла длинная вереница «бестолковых», в том числе Катрин Денёв, Мирей Дарк и Дани, неловкие, неестественные, скованные и начисто лишённые воображения!

Я сохранила чудесные воспоминания о приюте «Мушротт» и поклялась себе, что когда-нибудь приеду сюда отдохнуть.

Заканчивали съёмки в Париже, в павильоне. Я танцевала полуголая — вероятно, чтобы подороже продать фильм. Вадим придумал сон Мишеля Сьюбора, что давало простор всяким неправдоподобиям.

К реальной же действительности я возвращалась каждый вечер.

Она звалась Сэми, Николая, Муся, Малавалон, Гуапа! Дом на Польш-Думере походил на корабль, покинутый капитаном. И я решила вернуться в родные пенаты вместе с Сэми. В конце концов, я развожусь, не требую никакого содержания, денежного или иного, с Жаком у меня не осталось ничего общего, и я имею право, если мне так нравится, спать в своей постели с женщиной, которого люблю!

Но приручить Сэми оказалось нелегко!

Он был из той породы мужчин, что не приемлют зависимости от женщины, даже если любят без оглядки. В доме пришлось сделать полную перестановку! Гостиная превратилась в спальню, угол заняла большая кровать, заваленная диванными подушками, моя спальня стала комнатой Николая и Муси, маленький кабинет остался обителью Мала, как я вскоре стала называть госпожу Малавалон. Квартира напротив была сдана внаем с мебелью. Получилось что-то вроде роскошного кемпинга, зато все было по-новому — только при этом условии Сэми согласился поселиться со мной.

Кристина Гуз-Реналь, зайдя меня навестить, нашла эти перемены странными. Кровать в гостиной показалась ей извращением: что это мне вздумалось устроить какую-то привратническую, где и спят, и едят, и принимают гостей, в то время как квартира дает возможность более целесообразных решений — для нее это был нонсенс. Когда же горничная, замарашка в очках, принесла нам шампанского, держа высокие бокалы в правой руке и зажав бутылку под мышкой левой, негодование Кристины достигло предела:

— Брижит, как ты — ты! — можешь терпеть подобное обслуживание?

— Но я же не могу ей объяснять, у меня нет времени, она все равно ничего не поймет и уйдет!

— Дорогая моя, ты — звезда, ты должна иметь службу на должном уровне, принимать гостей как подобает; тебе нужно нанять супружескую пару!

— Пару?

— Ну да, чтобы жена готовила и вела хозяйство, а муж исполнял обязанности дворецкого, занимался машиной и так далее!

— Но комната для прислуги крошечная, и кровать в ней односпальная!

— Не беспокойся, завтра же тебе доставят двухспальную кровать, и уж сделай мне одолжение, обзаведись достойной прислужкой.

Сказано — сделано.

В дом чередой потянулись «пары».

Мала производила отбор. С ума сойти, до чего они все были требовательны!

Окинув взглядом тесную комнатушку и жалкого вида маленький умывальник — рудимент отсутствующих удобств, — они уходили с презрительными гримасами. В конце концов мне удалось отыскать итальянцев. Я была счастлива, что говорю на их языке, и заранее облизывалась, предвкушая, как они будут стряпать нам свои спагетти.

Но дом оказался совершенно не оборудованным для роскошной obsługi. Пришлось покупать тарелки, блюда, ведерки для шампанского, скатерти и салфетки, форменные куртки для дворецкого, черные блузы и белые фартучки, всевозможные мясорубки и овощерезки, — в общем, кучу барахла, которое нам абсолютно негде было держать. Я освободила один из стальных шкафов и, не зная, куда девать свои платья и свитера, запихала их в дорожную корзину.

В половине восьмого утра мы с Сэми просыпались от грохота посуды и причитаний на итальянском языке: это наша «пара» в кухне, за стеной гостиной, с нетерпением ожидала нашего пробуждения, чтобы начать «вести хозяйство». Я выходила из «спальни-гостиной» и шла в ванную, которая располагалась прямо напротив кухни. Всякий раз я, почти голая, сталкивалась нос к носу с моим дворецким. Он взирал на меня похотливым взглядом, а толстуха-жена из кухни поносила его на чем свет стоит.

Это было невыносимо!

Я пригласила Кристину выпить чаю, который был подан по всем правилам церемониала: столик на колесах, салфеточка, чашки, серебряный чайник, вазочка с печеньем и прочая морока. Дворецкий стоял за столиком навытяжку, следил, чтобы у нас не было ни в чем недостатка, и не дал нам сказать друг другу ни слова. Он слушал наш разговор, сцепив руки за спиной, в белой форменной куртке, уж такой благопристойный, дальше некуда.

Я была на грани истерики!

Кристина была на седьмом небе.

Вот как мне полагается жить, вот мой жизненный уровень!

До чего же смешно: Кристина, свояченица Франсуа Миттерана, первого социалиста Франции, ратовала за безупречную обслуживание, а я, всегда державшаяся правых взглядов, плевать на эти вещи хотела с высокой колокольни!

На следующий же день я их уволила: уж лучше все делать самой, чем до такой степени лишиться личной жизни. Вся громоздкая кухонная утварь отправилась в подвал, а платья вернулись в мой милый стальной шкафчик.

Всякий раз, выходя куда-нибудь вдвоем, мы с Сэми спускались по черной лестнице, чтобы случайно не столкнуться с Жаком. Но вот незадача — Жак, когда приходил повидать Никола, тоже предпочитал черную лестницу, чтобы не встретить нас! В результате мы натыкались друг на друга!

XVII

В марте 1961 года я проводила все воскресенья в Базоше, «у Жики и Анны». Домишко XVIII века стал моей тихой гаванью, где я обретала покой и простые радости жизни.

В субботу мы с Сэми выезжали сразу после работы и поспевали к обеду. Пахло тушеным мясом, деревней, дымком от камина, папахивало плесенью в нежилой комнате, где мы ночевали, наспех проветренной и протопленной к нашему приезду. Перед тем как мы ложились, Жики наполнял грелку раскаленными углями и согревал лежачие простыни. Мы жили по старинке, без удобств, зато в человеческом тепле, которое стоит — о, еще как! — всех достижений современного комфорта. Шел снег, было бело и холодно, вечером у камелька я предавалась ностальгическим воспоминаниям о «Мушротте».

Мы решили переменить обстановку и отправиться туда завтра же. Жики сел за руль моего «рено» с откидным верхом, но наглухо закрытого. С ним была Анна, а еще — Маша, белая кошечка, которая жила в Базоше; мне подарил ее Жан-Поль Стеже, юный друг животных — с 12 лет он начал непримиримую борьбу за их защиту и подобрал однажды полуживого котенка в канаве в Венсенском лесу. Сэми, Гуапа и я ехали следом в «симке».

Автострады не было.

Дороги обледенели; мы остановились на ночь в гостинице в Бург-ан-Бресс. Нас попросили заполнить карточки. Меня никто не узнал... Сэми написал: «Камилло Гуапа, испанец, танцор», а Жики записался под своим настоящим именем — Гислен Дюссар, — но указал профессию: «канатоходец». Мы пришли в восторг от нашей выдумки!

Каково же было наше изумление, когда мы, просматривая местную газету, которую нам принесли на подносе вместе с завтраком, прочли: «Брижит Бардо провела ночь инкогнито в Бург-ан-Бресс в сопровождении Камилло Гуапа и знаменитого канатоходца Дюссара». Решительно, нет никакой возможности избавиться от этих липучих как смола идиотов-газетчиков, готовых прославить совершенно незнакомые имена по той единственной причине, что они были связаны с моим. «Знаменитый канатохо-

дец Дюссар» запомнился нам навсегда. Жики сохранил записку и даже поместил ее в рамку, гордясь, что его официально признали «канатоходцем», — это при том, что у него кружилась голова, когда надо было пройти по подвесному мосту.

Добравшись наконец до места, мы оставили машины на стоянке и, подхватив вещи, кошку и собаку, сели на «канатку».

Прибыв наверх, в «Мушротт», мы просто ошалели от счастья.

Было так красиво, так тихо, мы — единственные постояльцы, вокруг — ни души, ну просто рай! И Анна, и я были азартными игроками в «крап». Мы тотчас уселись за столик с колодой карт, а Сэми с Жики тем временем занимались нашим багажом и зверьем.

На следующее утро пробуждение было далеко не столь радостным.

Снежная буря опять отрезала нас от мира, причем на неопределенный срок. Канатная дорога вышла из строя, багажную платформу завалило снегом, податься нам некуда. Я была на грани истерики! Хозяин в тот день, наверно, выслушал больше оскорблений, чем за всю свою жизнь. Уж я не поскупилась на эпитеты. Я была вне себя, я ни минуты лишней не могла вытерпеть этого нового заточения. Пусть устроят в этом «Мушротте» тюрьму, а не гостиницу, ишь ты — комнаты с пансионом, день заключения влетает в кругленькую сумму! Да они это нарочно делают, ей-богу, чтобы задержать постояльцев как можно дольше! Не помня себя от ярости я расплатилась за ночь и решила спуститься пешком.

Кто любит меня — за мной!

Первой на мой призыв откликнулась Гуапа, за ней последовал Сэми с чемоданами. Анна семенила далеко позади: туфельки на каблуках и сумка от «Шанели» мешали ей идти быстрее. Жики, посадив кошку к себе под пуловер — ее голова торчала на уровне ключиц — и взяв по дорожной сумке в каждую руку, проделал половину пути на пятой точке.

Спускались мы часа два или три, не меньше. Жики был весь в крови: кошка вцепилась в него всеми когтями при каждом падении. Чемоданы съехали своим ходом, подгоняемые пинками. Мы, насквозь мокрые от снега и пота, были не похожи на людей.

Первое же бистро стало нам пристанищем.

Жики зашел в туалет, разделся донага и вымылся с ног до головы, не обращая внимания на ошеломленную официантку. Я заказала шампанского, чтобы нам взбодриться после пережитых волнений!

Шампанского?!

Кукла-официантка вытаращила на меня круглые глаза. Даже

вид голого Жики не произвел на нее такого впечатления, как мой заказ. Да она что, правда не знает, что это такое? Я потребовала хозяина; явился этакий пентюх, в котором не было ничего человеческого, кроме, разве что, удостоверения личности. Его мутные глаза тоже удивленно вытаращились. Решительно, судьба была против нас. Гуапа выпила воды, Маша — молока, а мы — пива, шампанского отсталых горцев!

В тот же вечер мы отправились обратно в Базош. Ехали всю ночь, чтобы не столкнуться с местной прессой, которая опять могла заинтересоваться «знаменитым канатоходцем Дюссаром» и не менее знаменитым «танцором Камилло Гуапа»! Наш домик спал под толстой снежной шапкой. Вокруг было тихо и прекрасно. И взбрело же мне в голову куда-то ехать за тем, что было у меня здесь!

Вот она, глупость человеческая!

* * *

Я никогда не проявляла особого интереса к политике.

Но перед Де Голлем я преклонялась, я питала к нему почти дочернее чувство. Под властью этого человека французам жилось спокойно. Он был нашим лидером, нашим отцом. Опытный и компетентный политик, он правил нами мудро и твердой рукой, что позволяло целиком и полностью полагаться на него. У него хватило мужества предоставить независимость Алжиру... Это не всем понравилось! ФНО, ОАС — я уже слышала эти аббревиатуры, они не слишком пугали меня. По-настоящему я осознала серьезность ситуации, только когда апрельским вечером, возвращаясь из Базоша, увидела десятки танков, перегородивших мост Сен-Клу!

Так значит — война!

Это напомнило мне мое детство!

С большим трудом я добралась до авеню Поль-Думере. Сводки новостей по телевидению и радио были самые пессимистичные.

В Париже запахло жареным!

Я решила немедленно уехать в Сен-Тропез с Николая, Мусей, Сэми и Дедеттой. Там, по крайней мере, не было ни танков, ни военных кораблей, все как будто тихо. Было начало весны, «Мадраг» вновь обретал день ото дня свою тропическую пышность, и я могла бы там жить да радоваться с Капи, который был счастлив, что я приехала, и с Гуапой, которая была счастлива, что у нее снова появился воздыхатель. Так нет же — опять я столкнулась с массой бытовых проблем. Муся дулась из-за того, что я поселила ее с Николаем в комнату для гостей, выходящую прямо к морю. Там-де неудобно, сыро, бедный малыш простудится насмерть!

В результате Николая, закутанному, как луковица, не позволялось и носа высунуть наружу... даже когда ласково пригревало солнце, он проводил дни в кровати, укрытый одеялами.

Я бесилась! Разве так воспитывают детей?

Сэми тем временем дулся, потому что его раздражала Дедетта: она, видите ли, думает только о жратве!.. Что-нибудь вкусненькое на завтрак, блюдо по новому рецепту на обед, отведайте, такого вы никогда не пробовали!

Сэми не любил есть.

Для него еда была необходимостью, а не удовольствием. Он закрывался в нашей спальне и грыз галеты «Миликаль» — диетическое кушанье для женщин, боящихся располнеть. Дедетта садилась за стол одна — даже Муся отказывалась от ее любимых рагу и считала, что они слишком тяжелы и жирны для Николая. Я же металась между ними, пытаясь сгладить острые углы, пробовала, оценивала, очень нравится, не очень нравится... как же мне это все надоело!

Я оставляла Сэми с его метафизическими проблемами, Дедетту с ее кастрюльками, Мусю с ее претензиями и бежала из собственного дома, надеясь за его стенами найти хоть немного веселья, хоть немного тепла!

Над пустынным еще портом пахло йодом и мокрым деревом; чайки с криком носились вокруг тралов, которые поднимались, полные рыбы. Франсуа из «Эскинада» и Феликс-Портовый грелись на солнышке, потягивая анисовый ликер. Они говорили с теплым средиземноморским акцентом, они находили меня красивой и смешили до слез своими живописными рассказами. Роже Урбини, компаньон Франсуа, итальянец, искрился жизнерадостностью и юмором, превращая самые серые будни в праздники. Они окликали туристов, называя их «мамаша» и «папаша», отчего возникали уморительные ситуации. Или принимались отплясывать ча-ча-ча на набережной и, подхватив первую попавшуюся кумушку, кружили ее в объятиях.

С ними время проходило быстро, и мне было весело.

Когда же я в последний раз смеялась?

Я тащила на себе тяжкий, неподъемный груз, он омрачал мои дни, и я видела только темную сторону жизни. Мне было 26 лет, благодаря чуду из чудес я еще жила — но как же, если вдуматься, мало жила! Мне вдруг захотелось сбросить с себя весь этот незримый, но чересчур тяжелый груз, мешавший мне насладиться самым драгоценным, что было у меня в этом мире — молодостью!

Мои Весы редко бывают в равновесии, меня может в мгновение ока бросить из одной крайности в другую. К чертям пессимизм Сэми, кулинарные изыски Одетты, лупоглазую физионо-

мию Муси и хныканье Николая. Меня увлекла здоровая жизнерадостность моих друзей, опьянила свобода, танцы, смех и джин с тоником. Они обнимали меня за талию, я видела свое отражение в их глазах, и оно мне нравилось. Франсуа был особенно нежен и внимателен ко мне. В конце концов, имею я право пожить немало для себя!

Мои побеги из «Мадрага» не способствовали мирной жизни. Сэми решил вернуться в Париж, чтобы репетировать пьесу Брехта, которую ему предстояло играть в Театре-студии на Елисейских Полях. Воспользовавшись его отъездом, я отправила домой Мюсю, Николая и Одетту. Уф-ф!

На смену им заступили Кристина и Роже Анен.

Дом снова стал таким, каким я его любила.

С Франсуа мы теперь не расставались...

Он чудесно ладил с Кристиной и Роже: ее смешил до слез, а с ним состязался в рассказывании забавных историй, причем Роже говорил с алжирским акцентом, а Франсуа — с марсельским. Я купалась в безмятежном блаженстве, ничем больше не занимаясь. Франсуа освободил меня от всех забот. У него был опыт в приготовлении прекрасных обедов, веселых вечеринок, все он делал с отменным вкусом. Стояла дивная погода, и я забывала Сэми с его нравственными терзаниями в объятиях Франсуа — этот мужчина, шестнадцатью годами старше меня, наконец-то подставил мне надежное плечо, о котором я так мечтала.

После ужина мы все отправлялись в «Эскинад», ночное кабаре, которое держали Франсуа и Роже Урбини, лучшее в Сен-Тропезе. Там мы танцевали до упаду, смеялись, флиртовали. Кристина была счастлива, видя меня в такой прекрасной форме.

В июне я должна была начать сниматься в фильме, продюсером которого была она, а режиссером Луи Маль. Картина называлась «Частная жизнь» — собственно, это была моя жизнь, представленная в виде романа под кинематографическим соусом. Кристина очень рассчитывала на успех этого фильма, чтобы заявить о себе как о продюсере.

«Истина» стремительно возвела меня в ранг настоящей трагедийной актрисы. Но следующая моя картина, «Отпустив поводья», своей серостью и пошлостью тормозила мой взлет к вершинам славы.

Кристина для своего фильма припасла сильный козырь: мужчиной моей жизни должен был стать Марчелло Мastroянини, звезда итальянского кино. Но у меня еще был контракт на начало мая: мне впервые предстояло встретиться с Аленом Делоном в одной из новелл «Знаменитых любовных историй», которые ставил Мишель Буарон. Новелла называлась «Агнес Бернауэр».

Я поручила Капи и «Мадраг» Жики и Анне, в очередной раз проклиная злосчастное ремесло актрисы, которое вечно заставляло меня покидать домашний очаг, чтобы зарабатывать на свою собачью жизнь!

Мы выехали на машинах в сумерки. Кристина и Роже — впереди, в их американском автомобиле с откидным верхом, мы с Франсуа и Гуапой — следом в его «ягуаре».

Наше путешествие было прекрасным сном.

В Авиньоне мы остановились поужинать. По радио передавали зажигательную мелодию ча-ча-ча. Мы поставили приемники в наших машинах на стерео и принялись танцевать прямо на площади, а посетители ресторана смотрели на нас и улыбались. Было тепло, хорошо, и мы от души веселились. Если меня и узнали, то я этого не заметила... и это тоже было приятно! Остаток пути мы продолжали в том же духе. Пользуйся, детка, пользуйся, пока можешь!!!

Мы приехали в Париж; мне было тяжело расставаться с Франсуа у дома на Поль-Думере. Он тоже помрачнел. Любовь на каникулах — самая прекрасная, как поется в песне. Я вернулась к Сэми, поглощенному Брехтом и «Городскими джунглями». Он не мог говорить ни о чем, кроме этого шедевра, который ставил Антуан Бурсейе на Елисейских Полях, с ним в главной роли. Я слушала вполуха, думая о другом, и мне ужасно хотелось чаю с молоком после шампанского, которым мы накачивались на каждой остановке.

Николя, увидев меня, заревел. Муся тщательно закутала его, боясь рецидива ангины. Мала, как всегда, выложила мне гору счетов, хлопот и забот, накопившихся с моего отъезда.

У новой горничной в глазах было ума столько же, сколько у коровы, которая глядит на проходящий поезд! Хорошо, что со мной не было Кристины, она бы тотчас заставила меня указать ей на дверь... чего бы корова уж точно не пережила.

Я с тоской думала о ча-ча-ча, о ночах в «Эскинаде», о глазах Франсуа, прищуренных, с тяжелыми веками, как у коккера, полных нежности, искрометного юмора, любви. Надо было быстро приходиться в себя. Меня ждали «Знаменитые любовные истории», Агнес Бернауэр и Ален Делон.

Танина Отре, моя верная художница по костюмам, знала все мои размеры, но дивные средневековые платья надо было примерить хотя бы один раз. Эскизы декораций и костюмов делал Жорж Вакевич. Он был до того талантлив, что я сохранила эскизы — так же, как и те, что остались от «Женщины и паяца», — и

они до сих пор у меня, оправленные в рамки, их чтут как дорогие реликвии.

Мои съемки продолжались неделю. Фильм состоял из новелл, я блистала в нем вместе с другими замечательными актерами. Кроме Алена Делона, были приглашены Пьер Брассёр, Жан-Клод Бриали, Сюзанна Флон, Мишель Эчеверри, Жак Дюмениль. В других новеллах — Бельмондо, Дани Робен, Филипп Нуаре, Симона Синьоре, Пьер Ванек, Франсуа Местр, Эдвиж Фейер, Анни Жирардо, Мари Лафоре.

Всегда труднее справиться с небольшой ролью, если еще при этом приходится соперничать с другими актерами, так непохожими на тебя, чем играть без конкурентов роль, которая может быть очень большой, однако допускает некоторые слабости.

В первый съемочный день, приехав на Булонскую студию, я немного нервничала. Непричесанная, на носу — темные очки, в руке — сумочка. Я как всегда опаздывала, бежала через вестибюль и вдруг на кого-то наткнулась.

«Извините!» — и я чуть не упала в обморок! Это был Жан-Луи, я не видела его с тех пор, как... с тех пор... в общем, после нашего разрыва.

— Как поживаешь?

— Хорошо.

— Ты снимаешься здесь?

— Да.

— А, ну ладно, до свидания.

— Да, до свидания...

Я повторяла про себя: «до свидания», «свидание», «наше свидание», и эти слова рифмовались у меня с «ожиданием» и «страданием».

Как сомнамбула, я поднялась по лестнице.

Я так его любила, и теперь еще любила, но не смогла ему этого сказать, я была слишком взволнована, я спешила, он тоже. И потом, я была такая страшная в этих очках, даже не подмазанная. Это произошло в мае 1961 года.

Больше я его никогда, никогда не видела.

В растрепанных чувствах я вошла в свою уборную, полную цветов от режиссера, от съемочной группы, от партнера, от Детты — маленькая роза в стаканчике для грима и т. д. Я рассказала девочкам, что со мной случилось.

— Я видела Жана-Луи.

— !!!

— Я сама не своя, у меня был такой дурацкий вид, и я говорила банальности!

— ???

Моя реакция их огорошила. Я не могла выбросить из головы Жана-Луи, в то время как собиралась сниматься с Делоном и жила с Сэми Фрейем!

Делон раздражал меня донельзя.

Надо сказать, что в то время он был невыносим: на съемках думал только о своих голубых глазах, о своем оружии любви и вовсе не думал о партнерше. Позади его я видела лиловые глаза, дивной красоты лицо, великолепное тело, принадлежавшие Пьеру Массими, который играл роль его оруженосца. Алэн в любовных сценах никогда не смотрел на меня, он смотрел на софит, стоявший за моей спиной, чтобы подчеркнуть голубизну своих глаз. Я делала то же самое — говорила слова любви, глядя через плечо Делона в глаза Пьера Массими, читая в них ответную страсть.

Это было потрясающе!

Делон объяснялся в любви прожектору, я — его оруженосцу! И кто-то еще удивляется, что новелла не удалась!

Если бы на место Делона поставили Пьера Массими, в нашу любовь можно было бы поверить!

Если бы на мое место поставили фонарь — тоже можно было бы поверить.

Коктейль Делон-Бардо получился невыразительным!

Жаль, потому что сегодня я считаю Алэна Делона одним из самых красивых и самых правдивых французских актеров, одним из тех, кто способен занять место Габена и других великих. Его талант неоспорим, его наружность изменилась с годами, как и характер, он стал мужественнее, похорошел. Когда я думаю о нынешних героях-любовниках, то благодарю небо, что больше не снимаюсь.

* * *

Покончив со «Знаменитыми любовными историями», я уложила чемоданы, чтобы ехать в Женеву, где мы должны были начать «Частную жизнь». Я терпеть не могу путешествовать — и всю свою жизнь вынуждена говорить «до свидания» тем, кого люблю, садиться в самолет, в общем, выдирать себя с корнем из родной почвы.

Кристина, моя лапочка, хитрая бестия, сняла для нас на берегу озера великолепный дом, принадлежавший Петеру Нотцу, которого мы называли «месье шоколад с орешками», хотя он не имел никакого отношения к прославленной марке. Это был швейцарский плейбой, медлительный во всем, что типично для этого понятия.

Луи Маль когда-то ходил в воздыхателях моей сестры Мижану и не успел еще остыть от объятий Жанны Моро — он был одним из ее любовников во время съемок фильма с таким же названием.

Этот фильм обскакал меня на фестивале 1958 года в Венеции. В общем, я оказалась среди старых знакомых. Луи Маль был холоден и исполнен нежности. Он стыдился выказывать свои чувства и прятал их под толстым панцирем сдержанности, который делал его неуязвимым.

Поначалу мы с ним не очень ладили.

Я — горячая, непосредственная, вся как на ладони, что на уме, то и на языке, — столкнулась с человеком вдумчивым, методичным, который пресекал всякую импровизацию, всякий порыв и добивался действий продуманных, взвешенных, отрепетированных, черт бы их побрал! Наше с Луи Малем несходство характеров трудно было преодолеть.

По вечерам я возвращалась с Кристиной на нашу роскошную виллу над озером и горько плакала. Еще толком не начали, а я была уже сыта по горло. Этот тип оказался полной противоположностью моему представлению о режиссере, который мне нужен. Опять я буду ни на что не похожа!

И вот тут-то Кристина преподнесла мне сюрприз.

Придя однажды вечером, как всегда в унынии, я кое-кого застала в гостинной. Это был Франсуа! С ним ко мне вернулись радость жизни, веселый смех, глаза коккера, находившие меня красивой, тепло Сен-Тропез, уморительные шутки, надежная рука, обнимавшая мои плечи.

Ах, Франсуа! Какое это было счастье — увидеть тебя в тот вечер! Дом стал прекрасным — раньше я этого просто не замечала; я вдруг обнаружила, как ласково лижет вода озера мои ноги, как хороша полная луна над головой. Как ни в чем не бывало я отвечала на звонки Сэми из комнаты Кристины! Я обманывала вас обоих, но делала это не со зла, я просто решила быть счастливой. Непрочное, недолговечное счастье, да, наверно, но все же это было счастье!

Назавтра я снималась поздно вечером с Мастроянни, Урсолой Кублер и Дирком Сандерсом. Мы выходили из пиццерии с пакетами всякой снеди, собираясь с друзьями на пикник. И вдруг — хлоп! — посреди съемки в трех сантиметрах от моей головы падает горшок с геранью. А потом поднялось настоящее «народное возмущение»: в нас швыряли помидорами, старыми ящиками, банками с водой.

Со всех сторон несло: «Убирайся во Францию, шлюха!

Пусть дома творит свои мерзости!

Оставь Швейцарию в покое!

Чтоб она сдохла!

На помойку эти помои!

Пусть уж тогда откроют дома терпимости, чтоб она там снималась!»

Я даже не сразу поняла, что все эти цветистые речи адресованы мне. Всевозможные метательные снаряды летели прямо в меня. Я вдруг почувствовала, как чья-то рука схватила меня и потащила в тень, подальше от камеры, туда, где гроздьями висели зрители, зеваки, желающие поглазеть.

Это был Франсуа! Он втолкнул меня в машину, и вскоре я оказалась в тишине нашего дома на берегу озера. Я ничего не понимала. Что я такого сделала? Я работала, больше ничего!

Я думала, что умру...

За что меня так ненавидят?

Почему называют шлюхой?

Чтобы мне опять захотелось бежать, умереть?

Мои слабенькие нервы в очередной раз сдали. Я безудержно рыдала над глубоким озером в глубоком отчаянии.

Кристина вернулась сама не своя. За ней приехал Луи Маль, он был в ужасе! Меня как будто избили — не тело избили, а душу. Да что же я сделала людям, почему они так ненавидят меня? Я была собой, и только. Я никогда не лицемерила, никем не прикидывалась, никого не обманывала! Меня усыпили с помощью таблеток и уколов, которые срочно вызванный врач с наслаждением всадил в мои ягодицы. Мой зад, международный секс-символ, даже для швейцарского эскулапа-тугодума представлял собой не только мягкое место для опорожнения шприцев.

Я оправилась: у меня все всегда заживает быстро.

Мы вернулись в Париж и продолжали съемки в павильоне, на студии «Сен-Морис». Был июль, погода стояла теплая и солнечная, я мечтала о «Мадраге», о море и южных закатах. 8 часов — подъем, 9 часов — отъезд на студию, 10 часов — прибытие; далее: гримироваться, одеваться, трепаться — три кита, на которых держится кино, — до полудня; полдень — готовность номер один к съемке, 19.30 — конец съемки, 20.30 — прибытие домой. Итог — двенадцать часов жизни каждый день я отдаю фильму!

Я приезжала домой без сил, падая от усталости.

И подумать только, что мне завидовали! Ну конечно, я же «снялась в кино». А что делали тем временем задницы, которые не были международными секс-символами? Они покрывались золотистым загаром на солнышке, плавали в соленой водичке, которую я обожаю, их любили мужчины — у всех были каникулы!

А я — я снималась в кино!

Никаких каникул! Двенадцатичасовой рабочий день, в субботу тоже, и в августе не легче, один черт!

Звездам со скандальной репутацией лета не полагается.

Моя роль была написана «под меня», но на самом деле это

была не я. Меня порой всю переворачивало от стыда, когда приходилось играть какое-то драматическое событие из моей жизни. В фильме от меня было все, что лежит на поверхности. Не было глубины, вопроса «почему?», метаний, подлинного страдания.

Одним из последних в Париже снимался эпизод в лифте, на авеню Эйлау — воспроизведение подлинной кошмарной сцены в клинике Пасси. В 6 часов утра какая-то служанка, вооруженная щетками и совками, пытается, узнав меня, выцарапать мне глаза, оскорбляет, называет шлюхой и потаскухой. Круто!

Я была счастлива снова увидеть Сэми.

Это может показаться глупым, но он был неотъемлемой частью меня. Франсуа остался прекрасным воспоминанием из определенного образа жизни. Сэми должен был вскоре сниматься с Милен Демонжо на Лазурном берегу, а мне предстояло в августе заканчивать «Частную жизнь» в Сполето! Не успели мы снова встретиться, как уже приходилось расставаться. Думаю, всем понятно, почему браки актеров недолговечны!

Итак, опять чемоданы, опять прощания, опять самолет. Место назначения — Сполето, Италия. Сполето — прелестная деревенька, обнесенная крепостной стеной, в самом сердце Италии, — она может напомнить вам Раматюэль в департаменте Вар или любую другую из французских деревень, которые убереглись от застройщиков и сохранили свой первозданный облик в неприкосновенности с XVII века.

В Сполето, как во всех старых деревнях, есть площадь. Вокруг площади — устремленные вверх дома, такие же, какими они были прежде, немного похожие на рыбацкие домики Сен-Тропеза. Один из них, самый красивый, принадлежал другу Луи Маля, Джанкарло Менотти, который предоставил его нам на время съемок. Луи Маль занял первый этаж и второй. Мы с Кристиной делили третий. Наверху была еще маленькая терраса, крытая черепицей и увитая бугенвиллиями.

Все было красиво, как в сказке!

Я спала в гостиной, уступив спальню Кристине. Ванная у нас была одна на двоих. Под нами Луи Маль разместил своих многочисленных друзей, своих жен или невест, кому как больше нравится! Нас это не касалось. Внизу всегда царила веселая суета, а наш этаж был каким-то ненужным промежуточным этапом чужого праздника.

В красивом доме, днем и ночью окруженном «папарацци», я жила как в заточении, и мне захотелось поучаствовать в веселой жизни Лулу и его друзей. Однажды я вместе с Кристиной поднялась на террасу. Там были гитаристы, Антуан Робло, большой друг Луи Маля, Клод Дави, занимающийся связями с прессой,

Марчелло Матрострорнни, Жан-Поль Раппено, автор сценария, какая-то женщина, очень красивая и неразговорчивая, судя по всему, «та самая» на сегодняшний день. Были спагетти, такие, как я люблю, а мне хотелось есть. Светили звезды, было тепло, и я чувствовала себя почти счастливой, как вдруг со всех крыш окрестных домов нас ослепили тысячи фотовспышек.

Это была война. Холодная война, беспощадная, в которой мы были безоружны. Вспышки полыхали, как зарницы предгрозовым вечером. Луи Маль вежливо, но твердо попросил меня спуститься «к себе».

Меня выпроваживали, отправляли назад, к моему одиночеству.

Причиной всей этой суматохи была я. Я испортила им вечер своим присутствием — а ведь я держалась такой скромницей, такой тихоней. Ничего не поделаешь, пришлось смириться с положением вещей. Вечерами, после съемок, «они» всей гурьбой отпраздновали в какую-нибудь трактирию, где было уютно и прохладно, и проводили приятный вечер за кьянти, спагетти и неаполитанскими песнями, а я тем временем пережевывала свою обиду и холодную куриную ножку за двойными шторами, запертая на все замки на третьем этаже дома Джанкарло Менотти.

Этот случай подсказал Луи Малю идею концовки фильма. Взаперти, за наглухо задернутыми шторами, я коротаю время в «нашей» комнате, открывая дверь только лучшему другу, Антуану Робло. Марчелло Матрострорнни ставит «Катарину Хайльброннскую» Клейста; спектакль будет играть на площади Сполето, на которую мне в фильме нельзя выйти, как и в жизни. В вечер премьеры, желая во что бы то ни стало быть причастной к творению любимого человека, я пробираюсь на крышу, чтобы посмотреть. Меня видит Антуан Робло, наш друг-фотограф; он нажимает на вспышку, на мгновение ослепляет меня, и я теряю равновесие. Долго, бесконечно долго я падаю в пустоту под дивные звуки «Реквиема» Верди. Некоторые считают, что для моей героини это был единственный выход. Для меня тоже.

Как странно было столкнуться с истиной, от которой я хотела бежать навсегда. Смерть — она была мне так знакома, я сама звала ее, смотрела ей в лицо, она влекла меня и пугала и виделась мне единственной возможностью бежать от моих проблем, от моих страхов, от самой жизни.

Что такое эта жизнь?

Через скандалов, любовников, фильмов. Только смерть могла дать мне безмятежный покой, в котором я так нуждалась! Очень долго я в это верила. Я всегда носила с собой тубики со снотворным, зная, что смогу воспользоваться ими «в случае несчастья». Это давало мне силы. Если я не выдержу больше — у меня есть возможность бегства.

Гораздо позже, после многих неудавшихся попыток к бегству, я нашла другой, совсем другой образ жизни, который примирил меня с ней: я облегчаю страдания тех, кому неизмеримо хуже, чем нам, — животных. Но об этом мы еще поговорим.

А пока, в Сполето, я жила узницей. Заточение — это очень тяжело, особенно если единственное твоё преступление — громкая слава. К Кристине приехал Роже Анен, Луи Маль ворковал со своей невестой. А я одна, всеми брошенная, тосковала, валяясь на своем диване в гостиной.

По воскресеньям съемок не было.

Это день Господень, день отдыха. Самый томительный день для меня. В другие дни я снималась, работала, виделась с людьми, меня, конечно, фотографировали, но, в конце концов, мне платили за это! Пусть они мне надоели, осточертели, достали, но я была на виду, я снималась, и приходилось все это терпеть.

Но в воскресенье!

Все уходило на озеро... купаться.

А я ползком выбиралась на террасу и, прижавшись к стене, позволяла себе чуть-чуть позагорать. Вскоре жара и голод начинали меня донимать. Одна в большом доме, я принимала холодный душ, пошарив в холодильнике, жевала холодные макароны с сыром. Время тянулось бесконечно.

В один из воскресных дней я не выдержала и решила пойти с Роже и Кристиной на озеро — искупаться, развеяться, пожить, наконец, как все. Я замаскировалась: косынка, очки Кристины, старая шаль, старая юбка сделали меня похожей на итальянскую служаночку. Никто не заметил, как я вышла из дома, как села в машину. Я нарочно сутулилась. Радость переполняла меня. Свободна, СВОБОДНА, наконец-то свободна, я смогу провести воскресенье НА СВОБОДЕ! На берегу озера я отшвырнула свой маскарадный наряд и, оставшись в бикини, растянулась на прохладной траве.

Мы были счастливы — Роже, Кристина и я.

Они — своей любовью, я — своим покоем. Я купалась. Они тоже. Я обсыхала на берегу, как вдруг услышала плеск весел. Мне было так хорошо, что я не сразу поняла, что происходит. Десант «папарацци» высадился и оккупировал берег в мгновение ока.

Меня топтали ногами! Я вопила!

Роже Анен дрался с тремя молодчиками, защищая Кристину — ее тоже затоптали. Я осталась одна. Как хочешь, так и спасайся.

Это был кошмар.

Я вскочила на ноги, и два стоявших на мне фотографа полете-

ли в озеро. Потом, схватившись за ремень какого-то аппарата, я принялась размахивать им, как палицей, нанося удары наугад во все стороны, по лицу, по руке, по ноге, по голове... Одного фотографа, обвешанного аппаратурой, я столкнула в воду.

В общем, панику в их рядах я посеяла.

Но телеобъективы-то работали, и мне их было не достать! Роже упал в озеро, сцепившись с одним из фотографов, Кристина истошно вопила на берегу. Я думала только об одном — как бы смыться.

Какая же это была мерзость!

Нас окружили, обложили, не давали нам добраться до машины, я была у них в руках, они догнали меня, повалили, опять затоптали, изнасиловали в моральном смысле слова. В меня плевали, били ногами в лицо, я отбивалась как могла кулаками и коленями, потом, обессилев, упала лицом в землю.

* * *

Я оправилась: на мне все заживает как на собаке.

Кристина позвонила Ольге. Ольга позвонила Сэми. Сэми приехал.

Он разделил мое заточение, наша любовь сделала его добровольным. Мы совсем не видели Сполето, только, как слепые, слышали колокольный звон и бой часов, крики ласточек на закате, гомон толпы, теснившейся у дверей дома Менотти, ночную тишину, в которой пробуждались цикады и кузнечики.

Кончался август, пришел конец и моей каторге. Я села в машину и вместе с Сэми навсегда покинула Сполето рано утром, с первыми лучами рассвета, когда люди еще спят — мне всегда казалось, что именно в эти часы все имеют равное право на жизнь. Я походила в этом на зверей — диких и пугливых.

Путешествие через всю Италию стало еще одним непреодолимым испытанием.

Мои нервы были на пределе. Телеобъективы виделись мне повсюду.

Остановиться где-нибудь, чтобы поесть или освежиться, было невозможно. Шумная, крикливая, потная, любопытная, праздная толпа заполняла все. Стоило машине замедлить ход, мне казалось, будто меня ощупывают глазами, узнают. Не выдержав, мы поехали через Швейцарию. Там было тише, прохладнее и спокойнее. Мы заночевали в Бригге, в маленьком шале среди альпийских лугов; здесь только коровы смотрели на нас своими большими добрыми глазами, дружелюбно позвякивая колокольчиками.

Я с удовольствием осталась бы на всю жизнь в этом маленьком раю, где холмы пестрели горными цветами, где тишину можно было слушать с благоговением, где деревянные стены в

доме пахли свежей смолой, перина походила на большой мягкий живот, а сыр был такой свежий, что от него еще пахло коровой или овечкой.

Приехав в Сен-Троpez, я была счастлива снова увидеть Капи и Гуапу, а также Жики и Анну, которые проводили каникулы на Лазурном берегу.

Но мой дом был окружен телеобъективами. Страхи снова одо- лели меня. Каждое мое движение отслеживали, фотографировали, препарировали. Сколько можно? Я заплатила положенную дань фотографиями, съемками, интервью, мне надо было снять напря- жение и немного отдохнуть, а меня лишали такой возможности.

Почти год назад я хотела умереть, уйти от всего этого, — и вот вернулась к исходной точке, затравленная охотниками за сенса- цией. Я вздрагивала, стоило шелохнуться листу на ветке, бежала от малейшего шороха, пригнувшись, как зверек, всматрива- лась — не маячит ли поблизости что-то хоть отдаленно походя- щее на фотоаппарат. Мои нервы были напряжены до предела. Я жила затворницей, никуда не выходила — ни в рестораны, ни в ночные клубы.

Я снова впала в депрессию.

Однажды я загорала, свернувшись клубком в уголке между во- ротами и причалом, где меня не было видно, и вдруг заметила в воде презабавную американку, которая плыла, толкая перед собой деревянный ящик. Я решила, что это американка, потому что на голове у нее красовалась пестрая купальная шапочка, на которой были изображены все существующие на свете цветы — только американки способны натянуть на себя такое.

«Это мне», — смеясь, заметил Жики.

Анна и Сэми спали на солнышке. Я еще глубже забилась в угол, мельком подумав, почему эта курортница купается с ящи- ком и что это она плывет прямо на нас. Собаки яростно залаяли, и вдруг американка встала на ноги, в одно мгновение вытащила из ящика фотоаппарат и обшелкала меня в упор суперпрофессио- нальным объективом.

Поздно, я попала в собственном убежище, зажата в угол. Жики молнией метнулся, заслонив меня и осыпая американку отборной руганью, а та сняла свой шутовской колпак — и мы уз- нали Жоржа Калаэдита, одного из самых опасных фоторепорте- ров желтой прессы.

Ловко, ничего не скажешь.

В своей работе он проявил поистине дьявольскую фантазию. Они с Жики хохотали как безумные: выдумка казалась им очень смешной. Но я не смеялась. Опять меня затравили, загнали в ло- гово, как дикого зверя, не давая ни минуты отдыха. Для них это

стало игрой. Ну-ка, кто сумеет? Кто продаст за бешеные деньги ничем не примечательный снимок несчастной молодой женщины, съжившейся в самом укромном уголке прелестного дома?

Да чем же я провинилась перед Господом Богом, что он так меня наказывает? Наверно, то же самое думают животные, когда их убивают на сафари или ловят живыми, чтобы пополнять зоопарки.

Чем они провинились перед Господом Богом?

Но они-то платят дань человеку своей жизнью или своей навсегда утраченной свободой... Какой позор — так жестоко карать животных, вся вина которых состоит в том, что они редкие, дикие и свободные.

Когда фотографии давали мне относительную передышку, меня одолевала публика, люди. Они влезали на ограду, совали нос в ворота, запросто заходили со стороны моря, часами несли вахту у причала. Некоторые даже ухитрялись забраться на крышу виллы «Мадраг».

Сколько раз, на грани истерики, я вызывала полицию! Я заставала гостей у себя в ванной, в гостиной, на качелях в саду или просто расположившихся в шезлонгах на берегу. «Пляж — не ваша собственность» — вот что обычно отвечали мне эти кретины, когда я орала, пытаюсь их выгнать.

— Пляж, может быть, и нет, но моя ванна, мой диван, мебель в моем саду — это моя собственность! Убирайтесь отсюда, сволочи!

— Пойдем, Робер (или Марсель), ну их, ишь, раскомандовалась.

Чтобы кретины убралась, требовались пинки ногой под зад, струя воды из шланга или половая щетка! Судите сами, в каком состоянии я была после таких баталий! Полицейские ходили вокруг дома, чтобы защитить меня.

Однажды Жики в половине третьего открыл ворота, чтобы пойти прогуляться. Прямо за воротами стоял огромный автобус, набитый немцами. Ничего не понимавшего Жики тотчас со всех сторон обступили туристы.

— Ах-х! Наконец-то фи открывайт, ми уше час штём экскурсии ф том Пришит Пардотт.

Ошарашенному Жики стоило немало труда не дать им войти. Он быстренько запер ворота и попытался разобраться, в чем дело. Это была якобы экскурсия от Средиземноморского клуба. Билеты с корешками действительно были напечатаны на бланках Клуба. Жики, вне себя от ярости, позвонил в Клуб и обругал их последними словами. Увы! У них украли билетную книжку, и негодяй, продавший за бешеные деньги экскурсию в

«Мадраг» группе немецких туристов, скрылся в неизвестном направлении.

Еще как-то раз целый пансионат юных девиц оккупировал соседний пляж. Девицы лезли на деревья, совали носы в каждую щель и канючили: «Мы хотим посмотреть на нее, мы так хотим посмотреть. Ах! Посмотреть бы, хоть одним глазком!!!» Жики, выведенный из себя постоянными вторжениями, крикнул им:

— Ну что, правда хотите посмотреть?

— Да, да! Хотим посмотреть, хотим посмотреть...

Тогда Жики спустил плавки, показал им свою штучку и сказал:

— Ну, посмотрели? А теперь катитесь отсюда, чтоб я вас больше не видел, идиотки сопливые!

Мое терпение лопнуло, и однажды, окруженная со всех сторон, я решила, что буду защищаться, как могу. Я взяла ящик петард для фейерверка и бросала их всякий раз, стоило мне увидеть мелькнувшую тень, чью-то ногу, фотоаппарат, нос, голову, руку. Это отлично подействовало. Взрывы петард было не отличить от ружейных выстрелов. Но эта война совершенно меня вымотала. Не для того я купила «Мадраг», чтобы играть в Форт-Шаброль.

Жики, считая, что любой спорт — лучшее лекарство от депрессии, продемонстрировал мне, как здорово катается Анна на одной водной лыже. Я была просто заморожена. Когда они отчаливали и она вставала из волн, как морская богиня, я не верила своим глазам!

Мне тоже захотелось попробовать. Мой большой недостаток состоит в том, что я всегда все хочу делать так же хорошо, как другие, даже лучше. Я не успокоилась, пока не попыталась, в восемь часов вечера, когда бухта наконец опустела, встать на водные лыжи. Жики надел на меня для начала две. Ноги разъезжались, я орала, торчали только концы лыж, моя голова ушла под воду, я захлебывалась. Потом меня поддерживали под руки на глубине в двадцать сантиметров; катер тронулся, лыжи разъехались; хоть я и сохранила гибкость балерины, но такого четвертования не выдержала — я беспомощно барахталась в воде, несколько раз получила лыжей по голове и провалилась в черную бездну.

Я рвала и метала.

Конечно, Анна училась этому все лето, пока я работала, но все-таки! Если она катается на одной лыже, значит, и я должна прокатиться на одной! Никогда еще бухта Канубье не слыхала такого изобилия ругательств! Жики, управляя катером, называл меня «бездарной засранкой». Я, из воды, пытаюсь поймать ускользающую лыжу, на чем свет стоит поносила его таланты руле-

вого, его методы обучения, его самого, его семью, предков и потомков до седьмого колена.

Короче говоря, бранились мы, как извозчики!

Моей гордости был нанесен чувствительный удар!

Но все это время я не думала о телеобъективах и репортерах, чего и добивался Жики. Я должна прокатиться на одной лыже — и пропади все пропадом! Я нахлебалась воды на всю оставшуюся жизнь. Я наговорила Жики кучу мерзостей! Он в долгу не оставался! Наконец, через неделю я сумела принять вертикальное положение, но так испугалась, что разжала руки!..

На другой день я попыталась опять, под свой привычный запас ругани, и на этот раз рук не разжала! Я сделала круг в бухте, оцепенев от страха — но я стояла на одной лыже и скользила в кильватере. В следующие дни я научилась выходить из кильватера; я была вся как деревянная и из-за этого падала тысячу раз. Потом, наконец научившись сгибать колени перед встречной волной, я заскользила вправо и влево, совсем как Анна! Это был счастливейший день.

Я вернулась в Париж, проклиная свою судьбу и фильм, съемки которого должны были начаться в первые дни 1962 года — «Отдых воина». Сэми уже играл «В городских джунглях» Брехта на Елисейских Полях. На премьере я не была, но потом не раз приходила посмотреть на него и поаплодировать из-за кулис или из литерной ложи в те вечера, когда она пустовала.

* * *

Со мной случилось нечто невероятное.

Я получила письмо. Привожу его текст полностью:

«Настанет день, когда все французы, от Дюнкерка до Таманрасета, воссоединившись, вновь обретут радость жизни».

В этой цитате из выступления генерала армии Рауля Салана, главнокомандующего ОАС, 21 сентября 1961 на волнах «Радио-Франс» — суть борьбы, которую мы ведем против власти господина Де Голля, представляющей собой последний этап перед захватом страны коммунистами.

ОАС — последний шанс Франции. Это наш оплот против коллективизма; она сражается одновременно на нескольких фронтах: против государственной власти, против коммунистов и против фронта национального освобождения. Ее мощь растет день ото дня, но необходимы большие жертвы: ежедневно люди отдают нашему делу свои жизни.

Наша задача нелегка. Нам нужна поддержка всех французов.

В связи с вышеизложенным ОАС постановила, учитывая Ваше

материальное положение — актриса, дочь Луи Бардо, члена правления «Сосиете», — взыскать с Вас сумму в 50000 новых франков. Инструкции по поводу передачи указанной суммы будут Вам сообщены позднее. Просим Вас иметь в виду, что со дня получения настоящего письма Вы должны быть готовы вручить указанную сумму лицу, которое представится от имени господина Жана Франка.

Предупреждаем Вас, что:

1) Указанная сумма будет учтена и возмещена Вам при первой же возможности.

2) Невыполнение данного распоряжения повлечет за собой действия со стороны специальных подразделений ОАС.

От имени и по поручению генерала армии Рауля Салана, главнокомандующего ОАС — Ж. Ленуар, начальник финансовой службы.

12 ноября 1961».

Я остолбенела!

Как? У меня вымогают деньги? В животе заньло! Я не знала, что делать! Это было очень опасно. Я уже слышала о взрывах в квартирах Франсуазы Жиру и Мишеля Друа, которые не дали положительного ответа на призыв Салана. Я все рассказала родителям.

Разыгралась драма, настоящий катаклизм.

Папа немедленно позвонил в полицию и потребовал обеспечить мою безопасность. Мама раздобыла фальшивый паспорт для Николя и отправила малыша с Мусей в Швейцарию! Для меня это проблемы не решило. Я осталась одна на Поль-Думере, где было взрывоопасно в прямом смысле слова. Полиция вежливо послала нас подальше! Они завалены подобными просьбами. Обращайтесь к частным детективам.

Тем временем весь дом на Поль-Думере умирал от страха.

Но не в моем характере было склонять голову.

Вот и на этот раз я решила дать отпор. Филипп Грумбах, муж Лилу Маркан, близкой подруги Вадима, был главным редактором «Экспресса». Я позвонила ему, объяснила, в чем дело, и попросила предоставить две страницы газеты для открытого ответного письма Салану и его мозговому тресту. Он согласился. В то время для этого требовалось известное мужество. Вот что я написала:

«Господин главный редактор!

Посылаю Вам письмо, полученное мною от ОАС. Я передаю его в Ваши руки, чтобы Вы использовали его наилучшим образом в Вашей борьбе против этой организации.

Сообщаю Вам также, что я, через моих адвокатов, подала жалобу на попытку шантажа и вымогательства. Я убеждена, что авторы подобных писем и те, кто за ними стоит, будут быстро обез-

врежены, если натолкнутся на решительный и сделанный достоянием гласности отказ со стороны всех людей, которых они пытаются запугать своими угрозами и покушениями.

Лично я не пойду ни на какие уступки, потому что не хочу жить в нацистской стране.

Примите, господин главный редактор, заверения в моем искреннем уважении.

Брижит Бардо»

Комментарий «Экспресса»:

«Брижит Бардо получила письмо от ОАС.

На письме стоит штемпель почтового отделения на улице Крозатье, откуда было отправлено большинство листовок и писем за подписью «Салан». Приведенный ниже текст отпечатан на ротаторе, на машинке впечатаны только имя намеченной жертвы шантажа и требуемая сумма. Многие уже получили точно такие же письма. Все промолчали. Некоторые заплатили, другие еще раздумывают.

Брижит Бардо написала в «Экспресс». Одновременно на этой неделе ее адвокаты, мэтры Жан-Пьер Ле Ме и Робер Бадинте, вручили ее жалобу старшему следователю. Это первое судебное дело, возбужденное против ОАС за попытку шантажа и вымогательства.

«Экспресс»

Я всегда сражалась в одиночку, подвергая себя порой огромному риску. Этот ответ — тому пример. В конце концов, себя и только себя я подставила под удар. Никола спокойно жил в Швейцарии с Мусей! Сэми съехал на несколько дней, пока все не уляжется! Папа и мама были достаточно далеко от дома 71 по авеню Поль-Думер, чтобы взрыв бомбы мог угрожать им непосредственно... А я сидела, насмерть перепуганная, на восьмом этаже, не зная, у кого просить помощи.

Нашлось одно частное детективное агентство, которым руководил бывший сотрудник «Пари-Матча», приятель Вадима, Жозль Ле Так. Он прислал двух своих детективов в штатском — один дежурил у моей двери, другой у черного хода. Три раза в день они сменялись. Восемью три — двадцать четыре. Меня надо было охранять двадцать четыре часа в сутки. Каждый пост стоил мне целое состояние. Но моя жизнь стоила дороже.

В то время я получала много подарков, а тогда, перед Рождеством, особенно. Консьержке было дано указание звать охранника с восьмого этажа, от парадной двери, когда приходили посылки или письма. Он вскрывал все на улице, потом отдавал то, что

находил безопасным, мадам Аршамбо, а та относилась все мне. Однажды консьержка получила посылку, из которой слышалось: тик-так, тик-так, тик-так. То-то все перепугались! Никто не сомневался, что это прислали бомбу, чтобы взорвать мою квартиру. Немедленно вызвали охранника. Он отошел подальше от дома и с большими предосторожностями вскрыл пакет. Каково же было его удивление, когда он увидел прехорошенькие настенные часы, которые один поклонник прислал мне из Лозанны.

А как-то раз останавливается лифт на моем этаже, выходит моя соседка, в высшей степени достойная пожилая англичанка, — и вдруг ей в нос тычут дулом пистолета! Какой был скандал с домовладельцами!.. Жилось с охраной спокойнее, но хлопот прибавилось.

* * *

Клод Боллен и Жан-Макс Ривьер решили, что я должна петь. Они не отступились, пока не одолели мою робость.

Я зачарованно слушала Жан-Макса, когда он вечерами пел мне о «Мадраге». Как он ухитрился найти точные слова для моего дома и для моей тоски о прошедших каникулах:

«Упаковали лето в картонные коробки, и грустно вспоминать время солнца и песен».

«Ветер привыкнет дуть, не надувая парусов, но будет особенно скучать по моим взлохмаченным волосам».

Жан-Макс был чародеем слова, гитары и дружбы. Боллен — асом оркестровой адаптации.

И вот я стою перед микрофоном и лепечу слова под дивную музыку. День ото дня мой лепет становился все музыкальнее, все больше походил на пение, и фальшивые ноты тушевались перед известным нахальством, постепенно бравшим верх над болезненной робостью моего растреклятого характера.

Только год спустя я записала как профессионал эту легендарную песню. Была еще «Создана, чтобы спать» — трудная песня о том, как я глубоко под водой кручу любовь с усатым сомиком, занявшим место моих возлюбленных, которые слишком часто оставляют меня. Мне даже понравилось петь.

А неприятзательную песенку «С Новым годом, Брижит» я преподнесла телезрителям в качестве новогоднего подарка. Это было мое первое выступление, дирижировал Франсуа Шатель. Подарок был мой, и только мой — действительно подарок, потому что я отказывалась от какой бы то ни было платы за эти передачи. Для меня это было что-то вроде перемены, а если бы я и за это получала деньги, то чувствовала бы, что работаю. Шатель робел передо мной, в то время как я робела перед ним!

Как раз тогда, перед Рождеством, когда в моей жизни царила полная кутерьма в связи со всеми этими событиями, я получила поразительное и трогательное письмо. Оно пришло из больницы в Ларибуазьере, от одной старой женщины, которая была совсем одна на свете и умирала от рака горла. Липкой лентой к листку бумаги было приклеено обручальное кольцо, единственная ее драгоценность — она дарила его мне по выбору своего сердца, даже не зная лично, она назначала меня наследницей.

Я была тронута до слез.

Письмо было написано фиолетовыми чернилами, в очень изысканных выражениях. Она ни о чем меня не просила, не жаловалась, принимала свою судьбу с большим достоинством. Она только хотела, чтобы это кольцо, связанное для нее со столькими воспоминаниями, не попало в неизвестно чьи руки. Если я приму его, она умрет спокойно.

Это письмо потрясло нас с Мала.

Памятуя об истории с аккордеоном для лже-инвалида, я поручила Мала навести справки в больнице, чтобы удостовериться, что все это правда. Увы, да! Не долго думая, я купила портативный телевизор, украшенную елочку, шоколадные конфеты, халат из пиренейской шерсти и, нагруженная всем этим скарбом, явилась на следующий день в больницу с Мала и шофером киностудии, которого я с перепугу позвала на помощь.

Мой приезд стал сенсацией.

Мог ли кто-нибудь ожидать, что Брижит Бардо собственной персоной явится, навьюченная, как папский мул, всевозможными свертками для мадам Сюзон Пеньер, умирающей в двести восемнадцатой палате? В сопровождении всего персонала отделения я постучалась и вошла. Крошечная женщина, лежавшая на кровати, увидела меня, всхлипнула и от потрясения лишилась чувств!..

Тут началось нечто невообразимое, настоящая боевая тревога. Спешно вызванный доктор быстро навел порядок, посоветовал мне впредь не волновать так людей в подобном состоянии и поблагодарил за то, что я своим присутствием подарила Сюзон надежду на выздоровление, в которое он уже не верил.

Малышка-мышка Сюзон плакала от радости!

Ей полностью ампутировали голосовые связки, и она не могла произнести ни слова, но ее глаза говорили больше, чем любые речи. Она взяла меня за руку, увидела свое кольцо, которое я с тех пор не снимала, и ее взгляд сказал, что мне принадлежит ее жизнь, ее любовь и безграничная нежность.

Ей исполнилось 64 года, росту в ней было метр пятьдесят пять сантиметров.

Благодаря мне она выздоровела, покинула Ларибуазьер и вернулась в свою мышиную норку в Ла-Фертэ-су-Жуарр.

Все двадцать лет, что она прожила с того дня, когда мы с первого взгляда полюбили друг друга, я была ее семьей, ее единственной опорой и надеждой.

Я любила Сюзон как неотъемлемую часть себя. Эта маленькая женщина, умная, мужественная и здраво мыслящая, порой язвительная и даже коварная, была моим талисманом, моей первой названной бабушкой. Родные мало-помалу покидали меня, а моя Сюзон давала мне поддержку, совет, житейскую мудрость.

* * *

Настал 1962 год.

Жан-Поль Стеже, мой юный друг и защитник животных, нанялся мясником на скотобойню в Виллетт. Каждый день он звонил мне и рассказывал обо всех мерзостях, обо всех ужасах, которые там видел. Тайком он сделал ужасающие снимки несчастных животных, которых приносили в жертву самым бесчеловечным образом. Жан-Полю было тогда 20 лет — какое же надо было иметь мужество, чтобы взять на себя подобную работу с единственной целью добыть документы, чтобы показать всему свету жестокость и гнусность французских боен.

Животные уже стали смыслом моей жизни, но что я в этом понимала? Говорило только мое сердце! Я не имела ни малейшего представления о том, что законно, а что нет. Но я горько сетовала всем своим существом, что ради благополучия людей ежедневно творится столько скрытых от глаз мерзостей.

Когда однажды январским вечером 1962 года Жан-Поль пришел ко мне на авеню Поль-Думер со снимками и подробным рассказом о трех неделях своего пребывания на бойне, я пришла в бешенство. Как может человечество принимать, терпеть и даже одобрять подобные действия?

А что же делает правительство? Закрывает глаза, как всегда.

Мне стало плохо, физически плохо — от омерзения, от сознания собственного бессилия, от боли. Я тут же позвала горничную и строго-настрого наказала ей: «Больше никакого мяса, никогда, ни на завтрак, ни на обед, ни на ужин! Никогда! Слышите — ни для меня, ни для вас».

Потом я долго плакала над фотографией, где маленький теленок с переломанными ногами и перерезанным горлом лежал весь в крови, распятый на козлах, — это было страшнее самых страшных пыток средневековья! Что ж, раз ни у кого не находится мужества или возможностей, чтобы разоблачить это чудовищное кровавое смертоубийство, — я это сделаю!

Жан-Поль познакомил меня с мадам Жилардони — она как

раз только что основала «Фонд помощи жертвам скотобоев». Я увидела перед собой женщину с лошадиным лицом, на котором не было написано никаких чувств. Она смерила меня не слишком доброжелательным взглядом, вероятно, думая, что я собираюсь сделать себе рекламу на кампании, которую она задумала и хотела провести сама. Но кто стал бы слушать Жан-Поля Стеже? Кто обратил бы внимание на мамашу Жилардони? Тогда как мое имя, слава Богу, было сезамом, открывавшим все двери.

Я решила идти ва-банк. Я попросила Пьера Дегропа, одного из трех Пьеров — родоначальников «Пяти столбцов на первой полосе», предоставить мне для материала о бойнях эфирное время в их знаменитой передаче.

Как трудно порой бывает достучаться до людей.

«Пьеры» дали потрясающий ответ. Они всегда рады видеть меня в своей передаче, но, по их мнению, мой секс-символ плохо сочетается с таким тяжелым сюжетом, как бойни! Однако, поскользнувшись в то время журналисты готовы были перегрызть друг другу горло, добиваясь от меня интервью, выступления по телевизору и так далее, они в конце концов приняли мои условия.

Я выступила в прямом эфире «Пяти столбцов» 9 января; меня поддерживали Жан-Поль Стеже и доктор Трио (ветеринар Гуапы), а оппонентами были три мясника-профессионала с боев.

Я вышла из студии в слезах, но я показала моим зрителям-соотечественникам, что мясо не растет на грядке, что каждый бифштекс — это мученическая смерть невинного животного. А Дегроп еще спросил меня, делаю ли я это ради рекламы!

Эта передача очень тяжело подействовала на меня.

Я столкнулась с равнодушными мясниками, была вынуждена биться единственным оружием — своим сердцем — с аргументами, основанными на деньгах, на материальном благополучии того или иного предприятия пищевой промышленности. Когда я вернулась домой, меня тошнило, и я не могла думать ни о чем, кроме несчастных животных, приносимых в жертву ради прибыли гнусных торгашей, которые живут за счет смерти оптом тысяч славных невинных созданий.

Я не спала, не ела, ничего не могла делать целую неделю. Франсис Кон, продюсер «Отдыха воина», съемки которого должны были начаться 5 февраля, встревожился не на шутку. Я не примеряла платья, забыла о пробах грима и прочей подобной чепухе, нужной мне как прошлогодний снег! Я ходила по квартире из угла в угол, пытаюсь найти решение большого вопроса. В конце концов, по совету Жан-Поля, я попросила Мала, мою верную секретаршу, добиться для меня приема у Роже Фрея, министра внутренних дел.

Мои телохранители по-прежнему дежурили у обеих дверей квартиры на Поль-Думере. Каждый день был полон тревог, каждая ночь становилась испытанием.

Тем временем папе пришло письмо от ОАС. В нем говорилось, что если я не заплачу требуемые 50000 франков, меня просто-напросто оболютят купоросом. Родители мне об этом не рассказали. Договорившись с моим адвокатом, мэтром Жан-Пьером Ле Ме, они снова попытались потребовать для меня защиты законным путем через полицию. И опять все было без толку. У полиции и правительства были дела поважнее, чем защищать какую-то там француженку, которой угрожали купоросом и взрывчаткой за то, что она не поддавалась на грязный шантаж. И неважно, что это шло вразрез со взглядами главы государства, которого она по своей доброй воле выбрала, опустив в урну избирательный бюллетень.

Даже если эта самая француженка в то время приносила Франции не меньше валюты, чем заводы Рено, нести ответственность за свои действия и заботиться о сохранении своей жизни должна была она одна.

Так я и делала — всегда и во всем!

Поэтому не говорите мне о политике — я только посмеюсь и отвечу, что все они подонки, что я никому из них не верю, что каждый тянет одеяло на себя и не делает на своем посту ничего стоящего и что всякая политика — только трамплин к вершинам славы для тех, кто жаждет их достичь. Мне бесконечно жаль, что власть в руках этих людей так редко служит нужному, полезному делу. Уж я-то повидала министров при разных режимах, я всех их просила сделать хоть что-нибудь, чтобы облегчить страдания животных, которые не дают мне покоя, и каждый раз наталкивалась на стену враждебности, разговаривала как будто с глухими, слышала высокопарные и непонятные фразы: «Принимая во внимание ситуацию текущего момента, не вижу реальной возможности отмежеваться от привычного и традиционного образа действий... и т. д., и т. п.»

Да пошли бы вы все куда подальше, министры, государственные секретари и прочие прихлебатели, хлыщи, шуты гороховые из правительства!

Франция задыхается, сжимается, как шагреневая кожа, — вы и только вы за это в ответе.

Я глубоко презираю чиновников. Тем глубже презираю, чем выше пост. «Чем больше вам дано, тем больше с вас спросится» — так сказано в Библии. Я никогда ничего не просила для себя — только для животных. Мне слишком часто отказывали. Почему, Боже мой, почему?

Но пора закончить отступление; вернемся к нашим бойням.

Роже Фрей согласился принять меня в Министерстве внутренних дел, на площади Бово в Париже. Я, разумеется, сказала об этом Жан-Пьеру, и он попросил мадам Жилардони, предводительницу «ФПЖС», дать мне несколько образцов пистолетов, предназначенных для забоя крупного скота, — хотя бы самых тяжелых мучений, когда животное в полном сознании медленно умирает, истекая кровью, в большинстве случаев можно было избежать благодаря выпущенной в мозг стреле, парализующей нервные центры.

Я ничего не стану от вас скрывать — знайте же, что мясо съедобно, только если животному выпустят всю кровь. А для этого нужно, чтобы сердце билось как можно дольше. То есть просто убить животное нельзя. Оно должно жить с перерезанным горлом, пока кровь не вытечет до последней капли.

Вот против этой пытки я и воевала.

Я хотела, чтобы животное избавили от мучений — пусть будет без сознания, оставаясь при этом живым, чтобы сердце выкачало всю кровь из его большого тела, ничего уже не чувствующего и не воспринимающего эту гнусную действительность. До сих пор у мясников был в ходу один-единственный метод: животных оглушали ударом дубины по голове. Это стало увлекательной игрой, состязанием. С четырех часов утра, взбодрившись стаканчиком красного, эти господа демонстрировали свою мужскую силу, лупя дубинами без разбора по мордам, глазам, ушам быков, коров, баранов и коз. Невыносимо было смотреть на эти раны: глаза брызгали из орбит, черепа раскалывались, животные выли и ревели от невообразимой боли. Какая разница, если они все равно умрут: «Давай, Луи, малыш, вдарь хорошенько, накачивай мускулы!» Кровь стекала с молодых, смешиваясь с пятнами красного вина. Случалось, запах крови будил в них самые низменные сексуальные инстинкты. Тогда они удовлетворяли свою похоть с козой, которая, лежа с перерезанным горлом, сотрясалась в предсмертных судорогах, или убажали себя нежным языком теленка, который медленно агонизировал, захлебываясь потоками теплой крови, заливавшей ему глотку.

Поэтому оснащение боем такими специальными пистолетами было для меня вопросом человеческого достоинства.

Итак, холодным январским вечером я отправилась со своей сумкой от Вюиттона и тремя пистолетами, весившими, наверное, тонну, на встречу с Роже Фреiem. Перед уходом я долго смотрела на фотографию: какая-то несчастная лошадь лежала в луже собственной крови с переломанными ногами на марсельской набережной. После кошмарного путешествия от берегов Греции она была в таком плачевном состоянии, что ее не смогли довести до бойни

и просто-напросто прирезали в порту. Я плакала над этим снимком и клялась бедной лошади, что жизнь положу, чтобы отомстить за нее.

Я приехала в Министерство внутренних дел — одна, оробевшая, растерянная, с полной сумкой пистолетов. Очень элегантный, внушительного вида привратник усадил меня в приемной. Я напоминала себе Глупышку из комиксов! Двое строгих мужчин в штатском ходили взад-вперед мимо меня. Я запаниковала... В Париже свирепствует ОАС — а я явилась в Министерство внутренних дел и сижу с сумкой, набитой пистолетами.

Я как в воду глядела.

Один из штатских, глядя очень подозрительно, пожелал меня обыскать. Таково правило для всех, кто входит к министру. Моему возмущению не было границ. Как он смеет оскорблять меня подобным образом, да знает ли он, кто я такая? Будь я хоть Папой Римским, ему необходимо посмотреть, что у меня в сумке.

Хороша же я была! Хотя раз моя популярность могла сослужить мне службу — так нет же, эти типы, заподозрившие во мне террористку, видимо, никогда не ходили в кино и редко читали скандальную хронику в газетах. Слава Богу, Роже Фрей услышал нашу перепалку, открыл дверь своего кабинета и поспешил ко мне с распростертыми объятиями.

Он посмеялся над этой водевильной ситуацией, но мне было совсем не смешно — я думала об ужасах скотобоев и знала, что пистолеты, которые я хотела ввести законным путем, через правительство, все равно принесут с собой только смерть, смерть и еще раз смерть всех выращенных на мясо животных. В тот день я поняла, что при беседе с министром улыбка может оказаться действеннее, чем море слез. Вот только улыбаться, показывая орудия убийства, казалось мне нелепым. Однако я сдержала слезы, улыбнулась и попыталась заговорить на одном языке с сидевшим напротив меня человеком. Его куда больше интересовала моя карьера в кино, чем та трудная миссия, что привела меня к нему. Мы пошутили, поболтали о разных пустяках, но я упорно возвращалась к проблеме, которая так волновала меня.

До чего же я, наверно, его раздражала!

Какое дело министру до страданий тысяч животных? Все же он пообещал мне рассмотреть этот большой вопрос, только не теперь, когда он очень занят ОАС и ее угрозами. Я, воспользовавшись случаем, рассказала ему о шантаже, которому подвергли меня, и о том, как я тщетно искала защиты у правительства. Его это очень позабавило: я одна оказалась столь гордой жертвой.

О! Франции следовало бы взять с меня пример!

Время, отпущенное для визита, истекло, и я ушла, оставив на столе министра три образца пистолетов. Десять лет спустя они

были одобрены и введены в эксплуатацию на всех французских бойнях, включенных в систему социального страхования.

· После таких бесед я сознавала свою бесполезность, ничтожность, никчемность. Зачем мне нужна эта пресловутая мировая слава, если я не могу добиться обещания более легкой смерти для животных на бойнях?

Я же не просила луну с неба! Я вообще просила о том, о чем не должна была бы просить, потому что это следовало сделать без моего вмешательства!

Много позже я познакомилась с Маргерит Юрсенар, первой женщиной — членом Академии. Она призналась мне, что стала вегетарианкой, потому что «не хочет переваривать агонию» — это ее слова.

Очень трудно, почти невозможно, зная, что творится на бойнях, продолжать есть мясо. Вот и я прекратила — а ведь я обожала вкус антрекота с провансальскими травками. Но всякий вкус отбивает омерзительная картина, которая встает перед моими глазами, заслоняя тарелку. Я никого не уговариваю стать вегетарианцем, но, возможно, кто-нибудь задумается над этими строчками и хотя бы попытается есть меньше мяса, меньше плоти животных, пропитанной токсинами страдания и страха — может ли быть иначе после такой жуткой смерти?

Люди неправильно питаются.

Это может стать причиной серьезных заболеваний пищеварительной системы. Мама, например, всегда была мясоедкой. Она умерла в 66 лет от рака кишечника, вызванного в немалой степени воспалением, которое возникает из-за постоянного переваривания животной пищи. «Трупной пищи», как сказали бы мудрецы-индусы, которых никто в наше время не слушает.

Выполнив свою миссию, я готовилась уйти на три месяца в киномонашескую жизнь: мне предстояло сыграть с Робером Оссейном в «Отдыхе воина», ставил картину Вадим. Об этом знаменитом романе Кристианы Рошфор много говорили: свобода языка и нравов шокировала тех, кому хотелось бы поступать так же, да только они не смели. Таких было много! Я знала: тот факт, что я сыграю Женевьеву Ле Тей, даст лишний повод вылить на меня ушаты грязи.

Чего только еще не наговорят обо мне?

Я по-настоящему устала от всего этого. Но я не могла не сняться в этом фильме: контракт был подписан почти два года назад. Два года — большой срок! То, чего хотелось тогда, может со временем стать невыносимым. Это был тот самый случай. Что делать, я очень хорошо относилась к Вадиму. Я не хотела ослож-

нять ему работу и жизнь, но душа у меня к этому фильму уже не лежала.

Больше подписанных контрактов, слава Богу, не было, и я решила, что это будет моя последняя картина. «Отдых Брижит» был самым дорогим моему сердцу замыслом на долгие годы вперед. Решение казалось мне окончательным и бесповоротным, и я объявляла его всем и каждому. Под впечатлением ада скоттобен я была подавлена, и вообще человечество мне опротивело.

Мне было жизненно необходимо разобраться в себе, побыть наедине с собой. Вся эта жизнь представлялась мне такой пустой, такой поверхностной, такой никчемной. Только вчера я столкнулась с беспощадной истиной — а сегодня мне платят за то, чтобы я играла комедию, казавшуюся мне гротескной. Слишком велик был контраст.

Всякий раз, когда в столовой на студии кто-нибудь при мне заказывал бифштекс с жареной картошкой, я теряла самообладание. В каждой тарелке мне виделось животное, и это напрочь отбивало аппетит. Я возвращалась вечером домой расстроенная, усталая, хмурая, не хотела ни с кем разговаривать. Сэми я видела недолго: он уходил в свой театр, как раз когда я приезжала со студии.

Так какой же смысл в этой жизни?

Никакого! Я жила только в ролях, которые играла... в имени, которое воплощала.

А без всего этого — что я? Порой я завидовала моим близким.

Деетта, моя гримерша, тогда еще составляла образцовую чету с Пьером, своим мужем. Она была счастлива, улыбалась, затевала званные ужины у себя или у друзей.

Дани, моя дублерша, была замужем за Марком. К ней постоянно заходили друзья, она бывала на людях, бегала по магазинам, ходила в рестораны, в кино.

Мала, моя секретарша, жена отставного морского офицера, устраивала у себя партии в бридж и коктейли, одевалась у модельеров средней руки, жила на жалованье, но у нее было время, вкус и желание делать это!

Ольга, состоявшая в моих импресарио, жила на широкую ногу, принимала у себя популярных актеров и режиссеров.

Жики, мой друг-приятель, художник-фотограф, и Анна составляли крепкую чету, просто идеальное семейство, богемное и счастливое. Каждый вечер принимали друзей «как Бог на душу положит» — поиграть в карты или в «посланников», или просто поболтать обо всем и ни о чем.

Все эти люди, мои близкие, которые благополучно жили в

большой мере благодаря мне, моей работе, тому, что я вносила в контракт условие об их участии в том или ином фильме, были счастливы или, по крайней мере, были вдвоем вечерами у себя дома, могли вместе подумать, поговорить, повеселиться или даже поссориться. А я, основа всего этого сооружения, сидела дома одна со своим страхом перед ОАС, и единственной моей компанией были двое вооруженных стражей, охранявшие с двух сторон двери на авеню Поль-Думер.

Поскольку мне всегда в этой жизни приходилось сражаться в одиночку, я решила преподнести себе роскошный подарок к Новому году. Если сама себя не порадуешь, то кто тебя порадует? Я влюбилась в фильм Алена Рене «В прошлом году в Мариенбаде», где Дельфина Сейриг играла сногшибательную роль в платье от «Шанель», которое запало мне в душу в десять раз глубже, чем «Номер 5»! Я решила, что должна носить точно такое же платье, и отправилась к «Шанель», где меня приняла Мадемуазель Коко собственной персоной!

Робко ступив в эту святая святых, на заповедную территорию на последнем этаже, куда не имел доступа никто, кроме прославленной законодательницы мод, я увидела перед собой Коко — вполне доступную, земную, очаровательную и, разумеется, элегантную! Она говорила мне о том, как ей ненавистна расхлябанность, как она борется за то, чтобы женщины всю свою жизнь оставались ухоженными и были как можно привлекательнее. Она терпеть не могла домашних тапочек, пеньюаров, халатов, если только они не были роскошными и элегантными. Она сказала, что женщина должна выглядеть безупречно и быть красивой в любое время дня и ночи!

Мне стало немного стыдно.

А ведь я специально для нее навела красоту! Я объяснила ей, что хочу точно такое же платье, как у Дельфины Сейриг! Она приказала снять с меня мерки. И подарила мне платье!

Спасибо, Мадемуазель Шанель, за этот незабываемый подарок.

XVIII

В феврале я встретилась на студии в Бианкуре с Вадимом и с воином, чьим отдыхом мне предстояло стать — Робером Оссейном.

Я не очень довольна этим фильмом.

Мне не удалась роль мешаночки, которая превращается в вульгарную девку ради прекрасных глаз Рено. А в Робере Оссейне было так мало от воина, что всякий поединок — будь то кулачный, словесный или любовный — приводил его в панику. Плохо

подобранный дуэт, тусклая экранизация — всему этому не хватало живого дыхания, размаха, безумия. Высушенный фильм.

Зато я сохранила чудесные воспоминания о Флоренции весной. Из отеля «Фьезоле», бывшего аббатства, открывался незабываемый вид на Понте Веккио, комнаты были восхитительные, и в каждой возвышалась кровать с балдахином. Я грезила, слушая свист тысяч стрижей, которые вечерами, перед сном, заполняли чистейшее небо над Тосканой, полной жасмина, фонтанов, кипарисов.

Я исходила Флоренцию вдоль, поперек и по диагонали.

Я видела местных проституток, очень, надо заметить, хорошеньких, которые увлекли работников съемочной группы в лабиринты гостиничных коридоров, и те выходили на рассвете выжатые, как белье из стиральной машины. Я видела золотых дел мастеров на Понте Веккио, точно таких же, как в средние века — это моя любимая эпоха. Я увидела «Давида» Микеланджело и поняла, почему существует гомосексуализм! Видела я и пейзажи художников Возрождения: кипарисы, горизонты, светлую или насыщенную зелень — живопись, которую возродили примитивисты и осмеяли современники. Я видела водопады цветов и потоки воды, струящиеся с холмов. Видела спагетти всех цветов и к ним — вина всех цветов. Видела «папарацци», и они видели меня, насмотрелись вдоволь, пока мы друг другу не осточертели.

Одного я не видела — счастья!

Говорят, его носят в себе. В таком случае, я была пуста!

Потом — снова Париж, Булонская студия, декорации, фальшь, «трехсторонний» мир — четвертая сторона занята камерой и съемочной группой. Подобие любви, подобие жизни, подобие всего.

И у меня было то же самое!

Я вновь вернулась к Сэми. У него были свои приключения на театральном и кинематографическом поприще. Пропасть между нами ширилась, вопреки нашей воле, вопреки подлинности и силе страсти, которая связывала нас. Ужасно — быть так далеко друг от друга из-за работы, а потом с таким трудом возвращаться в прежнюю колею.

Вилла «Мадраг» протянула нам руки.

В Сен-Тропезе летом еще можно было жить, и это стало спасением для уставшей четы. Взяв с собой Гуапу, мы отправились на машине по автостраде № 7! По мере того как убегала из-под колес дорога, менялось все вокруг, и это было прекрасно. На смену каштанам пришли платаны, потом приморские сосны. А запахи, главное — запахи! «Мадраг» — это было чудо, пусть

даже сторожа — сушие олухи, пусть в доме могло быть больше порядка, но море плескалось о фундамент дома, но йод, водоросли, и полная луна, и солнце, и жара, и катер, который я назвала «Сэбри», соединив наши имена, тихонько покачивался на волнах причала.

Эта сказка могла бы примирить и самых далеких друг от друга людей, но как же дорого она обходится той, кто несет за нее ответственность. Речь не только о деньгах — я говорю это в переносном смысле. Дом — это символ, это как дитя, это сокровище вашего сердца, вашей памяти, и если его не поддерживать в порядке, все придет в запустение. Но только я одна замечала, что труба в котельной протекает или сломался холодильник. Я была, есть и буду «матерью-одиночкой» моих домов, единственной, кто отвечает за их жизнь. Все, увы, приходили и уходили, а я оставалась.

Я все-таки любила Сэми наперекор всему, и он меня тоже. Он навсегда останется для меня символом любви — любви глубокой и разрушительной, как все слишком абсолютное. Мы родились под одним знаком — Весов, и наша неуравновешенность увлекала нас в бездну всеотрицания, где мы терялись, отчаянно цепляясь друг за друга. Мы оба слишком остро чувствовали, слишком ясно видели и поэтому жили как будто с содранной кожей. Мы почти нигде не бывали, жили затворниками, нам хотелось как можно дольше побыть вместе, застаться друг другом впрок, чтобы легче было смириться с мыслью, что очередные съемки, гастролы, моя и его работа снова разлучат нас.

Дом был наполнен дивной классической музыкой — Бах, Моцарт, Вивальди, Гайдн. Я разучила с Сэми адажио из концерта для кларнета Моцарта. Только Жики и Анна, жившие на вилле «Малый Мадраг», допусkaliсь в наше уединение.

5 августа — я тогда пыталась позагорать, укpывшись от нескромных взглядов любопытствующей публики, которая заполонила причал и осаждала нас, — я узнала новость, всколыхнувшую весь мир: Мэрилин Монро покончила с собой!

Я была потрясена.

Как эта женщина могла дойти до столь глубокого отчаяния?

На меня нахлынули мучительные, такие еще свежие воспоминания.

Значит, и она тоже! Но почему?

Ей удалось умереть. Мне — нет.

Что за странная сила толкала нас к самоубийству — ведь в глазах всех мы были существами исключительными и имели все, что нужно для счастья. Наверное, это не так, потому что, как ни прискорбно, еще немало женщин-знаменитостей наложили на

себя руки: Роми Шнайдер, Эстелла Блен, Мари-Элен Арно, Джин Себерг, Жаклин Юэ и, увы, многие другие.

Бедная малышка Мерилин с глазами потерянного ребенка, такая хрупкая и чистая. Она останется единственной и неповторимой, сколько бы ни делалось позорно грубых попыток подражать ей.

Осенью этого года Эдит Пиаф через Кристину Гуз-Реналь изъявила желание познакомиться со мной. Эта женщина, которой я так восхищалась, женщина, которая стала символом французского народа, его глашатаем, его рупором, оттеняя цвета нации своим неизменным черным платьем и своим огромным талантом, — эта женщина хотела меня видеть! Не может быть!

Почему именно меня?

Я была приглашена на обед в ее квартиру на бульваре Ланн, где она жила со своим мужем Тео Сарапо. И я приехала! Не знаю точно почему, но только не из любопытства и не из жалости. И что же я увидела — лишь тень ее тени, как выразился бы Жак Брель! Уже тяжело больная, худая до жути, наполовину лысая, в шерстяном халате, она казалась отсутствующей, но присутствие духа сохраняла. А он, человек, о котором говорили столько гадостей, как будто и вправду любил ее! Тео Сарапо, ставший «Тора Сапо»!!!

Обед стал сущей пыткой.

Дворецкий был вышколен, блюда выглядели заманчиво, но вид мумифицированного кумира напрочь отбил у меня аппетит! Не чувствовалось тепла, не чувствовалось дома, из всей безликой обстановки в глаза бросалось только огромное черное пианино в гостиной. Кресла в стиле не то Людовика XV, не то Людовика XIV были завершающим банальным штрихом в этой холодной квартире, ледяющий дух которой я ощущала кожей. Десять лет спустя случилось так, что я поселилась на бульваре Ланн, рядом с домом Эдит! Все семь лет, что я там провела, я каждый день могла видеть мемориальную доску, напоминавшую прохожим, что здесь жила и скончалась Эдит Пиаф.

У меня осталось о ней тягостное воспоминание: я помню изможденную женщину, усталую, опустошенную, наверное, непонятую и наверняка невыносимую! Слава порой дает тем, кого она осеняет, способность сочетать в себе лучшее и худшее.

Я часто вспоминаю слова песни, которую напевали в дни моей юности — они так ей подходят: «Где все мои любимые, все те, что так меня любили?!» Ее, столь щедро одаренную женщину, оставили наедине с собой, с болезнью, с горем, с одиночеством души, и только один мужчина был с нею и помогал ей умереть.

Этот мужчина, Тео Сарапо, через некоторое время тоже умер, и сколько же ядовитых насмешек было отпущено в его адрес!

Сколько мерзости в душе человеческой!

Я решила больше не сниматься долго-долго... отдохнуть «на седьмой год», но оказалось, что я уже как бы запрограммирована. Жизнь, не подчиненная строгим графикам и работе, забавляла меня только первое время.

Потом я заскучала.

Николя и Муся вернулись наконец на Поль-Думере, но тот факт, что трехлетний малыш долго жил вдали от своего дома, нашему сближению не способствовал. Я не отличаюсь терпением, и чем больше он орал, тем сильнее я раздражалась. Я уже не решалась зайти поцеловать его, удивляясь: казалось бы, он должен быть мне необходим. Тогда я не знала, что это я ему необходима, а не наоборот.

Сэми был по-прежнему поглощен Брехтом, «Городскими джунглями», у него было свое окружение, в которое я не входила: я-то ведь звезда! Жан-Макс Ривьер и Клод Боллен соблазняли меня новыми песнями. Еще я познакомилась с композитором, написавшим для меня «Игральный автомат». Звали его Серж Гейнзбур...

Мне запомнился Оливье Деспа — он походил на Делона, но был куда симпатичнее и хотел спеть со мной воркующим дуэтом свое сочинение. Я не устояла перед красотой и обаянием Оливье и решила записать еще одну телепередачу, поздравить зрителей с Новым годом.

Как хорошо было петь, танцевать, целовать всех подряд. Я пела песни Гейнзбура, Жан-Макса Ривьера, отплясывала латиноамериканские народные танцы. Я поцеловалась с Оливье Деспа и так проводила 1962-й и встретила 1963 год.

Безделье начинало тяготить меня, хотя я чудесно провела время в Мерибеле — в этом заповедном местечке снег еще был чистый, никаких туристов, дивные маленькие шале и пустые лыжные трассы. Слава Богу! Потому что я, пробуя съехать на горных лыжах, представляла собой опасность для окружающих. Я не умела тормозить и летела, сшибая все на своем пути.

24 февраля Мижану и Патрик Бошо, этакий неотразимый Грегори Пек, наполовину швейцарец, наполовину бельгиец, телеграммой сообщили мне о рождении дочери Камиллы. Я обрадовалась и встревожилась. Мижану была дикаркой, жила богемной жизнью, ее муж пробовал себя в кино модного интеллектуального направления. Достанет ли у них средств, чтобы вырастить эту девочку? По собственному опыту я знала, что воспитание ребенка

предполагает определенные обязанности, порой обременительные, с которыми я, например, справлялась плохо. И все же тот день в шале в Мерибеле стал праздником: родилась маленькая Камилла.

Благодаря Патрику Бошо в начале этого года я имела честь встретиться с Жан-Люком Годаром и его шляпой. Он являл собой полную противоположность моему миру, моим взглядам. Когда я принимала его у себя на Поль-Думере, мы не обменялись и тремя словами. В его присутствии я цепенела. А он, должно быть, был от меня в ужасе. Однако он не отказался от своего намерения и непременно хотел снять меня в «Презрении».

Я долго колебалась. Подобный тип немытого интеллектуала-левака всегда раздражал меня донельзя! Он был ключевой фигурой «новой волны», я — звездой классического образца.

Какая гремучая смесь!

* * *

Я обожала книгу Моравиа и знала, что она будет безнадежно испорчена режиссурой и диалогами, идущими вразрез с оригиналом. И все-таки я согласилась. Я как будто заключила пари с самой собой, зная, что могу много проиграть, но выиграть — еще больше. И я пустилась в одну из самых немыслимых авантур в своей жизни. В первых числах апреля я, оставив Гуапу и Николая на попечении Муси, выехала с Дебеттой, Дани, Жики и Анной в Сперлонгу, деревушку на юге Италии, где должны были начаться съемки. Моими партнерами в этой игре были Мишель Пикколи и Джек Паланс, американский актер, похожий на мартышку, который ни слова не знал по-французски.

Я всегда ненавидела уезжать, ненавидела новые места, гостиницы. Стоит мне покинуть свой дом, как я чувствую себя не в своей тарелке. Все незнакомое действует мне на нервы. Присутствие моей постоянной команды, близких мне людей немного успокаивало меня, но разлуку с Сэми я переносила плохо. Я представляла себе не могла, как буду спать одна.

Отель был из самых простых, безликий, как все на свете отели, с комнатами, одинаковыми, как близнецы. Годар, в своей неизменной шляпе и темных очках, вяло пожал мне руку и пробормотал какие-то приветственные слова. Я была не в духе, мне было страшно, я трусила перед первой съемкой и хотела домой.

Когда в моем номере зазвонил телефон, я так и подскочила. Это оказался Раф Валлоне! Он был в Сперлонге и пригласил меня поужинать с ним. О да, конечно, как я рада! Я быстренько навела красоту и вышла, крадучись, чтобы ни перед кем не пришлось отчитываться. Но мне не повезло: в холле я наткнулась на Жики, Анну, Дебетту и Дани.

- Куда это ты собралась?
- Что за секреты от нас?
- Ты, чтобы поужинать с нами, так нарядилась?
- Ты уходишь? Одна? С кем?

Попав под перекрестный огонь вопросов, я ничего не стала отвечать и выбежала на улицу, где Раф ждал меня в машине по-одаль. Я чудесно провела с ним вечер и вернулась рано: съемка была назначена на 7 часов утра. Войдя в свой номер, я решила, что ошиблась дверью.

Пусто! Моя комната была пуста!

Ни кровати, ни чемоданов, ни мебели, ни лампы — ничего. Что за шутки? Было около полуночи, в отеле царила мертвая тишина, за стойкой портье — никого. Единственное, что я обнаружила в своем номере — приколотую к стене фотографию мартышки с нежным признанием за подписью Джека Паланса.

Я рвала и метала: где я буду спать?

Какая скотина ухитрилась вынести всю мебель, все вещи, вплоть до туалетных принадлежностей? Я улеглась в ванне, а под голову вместо подушки подложила свои свернутые брюки. Всю ночь я не сомкнула глаз, проклиная съемки, натуру, путешествия, все на свете съемочные группы и недоумков, способных на такие идиотские розыгрыши.

К утру я просто кипела от злости.

Одетта, придя меня гримировать, вскрикнула от изумления при виде пустыни Гоби, в которую превратился мой номер! На съемку я шла как на бойню. Никто, разумеется, ничего не знал, но Жики хитро косил глазом. Не кто иной, как он, с помощью Пикколи, сыграл со мной эту шутку. Что же до Джека Паланса, он смотрел на меня умильным взглядом. Если не считать фотографии мартышки с его объяснением в любви, я его никогда в жизни не видела. Но я все поняла, когда он достал из кармана мою фотокарточку с нарисованным на ней сердечком и моей подписью, искусно подделанной Жики.

С этого дня съемки превратились в нескончаемую череду шуток и розыгрышей. Чего только мы ни вытворяли на Капри, в великолепном отеле, где нас поселили: были и ведра с водой над дверью, и натянутые перед входом в номер веревки, и всевозможные предметы в постели, и многое другое.

В Риме я сняла «Палаццо Веккиарелли» — роскошный особняк, расположенный в двух шагах от замка Сант-Анджело и прямо напротив монастыря. В нашем распоряжении был целый штат прислуги во главе с отменно вышколенным дворецким по имени Бруно, который на работе не снимал белых перчаток.

Все они лебезили передо мной, сообщая, что «синьора контес-

са» (владелица дома) имела обыкновение завтракать в этой комнате... пить кофе там... а аперитив здесь... Жить в анфиладе мрачных раззолоченных комнат было невозможно: я бы шевельнуться не смогла в этих роскошных и неподъемных кандалах в стиле рококо. Я решила расположиться в спальне и смежной с ней комнате — это было что-то вроде прихожей «синьоры контессы», и, по счастью, там имелся подъемник для подачи блюд прямо из кухни.

Дебетта, Дани, Кристина в качестве пресс-атташе, Жики и Анна поделили остальную территорию — комнаты в этом дворце, с кариатидами, лепными завитушками и тяжелыми портьерами, украшенными золотым шитьем, напоминали дорогие бордели начала века. Я получила бунт в миниатюре, когда стала объяснять, что есть мы будем за двумя-тремя столиками для бриджа в «прихожей».

Презрение — именно тогда я ощутила его на себе в полной мере.

Моя комната выходила, как почти во всех домах старого города, на очень красивую террасу. Там стояли вазоны с цветами, а как раз напротив находилась такая же терраса, принадлежавшая священникам, которая сразу же стала смотровой площадкой для всех римских газетчиков. Большушие, как базуки, телеобъективы были постоянно нацелены на нас, поэтому мы очень скоро привыкли передвигаться на четвереньках. Это стало условным рефлексом. Каждый, кто входил ко мне, опускался на четыре конечности, чтобы не стать мишенью фотографов.

Один только Бруно, дворецкий, стоически оставался на ногах, в белых перчатках и с изумленным лицом. Представляю, какое у него с тех пор сложилось мнение о мире кино.

Та же комедия повторялась и на террасе. Приходилось ползать и прятаться за вазонами с геранью.

Однажды мама приехала меня навестить.

Ее реакция была такой же, как у Бруно: она решила, что мы слегка повредились умом. Чтобы показать ей, как на нас охотятся, я насадила один из моих париков на длинную палку и медленно приподняла ее: тотчас защелкали фотоаппараты, замерцали вспышки, противник открыл огонь из всех батарей. Это смешно, если рассказывать как анекдот. А на деле было далеко не так забавно. И все же, несмотря на постоянную осаду, мы здорово поселились в этом старом и мрачном римском дворце.

Как-то вечером нам особенно не терпелось избавиться от Бруно, который, со своей безупречной выучкой, убирал со стола часами. Мы быстренько составили на подъемник все вперемешку — венецианское стекло, расписной фарфор XVIII века, столо-

вое серебро с гербами, скатерть, салфетки — и вдруг услышали оглушительное: крак! Бум! Трах-тарарах! Подъемник не выдержал тяжести, и все рухнуло вниз, в кухню.

О ужас! Но как же мы хохотали!

Упал не только подъемник — мы тоже окончательно упали в глазах Бруно: с тех пор он больше не надевал для нас белых перчаток, что для него, вероятно, было выражением глубочайшего презрения.

Мне непременно хотелось сводить папу и маму в изумительный ресторан «Остериа-дель-Орсо», но, выйди я из своей крепости, вспыхнула бы гражданская война в миниатюре: хлопки и шелчки батареи фотоаппаратов, давка и гвалт «папарацци» и зевак — короче, тошно было и думать о том, чтобы высунуть нос наружу. Выручила одна мамина подруга, фигурой немного походившая на меня. Она надела темные очки, мой парик, пальто, примелькавшееся на фотографиях, села в «мерседес-600», представленный в мое распоряжение, и водитель вывел машину из ворот, увлекая за собой беснующуюся толпу идиотов, часами поджидавших меня. А мы взяли такси, прикинулись обыкновенными туристами и чудненько провели вечер.

Ах, да, в промежутках между взрывами веселья во дворце «синьоры контессы» еще и съемки шли своим чередом. Это было далеко не так смешно! Годар в шляпе набекрень работал мозгами, или наоборот — Годар в шляпе работал мозгами набекрень. Кому как больше нравится.

Мы с Пикколи и Жики прекрасно спелись, разыгрывая всех, кого только можно, но Годар неизменно сохранял серьезный вид. Он с ним вообще никогда не расставался, как и со шляпой. Ну а Джек Паланс, наверно, до сих пор не может понять, какого черта его занесло в этот фильм.

Однажды Годар сказал, что меня будут снимать со спины: я должна идти прямо, удаляясь от камеры. Я репетировала, ему не нравилось. Я спросила, почему. Потому что, сказал он, моя походка не похожа на походку Анны Карины.

Ничего себе, отмочил!

Чтобы я подражала Анне Карине — этого только не хватало.

Сняли дублей двадцать, не меньше. В конце концов я заявила: пусть приглашает Анну Карину, а меня оставит в покое.

В этом фильме мне не грозило влюбиться в партнера! Мишеля Пикколи я обожаю, но он — мужчина не моего типа, и к тому же на голове у него постоянно была нахлобучена шляпа, даже в ванне! Вот она — «новая волна». А о бедняге Палансе и говорить не хочется.

Когда я перечисляла бранные слова, прислонясь к косяку двери ванной комнаты, где Пикколи лежал в воде, я должна была проговаривать их, как заученную молитву, без выражения, без эмоций.

Может быть, именно так закатывала сцены Анна Карина! Почему я знаю.

На Капри снимали в доме Малапарте* — это что-то вроде рыжеватого-красного бункера, прилепившегося к скале, сюрреалистическое и холодное орлиное гнездо, откуда нам открывался потрясающий вид на море. Яростные волны, пенясь, разбивались у наших ног. На этом фоне, величественном и безумном, Годар, с помощью Фрица Ланга, замыслил своеобразнейшую «Одиссею» на свой манер. Я всегда чувствовала себя несколько чуждой этому фильму. Я не вложила в него ничего из глубины своего «я». Все что я делала — исполняла указания Годара.

Жак Розье снимал «второй план» фильма: «папарацци», итальянцев, которые зачастую бывали несносны, говорили мне гадости или делали непристойные жесты; снимал тревоги Годара, его противоречия и сомнения. Вся эта мешанина имела огромный успех — я так и не поняла, почему!

Когда за мной приехал Сэми, нам пришлось бежать с этого острова в шторм на суперсовременном катере продюсера Карло Понти. Больше я никогда там не бывала. Для меня с Капри было покончено. Въезд запрещен. Я увезла с собой воспоминание о недолгом времени, полном веселья, жизни, друзей — это был как будто конец каникул, вернувший мне желание жить, смеяться, вдыхать полной грудью живительный воздух моих двадцати восьми лет.

Я видела сфинксов, извлеченных из глубоких пещер. Я видела все виды в лучшем виде, но не видела крестьян, которые когда-то помогали Акселю Мунту строить дворец тысячи и одной волны. Им на смену пришли туристы. И вся красота, вся тайна, все величие этого творения вдруг улетучились. Я ненавижу туристов, разрушителей мечты, ненасытных каннибалов, жадных до изображений, вампиров души.

Когда мы ехали в Неаполь в роскошном «мерседесе-600», я пришла в восторг, увидев посреди пшеничного поля римский храм сказочной красоты. Все вышли из машины. Сэми любовался Италией, наконец-то спокойной: полчища фоторепортеров больше не гнались за нами по пятам. Я и сама была счастлива хоть на время избавиться от пожизненной пытки фотографией.

Жики тоже сложил оружие.

---

* Итальянский писатель (1898—1957).

Водитель объяснил, что мы в Пестуме. Мне захотелось остановиться прямо здесь, возле этого овеянного легендами храма, который как будто вырос из земли среди океана золотистых колосьев. Деревня оказалась ужасной. Мы нашли какую-то грязную гостиницу и расположились в ней.

Стены и потолок нашей с Сэми комнаты были выкрашены ядовито-зеленой краской. Добавьте к этому белый неоновый свет — создавалось полное впечатление, что мы плаваем в аквариуме. Первым делом я попробовала сделать комнату хоть чуточку уютнее. Раз-два — передвинула откатывающуюся кровать с сеткой вправо, колченогий стол — влево, взобралась на стул и тщетно пыталась обмотать неоновую лампу своим шейным платком в розовых и красных цветах. Все было бесполезно. Слишком мало времени и средств, чтобы сделать что-то с таким безобразием.

Я заявила, что уезжаю. Я не могу и не желаю ночевать в аквариуме. Сэми пообещал, что неоновую лампу мы зажигать не будем.

Начались лихорадочные поиски свечи!

Но, кроме меня, по-итальянски никто не говорил. Жики, отчаянно жестикулируя, умолял хозяйку дать нам свечу — «bougie». В ходе объяснений, молений и жестикуляций бедная, ничего не понимавшая женщина была смертельно оскорблена. «Dugie» по-итальянски означает «ложь»: она решила, что Жики назвал ее «лгуньей», и вконец расстроилась, пытаясь взять в толк, о какой такой лжи идет речь. В итоге все-таки отыскалась «candela», и я провела ночь, натянув на голову простыню, чтобы не видеть этой жуткой комнаты, в которую слетались мои кошмарные сны.

* * *

Летом я познакомилась с Бобом Загури, другом Жики.

Вся полнота жизни, все веселье и беззаботность Бразилии пришли в «Мадраг». Боса-нова и гитара Жоржи Бена вытеснили с проигрывателя скрипки Вивальди. Боб танцевал как бог, у него были бархатные глаза, белые длинные зубы...

Слишком долго я жила, погрязнув в проблемах и сомнениях; меня вдруг словно прорвало, и вся жизненная сила, дремавшая во мне, выплеснулась наружу. Дом наполнился друзьями, жизнь превратилась в нескончаемый праздник, я играла на гитаре с бразильцами, танцевала в объятиях Боба. К чертям злые языки и доسужие сплетни! Я на все плевала и ничего не скрывала.

Моя новая идиллия заняла все первые полосы, скандальная хроника распространила ее с молниеносной быстротой.

Сэми был в Париже. Он узнал обо всем из газет.

Это была трагедия.

Я всегда хотела иметь все сразу; и сливки снять, и денежки выручить. Боб мне очень нравился, с ним было легко и весело,

наш роман не отличался глубиной, но в этом и была его прелесть. С Бобом мне было спокойно. Но потерять Сэми я не хотела ни за что на свете.

Мне нужны были они оба.

Сколько раз эта неспособность сделать выбор губила меня. Желая сохранить все, я все теряла. В отчаянии я замучила вопросами Жики и Анну: что бы они сделали на моем месте? Как будто кто-то мог разрубить этот узел за меня. Стоило мне решить в пользу одного из двоих, как я начинала терзаться, вспоминая все достоинства другого и все, что нас связывало. Я идеализировала все, изводя себя.

Невозможный у меня был характер.

Я звонила Сэми, говорила, что люблю его, только его, я приеду завтра же, мы больше никогда не расстанемся, он — моя любовь, моя совесть, моя опора, моя последняя надежда, моя жизнь, моя смерть, время и бесконечность. Я плакала, проклиная себя за то, что изменила ему, я чувствовала себя грязной и мерзкой. Я топтала ногами валявшиеся на полу пластинки с боса-новой и бежала к Жики и Анне. Они изумленно смотрели на меня, когда я вваливалась к ним вся в слезах, с дорожной сумкой в руке и заявляла, что закрываю дом и первым же самолетом улетаю к Сэми. Им было не привыкать... Они пожимали плечами и ждали, пока я перебешусь, спокойно занимаясь своими делами.

Между тем появлялся Боб, веселый, обаятельный, влюбленный, нежный, неотразимый. Он губами осушал мои слезы, нашептывал ласковые слова, утешал. Он говорил, что увезет меня в Бразилию, покажет мне ее красоты, чистые и дикие, похожие на меня, он никогда меня не покинет — даже если мне придется сниматься на Камчатке, он поедет со мной. Я его девочка, его маленькая, его единственная, он хочет, чтобы я была счастлива, мне не идет плакать, я такая красивая, когда улыбаюсь. Он согрелвал мне сердце.

Я убирала дорожную сумку и наводила красоту для Боба.

Жики и Анна поджидали нас за стаканчиком вина на причале. Мы шли ужинать, танцевать, веселиться до поздней ночи. И я забывала о Сэми. Мне было так хорошо с Бобом: он все решал за меня, мне оставалось только покоряться, с ним я отдыхала. И потом, в нем было столько обаяния, он умел делать столько всяких вещей, которые я любила, он кружил мне голову, с ним не было проблем.

Это лавирование продолжалось недолго.

В один прекрасный день Сэми не подошел к телефону. Он покинул квартиру на авеню Поль-Думер. Вот тогда-то я по-настоящему осознала, что разрыв неизбежен.

Мне было очень больно: ведь я так любила его.

Я вдруг разозлилась на Боба: это он был виноват в том, что я причинила боль Сэми. Моя совесть была нечиста. Я пыталась найти в Бобе все то, что любила в Сэми.

Разумеется, не нашла! И он стал меня раздражать.

Он неспособен на глубокие чувства, он просто жиголо, танцор из кабака, картежник-профессионал, проходимец! Физиономия для рекламы зубной пасты! Но как послать его к чертям, я ведь останусь совсем одна? Этого я не могла даже вообразить. Боб принес в дом свою бритву и туалетную воду. Потом кое-какую одежду на смену. Потом дорожную сумку. Потом огромный чемодан. В платяной шкаф, где еще сохранился запах Сэми, вскоре водворилась одежда Боба. Пепельницы наполнились сигарами Боба. Дом — друзьями Боба. Я деланно смеялась. Все эти люди, которых я поначалу находила очаровательными, оказались заурядными и бесцеремонными.

Как же меня угораздило так запутаться из-за Боба, которого я, в сущности, совсем не знала?.. Да и он не знал меня, понятия не имел о моей жизни, кроме каникул, которые мы провели вместе, — но остальное, все остальное! Моя работа, обязательства, Базош...

А горничная, что скажет горничная? Найти прислугу — проблема, а уж если надо менять ее всякий раз, когда меняешь любовника, — с ума сойти!

Сколько бы я ни говорила, что хочу «продать «Мадраг» и покончить с кино — эти желания посещали меня регулярно, — моя жизнь шла по колее, из которой так просто не выбраться.

Итак, несколько месяцев я проводила в Сен-Тропезе «заслуженные каникулы», а потом снова оказалась в Париже и Базоше, с Бобом, более или менее счастливая и на год старше.

* * *

«Очаровательную идиотку» я прочла еще зимой, в Мерибеле. Книга показалась мне очень смешной.

По правде говоря, история-то глуповатая, но мне в то время немного было надо, чтобы влюбиться во что угодно и в кого угодно. Ничего не поделаешь: я сказала однажды, просто так, в пространство (теперь я боюсь этого, как чумы!), что книга прелестна — и все продюсеры, у которых я снималась, передрались за право экранизации. Победу одержал «Бель-Рив». В партнеры мне достался Энтони Перкинс, для того времени — то же, что Рок Войзин сегодня, «недостижимый идеал» каждой женщины.

И вот я пустилась в очередную киноавантюру — отнюдь не блистательную. Хотя Эдуар Молинаро, модный тогда режиссер,

проявил все свои таланты, Энтони Перкинс пустил в ход все свое обаяние, а я выглядела как нельзя более идиоткой и, по чистой случайности, очаровательной, этот фильм остался для меня ошибкой юности, из разряда «лучше б я сломала ногу».

В Лондоне 250 журналистов и фоторепортеров оказали мне такой прием, что я начала сожалеть о Капри, о «папарацци» и об итальянцах, хотя, видит Бог, те были невыносимы! Никогда бы не подумала, что самоконтроль может так быстро превратиться в коллективную истерию. Господа англичане, ваше хладнокровие — вымирающая добродетель! Ревущая толпа толкала меня, хватала за руки, топтала, сбивала с ног. Я думала, что живой не выберусь. Боб, не имевший опыта в таких переделках, кажется, призадумался. Он ведь любил тишину, покой, «инкогнито»!

Как трудно быть спутником, мужем или любовником звезды. Оглядываясь назад, я жалею мужчин, которые любили меня и терпелись от выматывающего, разрушительного натиска, так непохожего на то, к чему они привыкли в жизни. Нужна была огромная любовь и безграничное терпение, чтобы выдержать подобное испытание.

Между прочим, именно эта двойственность моего существования была источником всех моих метаний, всех разрывов, всех драм и измен, которыми отмечен мой жизненный путь. По натуре я — дикарка, очень ранимая, робкая, восприимчивая до крайности. Я всегда была — или хотела быть — верной, но при этом чересчур уязвимой. Моя личная жизнь — в той мере, в какой она вообще могла существовать, — была очень простой: мне никто не был нужен, кроме мужчины, которого я любила. Мне постоянно хотелось, чтобы меня оберегали, успокаивали, утешали, нежили, хотелось жить с любимым в замкнутом мире, только вдвоем, вдали от людей, которых я так боялась и которые причинили мне столько зла.

Но в любой момент съемки фильма, путешествие, посещение кино или театра, просто ужин в ресторане или прогулка в Булонском лесу — все, что для других составляет повседневную жизнь, — могли обернуться для меня нестерпимой агрессией, травлей, вынести которую свыше сил человеческих, насилием. Я была вынуждена терпеть все это с максимальным достоинством, но во мне было сломлено чувство свободы, необходимое всякому нормальному человеку для душевного равновесия.

Этот парадокс, высветивший одну грань моей жизни и затенивший другую, создал обо мне расхожее представление: секс-символ, женщина-вамп, хищница, развратница, жупел всех замужних женщин. Мне бы посмеяться над этим образом, но я плакала: уж слишком он был далек от меня настоящей.

Итак, в начале октября 1963 года секс-символ производил опустошения в Лондоне. Отель, где должна была состояться пресс-конференция, брали штурмом, толпа редела, сметая все, веяло паникой, как если бы на Англию обрушилось стихийное бедствие.

Стихийным бедствием была я!

Это нелегко — стоически терпеть перекрестный огонь фото-вспышек, перекрестный огонь вопросов, оказавшись без всякой подготовки среди сотен человек, которые берут тебя на прицел, буравят, припирают к стене, да еще все это по-английски.

Надо знать назубок правила, по которым они играют, уметь продемонстрировать свою фигуру, смотреть на них чуточку свысока, но не слишком, быть очаровательной, капризно надуть губки, избегать прямых вопросов, отвечать уклончиво и не принимать себя всерьез. Что-что, а это я умела. Это была игра. Они получали свои деньги, а я — хоть небольшую передышку.

Как ни старались продюсеры, снимать на улицах Лондона было невозможно, и они решили воссоздать столицу Англии в Булонской студии — там будет спокойнее.

Мы с Бобом вышли через кухню отеля, замаскировавшись под старичка и старушку. Я смогла час походить по магазинам, купить себе непромокаемый плащ, волынку и «морган», машину моей мечты, современную копию «бугатти», ручной сборки — роскошную игрушку, какой во Франции не найти. С доставкой через год... и то только потому, что это я!

Мама Ольга была с нами в Англии, на съемках, в магазинах и на званых вечерах. Она опекала меня, как родную дочь, но не всегда одобряла мой выбор любовников, причесок и ресторанов. Она была импресарио весьма «благопристойных» знаменитых актрис, таких, как Эдвиж Фейер и Мишель Морган, и со мной ей приходилось лихо. Правда, она всегда принимала меня такой, какая я есть, хотя порой от моих выходов у нее волосы вставали дыбом.

Возвращение в Париж было нерадостным.

Как я и предвидела, горничная заявила, что уходит.

Оставалась, правда, секретарша, которая заменила мою заболевшую Мала, но эта женщина «из общества» только вскрывала мою почту, чтобы не затягивать пояс к концу месяца. Она не осмеливалась вторгаться в мою личную жизнь, не знала, куда обратиться, вообще, знала разве только, как меня зовут, — и все!

Я никогда не умела обращаться с прислугой, даже в те времена, когда обслуживание еще что-то значило. Я не смела командовать, каждую свою просьбу заворачивала в шелковую бумажку. Я целовала их, поверяла им мои горести и радости, даже если

была с ними знакома каких-нибудь полчаса. А потом, не будучи по натуре ни терпеливой, ни снисходительной, ни великодушной, могла вдруг закатить ужасающую сцену из-за пустяка! И тогда мне швыряли передник в лицо, и я сразу же сожалела о своей вспыльчивости, сознавая свое зависимое положение. Люди, которым я платила за то, чтобы они меня обслуживали, всегда судили меня без снисхождения: они меня не уважали и не стеснялись говорить в глаза все, что обо мне думают.

Мои горничные держали меня в страхе.

На сей раз предлог был следующий: она всегда работала в порядочных домах, где был один «месье» на протяжении всей ее службы. Она не потерпит, чтобы ею командовал новый «месье».

Я расплакалась. Эта женщина была права, я не должна была бросать Сэми, но я не могла позвать его обратно — слишком поздно. У Сэми тоже появилась новая подруга, я прочла об этом в газетах и чуть с ума не сошла от ревности. Но что за бред: возвращаться к любовнику, с которым порвала несколько месяцев назад, ради того, чтобы удержать горничную.

Я призвала на помощь маму, Бабулю, мою Дада и всех святых. Тогда и вошла в мою жизнь мадам Рене, вошла и осталась на пятнадцать лет. Рене Мари была незаметной и незаменимой свидетельницей многих событий в моей биографии. Она больше походила на служанку юре, чем на домоправительницу кинозвезды. На нее я смогла наконец всецело положиться и доверить ей руль моего домашнего корабля. Даже когда менялся капитан (а за пятнадцать лет это случилось не единожды...), она не покидала своего поста.

Боб, со своей стороны, навел порядок в моих делах и подыскал мне секретаршу, достойную так называться, — она тоже оставалась со мной больше пятнадцати лет. У Боба не было определенной профессии, он занимался тем, что ему нравилось, то в Бразилии, то за ее пределами, играл в покер, курил огромные сигары «Давидофф», однако все его уважали. В нем чувствовалась какая-то основательность, наверно, она-то меня и покорила: мне было с ним надежно.

Но мои родители восприняли его совсем иначе...

Кто он такой, этот проходимец? Жиголо, заокеанский авантюрист, да еще и картежник-профессионал к тому же! Стыд и срам!

Счастье еще, что Мижану вышла за юношу из очень хорошей семьи, красивого, образованного, прекрасно воспитанного — это немного подняло престиж семьи Бардо.

На мои подвиги как на кинематографическом, так и на любовном поприще смотрели очень косо, и мне нечем было гордиться перед папой и мамой.

Как бы то ни было, я проводила время с Бобом и моими подружками Пиколеттой и Линой Брассер в их опустевшем ресторане в тот день, 11 октября 1963-го, когда по телевидению сообщили сразу о двух смертях — Эдит Пиаф и Кокто.

Эта новость сразила нас наповал. Мы остолбенели, не веря своим ушам.

Как могло случиться, что в один и тот же день два великих человека встретились, чтобы вместе пойти по пути, ведущему в бессмертие? Тогда я еще не знала, что они останутся единственными и никто никогда их не заменит, сколько бы ни старались все те, кто тщетно пытался занять их место!

Мне посчастливилось знать их лично, и я думала о них, поневоле сознавая, что теперь, после их кончины, стану звеном в цепи и, чтобы эта цепь не порвалась, должна буду говорить о них, помнить их, пытаться донести их живые голоса до тех, кто придет после меня. Увы, мой голос потонул во множестве глупостей, в шуме, от которого нет ничего хорошего и в котором не слышно того, кто хочет сказать что-то хорошее, не поднимая шума. Но я ношу их в себе, и, пока я жива, как ни краток мой срок на этой земле, будут жить и они.

В том же октябре в мэрии Нейи под наши умиленные взгляды Анна де Миолли стала мадам Гислен, Гектор, Нестор, Жан-Батист, Огюст Дюсар — церемония сопровождалась дружным хохотом; даже в глазах мэра, Ашила Перетти, плясали искорки веселья. Что поделаешь, имена своих предков не выбирают.

Я всегда обожала свадьбы. И чужие, и свои. Самыми прекрасными днями в моей жизни были дни моих свадеб, даже если потом все шло хуже некуда. Я бы с удовольствием выходила замуж всякий раз, когда влюблялась, потому что выйти замуж — значит по-настоящему подарить себя, пусть даже ненадолго.

Уж лучше дарить себя на время, чем одалживать навсегда.

Боб сразу вписался в мою жизнь.

В субботу вечером, после съемок, он заезжал за мной на студию, и мы отправлялись в Базош с Жики, Анной и компанией друзей.

В доме кое-что переделали. Я устроила себе спальню на чердаке, где раньше хранились яблоки. Труднее всего было найти винтовую лесенку, чтобы подниматься туда, не карабкаясь по стремянке в чердачное окошко, куда убирали сено. Художник фильма «Воскресенья в Виль-д'Авре» преподнес мне в подарок чудесную лесенку с резными ступеньками. А главное — провели центральное отопление!

Но вообще-то дом был еще обустроен с бору по сосенке.

Это не мешало нам здорово веселиться: все столы в доме были реквизированы для покера. Зеленое сукно и фишки убирали только на время еды, которая тоже была сущим удовольствием: каждый готовил свое фирменное блюдо. Гараж переоборудовали в сторожку, и жена сторожа Сюзанна взяла на себя уборку, мытье посуды и покупки. Ее муж пытался хоть немного привести в порядок запущенный сад, но я-то люблю, чтобы все росло вперемешку, как Бог на душу положит.

Анна, которая ждала ребенка и была уже на солидном сроке, радовалась, что больше не приходится жить в гостиной. Моя бывшая спальня на первом этаже, обтянутая розовой набивной тканью, превратилась в комнату для гостей. Мы с Бобом уже подумывали о том, чтобы снести перегородку между столовой и кухней: получится просторная гостиная. Тогда в нынешней гостиной придется оборудовать кухню. В общем, мы строили далеко идущие планы, но какой же бордель нас ожидал!

Я всегда испытывала неопиcуемый ужас перед работами, превращающими дом — жилой, теплый, полный милых сердцу мелочей — в грязную строительную площадку, где растения вянут, забрызганные известкой, рушатся стены, а безобразные блоки громятся, как для сооружения противоатомного бомбоубежища.

В тот уик-энд, 22 ноября, когда мы строили очередные воздушные замки и смотрели телевизор, сообщили о гибели Джона Кеннеди. Трудно было поверить, это не укладывалось в голове. Будто кошмарный сон. Смерть «напрямую», заснятая десятками кинокамер, запечатленная на тысячах снимков.

С тех пор как я купила квартиру на Поль-Думере, мне очень нравилось смотреть на маленький особняк, прямо под окном моей спальни. Там был красивый садик, деревья, птицы, все так романтично, спокойно, умиротворяюще, и главное — поверх него мне открывался великолепный вид на крыши Парижа. Напротив не было высокого дома, и солнце беспрепятственно врвалось ко мне в спальню.

И вдруг — о ужас! — однажды утром, просматривая почту, я обнаружила письмо от строительной компании, в котором сообщалось, что особнячок будет снесен, а на его месте предполагается построить роскошный многоквартирный дом, последний этаж которого, с террасой, предлагается мне. Это прекрасная сделка, говорилось в письме.

Я рвала и метала!

Какой срам — ломать этот очаровательный домик, чтобы нагромоздить тонны бетона, выстроить дорогостоящий муравейник,

который закроет мне вид, похитит у меня солнце. И они еще имеют наглость пытаться всучить мне свое безобразие.

Я кипела от злости. Как оказалось, я была права: когда начались работы, шум и пыль стройки сделали невыносимой жизнь в моей милой квартирке. Приходилось наглухо закрывать окна и ставни, затыкать уши ватой, а нос — бельевой прищепкой.

Боб, воспользовавшись моментом, быстро устроил наш отъезд в Бразилию.

Я еще никогда в жизни не пересекала Атлантику. Мне предстояло расстаться с самыми близкими мне людьми, с моими привычками, со всем, что давало мне уверенность.

Прости-прощай, строительство, шум, Муся, Гуапа, милые сердцу привычки, мои будни, мой Николая.

Как Христофор Колумб ХХ века, я отчалила январским вечером 1964 года на небесной «каравелле» в Рио-де-Жанейро.

Я никогда не любила всецело зависеть от спутника, но и одна бы в случае чего не справилась, будучи пленницей своего образа и своей известности, поэтому меня сопровождали Жером и Кристина Бриерр, директор «Юнифранс-фильм» и «паблик-рилейшн» моих фильмов. Мало ли что! Путешествие предстояло долгое, и я, зная, что встречать меня завтра соберутся все бразильские фоторепортеры и что мне нужно быть красивой, нарядной и фотогеничной, напялила на голову темный парик: в отличие от моих длинных волос, он не будет выглядеть растрепанным после четырнадцати часов полета.

Никому не понять, до какой степени это выматывает — быть постоянно на виду, выматывает, потому что это противоестественно.

Короче говоря, я вышла из самолета в Рио, еле держась на ногах, чуть не плача, растерянная в незнакомом месте, усталая — и после кондиционированного воздуха меня будто окатили расплавленным свинцом. Мой парик был как меховая шапка, и я чуть не потеряла сознание от жары, а вспышки между тем мерцали, вопросы сыпались, и люди смотрели на меня, не узнавая: я оказалась брюнеткой! Преследуемая по пятам ревушей толпой и машинами, полными фоторепортеров, я не помня себя влетела в квартиру Боба на «авенида Кобакабана».

И столкнулась с ватагой его дружков, которые жили здесь же, на паях, со своими бразильскими подружками. Вся эта братия говорила только по-португальски. Я совсем растерялась, расстроилась, я была чуть жива от усталости. Не зная, как быть, я отчаянно цеплялась за Жерома и Кристину.

Мне хотелось немедленно уехать домой.

Окна спальни выходили в темный двор.

Все пользовались одной ванной, мебель была грязная, палас безобразный, краска везде облупилась. Правда, из гостиной открывался великолепный вид на залив и на Корковадо, но глаза бы мои на него не глядели. В этой унылой квартире я жила, как в заключении, почти неделю. Внизу толпа журналистов, фотографов и просто любопытных росла день ото дня. Невозможно было ни войти, ни выйти без риска быть задавленным.

Жером и Кристина, жившие в отеле «Копакабана-Палас», были моими единственными гостями, да и они, после того как их несколько раз окружали, толкали и топтали, брали в заложники, наконец не выдержали.

Я была на грани депрессии, отрезанная от всего, всему здесь чужая, дни напролет я плакала, а по ночам закатывала сцены Бобу, умоляя его отвезти меня во Францию. Столько километров, столько сил, испытание самолетом, газетчики, жара, непривычная обстановка — нет, это слишком, я больше не могу, к черту путешествия, журналистов и эту дерьмовую квартиру.

Пришлось изобрести целую стратегию, чтобы дать мне возможность вырваться на свободу.

Жером и Кристина не зря были пресс-атташе: они устроили пресс-конференцию в «Копакабана-Паласе». Это меня доконало. Я протестовала, возмущалась. Как? Я приехала отдохнуть, посмотреть незнакомую страну — а меня опять бросают на растерзание всем этим стервятникам. Раз в кои-то веки я не снимаюсь, никаких официальных мероприятий не планировалось — неужели такой дорогой ценой я должна платить за свою свободу?

Я как никогда остро ощутила, как тяжело бремя славы, которое неуклонно подтачивало меня. Все это осточертело мне, осточертело, но уклониться не удалось. В очередной раз пришлось наряжаться, причесываться, краситься, сносить гримасы, улыбки, пустые и глупые вопросы. Опять быть непринужденной, сексуальной и все такое... соответствовать своему образу, донельзя белокурому и до смерти вызывающему.

Пока все газеты и телевидение кричали обо мне, Боб без лишнего шума увез меня в Бузьюс. Мы загрузили в маленький «фольксваген» рис, керосин, средства от насекомых, маисовую муку, прихватили также мою гитару, всевозможные консервы и бутылки с минеральной водой.

В Бузьюсе не было ничего.

Ни электричества, ни телефона, ни холодильника, ни водопровода — только море, небо, уютный деревенский домик, мяг-

кий золотой песок да несколько разноцветных суденышек, на которых выходили в море местные рыбаки.

Я наконец открыла настоящую Бразилию и обрела настоящий покой: никто здесь обо мне и не слышал, никто не мог меня узнать. Из ада цивилизации я перенеслась в еще не тронутый ею рай. Я говорю «еще», потому что после моего пребывания это место превратилось в бразильский Сен-Троpez. Мне кажется, будто я повсюду приношу с собой разрушение.

Но не будем забегать вперед.

Я бережно храню дорогое сердцу воспоминание о маленьком рае, где я бегала босиком; в обществе кошки, которую я назвала Мумун, зачарованно смотрела на колибри, на огненные цветы и бугенвиллии, на прозрачную воду лазурного и искрящегося моря, которое походило на пенистое шампанское и так же пьянило меня.

Вечерами, под защитой москитной сетки, раскинутой над кроватью, как фата новобрачной, я открывала для себя Симону де Бовуар, читая ее книгу «Второй пол». Парадоксально, но это так.

Мы не выбираем мест, где читаем те или иные книги. Главное — прочесть их, понять или отринуть, но узнать. Только так можно определиться в своих мыслях и в жизни. Наверное, в этом мире, таком первозданном, таком естественном и настоящем, я провела лучшие часы, лучшие дни в моей жизни. Мне смешно, когда, куда бы я ни приехала, все считают своим долгом принимать меня с красными коврами и прочими дурацкими церемониями: я-то ведь люблю все безыскусное и настоящее.

Всему на свете приходит конец.

Увы! Пришлось и мне покинуть сказочный сон и вернуться в реальный мир: снова аэропорты, люди, Париж и профессиональные обязательства. Мама Ольга ждала меня с нетерпением. Я не давала о себе знать, она не могла со мной связаться — ужас! Мне предлагали очень выгодный контракт на два дня съемок в американском фильме, главные роли в котором исполняли Джеймс Стюарт и десятилетний мальчик.

Фильм назывался «Дорогая Брижит». Надо было скорее дать ответ, чтобы американская съемочная группа могла приехать и снять меня на студии в Париже.

Картина была про мальчугана, который без ума от меня. Он пишет мне письма с обращением «Дорогая Брижит» и так настойчиво спрашивает своего отца, что в конце концов знакомится со мной в моем загородном доме.

Я дала согласие.

Из дикой природы я попала напрямик в американскую мишуру. Надо отметить, что американцы имеют обо мне весьма оригина-

нальное представление. Мой дом, воспроизведенный в павильоне, был так же чужд мне, как и компания белых и напудренных карликовых пуделей, изображавшая моих собак. Джеймс Стюарт, великолепный робот, безупречно отлаженный автомат, в каждом дубле произносил одни и те же слова, сопровождая их одними и теми же жестами, без проблеска индивидуальности, без малейшего чувства. Я не видела в нем ни вкуса, ни дара! Кукла, кукла, и только! Какая скука!

Я была еще вся пропитана солнцем и негой, в ушах у меня еще звучал тягучий и чувственный бразильский выговор, и я поспешила записать пластинку на 45 оборотов с одной из самых красивых моих песен «Мария Нинген», имевшей успех в узких кругах. Это медленная боса-нова, спеть которую мне стоило немало труда: я совершенно не знаю португальского, и Боб записал мне слова в фонетической транскрипции. Я не понимала ни словечка из того, что говорила, но говорила с убеждением. Когда мне случается слушать эту пластинку, я нахожу, что неплохо справилась.

Я пела по-французски, по-английски, по-испански и по-португальски — на четырех языках, это уметь надо!

В июне 1964 года мы услышали трагический призыв Жозефины Бекер спасти «Миланд», ее дом в Перигоре, который стал приютом для ее маленьких питомцев всех цветов кожи.

Меня взволновала, потрясла глубина горя этой удивительной женщины огромной души, которая навсегда озаменовала собой целую эпоху сказочных грез, стала незабываемым символом красоты, доброты, жизнерадостности, дивного экзотического пения, но главное — я от всей души разделяла ее желание обогреть, спасти, сблизить в библейском братстве все народы, всех слабых и невинных мира сего. И весь труд, весь ее труд, ее цель, ее жизнь пошли насмарку — это было слишком несправедливо. Я немедленно откликнулась, послав ей чек на большую сумму.

* * *

Тем временем Луи Маль вынашивал революционный замысел и хотел столкнуть меня с Жанной Моро в очень зрелищном и очень дорогом фильме, который он собирался снимать в Мексике: «Вива, Мария!».

О-ля-ля! Это шанс моей жизни, говорила мама Ольга, я смогу наконец доказать всем, что я не просто красивая, что я лучше, чем шаблонный образ, растиражированный газетами. Я должна была поднять перчатку, сыграть с Жанной Моро и стать равной ей в глазах публики.

Решиться было нелегко.

Дух соревнования во мне не силен, но я ненавижу проигрывать. Надо было играть наверняка. Я сильно рисковала. На одной чаше весов были моя беспечность, некоторая лень и стремление идти легким путем, которое порой доминирует во мне, на другой — гордость, желание победить, показать и доказать, какая я на самом деле многогранная, и безумная надежда, что непревзойденному таланту и сильной личности Жанны Моро меня не затмить. Сниматься предстояло в Мексике. Боже мой, опять расставания, опять незнакомые места, еще одно дополнительное испытание.

И все-таки я согласилась, к великому облегчению всех, кто, затаив дыхание, ожидал вердикта.

В растрепанных чувствах я уехала в «Мадраг». Прихватила с собой Мусю, Николая, Гуапу и, разумеется, Боба. Я забыла обо всем — и о пластинке, которая должна была выйти в сентябре, и о съемках, запланированных на начало будущего года. Все это было далеко, так далеко, что я выбросила из головы свои обязательства и жила, по обыкновению, сегодняшним днем.

В этом году, как и всегда, у меня были проблемы со сторожами. Что за люди — целый год им платят за то, что они ничего не делают и катаются как сыр в масле, а как только приезжают хозяева, они делают ручкой, потому что им мешают бездельничать. Это всегда отравляло мне жизнь, расстраивало до слез и жутко выматывало.

Когда я не торчала у плиты, то каталась на водных лыжах или ныряла.

28 сентября 1964 года мне исполнилось 30 лет!

Это было событие, я ушам своим не верила: я перешла в клан зрелых женщин, как во времена Бальзака! Для меня самой ничего не изменилось. Я всматривалась в зеркало, искала то необратимое, что должен был оставить на моем лице возраст. Ничего особенно ужасного я не разглядела. «Пари-Матч» прислал ко мне одного из своих самых знаменитых репортеров и лучшего фотографа. Меня допросили с пристрастием, выпытали всю подноготную, сфотографировали во всех ракурсах, и событие стало достоянием мировой прессы: «Б.Б. 30 лет!»

Это был маленький скандал, оскорбление величества.

Секс-киска, секс-бомба, женщина-вамп, неотразимая, взрывоопасная — старела...

Пока эту новость на все лады комментировали газеты всего мира, я спокойно пила шампанское в окружении близких в славном ресторанчике моей подруги Пиколетты в Гассене.

Я получила единственный и самый лучший подарок — осленка по имени Корнишон. А потом «упаковали лето в картонные

коробки, и грустно вспоминать время солнца и песен». Боб увез меня «навстречу осени, в город под дождем, я не открыла никому мою печаль, она была со мной, как старый друг». Всем известные слова этой дивной песни «Мадраг» лучше всего иллюстрировали состояние моей души.

На Поль-Думере я бродила как неприкаянная, мне было не по себе. Николя и Муся остались у Жака. Мне предстояло уехать на несколько месяцев, у отца ребенку будет лучше, чем в пустом доме. Конечно, кто спорит! Но я чувствовала себя как-то странно, думая об опустевшей квартире за дверью напротив.

Боб по вечерам уходил: ночи напролет он играл в покер почти как профессионал и возвращался на рассвете при больших деньгах или с пустым карманом, в зависимости от везения. Я же прижимала к себе мою маленькую Гуапу: спать одна я не в состоянии и поэтому делила постель с собакой.

Потом меня замучили примерками костюмов для «Вива, Мария!», я учила мелодии и слова песен, которые должна была петь с Жанной, и наконец познакомилась с ней. Она жила на улице Цирка вместе с импресарио, Мишлин Розан, очаровательной женщиной и давней соперницей мамы Ольги, которая присутствовала при встрече. Последовал вежливый обмен общими фразами, умиротворяющие, но эфемерные заверения в дружбе — все как водится при знакомстве двух священных чудовищ, непримиримых, но исключительно хорошо воспитанных.

Жанна оказалась безыскусной, манерной, душевной, твердокаменной — в общем, такой, как я ее себе представляла, с ее поразительным даром обольщения, за которым ясно виделся характер, выкованный из закаленной стали. Она не показалась мне красивой, но это бы еще полбеды — она была опасной. Мы прорепетировали нашу песню, обняв друг друга за талию, как две девчонки. Мой голос срывался, ее — звучал в полную силу. Она ласково улыбалась мне.

Я понимала, почему мужчины от нее без ума.

В моей почте, которой все прибавлялось на письменном столе, однажды попало отчаянное письмо от девочки, которая выкормила из соски ягненка. Ягненок вырос в большого барана по имени Ненетт — хоть он и был мужского пола, — и бедняге со дня на день предстояло отправиться на бойню. Я позвонила этой славной девчужке и велела немедленно привезти Ненетта ко мне в Базош.

Сказано — сделано. Осенним утром Ненетт прибыл в свой новый дом, маленькую овчарню под соломенной крышей, стоявшую среди бескрайних просторов восхитительно вкусной зеленой травы. Я всем сердцем полюбила этого славного барашка, кото-

рый оказался более ручным, чем самый верный пес. Я впервые узнала, какие это ласковые и преданные животные. Бедному Ненетту было скучно одному, и я велела привезти из Сен-Тропеза подаренного мне на тридцатилетие ослика, чтобы он составил ему компанию.

С тех пор Ненетт и Корнишон были неразлучны.

Поскольку я уезжала далеко и надолго, Боб предложил мне провести Рождество в Бразилии, а уж оттуда отправиться в Мексику. Несколькими днями больше, несколькими днями меньше, в конце концов, почему бы и нет?

Но на сей раз я ехала не на каникулы. Фирма «Реал», одевавшая меня с головы до ног, преподнесла мне королевский гардероб. Наряды имелись на любой вкус и на все случаи жизни. Я набила платьями внушительное количество чемоданов. По правде сказать, мне действовал на нервы весь этот скарб, такой громоздкий, но необходимый для исполнения всех ожидавших меня обязанностей.

Гуапа грустила: она чувствовала, что я уезжаю, скулила и ложилась в чемодан, прямо на мои новые платья, а я вытаскивала ее оттуда, вопя, что она невоспитанная собака. Я и сама была воспитана не лучше и кидалась на всех, я была на грани срыва, весь этот цирк довел меня до белого каления, мне хотелось одного — остаться дома с моей Гуапой.

Отъезды всегда давались мне тяжело.

Было решено, что в мое отсутствие в Базоше будут сделаны все работы, о которых страшно было и подумать, необходимые для того, чтобы дом стал комфортабельным. В последний уик-энд мы все убрали, выносили, освобождали комнаты, превращая мое теплое, уютное жилище в пустой и заброшенный дом. Я с тоской думала, что вот так же обнажают нас перед тяжелой хирургической операцией. Мне было больно за мой дом. Да еще шел мелкий, холодный декабрьский дождик, и все вокруг выглядело мрачно и наводило на мысли о смерти. Я в последний раз поцеловала Корнишона и Ненетта, которые, в тепле и холе овчарни, похоже, не разделяли моей печали, и с болью в сердце покинула Базош — так уходят на цыпочках из палаты больного.

Потом я простилась со всеми, кого любила: с папой и мамой, с Бабулей и Дада, с Гуапой, которая оставалась на попечении мадам Рене. Ехать так ехать. В сопровождении моих десяти чемоданов, Боба и Жики в качестве личного фотографа звезды я отбыла в Рио.

Парик я на этот раз не надела: я должна была выступить в своей роли с открытым забралом.

Этот небольшой крюк пошел мне на пользу: в Бразилии было чудесно.

Меня ждали веселые дружки Боба, та же квартира, все такая же грязная, но уже знакомая, Пеня, славная толстая негритянка, добродушная и мудрая мамаша всего этого странного семейства. Жоржи Бен, признанный король боса-новы, пришел к нам поиграть на гитаре, чтобы доставить мне удовольствие. Я бегала по антикварным лавкам, мне хотелось сувениров, я покупала статуэтки Девы Марии из разноцветного дерева. Сгибаясь под тяжестью подарков, шляп, корзин, гамаков всех цветов радуги, я выходила на улицы, а знаменитая песня «Brigitte Bardot, Bardot, Brigitte Bejo, Bejo...» звучала на всех углах. Мужчины и женщины, встречая меня на улице, посылали воздушные поцелуи: «Oh Brizzi, Brizzi, me gusta tu voze». Это значило: «Мы тебя любим».

Мне хотелось танцевать вместе с ними, кружиться в искрометном вихре их жизнерадостности, затеряться в этой пестрой, улыбочивой толпе. Бразильцы — просто прелесть.

Иногда, когда я размышляю — а это со мной время от времени случается, — я думаю, что могла бы обрести счастье и подлинное равновесие, если бы жила в кибитке, играла на гитаре, ходила босиком, окруженная радостным лаем и визгом моих собак, рядом с мужчиной, который бы пел, танцевал и любил меня. Я была бы странницей, дикаркой, свободной как ветер, останавливалась бы там, где было угодно моей душе, сеяла бы радость на своем пути, живя в ритме смены времен года, шага лошадей и нашей любви, никуда не спеша, смеясь, мечтая и любя.

Это и было бы счастье!

Между тем в один удивительный вечер меня пригласили принять участие в макумбе — тайном обряде заклинания духов.

Бразильцы чрезвычайно суеверны. Они традиционно просят о милости всевозможных языческих богов, которые в их довольнотакти детских представлениях смешались с нашим католическим Богом и святыми. Так, время от времени мы могли с нашего шестого этажа любоваться пляжем Копакабаны, усеянным тысячами свечек: мерцание множества крошечных огоньков добавлялось к мерцанию звезд в небе, и все сливалось в бесконечности молитвы, надежды, обетов или страдания.

Я боюсь всех этих ритуалов, от которых попахивает бесовщиной.

Предпочитаю договариваться с Богом, а не с чертом. Но, с другой стороны, я любопытна — вечная моя двойственность.

И вот группа посвященных из числа друзей увела меня одну: Боба сочли слишком земным. Мне было не по себе. В полной ти-

шине я поднялась по обшарпанной лестнице, потом пробиралась темным коридором до маленькой дверцы. После условного стука какая-то тень впустила меня и тут же остановила. Мне пришлось вынести возложение рук на голову, сопровождаемое какими-то кабалистическими словами, омовение святой — или не святой — водой, которую плеснули мне прямо в лицо.

Этим процедурам подвергся каждый из нас. Наконец я вошла в маленькую комнатку, полную людей, бормотавших молитву. Посередине на полу лежала женщина, одержимая демоном. Она корчилась и завывала, распростертая в непристойной позе, как будто отдавалась... Невыносимо было смотреть на этот обряд, свершавшийся здесь, на моих глазах. Мне казалось, будто я присутствую при жертвоприношении, было нестерпимо жарко, я задыхалась. Хотелось бежать отсюда, вырваться из этой чудовищно нездоровой атмосферы. Некоторые потрясли распятиями, другие — странными и страшноватыми статуэтками, изображавшими, видимо, главного бога. Мне стало по-настоящему плохо. Мои друзья это поняли, и, несмотря на скандал, вызванный моим бегством, я ушла. Ноги меня не держали, я легла прямо на тротуар и наконец-то смогла глубоко вздохнуть. В ушах стоял перезвон колокольчиков, перед глазами замелькали какие-то странные мошки, и я потеряла сознание.

На другой день, чтобы забыть весь этот кошмар, наш друг Денис Албанези и его жена Долорес увезли нас на своей яхте на затерянные в океане дикие и необитаемые острова Ангра-дус-Рейс.

Парусное суденышко было маленькое, и мы — восемь человек — с хохотом теснились в единственной каюте. В конце концов я предпочла лечь на палубе. Закутавшись в одеяло, я слушала, как поскрипывает якорь каждый раз, когда яхта покачивается на волне, смотрела на мачту, которая, как поднятый вверх палец, указывала мне на звезды, и не узнавала привычных ориентиров моего детства: на месте Полярной звезды был Южный Крест. Крики неведомых мне животных наполняли время от времени ночную тьму, и я блаженствовала.

Я не учла москитов — они вдруг тучей набросились на меня.

Спасайся, кто может! Тревога! Я вскочила и, полуголая, с воплем бросилась в каюту, перебудив всех. Я вся превратилась в сплошную язву, все смеялись при виде моей распухшей физиономии, а я была вне себя.

После нескольких незабываемых дней, которые я прожила, как Робинзон Крузо, на девственной земле, между чистым небом и теплым морем, я стала неузнаваемой от солнечных ожогов, укусов насекомых и соли, иссушившей мои волосы и кожу. Боб решил, что пора отправиться в Бузьюс: несколько дней там необ-

ходимы, чтобы вернуть мне мой изначальный вид, прежде чем я приступлю к ожидавшей меня нелегкой работе.

Рождество мы провели в Бузьюсе, у Рамона Авелланеды, аргентинского консула в Бразилии, и его жены Марселлы.

Домик, еще меньше того, что мы снимали в прошлый раз, тоже принадлежал местным рыбакам. Ванной не было. Мы жили, как дикари, в окружении кур, маленьких черных свинок, коз и мух.

Рамон, красивый, нежный и безумно привлекательный мужчина, часами, с ангельским терпением, учил меня играть на гитаре ритмы боса-новы. У него были бархатные глаза и бархатный голос.

В сочельник мы нарядили вместо елки пальму — шары, гирлянды и тепло укутанные деды-морозы грустно свисали с веток вместо кокосов. Мы наполнили всевозможными подарками наши туфли — вернее, резиновые шлепанцы и сандалии — и вместо полуденной мессы всей компанией пошли купаться.

Я сохранила странное воспоминание о единственном в моей жизни Рождестве, «не похожем на другие», о Рождестве наоборот, наперекор всем традициям, с этой жарой и обстановкой, являющей собой полную противоположность всему, что символизирует Рождество. Через несколько дней — я этого почти не осознала — 1964 год кончился.

XIX

В Рио меня ждали Жики, мои чемоданы, мое имя, мой статус, фоторепортеры и мое предназначение.

Я отбыла в Мексику с помпой, подобающей особе моего ранга. Путешествие оказалось долгим и утомительным. Было ужасно много посадок. При каждом приземлении и каждом взлете мне делалось плохо.

Когда мы приземлились в Перу, в Лиме, я умолила стюардессу разрешить мне остаться в самолете, не выходить со всеми пассажирами. Было невыносимо жарко, а у трапа меня поджидала толпа. Коренастый человек с раскосыми глазами, чистокровный индеец, поднялся ко мне в самолет. Он говорил мне что-то на непонятном языке, отчаянно жестикулируя. Я ничего не понимала. В конце концов мне объяснили, что это не то мэр, не то какой-то видный депутат, и он хочет подарить мне что-нибудь на память от Перу. Я должна только сказать, что бы мне хотелось, и он распорядится немедленно это доставить.

Я была тронута.

Мне редко что-нибудь дарят, ничего не требуя взамен. Все эти люди были на вид бедными и очень простыми, а мой собеседник,

поставивший себя в зависимость от прихоти звезды, казался искренне взволнованным нашей встречей. Мне вдруг вспомнилось приземление, сушь, пыльно-серый цвет растрескавшейся земли, однообразная скучная равнина, какой-то лунный пейзаж овеванной мифами страны. И я попросила у этого человека горсть перуанской земли: это будет самый лучший подарок. Он смотрел на меня, не понимая, не веря своим ушам, в растерянности оборачивался к окружающим:

«Земля? Почему?»

Наверное, он счел меня сумасшедшей!

Я видела, как он спустился по трапу, крича: «Она хочет немного земли, где мы ее найдем?»

И правда, мудро было найти эту самую землю на бетонных дорожках аэропорта и в сувенирных лавочках, где ждали покупателей куклы, полудрагоценные камни и изделия местных кустарей. Но он вернулся, весь в поту, запыхавшийся, на грани апоплексического удара, с маленьким мешочком в руках — там была земля Перу.

Я сохранила этот единственный в своем роде, такой странный сувенир. Иногда я смотрю на него и думаю о далекой стране, откуда я увезла немного земли январским днем 1965 года.

Следующая посадка была в Боготе, в Колумбии.

Аэропорт находился на внушительной высоте: 2600 метров. Стоял ужасный холод. Воздух был колючий и разреженный. Я увидела существ из другого мира: точеные, изрытые морщинами лица индейцев, на головах — поверх пестрых платков — шляпы-котелки. Эти величавые бедняки предлагали туристам какие-то безделушки без единого слова, без малейшей надежды, машинально, будто страх услышать отказ подточил их.

Мне ничего не предложили, я ничего не просила, но в памяти у меня остался величественный и горестный образ древнего, мудрого народа, столкнувшегося с унижительными требованиями современности и цивилизации: эти люди приспособились ценой утраты своего человеческого «я».

Прибытие в Мехико было сущим безумием, но я этого ожидала.

Директора фильма, ассистенты и Луи Маль собственной персоной встретили меня у трапа. Красная ковровая дорожка была расстелена до здания аэропорта, и я прошла по ней в адской какофонии и несусветной давке.

Жики сделал незабываемые снимки этого события, стоя наверху трапа, иначе его бы затоптали — эта участь постигла в тот вечер многих фоторепортеров и журналистов.

Как ни готовишь себя к худшему, бывают в жизни моменты,

когда, при всем желании, выше головы не прыгнешь! Я была обречена на то, чтобы превосходить себя и владеть собой в безумных обстоятельствах, и это повторялось так часто, что подточило до основания шаткое равновесие моей неустойчивой психики. Этими, порой непереносимыми, испытаниями объясняется моя боязнь толпы, моя потребность и стремление жить затворницей.

Первой остановкой в моей долгой мексиканской аванюре стал отель «Лума». Там меня ждали Дедетта, ее сын Жан-Пьер, мой парикмахер и еще несколько знакомых лиц, в том числе мама Ольга — я уцепилась за них, как утопающий за соломинку. Роскошные и безликие апартаменты, полные экзотических фруктов, благоухающих цветов, перевитых атласными лентами, не могли развеять моего уныния и чувства заброшенности.

Да что я вообще здесь делаю?

С какой стати? Я не смогу, не смогу жить здесь, мне одиноко, все вокруг чужое, я устала, издергалась вконец. Я плакала, говорила, что хочу домой, что уплачу неустойку... А тут еще комнаты загромождали чемоданы, расставленные в беспорядке, как пешки на шахматной доске, на которой я была королевой. Бедная королева! Королева убита? Да.

Какая же поднялась паника!

У моей команды вытянулись лица, опустились руки, все шушукались вокруг меня с заговорщическим видом. Я хотела уехать. Боб пытался образумить меня и одновременно оградить от всех этих славных людей.

Мне надо было остаться одной, в тишине и покое.

Весь этот переполох, продолжавшийся не один час, сломил мое сопротивление. Боб заставил меня выпить отлично смешанный «банана-дайкири», заказал легкий ужин. Я с удовольствием приняла ванну и уснула как убитая, даже не подумав о том, что надо бы переставить мебель...

Съемки начались только через несколько дней.

Сначала пришлось знакомиться со всеми актерами и персоналом, примерять костюмы, пробовать грим и прически на студии в Мехико. Нам надо было притереться друг к другу и приспособиться к непривычной высоте, 2250 метров, от которой порой перехватывало дыхание. За исключением нескольких французов — в их числе Полетта Дюбо, чью доброту и поддержку на протяжении всех этих нелегких съемок я никогда не забуду, — все роли исполняли мексиканцы, да еще Грегор фон Реццори, немецкий актер, который играл моего тестя в «Частной жизни» и тоже стал мне прекрасным и надежным другом.

В Мехико мы надолго не задержались.

Настоящая наша штаб-квартира находилась в Куэрनावаке, где

для меня сняли великолепную асьенду. Я еще не видела Мексики, знала только один маршрут: отель — студия и студия — отель. К счастью, я еще не успела распаковать чемоданы. Но, между прочим, я так все и не распаковала — через некоторое время они отправились домой «как были» с одним моим другом, возвращавшимся в Париж. Намучившись с этим ненужным грузом, я с тех пор научилась путешествовать налегке и, куда бы ни ехала, беру с собой только самый необходимый минимум в дорожной сумке. Не избежали мы и обязательной пресс-конференции, на которой пришлось расточать улыбки, источать мед, быть душечками. Каждый точил когти, втянув их до поры. Мы с Жанной, как две хищницы, первое время наблюдали друг за другом. Луи Маль, укротитель, прятал свой хлыст за комплиментами, которые он отпускал умело и дипломатично.

В общем, все шло лучше некуда в этом лучшем из миров...

Я с восторгом открывала для себя потрясающий мир — Мексику. В Куэрनावаке я сразу влюбилась в асьенду, ставшую моим пристанищем.

Это было орлиное гнездо, прилепившееся прямо посреди городка, защищенное высоченными каменными стенами, которых не было видно под пышной зеленью. Огромная калитка, деревянная, окованная железом, выходила в переулок, замощенный булыжником, как в старину; по обеим сторонам в стену были вделаны бронзовые кольца, чтобы привязывать лошадей. Патио, внутренний дворик, был полон цветов и экзотических деревьев — гибискусов, авокадо, апельсиновых, — которые окружали старинный дом в колониальном стиле.

Я заметила, что окна представляли собой просто отверстия, которые задергивали тяжелыми занавесями. Ни рам, ни дверей — все открыто, все как на ладони. А до чего мне нравилось из бассейна видеть вулканы — Попокатепетль и нежно прижавшуюся к нему Мухер Адорментата.

Я познакомилась с Марикитой и ее дочерью Марией — это были две чудесные индейки с длинными, черными, блестящими от масла косами ниже пояса. Они прислуживали мне и оказались единственными по-настоящему работающими, добрыми, честными, верными и преданными людьми, которых мне довелось встретить в жизни. Благодаря им, у меня не было никаких хозяйственных забот. Обедала ли я одна, с Бобом, или принимала пятнадцать человек, все всегда было готово в лучшем виде, а они пребывали в неизменно хорошем настроении. Это стоило отметить белым крестиком.

Я всегда обожала читать, я просто жить не могу без книг, это как будто вторая жизнь, способ уйти от действительности в мечту, в ил-

люзию. Среди множества ненужных вещей в моем багаже нашлись несколько томов «Анжелики». Я в свое время, даже не заглянув в книгу, отказалась сниматься в экранизации. Теперь я готова была локти кусать! Буду знать впредь, как выносить скоропалительные и категоричные решения. Я знаю за собой этот недостаток, он преследовал меня всю жизнь, виной тому — смесь лени, равнодушия и беспечности, сыгравшая со мной не одну злую шутку.

И вот, пока Жанна Моро учила роль, репетировала сцены, выстраивала по камушку силу и профессионализм своей игры, я пускалась очертя голову в захватывающие приключения вместе с несравненной Анжеликой, которую блистательно сыграла Мишель Мерсье. Низкий ей поклон! И браво!

Мы трое — Жанна Моро, Луи Маль и я — жили в сказочных домах в окружении необходимых нам советников. Каждый мнил себя центром Вселенной и всевозможными ухищрениями старался привлечь к себе как можно больше внимания.

У Луи все мужчины ходили с оружием и стреляли по мишеням, по бутылкам и просто в воздух в ознаменование различных событий, по мексиканскому обычаю. Жан-Клод Карьер, автор сценария, участвовал в этой забаве.

У Жанны пили шампанское, лакомились белыми трюфелями, которые подавала ее личная горничная на чеканных серебряных блюдах, приехавших из Парижа в ее багаже. Пьер Карден регулярно присылал ей лучшие платья из своей последней коллекции.

У меня был полон дом друзей, гитара, карты, игры, единственная одежда для всех — набедренные повязки, много смеха и танцы до поздней ночи под музыку мариачис. Ален и Натали Делоны погостили несколько дней в нашей богемной компании.

* * *

В один памятный январский день мы приступили к съемкам.

Все были немного скованны, начинали потихоньку, не гнали волну.

Фургончики с кондиционированным воздухом, служившие нам уборными, грузовики, электрогенераторы, столовая на колесах и прочее заполнили маленькую площадь. Целой армией, подобно опустошительным полчищам саранчи, мы вторглись в мирную деревушку Куаутла, нарушив ее покой.

Это был старт, первый шаг по длинной и коварной трассе, только начало ожесточенной схватки, в которую, не подавая пока виду, готовились вступить две урчащие тигрицы, две чемпионки, два лидера и претендентки на победу в финале — победу, которую ждал весь мир. Международная пресса, осточертевшая, но необходимая — еще как! — всякому дорогостоящему фильму, об-

шелкивала в упор зазывно-томную Жанну и лукаво-сексапильную Брижит.

Это был только первый день!

А нам предстояло работать... почти до середины года!

Каждое утро я выходила из дома в 7 часов. По горным дорогам зачастую невозможно было проехать, машины поднимали тучи пыли, и приходилось закрывать нос и рот шейным платком.

За время этих съемок мне довелось увидеть недоступные заповедные места, куда еще не ступала нога туриста. Я была зачарована, открыв для себя чистое и непокорное сердце великой и жестокой цивилизации, так непохожее на стандартные американизированные картинки всевозможных Акапулько в рекламных буклетах. Величественные пейзажи, бескрайние горизонты, пустыни, грозно ошетилившиеся множеством кактусов, ошеломляющие контрасты: сушь, избыток влаги и вечные снега. А над этим ландшафтом вечная угроза — Попокатепетль — восседал как мудрый и строгий дед, спокойно покуривая.

За пышностью природы скрывались нищета, голод, смерть. Не сосчитать, сколько раздавленных собак, мертвых лошадей и ослов, погибающих от истощения животных видела я на наших дорогах! Сколько грифов, воронов, стервятников — они единственные выполняют здесь работу мусорщиков — на моих глазах за несколько дней объедали дочиста зловонную падаль, кишашую червями и мухами.

А крестьяне, надменные, но такие бедные, а женщины-индейки с королевской осанкой, которые носили тяжелейшие грузы на голове, босоногие, в лохмотьях. В глинобитных хижинах с земляным полом кишашая насекомыми детвора делила единственную комнату с поросятами, курами, козами, осликами и собаками. Я стала брать с собой остатки хлеба, риса, овощей, мяса и раздавала все это всякий раз, когда по пути на съемки и обратно встречалась с безнадежностью.

Даже в воскресенье, наш единственный день отдыха, который казался мне самым коротким днем недели, я иногда колесила по глухим уголкам и останавливалась, заметив где-нибудь тощую как скелет собаку, которая убежала, поджав хвост, при виде нас. Я оставляла еду у дороги, и, как только мы уезжали, опасливый и любопытный пес торопливо поглощал свой дневной рацион.

Наведывалась я и к местным беднякам, таким же обездоленным, голодным и опасливым, как их собаки. Я приносила им концентрированное молоко, рис, шоколад. Через некоторое время они привыкли ко мне, они меня ждали, понятия не имея, кто я такая. Иногда, если я была не слишком вымотана, я ездила посмотреть на пирамиды Луны и Солнца.

Жики запечатлел наши встречи с этими поразительными сви-

детелями прошлого. История манит меня, и, глядя на эти великолепные снимки, я до сих пор еще мечтаю.

Я представляла себе все обряды, все наводящие страх языческие празднества, которые происходили в этих сказочных храмах красоты и могущества. Остатки древних цивилизаций глубоко взволновали и потрясли меня. Я могла часами смотреть на них, трогать их камни, пытаюсь проникнуть в их загадки, в их историю. Их тайна влечет меня и завораживает. Это грандиозно!

Слава Богу, в Мексике не было «папарацци», и я могла почти спокойно любоваться диковинками, которые мне удалось посмотреть в немногие свободные часы.

Я побывала в разных странах, но больше всех я полюбила Мексику. В Мексику мне хотелось бы вернуться, о Мексике я храню самое глубокое и самое прекрасное воспоминание. Мне понадобилась бы целая жизнь, чтобы познать до конца эту многогранную страну поразительных контрастов и волшебного очарования. Я лишь скользнула по ней взглядом — а ведь я провела там полгода жизни и близко познакомилась с самыми потаенными уголками.

Вот, например, однажды мы снимали в затерянной в горах деревушке, недалеко от Куэрнаваки, я даже не помню, как она называется. Говорили, что это опасное место. Там будто бы до сих пор раз в год приносились человеческие жертвы. Местность была дикая, пустынная, туда вели только непроезжие дороги, похожие на русла пересохших горных рек. Когда мы ехали, водитель, конечно же вооруженный, показал мне огромный плоский камень, нависший над страшным отвесным обрывом. Именно там происходило «это» — меня бросило в дрожь.

Надо сказать, физиономии у местных жителей были самые бандитские. Они мрачно косились на нас; у каждого мужчины из-за пояса торчал мечете.

Как ни парадоксально, в этой весьма напряженной обстановке мы снимали одну из самых веселых в фильме сцен — сцену бала! Вот вам еще одна из причуд нашей профессии. Зачем было выбирать эту глухомань с риском для жизни, чтобы снять сцену, которая происходит ночью и ничего такого особенного не видно, зная, что место опасное, что полиция сюда носа не кажет и ни один турист в эти края забраться не решался, что здесь, возможно, приносятся человеческие жертвы и мы рискуем на нашем балу угодить в засаду?

Если вы дадите правильный ответ, вас ждет неделя в Мексике и подписка на «Теле-Мексик»!

Пока Жанна в объятиях Джорджа Хэмилтона снималась в немногих любовных сценах фильма, которые она, говорят, основа-

тельно прорепетировала вне съемочной площадки, я поспешила в Хочимилько, мексиканскую Венецию, где гондолы, полные цветов, пьянящих своими красками и ароматами, скользили по воде каналов в густой тени, под звуки оркестров мариачис, разместившихся там и сям перед ресторанчиками.

Это была причудливая симфония дивного звука и света народной поэзии. Зрелище для туристов — да, несомненно, но в нем сохранилось что-то кустарное и архаичное. Я смотрела во все глаза, запасалась впрок незабываемыми воспоминаниями. Я жила.

Съемкам не было видно конца, я от них уже устала, а между тем это были еще цветочки.

Как-то раз я сидела на сухом камне и ждала... ждала... ждала... когда подготоят план, когда наконец вспомнят, что я здесь и что мне осточертело ждать, — и вот тут-то я натерпелась самого большого страха за всю мою жизнь. Один из рабочих-мексиканцев кинулся ко мне, схватил за локоть и рывком поднял. Под камнем, на котором я сидела, копошилось целое семейство скорпионов.

Самая знаменитая попка спаслась чудом!

Как Жанну, так и меня постоянно окружал шумный и назойливый мозговой трест. Гримерши, парикмахеры, костюмерши, импресарио, пресс-атташе, фотографы, друзья и подружки — целая армия болельщиков, готовая грудью встать за «свою».

Мы обе стали их собственностью, и они пускали в ход все средства, чтобы выжать из каждой максимум возможного в ущерб другой. Когда мы обе были заняты в сценах, наши гримерши, как тренеры боксеров, не только припудривали нам носы, но и нашептывали на ушко, указывая на мелкие недочеты в игре или в движениях. Наставлял нас Луи Маль, но тонкости исполнения на протяжении всех съемок подсказывала каждой ее гримерша: зная нас лучше, чем кто-либо, они помогли обеим избежать многих ошибок.

На войне как на войне.

У меня имелось перед Жанной преимущество в возрасте и во внешности. Я была моложе, красивее, лучше сложена, умела двигаться и инстинктивно играла на своей естественности, которая всегда с лихвой восполняла мои недостатки — лень и слишком вольные манеры.

Жанна брала своим отточенным умом, своим талантом опытной актрисы и играла на своих чарах, беспощадных и неотразимых. С рассчитанным профессионализмом она умела использовать любую ситуацию так, чтобы максимально блеснуть своими козырями. Играла она и на том факте, что у нее был с Луи бурный роман во время съемок «Любовников».

Даже если Луи и питал некоторую нежность ко мне, когда снимал меня в «Частной жизни», в его жизни я не занимала такого места, как Жанна. Правда, Луи собирался вскоре жениться на Анн-Мари, замечательной женщине, чистой, строгой, светской и прямолинейной, что должно было положить конец всем этим двусмысленностям.

Самые лучшие фотографии из самых знаменитых газет всего мира тянулись чередой на съемочную площадку. Все хотели эксклюзивной съемки, портретов, репортажей о нашей домашней жизни. Каждый бился, стараясь урвать больше, чем другие, это стало чем-то вроде тотализатора, а я всем отказывала наотрез. Мне и без того хватало: съемки с утра до вечера, целый день гримироваться, причисываться, надевать все эти шляпы, корсеты, сапоги, я работаю до изнеможения, валюю с ног от усталости, так пусть хоть в воскресенье мне дадут расслабиться, искупаться, поспать, погулять, поездить по стране.

Пусть меня оставят в покое!

И вдруг в один прекрасный день явилась мама Ольга. Она прилетела прямо из Парижа и в ярости потрясала пачкой газет с Жанной на всех первых полосах. Повсюду красовалась одна только Жанна, все писали только о Жанне, по-английски, по-французски, по-немецки, по-итальянски и даже по-японски.

Ох, мамочка! Кровь застыла у меня в жилах!

Затем Ольга рассказала мне, что Жанна уже торжествует победу. Что она видела в Париже отснятый материал, и все преимущества на стороне Жанны. Она сумела выгодно подать свою роль, особенно любовную сцену с Хэмилтоном, а я лишь оттеняла ее.

Ох, мамочка! Моя кровь закипела!

Что ж, так мне и надо! Коварная Жанна ловко воспользовалась предоставившимся случаем, разыграла козырные карты и получила перевес, но партия еще не закончилась. У меня были другие козыри на руках. Я должна выиграть!

С этого дня для меня было вопросом чести выиграть пари, которое я заключила сама с собой, согласившись сниматься. Пусть Жанна вырвалась вперед на старте, уж на финише я возьму свое, как в покере. Беспечности моей как не бывало, я рвалась к победе, самолюбие и гордость двигали мной, удесятерая мои силы. О! Они у меня увидят, то ли еще увидят, эти паршивцы-фотографы!

И они увидели. И весь мир увидел и видит до сих пор.

Сколько я фотографировалась — и вечером, и в 5 часов утра, едва проснувшись, и в воскресенье! Я открыла им двери: прошу, я вся ваша, дерзкая и порочная, улыбающаяся и надутая. Во всех ракурсах, во всех видах, со всех сторон. Я играла им на гитаре,

пела для них, танцевала, вся такая задорная и чувственная, — в общем, я им выдала сполна.

На съемках я больше не капризничала по пустякам. Я догоняла поезд и карабкалась на ходу, перепрыгивала с вагона на вагон по крышам. Я рисковала сломать шею, ужасно трусила, но я это сделала. Я переходила вброд илистую реку, черную, вязкую, с пиявками, крабами и какими-то вонючими длинными водорослями. Вода доходила мне до подбородка, меня тошнило, я боялась ступить в этой мерзкой клоаке, но я это сделала. В Теколутле мне пришлось купаться в устье реки, где кишмя кишели акулы; рабочие били вокруг меня в барабаны, чтобы их отпугнуть. Один лишился там ноги.

Я умирала от страха, но я это сделала.

Мама Ольга не могла нарадоваться новому обороту событий и подарила мне на Пасху двух утят — они были совсем маленькие, пушистые, желтенькие, беззащитные и растерянные.

А у меня в то время уже жила собачка, которую я подобрала. Эта маленькая Гринга растрогала меня, когда, вместо того чтобы наброситься на оставленную для нее кость, прыгнула за мной в машину. Я взяла ее с собой и баловала, как могла. Она меня обожала, но от прежнего жалкого существования в ней сохранились глубоко укоренившиеся кровожадные инстинкты.

Трагедия разыгралась, когда один из утят, которого я прижимала к груди, выскользнул у меня из рук и упал в траву. Гринга моментально схватила его и разорвала в клочки. Я, пытаясь спасти утенка, в смятении упустила и второго. Сколько было крика и плача, какое горе! Гринга, терзая свою маленькую окровавленную добычу, второго утенка не заметила. Она получила хорошую взбучку и была заперта в моей комнате, пока мы, оплакивая крошечные останки, тщательно искали пропавшего братика. Все мои домочадцы ползали на четвереньках, обшаривая каждый уголок сада и дома.

Утенок как сквозь землю провалился!

Нашла его Марикита, поздно вечером, когда хотела подмести кухню: он дрожал, съжившись под метелкой из перьев в самом дальнем углу чуланчика, где хранились щетки и тряпки. С этой минуты мой прелестный малыш, крошечный и слабенький, стал считать меня своей матерью.

Мы были неразлучны. Он спал в постели у меня под мышкой, я брала его с собой на все съемки, ел он со мной за столом, мы вместе купались и в бассейне, и в море, он ходил за мной повсюду — куда там собаке, а стоило мне оставить его хоть на три минуты, когда нужно было сниматься, начинал отчаянно пищать, создавая серьезные проблемы звукооператору. Луи Маль, прежде чем скомандовать: «Мотор!» — осведомлялся, удален ли мой уте-

нок на почтительное расстояние и хорошо ли его обхаживает «утиная няня» — няни менялись, но ни одна не заменила меня в его любящем сердечке.

На подобных опытах я убедилась, как велика моя любовь к животным, которые отвечали мне взаимностью. Это была безраздельная любовь, ничем не запятнанная, основанная на абсолютном доверии. Я была хранительницей их жизни.

А между тем чего только я не наслушалась про моего утенка. Одни приходили посмотреть, достаточно ли он жирный для жаркого, другие намекали, что быть спутниками жизни кинозвезд — привилегия завитых пудельков, борзых, персидских кошек или гепардов. Нет, нет и нет! У меня будет утенок, и катитесь вы все куда подальше! Тупицы!

Только троньте моего утенка!

Когда пришло время окончательно покинуть Куэрнаваку и отправиться в далекие края, где должны были сниматься следующие эпизоды фильма, я оставила Грингу Мариките, но утенка взяла с собой.

С ним я пересекла бескрайнюю сушь по дороге в Сан-Мигель-де-Альенде и Гуанохуато, странный городок, где достопримечательностью для туристов стали мертвецы. Трупы здесь, благодаря каким-то особым свойствам земли, законсервировались. Когда их обнаружили в таком плачевном состоянии, кладбища были превращены в зловещую подземную выставку, где все эти жалкие, чудовищно изуродованные останки ждали в витринах любителей острых ощущений. Я туда не пошла, Боже сохрани, но открыток, афиш, рекламных буклетов, конфет в виде черепа или берцовой кости было достаточно, чтобы меня каждую ночь преследовали кошмары.

Папа присоединился ко мне еще в Мехико и одновременно со мной, с тем же увлечением, открывал для себя несметные богатства, которые дарила нам эта страна.

Наверное, пригласив папу в Мексику, я сделала ему один из лучших подарков в его жизни. Эрудированный, любознательный, равнодушный к красоте и к истории, он зачитывал мне из путеводителей, с которыми не расставался, исторические подробности, связанные с памятниками, которые мы осматривали. Так, Жики запечатлел нас, типичных туристов, на фоне легендарной пирамиды Тахина, в которой 365 ниш, по числу дней в году, и в каждой находится каменная статуэтка бога — кажется, Майя, — посвященная своему дню.

Затем вся съемочная группа, уже порядком уставшая после четырех месяцев работы, медленно двинулась дальше, к тропичес-

кой жаре и нестерпимой духоте, в городок под названием Теколутла, а папа отправился в Камерон, поклониться мемориалу героев Французского иностранного легиона — это было 24 апреля 1965 года*.

В Теколутле комфорт был сведен до минимума.

Не было даже гостиницы — только мотель, где стены от сырости так и сочились теплыми грязными каплями. Решетчатые двери выходили в единственный коридор — благодаря этому тяжелый, душный воздух мог циркулировать. Дряхлый, скрипучий вентилятор, облепленный дохлыми насекомыми, распространял свое зловонное, обжигающее дыхание. Удобства — омерзительный умывальник в углу и стенной шкаф, кишасший тараканами.

Я разрыдалась.

От малейшего движения с меня градом лил пот, волосы и одежда стали липкими от испарины и сырости. Телефона не было. Все пахло затхлостью, смесью перегноя с морской солью: бушующие волны океана, подернутые смолистым налетом, с оглушительным гулом разбивались на множество сверкающих капелек в нескольких метрах от кокосовых пальм, окружавших это странное и мрачное место. Чистя зубы, мы полоскали рот «кока-колой», чтобы не глотнуть воды; даже принимать душ надо было с большой осторожностью.

В общем, я хотела уехать немедленно. Не могло быть и речи о том, чтобы сниматься в таких условиях, тем более что — вот невезение! — снимать предстояло эпизоды боев и партизанской войны, где были мои самые важные сцены, а Жанна почти не появлялась.

Это меня доконало!

Лежа на том, что почему-то называлось кроватью, на влажных, липнувших к телу простынях, с моим утенком под мышкой, я оставалась глуха к словам ободрения, которые напрасно расточали мне папа, Боб и Жики. Я обливалась липким потом, повсюду ползали всякие твари, даже скорпионы, дышать было невозможно.

А снаружи-то, снаружи! Там было еще хуже — все клейкое и склизкое!

И все-таки никуда я не делась.

Съемка на следующий день — это было нечто.

Хуже смертной казни. Загримироваться невозможно: все текло. Причесаться невозможно — все слипалось. Одеться — это и вовсе была трагедия: я задыхалась в шерстяной юбке, в корсаже

---

* Битва при Камероне состоялась во время Мексиканской войны, 30 апреля 1863 года; ее годовщина отмечается во Франции как день Французского иностранного легиона.

с накрахмаленным стоячим воротничком и галстуком и в высоких, до колен, ботинках на шнуровке. Ноги мне обрызгали каким-то составом от насекомых: среди тропических паразитов могли оказаться опасные. Инсектицид плюс жара и пот — и несколько дней я ходила с ожогами на ногах и на ляжках. В общем, я пребывала в плачевном состоянии!

Луи Маль положил себе на голову пузырь со льдом и нахлобучил сверху шляпу! Счастливчик. У всей съемочной группы началась «болезнь туристов». Меня она тоже не миновала! Мы все просто подышали. Даже у моего утенка был понос!

У Жанны так упало давление, что она слегла на несколько дней. Врач-мексиканец, сопровождавший съемочную группу, день и ночь оказывал нам помощь и пичкал лекарствами. Единственной пищей, которой нас здесь потчевали, были крабы и ванильное мороженое: Папантла, столица ванили, находилась неподалеку.

Какая гадость!

Прости-прощай, серебряная посуда, белые трюфели, ужимки и кривлянья — теперь мы все были на равных и боролись, чтобы выжить в этом аду, снявши маски и штаны — по разным причинам. Мы увидели друг друга такими, какие мы есть. Зрелище было не из приятных, ох, не из приятных.

В этой весьма необычной для международной киноиндустрии обстановке в одно прекрасное утро мы обнаружили у наших ничего не скрывавших дверей по ландышу, вылепленному из хлебного мякиша.

Было 1 мая, и Полетта Дюбо провела много часов, лепя из хлеба крошечные белые колокольчики, а потом обернула их листьями, которые она собирала, где могла!* Может быть, смешно придавать столько значения этому пустяку, но на меня от маленького искусственного ландыша повеяло не только весной — повеяло щедростью души прелестной и чуткой женщины, в чьем сердце тоже жила неувядаемая весна.

Это стоило сделать, до этого надо было додуматься.

Самые простые жесты, идущие от сердца, всегда бесконечно трогали меня. Это единственные подлинные ценности в жизни.

С тех пор я получала тысячи ландышей, лесных и садовых, пышных и тоненьких, с ленточками и без ленточек, с корнями и без корней. Но только один я буду помнить всегда — тот символический ландыш, что преподнесла мне Полетта Дюбо 1 мая.

Наскоро отдаю дань уважения исключительной женщине.

---

* Во Франции существует традиция 1 мая дарить друг другу на счастье букетики ландышей.

В этой изнуряющей жаре мои силы были на исходе, но на исходе была и война, и съемки тоже. Я победила крепости и вражеские армии, я захватила — и какой ценой! — пулеметы противника, скоро, скоро я смогу вернуться в цивилизованный край.

Я была сыта по горло, по ноздри этими джунглями, отсутствием комфорта, пейзажем, состоящим из лиан и зарослей всевозможного мха, где гнездились ядовитые насекомые, смертоносные змеи, гигантские пауки, скорпионы — вся эта страшная копошащаяся нечисть, от которой я чудом убереглась. Следующая остановка предстояла недолгая.

А потом — потом для меня съемкам конец! Свобода!

Директор отеля, самодовольный, надутый тип смотрел на меня сальными глазами, когда я явилась с моим утенком.

У них в саду было что-то вроде маленького зоопарка, где розовые фламинго, утки, гуси, ибисы, самые разные птицы с грехом пополам привыкали жить общей стаей, что по природе им не свойственно. Дело в том, что уехать с утенком я не могла. Во-первых, я неминуемо должна была задержаться еще на несколько дней в Мехико. А потом — перелет с посадкой в Нью-Йорке, всякая живность и растения под запретом. Полетта Дюбо и Детта посоветовали мне на пробу оставить моего утенка на одну ночь в стае!

Я была в отчаянии.

Мы ни на день не расставались, он знал и любил только меня одну, сопровождал меня повсюду, дожидаясь, как паинька, и семенил следом, поспевая за мной куда бы я ни шла. С болью в сердце я оставила его в эту первую ночь за решеткой, такого потерянного среди других птиц, абсолютно чужих ему. Он плакал, звал меня, натываясь на железную проволоку, которая впервые в жизни стала на его пути. Я до утра не сомкнула глаз, терзаясь угрызениями совести, горя, тоскуя без моего чудесного маленького друга.

Боб вышел из себя и закатил мне чуть ли не сцену ревности. Ему давно уже осточертело делить постель и меня с утенком, который повсюду гадил, его терпение лопнуло! Или утенок, или он. Будь такая возможность, я бы не колебалась ни секунды: оставила бы Боба в курятнике, а сама бы уехала с моим утенком. Но, увы, люди установили определенные карантинные и таможенные правила, преступить которые очень трудно, даже если тебя зовут Брижит Бардо.

На другой день я нашла моего утенка догола ошипанным, но еще живым. Он подвергся нападкам и насмешкам всей стаи, не умел постоять за себя, он был такой слабенький и не понимал своего нового положения. Я лечила его ртутнохромом, целовала

и ласкала, потом с тяжелым сердцем пошла на съемку. Еще целую неделю я держала утенка при себе, врачую его раны.

Затем настало время уезжать.

* * *

Я заехала ненадолго в Такко — это бывший серебряный рудник, где все серебряное, даже клирос в соборе. Там можно потратить уйму денег на копии изделий майя и ацтеков, а я привезла оттуда полный столовый набор — вилки, ложки и ножи из черного дерева и массивного серебра, который с тех пор украшает мои трапезы в Базоше, — и вернулась в Мехико.

Там я еще успела посмотреть лучший в мире антропологический музей. Макеты в натуральную величину, доисторический ландшафт и потрясающе воспроизведенные древние люди, наполовину обезьяны, наполовину гомо сапиенс, — все это переносит на много тысячелетий назад.

Меня просто обворожили сцены повседневного быта, застывшие, но полные жизни. Я позвонила Полетте Дюбо, чтобы узнать, как поживает мой утенок, и улетела во Францию.

* * *

Дома все показалось мне тесным, смехотворно маленьким, жалким и пошлым. Я побывала в мире величия, просторов, бескрайности, и теперь мне не хватало места в Париже, я задыхалась на авеню Поль-Думере, мне был мал французский дух, так непохожий в своей узости и ограниченности на возвышенную и страстную натуру людей, которых я только что покинула, чьим духом еще была пропитана. Зато моя Гуапа радовалась моему приезду.

Я помчалась в Базош.

Дом, оправившийся от работ, был великолепен — как будто по взмаху волшебной палочки он преобразился в одно мгновение.

Был даже бассейн, точь-в-точь как в Куэрнаваке! Я в свое время послала план и фотографию — теперь, если я прищурю глаза, мне будет казаться, что я снова там. Еще я велела вырыть маленький пруд на болотистом лугу — он полностью изменил пейзаж, кроме того, собирал воду всех окрестных ключей, и стало не так сыро. Глядя на пруд с плоскодонкой и почти совсем закрыв глаза, я представляла себе плавучие сады Хочимилько. Я думала о моем милом утенке — как хорошо было бы ему здесь, добейся я разрешения взять его с собой. В моей душе поднималась ужасная тоска, которую не могли рассеять ни Корнишон, ни Ненетт.

Реадаптация далась мне трудно еще и потому, что на меня свалились неожиданные проблемы.

Жак решил полностью поручить Николая заботам своей сестры Эвелины. Мать многочисленного семейства, она сумеет лучше меня обеспечить ребенку правильное воспитание в здоровой, незагрязненной среде, близ Монпелье. Я долго размышляла, прежде чем согласиться с этим категоричным и бесповоротным решением.

Имею ли я право воспротивиться воле отца ребенка?

Есть ли у меня желание, время, терпение, чтобы посвятить три четверти жизни воспитанию сына?

Конечно, я могла бы доверить его маме: она уже полностью взяла на себя воспитание маленькой Камиллы... Но какая разница — с мамой или с тетей Эвелиной, если Николая все равно будет лишен меня, матери. А что у него за мать? Женщина, которая еще ведет себя, как девчонка, у которой в жизни полный сумбур, неспособна серьезно заниматься воспитанием ребенка.

Нет, мне бы, конечно, хотелось.

Но в глубине души я знала, что не смогу.

Когда горничная уходит, потому что не знает, кого ей называть «месье», — это еще куда ни шло. Но если ребенок будет травмирован на всю жизнь тем, что его мать меняет любовников, как перчатки, в зависимости от погоды и настроения, от ссоры или случайной встречи, — это дело другое, гораздо серьезнее. Не зная, как быть, я дала согласие, фактически отказавшись от своего единственного ребенка и лишившись счастья, которое знает каждый, у кого есть дети.

Сегодня я не убеждена, что решение, на котором настаивал Жак, было верным. Николая носит в себе глубокую рану. Наши отношения, хоть мы и близки с сыном уже много лет, страдают от недостатка повседневной близости, взаимопонимания, всего того, что соединяет людей и укрепляет кровные узы, в которые я верю лишь наполовину. Кровь — лишь носительница основных элементов, необходимых, но недостаточных для непостижимой алхимии, связывающей и сливающей воедино сердца.

Сегодня я раскаиваюсь.

Я признаю, что в этом несчастье есть доля и моей вины.

XX

В это же время моих родителей, которые были не владельцами, а съемщиками великолепной квартиры в доме 1 по улице Помп, попросили съехать — и это после того, как они 23 года исправно вносили плату, да еще какую!

Папа и мама были в панике.

Я кинулась к подрядчику, который когда-то предлагал мне ку-

пить на неимоверно выгодных условиях квартиру с террасой напротив моей спальни, на авеню Поль-Думер. Уж если кто-то должен заглядывать в мои окна, так пусть это будут мои родители!

Увы, квартира была уже продана!

Но в доме оставалась одна свободная квартира, тоже прекрасная, без террасы, окнами в сад, правда, за бешеную цену! Ну и что с того? Покой моих родителей для меня не имеет цены, а если они поселятся рядом, нам легче будет поддерживать друг друга и мы снова станем близки, как когда-то. Я купила эту квартиру. Семья подтягивалась к авеню Поль-Думер.

Моя Бабуля еще после смерти Бума переехала с улицы Ренуар на первый этаж дома на авеню Поль-Думер, прямо напротив меня. Достаточно было перейти улицу, чтобы увидеться, как в деревне. И как в деревне, языки работали всюю.

Бабушка целыми днями наблюдала из-за тюлевых занавесок за моими уходами и приходами. Правда, ее излюбленной темой для пересудов был всего лишь тот факт, что я-де слишком поздно встаю и слишком поздно возвращаюсь — это вредно для моего здоровья. Но проснувшись в Бабуле на старости лет страсть к сплетням по поводу и без повода — это было еще полбеды. Куда больше меня беспокоило здоровье моей Дада, которая бессменно прислуживала ей больше тридцати лет и в последнее время заметно сдала.

Бабуля считала ее своей рабыней.

Дада подчинялась ей беспрекословно, делала всю домашнюю работу и имела одно только право — молчать.

Когда я заходила к ним, стоило Бабуле отвернуться, Дада, плача, показывала мне свои руки со скрюченными суставами. Клешни краба, да и только. Она не жаловалась, но мучилась ужасно. Ревматизм сделал ее неуклюжей. Она била посуду, а Бабуля постоянно бранилась, называла ее «руки-крюки» и удерживала стоймость разбитых вещей из ее скудного жалованья.

Я ужасно расстроилась.

Дада пора было на покой. В этом году ей исполнилось 65, но, прожив весь свой век при Бабуле, она не имела ничего своего, и даже пенсия ей не полагалась, потому что в Фонд социального обеспечения она записалась только под старость. У Дада не было никаких сбережений, ничего, что могло бы позволить ей уйти на заслуженный и безотлагательный отдых.

Я помчалась к подрядчику.

При виде меня он заулыбался во весь рот! Да, у него еще есть несколько прекрасных квартир, окна в сад и все такое. Когда я сказала, что меня интересуют помещения, предназначенные для прислуги, улыбка погасла. Да, одна квартирка осталась... Я приобрела ее, обставила просто, но мило, купила телевизор, все это

тайком, никому ничего не сказав. Это было нетрудно: я брала свои вещи, выносила их через черный ход и, перейдя улицу Виталь, наводила уют в будущих владениях моей Дада. Когда, не помня себя от радости, я взяла ее за руку, повела посмотреть на мой подарок и вручила ключи, она расплакалась.

Я была в отчаянии.

Не быть ни у кого в услужении, пожить для себя казалось этой женщине, всю жизнь думавшей в первую очередь о других, невыносимым. Мало-помалу моя Дада привыкла к своему новому положению, а вот Бабуле нелегко было найти нового козла отпущения. Как старые супруги, которые, обожая и ненавидя друг друга, помыслить не могут жизни врозь, обе недолго выдержали друг без друга. Пока я на совесть старалась залатать каждую прореху, вкладывая в это занятие всю душу, то и дело возникали новые проблемы, и я, подобно сенбернару, разрывалась на части, спеша туда, где требовалась моя помощь.

Мне сообщили, что Биг, моя бывшая гувернантка, которую я уже много лет как потеряла из виду, умирает в полной нищете на улице Лежандр. Я немедленно поехала туда, нашла ее лежащей в жару, в кошмарно грязной дыре, перевезла к себе и устроила в опустевшей квартире, где жили прежде Муся и Николая. Она жила подле меня еще долгие годы и умерла у меня на руках в возрасте 83 лет в октябре 1972 года.

Занятая спасением бедствующих старушек, я совсем забыла про Тапомпон, тетю Помпон, сестру Бабули, женщину поразительной стойкости и мужества, которую тоже не пощадила судьба.

Похоронив сына, Жана Маршала, она жила затворницей в нездоровой сырой квартире на первом этаже на улице Мадам, вдали от всех нас, единственных, кто остался у нее на свете. На этот раз подрядчик с улицы Виталь решил, что я попросту издеваюсь над ним, когда я поинтересовалась, не найдется ли двухкомнатной квартиры с кухней и ванной для тети Помпон. Да, как раз одна такая осталась — и я ее купила!

Наконец-то вся родня счастлива, семья воссоединилась, а я, как наседка, опекаю всех со своего восьмого этажа. Настало время мне немного отдохнуть: в сентябре меня снова ждала студия, озвучание фильма «Вива, Мария!».

* * *

Жики и Анна встретили меня в «Мадраге», и — о чудо! — я обнаружила там тех же сторожей, что и в прошлом году. Я не верила своим глазам. Капи, грозный пес, который кусал всех моих друзей, но спокойно впускал воров, радовался моему возвраще-

нию на свой манер, чуть не отхватив мне полруки от избытка чувств. Без меня его баловали, и он стал менее агрессивным.

Благодаря новеньким стенам, отныне и навсегда оградившим мои владения от соседних пляжей, я надеялась, что в эти каникулы на мою долю выпадет меньше стрессов, чем обычно. После многочисленных просьб и поклонов властям мне удалось добиться, в порядке исключения и очень дорогой ценой, разрешения на постройку защитных дамб, вдающихся далеко в море на десятки метров. Еще и сейчас, тридцать лет спустя, эти стены, о которых тогда кричали все газеты, остаются предметом ядовитых нападок. А ведь если бы не они, я давным-давно была бы вынуждена расстаться с «Мадрагом».

Спасибо вам, мои стены.

Жики, Анна и их годовалый сын Эмманюэль по-прежнему жили на вилле «Малый Мадраг». Им стало там тесновато, тем более что жилая комната — прекрасная, но единственная — служила Жики еще и мастерской: там он писал, там же и хранил свои полотна, рисунки, эскизы. Когда они сказали мне, что подыскали дом в Гримо и скоро переедут, меня это убило. Жики был моим страховочным тросом, моим буфером, моим советчиком, другом, братом, а Анна — моей единственной подругой, наперницей, сестрой!

Что я буду делать без них?

Конечно, со мной останется Боб, но это совсем другое.

К тому же Боб начал уже мне приедаться со своим покером, своим подводным плаванием и своими длинными белыми зубами. А когда я повздорю с ним, в чью жилетку стану плакаться? А когда все эти прилипалы из разных стран будут забираться в «Мадраг» и красть мои трусы, наволочки и лифчики с бельевого веревки, кто накроет их с поличным, кто набьет им физиономии или урезонит их? Уж конечно, не сторожа, глухие, как пни. Уж конечно, не Капи и, конечно, не Боб — он вечно жалуется, что устал.

Ведь это Жики еще совсем недавно спас меня от жуткого скандала: он в 4 часа утра изловил спрятавшегося в «Мадраге» беглого каторжника, которого искала вся французская полиция. Все потому, что я, добрая душа, ответила на горестное письмо этого бедняги, отбывавшего наказание на острове Ре: он просил моего совета, как научиться играть на гитаре. Я послала ему «руководство» и приписала несколько теплых слов. И вот вам пожалуйста — когда его везли с Ре в Ла-Рошель, он сбежал.

Мое письмо попало в руки полицейских, и они устроили на Поль-Думере обыск, к ужасу и негодованию моей секретарши, которая чуть было не уволилась... Она, видите ли, не привыкла работать у пособниц уголовных преступников! Я узнала об этом только задним числом! Мой подавшийся в бега каторжник решил

укрыться в «Мадраг». И пока я спокойно спала, Жики избавил меня от весьма серьезных проблем: поговорил с беглецом как мужчина с женщиной, отвез его в Сен-Тропез, дал 500 франков и адрес своего надежного друга в Марселе. Уф!

* * *

Чтобы мне легче было смириться с их отъездом, Жики и Анна предложили устроить праздник — костюмированный бал, бал-маскарад, — на котором никто никого не узнает.

Я была в восторге. Когда появлялась возможность повеселиться и потанцевать, я забывала обо всем на свете. Мы пригласили всех наших друзей, а их было немало, взяв с каждого обещание до бала держать свой костюм в тайне, чтобы удивить так удивить. Все были немые как рыбы, делали заговорщицкие физиономии, тс-с, ни словечка, берегись шпионов... Я ломала голову, пытаюсь придумать достаточно простой наряд, который полностью преобразил бы меня. Было жарко, о том, чтобы задохнуться в ворохе каких-нибудь пышных тряпок, не могло быть и речи.

Наконец меня посетила гениальная идея, но мне требовалась помощь Анны. У нас с ней было похожее строение лица: маленький носик, пухлый рот, высокие скулы. Мы намажемся черным гримом, наденем два одинаковых черных парика, которые я отыскала у Дессанжа — мне дали их на время, настоятельно попросив вернуть в сохранности... Я украсила эти парики множеством разноцветных бантиков, нашла черные балетные трико, облегающие тело от шеи до пят, а для полноты картины заказала две юбочки из пальмовых листьев. Ожерелья и браслеты довершили этот потрясающий маскарадный наряд. В день бала мы были до того похожи, что даже Жики и Боб не сразу распознали своих дам.

Какой успех!

Весь вечер мы хохотали. Я, например, шла танцевать с Клузо, который был одет пиратом, потом под каким-нибудь предлогом на минутку исчезала и присылала вместо себя Анну, а он ничего не замечал!

Праздник продолжался в том же духе!

До тех пор, пока не явилась пара, которую не ждали, но встретили с распростертыми объятиями: Дионна Варвик, одетая Дионной Варвик, под ручку с Саша Дистелем, одетым Саша Дистелем. Когда ее представили Брижит Бардо, которая была одета негряткой и совершенно неузнаваема, она решила, что над ней издеваются, и закатила скандал. Но что началось, когда появилась Анна! Над ней, оказывается, издевались вдвойне!

Я редко устраивала у себя праздники, но этот бал не забуду никогда. Любой пустяк мог нас развеселить, это было здоровое веселье, так непохожее на то, что творится сейчас. Мы не знали

наркотиков, гашиша, оргий, всего этого упадничества, которое все больше завладевает нынешними унылыми буднями.

Наутро после праздников всем приходится туго.

Но хуже всех было цветам, моему саду, превратившемуся в гигантскую помойку, и еще жене сторожа, которая была на себя не похожа и прикрывала двумя руками рот.

Она потеряла вставную челюсть!

Мы все, умирая от хохота, ползали на четвереньках по саду в поисках челюсти Анжелины. Пропажка как в воду канула. Осталась полная чаша пунша, и было решено допить ее за обедом. Мы опустошили ее — и что же обнаружили на дне? Вставную челюсть Анжелины!

С тех пор я никогда не пью пунша.

Вообще-то пунш мне бы не помешал, когда я приступила к озвучиванию фильма «Вива, Мария!».

Я ненавижу сидеть в темном, плохо пахнущем, похожем на могилу зале и повторять с поправками слова, которые я произносила в действии, в ситуации. Даже вздохи нужно записывать заново! Перед тобой без конца прокручивается один и тот же кадр с плохим звуком, потом внизу появляются субтитры — слова, которые надо механически проговаривать, как только они доходят до контрольной черты. Полсекундой раньше или позже — будет уже не синхронно. Приходится повторять снова и снова, до полного изнеможения, сохраняя нужную интонацию: гнев, лукавство или решимость — это так глупо, когда сидишь перед микрофоном и твердишь одно и то же, как попугай!

Я преклоняюсь перед актерами, для которых это — профессия, перед всеми теми, кто озвучивает иностранные фильмы, причем поразительно талантливо. Это нелегко, даже когда речь идет о собственной роли, но я представляю, какой каторжный труд выпадает на долю тех, кому приходится дублировать Элизабет Тейлор или Джона Уэйна — когда ни сном, ни духом, а надо передавать чувства, сильнейшие эмоции. Я снимаю перед ними шляпу: ведь никто их не знает и не видит в сумраке залов, где они работают, и к славе они прикасаются, только одалживая свои голоса звездам мировой величины!

Были, правда, и смешные моменты. Например, кадр, где я, вся запыхавшаяся, в поту, взбегаю на вершину холма, размахивая винтовкой. В оригинале я рычала: «Пропади пропадом эта дерьмовая профессия, мне жарко, вы все мне осточертели!» В диалогах этой фразы не было, я произнесла ее по вдохновению! А Луи Маль в этом месте вложил в мои уста следующий текст: «Мы

одолели их, одолели, наша взяла! Да здравствует революция!» Все-таки озвучание бывает иногда необходимо!

А потом мне сообщили, осторожно меня подготовив, что я должна присутствовать на премьере фильма «Вива, Мария!» в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе! Я отказалась: я наконец-то свободна и спокойна, разделившись со всеми профессиональными обязательствами, я хочу отдохнуть, пусть едет Жанна Моро!

Но Жанна как раз поехать не могла!

Я ни разу в жизни не была в Соединенных Штатах. Хотя прославилась я именно благодаря американцам. И я смирилась. Фирма «Реал» одевала меня просто божественно. Ее хозяйки, Элен Важе и Арлетт Наста, стали моими подругами. Поскольку встречают по одежке, они уж расстарались, чтобы снарядить меня достойно.

Я должна была выглядеть сногшибательно!

Меня затягивали в крепдешин абрикосового цвета — он так облегал, что была видна родинка под правой грудью; меня заворачивали в атлас, расшитый тысячами сверкающих камешков, с головкружительным вырезом до самой ложбинки пониже спины. Тяжкая повинность! Мне хорошо, только когда я в джинсах, в сапогах, в старом пуловере, растрепанная! Даже странно, до чего я всегда не любила все это дурацкое шегольство! Ведь вообще-то женщины обожают наряды! Мама первая ахала и охала без конца, восторгаясь моими платьями.

Итак, 16 декабря 1965 года я вылетела в Нью-Йорк на самолете «Эр Франс», переименованном в «Вива, Мария!», в сопровождении внушительного эскорта: со мной были Боб, Жики, моя портниха Элен Важе, моя гримерша Дебетта, мой парикмахер Жан-Пьер, Ольга, Луи Маль, Франсуа Рейшенбах, армада пресс-атташе и толпа фотографов и журналистов, удостоившихся чести лететь в «моем» самолете. Я была во всей красе, одетая, наманикюренная, подмазанная, причесанная и обутая в совершенстве. Все казалось мне нереальным, как будто я раздвоилась.

Полет прошел под непрерывные интервью, фотографирование, шампанское, тосты. Я чувствовала себя смертельно усталой и в то же время была лихорадочно возбуждена.

Наш самолет летел вслед за солнцем, и было все время светло. Я не решалась задремать, боялась, как бы кто-нибудь не сфотографировал меня спящую, боялась измять прическу, боялась, что потечет тушь.

Прибытие в Нью-Йорк было чрезвычайно впечатляющим.

Пришлось оставаться в самолете, пока мне готовили торжественную встречу. Франсуа Райхенбах снимал весь полет, мои реак-

ции, все непредвиденные обстоятельства. Мои нервы были напряжены до предела. Огромная толпа поджидала меня. Вспомнилась мимоходом посадка в Перу, земля сказочной страны — как все это было далеко. Мне стало страшно.

Пора было выходить — отступить некуда.

Я вышла на трап, как бык выходит на арену: вот она я! Мерцали вспышки, сыпались вопросы, толпа редела. Медленно, как в «Казино-де-Пари», я спустилась по ступенькам. Полиция пыталась сдержать оголтелую толпу, но меня хватали, пихали, толкали, повсюду были огни, повсюду руки, повсюду люди, меня окружили, теснили, я задыхалась. И улыбалась. Я во что бы то ни стало должна была улыбаться, быть сильной, выдержать, выдержать, Боже ты мой!

Меня втолкнули в огромный зал, — только там я немного пришла в себя. Мне представили X, Y и Z, я продолжала улыбаться. Моя прическа испытания не выдержала, пряди безобразно свисали. Махнув на все рукой, я вынула последние шпильки, распустив непослушную шевелюру. Черт с ними, с условностями, еще немного — и я сняла бы туфли...

Только в этот момент я поняла, что меня ожидала самая настоящая пресс-конференция. Огромный стол, уставленный микрофонами, афиша «Вива, Мария!» на стене, множество журналистов, фотографов, телевидение...

Я, растерянная, затравленно озираясь, искала взглядом Дедетту, но не могла ее найти в этой давке. Все было готово, и меня вывели на возвышение, где уже ждал меня Луи Маль — он тоже выглядел не лучшим образом. Мне представили человека справа от меня. Это оказался Пьер Сэлинджер, бывший личный пресс-секретарь Кеннеди и Белого дома. К нашим услугам были его знания, его чувство юмора, его опыт и ум.

В самые тяжелые, самые трудные минуты моей жизни я говорю сама с собой, сама себе даю советы, сама себе приказываю. В тот раз я сказала себе: «Бри, детка, ты должна быть такой, какой они хотят тебя видеть: дерзкой, сексапильной, самоуверенной, лукавой, шаловливой, порочной и бесстыдной».

Из множества заданных мне вопросов, которые я парировала то по-французски, то по-английски, очень коротко и забавно, мне запомнились самые нахальные:

- Ваша первая таблетка?
- Таблетка аспирина.
- Самый счастливый день в вашей жизни?
- Это была ночь.
- Самый глупый человек, которого вы встречали?
- Тот, кто задал мне такой глупый вопрос.
- Ваш любимый фильм?

- Следующий.
- Ваше любимое украшение?
- Красота, потому что ее нельзя купить.
- Что вы любите делать?
- Ничего не делать.
- Что вы думаете о свободной любви?
- Я вообще не думаю, когда занимаюсь любовью.
- Что вы надеваете на ночь?
- Объятия моего любимого.

(Когда этот вопрос задали Мерилин, она дала незабываемый ответ: «Шанель № 5».)

- Что вас больше всего прельщает в мужчине?
- Его женщина.
- Чем, по-вашему, вы обязаны вашей славе?

Я встала и, бросив им: «Смотрите!», быстро скрылась.

Меня засунули в роскошный двенадцатиместный «линкольн» с открытым верхом, потом протащили через холл отеля «Плаза» и, наконец, впихнули в королевско-президентские апартаменты, в которых было не меньше семи комнат!

Я не плакала. Я просто ошалела!

Мои реакции стали автоматическими, я могла бы продолжать, как заведенная, еще не один час. Я держалась только на нервах, натянутых, как тетива. Мама Ольга то и дело подходила к телефону, который звонил не переставая, Дебетта распаковывала свое хозяйство в гардеробной, в то время как Элен Важе развешивала мои драгоценные туалеты на все имеющиеся вешалки, а Жики, сверкая вспышкой, запечатлевал эти редкостные кадры интимной жизни кинозвезды.

Интимная жизнь? Умереть можно со смеху!

Я даже не знала, куда девался Боб. Я сидела одна в углу и курила сигарету, безучастная ко всей этой лихорадочной суете, которая непосредственно касалась меня. Франсуа Райхенбах непрерывно снимал. У него был талант: он выбрасывал 95% отснятой пленки, зато оставшиеся 5% всегда были поразительными, уникальными.

Когда пришел Пьер Сэлинджер, это было как глоток кислорода! В нем чувствовалось что-то такое, что есть в некоторых американцах, если они не носят ковбойских шляп и не говорят в нос, как диснеевский Дональд! Его теплота, простота, какой-то чудесный дар естественности и раскованности отогрели меня. Он считал, что «дело в шляпе» — я своим юмором завоевала сердца журналистов, все пройдет как нельзя лучше и мы сейчас выпьем за мою победу шампанского!

Назавтра я не могла выйти из отеля, осаждаемого толпами журналистов; пришлось провести день взаперти. Я мерила шага-

ми семь комнат вдоль и поперек, пока почти все мои друзья гуляли по улицам Нью-Йорка, который мне уже стал поперек горла. Мои двери охраняли полицейские в штатском, никто не мог войти или выйти, не сказав пароль.

Я заказала ужин «для узкого круга» на двенадцать персон.

Когда метрдотель подавал нам мой любимый сырный пирог, явился рабочий в спецовке, со стремянкой на плече и сумкой с инструментами под мышкой: дирекция прислала его проверить электропроводку. Мы продолжали ужинать, говорили обо всем и ни о чем, обсуждали свежие газеты, в которых только и говорилось, что о вчерашней пресс-конференции, преимущественно с похвалой, пытались поймать по телевизору какие-то отрывки, фрагменты с моим участием. Мы чувствовали себя совершенно непринужденно, а парень между тем, то ползая на четвереньках, то взбираясь на стремянку, все проверял и проверял, в порядке ли проводка.

На другой день я обнаружила детальнейшее описание нашего вечера в одной из самых желтых нью-йоркских газет. Электрик оказался опытейшим и опаснейшим журналистом падкой до сенсаций американской прессы.

Настал день X.

День моего первого появления собственной персоной в «Астор», одном из прославленных бродвейских кинотеатров.

Телефон трезвонил не переставая. Каждый журналист желал знать цвет и фасон моего платья, каждый хотел эксклюзивного интервью. Сердце у меня колотилось, на душе было неспокойно. С утра я ходила в бигуди, на которые Жан-Пьер накрутил мои жесткие, непослушные волосы в надежде придать им более дисциплинированный вид. Я смотрела в окно на чужой и странный город, о котором ничего не знала, в котором оказалась узницей, в плену у себя самой, и который мне предстояло завоевать.

Ровно в 18 часов меня начали готовить. Я была куклой Барби в руках искусных творцов моей красоты. Терпеть не могу, когда надо мной колдуют, трогают мое лицо, теребят волосы, разбирают по косточкам! Я лучше, чем кто-либо, знаю свои недостатки. Я предпочла бы причесаться, накраситься и одеться сама, спокойно, без посторонней помощи. Так нет же, наоборот, все лезли с советами: глаза подведены слишком жирно, помады на губах маловато, волосы слишком длинные, недостаточно завитые, пучок смотрелся бы элегантнее, я должна быть строгой и выглядеть безукоризненно. Нет! Я должна быть сексуальной и выглядеть будто только что из постели.

Наконец я не выдержала, выставила всех за дверь и, чуть не плача, попыталась сделать лицо и прическу, которые понравились

бы мне самой. Я натянула свое сверкающее платье, моля Бога, чтобы оно выдержало: ткань была очень уж легкой, а вырезы — чересчур глубокими. Достаточно наступить на край шлейфа — и я предстану перед всеми в чем мать родила!

Ладно, там посмотрим!

Полицейский кордон пытался защитить меня, когда я шла от дверей отеля к «линкольну». Но толпа фанатов и фотографов смела заграждения в тот момент, когда я влетела в машину с оголившейся грудью. Кто-то дернул меня сзади за платье!

Недурное начало!

Я слышала крики оголтелых поклонников:

— Брижит, я хочу заниматься с тобой любовью!

— Брижит, ты моя звезда, моя любовь, я хочу умереть за тебя!

Решительно, время для подобных признаний было не самое подходящее. От Сорок четвертой улицы до Бродвея народу было столько, что мы с огромным трудом добрались до места, несмотря на охрану полиции и дорожного патруля, достойную главы государства.

Луи Маль, Пьер Сэлинджер и все остальные помогли мне выбраться из машины. Полицейские, стоя плечом к плечу, не могли сдерживать напор ревушей толпы. Я боялась за мое платье, которое могло лопнуть по швам в любую минуту. И вдруг нас буквально подхватил, оторвал от земли и понес людской шквал невероятной силы!

Что-то ударило меня прямо в лицо.

Потом в трех сантиметрах от моего правого глаза сверкнула вспышка, вызвав отслойку сетчатки. Полуослепшая, оглушенная, насмерть перепуганная, на нетвердых ногах, я вошла наконец в холл, уцепившись за Луи Маля, и рухнула на первый же стул. Многие в тот вечер пострадали, и вой сирен «скорой помощи» странно вплетался в диалоги фильма. У меня остались от премьеры леденящее душу воспоминание, неизлечимая травма моего единственного здорового глаза и окончательная убежденность в том, что эта страна мне не подходит.

48 часов я носила черную повязку на глазу и походила на капитана Фракасса! Мало того — поскольку мой левый глаз от рождения видит только на десять процентов, я почти лишилась зрения, не могла ни читать, ни писать, ни что-либо делать, пока все вокруг меня суетились, готовясь к отъезду в Лос-Анджелес.

Мне совали под нос первые полосы газет с моими фотографиями, статьи с дифирамбами в мой адрес и вялыми нападками в адрес фильма, но я видела только что-то туманно-расплывчатое и, честно говоря, плевать на все это хотела. Доктор настоятельно рекомендовал мне носить темные очки и главное, главное — бе-

речься от подобных травм, потому что следующая может стать роковой для моего зрения! В больших черных очках я отправилась в Лос-Анджелес в сопровождении все того же шума и того же окружения, усталая, безропотная, зная, что там все начнется сначала.

В «Бeverли-Хиллз-отеле» видали всякое! Я оказалась в самом сердце системы звезд, там, где величайшую звезду можно встретить бегающей по супермаркету в бигуди или выгуливающей своего абрикосового пуделя в ночной рубашке!

Мой приезд произвел сенсацию.

Были приняты все предосторожности, чтобы удалить на почтительное расстояние фотографов с их опасными вспышками.

В вечер премьеры, затаенная в платье телесного цвета, я выглядела голой, будучи одетой, а мои длинные волосы, усмирённые и уложенные волнами, придавали мне вид типичной американской кинозвезды. Меня вывели на подиум, откуда я отвечала на вопросы. Выставленная напоказ фотографам, но недостижимая для толпы, я осталась целой и невредимой, и все были очарованы. Я надела темные очки и твердо решила смыться как можно скорее.

От этих безумных поездок мне запомнились только роскошные апартаменты, в которых я была заперта.

Анна успела присоединиться к Жики; вообще-то она редко бывала с нами в дальних путешествиях. Эта парочка не имела ни малейшего желания так скоро возвращаться во Францию, и они предложили мне заехать ненадолго в Пуэрто-Рико!.. Оставалось два дня до Рождества... Это будет дивно — провести праздники в Дорадо-Бич, а не в унылой серости парижской зимы.

Боб, больше всего на свете обожавший тропики, солнце, море, безделье и кокосовые пальмы, немедленно согласился. Элен Важе тоже! Портниха звезды, выполнив свою миссию, мечтала видеть меня полуголой, в пляжных юбочках и бикини.

Но надо было еще ухитриться уехать так, чтобы не потащить за собой хвост газетчиков, поклонников и нежелательных друзей.

Было решено, что официально мы улетаем в Нью-Йорк под нашими подлинными именами, а Жики тем временем заказал пять билетов в Пуэрто-Рико на вымышленные фамилии.

И вот, пока толпа вперемешку с фотографами осаждала самолет, вылетающий в Нью-Йорк, мы окольными путями, при пособничестве Пьера Сэлинджера, пробрались к рейсу на Пуэрто-Рико.

Я была счастлива: наконец-то я вырвалась на волю.

В косынке и темных очках, кое-как одетая, я бы не удивилась,

если бы мне сунули в руки швабру и спросили, сколько я беру в час за уборку! Такой ценой я платила за свободу.

Я подалась в бега.

Наверное, в результате таких памятных опытов во мне поселилась всепоглощающая потребность свободы, никогда не покидавшая меня. Я ощущала ее на протяжении всей жизни, причем не только для себя, но и для других. Эти другие — в том числе и животные: когда я вижу их в неволе, все во мне кипит, восстает, возмущается, и я яростно протестую.

Пуэрториканский таксист доставил нас из одного конца острова на другой и высадил в Дорадо-Бич. Нищета этого острова, бедность, жалкие условия жизни, грязь, жара, а порой и вонь бросились мне в глаза, в ноздри, в лицо.

Из стерилизованного мира я попала в сырую клоаку, нищую и невыносимую... а еще через мгновение оказалась в цветной декорации дорогостоящего фильма, в антураже для миллиардеров любой страны, где все было выкрашено в «клубнично-фисташковую» гамму, даже маленькие электрические автомобильчики, на которых чернокожие служащие, тоже одетые в «клубнично-фисташковое», разъезжали из одного бунгало в другое! Невзирая на кондиционированный воздух, я хотела открыть «клубнично-фисташковые» окна. Не тут-то было! Море было рядом, в 10 метрах, и песок тоже, и кокосовые пальмы, а я должна была смотреть на все это через огромные, во всю стену, герметически закрытые окна и дышать воздухом, тщательно очищенным от микробов и запахов.

Это было уж слишком! Я больше не могла!

Я расплакалась, закатила жуткую истерику.

Где же жизнь, настоящая жизнь?

Я хотела уехать, бежать отсюда, уйти пешком, как угодно, лишь бы вернуться к привычным ценностям, домой, к моим животным, к моей земле, в мою страну, к маме, мамочка моя, на помощь! Я не останусь здесь больше ни минуты. Пусть мне немедленно вызовут такси. Я хочу уехать, уехать, уехать.

Это был мой очередной каприз.

Бросив Жики, Анну и Элен, я укатила с Бобом, который был настолько мил и внимателен, что не оставил меня одну в таком подавленном и взвинченном состоянии. Мы пересекли остров в обратном направлении, вылетели самолетом в Нью-Йорк, а там пересели на парижский рейс.

Уф! Я была спасена.

В пустом — был канун Рождества! — самолете вместе с нами летели Пьер Сэлинджер и его жена Николь, прелестная, обворожительная француженка! Они собирались провести 1 января у друзей в Париже, куда намеревались вскоре окончательно переселиться.

литься. В полночь, когда родился младенец Иисус, я выставила свои туфли в проход... Мы чудесно поужинали, выпили шампанского, а наутро, когда прилетели в Орли, я нашла в туфлях много маленьких подарочков.

Спасибо, «Эр Франс», за это незабываемое Рождество в небесах.

Пока все газеты Франции и Наварры на первых полосах расписывали мои американские подвиги, я наконец-то наслаждалась уютом моего дома на Поль-Думере, любовью Гуапы, нежностью мамы, которая приготовила мне сюрприз, украсив великолепную елку — ее мерцающие огоньки убаюкивали меня, когда я, едва приехав, скрылась от всех в глубокий сон.

Чуть позже, в Базоше, я упала в объятия 1966 года, потом поочередно в объятия Боба, вернувшихся наконец Жики и Анны, папы и мамы, которые раз в кои-то веки приехали встречать Новый год с нами. В полночь я вышла в овчарню, чтобы поцеловать Корнишона и Ненетта. Там хорошо пахло соломой, пометом, теплым хлебом. Я бы с удовольствием легла спать рядом с ними.

Через несколько дней мне позвонил Ален Делон. Он умолял взять к себе его собаку Чарли, великолепную немецкую овчарку, которую я видела в Мексике совсем маленьким щенком. Бедный пес получил тяжелейшую травму, проведя почти 24 часа в багажном отсеке самолета.

Он перестал нормально реагировать, и Ален подумывал о том, чтобы усыпить его.

Моему возмущению не было границ!

Как можно до такой степени не отвечать за свои поступки? Я наорала на него и решила немедленно взять Чарли. Мое жилище на Поль-Думере было маленькое, миленькое, комнаты на разных уровнях, лесенки, ступеньки. Гуапа царила там полновластно! Чарли пришлось подчиниться.

Нас с ним было не разлить водой. Это была любовь с первого взгляда, и с его и с моей стороны. До него у меня никогда не было немецкой овчарки — как, впрочем, и после него. Он не уходил от меня ни на шаг, всюду следовал за мной по пятам, спал в ногах моей кровати, садился за стол рядом со мной и был ревнивей всех моих возлюбленных вместе взятых.

Гуапа ходила надутая! Боб тоже!

Этому псу не хватало ласки, его просто надо было очень сильно любить. Наверное, он всю жизнь получал одни только пинки, потому и злился, а его поведение сочли ненормальным! Я дала ему то, в чем он нуждался, и он вел себя просто изумительно, порой даже чересчур бурно проявлял свою любовь: он все-таки

был великоват для моей квартиры. Когда мы с Чарли выходили на прогулку, никто не смел ко мне приблизиться. Он никого не подпускал, с ним было так спокойно, просто потрясающе.

Мы брали его и Гуапу с собой в Базош. Корнишон лягнул его два раза. Так проявлялась его ревность. Ненетт прятался за Корнишона и даже под такой надежной защитой все равно боялся.

* * *

Как раз когда я вернулась после американской эпопеи, мне доставили наконец мой великолепный «морган», выкрашенный в английскую зелень, двухдверный, с откидным верхом, собранный вручную, пахнувший кожей и розовым деревом.

Ну, теперь мне сам черт не брат!

Водить его имела право только я.

Когда мы ездили в Базош, я позволяла Чарли и Гуапе юркнуть в узенькое пространство сзади, а Бобу — сесть на место пассажира. Мотор потрясающе урчал, лаская слух, но на мягких местах у всех оставались синяки.

Это было благословенное время, когда машины не запирали на ключ (слава Богу, потому что у моего «моргана» не было замка) и их можно было оставлять на улице, не опасаясь ни угона, ни хулиганства. Мой «морган» спокойно ночевал перед домом 71 на авеню Поль-Думер, часто, в нарушение правил, на автобусной остановке — это место всегда было свободно! Никаких контролерш автостоянок не было и в помине, счетчиков и подавно, а полицейские, как правило, смотрели на мою дерзость сквозь пальцы. «Морган» был моей любимой игрушкой, моей страстью, моим капризом. Но отнюдь не идеальной машиной для тех, кто желает ездить с комфортом.

У Жанны Моро был «роллс-ройс»; на меня он произвел огромное впечатление! Сколько ни тверди, что ты не снобка, привыкла жить, как Бог на душу положит и плюешь на показную роскошь, но «роллс» — это хоть кому утрет нос.

Чем я хуже?

Мишель, моя чудо-секретарша, которая оставалась при мне на протяжении пятнадцати с лишним лет, провернула для меня сделку века, отыскав новенький «сильвер-клауд», серый с металлическим блеском, с раздвижными стеклами между водителем и задними сиденьями, маленьким баром с графинчиками из хрусталя и серебра, в безупречном состоянии. Роскошь, красота, комфорт, высочайший класс и прочее за 20000 франков. Я так и села! «Роллс» за двадцать штук!

Я купила его немедленно.

Фирма «Роллс» доставила мое приобретение из Леваллуа со

всеми почестями, подобающими особе моего положения. Его припарковали за «морганом», на автобусной остановке. Ключи и документы доставили мне на восьмой этаж и долго рассыпались в благодарностях, когда Мишель по моей просьбе вручила чек. Я смотрела в окно на эту махину, игравшую в паровозики с «морганом», сомневалась, сумею ли я ее водить, и ломала голову, где мне ее держать. Долго я не раздумывала: позвала маму с папой, Бабулю, Дада, Биг, тетю Помпон, загрузила всю онемевшую от восхищения компанию в «роллс», села за руль и с бесконечными предосторожностями сделала круг по кварталу.

Я гордилась собой, но почивать на лаврах было рано.

Припарковывать машину пришлось папе: я с перепугу не справилась с ее колоссальными, по сравнению с «морганом», размерами. Через некоторое время я освоилась и водила ее сама, невольно став причиной множества уличных происшествий. Люди изумленно тарасили глаза, узнавая меня за рулем «роллса», врезались друг в друга, а я невозмутимо ехала своей дорогой, вызывая все новые столкновения, что меня несказанно веселило.

Но мне стало не до веселья, когда я подсчитала, в какое количество штрафов обходится мне эта машина. Полиция закрывала глаза на маленький «морган», но огромный «роллс» на автобусной остановке трудно было не заметить. А у меня нет ни гаража, ни места на стоянке! Очень скоро сумма штрафов сравнялась с ценой машины.

Наконец-то получив возможность жить, как мне хочется, свободная от контрактов и прочих обязательств (хорошенького понемножку), я сняла шале в Мерибеле. Еще не ушли в прошлое те благословенные времена, когда можно было снять что угодно в последнюю минуту.

Мерибель я обожала. Даже в его названии мне чудилось что-то сочное, фруктовое. Этот маленький поселок, тогда еще заповедный и не затоптанный, щедро дарил всем, кто любил его, неповторимую красоту окружавших его гор: на высоченных, но совсем не страшных заснеженных вершинах трасса делала длинные изгибы, по которым можно было совершать головокружительные спуски без малейшей опасности.

В те времена снег еще был белым.

В те времена воздух еще был чистым.

В те времена я еще любила Мерибель.

Мы с мадам Рене, Чарли, Бобом и Гуапой, нагруженные всем необходимым — простынями, тряпками и прочим барахлом, — выехали на роскошном «роллсе». Нас ждали Жики, Анна, их сынишка, друзья Боба, карты, сигары, лыжи и так далее, и тому подобное.

Гуапа сидела, как паинька, в доме с мадам Рене, зато Чарли повсюду следовал за мной!

* * *

Я была далеко не чемпионкой по лыжам и съезжала чаще на пятой точке, чем на ногах. Чарли неизменно сопровождал меня. Вот в такой, не самой выгодной для меня позиции я и познакомилась с Валери Жискара д'Эстеном.

Он видел мое падение и, решив, что пес набросился на меня, устремился на помощь, сам поскользнулся, а Чарли кинулся на мою защиту и покусал его за икры. В общем, знакомство состоялось, когда мы оба барахтались в снегу ногами вверх, умирая от смеха. Мой домик был неподалеку. Икры господина Жискара д'Эстена серьезно пострадали, и я предложила ему пойти ко мне, чтобы оказать первую помощь.

Из-за моих собак я не единожды в жизни имела удовольствие заниматься, с ватой и пузырьком ртути в руках, теми частями тела виднейших политических деятелей, что, как правило, бывают скрыты от глаз. Министру связи, господину Маретту, мне уже пришлось мазать йодом ягодицы еще до того, как я увидела его лицо, а вот теперь наш бывший министр финансов демонстрировал мне голые ноги, не успела я с ним познакомиться.

Так началась моя дружба с Валери Жискара д'Эстеном. Многолетняя дружба, продолжавшаяся и после того, как я отдала ему свой голос на выборах в 1974 году. Только благодаря ему в 1977 году был запрещен ввоз из Канады во Францию шкур детенышей нерпы.

Также благодаря ему в 1980 году я добилась прекращения возмутительных опытов в Лионе и его восточном предместье Броне, состоявших в том, что находившихся в полном сознании животных, в частности бабуинов, привязывали к сиденью и катапультировали на бешеной скорости прямо в бетонную стену: бедняги расширялись в кровавую лепешку, ломались кости, брызгали мозги, а их собратья, ожидавшие своей очереди, были бессильными свидетелями этого чудовищного изуверства. И все ради того, чтобы испытать надежность ремней безопасности. Какой позор! Позже, когда я заняла непримиримую позицию по отношению к охотникам, нашей дружбе пришел конец. Но я забегая вперед.

Итак, Валери приходил расслабиться в мое маленькое Шале в Мерибеле, удирая из своего снобистского, претенциозного и безобразного Куршевеля, где он, должно быть, смертельно скучал за бешеные деньги! Вечерами мы с Джонни Холлидэем, Сильви Варган, Жан-Жаком Дебу, Шанталем Гойей и Франсуа Граньном, фотографом из «Матча», играли в «посланников». Это были не шутки. Игра шла всерьез. Арбитр засекал время по секундомеру.

ру, и мы не стеснялись принимать самые комичные позы, делать самые непристойные жесты, корчить самые смешные гримасы, лишь бы выиграть необходимые для победы секунды.

И вот однажды вечером Валери, которому хотелось вписаться в нашу компанию, заявил, что тоже хочет играть. Да еще и за мою команду! Я была не в восторге. Из-за него мы наверняка проиграем! Когда пришла его очередь, он прочел фразу, которую должен был изобразить. Потом почесал в затылке, растерянно огляделся и бросился в кухню, где мадам Рене протирала пол, перед тем как лечь.

Да что же это он задумал?

Мы теряли драгоценные минуты!

Но он тотчас появился вновь, верхом на швабре, с мокрой половой тряпкой на голове, и принялся носиться по гостиной, подпрыгивая и корча устрашающие рожи. Немедленным результатом был общий взрыв хохота — мы так и покатались. Франсуа Граньон рвал на себе волосы, кусал локти, сучил ногами и хватался за голову, досадуя, что при нем нет фотоаппарата. Он упустил самый сенсационный кадр в своей жизни.

Валери Жискар д'Эстен изобразил нам «Салемских колдуний».

Стихи папы Пилу удостоились лавров Французской Академии. Это было радостное событие для всей семьи.

Мой папа-поэт издал несколько лет назад за свой счет книжечку прелестных стихотворений «Стихи вразброд». Романтический и влюбчивый, полный обаяния и юмора, папа талантливо облекал в рифмованные строчки свои увлечения и страсти, чувства и ощущения. Он был в высшей степени чувствителен к женской красоте и при случайных встречах с дамами то и дело воспламенялся от глаз одной, лица другой, фигуры третьей!

Очарованный очередной красоткой — так он их всех называл, — папа читал маме свои пылкие, как в юности, признания! Мама же, под настроение, либо от души хвалила стихи — стадию ревности они давным-давно миновали, — либо отмахивалась, досадуя на столь пустое времяпрепровождение!

Папа, шедший по жизни с розой в руке, написал еще много стихов, которые, хоть и не удостоились лавров Академии, все же были маленькими шедеврами.

Пока у меня было время, я посвящала его моим старушкам, забегала то к одной, то к другой, нагруженная сладостями, выслушивала рассказы об их маленьких невзгодах и старалась помочь их горю от всего сердца, от всей души.

Сколько говорили о мужчинах в моей жизни, посвящали им целые газетные полосы, пытаясь представить в скандальном свете

отношения, которые становились сложными именно из-за постоянной слежки газетчиков.

Но почему-то никому в голову не пришло рассказать о старушках в моей жизни! А ведь они значили для меня так же много, как и мои мужчины, даже больше, потому что они вносили в мою жизнь спокойствие и надежность, на которые я могла опереться, когда теряла почву под ногами.

Они были моими якорями спасения.

* * *

Франсуа Райхенбах, используя в качестве посредников Боба и Ольгу, уговаривал меня сделать новогоднее музыкальное шоу на телевидении. В это же время Серж Бургиньон, чья картина «Воскресенья в Виль-д'Авре» имела большой успех, предложил мне роль в фильме под условным названием «Две недели в сентябре»; натурные съемки в Шотландии, партнер — Лоран Терзиефф. Я колебалась. «Может быть, да! А может быть, нет!» — твердила я им.

Это все, чего они могли от меня добиться.

Я была свободна!

Но дорогая моему сердцу свобода никого не устраивала. Всю жизнь я была дойной коровой, а если корова перестанет доиться, туго придется всем, кто с этого кормится. Ольга не отставала от меня, убеждая подписать контракт, так как, говорила она, очень плохо, что мне нечего сказать газетчикам о моих ближайших планах. Между прочим, ничего не изменилось и сейчас, когда я пишу эти строки накануне своего шестидесятилетия!

Тем временем Боб загорелся идеей поставить вместе с Рейшенбахом пресловутое шоу, которое смотрят и по сей день. А поскольку у него не было ни гроша за душой, он попросил меня дать ему необходимые на постановку 20000 франков. Хоть я и слышу скрягой — в чем нет ни крупинки истины, — я дала Бобу эту сумму, чтобы сделать ему приятное и чтобы он от меня отвалился.

По поводу Бургиньона я не питала радужных надежд, к тому же мне очень нравилась одна книга, которую я прочла — «Форель» Роже Вайяна, которую хотел поставить Джозеф Лоузи... Вот этот проект меня по-настоящему интересовал: я предпочитала «Форель» Бургиньону!*

Потом «Форель» сама собой рассосалась, и я подписала контракт, пересмотрела и поправила сценарий. Я дала фильму назва-

---

* Здесь и дальше Брижит Бардо обыгрывает фамилию режиссера, используя название блюда французской кухни: «bourguignon» — рагу из говядины с луком и красным вином.

ние «Не зная удерж» — названием я была очень горда, а вот фильмом горжусь меньше.

Но все это было еще впереди!

* * *

В этот период мои друзья, забытые или потерянные из виду, снова стали мне звонить и называть меня Звездой.

«Алло! Как поживает Звезда?» «Найдется ли у Звезды время пригласить меня в Базош?» «Как настроение Звезды? Хорошо ли она спала? Счастлива ли она?»

Я разъезжала на «роллсе», меня высоко оценили в «Вива, Мария!», это был большой успех, я была нарасхват, я вошла в годы зенита моей красоты и славы. Но сама я этого не знала.

Зато я знала, что моему бедному Чарли плохо в четырех стенах на Поль-Думере.

Он разбивал мне сердце, а заодно разбивал взмахами хвоста все, что было в пределах досягаемости. А в Базоше ему было так хорошо, что однажды в воскресенье я решила оставить его на попечении сторожа: пусть живет на воле в деревне. Расставание далось нелегко и мне, и ему, но дом был пропитан моим запахом, к которому он привык, сторож с женой его обожали, а я оставила им подробные указания, как его баловать и какие он любит лакомства.

Три дня все шло прекрасно, и я почти успокоилась, как вдруг случилась беда. Тяжкая миссия сообщить мне о ней выпала Бобу: Чарли растерзал моего бедного Ненетта. Мой славный барашек, которого я успела спасти от бойни, умер страшной смертью, а его убийца — мой чудный пес, всегда такой добрый, послушный и ласковый. Я выплакала все глаза, я казнила себя, проклинала: я и только я была виновницей этой кровавой агонии.

Ни в коем случае я не должна была расставаться с Чарли.

Он жил только мной. Мне сказали, что он несколько часов подряд набрасывался на бедного барашка, который наконец, обессиленный, упал и был наполовину съеден живого! Из этой трагедии я вынесла глубокую убежденность в том, что от судьбы не уйти. Жизнь, увы, не раз мне это доказала. Ненетт был спасен, но только на время, как я его ни любила, как о нем ни заботилась. И Чарли тоже — я его больше не увидела. Из Базоша его забрал Ален Делон. Что с ним случилось? Я не знаю.

Я в большой мере несу ответственность за это несчастье и ношу в себе чувство вины. «Ты всегда в ответе за тех, кого приручил», — сказал Антуан де Сент-Экзюпери.

Я считаю, что испытания, которым подвергает нас жизнь, возмутительны и неприемлемы, когда речь идет о смерти. Будь то смерть животного или человека, всю жизнь я боролась против нее,

бесконечное количество сил потратила, чтобы заставить «ее» отступить, отвоевать часы, минуты у фатального и неотвратимого срока.

Я ненавижу смерть, она пугает меня, ужасает, она непобедима и всегда в выигрыше — ведь что ни делай, ее не миновать.

Иным людям, мнящим себя бессмертными, стоило бы об этом задуматься!

Да, были минуты, когда, несмотря на весь безмерный ужас перед нею, я имела слабость пойти ей навстречу, когда я чувствовала, что безумно устала, что мне опостылела изнурительная и тщетная борьба и я не хочу дожидаться своего срока. Но она не приняла меня: так в поединке двух достойных и уважающих друг друга противников победитель дарует милость побежденному.

После того страшного опыта я пережила еще немало испытаний, увы, куда более трагических. Станный и жестокий случай распорядился так, что на моих глазах умирали все самые близкие мне люди, те, кого я больше всех любила. Я провожала каждого, держа за руку, до той минуты, когда они уходили безвозвратно. И каждый раз частица меня уходила с ними туда, где они теперь.

Так же и с моими животными: я отчаянно сражаюсь за них. Прежде чем они уйдут от меня, я делаю все возможное и невозможное, отвоевываю каждый вздох, и даже когда уже слишком поздно, я не сдаюсь, пытаюсь своим дыханием и теплом своих рук отогреть их очоленевшие тела.

XXI

В конце мая 1966 года я чувствовала себя не лучшим образом.

Боб не был мне большим подспорьем, он был поглощен своей новой ролью «Продюсера»... непрерывно курил сигары, играл в покер, у него были бесконечные встречи!

Я хотела уехать в Сен-Троpez, не желая пока и переступить порога в Базоше!

Вдруг обо мне вспомнил Филипп д'Эксеа, он был из тех, кто называл меня Звездой, но в дальнейшем в течение долгого времени он доказал, что может быть настоящим другом. Ему пришла в голову идея взять «роллс-ройс» и отвести меня в Сен-Троpez. Он был весельчаком, закоренелым холостяком, авантюристом, немного маргиналом, но прежде всего Филипп был аристократом до мозга костей и к тому же красавцем! Филипп знал всех. Филиппу было на всех наплевать. У Филиппа никогда не было ни су, но жил он на широкую ногу.

Во время этого поспешного отъезда к нам присоединились Серж Бургиньон, который хотел во что бы то ни стало поговорить со мной о фильме «С радостным сердцем». В нашу компа-

нию вошла и Май, сестра Боба, она тщетно пыталась найти себе воздыхателя. Она могла бы послужить мне компаньонкой.

Гуапа под мышкой, Филипп за рулем — «роллс» тронулся по великолепной автостраде, за нами ехали Серж Бургиньон и Май. Я всегда волновалась при встрече с «Мадрагом» после долгого отсутствия, тем более что сторожа, которых я так любила, уехали из-за плохого состояния здоровья. Мишель, моя превосходная секретарша, нашла незнакомую мне супружескую пару на это место, новичкам ничего не было известно о моих привычках.

Единственное, что я знала об этих людях, так это то, что их звали месье и мадам Катрей.

Радость жизни Филиппа победила мою меланхолию. В «роллсе» был стереозвук, передавали прекрасные классические произведения, в частности, концерт для рояля Чайковского, который внезапно сменили «Битлс» со своей гениальной музыкой, затем «Роллинг Стоунз». Музыка убаюкивала, незаметно летели километры. Иногда мы останавливались у придорожных ресторанчиков и так потихоньку приехали в край, где люди говорят с певучим акцентом, где пахнет по-особенному — в Прованс.

Филипп никогда не был моим любовником. Он был моим сообщником, моим братом, моим прибежищем.

Когда перед чистой страницей я вновь мыслями возвращаюсь к своей жизни, которую пытаюсь изложить самым искренним образом, записывая воспоминания, живущие в моей памяти, не используя никаких шпаргалок, полагаясь лишь на свою удивительную способность вспомнить мельчайший факт из прошлого, я кажусь сама себе извергающимся гейзером! Я открываю аварийный клапан, описывая свою личную жизнь, столько раз оболганную и перевернутую. Все эти взгляды сквозь замочную скважину, телеобъективы, лезущие в душу, коммерческое использование моего «я» ранили меня, нанесли мне вред, испачкали.

Если я грязная, то только я должна иметь мужество сказать об этом, если же я чиста, то тем лучше или тем хуже для меня. Но мне надоело, что Пьер, Поль или Жак, не зная меня, разделяют мою душу как мясники тушу, являя миру мой искаженный образ.

Это важное отступление я сделала для того, чтобы сказать, что в ту пору некоторые люди лгали о наших отношениях. И таких людей было много!

Я не говорю уже о тех, кто с заговорщицким видом уверял, что они мои любовники, только их скромность запрещает им... Несчастливые болваны, кому я лишь пожимала руку, но фотография была сделана именно в этот момент.

Вернемся к моему рассказу. Мы приехали в Сен-Троpez в час, когда звери идут на водопой, как говорят в Африке. У меня не было ни малейшего желания ехать в «Мадраг», и я предложила отправиться поужинать в Гассен в ресторан моих подружек Пиколетты и Лины (бывшая жена Пьера Брассера), ее подруги.

Ресторан «Бон Фонтен» был для меня почти тем же, что и «Мадраг».

Я была здесь как у себя дома. Здесь я оживала, позволяла ухаживать за собой, любить себя, лентяйничать; две очаровательные женщины, которые много значили в моей жизни, принимали меня как сестру.

В тот вечер в ресторане было много народу. Пиколетта и Лина нашли нам маленький столик у бара, где мы вчетвером и расположились. После путешествия мы были не в лучшей форме. Я отправила помыть руки и причесаться, прежде чем насладиться великолепным шампанским, которым нас угостили хозяйки, чтобы мы могли прийти в себя. Я также позвонила в «Мадраг», чтобы предупредить о нашем приезде и попросила приготовить кровати в комнатах для гостей.

И в этот момент я увидела Гюнтера Сакса!

Он сидел за столиком в компании прелестных девушек и красивых парней. Они смеялись, пили, веселились, флиртовали.

По чистой случайности за соседним столиком оказался Патрик Бошо, мой зять, муж Мижану. Он был увлечен спором с молодым типом, режиссером фильма, который шел в Сен-Троpezе. Этот фильм, «Коллекционерка», прошел совершенно незамеченным.

Но Патрик, не блистая на экране, блистал среди женщин!

Гюнтер, не отрываясь, смотрел на меня.

Мне он казался восхитительным.

Я видела его и раньше: он снимал красивый дом мамы в Мизерикорд. Впрочем, он оставил его в плачевном состоянии. Из-за этого горького опыта мама переехала в настоящий загородный дом, окруженный виноградниками, фиговыми деревьями и шелковицей. Название этого дома было «Пьер Планте», и уж его мама зареклась сдавать кому-либо.

Филипп представил нас друг другу. Он устроил взрывоопасную встречу двух священных чудовищ. Выйдя из-за своего стола, покинув друзей, девушек, Гюнтер уселся с нами со стаканом виски в руках. Его синие глаза со стальным оттенком не отрываясь смотрели на меня. От него исходила странная завораживающая сила. Это был повелитель!

Его виски с сединой, великолепные непослушные волосы, хотя и немного длинные, волевое загорелое лицо, внушительная

фигура и неопределимый акцент, которым он играл, изъясняясь на богатом и тонком французском языке, быстро развеяли все мои возможные сомнения.

Любовь с первого взгляда родилась мгновенно и взаимно.

Пиколетта, Лина, Филипп, Патрик и все остальные стали в тот вечер молчаливыми свидетелями сказочного соединения чувств.

Я была загипнотизирована.

Я знала многих мужчин, любила, испытывала страсть, но в тот вечер у меня выросли крылья. Эта ночь принадлежала нам. Я больше не чувствовала усталости, готовая пойти за этим мужчиной на край света. На край света он отвез меня позже, а пока мы решили пойти потанцевать в «Папагайо». У Гюнтера был такой же «роллс», как и у меня! Той же формы, того же цвета, все одинаковое!

Странное совпадение. Мы полюбили друг друга на равных. Гюнтер повел свой автомобиль, я уселась за руль своего. Мы ехали бок о бок, как два повелителя в колесницах! Филипп, которого я усадила на место пассажира, ничего не понимал. Зачем нужно вести машину самой, когда он здесь именно для этого? Бургиньон и Май смотрели на меня как на чокнутую. Впрочем, весь мир считает меня чокнутой, и не без оснований. Мне предстояло прожить самый сумасшедший отрезок моей жизни, ее самое экстравагантное отступление. Мое самое призрачное счастье и самое глубокое горе. Мы вернулись в «Мадраг» к тому часу, когда добропорядочные люди отправляются на работу.

Чета Катрей с ненавистью смотрела на нас.

Лишь Капи, верный службе сторожевой собаки, устроил мне радостную встречу, а Гуапа забралась в свою корзину, чтобы поспать. Я заказала чаю и бутербродов на всю компанию. Слишком взволнованные, чтобы сразу улечься спать, мы очутились в моей спальне, худо-бедно устроившись на единственной кровати. Здесь были Патрик, Филипп, Бургиньон и Май! Когда мадам Катрей, взволнованная как курица-несушка, потерявшая свои яйца, принесла поднос, то, взглянув на мужчин, расположившихся на моей кровати, она спросила:

— Мадам, кого я должна называть месье?

— Никого, — ответила я. — Месье еще не приехал!

Я вновь увидела Гюнтера.

Этому предшествовала свадьба Жерара, моего ныряльщика за амфорами, и Моники. Невеста в белом бикини с венком из апельсиновых цветов и тюлевой вуалью на голове была восхитительна. Я прибыла на катере с механическим пианино, игравшем старинные мелодии, а Гюнтер появился на водных лыжах, которые тянул за собой его великолепный «Аристон». При этом он

был во фраке и с великолепным букетом цветов — триумф был ему обеспечен.

Затем с вертолета на «Мадраг» обрушился дождь из красных роз.

Потом был незабываемый вечер в «Пирате» в Ментоне, где цыганские оркестры играли для нас до зари, а шампанское лилось рекой.

Позже мы, босоногие, появились в казино Монте-Карло, где Гюнтер выиграл три раза подряд, поставив на 14.

В полнолуние Гюнтер, управляя в одиночку своим чудесным катером «Аристон», в смокинге и черной накидке с красной подкладкой, похожей на крылья какой-то хищной птицы, забрал меня с понтона «Мадрага», чтобы полюбоваться луной в открытом море.

Наконец появился Боб!

Я с трудом вернулась к действительности. Боб со своей сигарой, своими друзьями Жан-Максом Ривьером и его женой Франсиной, с контрактами, которые надо подписывать, проектом телевизионного шоу, поставленного Райхенбахом, будущими песнями, Боб-бизнесмен, такой чужой на пляже, такой далекий от моего нового мира, ничего не подозревающий... Филипп устроил так, чтобы Гюнтер не появлялся в течение нескольких дней. Это было тяжелое испытание. Мой возлюбленный бесился, как дикая лошадь, а я куксилась и увядала, как цветок без солнца.

У меня было три дня на решение всех проблем.

К вечеру третьего дня Гюнтер должен был ждать меня одну всю ночь в ресторане «Бон Фонтен», у Пиколетты. Если я не приду, значит, свой выбор я сделала. И он больше никогда не увидит меня.

Казалось, Боб решил провести здесь все лето.

Он разложил все свои шмотки, не торопился, был в хорошем настроении от того, что дела у него ладилась. Жан-Макс не какую-то чушь, на что мне было решительно наплевать. Только Франсина своим женским нюхом учуяла что-то. Я доверилась ей, умоляя, чтобы она помогла мне отправить Боба восвояси до наступления третьего рокового дня.

Боб заставил меня подписать контракт, который я даже не прочитала. Вот почему все последующие тридцать лет я связана по рукам и ногам его несуразными условиями, продав за пригоршню фиников мировое использование своих фильмов — и это пожизненно! Но я подписала бы что угодно, лишь бы избавиться от присутствия Боба, которому я сделала таким образом королевский подарок на прощание.

Я позвонила Райхенбаху и сказала, что подписала контракт, и

Боб должен вместе с ним подготовить все для съемок, а я присоединюсь к ним, когда выполню профессиональные обязательства, то есть после фильма Бургиньона.

Нам пришлось приложить немало труда, чтобы убедить Боба вернуться в Париж вечером в воскресенье, расстаться с солнцем, пляжем и ничегонеделаньем. Ведь ты же продюсер! Он сел на самолет, и билет у него был в одну сторону.

Почему я не поговорила с ним? Может быть, из трусости, из страха перед скандалом, драмой, может быть, боясь выпустить дичь ради призрачного будущего, страшась оказаться между двух стульев.

Нельзя было терять ни минуты. Вместе с Франсиной я перевернула весь шкаф: что мне надеть на сегодняшний ужин? Это была мода на мини, по самую задницу! Наконец я нашла одно платьице, облегающее, сексуальное, прелестное, просто отличное. Но Франсина решила, что чем короче, тем лучше! Мы бросились искать коробку с рукодельем, иголки, нитки, кое-как подрубили платье. Я померила, черт, трусики видны! Мы поскорее переделали.

А минуты тем временем шли. Я на скорую руку намазала глаза, губы; волосы на ветру все равно растреплются. Надушилась, поцеловала Гуапу и Капи и — пустилась в великую авантюру!

Это был один из редких ужинов, когда Гюнтер и я были в одиночестве.

В тот вечер он подарил мне три браслета и три кольца, синие, белые и красные, из сапфиров, бриллиантов и рубинов от Картье. Я не снимала их, пока жила наша страсть. Взволнованные Пиколетта и Лина присутствовали при заключении этого скороспелого, но, как тогда казалось, прочного союза.

В ту ночь в «Мадраге» Гюнтер попросил моей руки.

С этого момента я была на облаках, на седьмом небе, а Гюнтер тем временем взял в свои руки устройство нашего будущего.

На «Капийа», вилле, которую он снимал, известие о нашей свадьбе произвело настоящий фурор! Слуги (их было несметное количество) называли меня «мадам», отвешивали поклоны, а секретарь Гюнтера, его доверенное лицо и правая рука, Самир закупил оптом обратные билеты на всех девиц, которые путались под ногами. Остались лишь самые близкие и необходимые люди, всего около двенадцати человек! Мне надо было привыкнуть к постоянному общению с теми, кого я называла «проклятые души Гюнтера»: Серж Маркан, Жерар Леклери, Жан-Жак Маниго, Самир Сибай, Мишель Фор, Петер Нотц, Кристиан Жанвиль и их подружки или жены...

Чтобы не быть в долгу перед всем этим двором, я поселила в «Мадраге» случайно набранных подружек, роскошных девушек, незамужних или собирающихся стать таковыми, вместе мы вели разгульную жизнь. Это были Кароль-рыжая, Свева-брюнетка, Глория-чилийка, Франсина-блондинка и Филипп, очарованный страж этого импровизированного серала.

Гюнтер остро чувствовал силу рекламы, и все эти дни каждый час мы должны были позировать перед фотографами. Самые лучшие из них увековечили — каждый на свой лад — феерическую встречу кинозвезды и международного плейбоя.

Мечта должна была прийти и в хижины!

Я выносила этот адский образ жизни благодаря какой-то странной, не привычной мне силе! Гюнтер решил, что наша свадьба состоится 14 июля в Лас-Вегасе!

В Лас-Вегасе? Я жутко удивилась!

14 июля? Почему, Боже мой?

А я-то мечтала о маленькой деревенской мэрии, к тому же я ненавижу 14 июля. Но так решил Гюнтер. Приготовления шли в страшной тайне, бомба должна была взорваться не раньше назначенного дня. Я была символом Франции, на пальце и на запястье я носила цвета ее флага, поэтому и вести себя я должна была соответственно. Время поджимало. Самир занимался всеми необходимыми бумагами, а Гюнтер организовывал вместе с Тедом Кеннеди брачную церемонию у судьи, резервировал для нас бунгало для долгих или коротких остановок, а также частные реактивные самолеты, на которых нам предстояло летать. Я была заморожена четкостью германской машины — ни одна деталь не могла ускользнуть от нее. Все было отрегулировано и выверено по времени самым тщательным образом. В преддверии этого события, столь же важного, сколь и неожиданного, я начала паниковать.

Снова совершить путешествие в США, оказаться рядом с человеком, в сущности незнакомым мне, в стране, где нет ничего родного, — я готова была дать задний ход.

Пока я была в Сен-Тропезе, на своей вилле, рядом со мной были мои подруги, Гуапа, мои родители, я храбрилась, чувствуя себя неуязвимой. Но что станет со мной на другом краю света? Да и выходить замуж вдаль от тех, кого я люблю, казалось мне невозможным.

С Гюнтером никогда нельзя вернуться назад, идешь только вперед или подыхаешь!

Мой будущий муж решил захватить с собой Сержа Маркана, Жерара Леклери, Петера Нотца, Филиппа д'Эксеа и одного молодого английского кинооператора. Перед каждым из них стояла четкая задача: Серж будет снимать, молодой англичанин помогать

ему, Филипп займется фотографиями, Петер — спонсорством, Жерар — координацией, а Гюнтер — собственной женитьбой.

Внезапно мне показалось, что немецкий романтизм отдалился, причем очень далеко!

На какое-то мгновение у меня создалось впечатление, что я участвую в съемках фильма, где я должна сыграть саму себя. Наверное, я устала, поэтому быстро отогнала это страшное видение!

Оставив «Мадраг» и Гуапу на попечение прекрасных амазонок, я улетела в Париж в таинственном окружении шести плейбоев...

В роскошной квартире Гюнтера на авеню Фош я обнаружила уйму фотографий роскошных женщин в обнимку с моим женихом, запахи духов и соблазнительное женское белье, явно не мое. Обладая Гюнтер хоть каплей деликатности, он бы убрал все это до моего приезда! Роскошь квартиры нарочито бросалась в глаза: поделки из мрамора, фальшивый огонь в электрическом камине, имитация библиотеки, где за прекрасными кожаными переплетами не таились чудные книги, а лишь находился бар, — все это привело меня в изумление, здесь явно поработала рука дизайнера!

Я испытала счастье и нежность, очутившись на авеню Поль-Думер, куда я нагрянула к изумлению мадам Рене. Пока она соблаждала, я укатила.

Как обычно, я ничего не смогла выбрать среди моих 200 платьев, расованных по шкафам! Но ведь я все-таки выхожу замуж! Пришлось прибегнуть к помощи магазина «Реал». Мне нужно было нечто новенькое, элегантно, не слишком броское, не слишком... Мне показали целую коробку с платьями, тут были и с помпонами, и с оборками, и такие и сякие. Я выбрала одно, самое простенькое, оно было лилового цвета, я — загорелая блондинка, пойдет!

13 июля 1966 года мы отправились в аэропорт Орли каждый на своем «роллс-ройсе». Филипп вел мой автомобиль, Гюнтер вез с собой компанию друзей. Билеты мы купили на выдуманные имена: месье Схар и мадам Борда.

Я всегда ненавидела самолеты, и, все же садясь на кресло в первом классе этого реактивного самолета, который за четырнадцать часов доставит нас в Лос-Анджелес, я облегченно вздохнула. В течение всего полета не надо будет никуда торопиться, и я наконец смогу отдохнуть.

Но я недооценила удивительную жизненную силу моего сказочного принца: с вечным стаканом виски в руках он не уставал строить планы по поводу нашего будущего свадебного путешествия! Я старалась заснуть, а он все время ставил на голосование: «Мексика, Таити, Маркизские острова».

В перерыве между зеванием я сказала, что можно поехать и туда и туда, в конце концов, вопрос кровно касался меня...

Затем, как всегда при важных обстоятельствах, Гюнтер обратился ко мне на «Вы» и «Моя дама» и предложил провести несколько дней в Акапулько и закончить путешествие на Туамоту, райских островах, похожих на меня. Я была очарована, но сил у меня больше не было... Я заснула. Прекрасно помню рокот моторов, который в полудреме превращался в назойливую мелодию, неустанно повторяя лейтмотив модных песенок:

Я завтра выхожу замуж, рон, рон, рон.
Это праздник в моей жизни, рон, рон, рон.
Но мне хочется, рон, рон, рон.
Почему-то отказаться, рон, рон, рон.

Я мечтала, положив голову на плечо Гюнтера. Я была счастлива!

Самолет приземлился в Лос-Анджелесе глубокой ночью. Месье Схара и мадам Борда все еще ждала толпа фотографов. Я подумала об этом аэропорте, откуда совсем недавно улетела в костюме горничной в Пуэрто-Рико, адский рай. И вот неожиданно я снова здесь. Если бы кто-то сказал мне прошлым декабрем, что через полгода я вернусь в эту страну на собственную свадьбу, я бы посчитала этого человека опасным сумасшедшим! Вывод: нельзя ни в чем давать себе зарок!

А пока на Гюнтера навалилась в зале аэропорта пресса. Он пытался пустить всех этих охотников до чужой жизни по ложному следу, рассказывая им, что мы сняли бунгало в «Бeverли-Хиллз-отеле» (что было правдой, но лишь на следующий день), что мы приехали из Сен-Тропеза в поисках мечты, в страну, где сбываются все мечты. А в это время частный реактивный самолет Теда Кеннеди нетерпеливо ожидал нас чуть дальше на взлетном поле, чтобы отвести в Лас-Вегас. Короче говоря, Гюнтер дурил американских журналистов, стараясь оградить меня от общения с ними, он был одним из тех мужчин в моей жизни, кто защищал меня в подобных ситуациях, несмотря на всю свою расположенность к прессе! В тот вечер на все вопросы у меня был один ответ: «Спросите у Гюнтера».

Я больше не могла, с меня было достаточно.

В профессиональной жизни можно выдержать некоторые испытания, но не в личной. Но я никогда не знала, где начинается одна и где кончается другая! В этом и состоит драма моей жизни!

* * *

Но никогда не нужно терять чувство юмора.

Оставив журналистов, которые ринулись в «Бeverли-Хиллз-

отель», мы улетели в Лас-Вегас. В самолете меня ждал огромный букет белых роз.

Ровно через тридцать пять минут мы приземлились в аэропорту Лас-Вегаса, откуда два черных «кадиллака» отвезли нас в городскую мэрию, чтобы получить брачное свидетельство. Не было видно ни одного журналиста. Было без четверти двенадцать полуночи, 13 июля.

Пока мы были у судьи, очень милого человека, который предоставил в наше распоряжение комнату, где мы смогли наконец помыться, переодеться, поцеловаться, посмотреть друг на друга и пообещать друг другу вечную любовь, наступило 14 июля, когда мы вошли в зал для новобрачных.

Мы оба были страшно взволнованы, пьяны от счастья и от усталости, все происходило как во сне. Наши свидетели, переодетшись, наконец посерьезнили, сердце билось и у них. Официальный судья и его помощники тоже чувствовали себя не в своей тарелке. Волнение достигло своего апогея, когда судья по-английски спросил меня, хочу ли я взять в мужа Гюнтера Сакса. Я дрожащим голосом ответила «Йес», американец поправил «Ай ду».

Гюнтер в свою очередь ответил «Ай ду», и я стала мадам Гюнтер Сакс. Был 1 час 30 минут ночи 14 июля 1966 года. Он был немцем, я француженкой, брачная церемония шла на английском языке на американской территории.

Гюнтер попросил судью повторить церемонию, чтобы увековечить ее в фотографиях Филиппа и в фильме Маркана. Просьба слегка удивила меня! Но это было только начало, моему удивлению суждено было расти и расти!

Счастливая до смерти, растерянная, страшно уставшая, держась за руку мужа, моей любви, моего повелителя, покорно следуя за ним, я ехала через ночной Лас-Вегас, ослепленная миллионами светящихся вывесок казино, игорных домов, отелей, ресторанов, освещавших этот город как тысячи искусственных сказочных солнц.

Я ненавидела Лас-Вегас.

Наш первый супружеский ужин в компании друзей состоялся в отеле «Тропикана», настоящем американском громадном отеле, где все было искусственным. Мы были затеряны между игральными автоматов, столов для игры в рулетку, джекпотов и крупье! Даже в туалетах стояли «однорукие бандиты»! Искушению невозможно было сопротивляться. Наши друзья оставили здесь все свои деньги!

Я не спала в постели более двух суток. В четыре часа утра Гюнтер и я заснули в объятиях друг друга, до смерти уставшие, в комнате, предоставленной нам судьей.

Утром 14 июля на мир нахлынула волна наших фотографий,

они были на первых страницах всех газет! Политикам оставались последние страницы. Была даже одна карикатура, на которой Де Голль и канцлер ФРГ Людвиг Эрхард выступали в роли наших свидетелей.

«Пари Матч» и «Жур де Франс» посвятили нам специальный номер и писали о нас целый месяц, а радио и телевидение, мировые газеты и журналы «Тайм», «Лайф», «Ньюсуик», «Ла Стампа», «Шпигель» и другие рассказывали всей планете о нашей свадьбе. Папа, мама, моя секретарша Мишель узнали об этом из прессы. Как и Боб. И многие другие!

Пока мы спали, мир бушевал, удивлялся, умилялся или возмущался! Я, самая французская из всех француженок, осмелилась выйти замуж за немца! Какой стыд!

Другие читатели, сильные в математике, подсчитали, что я выхожу замуж каждые семь лет! 1952: Вадим, 1959: Шарье, 1966: Сакс. Они с нетерпением ожидали 1973 года!

На двух самолетах Теда Кеннеди мы добрались до бунгало № 1 «Беверли-Хиллз-отеля» в Лос-Анджелесе, где я проспала весь день, пока Гюнтер принимал визиты местных деятелей, включая и Вадима! Поздравительные телеграммы хлынули потоком, на всех языках и отовсюду, включая глав государств и министров...

Вечером Денни Кей пригласил нас к себе на ужин.

Я до сих пор помню его, слегка застенчивого, немного отсутствующего, в фартуке, суетящегося перед барбекю, принимающего нас как старых друзей. Не забуду, как он расставлял приборы, предлагал нам коктейли, один в своем большом доме из белого мрамора, отчаянно одинокий среди ледяной роскоши.

И на этот раз я ничего не увидела в Лос-Анджелесе.

Я смутно помню громадный Сансет бульвар, по которому мы ехали в аэропорт, одинаковые безликие виллы, безупречные лужайки, похожие на строй солдат, застывших в почетном карауле. Должно быть, за этими стенами жили Элизабет Тейлор, Джон Уэйн, Марлон Брандо, Пол Ньюмен, Рита Хейворт, Ава Гарднер, Синатра и многие другие сказочные «звезды», возможно, такие же одинокие, как и Денни Кей!

Странная и удивительная страна Соединенные Штаты, я только прикоснулась к ней, но каждый раз покидала ее со вздохом облегчения.

Мы улетели на Таити.

Я была самой счастливой, самой блаженной из женщин. Мне хватило мудрости насладиться этим счастьем, полной грудью вдохнуть его, как бывает в самых исключительных моментах, по-

тому что уникальность — цена эфемерности. Я, ненавидящая самолеты и путешествия, за 48 часов облетела всю планету.

Прилет в аэропорт Папеете был сказочным!

Слащавые, словно сделанные из ячменного сахара, таитянки украсили нас ожерельями из местных цветов, пахнувших ванилью и запретным плодом. Я вдыхала полной грудью этот драгоценный и дикий воздух, экзотический запах края света, который я, потрясенная, открывала для себя, а тем временем полуголые танцоры и музыканты околдовывали нас бешеными ритмами полинезийских танцев. Потеряв голову от счастья, босоногая, наконец оказавшись в своей стихии, свободная, с волосами, украшенными цветами, с поющим сердцем, я слышала аплодисменты, которыми приветствовали меня, как языческую королеву, похожую на белокурую сирену.

Мэтр Лежен, самый серьезный нотариус на острове, предоставил в наше распоряжение свой дом, выстроенный в местном стиле, и служанку — таитянку, которую я видела весьма редко.

Когда на лагуну опускались сумерки, окрашенные в апельсиновый цвет, Гюнтер брал меня на руки, а Филипп снимал эту идиллию на пленку. Мой муж был прекрасен, парео сидел на нем так же, как смокинг, он удивлял меня своей способностью приспособляться к обстоятельствам, чувством юмора, умом и культурой.

Я была влюблена, безумно влюблена, заморожена, загипнотизирована. А главное — я была горда, очень гордилась им, гордилась тем, что я его жена!

Мои восторженные чувства, казалось мне, никогда не иссякнут, они навек, их не тронет время, они возвышаются над людской посредственностью, они чудесным образом обожествлены какой-то высшей силой.

Губернатор дал в нашу честь роскошный прием. Не меньше 500 человек расселись под кокосовыми пальмами, фламбуайянами, гибискусами и орхидеями при свете факелов, воткнутых прямо в песок, тонкий и белый, мягко струившийся под моими босыми ногами. Прелестные местные танцовщицы сладострастно отдавались чувственной музыке, от которой у меня в жилах закипала кровь.

Тогда-то я и познакомилась с прекрасной Тилой Брео, тещей Саша Дистеля. Эта очаровательная таитянка вышла замуж за отца Франсины Дистель! На месте Саша я бы женилась на собственной теще, но, зная его, могу предположить, что его личный интерес был, скорее, связан с наследницей, чем с призрачной участью подружки миллиардера. Тила пригласила нас провести ночь в ее доме. Кровать с балдахинном, пышные пологи от москитов, кружевное белье — словно корабль-призрак, выброшенный на

берег, — как бы окутывали нас бесконечной нежностью. Шелест волн, мягко разбивающихся о песок, и падающие звезды навсегда соединились для меня с этой ночью, ставшей самой лучшей в моей жизни.

Гюнтер, которому не сиделось на месте, решил, что мы отправимся на один-два дня на остров Бора Бора.

И мы двинулись в путь с чемоданами, друзьями, увешанные фотоаппаратами и кинокамерами, на гидросамолете. На Бора Бора не было взлетно-посадочной полосы, поэтому мы вынуждены были приводниться. Это было зрелище, достойное войти в фольклор!

Хотя глубина не превышала одного метра, надо было прыгнуть в воду. Ладно мы, но багаж!.. Вода доходила нам до пояса, приходилось носить чемоданы на голове, и так несколько раз до пустынного пляжа. Одна из камер упала в воду. Это было настоящей драмой!

Все орали! Гюнтер был вне себя от ярости, и я внезапно обнаружила новую грань в характере моего «прекрасного принца», правда, «прекрасного» в нем больше не было!

Я вспомнила, как мама однажды сказала мне, что, если хочешь по-настоящему узнать человека, нужно отправиться с ним в путешествие! По ее мнению, свадебное путешествие должно проходить до свадьбы, а не после. Я убедилась в ее правоте.

Наконец мы очутились на суше, по-прежнему пустынном пляже, несмотря на наши роскошные чемоданы, мы были похожи на спасшихся после кораблекрушения. Гидросамолет улетел. Гюнтер ходил взад и вперед по пляжу в ожидании катера, который должен был прислать владелец единственного отеля-бунгало, его соотечественник, в условленное время и в заранее обговоренное место. На нем нам предстояло добраться до противоположной оконечности острова.

Половина первого дня. Мы совершенно расслабились, все потешались над живописной ситуацией, в которой мы очутились, это было самое настоящее приключение: забытые на берегу острова, затерянного в океане! Пекло было невероятное, поблизости ни одной кокосовой пальмы, в тени которой можно было укрыться, и я соорудила себе убежище из чемоданов, чтобы спрятаться от солнца. Проходили минуты, часы, смех сменился тревогой. Взяв вещи, мы решили пойти в глубь острова в поисках хоть одной живой души. Чем дальше мы шли по густым джунглям, тем меньше было у нас шансов встретить нашего возможного спасителя.

И все же спаситель появился на пытящем допотопном баркасе в тот момент, когда мы расположились на привал на берегу уз-

кого морского залива, превратившегося в солоноватую реку. Этот старый рыбак подобрал нас вместе с чемоданами и фотокамерами. Все свои пожитки мы сложили на рыбацьи сети и старое тряпье. Изнуренные, обожженные солнцем, голодные, умирающие от жажды, мы смотрели, как рыбак поглощает лук и краюху хлеба, запивая еду какой-то кислятиной. Наконец я не выдержала и поделила с ним скромную трапезу, через минуту моему примеру последовал Гюнтер и все остальные.

Миллиардер ты или бедняк, хлеб с луком — это здорово!

Похожие на спасшихся после кораблекрушения, мы произвели фурор среди постояльцев-американцев отеля-бунгало! Немецко-таитянский хозяин без устали отвешивал нам поклоны, перемежая их обращениями «Герр Гюнтер Сакс», «Фрау Сакс», а Гюнтер отвечал ему: «Дас Гроссе болван! Колоссаль идиот». Германская организация дала сбой, между шестеренками машины попал песок острова Бора Бора.

Все уладилось быстрее, чем я думала. Благодаря соотечественнику Гюнтер вновь обрел язык своих предков, а тот, благодаря Гюнтеру, — далекие, но глубоко укоренившиеся тевтонские корни. Больше они не расставались друг с другом.

Играли в шахматы, пили пиво и виски, громко разговаривали на этом гортанном, диком, созданном для военных команд языке, который я абсолютно не понимала, несмотря на все отчаянные старания. Даже Берлиц, чью знаменитую школу я позже призвала на помощь в лице их лучшей преподавательницы, которая давала мне частные ускоренные уроки, смогла заставить меня выучить лишь «Гутен Таг» и «Грюсгот».

Короче говоря, я отчаянно одинокая бродила по этому земному раю, прилепившись к Фи-Фи, также пребывающему в одиночестве, но ведь он-то не был в свадебном путешествии.

В этот момент я поняла, что Гюнтеру прежде всего нужны приятели, традиции, а женщины играют в его жизни роль прекрасных, искусственных украшений, как в театральной постановке.

Не повезло новобрачной!

Кроме любви, нежности, ласки и прогулок под ручку, ничего увлекательного на Бора Бора не было! К счастью, Гюнтеру быстро надоела эта бурная дружба и нескончаемые партии в шахматы, и он решил уехать.

* * *

Едва мы вернулись на Папеете, как Гюнтеру взбрело в голову посетить знаменитый атолл Тупай, описанный в словаре Ларусс как самый красивый атолл в Полинезии.

Мэтр Лежен предоставил в наше распоряжение свой частный

одномоторный самолет и своего сына, пилота-любителя. Мне настоящему было страшно в этой трескучей этажерке с явно за-масленными свечами, в которой нас неимоверно трясло.

Стоило нам выбраться из этого пыточного устройства, как какой-то местный тип дал нам каски, похожие на шахтерские, чтобы не погибнуть от кокосового ореха, упавшего с высоты 30 метров.

Пешком, с вещами в руках мы последовали за ним через запутанную плантацию кокосовых пальм, а те все норовили поразить нас своими снарядами. От непрерывных ударов мы были вынуждены скакать, как танцоры, взад-вперед, влево-вправо. К счастью, я взяла лишь небольшую сумку для прогулок по городу, которая пригодилась и для прогулок по атоллу.

Наконец, с окровавленными ногами, искусанные комарами, мы добрались до крохотного поселка, где было всего четыре деревянных барака на сваях.

Мы вошли в барак, предоставленный нам...

Мамочка! Одна-единственная комната, без воды, без электричества, без кухни, несколько подстилок на полу, которые должны были служить нам постелями. Все семеро, мы не могли вымолвить и слова! Из-за борьбы с комарами мои щеки стали ярко-красного цвета. С каской на голове, с окровавленными ногами и с рожей, которую я скорчила, я могла бы выиграть конкурс чудовищ.

Другие выглядели не лучше.

Что до Гюнтера, то я считаю, что каска с шишаком пошла бы ему больше, учитывая его внешность, — чем это подобие солдатского котелка, которое украшало его голову. Да и спать вповалку — это могло навсегда испортить его и мой образ, который мы старались идеализировать.

Я решила немедленно отправляться обратно, это решение было принято единогласно. Мы проделали обратный путь с единственной целью — забыть навсегда этот дурной сон. Внезапно Гюнтер, устав от безделья этих краев, где он не мог играть роли ни плейбоя, ни миллиардера, решил продолжить наше свадебное путешествие в Акапулько, на снятой им чудесной гасиенде.

Вилла «Вера» принадлежала одному миллиардеру.

Там нас встретили безупречно вышколенные слуги, невообразимая роскошь, куча скорпионов, пауки-птицееды на клумбах и змеи в ваннных комнатах.

Такова Мексика, с ее преимуществами и ее неудобствами!

Акапулько представляют как какое-то чудо, но я не нашла там ничего особенного. Это Мексика под американским соусом! Благодаря фильму «Вива, Мария!» я узнала подлинную мексикан-

скую глубинку. По мне, Акапулько не имеет колорита, скорее, он уродливый и нелепый!

Зато в городе было казино! И быстроходные корабли, и ночные заведения, и международные миллиардеры, и весь высший свет, без которого не обойтись, и Виктор Эммануил Итальянский, и Марина Дори, его невеста, прежняя любовница Гюнтера... Мне пришлось снова очутиться в водовороте светской жизни, которую я полностью забыла за время поездки на Таити. Меня осаждали фотографы, журналисты, я испытывала стресс, предчувствуя, что рано или поздно мне предстоит разрыв с мужем. Я теряла его, мы больше не общались. Он по уши окунулся в омут светской жизни, которую я избегала.

Тогда-то до моих ушей дошла история о том, что Гюнтер женился на мне из-за пари, заключенного с друзьями. Зная его характер, страсть к игре, к риску, это выглядело правдоподобным.

Я чувствовала себя больной, я страдала, чувствовала себя потерянной, хотелось взорваться.

Я переговорила об этом с Филиппом, моим единственным союзником, единственным другом среди всеобщего смятения. Его встревоженность лишь подтвердила мои сомнения. Он даже посоветовал мне отправиться в Рено*. Таким образом, дело будет решено, и больше об этом не будут говорить! Увы, я поздно поняла, что, слишком сильно желая Гюнтера, я тем самым отдаляла его! Только когда я начала обманывать его, выведенная из себя его равнодушием, он вспомнил обо мне и попытался снова заполучить... очень поздно, слишком поздно.

* * *

Возвращение в Париж было хмурым и угрюмым, чему способствовали усталость, недоверие, разочарование!

Гюнтер хотел, чтобы я переехала на авеню Фош, но об этом не могло быть и речи! Я посоветовала ему прибраться, убрать из шкафов все вещи, а из рамок все фотографии, связанные с чужим женским присутствием. Лишь тогда можно было бы подумать над его предложением. В любом случае, сейчас, в начале августа, остановка в Париже будет короткой, так как мы все отправимся в Сен-Троpez! В конечном счете, я вышла замуж не за одного мужчину, а за шестерых. Эти шесть дружков вдруг показались мне совершенно неуместными, смехотворными и очень назойливыми!

Мне надоели это притворство, лицемерие, вечное ухаживание! Наверное, я единственная женщина на свете, кто отправился в свадебное путешествие в компании семерых мужчин! В Сен-Тро-

---

* Город в штате Невада, где быстро оформляют разводы.

пезе я не избежала вторжения в «Мадраг» всей клики Гюнтера. Мои амазонки были вынуждены ограничить свое жизненное пространство, чтобы уступить место друзьям моего мужа, без которых он не мог обойтись. Моим сторожам пришлось быстро отправиться к дантисту, чтобы посадить на цемент свои зубные протезы раз и навсегда! Гюнтер взорвался бы, обнаружив этот предмет в своей чашке кофе.

Явился даже шофер, он же метрдотель моего мужа, вместе с «роллс-ройсом», который поставили в саду рядом с моей машиной. Была еще горничная Гюнтера, стильная испанка, которую надо было поселить в доме. А она смотрела на мои полки в шкафах с невыразимым презрением, не понимая, куда же она попала, ведь речь шла о беззаботном, но весьма убогом летнем домике. Было еще и белье Гюнтера, с его гербом и шифром, а также посуда из белого фарфора и рюмки из хрусталя (!) (он пил бордо только из хрустальной рюмки на ножке!) и его раздвижные столы для неизбежных банкетов в саду на двадцать персон, по меньшей мере...

Короче говоря, мой любимый дом превратился в муравейник, здесь шла совсем другая жизнь. Гуапа пряталась под креслами, у Капи, из-за того что он начал кусаться, разболелись зубы! Это было ярмарочное гуляние при звездах, народный праздник, бордель, все, что угодно, только не мой дом, моя жизнь, моя среда, мое спокойствие, моя сельская простота. Даже хижину в глубине сада, где садовник хранил свои инструменты, превратили в примитивную спальню для друзей, на случай необходимости. С тех пор я сделала из нее прелестный домик, увы, постоянно пустующий!

Некоторые из гостей спали прямо в катере Гюнтера.

Телефон беспрестанно звонил: герр Гюнтер Сакс, ...герр Гюнтер Сакс... герр Гюнтер Сакс!

На вилле у меня не было секретаря, а автоответчики в ту пору еще не существовали! Анжелина, моя сторожиха, наконец-то укрепившая свой зубной протез, смогла выполнять функции телефонистки, не разбрызгивая слюну и не сюсюкая, как она делала раньше.

На обеде у моих родителей в «Пьер Планте» я наконец представила им Гюнтера в качестве моего мужа. Они уже знали его как квартиросъемщика, который все ломает, но отношения были вежливыми и милыми. Папа, говоривший по-немецки, с радостью вел беседы на этом языке, мама была очарована новым поворотом в моей жизни, она была лишь слегка огорчена тем, что узнала о нашей свадьбе из газет, но очень гордилась, что ее зять не еврей, не сумасшедший, не коммунист! Он был немцем, но этот порок не казался ей неустранимым. Мы принадлежали к одному

социальному кругу, у нас было одинаковое образование — и это главное.

13 августа Гюнтер уехал в Париж, сумбурно объяснив мне, что у него срочная встреча с доверенным лицом из Германии, важные проблемы, требующие немедленного решения, и так далее и тому подобное... Я тщетно напоминала ему, меняя тон от нежного до возмущенного, что завтра мы могли бы отпраздновать первый месяц со дня нашей свадьбы, но он не уступил.

Он никогда не уступал.

Следующий день я провела в одиночестве, в раздумьях глядя на море, кишевшее катерами с туристами, откуда неслись вопли, крики этих вульгарных людей, отдыхающих, которые считают, что им все позволено, которые загрязняют своими экскрементами и дурным воспитанием громадную гладь моря.

Я ненавижу оплачиваемые отпуска, ненавижу это время года.

Вечером я попыталась дозвониться до Гюнтера, но никто не отвечал. Филипп решил отвезти меня поужинать и потанцевать в Сент-Максим к Франсуа Патрису. Вместе с амазонками мы отправились туда на катере, оставив приятелей Гюнтера.

Я с ностальгией вспоминала о ночах полнолуния, когда Гюнтер в костюме Дракулы на море под луной клялся мне в вечной любви... Я делала вид, что веселюсь, совсем мало ела, много пила и непрерывно звонила Гюнтеру, но никто не отвечал!

Происходило что-то ненормальное!

Пусть только мне не говорят, что приходится работать и ночами. Я не была настолько наивной, чтобы подумать, что можно назначить деловую встречу в Париже 15 августа! Все спрашивали меня, почему в этот день рядом со мной нет Гюнтера? В конце концов, Филипп ответил, что все ошибаются, на самом деле я вышла замуж за него, затем, нежно обняв, он повел меня танцевать слоу.

А на душе скребли кошки.

Вернувшись в «Мадраг» с рассветом, после безуспешных попыток дозвониться до Гюнтера, я решила немедленно вылететь в Париж вместе с Филиппом в полной тайне от остальных рейсом из Ниццы в 7 часов.

В Париж мы прилетели в 8.30, взяли такси и в 9 часов звонили в дверь дома 32 по авеню Фош! Ключей у меня не было, я лишь раз была в этой квартире, формально числившейся моей, но для меня такой же чужой, как и любая чужая квартира.

Нам открыл метрдотель.

При виде меня он принялся что-то блеять. Оттолкнув его, —

Фи-Фи следом за мной — я напрямик направилась в спальню Гюнтера, к счастью, я помнила туда дорогу...

Пусто! Квартира была пуста, а кроватью, застеленной накануне, явно никто не воспользовался. В ванной комнате я не нашла ни одной туалетной принадлежности, ни бритвы, ни зубной щетки, ни туалетной воды... Наспех разбуженный личный секретарь, ливанец Самир, огорошенный моим вторжением, принялся плести невесть что, но я не слушала его, лишь повторяя, как рефрен: «Где Гюнтер? Где Гюнтер? Где Гюнтер?»

Затем вместе с Фи-Фи мы уселись в салоне и принялись ждать, как на приеме у дантиста.

Около десяти часов я услышала звон ключей у входной двери, я не пошевелилась... Появился взъерошенный Гюнтер с несессером подмышкой, эта деталь окончательно решила его судьбу в моих глазах. Он пустился в путаные объяснения, что у него-де была ранняя деловая встреча (ну, да, 15 августа, и на нее надо было брать свой несессер!).

А кровать? Никто не спал на ней?

Да нет же, я спал, но метрдотель тут же убрал ее.

С каких это пор кровать стелят на ночь с самого раннего утра?

Я смеялась над ним, а Гюнтер путался во лжи.

Затем, так же быстро, как я ворвалась сюда, не разводя лишних церемоний, я покинула Гюнтера, его секретаря, метрдотеля, эту квартиру, авеню Фош и Париж. На самолете, вылетевшем из Парижа в полдень, мы с Филиппом прибыли в Ниццу в половине второго, а в половине третьего уже были на вилле «Мадраг». Кошмар длился всего несколько часов, но он оставил несмыслимое пятно на нашей короткой совместной жизни.

Во мне что-то навек сломалось, меня безбожно предали. Мои возмущение и грусть смешались с диким отчаянием. Я стала игрошкой в дьявольской игре, меня одурачили, мной вертели, меня использовали.

Я была ставкой в грязном пари, я осталась в дураках в бесстыдной и отвратительной игре, эта рана никогда не заживет. Я даже не смогла доставить себе удовольствие отомстить гюнтеровским друзьям, выставив их за дверь.

«Германский телефон», еще более быстрый, чем арабский, сработал, и все уже были в курсе того, как я нагло поступила в отношении невинного мужа, несправедливо обвинив его в супружеской измене... Все друзья Гюнтера, его слуги приготовили автомобили и были готовы уехать, разлука была неминуема!

Со свойственным ему едким юмором Фи-Фи иронично, но нежно напомнил мне о своем совете заехать в Рено, чтобы развестись... Это избавило бы от всех проблем!..

Мои амазонки, никогда не принимавшие этот брак всерьез, добавляли масла в огонь. Я пережила прекрасное приключение, сон наяву, который вдруг превратился в кошмар. Теперь я должна была проснуться и взять себя в руки. Еще четверть часа мне предстояло быть мадам Гюнтер Сакс, но я не собиралась так легко опускать руки. Глубокая рана мешала мне мгновенно отреагировать, но я возьму реванш, кровавый, беспощадный, в этом я поклялась самой себе и сдержала слово!

Гюнтер вернулся на вертолете, сбросил чемоданы в воду, затем спрыгнул сам. Он приехал, чтобы попытаться склеить осколки нашей совместной жизни. Он говорил, что нельзя устраивать скандал из ничего, лучше продолжать играть роль прекрасной незаурядной пары, ведь мы принадлежим к расе господ и должны соответственно вести себя! Наверное, на меня отрицательно подействовал Филипп.

Филипп был удален из моего окружения и вконец разругался с Гюнтером! Да и Сен-Троpez в августе стал невыносим! Нам надо было уехать подальше от этого цирка, туда, где поспокойнее.

Гюнтер предложил свое поместье в Баварии и попросил меня последовать за ним, чтобы представить своей семье, в частности, матери. Чтобы я не чувствовала себя совсем одинокой вдали от родины, он посоветовал мне пригласить также папу и двух приятельниц.

Шарм Гюнтера сработал и на этот раз.

Изменил он мне или нет, но я уступила, и к общему восторгу самолет доставил нас из Ниццы в Мюнхен! Внезапно мы очутились в сырости и тумане, столь дорогих сердцу Людовика II Баварского, впрочем, этот климат и свел его позже с ума! Поместье оказалось очаровательным домиком, с окнами в цветах, уютными комнатами, фаянсовыми печами, но, к сожалению, салон был украшен охотничьими трофеями — чучелами разных животных, набитыми соломой... У меня забегали мурашки при виде этих несчастных ланей, кабанов, оленей-семилеток, хищных зверей. Они пристально смотрели на меня своими стеклянными, бесконечно мертвыми глазами, требуя отмщения, в котором им невозможно было отказать.

Разве Гюнтер был охотником?

Я устроила скандал по поводу этой наглости... И ему хватило смелости привезти меня на это кладбище чучел в своем баварском поместье! Мое возмущение было временно прервано появлением его матери.

Свекровь была внушительной дамой! Явно не у нее я могла найти ту нежность, которой мне так недоставало в общении с ее сыном! Смерив меня суровым взглядом, она сказала Гюнтеру не-

сколько слов по-немецки. На моих глазах он вновь превратился в маленького мальчика, уличенного в шалости. Внушительная и нетерпящая возражений мать властвовала над ним. Она не говорила по-французски, мы обменялись какими-то банальностями по-английски, и на этом наше общение закончилось. Позже я узнала, что она выговаривала Гюнтеру за то, что я одета не по-баварски!

На следующий день портниха сняла с меня мерку и в рекордно короткий срок сшила мне нужную одежду: маленький белый корсаж с вышивкой, поверх которого одевается юбка на бретельках, кружевную нижнюю юбку, а также сапожки, вроде русских! Мои подруги получили такую же форму, а Гюнтер явился к ужину в коротких кожаных штанишках, тирольских башмаках и носках и в охотничьей шляпе с перышком!

Выглядели мы гротескно, но так требовала традиция!

Только папа, учитывая его возраст и то уважение, которое внушало его элегантность, избежал этого маскарада.

Рано утром, когда еще стоял туман, Гюнтер отправлялся вместе с управляющим инспектировать поместье, а я в накидке из плотной шерсти гуляла, но мне удалось увидеть лишь ничтожную часть всего владения. Компанию мне составлял папа. Иногда нам встречались крестьяне, они низко кланялись нам, мы любовались фермами, как будто сошедшими со страниц комиксов, утопающими в цветах, пили пиво в кабачках, как будто перенесенных с опереточной сцены!

Я была покорена этим новым миром, таким далеким от того, который я покинула. Это спокойствие, безмятежность, нерушимые традиции, умение жить! Здесь Гюнтер не был международным плейбоем, дающим пищу светской хронике. Он был хозяином, господином, пользующимся уважением целого народа, владельцем сотен гектаров угодий, наследником колоссального состояния, и титул «фрау Сакс» придавал мне такую же власть!

Имя Брижит Бардо было забыто.

К счастью, папа переводил мне все любезные слова, свидетельствующие об огромном уважении, которое эти добрые люди старались донести до меня со свойственной им простотой и покорностью.

Я ощущала себя по-настоящему иностранкой, горько сожалела о том, что не могу вмешаться в непринужденный разговор, прерываемый радостным смехом. Папа был счастлив и горд, я принадлежала всецело ему, а он был нужен мне! Внезапно мы оказались очень близки друг другу, как звенья семейной цепи, семьи, которая тоже могла гордиться крепостью и традициями. Мы вспоминали о наших лотарингских корнях, семейной колыбели, Линьи-ан-Баруа, владении, где папа рос вместе с братьями, из которых только трое были еще в живых. Я чувствовала, как к

нашим сердцам подступает ностальгия, горевала вместе с папой о том, что наши корни навсегда исчезли, но все равно живут в нашей памяти.

Конец этому безмятежному отдыху положила мама Ольга.

Я снова была вынуждена окунуться в тяжелый мир шоу-бизнеса, кино, моих профессиональных обязательств. Фильм «С радостным сердцем», переименованный по моему настоянию, должен был начаться, как и было предусмотрено, в Шотландии 10 сентября. Меня ждали на примерку костюмов, пробы, для решения последних неотложных деталей.

Мама Ольга также сообщила мне, что Жо Лозей ждал меня двое суток в Сен-Тропезе, чтобы поговорить о фильме «Форель», в котором я так хотела сниматься! Он уехал вместе со своим разочарованием и форелью, а мне оставалось мало шансов искупить недостаток профессиональной сознательности.

XXII

Я едва успела вернуться в «Мадраг», закрыть дом, поцеловать маму и вернуть ей папу, схватить в охапку Гуапу, оставить Капи на сторожей — и вот я на авеню Поль-Думер.

Но куда же запропастился Гюнтер? Он пропал, но у меня не было времени задавать себе слишком много вопросов.

Вихрь этого поспешного возвращения увлек моих амазонок и Монику, невесту в белом бикини. Взяв на себя моральное обязательство этого временного расставания, я поклялась мужу всеми богами, что его жена ничем не рискует, что она обязательно вернется к нему, а временная разлука лишь укрепит их брак! Сама того не желая, я стала инициатором развода, произошедшего раньше моего!

А пока я разместила Монику в квартире на авеню Поль-Думер, и, поскольку она была высокой блондинкой с хорошей фигурой, я наняла ее как дублершу в фильме «С радостным сердцем». Чтобы приглушить ревность Свевы, я наняла ее как личного фотографа звезды: ей удавалось сделать очень красивые фотографии, когда она не забывала снимать заглушку с объектива!..

И Кароль подписала контракт на маленькую роль!

Я была вынуждена оставить Гуапу на попечение мадам Рене из-за английского карантина для животных, который длится полгода.

К моим пожилым дамам пришла с визитом совсем новая мадам Сакс. Они пришли в восторг от этой сказочной истории и жалели, что я пришла без мужа! Старушки так хотели встретиться с этим незаурядным мужчиной, который занимал их мечты!

Ах, мои милые бабушки, если бы вы знали, как я хочу увидеть своего мужа, но он неуловим!

Я встретила с Гюнтером накануне моего отъезда в Шотландию.

Он был поглощен делами и не расставался с неким месье Сшврингом, маленьким человечком в очках, которого мой муж представил как своего первого и важнейшего сотрудника! Встреча произошла на авеню Фош, куда я прибыла с опозданием на первый и последний ужин. В этой по-прежнему чужой квартире я чувствовала себя не в своей тарелке. Секретарь Самир превосходно справлялся с ролью хозяйки дома, которую должна была сыграть я. В салоне так и висели фотографии разных блондинок, а в ванной комнате можно было найти женское нижнее белье в черных кружевах...

Я задавала сама себе вопрос: что я здесь делаю и в качестве кого?

После этого безликого ужина в безликой столовой, поданного безликим метрдотелем, безвкусной еды, в окружении секретаря и бизнесмена, я попыталась переговорить пять минут с Гюнтером с глазу на глаз перед моим отъездом.

Увы! Это было невозможно!

Звонки из Мюнхена и других городов беспрестанно прерывали наш разговор! Гюнтер вяло уговаривал меня провести ночь в квартире на авеню Фош. Я никогда еще не ночевала здесь, ранним утром я должна была улететь в Шотландию, а ему во что бы то ни стало надо было быть в полдень в Мюнхене!

Успокоенная и одновременно отчаявшаяся, я вернулась к себе.

Всем своим сердцем я ощущала странный привкус горечи, поражения и тоски!

Вот в таком состоянии ехала я в своем «роллсе» сначала по дорогам Франции, затем Англии, направляясь в незнакомую и далекую Шотландию, где меня вновь ждала роль актрисы, звезды, мифического персонажа!

Фи-Фи, пребывающий, как всегда, в отличном настроении, к тому же в восторге от того, что забрал меня от «этого болвана» Гюнтера, пытался развеселить меня. Это маленькое путешествие в автомобиле мимо новых великолепных пейзажей должно было взбодрить меня! Музыка была чудесной, мои амазонки очаровательными, блестяло солнышко, все складывалось к лучшему в этом лучшем из миров!

Проехав Лондон, мы долго ехали по английской глубинке, видели множество лошадей, баранов, мелькали маленькие деревенские домики, деревни с домами из красного кирпича, где еще висели сотни старинных вывесок пабов, чьи зеленые и желтые

квадратики в толстом оконном стекле напоминали о временах Чарльза Диккенса.

Я забыла красоту этих северных пейзажей, их нежность успокоила меня, взбодрила. Наступала ночь, когда мы добрались до Шотландии, но я смогла уловить случившуюся перемену: пейзаж стал более голым, более суровым, холмы превратились в горы, кирпичи домов — в темный камень. Даже дорога стала другой: более вытянутой, менее уютной. Воздух был холодным. Полумесяц освещал пустынные окрестности. Было едва восемь часов вечера, но мы не смогли найти ни одной живой души, чтобы навести справки и отдохнуть.

Мы миновали Эдинбург.

Проехав по берегу моря, мы приехали в Дирлтон, очаровательную рыбацкую деревушку. Единственный отель, набитый постояльцами под завязку, «Опен Армз», встретил нас с распростертыми объятиями. Он сохранился у меня в памяти как коттедж приятелей. В крохотном, но комфортабельном холле горел огонь в камине, вокруг которого несколько журналистов потягивали «Гленморанджи», золотистое солодовое виски, которым славится Шотландия. С журналистами беседовали Франсис Кон, мой любимый продюсер, мама Ольга, Дебетта, Серж Бургиньон, Лоран Терзиэфф, обстановка была уютной и счастливой, она окружила меня неожиданной, но спасительной теплотой.

В моей комнате, где также весело потрескивал огонь в камине, меня ждала телеграмма от Гюнтера. Он взял на себя труд отправить ее, чего я могла желать еще?

Я была почти счастлива.

Съемки фильма не дали ничего ни уму ни сердцу.

Но у меня в памяти навсегда сохранились волшебные воспоминания о маленьком рыбаковском порте, затерянном в суровой Шотландии. Я помню и гранитные замки, навечно закрывшиеся за влажными ледяными тенями, грозные, но ревматические подъемные мосты, которые днем поднимались за нами, а ночью рассказывали нам вечные легенды, полные древнего очарования.

На фотографии, где я запечатлена в белом платье, похожем на саван, когда я, легкая и порывистая, перехожу легендарный мост между жизнью и смертью, с распущенными волосами, я становлюсь на несколько секунд призраком.

Я верю в сверхъестественное, верю в невероятное, а, главное, я верю, что некоторые места несут в себе вечную печать силы прошлых веков.

Я с радостью встретилась с Джеймсом Робертсоном-Джастисом, фантастическим шекспировским актером, сыгравшим в «Отдыхе воина» роль Катова. Красочный персонаж и на сцене, и в

жизни, дородный, которого невозможно не заметить, прямой выходец из Шотландии, он снова играл вместе со мной в роли Мак-Клинтока, разделяя заурядность мало интересного фильма. Ну и пусть!

Он открыл для меня свой край, его английский язык с раскатистым «р» был гортанным и непонятным из-за сильного шотландского акцента. Джеймс много пил, бесподобно выглядел в юбке-кильте и с бородой, его ясные глаза горели, жесты у него были широкими, жизненная сила так и била из него. Он научил меня соколиной охоте, этому искусству, в котором используется дрессированный сокол, его держат, ослепленного кожаной повязкой, на специальной рукавице, надетой на левую руку. Это маленькое удивительное существо, выполняя приказы, позволяло обращаться с собой как с кошкой, хотя глаза у птицы были пронизывающие и жестокие. Как только снимали повязку, сокол вновь становился хищником, безошибочным и неумолимым, безостановочно преследующим указанную жертву, затем, по приказу хозяина, птица возвращалась и покорно садилась на руку человека.

Я была одновременно возмущена и очарована.

Я жалела и сокола, и его добычу, оба были жертвами человека, рабами одного хозяина, который использовал в своих интересах потрясающие способности, данные природой для борьбы одного животного против другого. Не стоит и уточнять, что эта демонстрация была устроена для меня лишь для похвальбы: в тот день сокол не охотился. Джеймс Робертсон-Джастис давно знал, что я непримиримый враг охоты и охотников.

Увы, Джеймса Робертсона-Джастиса больше нет с нами!

Думаю, что его душа переселилась в донжоны и водит хороводы в самых славных замках его родной Шотландии. Я до сих пор слышу его смех, его фривольные песенки, на которые он был неистощим. Я вижу, как он врывается в хоровод страждущих душ, как нагоняет страх на болванов-туристов.

Я не имела новостей от Гюнтера, несмотря на все мои отчаянные попытки дозвониться до него, как вдруг он появился однажды утром, без предупреждения, со своим секретарем Самиром, высадившись из вертолета прямо перед входом в отель!

Из-за работы мы виделись очень мало. Я была взволнована, в быстром темпе отыгрывала свои сцены, думая о том, как бы нам встретиться в перерыве между съемками. Я нервничала из-за внезапного появления Гюнтера, и мое состояние передавалось всей группе.

Когда наконец съемки закончились и я смогла посвятить себя мужу, он заявил мне, что должен уехать в тот же вечер.

Вот это и есть небольшой пример из нашей жизни. За два года замужества я видела Гюнтера в общей сложности три месяца.

После кратковременного пребывания в Лондоне, где я должна была сниматься в зоопарке, — а там я столкнулась с гориллой, обезумевшей от тоски своего заточения, мне пришлось утешать малыша-шимпанзе, который вцепился в меня как в мать, — после этих съемок мы вернулись в Париж.

Здесь ситуация осложнилась!

* * *

Гюнтер не хотел, чтобы я жила на авеню Поль-Думер, и я была вынуждена пустить в ход хитрость, придумывать любые причины, чтобы избежать переселения на авеню Фош. Съемки были в самом разгаре, я зависела от своих привычек, от встреч с режиссером, от собственной усталости... И все же мне пришлось проводить там одну-две ночи в неделю, оставить некоторые туалетные принадлежности, один или два пуловера и брюки, две пары трусиков и лифчик!

Эти ночи у Гюнтера были для меня мучением.

После работы в студии я возвращалась домой вместе с Гуапой, мадам Рене, Моникой, Биг, мы выпивали по бокалу шампанского, мне хотелось расслабиться после трудового дня, дать себе волю, часами лежать в ванной, слушая любимую музыку, зажечь свечи, наполнить квартиру ароматом экстракта морских водорослей, благовониями фимиама и сандала... Нет, едва я переступала порог, как звонил Самир, что он выслал «роллс» с шофером, чтобы отвезти меня на авеню Фош. Сегодня вечером ожидается ужин на пятнадцать персон, будут Сальвадор Дали, Ги и Мари-Элен де Ротшильд и т. д. И мне надо было снова приводить себя в порядок, причесываться, переодеваться!

Я нравилась Гюнтеру одетая в черный строгий смокинг, что избавляло меня от мучений надевать разные платица! Ему также нравились мои распущенные волосы, так что я могла обходиться без шиньонов и не испытывать мук бигуди!

Эти светские вечера, на которых я играла неопределенную роль, иногда были не лишены интереса! Но они были не ко времени!

Гюнтер был неистощим.

В некоторых областях искусства он очень хорошо разбирался, в частности, в живописи, в особенности, в сюрреализме, великих романтиках и в современной живописи, которую я ненавидела! У него на стенах висели лица из кошмаров Бекона, странные миры Магритта, безумные сюрреалистические картины Дали и женщины-кошки Фини. Цветовой взрыв Матге соперничал с работой в монохромно-синем цвете Кляйна, над камином можно

было увидеть эскиз Пикассо, соседствовавший с опрокинутым пластмассовым ведром, откуда вытекала какая-то жидкость, эта скульптура была работы Сезара.

Я ничего не понимала в этом новом искусстве! Кроме Армана, Магритта и Дали, все остальное казалось мне чепухой, и я не стеснялась говорить об этом.

На мой день рождения Гюнтер хотел устроить настоящий праздник, но мне по душе был простой ужин двух влюбленных, с глазу на глаз, и, после нескольких бурных скандалов, я добилась своего! В русском ресторане под звуки балалайки и цыганских скрипок я праздновала наедине с моим мужем, последний раз в жизни, первую годовщину мадам Сакс! А на авеню Фош его дружки и мои подружки всю веселились в нашу честь!

Вот тогда-то Моника и познакомилась с Самиром.

Она потихонечку съехала с авеню Поль-Думер и устроила свое гнездышко на авеню Фош! Она поступила лучше всех! Я спала у себя, а Моника отныне — ведь она была хорошей дублершей — выполняла мои функции на авеню Фош под официальным прикрытием мадам Самир. А тем временем ее муж неустанно звонил мне из Сен-Тропеза, угрожая страшным скандалом, если его жена немедленно не вернется домой!

Не обязательно быть «звездой», чтобы попасть на страницу светской хроники...

* * *

В киностудии, где никак не кончались съемки фильма «С радостным сердцем», я снова встретила с Жан-Полем Стеже, молодым человеком, посвятившим себя делу защиты животных, активисту Ассоциации в защиту животных (АЗЖ).

Я с трудом поверила в его рассказ, настолько он был страшен.

В Женневилье, в старом, сгнившем, непригодном для жилья, ужасном приюте для животных под названием «Радужный прием» заживо умирали сотни брошенных собак и кошек. Муки зверей были невыносимы. Жан-Поль позвал меня на помощь, умоляя сделать что-нибудь, чтобы положить конец этому страшному положению вещей. Я всю ночь не сомкнула глаз, меня преследовали страшные картины, я была потрясена этой нищетой, я видела наяву эти мордочки за толстыми железными прутьями, как будто животных заперли в наказание, искупить какой-то грех.

Я быстро приняла решение: в следующее воскресенье я отправлюсь в этот приют, пусть об этом узнают, пусть позовут прессу, радио, телевидение, пусть мое присутствие послужит хоть чему-нибудь!

Гюнтер обозвал меня сумасшедшей!

Фи-Фи отвез меня в Женневилье в «роллсе». Впервые в жизни я согласилась на сотрудничество с АЗЖ.

Боже мой, в какую нищету, в какой лагерь смерти я попала! Эти сырые и темные клетки, где десятки облезлых, больных, иногда умирающих собак пытались глазами, лапами, визгом привлечь к себе внимание, чтобы вырваться из ада, от неминуемой смерти!

Я плакала вместе с ними!

Я хотела взять их всех, увезти с этой свалки. Я высказала свое возмущение прессе, постаралась взять на руки как можно больше шелудивых собачонок, чтобы их забрали к себе зеваки, сгрудившиеся вокруг меня. Чтобы помочь животным, я была готова пойти на панель. Я не знала, что делать. Я умоляла людей... А им был нужен только мой автограф! Им было наплевать на собак, им подавай только мою роспись.

В ветпункте было еще хуже.

Наваленные друг на друга клетки в сыром и холодном помещении. В каждой клетке по больной собаке, ни на что не реагирующей, пребывающей где-то уже далеко. Я решила заплатить за уход двух из них, самых больных, приговоренных к усыплению на следующий день. Одна — маленькая рыжая сучка со спиной как будто скальпированной бампером грузовика, от ее немного страдания у меня сжалось сердце. Вторая — метис овчарки неопределенного цвета, неспособный пошевелиться в этой тесноте, из-за сломанных задних лап мог остаться в лучшем случае калеккой на всю жизнь! Ветеринар уверил меня, что, если будет проведено лечение, он сможет их спасти и отдать мне через неделю.

Я выписала чек, а собак назвала: Пропащая и Счастье.

Затем, по случайности, одна собачонка сумела открыть свою клетку, она буквально упала мне в руки. Не раздумывая, я прижала ее к сердцу и назвала Патапон. За ней последовали черненькая Барбишу, затем испуганная скромница Барбара, красивого золотистого цвета помесь с боксером Диана, очаровательная, уж не знаю какой породы, черно-белая Бижуфикс. В результате вместе со мной в «роллсе» оказались пятеро собачек, и только тогда я смогла перевести дыхание!

Ужасный ледяной подвал служил приютом для кошек; здесь, покорные, кашляющие, больные кошки, числом около пятидесяти, худые и оголодавшие, всеми забытые, ожидали смерти. Я взяла всех тех, кто подошел и прижался ко мне. Таких набралось десять. Я пообещала вернуться сюда в следующее воскресенье и навести порядок в этом ужасном месте.

Десять котов или кошек, пять собачонок — «роллс» был полон под завязку. Мы отправились прямо в Базош.

Наше возвращение достойно было войти в фольклор.

Стоило мне открыть дверцу, как звери разом высыпали из машины. Радостное повизгиванье, бешеные гонки, взрыв счастья, опьянение от вновь обретенной свободы! Кошки полезли на первое попавшееся дерево. Никто не верил ни своим глазам, ни ушам.

Воодушевление сторожей было меньшим, ведь им предстояла дополнительная работа! Я пообещала им премию, чтобы быть уверенной, что они займутся животными. И мы уехали, увозя с собой Фюльбера, милого песика, которого Фи-Фи взял к себе, и не расставался в течение десяти долгих лет. Остальные звери принялись плакать, стонать, не желая расставаться со мной! Я перецеловала их, погладила, пообещала вернуться в следующее воскресенье и попросила их быть благоразумными и послушными.

В «роллсе» воняло мокрой псиной, не говоря уж и о других крепких и малоприятных запахах, которыми мы сами пропахли.

Ну и пусть! Я чувствовала внутри себя какое-то умиротворение. Гуапа обнюхала меня и скривила морду.

Жан-Мишель Франсуа, молодой журналист из «Жур де Франс», попросил меня устроить показательную акцию в защиту брошенных животных и против усыплений. Целую неделю я уговаривала всех техников, актеров, декораторов, продюсеров не только моего фильма взять себе собаку. Я бывала в столовой, уговаривала повара, девушку, работавшую в баре, посетителей, журналистов... короче говоря, нас нельзя было остановить, наш крестовый поход был важнее всего в мире!

Ассистенты должны были повсюду искать меня, когда наступал момент моего появления на площадке. Они находили меня в соседнем павильоне, где я писала статью и приходила в ярость, если меня прерывали. Я чуть не пристроила очередную собаку, а меня отвлекают ради того, чтобы я выдавала какую-то чушь, которую я не выучила и на которую мне было глубоко наплевать. По моей просьбе, АЗЖ прислала на студию грузовичок с собаками любых размеров, пород и окраса.

Целый день я таскала их за собой, мне помогали Жан-Мишель и моя гримерша Дедетта. Удалось пристроить всех, кроме двух! Нужно сказать, что хотя они и были славными собаками, но их внешность оставляла желать лучшего: сосиски на лапках.

Жан-Макс Ривьер, мой композитор из «Мадрага», удачно подвёргнулся мне в тот день, он пришел поговорить о шоу Райхенбаха. Я предложила ему баш на баш: или он возьмет Страпонтена, или я ничего не хочу слышать.

Вечером, когда я просматривала отснятое, рядом со мной ос-

тавался самый противный, жирный маленький фокстерьер, эта шавка часто скалилась и пахла хуже, чем все остальные, вместе взятые. Я вылила на собаку духи, но запах стал еще более отвратительным.

В проекционном зале на меня шикнули.

Собака зарычала, а я разрыдалась.

Было восемь часов вечера. Ведь я не могу отправить несчастное животное в грузовичке АЗЖ в тот ад, откуда оно вырвалось. Со-продюсер Бертран Жаваль, очаровательный человек с большим сердцем, более обеспокоенный моим отчаянием, чем судьбой собаки, взял ее себе ради моего удовольствия. Но он не знал, как назвать ее...

Я предложила кличку Редиска.

Бертран и Редиска прожили счастливо пятнадцать лет. Они никогда не расставались. И когда, закончив земной путь, Редиска покинула Бертрана, отправившись в рай, тот так горевал, что ему потребовался почти год, чтобы прийти в себя.

Я выполнила свое обещание вернуться в Женневилье и появилась там в одно из воскресений, в грязных джинсах, что позволило мне лучше обследовать клетки и убедиться, в каких отвратительных условиях содержатся животные.

Я собиралась навестить двух спасенных мной собак, Пропащую и Счастье, я приласкала их, угостила пирожными и наговорила кучу нежных слов.

Счастью заменили клетку, в новой он мог вставать! У Пропащей гноилась спина, я взволновалась, но ветеринар успокоил меня, что при помощи антибиотиков дело пойдет на лад уже через несколько дней. Чтобы поблагодарить меня, руководство АЗЖ устроило в мою честь прием. В тот день, благодаря кампании в СМИ, организованной Жан-Полем Стеже и Жан-Мишелем Франсуа, много животных нашли себе новых хозяев.

Я смотрела, как их увозят в новые дома... надолго ли? Главное состояло в том, что они уезжают из этой живодерни. Я также призвала людей взять себе кошек. В таких акциях всегда забывают о кошках, изгоях нашего общества. Считается, что кошки могут сами устроиться, что мы не нужны им.

Неверно, архиневрно.

Здесь же присутствовали Мари-Жозе Невиль и ее муж Жерар Эрзог, брат знаменитого Мориса, которого я обожаю, что за человек! В ту пору они много делали для АЗЖ. С их, и не только их, помощью мы, оскорбленные ужасными условиями самого доступного приюта для животных Франции, заставили руководство АЗЖ срочно рассмотреть возможность создания новой структуры

для этих целей, строительства нового приюта и новой организации, достойной своей репутации, своего образа.

Именно в то воскресенье незримо был заложен первый камень в строительство нынешнего приюта, который хотя и похож на мрачную тюрьму, но не имеет ничего общего с прежним.

Через несколько дней ветеринар АЗЖ сообщил мне по телефону о смерти Пропащей в результате сепсиса. Зато Счастье, хотя и хромого на всю жизнь, можно забрать. Он также добавил, что нужно быть осторожным, когда даешь животному кличку: имя может нести в себе как надежду, так и быть фатальным!

Я тихо оплакивала смерть этого бедного маленького существа, которое могло бы найти счастье рядом со мной, но умерло тихо, без любви. Я тут же отправилась за Счастьем. Его прямоиком увезли в «Мадраг», где он прожил пятнадцать лет. Хромой, но счастливый, облезлый, но известный и узнаваемый всеми под кличкой Талейран, собака Брижит Бардо.

* * *

14 ноября 1966 года Гюнтеру исполнилось 34 года.

Он устроил по этому случаю на авеню Фош костюмированный бал на тему Дракулы. Даже прислуга, присланная в подкрепление, была одета в смокинги, накидки, у всех торчали внушительные клыки!

Это было грандиозно!

Квартира, освещенная лишь пятисвечниками, выглядела таинственно; цыганский оркестр заставлял плакать романтиков и петь тоскующих. Женщины были прекрасны, мужчины элегантны. Гюнтер в костюме Дракулы выглядел воплощенным Злом. У меня не было времени найти настоящий костюм, и я оделась в облегчающее танцевальное трико из прозрачного, телесного цвета, нейлона, на котором я вышила узоры в виде водорослей. Длинные накладные волосы, доходившие мне до ягодиц, скромно скрывали мою наготу сирены. На шее у меня красовались два пятнышка крови, а за мной тянулась, как тень, громадная накидка из черного муслина, найденная в костюмерной студии.

Легенда не кончалась...

После окончания съемок я смогла уделить немного времени тем, кого любила и кого на время оставила: моим родителям, моим пожилым дамам, Базошу, моим собачкам и кошечкам, моему Корнишону! Вместе с Ольгой мы определились с датами по поводу «Шоу Бардо» в постановке Райхенбаха. Съемки должны будут начаться в конце следующего года.

Я еще не видела Боба! И у меня не было никакого желания видиться с ним.

Иногда я ночевала у себя, иногда у Гюнтера, куда я несколько раз брала с собой Гуапу. Бедняжка Гуапа! Она совершенно дисгармонировала с обстановкой этой квартиры! Гюнтер недружелюбно косился на нее: он хотел, чтобы у меня были афганские борзые, элегантные и породистые собаки, которые подчеркивали бы мою грациозность и красоту! Говори, говори, мне интересно! Но декоративные собаки мало значили для меня.

Или я с Гуапой, или никого. Ясно, четко, определено.

Моника стала хозяйкой на авеню Фош.

Благодаря связи с Самиром она в мгновение ока научилась непринужденности, элегантности, блеску, необходимому для этого образа жизни. Маленькая провинциалочка из Сен-Тропеза, застенчивая дочь врача, супруга рыбака-антиквара превратилась из Золушки в принцессу! Вывод: просто-напросто женщины представляют собой отражение того, что из них делают мужчины. Благодаря ей, нашему сообществу, которое постоянно росло, мое пребывание на авеню Фош стало более приятным, менее напряженным, более простым.

Затем я познакомилась, наконец, с тем, кто навсегда остался моим верным другом, кто лучше всех мог одевать меня, искусно драпировать, украшать, преображать, оголять, делать сексуальной, наряжать и выбивать из седла.

Единственный, незаменимый Жан Букен.

Ах! Мой сообщник Жан!

Эти роскошные ткани, которыми он обматывал мое тело, наряды богини, легкие шелка, лишённые объема, которые держались на одной нитке и чьи швы готовы были разойтись при малейшем усилии, но они обволакивали меня золотыми отблесками, миртом и сандалом. Жан шил мне «платки-платья», «мини-макси», костюмы в восточном стиле, «юбки-брюки» со смешанными и ядовитыми расцветками. Он придумал эту экстравагантную моду, называемую «хиппи», которую я носила с такой радостью, она стала моей второй кожей в течение многих лет, а сегодня она вновь возвращается и фигурирует в модных изданиях!

Какой дар предвидения! Гениальный тип!

Его наряды необыкновенным образом подчеркивали женственность!

При виде карнавальных показов мод, которые нам навязывают так называемые кутюрье, я вспоминаю пройденный путь. На представлении некоторых коллекций «для педиков» можно умереть со смеху. Хотела бы я увидеть в этих нарядах мою консьержку или самоё себя в мои 60 лет! Это — настоящая катастрофа, поэтому я предпочитаю вспоминать о Жане Букене.

Приближалось Рождество.

Гюнтер хотел провести его в Гстааде, я бы выбрала Мерибель!

Мы уехали в Гстаад, но на февраль было снято шале в Мерибеле. Гуапа, Моника, Самир, Гюнтер и я погрузились в «роллс-ройс» вместе с багажом.

Благодаря остановке в Пюлли, рядом с Лозанной, я увидела очаровательный дом-грибок, «маленький Базош» на озере, официальное местожительство Гюнтера. Он сразу же вырос в моих глазах — ведь дома являются отражением тех, кто в них живет. Это уютное и теплое гнездышко позволило мне узнать тайную сторону, простую и непоказушную, жизни моего мужа. На двери висел молоток в виде медвежьей лапы.

Затем мы остановились в Грюйере, маленькой средневековой деревне, где на площади размером не больше носового платка, напротив церкви, сошедшей со страниц сказки, стоял дом карлика, такой же маленький, как и кукольный домик, это была необыкновенная миниатюра, в которой проявилось мастерство архитектора, уменьшенный макет жизни.

Гстаад, очаровательная деревушка, как на открытке, был наводнен разнородной и безалаберной толпой. Роскошное шале Петера Нотца приютило среди расписного, покрытого патиной дерева, громадное количество разных знаменитостей. Я остолбенела от мысли, что придется провести Рождество и Новый год в окружении этих известных людей! Где был младенец Иисус в яслях из моего детства? Где были и для кого предназначались подарки, спрятанные в башмаках и выставленные перед камином среди еловых и померанцевых веток?

На меня навалилась тоска.

Гюнтер, который божественно катался на лыжах, уходил рано утром, а возвращался поздно вечером! Я прогуливалась с Моникой и Гуапой. В полночь я поцеловала Гуапу и Гюнтера. Я верила, что новый год принесет счастье, несмотря на царивший вокруг нас шум.

В ту ночь я видела, как к дому совсем близко подходили лани полакомиться припасенным для них сеном. С Новым годом, нежные, прелестные лани, пусть вас пощадят охотники!

Это было мое самое горячее пожелание.

* * *

Да, я хотела, чтобы новый, 1967 год принес счастье, но едва я вернулась, как сторожа в Базоше сказали мне, что скромница Барбара была обнаружена мертвой в саду однажды утром.

Я могла лишь удостовериться в ужасной реальности! Другие собачки, счастливые, излишне, как мне казалось, резвились. Они перепрыгивали через изгородь, убегали в поля к великому неудо-

вольствию крестьян. Они приходили в ярость и скоро начали угрожать.

Умерла ли Барбара от яда?

Этого я никогда не узнала, но решила закрыть оставшихся собак, чтобы они не стали невинными жертвами местных несговорчивых крестьян.

Перед неизбежной злобой человека, который систематически разрушает то подобие рая, которое я пытаюсь выстроить, перед неотвратимой судьбой, которая беспощадно угрожает жизни тех, чья смерть и без того должна наступить, во мне нарастает глухое и глубокое возмущение, безмерное отчаяние, чувство бессилия, и это ставит под сомнение всю мою жизнь, моя грудь переполняется невыплаканными рыданиями, к глазам и к сердцу подступают сухие, но обжигающие слезы.

Я начинала медленно, но убежденно ненавидеть человечество за его бесчеловечность!

Почему нужно отказывать собакам, кошкам, вообще животным в праве жить свободными? По какому праву их убивают, когда они весело резвятся в поле соседа?

В тот день перед трупиком Барбары я поклялась, что всю свою жизнь я буду мстить за нее, за них всех. Как? Я точно еще не знала, но мной двигала такая сила, которая однажды должна будет взорваться.

Будущее доказало, что мой инстинкт не обманул меня. Все собачки, которых я взяла в АЗЖ, пообещав им счастливую, полную любви жизнь рядом со мной, были рано или поздно убиты охотниками!

Перед отъездом в Мерибель Гюнтер то появлялся, то исчезал. Я проводила много времени в Базоше. Вместе с моими амазонками, Моникой и Самиром мы много гуляли в сопровождении Корнишона и своры собак!

Забавная была процессия животных, бегущих по влажным пахотам, рыская повсюду. Впереди двигался Корнишон, иногда он устремлялся на сто метров, устраивая родео, выражая свою радость счастливым ляганьем, перемежая его решительным «иа-иа». Иногда какая-нибудь кошка, большая авантюристка, чем другие, следовала за нами, но затем быстро возвращалась на свою мягкую и теплую подушку. Мы возвращались грязные, в навозе, но донельзя счастливые! Добрая чашка чая у огня, собаки, улегшиеся у ног, — это было счастье. Когда Гюнтер соизволял осчастливить меня, разделяя мою крестьянскую жизнь, Самир приносил вино «Шато Марго», хрустальные бокалы и приличествующие моменту скатерти и салфетки.

И сразу же собакам было запрещено появляться в моей спаль-

не, а кошки благоразумно прятались на кухне, паккая иногда белую скатерть.

Однажды мне позвонил Жан-Поль Стеже, он в последний момент сумел выручить с бойни двух козочек. Не могла ли я приютить их в Базоше?

Они стали прекрасными подружками Корнишону. Я открыла для себя ум, лукавство коз. Эти плохо изученные животные так же преданны, как и собаки, и они все понимают. Я не знала, что их убивают, как и баранов, — до каких пределов может довести человека обжорство?

Козы оказались тяжелыми и вскоре родили двух козлят — живые плюшевые нежные игрушки — они кричали совсем как младенцы и не переставали удивлять меня своей грациозностью, доверчивостью и хрупкостью. Когда подумаешь, что им перерезают горло в самом нежном возрасте, им, испуганным беззащитным детям, плачущим, умоляющим пощадить их, умоляющим нас, варваров...

Это напомнило мне удивительную историю о человеке в ресторане, которому принесли салат, а он требовал мяса. Тогда ему подали живого голубя и нож!

Если бы каждый из нас должен был убить собственными руками животное, которое пойдет в пищу, то миллионы стали бы вегетарианцами!

В Мерибель я уехала с тяжелым сердцем...

Мне было трудно покинуть хозяйство в Базоше, да и многое изменилось с тех пор, как я стала жить с Гюнтером. Как он будет чувствовать себя в этой маленькой деревне, вдали от светской толпы, к которой так привык?

Напрасно Самир отправил туда белье, бокалы, вина, икру и Маргарет, горничную, а я зря взяла с нами мадам Рене, Гуапу, свои чемоданы, набитые хорошими решениями и элегантной одеждой: Мерибель был страшно далеко от Гстаада и Сен-Морица, слава Богу! Конечно, в шале набилось полным-полно друзей Гюнтера: Жан-Ноель Гренда и его жена Флоранс, Жерар Леклери, Самир и Моника!

В течение одной недели все шло нормально.

Затем Гюнтер начал грызть ногти с досады: нашим вечерам не хватало перца! Джонни и Сильви приходили ужинать — несколько месяцев тому назад она родила. Гюнтер тоже возжелал рождественского подарка типа: «Мадам, я хочу, чтобы вы сделали мне ребеночка».

Только этого не хватало!

И речи не могло быть, чтобы я снесла яйцо!

Тогда еще не существовало противозачаточных средств. Лишь пробежка до ванны и метод Огино* могли гарантировать относительную безопасность. Я постоянно совала нос в календарь: отсчитывала семь первых дней, затем — полная абстиненция, потом последняя неделя, снова можно заниматься любовью. Любовь стала математическим программированием, из которого вытекало худшее или лучшее, в зависимости от занимаемой точки зрения!

Я бы предпочла вернуться в монастырь, принять навечно обет целомудрия, чем снова испытать тот ад, который я прошла с рождением Николя. Видя отсутствие энтузиазма перед перспективой превратиться в курицу-несушку, Гюнтер решил уехать в Сен-Мориц, чтобы дать мне время подумать на возможными последствиями моего отказа! Я очутилась одна в Мерибеле, Самир, Моника, мадам Рене и Маргарет не служили мне подспорьем. Я взяла Гуапу на руки и долго-долго плакала.

Этот шантаж с взыванием к материнским чувствам был возмутителен!

Если брак может стать ставкою глупого и необдуманного пари, то ребенок, появившийся на свет в результате этого союза, в любом случае не может быть следствием гнусной игры случая.

Шале разом показалось мне мрачным.

Я решила провести один вечер в Куршвеле, встретиться с подругой, Жаклин Вейсьер, посетить ее клуб Сен-Николя, где всегда было гостеприимно и радостно. Там я встретила Жана Букена и его жену Симону. В сезон они открыли бутик, всегда на грани эксцентричности, от их присутствия мне стало хорошо. Я танцевала одна, вызывающая (но вызывать, привлекать было некого), выпила слишком много шампанского, стараясь забыть среди этих пар, что я должна была быть рядом с Гюнтером!

Гюнтер не возвратился.

К счастью, в феврале всего 28 дней, и я с облегчением собрала свои вещи; все отправились по домам, кто на авеню Фош, кто — на авеню Поль-Думер.

Едва я вернулась, как мама Ольга сунула мне под нос «великолепный» проект, скетч, созданный по мотивам «Необыкновенных историй» Эдгара По в постановке Луи Маля. Моим партнером будет Ален Делон, съемки будут проходить в Риме в начале лета. Они не займут много времени, зато платят щедро, мое положение упрочится, мои акции поднимутся.

Я подписала контракт. В конце концов, не стоит бездельничать, пребывая в ожидании мужа, такого же неуловимого, как и ветер.

Гюнтер нашел эту мысль превосходной. Он был очарован

---

* Огино Киусаки, японский врач, 1882—1975, изобретатель методики естественного контроля за рождаемостью.

Римом и тут же снял великолепный дом на виа Аппиа Антика сроком на три месяца. Приемы, ужины, обеды на авеню Фош не утомили его.

Благодаря Гюнтеру я познакомилась с удивительными людьми: Дали, Сезаром, Жоржем и Клод Помпиду, Ги и Мари-Элен де Ротшильд, Дадю и Нэнси Русполи, с фон Бисмарками, шахом Ирана и императрицей Фарах, принцем Ренье и Грейс и даже с генералом Де Голлем! Гюнтера все интересовало, у него была жажда познаний, встреч, открытий. Ненасытное чувство новизны, неизведанного. Он был страстным исследователем жизни, ее многочисленных граней, ее тайн. Я же была полной противоположностью, я чувствовала себя уязвимой и потерянной, стоило мне выйти из моего потаенного мира.

Общаясь с Гюнтером, я открыла для себя новый, обогативший меня мир, и это позволило мне определиться с выбором, расцвести, расширить свою точку зрения на вещи и на людей.

Не могу не вспомнить о сказочном вечере в ресторане «Максим», куда я приехала с босыми ногами, о чем не преминула сообщить светская хроника.

В ту пору Гюнтер увлекся кино. Он мечтал об экстравагантном фильме, где был бы сумасшедший сюрреализм и резкая эротика!

Разумеется, в центре его бессмысленных фантазмагорий была я. Он собирался снять фильм о моей жизни... до этого ни один режиссер не сумел правильно снять меня, а он, Гюнтер, даст раскрыться моему таланту, моей красоте, моим многочисленным достоинствам. Я недоуменно слушала все эти истории, усиленные жестикуляцией, с раскатистым «р», но при этом его речь была совершенно безумной, без начала, без конца!

Да хранит меня Господь от новой причуды моего мужа!

А пока он только что снял в Кении вместе с Жераром Леклери документальный фильм о диких животных. Работа вышла неинтересной, ни один прокатчик не обратил на нее внимания. В течение двух лет фильм валялся в подвале на авеню Фош, но Гюнтер решил, что выставит его вне конкурса на ближайшем фестивале в Каннах в мае, а я украшу своим присутствием этот вечер и таким образом обеспечу всеобщее одобрение организаторов фестиваля.

Вот об этом не могло быть и речи!

В течение многих лет ноги моей не было в Каннах, я ненавижу эту свалку, драку за призы, я не появилась бы там, даже если был бы выбран фильм с моим участием. И уж я не изменю своего мнения ради дерьмового фильма!

«Мадам, — ответил мне Гюнтер, — если вы не согласитесь, я разведусь!»

«Ладно, месье, разводитесь».

Оскорбленная, я хлопнула дверью и стала ждать продолжения...

* * *

Я окончательно переехала на авеню Поль-Думер, и жизнь вошла в свою обычную колею. Я тщетно ждала новостей от Гюнтера или объявления о нашем разводе. Ничего!

Я снова встретила Фи-Фи. Он тем временем страстно влюбился в Сведу! Мои амазонки явно были неотразимыми, единственная проблема заключалась в том, что они были замужем.

Глория, моя ударница-чилийка, красавица, вышла замуж за Жерара Клейна и прекрасно жила с ним в любви. Только Кароль оставалась неприступным бастионом чистоты и безоговорочного безбрачия. У Жики и Анны родился второй сын, Пьер-Лоран. Мы вели совершенно разную жизнь и поэтому несколько отделились друг от друга, но на нашей дружбе это не отразилось.

Однажды вечером раздался телефонный звонок.

Я была занята, и трубку сняла Моника.

Звонил Валери Жискара Д'Эстен!

Я слышала, как она воркует своим хриплым голосом, охала, ахала! Мне это надоело, и я взяла трубку. Валери шепотом сказал, что безумно хочет познакомиться с обладательницей загипнотизировавшего его голоса! Я предложила ему зайти завтра выпить по стаканчику, он согласился. Но Моника сказала мне, что, к сожалению, ее не будет: она должна уехать из Парижа.

Ну и положение! Мне надо было заменить кем-нибудь Моника. Но кем?

Внезапно меня осенила дьявольская идея.

Я позвонила Клоду Деффу, близкому другу Саша Дистеля. Я хорошо знала Клода, он не был гомосексуалистом, но ради шутки всегда был готов переодеться в женское платье. Я рассказала ему эту историю, он смеялся, как сумасшедший. Я предоставила в его распоряжение мои парики, колготки, мини-юбки, только туфли не подошли ему: у меня размер 37, а у него 43. Мы договорились, что он приедет ко мне завтра к шести часам вечера и переоденется на месте. Ради правдоподобия и пушего веселья я пригласила нескольких близких друзей, предупредив их о шутке, которую я хотела сыграть с Жискаром.

Среди приглашенных были Жакки Шамиль, журналист-международник, весельчак, забавник, с чувством юмора, влюбленный в меня, брат Клода Деффа Кристиан, художественный директор в Си-Би-Эс, Кароль и Сведва, мои свободные амазонки, а также Фи-Фи. Я предупредила мадам Рене, что как только Жискара

Д'Эстен позвонит в дверь, она должна будет проводить его в салон, никоим образом не намекая на возможную шутку.

Все было организовано лучшим образом.

Я всюду погасила свет, оставив лишь свечи, огонь в камине и палочки ладана. Обстановка напоминала кабаре. Клод красился, прихорашивался и преображался в моей комнате. Он всюду разбросал вещи, парик здесь, одежда там! Настоящий бордель! А я помешана на порядке! Но ведь пошутить удастся не каждый день! Для себя я выбрала черную мини-юбку, светлый завитой парик, пуловер из черного хлопка с длинными рукавами и высокие сапоги; выглядела я очень изысканно и сексуально. Затем вместе с друзьями мы уселись в полумраке салона перед бутылкой шампанского и принялись ожидать визита.

Мадам Рене ввела в салон Жискара.

Он вежливо поздоровался с нами, отвесил дежурные комплименты и осведомился о Монике! Звонок в дверь объявил нам о «ее» приходе. У меня сжалось сердце при виде силуэта Клода в полумраке салона. Надо заметить, что ноги у него были несколько кривые, как будто он десять лет просидел на бочке. Ну и пусть!

Я представила всех «Монике», обладательнице хриплого голоса и кривых ног. Ну и пусть!

Валери галантно поцеловал «ей» руку, задержав на ней взгляд. Затем он сразу же заявил, что вынужден покинуть нас, сославшись на работу, обязательства и так далее и тому подобное. Я предложила поужинать вместе, но Жискара быстро откланялся, слишком быстро.

Мы попытались найти объяснение этому поспешному уходу.

Увидев волосатые руки Клода, я сразу же поняла реакцию Валери. Знаю, что этот анекдот о министре, целующем руку женщины, переодетого женщиной, войдет в анналы истории той эпохи, когда все было возможно, особенно у меня в доме.

Валери не удалось одурачить, он простил меня лишь спустя много месяцев. И, наконец, став президентом Республики, которую я олицетворяла, он отпустил мне грехи, поддержав мою борьбу в защиту детенышей тюленей.

Спасибо, Валери, за вашу снисходительность и, главное, спасибо за вашу поддержку на национальном уровне в тяжелой борьбе, победа в которой еще не наступила.

По делам, связанным с телешоу, в котором я обязательно должна была сниматься в конце года, мне пришлось встретиться с Бобом!

Он разволновал меня! Мне не стоило уходить от него... Боб

был сама любезность, он не затаил на меня обиду, лишь сожалел о том, что я не достигла того счастья, которое заслуживаю!

Ну я и разрыдалась в его объятиях.

Однажды он приехал в Базош вместе с Фи-Фи, своим псом Фюльбером, Свевой, Кароль и Жан-Мишелем Франсуа провести у меня уик-энд. Мы играли в покер, гуляли с собаками, ласкали кошек, Корнишона, лукавых козочек и их плюшевых отпрысков!

Все было весело и просто, как и раньше!

Когда надо было уезжать в Париж, я обнаружила, что к воротам привязан большой черно-белый пес... непонятно было, откуда он взялся! Бедный славный песик, брошенный бессовестными мерзавцами! Он выглядел таким доверчивым, таким нежным, таким потеряннным. Я не раздумывая взяла его и назвала Проспером. Проспер прожил в «Мадраге» до 1983 года! Он был образцом нежности, преданности, доброты.

Я была вынуждена отделить самок от самцов, чтобы избежать анархического всплеска рождаемости. Распространенная ныне стерилизация в ту пору не существовала.

Было решено, что для «Шоу Бардо» самые знаменитые композиторы напишут песни, которые я буду петь или танцевать под них. Таким образом, контракты были подписаны с Франсуа Бернемом, Сержем Гейнзбуром, Клодом Боллингом, Жераром Буржуа, Нино Ферре... Я слушала музыку на гибких пластинках и сразу определяла, берет она меня за душу или нет. Выбирала я, не колеблясь.

Ольга предложила мне роль в американском фильме, съемки которого начнутся в начале 1968 года на юге Испании, моим партнером будет Шон Коннери. Это вестерн из жизни 80-х годов прошлого века, ставить его будет Эдвард Дмитрик. Прокат фильма ожидался самый широкий, но съемки должны обязательно проходить на английском языке.

Поэтому я и послала маму Ольгу. Но она все же оставила этот проект в загашнике. Хотя Ольга и родилась под тем же знаком, что и я, — Весы, — она полная противоположность мне: терпеливая и дипломатичная.

* * *

Мама регулярно сообщала мне новости о Николае.

Его отец снял для него дом в Монфор-л'Амори, где он жил с Мусей. Монфор находится в 4-х километрах от Базоша, зачем Жаку снова надо было унижать меня? Я позвонила ему. Мой бывший муж был безжалостен. По его словам, Николае нуждался в спокойной, организованной жизни, подальше от того безала-

берного цирка, в который превратилась моя беспорядочная и возмутительная жизнь!

Я швырнула трубку!

Что за идиот, мещанин с головы до жопы, не способный на прощение, на щедрость, лишаящий под надуманными предлогами мать собственного сына.

Действительно, я человек своеобразный, но без капли лицемерия.

Я жила по принципу: день да ночь — сутки прочь! Как одинокая мореплавательница, я старалась худо-бедно привести свой корабль в ближайшую гавань.

Я поехала навестить Николая. Это была катастрофа.

Мы были чужими друг другу. Его маленький мирок отталкивал меня, я была исключена из него. Я поняла это и, со слезами на глазах, вынуждена была смириться с этой жестокой реальностью. Ребенка приручить так же тяжело, как и зверя. Нужно время, терпение, снисходительность, а я начисто лишена этих качеств.

Мой импульсивный характер требует немедленного исполнения малейшего из моих желаний. Из-за этого у меня в жизни было много проблем, но были и успехи. Я не поступаюсь принципами, я не выношу, когда дела откладываются в долгий ящик, — все можно и нужно делать незамедлительно. Я ненавижу примиренчество, суконный язык, пустые рассуждения, когда откладывают на завтра то, что может быть сделано немедленно. Я непреклонна по отношению к самой себе и к другим. Без жалости.

Другая сторона моего характера — это вялость, когда нет неотложных проблем. Планы подернуты далекой фантастической дымкой! Вспоминаю, как Гюнтер однажды сравнил меня с парусником, чьи паруса полощутся в безветрии, и он застыл на месте во всей своей красоте и мощи! Ветер — силу, благодаря которой я двигаюсь вперед, — я черпаю в других людях. Лишенная этой поддержки, я затухаю, как свеча без кислорода.

Эта зависимость и есть Ахиллесова пята моей жизни.

Итак, в ту пору я пребывала в полном отчаянии, не зная к чему или к кому прилепиться, это была моральная катастрофа, которая останавливала любую мою инициативу. Гюнтер иногда появлялся на авеню Фош — я знала это от Моники — а я, не имея новостей от него, медленно и грустно умирала.

Многие мужчины излишне активно ухаживали за мной, в том числе и лучшие друзья Гюнтера, это возмущало меня. Их примеру следовали и некоторые композиторы, с которыми я репетировала, и это было мне отвратительно.

Против моей воли, но я храню верность.

Все эти мужчины были бесцветными копиями, без запаха, без вкуса исключительного человека, которому я была отдана.

Я знала, что Гюнтер обманывает меня.

Должна ли я отплатить ему той же монетой, не имея на то ни малейшего желания, как будто проглотить горькую микстуру, испачкаться от этой мести? Нет! Я была слишком привязана, слишком влюблена, я слишком цельная натура, чтобы принудить себя на отвратительный мне поступок.

После нескольких недель ожидания, наконец, позвонил Гюнтер.

Он поставил передо мной жесткую дилемму: или я соглашаюсь представить фильм «Батук» на закрытии фестиваля, или мы окончательно перестаем видеться. Я согласилась. Снова вернулась большая любовь, романтизм, незабываемый вечер в русском кабаре «Распутин», снова началась большая игра!

Затем, в связи с этим вечером в Каннах, встал вечный вопрос: что мне надеть? Гюнтер пригласил на авеню Фош целую делегацию от Диора, те привезли просвечивающие вечерние платья. В них я чувствовала себя ряженой. Я побежала к Букену, и тот сделал мне в два счета черный смокинг и кружевную сверхромантическую блузку.

Это был мой стиль, я, не раздумывая, купила этот костюм.

И вскоре, в сопровождении Гюнтера, вовсе не успокоенная, я попыталась на заключительном вечере в Каннах проложить себе путь посреди истеричной толпы, которая — увы! — мне была слишком хорошо знакома. На меня напирали, толкали, сдавливали, я задыхалась, но улыбалась, да, улыбалась. В тот вечер Жан-Клод Соер, один из самых великих фотографов «Пари-Матча», был расплюснен толпой в лепешку, было много раненых, полиция не справлялась, ее несла вышедшая из-под контроля человеческая волна, хлынувшая на ступени старого дворца, принимавшего Каннский фестиваль 1967 года.

Гюнтер был мертвенно бледным, думаю, что он очень испугался и понял, хотя и с опозданием, причину моего отказа.

«Батук» был принят без энтузиазма. Я вручила на сцене Мишелю Симону медаль, не знаю уж за что, но уж он-то в любом случае заслужил награду.

Это было последнее мое официальное появление на публике!

XXIII

Ах, как я люблю Италию!

Я была счастлива новой встрече с Римом и чудесной виа Аппия Антика, древнеримской дорогой, соединяющей город с портом Остия.

Ее старые мостовые, ее развалины, ее типичные гостеприим-

ные траттории, роскошные усадьбы! Ее кипарисы, зеленые пространства! Как это красиво, ценно, это — настоящая редкость. Дом был такой, какой я люблю: красивый, роскошный и удобный! Полно вышколенных и невидимых слуг. Самир и Моника все приготовили — просто мечта!

Очень быстро это мирное пространство захватили проклятые души Гюнтера, превратив его в дом отдыха для миллиардеров. Я получила право пригласить некоторых своих амазонок. Я встречалась с Луи Малем, чтобы обсудить будущие съемки «Необыкновенных историй», а Гюнтер пригласил двух сценаристов, американца и француза, Жерара Браша, для написания сценария пресловутого фильма о моей жизни, снявшись в котором я стану самой знаменитой из всех звезд!

Я встречалась с Аленом Делоном, игравшем в том же скетче Луи Маля, а Гюнтер мечтал пригласить для «своего» фильма самых престижных звезд американского кино: Грегори Пека, Берта Ланкастера, Чарльтона Хестона, Пола Ньюмена и других.

Луи Маль, Ален Делон и я стали практически бедными родственниками в ударной команде Гюнтера!

Ничто не выводит меня из себя больше, чем презрение, которое я временами испытываю к людям, выходящим за рамки своих возможностей! Именно это чувство я испытывала по отношению к Гюнтеру и его кинематографическим претензиям.

В новом фильме я носила громадный иссиня-черный парик, который закрывал мне лицо, как шапка наполеоновского гусара; он был совершенно не нужен и неудачен! Я так и не поняла, почему Луи Маль хотел изуродовать меня таким образом.

Это — профессиональный риск.

На съемках я целыми днями сидела в обществе молодых офицеров, играла в покер с Аленом Делоном и бесстыдно выигрывала, пока удача не отвернулась от меня. В качестве расплаты за карточный долг я должна была получить удар хлыстом на глазах у насмешливых и нахальных зрителей. Фильм был не очень интересным, и я умирала со скуки.

Вместе с Аленом я снималась во второй раз. Первый фильм был скетч «Агнес Берноер» в «Знаменитом любовном романе», вышедший в 1961 году. Оба фильма были неудачными! Явно коктейль Делон-Бардо не стал взрывным. И наши отношения никогда не переходили за рамки ухаживания, в них не было теплоты, сообщничества. Делон был слишком озабочен тем, как падает свет на его лицо и знаменитые синие глаза, чтобы проявить интерес к партнерше, бывшей для него одной из многих теней.

Конечно, Ален красивый мужчина.

Но и комод эпохи Людовика XVI из моего салона тоже красивый!

Но общаться с Аленом — это то же самое, что общаться с комодом! Это лицо, эти глаза ничего не выражают, они не волнуют, не притягивают, в них нет и намека на правду, на чувство, на страсть. Ален — существо холодное, он крайний эгоист; чтобы согреться, он не придумал ничего лучшего, как сняться в рекламе меховых изделий. Вместе с Софи Лорен!

Мои отношения с Гюнтером портились день ото дня.

Возвращаясь после съемочного дня в чудесный дом на виа Аппиа Антика, я попадала в улей, гудевший о нелепых проектах суперфильма, где каждый из присутствующих придворных высказывал свою идею, свою точку зрения. Гротеск!

Мое терпение лопнуло в тот день, когда Гюнтер решил пригласить маму Ольгу для окончательного подписания контракта, что позволило бы ему, пользуясь моим именем, запустить сумбурный, беспорядочный и несостоятельный проект!

Я и так уже испытала стыд, согласившись, хотя и по принуждению, протолкнуть его дурацкий документальный фильм на фестивале в Каннах. Так что сейчас я не собиралась поставить свое имя и известность на службу капризам какого-то плейбоя, который безуспешно ковырялся с постановкой совершенно несерьезного фильма!

Мне до смерти надоело это скопище идиотов, один глупей другого, которые верили, бессмысленно разглагольствуя и попивая шампанское и виски, что они перевернут весь мир.

27 июня я узнала о смерти Франсуазы Дорлеак.

Я была потрясена трагическим концом этой красивой молодой женщины, заживо сгоревшей в своем автомобиле, из которого она не смогла выбраться, вместе со своей собачкой став пленницей неумолимой и драматической судьбы. Я не знала ее, но несправедливость этой смерти заставила меня плакать. Я постоянно, неотвязно думала о ней. Франсуаза была из породы звезд, у нее было образование, талант, ее личность позволила бы ей достичь самого высокого уровня. Но особо я думала о страшной тревоге, о безумной агонии.

* * *

Я мечтала убежать из этого мира несчастья, в котором жила. Мой отказ подписать контракт подлил масла в огонь. Война между Гюнтером, его кликой и мной вновь была объявлена.

Я жила как в карантине. Сидя на ступеньках крыльца вместе с Гуапой, играла на гитаре, а эти господа тем временем «работали»,

названивая в Нью-Йорк, Лос-Анджелес лучшим агентам и самым популярным звездам, козыряя моим именем!

Я позвала на помощь Луи Маля!

Пьер С., директор фильма, красивый и очаровательный молодой человек, возвращался в Париж и мог захватить меня и Гуапу. Я воспользовалась случаем и исчезла, как будто меня и не было. Путешествие в автомобиле было долгим и тяжелым, но присутствии Пьера согрело мне душу!

Утомленная пережитым, я нашла в его объятиях нежность, умиротворение, он пролил мне бальзам на раны. Наши отношения стали началом глухой мести, мести, которая долго зрела во мне и чье наступление я откладывала день за днем.

В моей квартире в Париже телефон не умолкал: Гюнтер волновался, недоумевал, задавал себе вопросы!

Он вечно задавал себе вопросы!

Слегка запутавшись — нужно это признать — я пыталась в Базоше среди моих зверей подвести итоги! В этой роскошной и спокойной глуши я жила одна к вящей радости моих сучек, получивших возможность вновь вести жизнь потаскушек; кошки ласкались ко мне, рядом был мой Корнишон и козочки, маленькие и большие. Какое счастье, умиротворение дарят животные! Их никто не может заменить!

Мама Ольга, напуганная перспективой фильма Гюнтера, быстро заставила меня подписать контракт на «Шалако» с Шоном Коннери.

Я вспоминаю вечер 13 июля в квартире на авеню Поль-Думер.

Грустная годовщина, плачевный итог года супружеской жизни! Наконец, примирившись с неизбежностью, Гюнтер и я решили провести вечер при свечах с шампанским «Дом Периньон», но это вышло фальшиво. Я с отчаянием видела ухудшение наших отношений, горько вспоминая безумное путешествие в Лас-Вегас, обжигающую нас страсть, которая заставляла принимать самые необычные решения, непреодолимое и неконтролируемое желание друг друга... а ведь минул лишь год!

Я жила только страстями!

Страсти бывают короткими, мимолетными, ты мчишься сломя голову, оставляя за собой горечь и разочарование.

Как обычно, я ринулась в свою заводь, хотя она и не была такой уж тихой — «Мадраг»!

Гюнтер приехал за мной на яхте, взятой напрокат Жераром Леклери. Я была вынуждена провести несколько дней в районе мыса Антиб среди орущей толпы отпускников, мешавших нам спать, купаться, жить в прямом смысле этого слова! Я была счастлива вернуться к себе домой, пусть даже Гюнтер появлялся там

лишь на короткое время. Он должен был отправляться налево и направо, я же оставалась посередине, заботясь о своих собаках, несмотря на толпу, шум, жару и свое горе.

* * *

В сентябре появились Боб и Райхенбах.

Я должна была выполнить контракт. Для начала я спела «Мадраг», потом «Солнце»; на пляже меня подняли в воздух на парашюте, несмотря на мои вопли. Я думала, что у меня сердце разорвется. Моя дублерша, великолепная Хейди, снялась вместо меня в общих планах.

Затем я отпраздновала свое 33-летие в окружении гитар, цыган, став королевой вечера, а королем был цыганский царь Манитас де Плата. Райхенбах снимал этот уникальный вечер в мою честь у Дебаржа, в его роскошном доме на пляже в Пампелоне, где было два бассейна, один с морской водой, другой с пресной, стояли деревянные бунгало Новоорлеанского стиля, разнородная толпа была частью декораций.

Гюнтера не было.

Он ограничился телеграммой. Я вступила в возраст Христа, как и он, я страдала — конечно, по-другому, но страдания нельзя измерить.

Съемки на Лазурном берегу закончились, я едва успела сложить свои вещи, перецеловать собак, которых не увижу до следующей весны, оставить «Мадраг» на сторожей, сделала остановку на авеню Поль-Думер и очутилась в Лондоне.

Несколько пародируя «Битлз», я спела в тумане перед невозмутимыми королевскими гвардейцами Букингемского дворца песню «Дьявол — англичанин», раньше я записала ее на английском языке, но, несмотря на все мои усилия, она не имела успеха ни во Франции, ни в Англии.

В Париже я продолжила работу в телестудии. Эдди Маталон сменил Райхенбаха. Я начала серьезно волноваться, видя неспособность и одного, и другого. Никто ни за что не отвечал, у меня не было ни гримерши, ни костюмерши, я должна была сама возиться с собственными костюмами и косметикой, парикмахеры же мне были не нужны.

Я готова была все бросить, когда позвонил Серж Гейнзбур. Он говорил мало и очень тихо. Ему надо было встретиться со мной, чтобы я послушала одну или две песни, которые он написал для меня. Есть ли у меня пианино? Да.

Серж приехал на авеню Поль-Думер.

Я была так же смущена, как и он.

Странно, как застенчивые люди могут пугать и смущать друг

друга! Он играл на пианино песню «Харлей Дэвидсон». Я ни разу в жизни не ездила на мотоцикле и была очень удивлена этой песней. Я сказала Сержу об этом. С грустной и горькой улыбкой он признался мне, что сам никогда не водил ни машину, ни мотоцикл, но это не мешало ему рассказывать об этом на свой манер! Я не осмелилась петь перед ним: в его взгляде было нечто сковывающее меня. Какая-то робкая дерзость, ожидание с оттенком смиренного превосходства, странные контрасты, насмешливые глаза на удивительно грустном лице, холодный юмор, слезы на глазах.

Я робко пыталась выдавить из себя: «Мне никто не нужен на моем Харлее», но слова застревали в горле, я фальшивила, бормотала эти отчаянные слова, как молитву «Отче наш» во время помазания. Серж спросил, есть ли у меня шампанское.

— Да, оно у меня не переводится!

— Давайте выпьем по бокалу, надеюсь, это «Дом Периньон», «Дон Рюинар» или «Кристалль Редерер»?

— Нет, у меня только «Мое э Шандон»!

— Ладно! Завтра у вас будет ящик «Дом Периньон».

Мы распили бутылку «Мое э Шандон».

Песня «Харлей Дэвидсон» получилась у меня дерзко и чувственно.

Серж был доволен. Я тоже.

На следующий день я получила ящик «Дом Периньон». Гейнзбург вернулся порепетировать еще — лед был сломан. В течение этих дней мы опустошили весь ящик, но вскоре запасы шампанского были пополнены.

Однажды поздно вечером я записывала «Харлей Дэвидсон» в студии «Барклай» на авеню Фридлянд. Моя чилийская амазонка Глория пришла со своим мужем Жераром Клейном. При виде этой счастливой пары у меня появилась ностальгия по любви. После записи мы отправились поужинать. Под столом я легко коснулась руки Сержа.

Я чувствовала внутреннюю потребность быть любимой, желанной, принадлежать телом и душой мужчине, которым я восхищаюсь, которого люблю и уважаю.

Моя рука в его вызвала у нас обоих шок, нескончаемое слияние, бесконечный и неконтролируемый удар током, у нас появилось желание слиться, раствориться друг в друге, это было редкое явление из области алхимии, бесконечно целомудренное бесстыдство. Мы обменялись взглядами и больше не отрывали глаз: мы были одни в мире! Одни в мире! Одни в мире!

Позже Глория объяснила мне, что мы не заметили ее ухода, а

она сама не поняла, что происходит, настолько напряжение было заразительным и взрывным.

С этой минуты, которая продлилась целый век и не кончается по сию пору, я больше не покидала Сержа, а он меня.

Это была безумная любовь — о такой любви можно мечтать — эта любовь останется в нашей памяти, о ней напишут.

И сегодня, когда говорят о Гейнзбуре, его имя неизбежно связывают с именем Бардо, хотя в его жизни было много женщин, а в моей — мужчин. С этого дня, с этой ночи, с этого мгновения ни одно другое существо, ни один другой мужчина не значили в моей жизни больше, чем он. Серж был моей любовью, он вернул меня к жизни, я вновь стала красивой, я была его музой.

Черт с ним, с Гюнтером, мужем-дешевкой, марионеткой из шоу-бизнеса, от которого я не имела никаких новостей. Серж безбоязненно переехал ко мне на авеню Поль-Думер — ведь раз у меня не было ключей от квартиры на авеню Фош, то у Гюнтера не было моих ключей!

Ночи напролет Серж сочинял чудесные песни на моем старом пианино «Плейель». Однажды утром он преподнес мне подарок любви, песню «Я люблю тебя — я тебя тоже... не люблю».

Он плакал, я плакала, пианино тоже... нет.

Мадам Рене порхала в небесах, Гуапа трепетала, как девушка, дом был полон цветов, шампанского, музыки, счастья. Благодаря таланту Сержа телешоу имело успех.

Он организовал постановку. Он выбрал из моего гардероба наиболее удачные платья, он же оголил меня. Серж направлял меня своими советами, именно он талантливо провел запись песни «О! какой он мерзкий» Жан-Макса Ривьера, которую тот написал в пику ему, — и это несмотря на деликатность ситуации. Впрочем, песня не имела никакого успеха.

Однажды ночью Серж наигрывал на пианино, не выпуская сигарету изо рта, а я заснула. Утром он спел мне «Бонни и Клайд». Это было в 1967 году — с триумфом прошел фильм с Уорреном Битти и Фэй Данауэй в главных ролях. И нас ожидал успех с этой песней, написанной Сержем в ту ночь.

После съемок мы начали вести светскую жизнь.

Рядом с Сержем я становилась удивительно красивой.

Мы не прятались, наоборот, мы охотно выставляли напоказ нашу страсть. Ночи напролет мы танцевали в кабаре, прижавшись друг к другу. Серж считал, что мою красоту надо подчеркивать, поэтому он водил меня в рестораны «Максим», «Распутин», где он раздавал ежеминутно цыганам купюры по 500 франков, чтобы увидеть, как мои глаза блестят от слез при звуке скрипок.

Мы покидали рестораны пьяные от шампанского, от русской музыки, у нас кружились головы, нас пьянила гармония, любовь, мы были без ума друг от друга.

Записывая поздно ночью в студии «Барклай» «Я тебя люблю — я тебя тоже... не люблю», мы держали в руках по микрофону. Нас разделял всего один метр, и мы взяли за руки. Мне было слегка стыдно изображать любовь с Сержем стонами желания и счастья перед работниками студии. Но ведь я лишь играла ситуацию, как на съемке фильма. Да и Серж успокаивал меня пожатием руки, подмигиванием, улыбкой, поцелуем.

Это было хорошо, это было прекрасно, это было чисто, это были мы.

Однажды я получила приглашение от месье Гюнтера Сакса на празднование его 35-летия, 14 ноября 1967 года, на авеню Фощ!

Земля разверзлась у меня под ногами!

Гюнтер находился от меня на расстоянии в миллионы световых лет, и все же! Серж посоветовал мне пойти на день рождения, — в конце концов, я была законной женой Гюнтера.

Но я не пошла. В конце концов, я была незаконной женой Сержа, а я обожаю нарушать закон.

Но я была вынуждена встретиться с Гюнтером. Это была битва титанов, словесная дуэль, в которой выяснилось поражение и королевы, и короля! Он яростно упрекал меня за связь с этим ужасным типом, с этим скоморохом, Квазимодо, с которым я появляюсь на публике лишь для того, чтобы поставить его, Гюнтера, в смешное положение. Если бы я вела себя скромнее, мой муж закрыл бы глаза, но сейчас он вынужден реагировать, он не может себе позволить согласиться и т. д. и т. п. Я возразила, что он изменял мне куда больше, а месье — это блюдо, которое едят холодным, а иногда и ледяным.

Серж был натурой эмоциональной, он вечно волновался, боясь потерять меня, и всякий раз, когда я возвращалась, это было для него чудом. Он не мог поверить, что я сделала выбор в его пользу, и наши встречи были настолько страстными, что, казалось, мы не виделись целую вечность, хотя мы расстались на несколько часов. Он купил мне у Картье обручальное кольцо, надел его на безымянный палец левой руки, после того как я сняла три кольца: синее, белое и красное, подаренные мне Гюнтером.

Никто не умеет разводиться так, как я.

Серж сделал из меня странную Барбареллу-брюнетку в «Комик-Стрип» где я выражалась весьма односложно: «Шебам, поу, блоп, вици!»

Шоу Райхенбаха без Райхенбаха, но с Сержем оно становилось

тем, чем должно было быть... Я записала по-английски «Все любят мою девочку» и отчаянно веселилась вместе с Клодом Боллингом, изображая звезду 1925 года. Во время съемок Серж стоял позади камеры. Дни пролетали в счастливом тумане. Шоу было закончено вовремя и вышло, как и было предусмотрено, вечером 1 января 1968 года.

* * *

Мне передали привет от фильма «Шалако»: я получила сценарий на английском языке!

Я так и не прочитала его, это было слишком сложно, я ничего не понимала.

Прошла примерка костюмов, на которую мне было наплевать как на прошлогодний снег. Мама Ольга привезла целую команду американцев, и те часами несли чушь о смысле моей роли, ее важности, о том, как мне повезло сниматься вместе с Шоном Коннери в фильме великого Эдварда Дмитрыка!

Я слушала, думая о своем, говорила «йес, йес», курила сигарету, и ее голубой дымок уносил меня к Сержу.

Что он делает, ожидая меня?

Наверное, не находит себе места, мечется по квартире.

Съемки фильма должны были начаться в январе в Алмерии, на юге Испании, я буду занята два месяца!

В конце хмурого и дождливого ноября я получила два приятных известия. Мне присудили премию «Триумф популярности» на 22-й Кино-Ночи как самой популярной актрисе года! А из Елисейского Дворца пришло приглашение на прием в честь деятелей искусства и литературы, и президент Де Голль хотел бы видеть на этом приеме 7 декабря месяце Гюнтера Сакса и мадам Брижит Бардо.

Я всегда безмерно уважала Де Голля.

Хоть раз в жизни я должна была увидеть этого удивительного, незаменимого человека, наводящего страх, грозного, но гениального в своей эффективности, твердо взявшего в свои руки прозябающую Францию!

До него — крах!

После него — хаос! Он все предвидел!

Вместе с ним пришли честь, вновь обретенная мощь, крепость достойного и безукоризненного правительства, подъем нового франка. Неподкупные министры, достойные советники, суровый, уважаемый, неуступчивый глава государства — настоящий президент настоящей республики, железная рука в бархатной перчатке, уникальная личность, вызывающая страх и уважение.

Думаю, что я любила Де Голля так же, как я любила своего де-

душку Бума, они были одной породы. Пришедшие ему на смену были лишь его бледными копиями, и каждый следующий был хуже предыдущего, что и привело к полной деградации Франции, где колокольни наших брошенных деревень заменены мечетями и больше не звучит молитва «Ангелус» о даровании нам урожая, а из радиооборудованных минаретов звучат призывы к мусульманам на молитву. Гомосексуализм, став легальным, требует своего места в обществе, возможности заключения браков, усыновления детей. Вошли в моду наркотики, помогая выжить и забыться. Увы, всюду гуляет СПИД, пользуясь упадком нравов. Люди умирают сотнями тысяч, зло поедает их, обезглавливает, уносит.

Звучат призывы к народу, пришедшему в чувство из-за угрозы, которая ничего и никого не щадит. Создаются ассоциации на средства государства, которое не знает, куда еще вложить деньги, чтобы привлечь избирателей, а тем временем действующим министрам предъявляют обвинения, сажают в тюрьму за фальшивые счета, разного рода делишки и взятки — все это настолько бесчестно, что превосходит самое богатое воображение.

«Милая Франция, дорогая страна моего детства...»

Вернемся в декабрь 1967 года; я хотела познакомиться с Де Голлем.

Я встретила с Гюнтером, чтобы согласовать наши расписания с учетом этой важнейшей встречи. Накануне мы ужинали у Ротшильдов, где была и чета Помпиду. Жорж Помпиду был человеком удивительно умным, веселым, с чувством юмора, который относился серьезно лишь к серьезному. Я очень боялась завтрашнего представления Де Голлю и говорила лишь об этом! В чем я должна быть одета? Что я должна делать? После ужина, чтобы успокоить меня, Жорж и Клод Помпиду решили устроить генеральную репетицию. Они изображали генерала и тетушку Ивонну. Ги де Ротшильд и Мари-Элен играли роль четы Помпиду. Другие присутствующие стали адъютантом, министрами и распорядителем.

Было очень смешно.

Я вспоминаю, что Жорж взял меня за руку, сказал пару любезных слов, затем, наклонив голову, подтолкнул мою руку к следующему участнику церемонии, то же самое было и с Гюнтером. Такова была привычка генерала: чтобы сократить встречу, он подталкивал руку того, кто в данный момент рассылался перед ним в церемониях.

Вставал драматический вопрос: как мне одеться?

Жорж Помпиду ответил просто: «Как сегодня вечером, вы восхитительны». У меня был знаменитый костюм, смахивающий и на наряд дрессировщика, и на военную форму. О нем столько

было написано! До сих пор ни одна женщина не осмеливалась появиться в Елисейском Дворце в брюках, да еще на официальный прием!

И все же я поступила так.

7 декабря в резиденции президента толпился народ. В очереди стояли артисты, танцовщики, писатели, художники, все принаряженные, одетые с иголочки, расфуфыренные. Меха, шиньоны, драгоценности...

Вместе с Гюнтером, оробевшим, как и я, мы следовали по течению этой странной реки, а шлюзом была двухстворчатая дверь стиля Людовика XV с золоченой лепкой, ручками из золота. Она открывалась лишь тогда, когда церемониймейстер, увешанный золотыми цепями, впускал одного или двух человек, выкрикнув предварительно их имена, в следующем салоне этот клич подхватывал другой церемониймейстер. Затем дверь закрывалась. Мы продвигались на два шага, и так в течение более чем часа.

Наконец, я уткнулась носом в дверь, я устала от многочасового топтания на месте, нервничала, что от Де Голля, возможно, ничего не осталось после столь долгого ожидания.

Из этих размышлений меня вывел громогласный крик: «Мадам Брижит Бардо! Месье Гюнтер Сакс!»

Я вошла в зал, очень прямая, очень гордая, волнуясь больше, чем если бы я находилась на сцене самого великого театра. Я увидела группу официальных лиц, военных в форме. Мне показалось, что я встретилась взглядом с Жоржем Помпиду, и он подмигнул мне. Затем я очутилась перед президентом, который выглядел столь же протокольно, сколь и непроницаемо. «Здравствуйте, генерал», — сказала я, протягивая руку.

Тишина. Он внимательно посмотрел на меня, разглядел мой костюм, шитый золочеными бранденбурами, и ответил: «Вы имеете все основания обратиться ко мне подобным образом, мадам».

Что было потом, я не помню, замороженная присутствием Де Голля, его внушительной фигурой. Как и было предусмотрено, он легонько подтолкнул мою руку к своему соседу справа, а это был Помпиду! Несмотря на протокол, он был полон очарования и поручил меня заботам Клод, и та увела меня и Гюнтера выпить по бокалу заслуженного шампанского.

Сбылась мечта моей жизни.

Забавно думать, что вместе с Эйфелевой башней и Де Голлем мое имя стало во всем мире синонимом Франции. Мы стали неразлучной троицей, несмотря на нашу крайнюю непохожесть.

При выходе из Елисейского Дворца журналисты спросили о моем впечатлении. «Он гораздо выше меня», — ответила я. Этот единственный в нашей с Гюнтером жизни прием помог нашему

диалогу, сближению. Он снова восхищался мной — а это соединило нас — я превзошла его своей известностью, элегантностью... Именно это и нравилось Гюнтеру!

* * *

Снова я разрывалась между двумя мужчинами, которые так много значили для меня.

Серж искал квартиру.

До этого он жил в университетском общежитии «Пон Мари» для студентов, изучающих шоу-бизнес. Там у него была крохотная комнатка, в которой едва помещался рояль. Увидев один особняк на улице Верней, Серж пришел в восторг, он повез меня показать этот дом и поклялся, что превратит его во дворец из «Тысячи и одной ночи» для нашей любви.

А тем временем Гюнтер пытался заполучить меня обратно, для этого он купил квартиру, примыкавшую к его на авеню Фош, 32. Дверь в общей стене позволяла нам быть ближе и в то же время сохранить независимость! Конечно, мой муж хотел, чтобы я как можно быстрее переехала из своей квартиры на авеню Поль-Думер и вселилась в это бездушное, темное и унылое помещение, от чего я сразу отказалась. Произошел новый супружеский скандал!

Но худшее еще предстояло.

Ожидаемое появление альбома моих песен под названием «Я люблю тебя — я тебя тоже... не люблю» чуть было не стало причиной громкого развода.

Мама Ольга была предупреждена, что, если диск выйдет, Гюнтер разведется со мной, устроив при этом скандал на весь мир, который навсегда запачкает меня. Все эти истории выводили Ольгу из себя, она обрушила на меня град упреков за мое дурное поведение, отсутствие морали и скромности, за распутство! Короче, она устроила мне головомойку по первому классу, и даже мои слезы и рыдания не смягчили ее! Я получила то, что заслужила!

Мне пришлось немедленно направить письмо в компанию «Филипс» с настойчивой просьбой не выпускать этот диск с провокационной песней, которая ставит под угрозу мою личную жизнь, и назвать диск по-другому: «Бонни и Клайд».

Когда Гейнзбур узнал об этой все разрастающейся драме, он с присущей ему тактичностью согласился исключить из альбома, который вот-вот должен был выйти в свет, роковую песню. Пленка с ее записью была тайно спрятана в сейфах фирмы. Диск вышел, имел успех, но, конечно, меньший, чем могла бы принести песня «Я люблю тебя — я тебя тоже... не люблю».

Вечером 1 января 1968 года на телеэкранах с большим успехом прошло шоу Райхенбаха, Загури и Маталона, исправленное Гейнз-

буром. Я смотрела его на авеню Фош, куда Гюнтер пригласил нескольких друзей. Все восхищались, я была красива, хорошо пела, даже Гюнтер был горд. Только появление на экране Сержа вывело их всех из себя. Они критиковали его, он был так уродлив!

Какой ужас!

У меня на глаза навернулись слезы. Я не видела Сержа с момента того скандала с диском. Где он?

Наверное, он изводил себя, один, несчастный, в своей университетской квартирке, где единственным его другом был громадный рояль.

Послезавтра я должна была уезжать в Альмерию на съемки «Шалако». Гюнтер решил сопровождать меня.

Что мне делать? Я не хотела уезжать в эту забытую Богом дыру — Альмерию! Я не хотела сниматься в фильме, на который мне было глубоко наплевать! Я даже не прочитала сценарий, но уже ненавидела его! Вся в слезах, я позвонила Ольге, сказала, что готова выплатить неустойку, пройти через судебный процесс, больше никогда не заниматься кино, но только бы не уезжать, я не могла уехать, это было выше моих сил! Ольга пришла в неопишемую ярость, она кричала, что никогда не видела более безответственной актрисы, что сама отвезет меня в Испанию, вместе с Гюнтером. Я подписала контракт, получила аванс, съемки начинаются через неделю, я могу отказаться если только окажусь на смертном одре.

Я тщетно пыталась объяснить ей, что мой дух умирает, она не желала ничего слушать и повесила трубку. Да, в хорошенькую ситуацию я попала!

Я снова увидела Сержа в тот момент, когда собирала вещи на авеню Поль-Думер. Мадам Рене получила приказ никому не открывать двери. Серж набил мой чемодан любовными записками, нацарапанными на нотных листах. Гуапа тоже была не в духе: она чувствовала мой отъезд, нашу тоску.

В последний момент я проколола себе указательный палец правой руки и написала Сержу своей кровью: «Я люблю тебя».

Он сделал то же самое и написал: «Я тебя тоже... не люблю».

Затем смешались наши слезы, наши дыхания, переплелись руки, соединились губы. Дверь закрылась. Мы расстались, как оказалось, навсегда, но тогда мы этого не знали. Зато нам удалось избежать повседневной жизни, переходящей в привычку, сцен, которые со временем тушат самые бешеные страсти. От Сержа у меня остались лишь прекрасные воспоминания красоты, любви, юмора, безумств.

Говоря словами Маргерит Юрсенар, «время, этот великий скульптор», не разрушило наши отношения.

Ольга и Гюнтер отвезли меня, как конвоиры осужденную, в Альмерию!

«Альмерия, унылая равнина», несмотря на присутствие Моника, моей дублерши и сообщницы, подружки Самира, Глории, красавицы чилийки, «секретаря фильма», которая, естественно, говорила по-испански!

Мой «роллс», недавно перекрашенный в белый цвет, за рулем которого сидел тщательно отобранный среди других претендентов чернокожий шофер в белой куртке с золотыми пуговицами, ожидал нас в аэропорту Малаги. В окружении своей команды я вновь стала «звездой», появившись в холле гостиницы «Агуадальче». Странная была эта 13-этажная гостиница, возвышавшаяся среди засушливой пустыни. Строительство было едва закончено, и вокруг стояли бетоноукладчики, похожие на фигуры из другого мира, раскрыв свои стальные челюсти на свежевскопаные грядки, из которых торчали какие-то кольца; это было логово, уже успевшее проржаветь от брызг бурного и каменистого моря! Отель-космический корабль, при виде которого я похолодела, едва переступила его порог.

Отель-тюрьма, где мне предстояло отбывать срок в течение двух месяцев, не понимая за что и отвергая это. Мой номер на последнем этаже состоял из трех спален, гостиной и громадного холла.

Это было ужасно! Современно, бездушно, пахло свежей краской, шершавая ткань, тусклые цвета. Где же симпатичные испанские постоялые дворы с побеленными стенами, где в полных цветов патио журчали керамические фонтаны, а старая мебель пахла воском, где так приятно жить?

Кроме «Шалако», занятых в нем актеров, американских техников, неподалеку снимались еще два фильма, и все съемочные группы жили в том же отеле-цитадели. Здесь были Робер Оссейн и Мишель Мерсье, снимавшиеся в вестерне «Веревка и колт». Я была счастлива увидеть их, услышать французскую речь. Снимался также английский фильм с Майклом Кейном и неким Эндрю Биркином, которому было суждено, хотя сам он этого не знал, изменить мою жизнь и жизнь Сержа. Короче говоря, я очутилась в толпе актеров, пресс-атташе, режиссеров, продюсеров.

Как будто ты в Голливуде!

Меня схватили продюсер Юан Ллойд и его жена, которой было поручено релетировать со мной текст. Я с трудом узнала Шона Коннери с нацепленными усами, с головой, лысой как коленка. Позже я поняла, что искусно прилаженный парик придает ему во время съемки вид неотразимого соблазнителя. Здесь был также Стефан Бойд, мой партнер по фильму «Ювелиры при лун-

ном свете». Наконец-то хоть одно знакомое, почти родное лицо! Перед Эдвардом Дмитрыком я робела. Он был жестким, холодным режиссером с военными замашками. В нем не было никакого шарма! С момента отъезда мы были на ножах. А по приезде почти ненавидели друг друга!

Вся эта суматоха, язык, на котором я плохо говорила, этот мир, противоположный тому, который я искала... Да к тому же еще и усталость — и со мной случился кризис от отчаяния!

Гюнтер уезжал на следующее утро, я хотела уехать с ним. Я плакала, умоляя его взять меня с собой, не оставлять здесь, потерянную, брошенную среди людей, которых я ненавидела, в этой враждебной стране, в этом ужасном отеле!

Моника и Глория тщетно пытались успокоить меня.

Мама Ольга, которая должна была уехать вместе с Гюнтером, пыталась давить своим авторитетом. Со мной же случился нервный кризис, я не могла с ним справиться, отказывалась распаковать свои чемоданы. Я угрожала проглотить целую упаковку снотворного, если меня не заберут отсюда. Видя мое глубокое и настоящее отчаяние, мама Ольга и Гюнтер решили остаться со мной еще на двое суток, чтобы дать мне время привыкнуть к этой внезапной смене обстановки.

К тому же Дебетта, моя Дебетта, моя верная примерша на протяжении многих лет, не могла приехать в Испанию: у нее был давно подписанный контракт! Она прислала мне своего мужа Пьера, также примера, и их сына Жан-Пьера, парикмахера, которых я хорошо знала и любила. Но они не могли заменить мне Дебетту, она была моей подругой, я доверяла ей, нас связывала многолетняя дружба и совместная работа. Все складывалось как нельзя хуже в худшем из миров!

Через двое суток я успокоилась, смирилась, покорилась, повторяла по-английски текст как попугай, меня проглотила адская машина кинематографа. Ольга и Гюнтер уехали.

Раз мой муж собирался провести зиму в Сен-Морице, наплевав на мое душевное состояние, я решила отомстить ему, как угодно, но отомстить! Ах, если бы я могла вызвать Сержа, все стало бы совсем по-другому, просто. Но это было невозможно: отель кишел журналистами, пресс-атташе, готовыми ринуться на любой скандал! Я пыталась дозвониться Сержу по телефону, но на 200 человек было лишь две или три свободные линии, и, когда, после долгого ожидания я, наконец, дозвонилась, то услышала в трубке лишь невероятный треск, как будто что-то жарили. Я орала несвязные слова любви, надеясь, что он меня слышит, кричала о своей тоске, о том, как мне его не хватает!

Это было невыносимо!

Вместе с Моникой и Глорией, такими же потерянными, как и я, мы решили взять себя в руки, несмотря на изнурительные съемки. Мы вставали в 6 часов утра, было еще темно, я красилась и причесывалась, а в 8 часов мой «роллс» отвозил меня на место съемок, что занимало иногда целый час, да еще по ужасным дорогам. В 9 часов, уже в костюме, я должна была быть готовой к репетиции. Мы возвращались не раньше 20 часов, измотанные, грязные, в пыли, иссушенные ветром, одуревшие от напряженной работы.

Затем следовала хорошая ванна с душистым маслом, чтобы не сохла кожа. Хороший глоток шампанского (мой счет за шампанское превысили все мои безумства, которые я когда-либо оплачивала) и — вперед, жизнь продолжалась! Мы назвали мой салон «ночное заведение», орала самая модная музыка, мы приглашали по очереди всех известных и неизвестных актеров провести с нами вечер.

Остальные постояльцы жаловались на шум.

Каждые пять минут к нам поднимался консьерж, умоляя приглушить звук проигрывателя — я делала вид, будто ничего не понимаю, говорила: «Си, си». А вечер продолжался, иногда до двух часов ночи, с тем же шумом, с той же дерзостью, с той же вернувшейся грустью...

Однажды я не проснулась в шесть часов, как положено.

В восемь часов, в ужасе, я поняла, насколько серьезна ситуация. Пьер, мой гример, и Жан-Пьер, парикмахер, били копытом от нетерпения. «Роллс» и Брахим, мой шофер, дошли до точки кипения.

Какая катастрофа!

Я кое-как красила глаза в автомобиле, пытаюсь на каждом ухабе не проткнуть себе глаз карандашом, а Жан-Пьер занимался моей шевелюрой, приводя в порядок локоны, перепутанные и непокорные, как я сама.

Когда я приехала, вся группа по стойке «смирно» ожидала меня.

Эдвард Дмитрык с ледяным видом посмотрел на часы — было 9 часов 30 минут! Я опоздала на полчаса, парализовав работу. Со стороны «звезды» это было недопустимо! Дмитрык никогда не сталкивался в своей жизни с подобным поведением.

Мне было стыдно, хотелось забиться в норку.

В тот день я должна была играть сцену со Стефаном Бойдом.

Почувствовав мою тоску, он нежно обнял меня, шептал какие-то успокаивающие слова, которые я плохо понимала. Ну и

что! Зато он согрел меня, а мне это было так нужно. Больше я не отходила от него ни на шаг, чувствуя себя под его защитой. Я держала его за руку, бросалась ему на шею, искала его компании, как брошенная собака привязывается к иллюзорному, но доброму хозяину. Конечно, нас сфотографировали! Снимки попали на первые страницы всех газет мира!

Получалось, что я обманываю и Гюнтера, и Сержа.

Произошла путаница.

И сразу же объявился мой муж; в ярости, сквозь треск линии, он успел объявить мне о нашем разводе!

Мне уже надоели его вечные угрозы. Одни обещания, пустые обещания! Если хочет разводиться, пусть разводится, а не сотрясает воздух! Да только здесь он ошибался: Стефан никогда не был моим любовником, только нежным и внимательным другом!

Да пошли все...

Через фотографа «Франс-Суар» Серж прислал мне длинное грустное письмо. Он написал песню «Инициалы Б.Б.», ностальгический гимн, навеки прославляющий образ обожаемой богини. Этот фотограф, Бернар Эрман, стал другом и служил почтальоном между Сержем и мной.

Моника ворковала с Эндрю Биркином, но имела то преимущество, что не была на устах у всех. Однажды ее возлюбленный поручил ей заняться своей младшей сестрой Джейн, которая должна была приехать на следующий день. Ей было 18 лет, она только что испытала серьезное разочарование в любви, результатом которой стала малышка Кейт, привезенная в корзине! Эта молодая женщина, почти девчонка, с большими глазами лани, растрогала всех. Джейн не расставалась с «беби» и ивовой корзиной, она выглядела потерянно, смущенно, была в полной растерянности от всего происходящего. «Ночное заведение» было временно превращено в ясли. Джейн могла очень непосредственно и притягательно говорить как о радостях, так и о горестях. Она была настоящей, естественная, без всякого наигрыша, очаровательная и красивая, красивая, как маленькая принцесса из сказки.

Она жила вне времени. У нее был собственный мир!

Однажды Эндрю пришел попрощаться с нами: на следующий день он уезжал в Париж вместе с Джейн, беби и корзиной.

Продолжение известно...

Маленькая хорошенькая лань повстречала по случайности, такой же непредвиденной, как и неизбежной, большого злого волка.

Она полюбила его — он ее тоже... не полюбил.

Я чуть не умерла, когда услышала эту песню в исполнении Сержа и Джейн. Но все было в порядке вещей! Я не держу на них

зла. Наоборот, злюсь я на себя — за свою трусость, нерешительность. Я считала, что все мне обязаны, я неосознанно причиняла зло, и оно вернулось ко мне, камнем на сердце.

* * *

Перед постом Гюнтер катался на лыжах в Сен-Морице. Однажды он позвонил мне с предложением приехать к нему, чтобы обсудить некоторые важные вопросы. Пустив в ход всю свою хитрость, уловки, которые может придумать героиня вестерна, я добилась отпуска на пять дней! Полет из Марбеллы в Женеву стал настоящим подвигом! Гюнтер ожидал меня в «порше», чтобы отвезти в Сен-Мориц. Когда я приехала во «дворец», меня охватила паника, как на фестивале в Каннах: женщины в туфлях на шпильках и костюмах от «Шанель», мужчины в галстуках, роскошные люстры, мебель из золоченого дерева, старинные зеркала.

Апартаменты Гюнтера были обставлены так же мрачно, как и вся гостиница! Это напоминало мне дворец в Кортина-д'Ампеццо. Что хорошего находят люди в подобных местах, мрачных и баснословно дорогих? Я поняла это в тот же вечер, переодевшись в черный смокинг: Гюнтер представил меня шаху Ирана и императрице Фарах! Во время милой беседы я узнала, что по иронии судьбы шах был того же знака, что и Гюнтер — Скорпион, а шахиня — Весы, как и я. Это совпадение сблизило нас, и мы больше не расставались во время моего краткого пребывания в Сен-Морице.

Менее забавными были мои отношения с Гюнтером!

Он говорил лишь о неизбежном разводе, о своем нелепом положении в «свете», о моем недостойном поведении и прочие глупости!

Короче, он пригласил меня только с одной целью: опровергнуть желчные слухи, объектом которых он стал из-за меня.

Жуткая тоска в этом заповеднике для миллиардеров, лыжные прогулки Гюнтера, который отправлялся в горы на целый день в компании роскошных блондинок, австрийских и немецких богинь, затянутых в самые модные комбинезоны, чемпионки по скоростному спуску и соблазнению — все это заставило меня принять решение сократить на сутки пребывание здесь и вернуться в мой испанский городишко к моим амазонкам, к работе, в мою гостиницу, которая казалась мне теперь земным раем.

Прежняя неопределенность в отношениях с Гюнтером оставила у меня горький привкус, от которого надо было избавиться во что бы то ни стало.

И я пустилась во все тяжкие.

Однажды вечером, пока мы ждали в мрачном и претенциоз-

ном ресторане гостиницы наш заказ, я заметила красивого молодого человека, сидевшего одиноко за соседним столиком. Должно быть, он снимался в каком-то фильме и смертельно скучал. Я схватила столик на колесиках, на котором развозят еду, написала несколько слов на меню и толкнула тележку к его столу. Он засмеялся, посмотрев на меня, затем тем же способом переправил мне ответ. Молодой человек оказался американцем (я забыла его имя), здесь он находился уже неделю, а уезжал завтра!

Не везет — так не везет! В кои-то веки нашелся один приятный малый!

Наше общение разбудило всех присутствующих, и они с любопытством стали следить за развитием событий. Почесали же они язычки, учитывая мою репутацию...

Я пригласила парня присоединиться к нам, он не заставил себя ждать!

После ужина я предложила ему зайти в наше «ночное заведение» пропустить стаканчик. Он отказался: у него еще не были собраны вещи, а уезжал он на рассвете. Его номер на втором подземном уровне выходил прямо на пляж, и мне в голову пришла одна идея. Вместе с Глорией и Моникой мы собрали все рулоны туалетной бумаги, какие смогли найти, и размотали их по очереди, начиная от его номера, поднимаясь по лестнице. Получилась гирлянда, нить Ариадны между молодым человеком и нами.

Мы смеялись, как маленькие девчонки!

На 13 этаже мы были уже без сил, но радовались нашей шутке. Затем мы отправились спать. Каково же было наше удивление, когда мы услышали робкий стук в дверь! Это был он, запыхавшийся, но довольный своим участием в вечеринке в нашем ночном клубе! Бедняжка, он был очень разочарован, увидев, как мы вылезаем из наших постелей в пеньюарах, сохраняя олимпийское спокойствие.

Через несколько часов мы снимали сцену, требующую очень долгой подготовки. Шон и я сидели на лошадях. Внезапно пнас должны были окружить индейцы.

Чтобы актеры массовки, игравшие индейцев, появились одновременно, надо было все организовать, как для настоящей атаки. С десятков ассистентов с радиотелефонами должны были по команде «Пошли» Эдварда Дмитрыка скомандовать в свою очередь индейским всадникам, которых было не меньше сотни. Переснимать сцену было невозможно из-за пыли, которую те поднимали, и из-за долгой и тщательной подготовки эпизода.

Шон и я много раз репетировали, чтобы безупречно подогнать и текст, и наше местоположение. Я и так трусила, сидя на лошади, к тому же, как амазонка!

Тем временем Робер Оссейн снимал свой фильм в нескольких сотнях метров от нас, за невысоким холмом. В работе он также пользовался радиотелефоном. В разгар одной из последних наших репетиций мы увидели, что появились оружие индейцы, потрясая копьями и другим оружием. В ужасе моя лошадь встала на дыбы, и я едва удержалась на ней. Ни Шон, ни я, ни Эдвард Дмитрык ничего не понимали.

Всеобщая паника и ор.

Естественно, сцену не сняли, ведь это была репетиция. Пока мы выясняли отношения, вцепившись друг другу в волосы, Робер Оссейн спокойно продолжал съемку, не подозревая, что, работая на той же частоте своего радиотелефона, что и Эдвард Дмитрык, он дал команду «Пошли», к которой никто не был готов. После долгих переговоров причина была найдена, надо было все начать с нуля и, главное, проверить частоту волн передатчиков двух съёмочных групп.

Возвращаясь со съёмок, я часто останавливалась, чтобы покормить голодных собак.

Мой шофер Брахим собирал остатки от завтрака в коробку, и вечером мой «роллс» превращался в передвижную столовую. Нас ожидали бедные, потерянные, голодные собаки, всеми забытые в этом мире. Я была счастлива дать им немного тепла, ласки, еды, сахара, чтобы научить их любить. У собак были добрые испуганные глаза, часто они ожидали нашего отъезда, чтобы наброситься на подачку.

Однажды вечером одна маленькая собачка, страшно худая, позволила приласкать себя, и пошла за мной в машину, не обращая внимания на еду, которую я поставила перед ней. Я не могла выгнать ее. Собачка прижалась ко мне, глядя умоляющим взглядом. И я оставила ее у себя!

Я назвала ее Хиппи и больше не расставалась с ней. Она спала в нашей постели, сопровождала нас на съемки, в ресторан, она стала нашей тенью. За несколько дней она отъелась и превратилась в красивую рыжеватую короткошерстную сучку, таких дворняг часто можно увидеть в тропических странах. Она была воплощением нежности, любви и признательности. Вечерами она лежала рядом со мной, а я рассказывала ей о Базоше, где ее ждут подружки, также спасенные от АЗЖ. Чтобы не перевозить Хиппи в багажном отделении самолета, я решила отправить ее в «роллсе». Я крепко прижимала ее к своему сердцу, и мы засыпали, связанные большой взаимной любовью.

Однажды вечером у Хиппи потекла слюна, и ее стали сотрясать спазмы.

Глория и Моника безуспешно пытались найти ветеринара. По чистой случайности, к Франс Рош приехал друг, врач, он поста-

вил диагноз: болезнь Карре и сказал, что нет никакой надежды на выздоровление. Хиппи умерла на моих руках через день. Я была в отчаянии, плакала не переставая и не могла больше сниматься.

Собаку похоронили рядом с отелем на лужайке. Я была в таком отчаянии, что продюсер был вынужден сократить по срокам мой контракт и отослать меня во Францию. Кроме слез, от меня больше ничего нельзя было добиться.

Гюнтера предупредили, и он встречал меня.

Он был очень мил, хотя и удивлен, что смерть какой-то собаки может причинить мне такую боль.

Чтобы я могла развеяться, он нанял частный маленький самолет, на котором мы улетели в Гренаду. Там я посетила феерические сады Альгамбры, чья красота меня глубоко взволновала. Запахи были такими же уточненными, как и архитектура. Благоухание апельсиновых деревьев смешивалось с жасмином и резедой, а десятки мозаичных, тонко отделанных фонтанов шептали свою освежающую и умиротворяющую мелодию.

После мучений, связанных с болезнью и смертью Хиппи, пришли спокойствие, красота, нежность, и рана на сердце зарубцевалась.

Вечером мы побывали в Куэвас — гротах, где находятся деревенские ресторанчики, полные очаровательного колорита. Столики освещались свечами, керосиновыми лампами, а фламенко и гитаристы были лучшими блюдами в меню. Мы были в самом сердце благородной, прекрасной и суровой Испании. Отель, в котором мы провели ночь, был из самых скромных, компанию нам составляли несколько тараканов, зато балкон из кованого железа и маленькая площадь, на которую он выходил, были настоящей декорацией к «Кармен».

Чего еще желать?

Эти несколько часов, проведенные вдаль от всего, наедине с Гюнтером, несколько сблизили нас. Я всегда любила его, когда он не выставлялся, когда его вечный «двор» не ловил малейший его жест, слово, чтобы заплодировать, прокомментировать или блаженно рассмеяться. В конце концов, нас разлучили его придворные.

* * *

Вернувшись в Париж, приласкав Гуапу, которая не знала, как выразить свою радость по поводу моего появления, поцеловав родителей, и вдохнув жизнь в квартиру на авеню Поль-Думер, я умчалась в Базош к моим дочкам-собачкам.

Бедные малышки скучали без меня. Я подозревала, что сторожа обращаются с ними не лучшим образом. Встреча стала настоя-

шим фестивалем радости и счастья. Ожидание, полное вечной надежды, подошло к концу!

О, мои собачки, мои любящие и любимые подружки, мои общницы, мои нежные, мои ласковые!

Диана-неженка походила на Хиппи.

Я рассказала собачкам грустную историю об их сестренке, которой повезло меньше, чем им. Все упивались моими словами, выставив уши, склонив головы, глаза у них были полны любви. Я еще не знала, что их ожидает такое же трагическое будущее, как и Хиппи: все они будут убиты охотниками или отравлены шариками стрихнина.

Бедная Хиппи стала первой в долгой нескончаемой серии болезненных потерь, каждая из которых ранила меня в сердце, оставив на нем шрам.

Гюнтер сообщил мне, что вновь снял великолепное поместье на виа Аппиа Антика в Риме на май и июнь. Он собирался работать над сногшибательным проектом фильма, все тем же — «Темная сторона луны», — настолько темным, что он так и не вышел в свет.

Бог с ним! Пусть развлекается!

Тем временем приятель Гюнтера, Жерар Леклери, купил великолепный парусник «Вадура» и отправился в кругосветное путешествие. Он предложил нам присоединиться к нему в Бейруте и посетить Ближний Восток. В пользу этого решения склонялись верный секретарь — ливанец Самир, а также Моника и Серж Маркан.

Я не очень хотела уезжать. А с другой стороны, что мне было делать одной в сером Париже под дождем в начале апреля? Я снова собрала чемодан, к великому удивлению мамы, которая называла меня «сквозняк».

* * *

Мы впятером отправились в Бейрут, где я ни разу не была.

В самолете я думала о «Тысяче и одной ночи», мечтая о золотых дворцах, о похожих на гренадские двориках, о пряных запахах, о волшебных цветах, мне виделась рабыни, закутанные с головы до босых ног, мужчины в тюрбанах и вышитой одежде, феерические пейзажи.

Пробуждение было жестоким!

Я видела лишь дома из бетона, грязные, унылые, уродливые. Многие еще не были достроены. Создавалось впечатление, что совсем недавно здесь произошла какая-то катастрофа. Разбитые дороги, улицы, где вечно идет ремонт, повсюду зияют грязные

траншеи... Тошнотворный запах горячего масла, смешанный с кислым запахом пота жителей.

От этого уродства у меня кружилась голова!

Как жемчужина Ближнего Востока могла прийти в такую вехость?

Действительно, прогресс не остановить!

Какое же несчастье этот бешеный «модернизм», который разрушает, портит, лишает лица, очарования любой уголок земного шара, вводит единообразие в архитектуре и одежде, не заботясь о том, сочетается ли это с тысячелетними традициями, делавшими неповторимой каждую страну. Сегодня обычаи предков исчезли навсегда.

У меня сжималось сердце.

Парусник должен был прибыть в порт на следующий день, поэтому было предусмотрено, что на ночь нас приютит один богатый ливанец. Не хотелось останавливаться в отеле, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания.

Я не помню ни имени нашего безликого хозяина-миллиардера, ни его безликого дома, где было полно мрамора, дурного вкуса, ни его банально-претенциозного сада с копиями античных статуй; не журчали фонтаны, мозаичные патио не скрывали садов, созданных для интимности, как кровати, в которых любовь и чувственность становятся пленниками.

Ах я бедняжка! Зачем меня занесло на эту галеру?

Проводив меня в приготовленную для нас роскошную, но уродливую спальню, Гюнтер сказал, что должен повидаться на несколько минут с нашим хозяином, чтобы я не беспокоилась, а он тут же вернется! Я очутилась одна в громадной незнакомой комнате у чужих людей, во враждебном городе-лабиринте Бейруте! Я даже не знала, куда подевались Моника, Самир и Серж Маркан. Я села на кровать не раздеваясь и принялась ожидать Гюнтера, куря сигарету за сигаретой. Поскольку я никогда не носила часов, то не знала ни точного времени, ни сколько длится мое ожидание. Единственное, что я знала, так это то, что уже поздно. Затем меня охватила тревога.

Я отправилась на поиски. По лестнице можно было попасть только в нашу комнату. На нижнем этаже в громадном пустом коридоре гулким эхом отдавались мои шаги. Я не знала, где находится выход. За окном была полная темнота. Где Гюнтер? Вернувшись в спальню, я попыталась дозвониться по телефону, нажимала на все кнопки, пыталась набрать любой номер — ноль, два, шесть... Ничего. Только гудки. Я была изнурена путешествием, сменой мест, одиночеством, моя тревога превратилась в тоску, а затем — в ярость.

Вернулся Гюнтер, он был не в состоянии объяснить мне, где

пропадал. На его часах было пять часов утра. Я вышла из себя и закатила мужу хорошую сцену, а затем решила немедленно вернуться в Париж. Наступил день, приехали наши друзья, и я успокоилась. Трудно устраивать скандал у людей, приютивших тебя, — грязное белье надо стирать дома.

С тяжелым сердцем, с тяжелой головой и со спазмами в животе я ступила на борт парусника «Вадура». Гюнтер, в превосходном настроении, не переставал целоваться со своими проклятыми «душами». Все это напоминало мне мое свадебное путешествие всемером! Я вышла замуж не за одного мужчину, а за племя плейбоев, никакое супружество не могло связать их больше, чем их отношения между собой. В их жизни женщины играли роль пешек, вещей, из которых извлекали доход, но уж никак не Женщин в благородном смысле этого слова. Они выбирали себе хорошеньких, молодых, по преимуществу глупых. Гюнтеру не повезло: последнее не относилось ко мне, и я все больше стесняла его. Мешала ему плейбойничать налево и направо.

Я никогда особо не любила корабли.

Это — совершенно своеобразный мир: пол уходит из-под ног, пространство ограничено, сильно пахнет, а комфорта минимум. Я прежде всего обитательница земли! Я люблю море, если не качусь на нем, не нахожусь в зависимости от его настроения, ярости или обманчивого спокойствия.

С радостью подняли якорь, блестело солнце, все складывалось к лучшему. Через час солнце спряталось, поднялся ветер, громадный парус надулся так сильно, что корабль трянуло. Надо было поднять это, опустить то, на мостике царила суматоха. Волны иногда поднимались выше форштевня. От боковой качки меня бросало из стороны в сторону, тошнило. Нам посоветовали вернуться в каюты — волны перехлестывали через палубу. Мы поспешно разбрелись и улеглись по койкам. Корабль раскачивался и стонал, зловещие звуки заставляли думать, что он развалится на части. Двери кают и шкафов открывались и закрывались с заунывным скрипом.

Внезапно меня охватила безотчетная паника, глухое предчувствие беды — я принялась кричать; в тот же момент последовал особо сильный удар, меня выбросило из койки. Головой я ударилась о дверь, и меня потащило вдоль борта до переборки. Вещи, стулья, посуда, чемоданы летели за мной.

Скрючившись посреди этого хаоса, я подумала, что пришел мой последний час. По волосам у меня текла кровь, у меня все болело, в ушах звучал оглушающий и зловещий шум, а корабль продолжало страшно качать. Держась за плечо, ко мне скользнула

Моника, затем приковывал на четвереньках Гюнтер, его бросало от стены к стене узкого коридора.

Мы сняли мачту, парус был разорван, буря продолжала бушевать. Леклери послал сигнал SOS в Бейрут, чтобы нам оказали помощь. Действуя наверняка, он сообщил, что я нахожусь на борту.

При помощи стартового двигателя мы развернулись, но он оказался слишком слабым для такого бушующего моря.

Мы все были покрыты ранами и шишками. Моя рана на голове была неглубокой, но сильно кровоточила.

Глубокой ночью под эскортом кораблей, пришедших нам на помощь, мы вернулись в порт Бейрута.

Предупрежденная о моем присутствии на борту, нас встречала целая толпа: телевидение, фотографии, разномастные журналисты, воодушевленные неожиданной сенсацией.

Да, здорово же я выглядела с волосами, слипшимися от запекшейся крови, с опухшим лицом, грязная, просоленная, растерзанная.

Каким ужасным было наше возвращение!

Нас только что коснулась своим крылом смерть, а сейчас нас насильовали жадные пиявки, наставив камеры, вспышки, не унимаясь с вопросами. Я плакала от отчаяния. Самир отвез нас всех к своей маме, это было единственное мирное прибежище в этом борделе. Бедная женщина, не ожидавшая такого визита, была сама любезность и услужливость. Наша банда калек оккупировала ее большую и комфортабельную квартиру.

Гюнтеру и мне она предоставила свою спальню. Я помню ощущение умиротворенности и безопасности, которое я почувствовала, вытянувшись на широкой кровати с чистым бельем, глядя на мебель, безделушки, большие окна, затянутые занавесками из розового шелка; я буквально вдыхала прелесть жизни, запах жасмина, напоминавший мне о бабушке. Успокоившись, я заснула в окружении ангелов, как в раю.

На следующий день пресса только и говорила о нашем кораблекрушении, о моем появлении в Бейруте, подтверждением чего служили снимки, на которых я выглядела далеко не так, как ливанцы представляли себе кинозвезду.

К счастью, Самир перевел нам все эти заголовки на арабском, написанные непонятными мне знаками. Я с удивлением открыла для себя алфавит, который не имел ничего общего с нашим. В Мексике большинство имен совершенно непроизносимы, но визуально можно что-то понять. Здесь же это было невозможно!

В то время ислам еще не пустился на завоевание Европы и

Франции. Мусульманам еще хватало скромности не навязывать нам свои обычаи, привычки, зачастую варварские и архаичные, свои мечети и все эти кровавые и возмутительные ритуалы, как Айд эль-Кебир. Наоборот, они копировали нас, пытаясь европеизироваться, осовремениться по нашему подобию. Это получалось не всегда, но, по крайней мере, носило мирный характер.

Сильно потрепанному паруснику требовался ремонт, который мог затянуться. О морском путешествии, во всяком случае, что касалось нас, не могло быть и речи!

Растерянный этим происшествием, сломавшим многомесячные планы, составленные с германской точностью и организованностью, Гюнтер грыз ногти, метался по комнате, не выпуская из рук стакан с виски, в поисках гениальной идеи, которая забрезжит, как звездочка, и придаст новый смысл нашему путешествию.

Решение было очевидным: конечно, надо было посетить Баальбек!

Мысль Гюнтера, получив задачу, заработала: надо было арендовать машины, выработать маршрут и т. д. Я тем временем позвонила маме успокоить ее на тот случай, если новости о кораблекрушении дошли до Франции.

Туристическое путешествие в Баальбек стало эпопеей.

Гюнтер предусмотрел все, кроме того, что за нами ринется пресса и многие любопытные местные жители. К счастью, я вновь стала хорошенькой, причесалась, накрасилась, приделалась на всякий случай...

Нас сопровождали пятьдесят машин. Стоило нам сбиться с дороги, как журналисты нажимали на клаксон, указывая нам правильный путь. Нам не грозило потеряться! Когда мы остановились у придорожного кабачка выпить пива, 250 человек бросились в это заведение, ломая столы и стулья, чтобы поближе рассмотреть нас. Ужас, ад!

Я смутно помню Баальбек. Помню лишь высокие колонны, возвышавшиеся над теснившей нас толпой. Помню, как умоляла фотографов, операторов немного раздвинуться и дать мне полюбоваться чудными развалинами храмов Юпитера и Вакха. Это была безжалостная давка по принципу «кто больше схватит», полный ералаш. Вспышки, еще вспышки, снова вспышки тысяч фотографов, все одно и то же, без всякого интереса.

Гюнтер и здесь безуспешно пытался навести порядок среди орущей толпы, тараторящей на невообразимом языке, требующей автографов, протягивающей клочки грязной бумаги и сломанные ручки.

Как же глупы людишки. Мне бы так хотелось сохранить в памяти уникальные образы, которыми я любовалась, спокойно наслаждалась. Эти удивительные и феерические места должны охраняться, потому что вид развалин требует собранности.

От этой черни меня тошнило, она мне надоела.

Когда я думаю об этом много лет спустя, мне кажется, что вся моя жизнь была эксклюзивом (очень модное словечко), что мешало мне жить нормальной жизнью!

Я мечтала лишь об одном — уехать отсюда, я ненавидела Ливан, этот город, его жителей, это море, корабль. На этом кошмарном Ближнем Востоке подмаслить можно всех, кроме моря.

Вечером мы отправились поужинать в один шикарный ресторан в Бейруте. До входа мы добирались по деревянному мостику, потому что улица была разрыта из-за ремонтных работ, от канализационных труб невыносимо воняло... В этой стране нужно было носить чадру, если не по религиозным соображениям, то ради того чтобы не задохнуться.

Кроме толстухи, вертящейся в ритме восточной музыки под прозрачной накидкой, от чего вздрагивала ее задница, полная целлюлита, я ничего не помню в этом ресторане-кабаре-ночном клубе, где все было жирно, включая хозяина.

С тех пор я встречала весьма рафинированных, образованных и приятных ливанцев, которым удалось сгладить то разочарование, которое я вынесла из их страны.

Должно быть, у меня было предчувствие, когда я отказалась продолжить столь драматично начатое путешествие на паруснике. Несколькоими неделями позже «Вадура» стояла на якоре в одной из бухт в Индийском океане в районе Мальдивских островов. Глубокой ночью на корабль напали кровожадные дикие пираты. Они связали всех мужчин, включая Жерара Леклери, изнасиловали его подружку, перерезали горло длинношерстной немецкой таксе, всеобщей любимице, подруге по путешествию, затем вынесли все с яхты, оставив после себя полное разорение.

Все радиоэлектрическое оборудование было испорчено, моторы сломаны, паруса порваны, питьевая вода украдена, трюмы ограблены. Пострадавших людей и разоренный корабль нашли случайно несколькими днями позже. Подруга Жерара Леклери так и не смогла оправиться после этой трагедии и вскоре скончалась.

Какое же счастье, умиротворение я испытала, вернувшись в Рим, в Италию, на виа Аппиа Антика.

Гюнтер снял владение еще более красивое, чем в прошлом

году. Здесь был хозяйский дом, к которому примыкала маленькая ферма, расположенная неподалёку от громадного великолепного парка. Рядом с домом находились огород, курятник, овчарня и открывался чудесный вид на сельскую местность.

XXIV

Начинался май 1968 года.

Гюнтер собрал весь свой «двор», включая сценаристов и продюсеров, работавших в прошлом году. Патрик Бошо, мой зять, которого предполагали на роль молодого героя, также был здесь вместе с Мижану. Моника, подружка Самира, не отходила от меня ни на шаг, как Самир от Гюнтера. К нам присоединилась рыжеволосая Кароль. Образовалась разнородная компания, где мужской клан противостоял женскому.

Это благословенное пребывание в Италии позволило мне не быть замешанной в трагических событиях революционного мая, которые навсегда погубили образ Франции. Мы с тревогой следили за нарастанием угрозы гражданской войны, получая тревожные новости от друзей, бежавших из Франции, ввергнутой в огонь и кровь.

Я звонила маме, в Сен-Тропезе ей не пришлось столкнуться с этой волной насилия. Зато мадам Рене в ужасе забаррикадировалась на авеню Поль-Думер вместе с Гуапой, не рискуя высунуть нос наружу.

За каждым шагом Де Голля мы следили по телевизору.

Его твердость в данной ситуации лишь усилили наше уважение к нему. Сейчас я думаю о всех политиках, которые примазываются к «голлизму», будучи карликами по сравнению с генералом. Я сожалею о том прекрасном времени, когда Францией управлял настоящий руководитель. Человек, не идущий на компромиссы, прямой, далекий от игрищ, от пируэтов, от тех неспособных болтунов и оппортунистов, которые выстроились в очередь на высший пост в государстве весной 1995 года!

Пока Кон-Бендит, Красный Дани, призывал к насилию, к разврату, к углублению кризиса, Сорбонна превратилась в большой публичный дом. Оргии выплеснулись на улицы! Горели автомобили на разбитых улицах, бульжник превратился в оружие, витрины были разбиты, магазины разграблены, испуганные жители прятались за закрытыми ставнями и дверями.

Какая грустная и плачевная страница истории!

В этой политико-порнографической магме Франция потеряла все.

Даже католическая религия восприняла моду 68-го года, на-

плевав на все табу, священники оделись как мы с вами, в джинсы, часто грязные, к Богу обращаются на «ты», с Ним говорят по-французски, Его зовут «мой кореш», Его похлопывают по коленке и дергают за бороденку.

Это — сексуальная разнузданность, эксгибиционизм, моральный и физический упадок, потеря чувства достоинства, морали, честности. Мы вошли в эру денег, секса, наркотиков, упадка — неотъемлемых черт социализма, который приведет нас к концу.

В Риме жизнь была радужной, как и окружающий нас пейзаж.

Гюнтер, поглощенный своим «шедевром», слегка охладел ко мне, конечно, не чувственно. Зато один молодой продюсер был заморожен мной! Поскольку я немного скучала, то решила развлечься, соблазнив его! Это была опасная и лишенная интереса игра.

Однажды утром Гюнтер объявил мне, что должен срочно уехать на Канарские острова. Что он там забыл? Его путаный ответ не внес ясности. Самир сопровождал его, оставив Монику и меня на попечение Маргарет, его верной горничной, старой лицемерки.

Этот непредвиденный отъезд казался мне весьма странным!

Дом был полон друзей, создававших гениальное произведение, — сценаристы, продюсеры, актеры, король покинул свой двор, доверив заботу о нем какой-то трудяге...

Мы с Моникой воспользовались ситуацией и рванули в Рим на «порше» Гюнтера, за рулем которого была я, обгоняя всех пеших, конных и автомобильных ухажеров столицы. В баре рядом с ратушей мы встретились с юным продюсером, млевшим по мне, и его другом Марио Адорфом, итало-немецким актером, который пожирал Монику глазами. Наши побеги вызвали ненужное любопытство, и мы перестали ездить в Рим из осторожности, зато пригласили к себе наших возлюбленных, которые легко могли затеряться среди череды ежедневных визитеров. Продюсеру не хватало вкуса, обаяния, он был банален — ни красавец, ни урод, но я могла изводить его как хотела и использовала его, чтобы отомстить Гюнтеру за его безразличие.

Наступила окончательная неотвратимая развязка.

Однажды утром я обнаружила Маргарет спрятавшейся за дверью, когда я выходила из нашей с Гюнтером спальни. Со смущенным видом она принялась уверять меня, что Гюнтер попросил ее переслать на Канары какую-то одежду, забытую им, и она должна обязательно передать ее другу моего мужа, который ждет в аэропорте, а уж он отвезет вещи... Путаясь в сумбурных объяснениях, Маргарет все время кидала подозрительные взгляды в

сторону спальни. Добрая женщина страшно раздражала меня: что ей здесь понадобилось! Если моему мужу что-то нужно, он мог напрямую попросить меня, а не прибегать к услугам служанки-детектива. Но он даже не позвонил мне, предпочтя эту идиотку!

Я пришла в ярость, вышла из себя!

Что это за комедия? Я запретила Маргарет входить в мою спальню!

Все еще в гневе, я рассказала все Монике, а та рассмеялась как обычно — у нее был счастливый характер: моя подруга отбрасывала худшее, предпочитая лучшее.

В течение всей первой половины дня Маргарет была неуловима, она испарилась. Когда я спросила на кухне о ней, присутствующие отводили глаза, отворачивались, никто ничего не знал, вернее, не хотел мне говорить! И вдруг она появилась, с хитрым видом, медоточивая, передала мне письмо от Гюнтера. В письме сообщалось о разрыве, причем основывалось оно на показаниях Маргарет. Муж писал мне, что больше не может мириться с изменой в собственном доме, где его выставляют в неловком положении, наставляют рога на глазах его друзей, сотрудников и слуг! Кровь застыла у меня в жилах. Мне казалось, что я теряю сознание.

Маргарет с насмешливым видом наблюдала за мной. Я бы с удовольствием отхлестала по щекам эту стерву.

Я была ошеломлена. Конечно, я изменяла Гюнтеру, и он вернул мне это стократ, но в данном случае ничего не было. Я чувствовала, что мне не удастся оправдаться. Все рушилось вокруг меня, передо мной разверзлась пропасть, я медленно начинала понимать, какую цену мне придется заплатить за собственное непостоянство, легкомыслие, эгоизм, нетерпимость. Я поняла, насколько я привязана к Гюнтеру, как люблю его, и это в тот момент, когда я навсегда потеряла его.

Глупо, очень глупо, но окончательно.

В доме все пошло кувырком. Все домочадцы оказались в курсе, все вмешивались. Никто не верил случившемуся: надо было вызвать Гюнтера, объяснить ему, но неизвестно было, как с ним связаться. В своем письме он писал, что вернется лишь тогда, когда я со своим эскортом покину этот дом. Моника не была исключением, потому что Самир также объявлял о своем разрыве с ней. У Моника искажилось лицо.

Среди этой толчеи, приткнувшись в уголке, я щипала себя, уверенная, что это сон. Мои три обручальных кольца — синее, белое и красное — еще сверкали на пальце, но они стали бессмысленными символами, лишенными обещаний, чувств, свидетели канувшей в Лету эпохи. Мне надо было уезжать, подальше от этого дома, этих людей, от их подозрений и недомолвок. Все явно складывалось не в мою пользу, я вызывала всеобщее возмущение.

Я старалась как можно глубже спрятать свое душевное состояние, прикрываясь маской оскорбленной невинности, но эта комедия мне не удавалась.

Важная страница моей жизни была перевернута. Я вступила в длинный туннель, в котором меня ожидала боль.

За нами приехал Марио Адорф; у одного из его друзей была очаровательная квартира на Жиглио, маленьком малоизвестном острове недалеко от Остии. Там мы собирались сделать привал, поразмышлять и решить, куда же нам дальше держать путь. И вот Свева, Кароль, Моника и я уехали из дома Гюнтера.

Попали мы в прошлый век, в глубинку Италии, еще не испорченную туристами. На острове не было автомобилей, для срочных поездок на другой конец острова существовало допотопное такси. Несколько тележек, запряженных очаровательными осликами, несколько древних велосипедов; не было ни электричества, ни водопровода. Квартира друга, выходящая на порт, состояла всего-навсего из двух крохотных комнат с тремя кроватями! Нас было четыре девушки, Марио, его приятель и возлюбленный Свевы! Семь человек на три кровати! Не говоря уж о багаже. Исход беженцев, цыганский табор. Во дворе был каменный сток с раковиной и насосом.

Я сдалась, не могла больше выносить эту тесноту, мысли мои блуждали, меня поедали тоска, отчаяние, не хотелось жить. Я отправилась пешком на поиски какого-нибудь отеля.

Мне надо было побыть одной, подумать.

К счастью, я хорошо говорю по-итальянски, меня понимали, и я понимала. Крестьянин усадил меня в свою повозку, запряженную ослом, и отвез вглубь острова, где одна вдова сдавала комнаты. Если бы не моя грусть, я бы посмеялась над забавной ситуацией: после частных реактивных самолетов, «роллс-ройсов» и «порше» оказаться в повозке, запряженной ослом! Зато здесь никто не знал, кто я, меня оставили в покое!

Девственный пейзаж был великолепен — чистый и красивый. Приятно пахло.

Я сняла комнату!

Большая прохладная побеленная комната, где из всей обстановки была большая старинная деревянная кровать, два ночных столика с керосиновыми лампами, туалетный стол с тазом, ведром и большим кувшином. Громадное распятие висело над окном, выходящим на виноградники и аллею обесцвеченных, но пахучих глициний. Я чувствовала себя, как у бабушки!

Мечта среди полного кошмара!

Я поехала в тряской телеге за зубной щеткой и щеткой для волос. Свева и ее возлюбленный присоединились ко мне: после

пребывания в безумной квартире им хотелось спокойствия и уединения. Насладиться коротким пребыванием в этом раю мне мешал разрыв с Гюнтером, эта боль не отпускала меня, и я сохранила лишь горькое воспоминание.

На следующий день Свева сфотографировала меня, снимки получились превосходные, но выгляжу я на них грустно. Эти фотографии до сих пор ходят по миру, но стоят они безумных денег. Мы вернулись в Париж. Я была в полной растерянности, потерянная, как цветок, вырванный из земли, как корабль в дрейфе.

Мне следовало заняться собой, взять поводья в свои руки. Эта жизнь еще была полна роскоши и светскости Гюнтера, мое же существование было далеко от них. Какое-то время я должна была продолжать эту жизнь, которая привела меня на край пропасти.

* * *

Я решила провести лето в Сен-Тропезе.

Я и все мои амазонки с большой помпой приехали в «Мадраг» на белом «роллсе» с чернокожим шофером! Я сразу же наняла метрдотеля и горничную в помощь моим беззубым сторожам и мадам Рене!

Надо было жить на широкую ногу!

Я тут же организовала костюмированный праздник, лишь бы доказать Гюнтеру, что, с ним или без него, я продолжаю жить в том же ритме, в том же темпе, с прежним размахом.

Сказано — сделано!

И я отправила 500 приглашений на праздник, который должен был состояться ночью 7 июля 1968 года!

Как дирижер, я все организовывала, предвидела, заранее предвкушая сладость реванша.

Я пригласила из Парижа дизайнера, чтобы он грандиозно поставил этот праздник. Звук, свет, диск-жокей, оркестр, дополнительная прислуга — все было предусмотрено в мельчайших деталях. В конце аллеи, идущей от входа, возвышалось громадное кресло «Эммануэль», окруженное креслами поменьше. На большом должна была воссесть я, на маленьких — мои амазонки. Большой красный ковер был расстелен между порталом и эстрадой. Душистые экзотические растения, негритенок с громадным пальмовым листом-опахалом, психоделическая светомузыка — все было прекрасно организовано и выглядело очень мило.

На этот вечер я наняла шоферов, чтобы они доставляли гостей от входа в имение к центру праздника. Внесла свой вклад и полиция: легавые дежурили на двух стенах со стороны моря, чтобы не пускать незваных гостей. Все приглашения проверяла специальная служба. Сад был превращен в столовую: столы, стулья, скамейки... буфеты, напитки, шампанское текло рекой.

Я быстро придумала себе костюм: бикини из черной кожи, черные высокие сапоги, кинжал за поясом, распущенные волосы доходили мне до талии, а лицо скрывала маска! Вместе с моими девушками, более или менее обнаженными, скрытыми вуалями, надушенными, мы взяли на себя функции комитета по приему гостей — получилось очень неожиданно и весьма сексуально.

Это была удивительная ночь! Я сама была удивлена размахом праздника.

Гюнтер, должно быть, грыз себе ногти.

Даже упряжка из четырех лошадей остановилась перед моим подиумом. Затем на верблюде приехала компания туарегов. Эти смуглые мужчины с горящими глазами не оставили равнодушными меня и моих амазонок. Кто они были?

Появление миллиардера Даррила Занука не тронуло нас. Лина Брассер и Пиколетта нарядились в костюмы «Поль и Виржиния», их сопровождал ослик, нагруженный цветами, а погонщиком был Жан Лефевр. Не узнать было Жики, Анну и Эдди Барклай в великолепных цыганских костюмах и в окружении настоящих цыган, игравших на гитарах! Каждая группа приглашенных останавливалась у подножья эстрады и пела серенаду, приветствуя нас. Я возвышалась над присутствующими, сидя в ротанговом кресле, и не верила своим глазам. Обернувшись, я заметила пятерых моих роскошных амазонок, они также были очарованы и очаровательны.

Я пригласила нескольких друзей Гюнтера, чтобы они быстро сообщили ему!

Шестеро туарегов молча склонились к нашим ногам. Ребята были красавчиками и явно умели обращаться с женщинами.

Тысяча человек продефилировала в тот вечер в «Мадраге», но мое внимание было приковано к одному из туарегов, лежавших у моих ног. В действительности люди пустыни были итальянцами по национальности и плейбоями по состоянию души. Летом они жили в вилле «Бригантина» напротив моей виллы «Мадраг».

Их звали Беппе, Джиджи, Родольфо, Энцо, Франко и Чезаре!

Мы — Свева, Кароль, Глория, Моника, Мижану и Брижит — составили с ними франко-итальянское согласие, открыв молодым людям наши объятия, губы и сердца... Ах, эти итальянцы...

После двух лет немецкого ига я сполна насладились Италией, отведав волшебного напитка вместе с Джиджи!

После этого незабываемого вечера я обнаружила в своей кровати голого и храпящего туарега... но это был не тот, кого я хотела. Приятели, пившие кофе — а день уже был в разгаре — выкинули его голым из моей спальни.

На его месте я хотела видеть Джиджи.

Я провела с ним лето, но прежде нам пришлось убрать весь

мусор, оставшийся после праздника. Трудно себе представить, как могут намусорить люди! Больше праздников я не устраивала, нагнав себя на то, что мы выгребли из кустов, из цветочных горшков, даже с веток фигового дерева. Опустим это!

Мои амазонки оказались более серьезными, чем можно было ожидать: они сохранили верность своим далеким возлюбленным, а с итальянскими плейбоями их связала лишь нежная дружба. Тем не менее «Бригантина» стала как бы филиалом «Мадрага». При помощи световых сигналов мы назначали встречи на катерах в заливе. Я командовала своей «Русалкой», а Родольфо — своим «Аристомом».

Все было очень весело, мы не расставались.

Приближался праздник 14 июля, и я не хотела проводить его в «Мадраге». Еще ощущалось присутствие Гюнтера, мое патристическое замужество было свежо в памяти, а скрытая тоска не отпускала меня.

Я наняла в Каннах у Глемо великолепную яхту — 35 метров длиной, 6 роскошных кают — и решила пуститься в плавание вместе с моими амазонками по маршруту Корсика—Сардиния. Без мужчин! Ни один мужчина не имел права подняться на борт!

Кроме Джиджи — ведь я была начальником и капитаном.

14 июля к полудню мы погрузились на наш плавучий дворец. Выпив шампанского с друзьями, убедившись, что капитан проникся ответственностью за сохранность шести очаровательных девушек, легендарных унди, мифических амазонок, глядя на которых он чуть не свернул себе шею, мы медленно вышли из бухты Сен-Тропеза в сопровождении маленькой флотилии наших друзей, посылавших нам воздушные поцелуи, бросавших цветы — и все это под звуки сирены.

Быстрые, игривые, проказливые дельфины сопровождали нас часть пути. Мы бросали им хлеб, фрукты, но, казалось, они больше интересовались нами, чем едой. Затем нам повстречались кашалоты, которые салютовали нам, выпуская фонтаны воды, как волшебный беззвучный фейерверк.

Это было очень красиво и волнующе.

Прибыв вечером в Сен-Флоран, мы были полны впечатлений.

Этот маленький чудесный порт напомнил мне о моем морском путешествии с Гюнтером.

Вечер выдался бурным!

Был салют петардами, бенгальскими огнями в честь праздника. Нас взяли на abordаж мужчины с гоночного парусника, стоявшего по левому борту, и очаровательный Джанни Аньелли с друзьями, чья яхта стояла по правому борту. Капитан, увлекшись ролью, приказал бить в колокол, пытаясь отразить нападение с левого борта, в то время как с правого борта шикарный и невоз-

мутимый метрдотель подавал нам шампанское и птифуры, не забывая расточать комплименты. Я начала сожалеть о том, что захватила с нами Джиджи, он был лишь бледной копией мужской расы, желавшей быть объектом нашей страсти.

Под конец этой памятной ночи Джанни Аньелли, взятый в плен Глорией, решил сопровождать нас до Сардинии, а Кароль, покоровшая Жана Гише, прокладывала путь на его яхте.

К Сардинии отправилась целая армада. Мы заходили в многочисленные порты Корсики. Я послала телеграмму Кариму Ага Хану, чтобы предупредить его о нашем приезде. Он ответил, что будет в отъезде и не сможет нас принять, но отдаст распоряжение предоставить мне все, что потребуется на Сардинии, включая вертолет.

Кто-то сказал: «С необыкновенными людьми случается необыкновенное!» Думаю, я принадлежу к этой породе!

В Порто-Ротондо к амазонкам прилетели на самолете их любимые: к Свеве — Ален, к Монике — Марио.

Мы отправились на завоевание мира, свободные, современные, независимые женщины, амазонки, бросившие вызов, а стали счастливыми в объятиях наших дружков, или, как я, в объятиях любовника, которого выбрала перед отъездом. Это лишнее доказательство того, что женщина, будь она красивой, знаменитой, богатой, желанной, не создана для одинокой жизни! Будет ошибкой утверждать обратное!

Возвращение прошло менее гладко.

Нас застигла буря, от которой все переворачивалось внутри. Мистраль бросал нашу яхту, как пробку. Аньелли, почувствовав приближение ветра, остался на Сардинии. Автогонщик и его блестящий экипаж решили отдаться на волю ветра, то есть поплыли в противоположную сторону. Капитан повел нашу яхту в Монако, самый ближний порт. Бежав с корабля как стая обезумевших крыс, мы остановились в «Отель де Пари», будучи в состоянии совершенного упадка.

Величие и закат амазонок 68 года...

В перерыве между рвотой я позвонила в «Мадраг» и вызвала шофера Брахима, чтобы он быстро забрал нас.

Август тянулся долго.

Я сама обманывала себя.

Ален Делон, который снимал фильм «Бассейн», искал дом для съемки и другой — для себя. Он попросил меня приютить его на несколько дней, чтобы не попасть в лапы журналистов. В это время разразился скандал с делом Марковича, в котором он, кажется, был замешан. Но моя дружба к Алену была сильнее.

Дом был полон холостых амазонок, но я хотела найти тихое

местечко, чтобы Делону было хорошо. Единственным свободным местом оказался старый сарай, который я превратила в гостевой домик. Он выходил прямо на пляж.

Я послала шофера за Аленом в аэропорт Ниццы.

Все было очень шикарно, как и должно быть у звезды.

Но, увидев свои «апартаменты», Ален на мгновение заколебался. Я тоже! В конце концов, какое значение, что душ во дворе, унитаза забит, умывальник самый примитивный и нет горячей воды! Сейчас август, море и солнце почти рядом, дом был тихим — очаровательное гнездышко вдали от толпы, от цивилизации.

Ален, несмотря на предубеждение, вступил во владение своим поместьем. Через несколько часов он оценил его и не желал ничего лучшего.

Вечером мы отправились поужинать в «Пиццерия Романа». Делон отказался, предпочтя разделить трапезу со сторожами, любящая закатом солнца. Утром, вернувшись домой, я обнаружила на своей подушке записку от Алена: «Как ты можешь портить свою жизнь, прожигать часы, минуты с тупицами, когда в твоём распоряжении подлинная красота, уникальная, живая и величественная? Я наслаждаюсь ею за тебя. Ален».

В то время его жизнь совершенно разладилась.

Он только что развелся с Натали и еще не встретил Мирей Дарк. К тому же, в его фильме снималась Роми Шнайдер, а она еще жила в сердце Алена. Все это выводило его из себя, но он не показывал вида, как обычно.

Я тоже была в смятении.

Мы могли бы соединиться благодаря этой случайной встрече, полюбить друг друга, смешав вместе сомнения, страсть, отчаяние, усталость. Мы могли бы стать опорой друг другу.

Этого не случилось.

Я проводила дни и ночи с Джиджи, а Ален жил и спал один в хижине на пляже. Я предпочитала красотам моего дома, закатам, пению соловьев на исходе дня дешёвые рестораны, ночные заведения, оглушающую пустоту. Ален научился соизмерять свою боль с шумом волн, ветра, с солнцем, с мурлыканьем кошек, с запахом эвкалиптов и хриплым криком чаек.

Как параллельные линии, которые неизбежно должны встретиться в определенной точке пространства и затем навсегда разойтись, мы провели это лето рядом, но по-настоящему так и не виделись.

Жаль.

Лето заканчивалось, наступал сентябрь. Внезапно Джиджи и амазонки исчезли. Мы остались вдвоем со Свевой, одинокие и печальные. Вдруг позвонила Флоранс Гринда и попросила меня

приютить ее двух молодых приятелей — Патрика и Кристофера. Я согласилась. Молодые люди приехали. Им было по 23 года и они были очаровательны. Я и Свева перестали плакать.

Видя нас с двумя неотразимыми кавалерами, люди в конце концов приняли их за наших любовников. Но никак не удавалось определить, кто с кем живет, поскольку никто не жил ни с кем! Попытались выяснить, кто они такие, спрашивали нас обеих, счастливы ли мы, и при этом многозначительно улыбались.

Сколько женщин завидовали Свеве и мне!

Да и как тут не позавидовать!

Вечером каждый из них возвращался к своим пенатам.

Это уже становилось оскорбительно! Мое стремление к независимости и свободе обходилось мне дорого, очень дорого, и в прямом, и в переносном смысле. Однако, зная, что все же лучше вызывать зависть, чем жалость, я позволила людям поверить в лучший вариант, хотя мне достался худший! Только Гуапа, которую я так часто бросала этим летом, теплая и нежная Гуапа, делила со мной бессонные ночи.

Позвонила Ольга, по ее мнению, я что-то уж слишком тянула с возвращением в Париж; ей сказали, что у меня поселились два молодых красавца... Правда ли это? Кто они такие? Нашла ли я замену Гюнтеру? Одним словом, она заранее смаковала сплетни.

Ожидания не оправдались!

Но она предложила мне выступить на мировой премьере «Шлако», которая должна была состояться в Гамбурге 28 сентября, в день моего рождения. Попросила подумать и дать ответ как можно скорее.

Свева была «за», она считала, что это будет занятно, Кристоферу было наплевать, а вот Патрик, первый раз за все время, проявил себя. Он предложил поехать со мной, если надо, чтобы меня кто-то сопровождал...

Я остолбенела! А тут еще явились Флоранс с Филиппом д'Эксеа, которого я не видела сто лет. У Филиппа была новая работа: рекламировать отдых на одном из Багамских островов, пока необитаемом, но обитателей надо было найти во что бы то ни стало, поскольку его доход определялся количеством проданных туров.

Дом начинал оживать, я тоже.

Вместе с Флоранс приехал красивый и молодой немец из Гамбурга по имени Юргенс. Он взялся организовать у фон Бисмарков большой праздник по случаю премьеры фильма и моего дня рождения! В свою очередь Фи-Фи приглашал нас за счет фирмы чудесно отдохнуть на Грейт-Харбор-Кей. Ведь одного моего присутствия было бы достаточно, чтобы весь мир устремился туда.

Так как мои планы стали проясняться, я закрыла «Мадраг», по-

пытавшись избавиться от обоих моих воздыхателей. Но если Кристофер воспринял свою отставку с философским спокойствием, то Патрик сделал вид, что ничего не понимает. Все такой же невозмутимый, он намеревался увязаться за мной, куда бы я ни отправилась. Этот странный парень стал не на шутку меня озадачивать.

Когда я, устав от его победительного вида, нахальства и позерства, спросила прямо, как понять эти замашки светского хлыща, он самоуверенно ответил, что, если мне угодно, он даст ответ сегодня же вечером в моей постели! Что ж, после нас хоть потоп, я ни перед кем не обязана была отчитываться и приняла его с распростертым одеялом. Но вопреки моим ожиданиям, он целомудренно уснул рядом со мной.

Пробуждение было столь же безгреховным!

Я не могла опомниться от изумления.

Я никогда не была сексуально озабоченной, отнюдь нет, нежность мне всегда была дороже этих изнуряющих упражнений, этих судорог, после которых мы остаемся обессиленными, разбитыми, — и было бы ради чего! Сладость ласк лучше демонстраций мужской силы, которые я нахожу смешными. И все же я недоумевала. Неужели я такая старая и неаппетитная? Но мне ведь только тридцать три года, ну ладно, неполных тридцать четыре! Все-таки я еще молодая, красивая, привлекательная, отлично сложена и волную желания людей всего мира.

Так в чем же дело? Наверно, он педик!

У него появилась привычка засыпать рядом, не прикасаясь ко мне.

У меня появилась привычка считать это привычным.

И вот с этим странным партнером я вернулась в Париж.

Мадам Рене и не такое видала! Но Гуапе было нелегко приспособиться, делить меня с кем-то столь необычным образом. Что касается мамы и папы, то они отнеслись к новому «зятю» с недоверием и опаской. Напрасно я клялась им всеми святыми, что между нами ничего не было, они все равно не верили, их не проведешь! И вообще, чем этот тип занимается?

* * *

Честно говоря, до сих пор не пойму, зачем мы тогда поехали в Гамбург. Так или иначе, но мы отправились туда, как обычно, целой делегацией, и это стало заметным событием.

Филиппа д'Эксеа, Патрика, Юргенса, Глорию, Флоранс Гринда и меня семья фон Бисмарк приняла по-княжески. Разумеется, нас с Патриком поместили в одной комнате!

Была одна трудность — срочно достать Патрику элегантный костюм, и Жан Букен скроил и сшил его накануне нашего отъезда. Патрик был такой высокий и такой красивый, что все шло

ему как нельзя лучше. Это была эпоха пиджаков «мао», которые часто заменяли смокинг.

И все же я немного беспокоилась. В сущности, я ведь даже не знала, откуда он взялся, а притащила с собой в замок к Бисмаркам, ему предстоит появиться рука об руку со мной на мировой премьере «Шалако». Умеет ли он вести себя за столом? А вдруг его манеры окажутся не на должной высоте, и я буду сгорать от стыда?

Краем глаза я наблюдала за Патриком, который, облачившись в «мао» из тонкой шерсти, упоенно разглядывал себя в огромном оgranенном зеркале! Все же осанка у него была горделивая. Ладно, будь что будет! И потом, меня будут окружать Филипп д'Экса и Глория, привычные к светской жизни, Флоранс Гринда, специалист по всевозможным приемам, и Юргенс, великолепный образец немецкого аристократа, они скорее всего отвлекут внимание на себя!

В кино нас доставил целый кортеж автомобилей с шоферами в униформе. Весь вечер семья фон Бисмарк сопровождала меня, словно королеву! Я была окружена не только роскошью, эlegантностью, утонченностью, но и предупредительностью. На мне было черное платье с блестками, сшитое у Диора специально к этому вечеру, а вокруг шеи — пышное боа. Волосы я уложила в узел на макушке, в стиле начала века. В тот вечер мне исполнилось тридцать четыре года! Я была красива! Но одинока, и в сердце у меня был ледяной холод.

«Шалако» шел в английском варианте с немецкими субтитрами. Я сама озвучивала роль по-английски, но, помимо сцен с моим участием, я ничего не поняла в этой истории, которая, впрочем, была нисколько не интересна. Фильм еще не успел кончиться, а в зале вспыхнула овация, уж не знаю почему — быть может, потому, что я там присутствовала!

В замке Бисмарк в мою честь был устроен великолепный праздник!

Пока что Патрик вел себя безукоризненно.

Высокомерный, уверенный в себе, он окидывал все кругом холодным взглядом голубых глаз, ничему не удивлялся, словно видел все это каждый день, хотя впервые в жизни присутствовал на таком приеме: я подумала, что это парень со стальными нервами, бесчувственный, как скала! Конечно, женщины не могли остаться к нему равнодушными, но они дефилировали перед ним, не вызывая никакой реакции с его стороны, они ничего для него не значили, и я тоже.

В два часа ночи, совершенно обессиленная, я бросилась на огромную кровать под балдахин, с занавесями из красной парчи, думая, что сейчас он, наконец, придет, поговорит со мной, поздравит с днем рождения, приласкает за неимением чего-либо

другого, в общем, уделит мне внимание. Вместо этого, к своему недовольству и удивлению, я увидела, как он молниеносно переодевается в спортивную куртку: он заявил, что вместе с сыновьями Бисмарков по имени Пинг и Понг отправляется смотреть на проститутку в витринах и вернется только на рассвете.

Затем он быстро поцеловал меня в лоб и ушел!

Полночи я проплакала, одна в этом чужеземном замке, в этой комнате в стиле рококо, на старинной кровати, среди пышного убранства, где обитало лишь мое отчаяние.

Меня окружали почести и лесть, весь вечер около меня увивались красивые, молодые, богатые поклонники, одна из знатнейших в мире семей принесла мне дань уважения, но я была растеряна, подавлена, я умирала от тоски, задыхалась в страшных тисках одиночества, которое не могла побороть.

Он вернулся, когда уже рассвело, и я спросила, почему он так нагло изменил мне. Он холодно ответил, что не мог мне изменить, поскольку не был моим любовником! Затем повернулся ко мне спиной и заснул.

«Поражена в самое сердце, ударом столь же внезапным, сколь и смертельным!»

Мне пришли на память эти стихи Расина, и я вдумывалась в них, предвкушая беспощадную месть, которую я ему приготовлю.

На следующий день я как ни в чем не бывало разыгрывала из себя благополучную, счастливую женщину, какой мне полагалось быть. Я тоже попросила посмотреть запретные кварталы. В фуражках и темных очках все мы — Пинг, Понг, Филипп, Глория, Флоранс, Юргенс, Патрик и я — были похожи на молоденьких юнг, которые сошли на берег... и пошли по борделям! Забавно было глядеть на всех этих девиц в витринах, занятых вязанием или маникюром, полуголых или в вызывающе откровенных нарядах. Выглядело это прямо-таки мило и уютно. Мне чуть не захотелось зайти туда и выпить с ними по чашечке кофе!

Но нельзя было, получился бы скандал.

Я считаю, что продажным женщинам приличнее находиться в тепле, на виду, быть хорошо одетыми и ухоженными, чем разгуливать по панели невесть где, когда угодно, в какую угодно погоду и невесть с кем...

Будь на то моя власть, я вновь открыла бы публичные дома! Особенно сейчас, когда свирепствует СПИД, да и другие страшные болезни, которые постоянно угрожают этим девушкам. Не говоря уже о растущей конкуренции гомиков, переодетых женщинами, с женскими грудями и мужским членом, являющих собой противоестественную пародию на проститутку и мало помалу, шаг за шагом завоевывающих их территорию!

По возвращении в Париж я сразу же сообщила Патрику о его отставке.

Чтобы дать ему собрать вещи, я ушла, прихватив с собой Гуапу, и отправилась с визитом к моим старым дамам, к моим «бабушкам», сначала к родной, Бабуле, потом к тете Помпон, к Дада, и, наконец, к моей бывшей гувернантке Биг, которая жила с ними на одной лестничной площадке. Я была удостоена чая с печеньем, нескольких слезинок, бесчисленных поцелуев, сплетен, жалоб на застарелые боли, я должна была рассказать о себе, развлечь их, поведать о новом возлюбленном... Я осторожно избегала этой темы, полагая, что к этому времени его легкий багаж уже собран и он вот-вот покинет квартиру на авеню Поль-Думер.

Каково же было мое удивление, когда, вернувшись домой, я увидела, как он лежит на кровати и смотрит телевизор! Никакими сборами тут и не пахло. А затем он встал, крепко-крепко обнял меня и прошептал, что любит...

У меня закружилась голова!

Но это было только начало!

Мы неделю провели в постели, не обращая внимания на телефон, забыв о еде, о деловых встречах, не замечая смены дня и ночи. Так он наверстывал упущенное время!

Прошло несколько дней, и, сметая все на своем пути, ко мне в комнату ворвалась разъяренная Свева, она была вне себя! Крупнейшие американские журналы уже неделю дожидались от нее моих фотографий. Съёмки откладывались со дня на день, гримерам, парикмахерам, портным, ассистентам это надоело, и они заявили, что крайний срок — сегодня. Она готова была разрыдаться.

А мы лежали в постели обнявшись, пылая любовью, равнодушные ко всему. Шея у меня превратилась в один сплошной засос, волосы торчали в разные стороны! Под глазами от наслаждения залегли темные круги, все тело было в синяках, губы — в трещинах, словно перезрелые фрукты.

Красотка, одним словом!

На меня напал неудержимый смех при мысли, что я буду фотографироваться в таком состоянии, но Патрик с полным спокойствием и самообладанием заверил меня, что это необходимо сделать, что никогда в жизни я уже не буду такой красивой, что я излучаю чувственность и соблазн, каких во мне не ощущалось прежде.

Он был прав.

Эти фотографии неповторимы, они источают любовь сквозь все поры пленки.

Нас с Патриком связала неутолимая, изнуряющая, мучительная, возвышенная страсть, и длилось это два года.

Филипп д'Эксеа отправил нас на Багамы через Люксембург — так было дешевле! Даже когда приглашаешь кинозвезду с кучей друзей, не надо забывать об экономии! Дожливым ноябрьским утром Глория, Филипп, Патрик, присоединившийся к нам в последний момент Жики и я сели в «роллс-ройс» и отправились в Люксембург.

Это было ужасно!

Зачем ехать на Багамы? Мне было так хорошо на авеню Поль Думер, в уютной, теплой квартире с мягким освещением, словно в бархатном футляре. Да еще пришлось расстаться с Гуапой, а она так жалобно смотрела на меня. Но Патрик рвался к неизведанному, к солнцу, к новым впечатлениям, ему не сиделось на месте и, конечно же, не занятия на факультете восточных языков могли его удержать. Он никогда не ходил туда, ни разу мне не попала на глаза какая-нибудь его письменная работа, статья или папка с бумагами. Что до его лингвистических познаний, то он не знал ни слова ни на одном иностранном языке. На мои вопросы он всегда отвечал уклончиво и зажимал мне рот долгим поцелуем, от которого перехватывало дыхание!

Мы прибыли в Нассау; этот город странным образом напомнил мне Дорадо-Бич в Пуэрто-Рико. Все здесь было предельно американизировано. Я чувствовала себя, как в огромном Диснейленде.

Я жутко разозлилась!

Долгое путешествие, страх перед самолетом, десять часов в воздухе — и все ради того, чтобы увидеть декорацию из папье-маше, политую кетчупом!

Я заявила, что немедленно возвращаюсь домой.

Никто, похоже, не огорчился, поскольку все меня хорошо знали.

И очередной раз оказались правы.

На следующий день две одномоторные «Сессны» доставили нас на Грейт-Харбор-Кей. С самолета я увидела маленький, словно на детском рисунке, островок, окаймленный белыми песчаными пляжами, окруженный прозрачной, цвета бирюзы, морской водой. Мы приземлились на большой лужайке, единственный на острове автомобиль доставил нас к маленькому белому деревянному бунгалу, стоявшему на пляже словно кукольный домик. Кругом росли кокосовые пальмы, все казалось диким и безлюдным.

Это было похоже на рай!

Это и оказался рай!

Маленькое белое деревянное бунгало было предоставлено Патрику и мне, остальные деликатно удалились в такой же ку-

кольный домик в нескольких сотнях метров от нашего, чтобы дать нам спокойно провести медовый месяц.

Мы ходили голые с утра до вечера.

Он, кельтский бог, белокурый и загорелый викинг с безупречным телом, был воплощением Адама в этом земном раю. А я, высокая тоненькая блондинка с льняными волосами, могла бы быть Евой! Мы были красивы, счастливы, свободны, предоставлены сами себе, влюблены, опьянены нашими телами, одержимы желанием завладеть душой друг друга, слить воедино наши сердца. Вечером, возвращаясь домой, мы обнаруживали, что в холодильнике полно продуктов, все убрано, лампы заправлены керосином, в ванной — чистые полотенца, на постели — свежее белье. Все это проделывали чьи-то невидимые руки! В обеденное время приходил совершенно очаровательный и отлично знающий свое дело негр и на пляже готовил нам на гриле лангустов, которых мы подавали вместе с Фи-Фи, Жики и Глорией. Вечером обитатели каждого бунгало поочередно приглашали друг друга ужинать. Если не считать sun-fly, местной разновидности москитов, которые появлялись после захода солнца и не давали покоя до утра, все было идиллическим, романтическим, исключительным, неповторимым.

Фи-Фи каким-то чудом раздобыл лодку, крошечную, как ореховая скорлупа, с малюсеньким моторчиком, и предоставил в наше с Патриком распоряжение.

И вот однажды мы, совсем нагишом, вышли в море на этой скорлупке, исследовали морские глубины, любовались берегом издали, резвились как дети, гоняясь за огромным скатом «манта» — это такие летучие рыбы, они бывают шириной до двух метров и парят над водой, как громадные воздушные змеи, — мы были так поглощены нашими открытиями и чудесными неожиданными, что и не заметили, как надвинулись тучи. Внезапно на маленькое суденышко навалились огромные волны, нас сковал ледяной холод, захлестнул ливень.

Мы ничего больше не могли разглядеть.

Густой туман, подгоняемый сильным ветром, мотал нас из стороны в сторону. Мотор заглох. Весел не было. Мы уже не могли определить, где берег.

Меня охватила паника. Нам не выбраться!

Я стала кричать, подставляя рот дождю и ветру.

Я замерзла и дрожала всем телом. Патрику тоже было не по себе, но он сохранял обычное спокойствие. Велел мне свернуться калачиком в углу лодки, чтобы не замерзнуть совсем, пока он вглядывается в горизонт и пытается определить, в какой стороне берег. Наконец среди туч открылся небольшой просвет, словно приподняли покрывало, и мы увидели вдали наш пляж. По пляжу

металась какая-то крохотная точка, бегала туда-сюда, исчезала и возвращалась. Это был Фи-Фи! Он заметил нас. Поспешил на помощь на своем маленьком катере и взял нас на буксир. Потом высадил на берег и стал обогревать с помощью толстых одеял и обжигающего кофе.

Однажды утром я не обнаружила в холодильнике молока. Я имею в виду банку сгущенного молока, которым мы пользовались обычно, поскольку свежего молока на острове не водилось. У Фи-Фи его не было тоже. Ладно, обойдемся!

Но вечером, вернувшись домой, я к своему удивлению обнаружила у двери бунгало бутылку свежего молока. Выяснилось, что в Майами специально вылетал самолет, чтобы доставить мне молоко. Я была ошарашена. И не осмеливалась больше пожаловаться на отсутствие чего-либо, заранее опасаясь переполоха, который вызовет моя жалоба.

Во время шторма я простудилась, на меня напал неотвязный кашель. Подхватить бронхит на необитаемом острове Багамского архипелага столь же необычно, как получить солнечный удар на Северном полюсе. По телефону был срочно вызван врач, а прописанную им микстуру мне доставили из Нассау опять-таки самолетом. Назавтра мы должны были отправиться в Нью-Йорк. Раймон В., один из знакомых миллиардеров Жики, пригласил нас провести несколько дней в отеле «Мейфер», в президентском номере, который он забронировал по нашей просьбе. Анна, жена Жики, уже ждала нас там. Это было заманчиво — ненадолго прервать жизнь в духе Робинзона Крузо и совершить эскападу в Нью-Йорк, который я видела только когда приезжала на премьеру «Вива, Мария!», то есть, можно сказать, не видела вовсе.

Микстура была доставлена, и я, чтобы быть в форме к завтрашнему дню, влила в себя сразу полбутылки, надеясь таким радикальным способом покончить, наконец, с температурой и кашлем. Но в результате меня охватила страшная вялость, сонливость, усталость, непреодолимая слабость, я была на грани обморока. Фи-Фи пощупал мне пульс: он насчитал только сорок ударов в минуту! Прочитав список лекарств, составляющих микстуру, я поняла, что отравилась кодеином и папаверином — в больших дозах они становятся сильно действующими ядами!

Чтобы вывести меня из оцепенения, мне надавали пощечин, заставили выпить несколько чашек кофе, принять холодный душ. Я была безвольной и обмякшей, как тряпичная кукла. Поскольку я была не в силах собрать вещи сама, Патрик и Фи-Фи с помощью Глории кое-как зачихали мою одежду в дорожные сумки. Я была далеко; я вполне осознавала мое промежуточное состоя-

ние и ужасалась неотвратимому приближению смерти, которой не желала, но которая постепенно завладевала моим телом, моими реакциями, моими рефлексами, и даже моей речью.

Вспомнив, что мама всегда имела с собой таблетки корамин-глюкозы, которые творят чудеса, если человеку плохо, я попыталась сказать об этом. Но попробуйте найти корамин-глюкозу в одиннадцать часов вечера посреди необитаемого острова! Все равно что снег летом!

Вот в таком плачевном состоянии маленькая «Сессна» унесла меня на следующий день в Нассау. В аэропорту, перед рейсом в Нью-Йорк, меня осмотрел врач. Давление было ужасающе низким, пульс — 42 удара в минуту. Мое состояние вызвало у него тревогу. Сделали укол, но от него лучше не стало.

Когда я прибыла в Нью-Йорк, к счастью, без приветственных фанфар, то не могла держаться на ногах и улеглась в постель. Врач, присланный в срочном порядке, явился и прописал несколько чудодейственных снадобий, которые могли изготовить в любой аптеке! Я узнала тогда, что в Соединенных Штатах ни одно лекарство, кроме аспирина, не продается в готовом виде и что они по старинке изготавливаются в аптеках согласно рецепту. Это напомнило мне американский анекдот про парня, который входит в аптеку и спрашивает:

— Вы делаете анализы мочи?

— Да, — отвечает аптекарь.

— Ну тогда вымойте руки и приготовьте мне сандвич!

Наконец я пришла в себя и смогла обследовать Нью-Йорк вдоль и поперек под жгучим солнцем бабьего лета.

В темном парике и солнечных очках я бродила с Патриком по всем улицам и авеню, не испытывая никакого удовольствия: это были бесконечные вереницы роскошных витрин, привлекавших миллиардеров своей помпезностью, очень характерной для чисто американского понимания роли денег. Мы прошли через квартал бедняков, в основном негров, который называется Бауери, с угрюмыми кирпичными домами, ржавыми наружными лестницами, помойками, заваленными всеми отбросами, какие существуют и какие можно вообразить, с грязью и тошнотворными запахами, потом оказались на Уолл-Стрите, квартале биржевиков, где огромные, почерневшие и грязные строения таили в своих недрах рычаги, управлявшие богатствами всего мира. В тот субботний день здесь было безлюдно, заперто, мертво. Чуть подальше статуя Свободы, громадная и гостеприимная, принимала полчища туристов.

Решительно, этот город нисколько меня не привлекал.

Чтобы дать мне развеяться после утомительного дня, Рай-

мон В., человек, снявший для нас верхний этаж отеля «Мейфер», решил устроить нам ужин в «Плазе».

И вот я нарядилась: широкие брюки из черного крепа — эдакая шикарная длинная юбка-брюки с белой креповой туникой, на голове — тюрбан из черного и белого крепа, при драгоценностях, серьгах, с позолоченным металлическим поясом, на высоких каблуках, — все невероятно изысканно, со мной Глория и Анна в длинных бесподобных платьях, мужчины все в смокингах, кроме Патрика, но как же он элегантен в своем «мао»!

И вот нас не пускают в «Плазу», ресторан, куда вход воспрещен не только неграм, евреям и собакам, но также и женщинам в брюках! Я чуть не сняла эти злосчастные брюки — тогда бы из моей туники получилось мини-платье! В таком виде, с неприкрытой задницей, я могла бы войти в этот дерьмовый ресторан, а в великолепной юбке-брюках меня оттуда выставили! Я поклялась, что ноги моей больше не будет в этом идиотском городе, и я сдержала клятву.

Вернувшись в Париж, в декабрьскую мглу, но к теплу моего дома, к моей собаке, к моим родителям, к стареньким бабушкам, я ощутила, какое огромное расстояние отделяет меня от Патрика. Разница в возрасте у нас была в десять лет: искушенная тридцатичетырехлетняя женщина и двадцатичетырехлетний юноша, только открывающий для себя жизнь. Примерно в этом возрасте был Вадим, когда женился на мне, а мне тогда было только семнадцать!

Я должна была исполнять капризы, прихоти, удовлетворять потребности юного любовника, властолюбивого, жадного до новых впечатлений, стремившегося к неизведанному.

В то время как пресса без конца обсуждала мое новое увлечение юным студентом, Гюнтер встретил Мирью, восхитительную шведку, на пятнадцать лет моложе его!

Но если мужчина таким поступком вызывает всеобщее одобрение, то на женщину начинают смотреть как на старую мымру, которая наняла себе жиголо.

Надо сказать, эта печальная участь преследовала меня всю жизнь: ни разу среди моих мгновенных увлечений мне не попался мужчина, настоящий мужчина, достойный меня, пусть даже мои слова кому-то покажутся высокомерными. Мне пришлось довольствоваться слишком молодыми, слишком избалованными, слишком неискушенными партнерами, которые не принесли мне ничего кроме разочарований, утомительной суеты и всяческих осложнений. И тем не менее их присутствие скрашивало мое одиночество, и тридцать лет мне приходилось смиряться с судьбой. Но я не перестаю думать об этом! Мне так хотелось бы найти

себе поддержку, друга, достойного этого имени, Мужчину с большой буквы, на которого я могла бы опереться, который поделился бы со мной своей силой, ведь силы порой так не хватает!

Ладно, не будем об этом.

Патрик обожал зимние виды спорта, он был страстный горнолыжник, неустрашимый спортсмен. На авеню Поль-Думер ему было тесно. Он там задыхался, он ненавидел эту душную квартиру, ему хотелось увидеть простор, открывшийся горизонт, хотелось сменить обстановку.

Едва успев вернуться, я опять должна была готовиться к отъезду. Ради него.

В этот период моей жизни на меня со всех сторон сыпались приглашения побывать там или тут, дать безвозмездно приобщиться к моей славе.

Авориаз, в то время еще мало кому известный курорт, тоже прислал приглашение. Мне предлагали шале в полное мое распоряжение, с прислугой и всем прочим. Обычно я просто выбрасывала такие послания, выбросила бы и это, но Патрик не дремал, и ему удалось убедить меня, что будет просто чудесно провести Рождество в Авориазе. Я попыталась уклониться от этого путешествия, но все было напрасно. Их высочество надувался и угрожал уехать к друзьям в Альп д'Юэ... и тогда!..

И тогда я позвала на подмогу чилийку Глорию, которая всегда подворачивала ноги, если ходила не по песку, Фи-Фи д'Эксеа, который способен был жить только в тропиках, Кароль, которая отправлялась туда, куда нес ее ветер, поскольку никаких занятий у нее не было. Свева должна была благополучно доносить своего ребенка, ни о какой поездке не могло быть и речи. Что касается Моники, как всегда готовой помочь, то она согласилась.

И вот мы в Авориазе, в отвратительном шале, похожем то ли на пещеру троглодита, то ли на убогую квартирку в унылом поселке, сляпанном по заказу бездарных, лишенных вкуса людей!

Рождественский праздник всегда был для меня волшебным таинством, и потому я притащила с собой набор подарков, все необходимое для устройства рождественских яслей, привезла гирлянды и шары, чтобы украсить елку!

Я постаралась создать праздничную обстановку в этой халупе, у которой от шале было только одно название.

Это был провал, провал во всех отношениях.

Днем Патрик, увлеченный своими лыжами, не находил для меня и минуты. Вечером ему тоже не сиделось дома, он отправлялся в единственный местный ночной клуб, где встречался с прелестными молодыми женщинами, которые весь день были с

ним на подъемнике, на канатной дороге, на головокружительных спусках.

Мне казалось, что я сильно смахиваю на идиотку! На бессильную идиотку!

Да так оно и было.

Страшно подумать, какой идиоткой я бывала в жизни!

Но от этого не умирают. Доказательством может служить то, что я жива до сих пор! Но какой ценой! После ритуальных поцелуев в новогоднюю ночь, чувствуя себя все хуже и хуже в этом поселке, не имевшем истории, не обладавшем подлинностью, я решила вернуться в Париж.

Прощай, год 1968!

Здравствуй, год 1969!

Уходящий год я всегда провожаю без сожалений, но с тревогой думаю о том, что принесет мне год наступающий.

XXV

Год 1969 — год эротики, как правильно сказал Серж Гейнзбур!

Я постоянно ссорилась с Патриком!

Наша ущербная совместная жизнь держалась только на моем физическом влечении к нему. Ольга предлагала мне роли в фильмах, но я отказывалась. Я ничего не хотела делать, только заниматься любовью с Патриком, а он занимался этим со мной, когда ему было удобно, и оставлял меня в растерянности, в отчаянии, в разладе с самой собой, вне себя от ревности — от этого можно было умереть!

Однажды я получила приглашение на охоту, которую устраивал в своем эльзасском поместье Жан де Бомон. Я уже тогда была яростным противником охоты, недостойного торжества силы человека над слабостью животного, и выбросила приглашение в корзину для бумаг. Патрик, неизвестно зачем рывшийся в корзину, обнаружил его там, сделал мне выговор за то, что я его скрыла, и решил отправиться туда!

Я взбунтовалась!

Приглашение было на имя мадам Гюнтер Сакс, а ему там было делать нечего, мне он был только любовником, и его никто не приглашал. Он улыбнулся и обозвал меня дурой.

Наглец, хам, скотина!

Я хотела отобрать у него конверт с приглашением. И получила пощечину, затем другую. Стала отбиваться пинками и кулаками и наконец получила сокрушительный удар в левую скулу, точно под глазом. Это был нокаут, и я впала в полубесчувственное состояние, которое у боксеров называется «гробги». Мадам Рене, услы-

шав шум борьбы, наконец решила взглянуть, в чем дело. Я была изуродованная, распухшая, в ужасном состоянии, вся в крови. Меня отвезли в американский госпиталь, где я провела уик-энд, в то время как Патрик охотился с Жаном де Бомоном.

По возвращении он наткнулся на запертую дверь, перед которой на лестничной площадке стояли его чемоданы.

Моя секретарша Мишель очень тактично и деликатно забрала у него мою машину, которой он воспользовался без моего разрешения, и поспешила спрятать ее в надежном месте! А я с тревогой ждала ответных действий Патрика, с боростироловым компрессом на щеке, с фонарем под глазом и сердцем, разбитым вдребезги!

Я чувствовала себя покинутой, усталой, обезображенной.

Патрик привел несколько дней у родителей в Сен-Клу и даже ни разу не позвонил мне. Эти несколько дней показались мне вечностью, но помогли восстановить нормальный внешний вид.

В одно прекрасное утро он вернулся, с розой в одной руке и чемоданом в другой, обнял меня, приласкал, поклялся никогда больше так не делать, пожалел о своем поведении. Он казался таким искренним, что я попалась на удочку, мгновенно забыла свою печаль и обиду, чтобы не помышлять больше ни о чем кроме моей безмерной любви к нему.

Мы часто бывали в обществе, светские приемы, которые я так ненавижу, стали частью нашей повседневной жизни. Патрику хотелось, чтобы я была самой красивой, самой изысканной, самой соблазнительной, самой элегантной. Он придиричиво следил за тем, как я одевалась, требовал, чтобы я окончательно отказалась от колготок и перешла на зазывные кружевные чулки и сексапильный пояс с подвязками. Это меня забавляло, хоть я и не вижу смысла в игривом нижнем белье; но почему бы и нет, если это могло доставить ему удовольствие?

Мы бывали на премьерах в Лидо, стали завсегдатаями у «Максима», Рэтшилды великолепно принимали нас в Довиле и показывали годовалых жеребят, будущих фаворитов скачек, с которыми будет связано столько надежд, на которых будут поставлены такие состояния! Бедные маленькие лошадки, совсем еще несмышленные, им предстояло подчиниться стольким ограничениям, суровой дисциплине, стать жертвами интриг, махинаций и, увы, нередко получать допинг!

Однажды мама Ольга получила для меня приглашение на ужин в замке Верьер от Луизы де Вильморен и Андре Мальро. Это Жорж Луро, авторитетнейший продюсер, подал им идею провести вечер в моем обществе.

Я с большим интересом и волнением ждала этой встречи,

столь же неожиданной, сколь и необыкновенной! Мальро тогда был нашим министром культуры, и какой культуры! Что касается Луизы де Вильморен, чье имя сейчас, разумеется, забыто, то она была возлюбленной Мальро, но еще и знаменитой писательницей, выдающейся женщиной-литератором и просто женщиной, чей ум, очарование и чуткая душа не имели и не будут иметь себе равных.

Я очень волновалась, когда мама Ольга привезла меня в Верьер в сопровождении Жоржа и его жены. Замок, немного обветшалый, но в моем вкусе, был полон очарования, светился огоньками свечей и удивлял невообразимо густой чащей одичавших растений, разросшихся под окнами. Но Луиза де Вильморен очень гордилась своим садом, в котором были представлены различные редкие виды. Я немедленно влюбилась в эту женщину.

Во время ужина, выдержанного в старом французском духе, с утонченным изяществом, Мальро сидел с каким-то отсутствующим видом, заикался, глаза у него были красные, слезящиеся, губа отвисла, руки дрожали, слова его трудно было разобрать.

Я была разочарована. Я поняла, что он принимает наркотики!

Но когда я, испросив разрешения закурить во время десерта, встала, чтобы прикурить от свечи на столе, Андре Мальро отреагировал на это неожиданно резко, заставив меня потушить сигарету! Он объяснил мне, что прикуривать от свечи нельзя, это дурная примета, предвещающая смерть! Напуганная этой бурной реакцией, я в тот вечер больше не пыталась курить.

Через несколько месяцев я узнала о смерти Луизы де Вильморен. Чувствуя себя отчасти повинной в этом, я написала Мальро отчаянное письмо. Я напомнила о своем неосторожном поступке, который вызвал у меня ощущение неизгладимой вины. Он не ответил мне. Он ограничился тем, что, в свою очередь, ушел из жизни, чтобы встретиться с ней или чтобы наказать меня раз и навсегда.

Я возобновила давнюю дружбу с Жаком и Коринной Дессанж. В свое время их страсть к охоте оттолкнула меня от них, но Патрик заставил меня встретиться с ними снова, что не было для меня неприятно, ведь я раньше очень любила Коринну. Но уикэнды в Солони, среди шайки тупых убийц, гордившихся своими охотничьими трофеями, выкладывавшими по вечерам во дворе маленькие, еще не остывшие трупы — это было невыносимо.

Я устроила скандал, обозвав их кретинами и кровопийцами.

Я сравнивала их головы с головой благородного оленя с ветвистыми рогами, висевшей над камином! Наконец дело приняло серьезный оборот, и я вынуждена была уехать, вызвав бурю, которая испортила вечер, однако стала пусть слабым, но возмездием

за все убийства, совершенные в тот день. Чтобы избежать окончательного разрыва, было решено, что мы будем приезжать к Десанжам в Солонь лишь по окончании охотничьего сезона.

Нечасто мы туда навевывались!

Но надо признать, что я провела там и чудесные уик-энды, веселые, заполненные играми, бильярдом, джин-рамми, партиями в покер, прогулками по лесу с собаками, знакомством с дивным краем, не омраченным жестокими опустошениями в его животном царстве.

Мама Ольга так бегала за мной, что ей уже можно было присудить олимпийскую медаль! Предлагала мне все новые и новые сценарии. После провала «Шалако» не приходилось рассчитывать на слишком выгодные условия. Мой кассовый успех шел на убыль, пора было обрести второе дыхание, позаботиться о карьере, подумать о профессиональном росте и т.д.

Эти разговоры совершенно не действовали на меня, не волновали, а только раздражали.

Мне дали читать сценарий под названием «Женщины» и еще другой, «Медведь и кукла». Их нужно было изучить в срочном порядке и ответ дать немедленно!

Я приехала в Базош, прихватив эти сценарии и честно собираясь их прочесть. Но сразу по приезде на меня навалились хозяйственные дела, проблемы с животными, со сторожами, прохудившиеся трубы, промерзшая почва, голуби, которые разорили соломенную кровлю и которых таскали куницы и лисы... Кошки расплодились, дом заполнили десятки диких, оголодавших котят, они писали где попало, и ужасный запах вьелся в кресла, вдобавок изодранные в клочья тысячами коварных ноготков. Единственным утешением были мои собаки.

Патрик терпеть не мог Базош, собак, кошек, осла Корнишона, сторожей и вообще деревню!

Едва приехав, он уже мечтал об отъезде.

Деревенский уклад жизни казался ему неопрятным, допотопным и смешным. В доме были очень низкие потолки, он несколько раз задевал головой балки и стал ходить пригнувшись, чтобы не бояться каждые пять минут проломить себе череп. А потом эти блохастые собаки, которые прыгали на него и пачкали грязными лапами его белые джинсы! А кошки, которые залезали в кровать, на стол, шлепались в тарелки, драли когтями его кашемировые пуловеры, — все это вызывало у него омерзение!

Я разрывалась между обязанностями, животными, домом, так мной любимым, — и Патриком!

В конце концов я стала приезжать туда одна, чтобы избежать объяснений, сцен, раздачи пинков собакам и оскорблений сторо-

жам, которые в результате уволились, потому что не желали больше терпеть такое обращение со стороны «хозяина».

Чтобы не киснуть в одиночестве, я позвала на подмогу моих амазонок. Но они не всегда могли приехать, да и не слишком понимали очарование сельской глуши в феврале, когда туман саванном расстилается по пустым, мерзлым полям, а похожие на скелеты голые деревья тощими тенями вырисовываются на фоне серо-зеленого неба.

Однажды, вернувшись в понедельник утром на авеню Поль-Думер, я не обнаружила там Патрика. В страхе и тревоге я всячески пыталась выяснить, куда он делся. Мадам Рене его не видела. Но она обратила мое внимание на то, что его шкаф почти пуст, а большая дорожная сумка исчезла.

И моя маленькая машина «остин» исчезла тоже!

В довершение всего звонит мой банкир: утром у него побывал месье Патрик с просьбой выдать десять тысяч франков. Должен ли он предоставить требуемую сумму?

Как это? Он что, с ума сошел? Об этом не может быть и речи!

А кстати, известно ли ему, где сейчас Патрик? Нет, он понятия не имеем!

Я чувствовала, что схожу с ума! Да, я сходила с ума.

Как же мне теперь быть с шале, который я сняла в Мерибеле, чтобы Патрик мог заниматься своим обожаемым горнолыжным спортом? Не ехать же туда одной!

Я хотела отказаться от шале, но было уже поздно. Конечно, со мной всегда могут поехать Жики, Анна и два их малыша, пятилетний и двухлетний. Но с тех пор как они обзавелись детьми, жизнь их сильно усложнилась, теперь она подчинялась жесткому расписанию, надо было рано вставать, выходы в свет стали почти невозможными. Меня не очень привлекала роль няньки, у которой над ухом с утра до вечера орут милые ребятишки: одному надо регулярно набивать глотку кашей, другой жалобно пищит, сидя в мокрых памперсах.

На помощь, амазонки!

Я позвонила Кароль: она была свободна, только что порвала с любовником, и в таком же отчаянии, как я, она с утра до вечера наедалась шоколадом и пирожными, чтобы восполнить недостаток любви! На кого она станет похожа, если будет продолжать в том же духе! Ну да ладно, каждый получает удовольствие как может! Свева донашивала своего ребенка. Жизнь у нее была адская, ей ненавистен был снег, ненавистны мужчины, она жила лишь ожиданием звонка того, кого обожала, но и страшилась из-за его непомерных собственнических претензий.

Моника перебралась в Италию, она жила в Риме со своим Марио, и ее мало волновали неразрешимые проблемы разных там подруг. Что касается Глории, то она сошлась с Жераром Клейном и жила в безумном ритме, пытаясь приспособиться к новой для себя цыганской жизни, в которую втянул ее Жерар: они внезапно съезжали с квартиры, надув домовладельца, или находили себе приют в полуразрушенном замке. Эта великовозрастная, но все-речь влюбленная гейша, ненавидевшая зимние виды спорта, в ответ на мое предложение весело рассмеялась и повесила трубку.

Не имея никаких известий о Патрике ни от его родителей (впрочем, они бы все равно ничего не сказали), ни от его предполагаемых друзей, встречавшихся мне там и сям, я решила заявить в полицию об угоне машины! Так я наконец смогла бы узнать, куда он подевался, этот Патрик, которого я, рыдая от неутоленной любви, временами уже начинала ненавидеть.

Я приказала моей секретарше Мишель вынуть из шкафа его вещи, сложить их как попало и без всяких объяснений отвезти к его родителям.

В то время вокруг меня увивалось множество более или менее влюбленных мужчин, терпеливо ожидавших своей очереди. Все они были, в общем-то, милые, но совершенно неинтересные. Среди них были композиторы, авторы безвкусных и бездарных песен. Да и то сказать, после Гейнзбур!

Были еще и молодые, начинающие продюсеры, без таланта и без будущего. И уйма ничтожеств, на которых я не обращала внимания. Но одиночество и растерянность заставляли меня иногда выбирать кого-то из этой толпы, ужинать с одним, обедать с другим, чтобы заполнить пустое, бесполезное время.

Один из них предложил отвезти меня в Мерибель — он обо-жал зимний спорт, собирался в Валь-д'Изер и ради меня готов был сделать небольшой крюк. И вот мы с Гуапой уселись в красную «феррари» и покатали. Мадам Рене, Кароль, Жики и Анна, их дети и багаж следовали поездом.

В жизни у меня не было такой тоскливой, идиотской, ужасной поездки. Сверкающая «феррари» на обледенелых дорогах Морвана то и дело скользила и останавливалась с натужным ревом тормозов. Да еще этот уморительный человечек в дорожных итальянских туфлях и костюмчике от Ренома, который у каждой заправки вылезал и тут же шлепался на льду.

Он приводил меня в ярость!

Этот дурак обволакивал меня нежными взглядами, воображая, что, если я еду в его машине, значит, дело в шляпе!

Ну погоди, придурок, вот приедем, тогда увидишь, в шляпе дело или нет! Наконец-то я нашла себе козла отпущения, кото-

рый мог утолить мою жажду мести. Вот на кого я обрушу свое презрение к мужчинам, обиду, боль... дождется он у меня. Мы скользили километр за километром, а я думала о Патрике, представляла, что он сидит рядом со мной — где-то он теперь? Почему он бросил меня так внезапно? Слезы наворачивались на глаза, спрятанные за большими стеклами солнечных очков.

Мне предстояло перевернуть страницу — еще одну.

Прибыв в Мерибель, я воспряла духом.

В шале кипела жизнь. Запах супа, над которым колдовала мадам Рене, крики счастливых, резвящихся на свободе детей, нежное внимание Жики и Анны, непрерывно что-то жующая Кароль — все это заставило меня забыть о моем шофере, оставшемся незамеченным.

Вскоре я стала его искать. Куда он подевался?

Обнаружила я его в моей ванной, совершенно голого. Он принимал душ, разложив вокруг свои косметические средства: крем для бритья, различные духи, молочко для загара и т.д.

Ну и наглость! Я просто оторопела! Я позвала Жики, который после бурного объяснения выкинул непрошеного гостя за дверь. Тому пришлось круто, на нем ничего не было, кроме узенького махрового полотенца вокруг бедер, полотенце то и дело сползало, и он все время его подтягивал, точно стыдливая девица, скрывающая наготу.

Куда мы его денем? Все комнаты были заняты.

Недолго думая, Жики потащил его в комнату к Кароль. В самом деле, там было две кровати, а ей так не хватало нежности, он успешно заменит ей (по крайней мере, мы на это надеялись) конфеты, печенье и шоколад, которыми был завален ее ночной столик! Пусть дает себя грызть, сосать, облизывать хоть всю ночь, если ему хочется. Кароль вскрикнула. Все уладилось после отъезда этого несносного, никудышного парня, этого нахального коротышки.

* * *

Раймон В., друг Жики, который так роскошно принимал нас в Нью-Йорке, в это время как раз был в Куршевеле и пригласил нас на большой прием в клубе «Сен-Никола». Жики, единственному мужчине в доме, уже начинали надоедать мои жалобы, постоянное обжорство Кароль, проблемы с Анной и с детьми, хозяйственные склоки с мадам Рене.

Зимний спорт — это вещь замечательная, но брать на себя улаживание всех недоразумений, какие порождает повседневная жизнь, только потому, что ты мужчина, — это не имеет к спорту никакого отношения.

Итак, однажды вечером мы поехали развлекаться и попытаться пристроить «девочек», то есть Кароль и меня.

Добраться до «мерседеса» Жики мне было непросто, потому что вместо обычных на зимнем курорте меховых сапожек я надела кожаные сапоги до колен, — так было сексуальнее. И вот я скользила на каблуках, цепляясь за руки, за плечи, за титьки тех, до кого могла дотянуться. Я решила всех сразить наповал и выбрала себе туалет, щедро открывавший и плотно облегавший тело, эротичный, более подходящий для тропиков, чем для суровых условий горнолыжного курорта!

Раймон В. встретил нас, улыбаясь от уха до уха; по правде говоря, это зрелище сильно напоминало широкую щель копилки, которую, если к ней пришить завязочки, какой-нибудь близорукий на большом расстоянии мог бы принять за человеческую улыбку! Красотой он не блистал, куда там, думаю, он обратил бы в бегство целый полк голодных вампиров! Но с помощью чар, скрытых за бронированными дверьми его сейфов, он покорило немало красавиц. Однако для этого надо обладать чувствительностью к такого рода чарам, а у меня ее не было.

В клубе «Сен-Никола», который на долгие годы стал моим любимым местопребыванием, царила Жаклин Вессьер, прекрасная, строгая, умная, тактичная, незаменимая, царила в своем мире, где души и тела повиновались ее настроению и желаниям.

Я очень любила Жаклин.

Нас сближала ночь, мы оживали тогда, когда студеная мгла сковывала все живое. Мы угасали с первым лучом утренней зари, словно «Цветы зла», мы питались таинственными соками, которые дает колдовская сила бессонных ночей, ведь ночная жуть лунных существ порождается особым миром, где жажда одних превращается в упоение других. С Жаклин я открывала темную сторону моего «я» в нескончаемой погоне за безумием, в стремлении к полному забвению.

Я познакомилась с Жан-Пьером Гиралем, блистательным королем гор, чемпионом по лыжам, закадычным другом Жана-Клода Килли. Он рассказал мне, что в Валь-д'Изере познакомился с отличным парнем по имени Патрик, который приехал в машине «остин» с парижским номером и катается на лыжах как бог.

Я чуть не упала в обморок.

Я поведала о моих проблемах Жан-Пьеру, несколько разочарованному тем, какой оборот принимает дело, поскольку теперь не оставалось шансов меня соблазнить. Но, будучи мужчиной в полном смысле слова, он принял мои трудности близко к сердцу и назначил мне на завтра свидание в Валь-д'Изере.

Идея была гениальная! Как, впрочем, и ее автор!

Но кто-то должен был отвезти меня в Валь-д'Изер!
Выручай, Жики!
Конечно, он отвезет меня туда! Спасибо, Жики!

Вот таким образом, об руку с Жан-Клодом Килли, я, почетная гостья Валь-д'Изера, в несколько непривычном обществе спортсменов, закаленных покорителей горных круч, выпивох и весельчаков, «случайно» встретила Патрика, окруженного стайкой белокурых загорелых девиц.

Мы оба испытали настоящее потрясение.

Но королю был и шах и мат, потому что королева, под защитой своих пешек и слонов была неуязвима! Я выиграла первую партию жестокого, напряженного матча, которому предстояло длиться два года.

А некоторое время спустя, когда мы возвращались в Париж в моем маленьком «остине», нас остановили жандармы. Они искали угнанную машину, по описанию как две капли воды похожую на эту! Разумеется, они искали именно ее!

Неожиданная встреча с Патриком после долгой разлуки так взвинтила меня, что я забыла попросить секретаршу забрать заявление об угоне.

Это было нечто грандиозное! Но забавное.

Бюрократическую машину надо долго разогревать, но, когда она наберет скорость, остановить ее почти невозможно. Особенно если ей наконец удастся изловить злоумышленника. Это была неопишуемая неразбериха, бесконечные объяснения, досаднейшая потеря времени. Гуапа не терпела людей в форме и тяпнула за ноги нескольких жандармов, оказавшихся в пределах ее досягаемости, что не упростило нашего положения. За подписанием официальных документов последовала щедрая раздача улыбок и автографов, и с этим глупым недоразумением было покончено. Я дала себе клятву никогда не заявлять о пропаже чего бы то ни было, поскольку, как выяснилось, это все равно что наступать на грабли.

По прибытии в Париж Патрик съездил к родителям за своими вещами и опять, как ни в чем ни бывало, поселился у меня. Жизнь вновь вошла в обычное русло. Он даже поехал со мной в Базош...

Мама Ольга изводила меня звонками, я даже перестала брать трубку! Ей нужно было получить ответ насчет двух фильмов, в которых мне предлагалось участвовать. Сценариев я так и не прочла, но, устав от ее нажима, сказала «да». В тот момент моя кинокарьера находилась в состоянии свободного падения. «Шалако» оказался одним из самых неудачных фильмов за всю мою жизнь, и теперь меня не баловали интересными предложениями.

Что ж, я тут не могла ничего изменить. Тем хуже для меня!

Итак, я подписала оба контракта не рассуждая, пускай мама Ольга расхлебывает возможные неприятности. Дело было не из выгодных, но следовало хоть как-то возместить потери.

Патрик сильно невзлюбил квартиру на авеню Поль-Думер, мадам Рене, Гуапу, консьержку, всех, кто меня окружал, включая мою секретаршу! Правда, он не пользовался особой любовью тех, кто любил меня. Даже моей маме было запрещено приходиться к нам. Но ее это скорее обрадовало: она ненавидела Патрика, этого никчемного вертопраха, этого сомнительного, самовлюбленного жиголо, который пачкал и принижал мой образ в глазах общества!

Вскоре я стала парией! Мои родственники и друзья, Жики и Анна в том числе, показывали на меня пальцем, точно на проститутку. Никто не хотел со мной встречаться, пока я не перестану таскать за собой этого Патрика. Только мама Ольга, выполняя профессиональный долг, продолжала мне звонить, ей оскорбления Патрика были безразличны!

Супруги Дессанж, ничего не знавшие о проблемах моей личной жизни, пригласили нас провести несколько дней в их поместье в Тунисе: там не охотились! Погода стояла прекрасная, нас, равно как и других друзей дома, с нетерпением ждали на праздник, уж не помню, по какому поводу!

Я раньше никогда не бывала в Африке, ничто не влекло меня на этот континент. Но Патрик с его вечной жаждой новизны уже уложил дорожную сумку и не давал мне покоя, требуя, чтобы мы поехали. Он умел добиваться своего, этот хищник с мягкими лапами, в нужный момент выпускавший когти, мурлыкающий, соблазняющий и вкрадчивый, безжалостный и нежный, — я была не в силах сопротивляться ему. Плотская страсть овладела мной.

Это была одержимость. Я лишилась воли, была как заколдованная.

В Тунисе нас с большими почестями принял г-н Бельходжа, правая рука президента Бургибы. Нам дали эскорт до самого поместья Дессанжей, и вообще, пока мы были там, правительство Туниса оказывало нам помощь и покровительство даже во время самых коротких поездок. Единственное, что омрачило этот чудесный прием на высшем уровне, — неослабевающий интерес Патрика к одной кабийской красавице, необычайно завлекательной, явно нимфоманке, с роскошными формами, огненными глазами, в расшитых золотом покрывалах, с тяжелыми, как кандалы, браслетами чеканного серебра, — она курила гашиш в окружении дымящихся ладаном, амброй и сандалом курильниц и казалась какой-то враждебной богиней, несущей гибель.

Я сразу ощутила опасность!

Предчувствие редко меня обманывает.

Я поделилась своими опасениями с Коринной Дессанж. Она меня успокоила, сказав, что это не страшно, что ее муж тоже поддался чарам этой одалиски, но вот же она от этого не умерла! Утешила, нечего сказать! Я тоже от этого не умерла, но тревога и ревность отравили мне путешествие.

На следующий день, избавившись на несколько часов от дьявольского присутствия этой опасной особы, мы поехали смотреть тунисский базар. Я была так взвинчена, что ничего не разглядела и не поняла в этой красочной неразберихе, в местной экзотике, я чувствовала только отвратительные запахи, усиленные жарой и духотой, от которых у меня вскоре перехватило дыхание. Я упала в обморок прямо в проходе между рядами, задыхаясь от тоски, от запаха разогретого масла, от жужжания мух и зловония свежекожаных бараньих шкур. Как только я оказалась на земле, на меня надвинулась пестрая, гудящая толпа.

Как мучительно было выбираться оттуда!

Пусть мне больше не говорят о великолепии этих отвратительных, вонючих восточных базаров. Меня там тошнило.

Предусмотрительная Коринна, опасаясь какого-нибудь дипломатического инцидента, решила отправить нас с правительственным эскортом осматривать южные районы Туниса, на границе с пустыней.

Так мы с Патриком поехали в Нефта, в «Сахара-Палас». В лимузине, предоставленном президентом Бургибой, с шофером в белой джеллабе до пят и в красной феске, ни слова не звавшим по-французски. Все шло хорошо, как вдруг наша машина резко остановилась и шофер начал заклинать безлюдные просторы, яростно размахивая руками и издавая непонятные вопли.

В тех краях все возникает внезапно.

Вокруг не было ни души — ведь дело было после захода солнца, вдали от населенных мест, — и вдруг люди набежали со всех сторон непонятно откуда... Непонятно, но факт! Весь этот народец возбужденно жестикулировал и что-то кричал на ломаном языке, и в конце концов я с ужасом поняла, что мы застряли в этой жуткой тунисской дыре, в пустыне: пересыхающая река, через которую, за неимением моста, мы должны были перебраться вброд, из-за страшного ливня, не прекращавшегося целые сутки, набухла так, что если бы нам вздумалось через нее переправиться, нас наверняка унесло бы течением.

Вот так влипли! Я готова была разрыдаться.

В самом деле, в непроглядной ночи, в нескольких метрах от нас слышался глухой и грозный гул неукротимого потока, в котором перекатывались тонны воды и камней. Какого черта я тут

сiju в такой час, брошенная на произвол судьбы среди этой банды, наводящей на меня страх.

Я решила повернуть назад.

Я отдавала приказания, но то был глас вопиющего в пустыне. Ясное дело! Женщина, которая стоит среди двух десятков мужчин и хочет, чтобы ее услышали! Меня разве что не попросили заткнуться. И вот машину поднимают и на вытянутых руках несут через бурлящую реку, вода вливается сквозь дверцы, а они орут друг на друга, спотыкаются, падают, вот-вот уронят лимузин, и нас с Патриком унесет разбушевавшийся поток! Я залезла с ногами на заднее сиденье, потому что внизу в машине было полно воды.

Когда мы в конце концов, целые и невредимые, выбрались на тот берег, надо было обсохнуть самим, просушить мотор, заплатить этим типам за оказанную услугу. А они без конца торговались, тащились за нами, требовали прибавки. В общем, мы застряли бы там на всю ночь, если бы наш шофер не прекратил это безобразие.

«Сахара-Палас» оказался большим, помпезным и уродливым сооружением на краю пустыни, наподобие оазиса, с прудами, бассейнами, финиковыми и прочими пальмами и верблюдами для туристов, желающих за хороший бакшиш совершить прогулку по грандиозным песчаным холмам Сахары! Когда я в бедуинском костюме оказалась на спине у верблюда, то почувствовала такой же приступ морской болезни, как на «Вадуре» во время шторма у берегов Ливана, который едва не стоил нам жизни! Когда я думаю о племенах кочевников в пустыне, которые проводят на спине у верблюда целые дни, я готова снять перед ними шляпу: такое неудобство, такая нестерпимая качка изо дня в день в таком однообразно суровом и неприветливом краю должны выковывать чертовски сильные характеры.

В Тозере мы побывали в гостях у Тижани, колдуна, мудреца и духовной особы. Он обитал в райском саду, полном цветов и бесценных ковров. Впервые в жизни я видела цветущие аллеи, застланные коврами, рай, где не было ни души. Он жил так, окруженный ядовитыми змеями, кусачими пауками и прочими скорпионами. Он приручил их, но все равно они были ужасно мерзкие. Он объяснил нам, что после того как его несколько раз покусили гадюки, он сумел стать неуязвимым для яда, научился готовить снадобья, благодаря которым смог выжить. Он показывал нам следы укусов, уже зарубцевавшиеся, но все еще заметные.

Он трудился в своей лаборатории, с риском для жизни добывал смертельные яды, чтобы превратить их в противоядия. А еще он умел гадать на кофейной гуще, предсказывать будущее, иссле-

довал морфологию растений и животных и расшифровывал телепатические сигналы, которые посылали ему другие люди.

Мне очень понравился Тижани.

Я почувствовала в нем родственную душу и рассталась с ним не без сожаления.

После наших приключений по дороге в Сахару на обратный путь нам дали эскорт жандармов, чтобы без всяких осложнений доставить нас в тунисский аэропорт.

Из окна моей комнаты я увидела широкое водное пространство, возникшее среди дороги, по которой нам предстояло ехать. Жандармы, улыбаясь, объяснили мне, что это мираж! Никакой воды там не было и в помине. Это был оптический обман, усиленный солнцем и жарой: пересохшая почва поблескивала, словно зеркальная водная гладь. Я не могла опомниться от изумления. Я готова была поклясться, что посреди дороги разлилось самое настоящее озеро.

Ладно!

Мы тронулись в путь, ехали больше часа в сопровождении жандармской машины и внезапно оказались в топком болоте, наполненном бурой жижей, где обе машины увязли, словно в зыбучих песках.

Я заорала от ужаса! Но ведь это был мираж?

Как бы не так! Пришлось разуться, закатать брюки и два с лишним часа дрызгаться в этом болоте, вытаскивая машины, под палящим солнцем, в накаленной атмосфере общей нервозности.

Ах! Наконец-то Париж, родные стены, Гуапа, спокойная жизнь!

Ах! Как я была рада, что вернулась домой.

А Патрик дулся.

Он хотел, чтобы я сменила квартиру. Эта была слишком тесная, недостаточно роскошная, он не имел в ней своего угла, ему нужны были террасы, простор, неохватный вид...

Пожалуй, он был прав!

Квартира на авеню Поль-Думер была не высший класс, но мне она очень нравилась. Он стал изучать объявления о продаже или сдаче внаем престижных квартир. Пока он сидел, уставившись в газеты, я готовилась к съемкам в «Женщинах».

Фильм режиссера Жана Ореля (когда-то на фильме «Отпустив поводья» в разгар съемок его заменили Вадимом, настолько он оказался примитивным и бездарным!) должен был сниматься на натуре, на очень ограниченные средства. Главного героя, на котором держалась интрига, играл Морис Роне. Анни Дюпере, Таня Лопер, «моя» Кароль Лебель и я должны были порхать вокруг

него, как подобает в банальной комедии. Это был не мой жанр, и я сыграла без вдохновения, небрежно, через силу, в общем, сыграла плохо.

Я уходила рано утром, Патрик весь день бездельничал. Меня постоянно мучила мысль, что он не теряет даром эти свободные часы, что он изменяет мне. Вечером я возвращалась вконец измотанная, полная подозрений, одержимая ревностью, невыносимая!

В результате он опять сбежал.

Я отказалась продолжать съемки, сидела дома и рыдала целыми днями. Вызвали врачей из страховой кассы, моего личного врача, продюсеров, маму Ольгу, мою мать.

Все было бесполезно.

Мне осточертела такая жизнь, я устала взваливать все на себя, у меня больше не было сил, не было чувства ответственности, не было воли. Я была раздавлена. Надвигалась катастрофа. Фильм оказался под угрозой. Все кругом днем с огнем искали Патрика! А я заливалась слезами!

И вдруг однажды вечером, когда его никто не ждал, он как ни в чем не бывало пришел домой.

Где он пропадал? Чем занимался? У кого был? С кем был? Как это было?

Я засыпала его вопросами. Я так наседала на него, что он, наконец, ответил: да, он был с другой женщиной, да, он изменил мне, и, если я не перестану его доставать, он немедленно уйдет обратно.

Не успел он договорить, как получил пару пощечин. В ответ посыпался град ударов, и я от боли согнулась пополам. Схватила телефон и швырнула ему в физиономию! Тут последовала серия коротких прямых ударов в челюсть, а затем — нокаут.

В полуобморочном состоянии я все же сумела позвонить Жики. Он сказал, что приедет немедленно. Я с трудом дотащи-лась до дверей, чтобы открыть ему, а Патрик в это время преспокойно раздевался. Когда приехал Жики, то застал его совершенно голым. Они дрались с полчаса, но Жики был старше, не такой тренированный, и перевес был не на его стороне. Пока он пинками в зад выдворял Патрика из квартиры, тот выбил ему два зуба. Битва завершилась перед дверью консьержки, которая в панике вызвала полицию. Когда Патрика забирали, мужу консьержки пришлось одолжить ему брюки и майку, ведь он был нагишом.

Эта история наделала много шуму!

Она даже попала в скандальную хронику тогдашних бульварных газет!

Моя секретарша Мишель назавтра отвезла его вещи к родителям, она уже начинала к этому привыкать.

Мне пришлось выслушать суровые нотации от отца, от продюсера, от моего врача. Разве можно так вести себя в тридцать четыре года? Этот тип губит меня, делает из меня посмешище, подрывает мою карьеру, которая и так складывается не блестяще, всех от меня отпугивает!

Надо было продолжить съемки в «Женщинах».

Дебетта скрывала под гримом мои слезы, мои распухшие глаза. В этом фильме мне было нечего делать. Это была ежедневная каторга. Никакой увлеченности. Никакой работы с актерами, никаких объяснений. Каждый делал что хотел или что умел. Что касается меня, то я старалась делать самый минимум. Я просто отбывала повинность согласно условиям контракта, принятого мной и скрепленного моей подписью и с нетерпением ждала выхода на волю. Я тонула, погружалась в бездну, ни за что не могла уцепиться, мне все опостылело.

У тоски границ нет.

Всю мою жизнь я тянулась к счастью, и всегда меня непреодолимо уносило к неизъяснимому отчаянию.

Почему? Не знаю.

Но на моей душе по сей день остались неизгладимые шрамы от этих минут, когда не было сил жить, от затаенной печали, которую я в себе ношу, от вопросов, оставшихся без ответа, от невозможности быть как все, не замыкаться в себе, невозможности разделить горе или радость с тем, кто рядом, кто стал частью меня самой.

Может быть, именно поэтому я и решила однажды посвятить жизнь животным. Мы с ними настроены на одинаковую волну, волну любви.

Франция была почти в таком же скверном состоянии, как я, расшатанная прошлогодними волнениями — не помог даже авторитет главы государства.

Де Голль был не такой человек, чтобы стерпеть вопиющую неблагодарность. Действуя, по своему обыкновению, быстро и решительно, он объявил о проведении референдума, официально — по проекту об усилении независимости регионов и децентрализации, а по сути — для выяснения, испытывают ли еще французы к своему президенту доверие и уважение, в которых он так нуждался. Двадцать седьмого апреля тысяча девятьсот шестьдесят девятого года я ответила «да» на вопрос референдума, потому что всегда была горячей, убежденной сторонницей этого блестящего человека, отвергавшего политическое кривляние, возвратившего Франции достоинство и направившего ее по верной, прямой дороге, с которой она не свернула, несмотря на случившиеся остановки в пути.

Вечером того же дня я, не поверив своим ушам, узнала, что Франция отвергла его, что большинство сказала «нет».

Какие же французы неблагодарные!

Какая у них короткая память, какой ограниченный ум.

* * *

В это тяжелое для меня время сторожа Базоша сообщили мне, что оставляют свою должность. Они собирались на покой.

Только этого мне не хватало!

Я поручила Мишель найти новых сторожей.

Но эта ситуация порождала затруднения, неудобства, отнимала силы и временами приводила в отчаяние. Все эти восемь лет Сюзанна и ее муж были для меня как родные. Они во все вникали, за все отвечали. Они знали мои вкусы и мои привычки, ухаживали за собаками и кошками, по субботам стряпали мне вкусный ужин и даже варили «домашнее» варенье с наклейками на старинный лад.

После их ухода потянулась нескончаемая, непрерывная вереница бездельников, воров и жуликов, и длилось это двадцать лет, пока я не встретила Бернадетту, она и сейчас со мной, и благодаря ей я начинаю забывать эти мучения.

В воскресенье мы с Мишель отправлялись в Базош показать новеньким, где находятся счетчики воды и электричества, где сложены инструменты, с кем вести дела, где что закупать. Каждый раз мы обнаруживали в доме невообразимый кавардак: ничего не готово, нигде не убрано, собаки не накормлены, кошки проголодались, сад запущен до безобразия, бассейн позеленел, на обед ничего нет, в холодильнике пусто!

Базош мне опротивел.

Однажды, когда мы снимали одну из заключительных сцен фильма «Женщины», я познакомилась с одной забавной девчушкой, лет шестнадцати-семнадцати, с растерянным видом, но дерзкими глазами.

Звали ее Мария Шнейдер.

Мы разговорились, и я вспомнила, что когда-то давно была знакома с ее матерью, красавицей по имени Манон, в которую без памяти влюбился Даниэль Желен. Малышка Мария стала плодом этой запретной любви... Но у малышки Марии не было своего родного угла, она всюду чувствовала себя лишней, скиталась где придется. Она уже многого натерпелась в жизни, и у нее была инстинктивная потребность прилепиться к кому-то.

Этим «кем-то» стала я! Я тоже была одинока и печальна.

Эта ласковая, милая девочка могла бы дать мне немного тепла, живого общения, привнесла бы в мою жизнь свежую струю, развлекла бы. Я предложила ей занять одну из комнат для

прислуги на авеню Поль-Думер. И мы уже не расставались. Я по возрасту годилась ей в матери и относилась к ней как к дочке. Мы ощущали родство душ и очень привязались друг к другу. Злые языки изощрялись по этому поводу, так как за Марией утвердилась репутацию шлюшки, живущей и с женщинами, и с мужчинами, не придающей особого значения полу своего партнера! Как мы с ней потешались над этими разговорами!

Марити и Жильбер Карпантье, незабываемые авторы и ведущие наших лучших развлекательных телепередач, предложили мне участвовать в ближайшем выпуске «Саша-Шоу»!

Я решила не сразу, мне казалось, что я не смогу в полной мере проявить там свои возможности. Мария уговаривала меня согласиться: по ее словам, это помогло бы мне развеяться. Я ни разу не виделась с Саша после того, как мы расстались... а там еще должен быть Жильбер Беко! Справиться с обоими будет нелегко! С другой стороны, если я спою одну или две песенки с моей последней пластинки, это станет хорошей рекламой для «Соломенной девушки».

Мария поехала со мной в студию на Бютт-Шомон, где по коридорам бегали толпы полуголых девиц, гримеров, менеджеров. Я почувствовала себя чужой среди всей этой суеты, я стала другой, была уже далека от этого. Люди удивлялись, видя со мной одну только девушку, спрашивали, где мой агент, гримерша, костюмерша. Когда я ответила, что все делаю сама, то на меня взглянули с недоумением и презрением.

Саша и Жильбер, очень самоуверенные, встретили меня равнодушно-вежливо, они были слишком заняты собой и мелькающими вокруг задницами стайки танцовщиц, которым предстояло создавать им фон. В припеве «Соломенной девушки» мне надо было звонко рассмеяться, а в этот момент в глазах стояли слезы.

У меня остался неприятный осадок от этого вечера!

Как-то вечером Мария сказала мне, что в квартале Сен-Жермен-де-Пре встретила Патрика! Он был несчастен, он только обо мне и думал, но не осмеливался звонить и дал Марии номер, по которому можно с ним связаться:

Я была потрясена!

Я не хотела первой делать шаг к примирению (гордость обзывает), и Мария взяла на себя роль парламентаря.

Патрик вернулся на авеню Поль-Думер с чемоданами, полными добрых намерений, угрызений совести, признаний в любви, которым я поверила, потому что хотела верить.

И жизнь снова стала прекрасной и веселой!

Мы ездили в «Кастель», оставались там до глубокой ночи, я

танцевала до упаду с Марией, научившей меня модному танцу «джерк», так мы разряжались, мы могли бы воспламенить и ввергнуть в ад всех святых в раю, а Патрик забавлялся, глядя на нас.

После внезапного ухода Де Голя Франция осталась обезглавленной. Нужно было найти ему преемника...

Жорж Помпиду, наиболее видный из его соратников, казался мне если не лучшим кандидатом на этот пост, то, во всяком случае, не самым плохим. Вдобавок, я была знакома и с ним, и с его женой Клод.

Итак, пятнадцатого июня 1969 года я проголосовала за него, отдала голос за последнего настоящего голлиста, который честно повел Францию по пути, указанному его прославленным предшественником. Увы, вскоре его сразила безжалостная болезнь, и Франция стала погружаться в хаос социализма.

Подготовка к съемкам «Медведя и куклы» велась на высочайшем профессиональном уровне.

Мне самым тщательным образом сделали несколько пробных вариантов грима. Не могло быть и речи о том, чтобы я густо намазывала себе веки черной краской или пользовалась накладными ресницами. Главный оператор Клод Леконт, весьма требовательный к деталям, устроил Дедетте настоящий разнос. Заботу о моих волосах, очень пострадавших от многократного обесцвечивания, очень пересушенных, доверили сестрам Карита. Было решено, что весь фильм я буду ходить с высокой прической: распустить волосы по плечам было невыносимо, слишком они были жидкие, слишком неприглядные, не поймешь какого цвета... Они должны обрести свой естественный цвет, и тогда мне сделают белокурые пряди!

И никаких возражений!

Мне пришлось выдержать несколько мучительных долгих примерок у Реаля, моего официального портного, который создал для меня изысканные костюмы под придирчивым, хотя и застенчивым взглядом Мишеля Девиля. Этот режиссер-поэт вместе с Ниной Компанец написал маленький шедевр, полный юмора и безупречного вкуса, куда я вошла легко и естественно, как рука в перчатку. Моим партнером впервые был Жан-Пьер Кассель: по-моему, этот актер, с его масштабной личностью, с его талантом, остался у нас невостребованным.

Весь этот коктейль, где каждый компонент был умело подобран и взвешен, где ничто не было случайным, заранее гарантировал успех. Продюсер Маг Бодар, получившая меня за бесценно, сделала мне в итоге королевский подарок!

И вот пошло-поехало, началось чудесное приключение, съем-

ки великолепного фильма, каким стал и навсегда останется «Медведь и кукла». Может быть, один из тех фильмов, где я больше всего была самой собой. Но, в любом случае, один из самых очаровательных, самых смешных моих фильмов, один из тех, которыми я горжусь.

После нескольких дней работы в павильоне съемочная группа перебралась в Нормандию, в Сен-Пьер-де-Манвиль.

Для меня сняли чудесный дом с потолками из массивных балок, среди яблоневого сада. Я бы с удовольствием повалялась в высокой прохладной траве, растопылив пальцы ног, вместо того чтобы вставать в полседьмого утра и возвращаться поздно вечером, совершенно без сил!

Съемки проходили в доме Анны-Мари Дамам, очаровательной женщины, которая отнеслась к нам с исключительной добротой и терпением, несмотря на весь ущерб, какой может причинить съемочная группа в прелестном, как игрушка, доме и поистине райском саду. Все время, пока шли съемки, мадам Дамам и ее дочери продолжали жить в доме. Мы заполнили все, грубо вмешались в ее быт, но она по-прежнему к пяти часам приглашала нас на чай с печеньем. Обстановка была совершенно домашняя, все в группе были кто с детьми, кто с мужем или с женой, а кто и со старенькой мамой!

Дом, казалось, державшийся только чудом, настолько он был старым и ветхим, стойчески переносил наши наскоки. Иногда обваливался кусок потолка, или проседали от непривычной тяжести половицы, и в полу появлялась дыра. Но от дома исходило такое очарование, что было бы досадно, даже невозможно, снимать в другом месте. В бывшем амбаре, с виду очень ненадежном, оборудовали монтажную, что позволяло Мишелю Девилю ежедневно просматривать отснятый накануне материал.

Я сохранила замечательные воспоминания об этом фильме. У меня сложились прекрасные отношения со всеми, что было подвигом с моей стороны.

А Патрик меня не бросил. С его стороны это был подвиг.

Как и весь мир, я была свидетелем первых шагов Армстронга на Луне, в прямой телепередаче, в незабываемую ночь двадцать первого июля 1969 года. Это было сногшибательно, невероятно, захватывало дух. Все принимало новое измерение, но отдавали ли мы тогда себе в этом отчет?

Перед Человеком открывалась дорога к звездам.

Предстоит ли нам открыть нечто лучшее, чем Земля, благословенная, чудесная, незаменимая, изумительно красивая и добрая, щедро предоставляющая в наше распоряжение все, что нужно для удовлетворения наших физических и эстетических запросов? Предстоит ли нам покинуть ее ради какой-нибудь молодой, неиз-

веданной планеты, неуживчивой и своенравной? Я дала волю воображению, зачарованная этим маленьким черно-белым экраном: на нем я видела ставшие легендой деяния двух небесных первоходцев, сделавших явью вековую мечту Человека.

Какое мужество, какая победа!

Съемки закончились веселым, ясным августовским днем, под музыку Россини, под недоверчивым взглядом большой дойной коровы, в цветущих лугах, среди которых блестела маленькая речка! Медведь и кукла наконец полюбили друг друга, можно было опускать занавес, все хорошо, что хорошо кончается.

А мне было так жалко со всем этим расставаться!

Я сочинила и сняла бы продолжение!

Наше прощание было очень трогательным. Я испытываю огромную нежность к Мишелю Девилю, талантливому режиссеру с прекрасным вкусом, не занявшему подобающего ему положения из-за того, во что превратилось сейчас киноискусство...

Анна-Мария Дамамм еще долго присылала мне цветы из своего сада и кексы собственного изготовления.

С Ниной Компанец, которую я обожаю, мы снова встретились через несколько лет, когда она стала режиссером, и я снялась у нее в моем последнем фильме «Колино...».

А Жан-Пьер Кассель на долгие годы вошел в число моих друзей.

XXVI

Возвращение в Париж было немного грустным.

Я была счастлива снова увидеть Гуапу, которая все это время находилась на попечении мадам Рене. Они стали удивительно похожи друг на друга, это было особенно заметно по походке!

Париж опустел. Было жарко, и Патрик сгорал от нетерпения, желая поскорее отправиться в Сен-Троpez.

Я успела только на четвертой скорости навестить моих бабушек, съездить в Базош посмотреть, не слишком ли плохо там идут дела, и тут же обратно. В путь! Я взяла под мышку Гуапу, Патрик сел за руль «роллс-ройса», и мы покатали в Сен-Троpez.

Там я окунулась в совсем иную жизнь, нежели та, которой я жила последние месяцы. Полно народу, шум, суета, приемы у тех, приемы у этих. Мне не хватало съемочной группы «Медведя и куклы», ставшей нам семьей, коров и яблонь, мягкости воздуха Нормандии. Моя младшая сестренка Мижану жила у мамы. Папа играл в мореплавателя-одиночку на своем катамаране. Симона и

Жан Букен завалили меня новыми великолепными шелковыми платьями насыщенных пурпурных тонов.

Мы часто, слишком часто появлялись на людях!

Патрик стал обращать слишком пристальное внимание на одну очень красивую девушку. Внутренний голос предупреждал меня об опасности, и у меня снова начались приступы головокружения и тоски. Как-то вечером он ушел и не вернулся. И опять я сходила с ума от ревности, в отчаянии обзванивала друзей, но Патрика никто не видел. Мижану, чувствуя, что я совершенно подавлена, приехала на следующий день в сопровождении потрясающего парня, который мечтал со мной познакомиться.

Он был неотразим, этот Мишель!

Оба мы переживали трудный момент: его бросила жена, и он лучше чем кто бы то ни было понимал, что я чувствую. Все могло бы быть просто замечательно, не вздумай он покорить меня своими трюками на водных лыжах. Чтобы покрасоваться передо мной, он надумал выехать на одной лыже, воображая, будто сразит меня наповал. Я предупредила его, что в этом месте глубина максимум сорок сантиметров, можно ушибиться! Он весело посмеялся над моими страхами. Но когда глассер на большой скорости рванул с места, Мишель дернулся головой вперед, упал на свою лыжу и встал в полной растерянности.

Он потерял вставные зубы, это была катастрофа!

И вот мы обе, умирая от смеха (он-то, конечно, не смеялся), шарим по дну, ищем его зубы среди водорослей и раков-отшельников. А он, стесняясь разговаривать, стоял, прикрыв рот рукой, пристыженный и жалкий.

Патрик, конечно же, вернулся, и я, само собой, приняла его обратно. Что ж, молодой еще, не перебесился! К тому же, мои попытки изменить свою жизнь оказались не очень удачными, его тоже, поскольку он каждый раз возвращался ко мне.

В то время я еще не была поклонницей Сен-Тропеза на исходе лета, когда дни становятся короче, а шум и гомон уступают место покою, в котором порой ощущается затаенная тревога, и потому с началом осенних дождей прикрыла «Мадраг» и забилась в теплый угол на авеню Поль-Думер.

Меня вызвали на вторичную синхронизацию «Медведя и куклы», что позволило мне вновь увидиться с друзьями и впервые просмотреть этот замечательный, по-моему, фильм! Браво, Мишель Девиль, спасибо, Нина!

А Патрик тем временем изучал объявления. Он водил меня осматривать квартиры кинозвезд; они оставляли меня равнодушной, а часто даже возмущали своим уродством или невыносимой претенциозностью, бездушной роскошью, выставленной напоказ.

А еще он захотел новый «роллс-ройс».

Мою машину с ее слишком классическим силуэтом он находил старомодной, ему нужен был кабриолет с откидным верхом. Кстати, он слышал, что Шарль Азнавур продает свой «роллс-ройс», надо с ним связаться! Он записался в гольф-клуб в Сен-Нон-ла-Бретеш. Ему тяжело ничего не делать, пока я работаю, а гольф поможет ему немного размяться!

Моя «содержанка» обходилась мне недешево!

В ноябре этого же 1969 года читатели «Сине-ревью» и «Орор» снова оказали мне высокую честь, назвав самой популярной актрисой. На праздновании 24-й Ночи Кино в театре «Мариньи» под взрыв аплодисментов мне вручили приз «Триумф популярности». Это был последний раз, когда я согласилась лично явиться за одной из многочисленных наград, которые присуждались мне за время работы в кино. За кулисами я встретила Сержа Гейнзбура и Джейн Биркин, получавших «Триумф супружеской пары». Встреча сильно взволновала нас обоих, хотя мы не выдали своих чувств. У меня сжалось сердце, и это на время заглушило страх, который охватывает меня при мысли о встрече с реальной, живой публикой. Но аплодисменты и овации могут иногда прогнать самую мучительную тоску, и в тот вечер я приняла приз с огромной гордостью и большим волнением.

«Женщины» и «Медведь и кукла» вышли на экран с разрывом в несколько месяцев. К счастью, это позволило второму фильму исправить впечатление от первого.

Ободренная блестящими успехами, продолжая участвовать в заметных событиях светской жизни Парижа, которая уже начинала меня тяготить, а Патрику никогда не приедалась, я приняла приглашение на презентацию нового журнала кабаре Лидо «Гран-при». Изысканная премьера, организованная Жоржем Кравенном, непревзойденным специалистом по связям с общественностью, перед которым нельзя было устоять!

Я отыскала у Доротеи Бис маленькое платьице, почти прозрачное, с умопомрачительным декольте, слегка задиравшееся на бедрах, чуть отдававшее дешевой.

Взорам общества явилась бродяжка, которую сфотографировал, разобрал по косточкам, раскритиковал или осудил весь Париж. За столом, рядом с людьми, строго придерживающимися классического, элегантного стиля в одежде, у меня был непристойный вид молодой вдовы, выходящей из ванны. На сцене выступали «Блюбелл Герлс», они были прикрыты еще меньше, чем я, но все находили это вполне приличным. Ладно, в следующий

раз, если он будет, я засуну себе перо в задницу, как они, чтобы полюбоваться на реакцию этих лицемеров!

К счастью, «следующего раза» не было!

Отвернувшись от Парижа, от прельщений и дел его, я, чтобы доставить удовольствие Патрику, согласилась провести Рождество в ненавидимом мной Авориазе. Поскольку в гольф зимой играть нельзя, ему захотелось покататься на лыжах. К тому же в бистро при отеле, куда нас пригласили, снова появились Пиколетта и Лина. На этот раз у меня не будет никаких забот, я смогу освежиться и отдохнуть.

В этом году я не стала снимать шале в Мерибеле, помня о моих прошлогодних мучениях, а вместо этого решила вновь принять приглашение Фи-Фи и провести февраль под багамским солнцем на нашем острове Грейт-Харбор-Кей. Если бы я знала, к чему это приведет, то не поехала бы: моя привычка возвращаться в полюбившиеся места на сей раз обернулась катастрофой.

Но пока что мы отправились на Рождество в Авориаз.

Увы, эту поездку тоже нельзя было назвать удачной!

Отель напоминал реконструированную пещеру первобытного человека, с закругленными углами, с окнами как пчелиные соты, — огромный улей, гудевший от наплыва курортников, которых я обычно избегаю. Пиколетта одна управляла бистро, так как Лину срочно уложили в больницу с тяжелейшим гепатитом.

Мы с Пиколеттой навестили ее в больнице. Она выглядела тяжело больной, но была очень рада меня видеть. Я проводила у нее долгие часы, целовала, успокаивала, отвлекала. Она очень ослабела и упала духом. А меня крайне беспокоили ее желтый цвет лица, высокая температура и общее состояние. Веселого Рождества не получилось, несмотря на все усилия дирекции отеля и все праздничные игры и аттракционы, которые были нам предложены. Я старалась не думать об огромной елке в холле отеля, о гроздьях разноцветных шаров, свисавших отовсюду, представляла себе, что сегодня обычный день, пыталась поддержать Пиколетту, замученную работой, в одиночку проводившую бал-маскарад, в то время как Лина умирала в больнице... Потому что Лина умирала.

У меня больше не было сил, и я прервала эти ужасные каникулы, к большому огорчению Патрика, который не понимал, почему он должен отказаться от своих горнолыжных подвигов.

Единственным приятным воспоминанием об Авориазе стало знакомство с Мотыльком. Анри Шарьер, бывший каторжник, исключительная личность, неукротимый вояка, отщепенец, вернувшийся в общество после стольких испытаний и мук, после долгих

лет страданий гулял с женой по Авориязу и вечерами у камина рассказывал всем желающим о своих приключениях.

Я им восхищалась. Он был символом правды в этом фальшивом мире.

Лицо его хранило следы пережитых несчастий, но улыбка была улыбкой ребенка, а речи — речами проповедника, чудотворца, архангела.

* * *

Новый 1970 год я встретила в Париже, еще не зная, что наступающее десятилетие разлучит меня со всей моей семьей, со всеми, кого я люблю, что они будут уходить один за другим, в считанные дни и месяцы, оставляя меня в безысходной печали, в безнадежном одиночестве.

Не знала я тогда и о том, что через три года навсегда отрекусь от кино и начну трудную суровую борьбу, которую продолжаю и по сей день.

В два часа ночи двадцать второго января меня разбудил телефонный звонок. Это была моя мать, она дрожащим голосом сообщила, что у Бабули, моей бабушки с материнской стороны, только что случился удар. Я быстро оделась, перешла авеню Поль-Думер. Холод был страшный. Бабуля лежала поперек кровати, ее парализовало, но она была в сознании, пыталась нам что-то сказать, но понять ее было невозможно!

Моя мама всегда оставалась в чем-то маленькой девочкой, избалованной матерью и мужем, она отказывалась смириться с тем, что станет сиротой, даже в свои пятьдесят восемь лет. Я могла лишь беспомощно наблюдать за медленной агонией моей любимой бабули, она впала в кому и через несколько часов, не придя в сознание, скончалась. Я ненавижу смерть. Я боролась, борюсь и буду бороться с ней — но что толку!

Я взяла в ванной флакон с ее духами «Арпеж» и храню его у себя по сей день. Вдыхая их, я снова чувствую ее запах, чувствую как бы ее присутствие, и воспоминания оживают. У меня хранятся и другие духи, принадлежавшие людям, которых я любила больше всех. Я очень чувствительна к магии запахов, и она всегда воссоздает для меня образы и воспоминания, неотделимые от дорогих мне существ.

Смерть бабушки стала тяжелейшим испытанием для нас всех, но мама была в особенно подавленном состоянии. Бабушку похоронили на маленьком кладбище моряков в Сен-Тропезе, где она встретилась с Бумом. Надеюсь, они не воспользовались этим для того, чтобы опять орать друг на друга, по любому поводу и без повода, как привыкли делать при жизни.

Я помогала маме разбирать вещи в бабушкиной квартире.

Сколько мы нашли фотографий, писем, прядей волос, сувениров, напоминавших о тех или иных людях. Некоторые находки вызвали у нас слезы. Нам пришлось продать большую часть мебели, ни у мамы, ни у меня такие громоздкие вещи не поместились бы. Обстановка, в которой прошло наше детство, постепенно таяла.

Это было тяжело, мучительно.

Нам помогали Тапомпон, сестра бабушки, и моя няня Дада, прослужившая у нее пятьдесят лет. У меня было тяжелое чувство, будто я вторгаюсь в святая святых, копаюсь в жизни другого человека, оскверняю ее.

Примерно в это же время я узнала о кончине Лины Брассер.

Вокруг меня веяло смертью.

Нужно было как-то стряхнуть с себя это, отвлечься.

Фи-Фи д'Эксеа напомнил мне о Багамах.

Он пригласил нас туда, и я сразу же согласилась.

И мы поехали, несмотря на мою усталость и подавленное настроение. Сразу по прибытии в Нассау у меня начался сильный жар и приступы тошноты. Доктор Уайт (он был чернокожий) поставил диагноз: грипп — и прислал медсестру-негритянку, чтобы делать инъекции антибиотиков. У меня были сплошь исколоты ягодицы и совершенно не было сил.

Но я ни за что не хотела портить отпуск Фи-Фи, Патрику и Стефании, хорошенькой белокурой куколке, которая приехала с нами, и потому, несмотря на непрекращающийся жар и приступы головокружения, села в маленькую «Сесну», приземлилась на Грейт-Харбор-Кей... и не узнала нашего острова! Там построили аэропорт с диспетчерской башней, марину, где стояли у причала яхты, одна роскошнее другой. Отель категории люкс, площадка для гольфа на восемнадцать лунок, такси с кондиционерами, благоустроенные пляжи с барами, тентами, надувными матрацами, водными велосипедами, водными лыжами... Ужас!

Курд Юргенс и другие американские кинозвезды купили там себе поместья. Мой маленький рай был загублен, изуродован. Бунгало, где мы жили прошлым летом, было продано. И нам достался типовой домик в стиле «феникс» на одном из застроенных участков. Но мне было все равно, я была разбитая, с температурой, совсем больная, и тут же легла в постель. Жара стояла страшная, солнце обжигало глаза, от яркого света у меня началась адская головная боль, которую нельзя было унять никакими таблетками.

На острове не было ни врачей, ни сестер, но доктор Уайт дал Фи-Фи несколько доз лекарства на случай, если температура не спадет. Случай был как раз такой, вечером у меня было сорок. В отличие от прошлого года, в холодильнике было пусто, есть надо было в клубном зале отеля, на другом конце острова. Но так

или иначе, я ничего не могла взять в рот. И я провела два дня почти в полном одиночестве — остальные были на пляже или в ресторане, — в полубессознательном состоянии, какое бывает при высокой температуре, измученная непрекращающимися головными болями и частой рвотой.

Доктор Уайт, с которым связались по телефону, посоветовал обратить внимание на цвет мочи. Она была темно-коричневой.

Меня тут же отправили в Нассау. Я не захотела лечь там в больницу, попросила только, чтобы мне оказали первую помощь в гостинице, пока я не буду в состоянии улететь в Париж через Люксембург.

У меня был тяжелейший вирусный гепатит.

Я заразилась от Лины Брассер, у которой побывала на Рождество. А ведь Лина умерла! Наверно, я тоже умру. Умру в этом отеле, на краю света, от упадка сил, от неправильного лечения, без дружеской поддержки. Сквозь шум в ушах я слышала, как Бабуля зовет меня к себе:

— Иди, моя ластонька, я по тебе соскучилась!

У меня начался бред, я произносила невнятные монологи о том, что не хочу умирать.

Меня кое-как посадили в самолет и отправили.

В полете я все время спала, не соображая, что со мной происходит. Из Люксембурга в Париж меня доставили частным самолетом, я была не в том состоянии, чтобы трястись в машине несколько часов. И вот я на авеню Поль-Думер, где меня ждет мама, где можно лечь в свою кровать, где за лечение взялся мой личный врач. Теперь я могла умереть... Мне было хорошо, я была в безопасности, окружена любовью и нежной заботой близких мне людей!

Слава Богу, я не умерла, но пролежала в постели почти два месяца. Я потеряла десять кило. А поскольку я и раньше не отличалась большой упитанностью, то теперь была просто истощена, с желтым как лимон лицом, в общем, настоящее пугало. В довершение всего, я подхватила «свинку», которую, по-видимому, принес откуда-то мой врач.

Патрик до смерти боялся подцепить у меня каких-нибудь микробов и потому заходил нечасто, только когда ему требовались карманные деньги; но услышав про «свинку», от которой, говорят, мужчины становятся импотентами, он пришел в неописуемый ужас и практически перестал приходить!

Я терпела от него и не такое, я хотела побыстрее выздороветь и берегла силы. Но выздоровление шло медленно, мучительно. Я очень ослабела.

Первый мой выход в свет после болезни был семнадцатого апреля: вместе с Раймоном Жеромом я должна была выступить как

сопредседатель и ведущая на тридцать седьмом ежегодном гала-концерте Союза артистов в Зимнем цирке.

Этот концерт снимали и потом показывали по телевидению.

На один вечер актеры, певцы, мимы занимали место акробатов, клоунов, укротителей хищников, воздушных гимнастов, наездников или фокусников. Весь сбор от этого необыкновенного представления шел в пользу дома для престарелых актеров в Понт-о-Дам.

Подготовка к вечеру была нелегкая, тем, кто исполнял небезопасные порой цирковые номера, так непохожие на их обычные выступления, предстояло долго и тяжело репетировать.

Помнится, на одном из таких концертов Жан Маре исполнял номер на летающей трапеции — я тогда еще была никому не известной юной девушкой и пришла вместе с папой; а еще я помню, как Робер Ирш танцевал «Лебединое озеро» в белой пачке и окунал носки своих атласных пуантов в чан с водой, изображавший озеро!

Для этого вечера мне сшили белый фрак. На голове у меня был белый цилиндр. Раймон Жером, весь в черном, исполнял роль месье Лояля, ведущего. Я тогда еще была очень слабой, очень усталой, и настолько исхудала, что потом уже никогда не могла влезть в этот великолепный фрак, скроенный по моим тогдашним размерам.

* * *

Маму Ольгу беспокоило, что я получаю мало предложений сниматься. Хотя «Медведь и кукла» имел успех, за мной тянулся шлейф двух провалов — «Шалако» и «Женщины».

Поэтому, когда мало знакомый мне продюсер Андре Женовес задумал снять меня вместе с Анни Жирардо в комедии «Послушницы», мама Ольга нашла, что это замечательная идея, и настоятельно посоветовала мне согласиться. Идея и впрямь была хорошая, вот только фильм получился плохой! То есть исключительно!

А жаль, потому что дуэт Анни-Брижит оказался удачным, да и сценарий, вообще очень слабый, можно было бы подправить, если бы у режиссера, некоего Ги Казариля, хватило таланта.

На съемках царил хаос, диалоги менялись в последнюю минуту, постановка была рыхлая, непродуманная, без начала и конца. Мы с Анни прекрасно понимали друг друга и приходили в отчаяние от бездарности этого бедняги. Обе мы были достаточно опытные актрисы, но даже самый лучший актер может показать себя с лучшей стороны, только если им управляют. Иначе получается как в армии без генерала или в оркестре без дирижера.

К счастью, я настояла на том, чтобы главным оператором взяли Клода Леконта, который так замечательно снял «Медведя и

куклу». Если сценарий слабый, бессодержательный, так пусть хоть изобразительный ряд будет удачным.

Анни и я очень сдружились во время съемок. У обеих личная жизнь складывалась непросто. Мои отношения с Патриком лучше не стали, да и у нее с Бернаром Фрессоном не все было гладко. Иногда она являлась с фонарем под глазом, а я, проплавав полночи, прятала круги под глазами под стеклами больших темных очков. Веселенькая жизнь!

Однажды вечером мы просмотрели отснятый материал и ужаснулись. Назревала катастрофа. Я сказала об этом Анни, она согласилась со мной, и мы решили прекратить это безобразие. Пускай заменят режиссера, иначе мы отказываемся сниматься.

И вот разразился скандал!

Кто сможет или захочет с ходу переделывать эту дрянь?

Андре Женевес был почти в невменяемом состоянии, он звал на помощь всех, включая Вадима, но все были заняты, а главное, никто не хотел с этим связываться. В критический момент, когда это уже начало превращаться в трагедию, нас выручил Клод Шаброль, согласившись завершить фильм. Во французском кино тогда уже начинался неудержимый спад, приведший его к теперешнему состоянию. Непростительно, что с двумя такими актрисами, как Анни и я, продюсер не сумел создать первоклассный фильм, на основе крепко сделанного сценария, с захватывающими диалогами! Вся эта приблизительность, этот непрофессионализм, эта беспомощность, ставившие под угрозу мою карьеру, безо всякой моей вины, возмущали меня. Я начинала испытывать отвращение к моей профессии, да и она, в каком-то смысле, отторгала меня.

Это правда, что я иногда проявляю небрежность, но именно потому, что я такая, другие не должны быть такими!

В то время как Шаброль пытался заново сложить из кусочков мозаику под названием «Послушницы», Робер Энрико (режиссер незабываемого фильма «Совиная река») готовился снимать «Ромовый бульвар» — серьезный, профессионально задуманный, длинный и трудный фильм, в котором должен был играть Лино Вентура. Мне предложили роль Линды Ларю, кинозвезды двадцатых годов, кумира, вдохновительницы и несбывшейся любви моряка Корнелиуса!

Предложение было соблазнительным, особенно после этих мучений, которые вскоре должны были кончиться. Но затруднение состояло в том, что месяц надо было сниматься в Альмерии, а потом три недели в Мексике... Только после натуральных съемок предполагались павильонные, в Сен-Морисе. Наученная горьким опытом, я попросила дать мне прочесть сценарий.

Это было потрясающе!

Диалоги были полны юмора, сюжет развивался легко и стремительно, как в комиксе о временах сухого закона, моя роль была изысканной, сверкала всеми гранями лукавства и очарования, и вдобавок я должна была петь! Но ради этого пришлось бы поднять паруса и на два месяца отбыть за границу.

Ольга, превратившись в бульдозер, нажимала на меня день и ночь, требуя, чтобы я соглашалась. Она была права! Но ведь это не ей предстояло в который раз покинуть родину. Я обсудила это с Анни, и она посоветовала принять предложение. Мне повезло, что подвернулась возможность хорошим фильмом сгладить впечатление от кошмара, над отделкой которого мы все еще трудились. Она была бы рада сделать то же самое и совершенно не понимала моих колебаний.

Короче говоря, я подписала контракт на «Ромовый бульвар», которому суждено было стать одной из больших удач в моей жизни. Но тогда я еще не знала об этом!

А тем временем Патрик проводил целые дни в «Рейсинге», очень элегантном и очень закрытом клубе в самом сердце Булонского леса. Гольфа ему было уже недостаточно, и он попросил меня подарить ему членство в этом клубе, чтобы он мог плавать в олимпийском бассейне, играть в теннис или, в крайнем случае, загорать. Вечером мы встречались на авеню Поль-Думер, он — усталый от плавания, тенниса и солнца, я — измотанная нескончаемыми съемками этого никчемного фильма.

Поскольку я пока оставалась в парижской районе, то пользовалась этим, чтобы почаще ездить в Базош. Как-то утром одна из собак была найдена мертвой, без всяких видимых повреждений.

Я была в отчаянии!

Что с ней могло случиться?

Бедная собака столько выстрадала в приюте для животных, а умерла под моей крышей, хотя я так старалась, чтобы все они были живы и счастливы. Я чувствовала себя виноватой. Но мои беды еще не кончились, главная была впереди.

Однажды вечером, когда я вернулась со съемок «Послушниц», под конец напоминавших не то ремонт, не то штопку, меня не встретила у дверей, как обычно, возбужденная и радостная Гуапа. Я удивилась, позвала мадам Рене, та сказала, что Гуапа оказалась ей какой-то усталой и что сейчас она спит на кухне. И пошла за ней, а я в это время мыла руки в ванной.

Вдруг я услышала ее крик: «Мадам, мадам, идите скорее, Гуапа умирает!» Я бросилась на кухню.

Гуапа, вялая как тряпичная кукла, лежала на руках плачущей мадам Рене. Я осторожно взяла мою зверюшку на руки, она бро-

сила на меня последний, уже затуманенный взгляд, затем ее глаза навсегда померкли, а сердце остановилось. Долго я просидела так, прижав к груди маленькое безжизненное тельце, ласково говорила с ней, баюкала ее мертвую, как раньше баюкала живую. Я возвращалась мыслью в прошлое, вспоминала тринадцать лет, проведенных нами вместе, целый пласт жизни, который она уносила с собой, ничем не возместимую любовь, которую она отдавала мне и на которую я старалась ответить.

Смерть все еще преследовала меня.

В начале года она отняла у меня Бабулю, Лину, а теперь вот Гуапу, мою малышку, мою подружку в хорошие, а главное, в дурные времена. Мою верную Гуапу. Много часов прошло, пока у меня смогли вырвать из рук ее маленькое окоченевшее тельце.

Я была совсем одна.

Мама уехала к папе в Сен-Тропез. Патрик исчез неизвестно куда! В моем горе со мной были только Мишель и мадам Рене, они пытались утешить меня, но безуспешно.

На следующий день Гуапу уложили в небольшой деревянный ящик, Мишель и мадам Рене отвезли ее в Базош. Земля Базоша приняла Гуапу и вечно будет охранять ее непробудный сон. Увы, с того дня маленькое кладбище для животных, устроенное под яблонями, разрослось, мне пришлось пережить потерю многих моих маленьких друзей.

Не знаю, так это или нет, но, думается, Гуапа совершила усилие, чтобы не умереть до моего возвращения домой.

Когда сейчас, двадцать пять лет спустя, я пишу эти строки, мне все еще ее не хватает, хотя с тех пор у меня было много любимых собак, которые украшали мою жизнь. Ее было много покрыта цветами, а вокруг, увы, появилось множество новых. Когда я сижу там, на этой земле, которая приняла их, я с горечью думаю о том, что каждая смерть унесла кусочек моего сердца, часть моей жизни.

* * *

Но жизнь продолжалась.

Незадолго до этого мне показали прекрасную квартиру площадью триста квадратных метров, на двух верхних этажах дома на бульваре Ланн, с большими террасами, посаженными деревьями, откуда открывался великолепный обширный вид, с одной стороны на Булонский лес, а с другой — на парижские крыши и Эйфелеву башню.

Я подумала и решила, что не стоит больше цепляться за квартиру на авеню Поль-Думер, которая без Гуапы показалась мне пустой, унылой, осиротевшей. И вообще, с ней было связано слишком много тяжелых воспоминаний. Быть может, перемена

обстановки пойдет мне на пользу и в любом случае, станет поводом навести порядок в моем хозяйстве.

Патрик был на седьмом небе от счастья!

Наконец-то у него будет престижная квартира, соответствующая моему положению, достойная такой прославленной кинозвезды, как я. А пока что надо было сделать ремонт, оборудовать и обставить это жилище. Я захотела построить на террасе одиннадцатого этажа деревянный домик и устроить там спальню с огромными окнами, выходящими на этот чудесный висячий сад. Начинаешь жизнь на новом месте, так не скупись!

Я не жалела денег, на меня вдруг напала страсть к новомодным затеям, вообще-то совершенно чуждая моим вкусам, очевидно, тут сказалось влияние Патрика. Я не могла всем заниматься сама, как делала обычно, слишком сложная предстояла работа, и требовался крупный специалист. Мне составили смету. Я выбрала архитектора-интерьерщика, который оказался бездарностью. Я прекрасно знала, чего хочу, и тот, кто не соглашался со мной или не понимал своей задачи, автоматически получал отставку!

Я сменила двух или трех архитекторов, теряла время, выбрасывала деньги на ветер и совершенно измучилась. Бросив все в подвешенном состоянии, я уехала в Сен-Троpez, чтобы погреться на солнышке в «Мадраге», перед тем как отправиться в дальнее и долгое плавание, имя которому — «Ромовый бульвар».

Как только мы приехали, Патрик выразил мнение, что и «Мадраг» не мешало бы слегка обновить. Мало того, что ванная у меня была слишком маленькая, гримироваться негде, так еще и бассейн не было, а в комнатах для друзей не хватало удобств, там было допотопное центральное отопление, работающее на угле!

Честно говоря, он был прав.

А с другой стороны, зачем мне гримироваться, если живя здесь, я целый день хожу полуголая? Зачем нужен бассейн, если море рядом? Зачем современное, по последнему слову техники, центральное отопление, если мы никогда не бываем там зимой?

Он пилил меня каждый день, я не выдержала и пригласила Роже Эррера, архитектора по интерьеру и моего друга, чтобы узнать его мнение и услышать его предложения.

Я одобрила проект, подписала смету и чек, обеспечивающий две трети расходов, — это были пустяки по сравнению с тем, что меня ждало в Париже, на бульваре Ланн. Я готовилась сменить кожу. Готовилась к полному обновлению.

По контракту Эррера должен был закончить все и сдать мне «Мадраг» в обновленном виде к марту 1971 года. Все работы должны были провести за зиму... По крайней мере, собакам будет

не скучно, они смогут вцепляться в задницу рабочим, а за обедом им перепадут кое-какие объедки в дополнение к обычному меню.

Сейчас я живу на вилле «Мадраг» почти круглый год, за исключением лета! Я благодарю Бога за то, что решилась на этот ремонт, без которого не смогла бы проводить там зимние месяцы и уж тем более не смогла бы сделать этот дом своим основным местопребыванием.

* * *

Дождливым октябрьским утром я вместе с частью съемочной группы села в самолет до Малаги и направилась в Альмерию (опять!), в отель «Агуадальсе» (снова!). Со мной были Дебетта и ее сын Жан-Пьер, нагруженный коробкой с великолепными париками, которые мне предстояло носить в течение всего фильма; ассистенты, секретарь группы, но ни одной амазонки!

Не было и Патрика. Мы с ним опять повздорили, он собирался присоединиться ко мне позже... в мое отсутствие он навестит друзей, присмотрит за ремонтом... словом, в ход шли любые предлоги, лишь бы избежать неприятной обязанности сопроводить меня в забытую Богом дыру под названием Альмерия!

Из Малаги мы целой вереницей машин выехали на скверную дорогу, ведущую в Альмерию, и наконец поздно ночью я снова оказалась в отеле «Агуадальсе», который в эпоху «Шалако» был моим скандальным личным ночным клубом, но в этот вечер стал тихой гаванью, где меня сморил целительный сон без сновидений.

Съемки проходили исключительно на натуре, часто на борту корабля, стоявшего у причала, затем на том же корабле, но в открытом море.

Робер Энрико — славный человек, мы с ним прекрасно ладили. У него гармонично сочетаются талант и глубокое знание дела. Он привык вникать во все мелочи, и это позволило ему создать безупречный фильм, в котором ничто не делалось кое-как.

Мне не сразу удалось найти общий язык с Лино Вентурой, который странным образом напоминал мне Габена. Нелюдима Лино ничто не интересовало. Как только съемки заканчивались, он исчезал, даже не попрощавшись, замкнувшись в самом себе, вечно чем-то озабоченный. Иногда мы, разыскивая сколько-нибудь приличный ресторан, обнаруживали его за столиком, в одиночестве: он внимательно изучал меню, в надежде обнаружить там какое-то особенно вкусное блюдо. Именно таким окольным путем, через гастрономические изыски, мне и удалось немного сблизиться с этим разочарованным гурманом. Дебетта, вечно думающая о жратве, оказала мне неоценимую помощь по кулинарной части! Кроме того, мой парикмахер Жан-Пьер был помешан

на игре в тарок — и Лино тоже! Так, с помощью вкусных блюд и карточной игры мне удалось приручить этого медведя, который под толстой шкурой скрывал душу столь же прекрасную, сколь и ранимую, — Лино Вентуру.

У него была такая аллергия на людей, что он не участвовал ни в одной любовной сцене, не целовался ни с кем из партнеров — это было специально оговорено контрактом. Вот вам доказательство, что можно сделать прекрасный фильм о приключениях и о любви, не навязывая зрителям отвратительных по откровенности эротических сцен. Раз уж мы затронули эту тему, позволю себе сказать следующее: я очень рада, что ушла из кино в то время, когда талант актеров стал определяться их умением раздеться, расставить ноги, лизаться друг с другом и все прочее под жадным взглядом кинокамеры.

Хотя я и была секс-символом, в душе у меня сохранилась стыдливость, не приемлющая такой стиль в искусстве. Меня тошнит от этой выставки человеческого мяса, в то время как изображение имеет над человеком большую власть, чем изображение — вспомним, какие чудеса творит гипноз.

Патрик появился только в ноябре, а я научилась без него обходиться!

Съемки этого фильма доставили мне огромное удовольствие, несмотря на сюрпризы погоды, бушующее море, морскую болезнь и иногда непростые характеры тех, кто меня окружал. На этот раз я создавала образ непохожего на меня человека, звезды немого кино, капризной, кокетливой, требовательной, избалованной, неспособной на глубокое чувство, — и все же имевшей со мной что-то общее. Мне страшно нравились ее мимика, манера опускать, а потом широко открывать глаза, показательные излияния чувств, неискренние, но по-детски наивные.

Я никогда не забуду, как девятого ноября 1970 года, когда Де-детта поправляла мне грим, а Жан-Пьер расчесывал мой завитой белокурый парик, в трейлер, который служил мне гримерной, зашел Патрик и весело улыбаясь сказал:

— Де Голль умер.

— Что?! Ты шутишь?

— Нет (смех), Де Голль умер!

Всегда буду помнить, с каким идиотски-восторженным видом он сообщил мне об этой катастрофе, которая потрясла меня. Умер необыкновенный человек, идеал военного, незаменимый, до сих пор никем не замененный глава государства... Мы все осиротели! А ему, этому дураку, было смешно!

Сколь ни странным это может показаться, но смерть Де Голля

стала для меня тяжелейшим ударом. Он был почти что членом моей семьи.

Думаю, именно в тот день я впервые почувствовала ненависть и презрение к Патрику, и это в скором времени привело к окончательному разрыву.

Я по-прежнему порхала в тонких, как паутинка, одеждах рядом с Лино Вентурой, Клайвом Ревиллом и Ги Маршаном, забывая в пении и танцах все мои огорчения, и на сердце было тяжело от огромной неблагодарности, которую проявили французы.

Группа перебралась в Париж, планы изменились, и сначала надо было снимать в павильоне, а потом ехать на натуру в Мексику! Я снова разругалась с Патриком и опять была в страшно подавленном состоянии. Я еще больше похудела, платья обвисли на теле, словно паруса в безветренную погоду. Патрик на Рождество уехал в Шамони, и двадцать четвертого декабря я была одна, снималась в павильоне в Сен-Морисе.

И вдруг является Жан Букен с двумя билетами на самолет до Ниццы! Он собирался на Рождество повидать свою жену Симону и дочку Валери. Если у меня есть такое желание, я могу полететь вместе с ним и повидаться с моими родителями. Это лучше, чем сидеть одной в рождественский уик-энд. За долгие годы нашей дружбы я часто удивлялась тому, как Жан Букен умел читать мои мысли, предупреждать мои самые скрытые, затаенные желания!

Вот так и получилось, что в рождественский сочельник 1970 года я очутилась в лоне семьи, у моих родителей, которые не думали, что я приеду, но втайне надеялись меня увидеть в Ла Пьер Плантаэ, в Сен-Тропезе. Это было настолько неожиданно, что папа и мама расплакались. Мне нечего было им подарить, но само мое присутствие было для них лучшим подарком. Я отогревалась в семейном уюте и тепле до вечера воскресенья, а потом вместе с Жаном Буkenом села в самолет, чтобы в понедельник утром успеть на съемку.

К несчастью, из-за необходимости подчиняться строгому расписанию съемок я постоянно была лишена всего самого главного. Из-за этого у меня долго не складывалась личная жизнь, из-за этого я безвозвратно упустила возможность быть рядом с моими родителями.

Новый, 1971 год я встретила в одном знаменитом клубе на Рон-Пуэн Елисейских полей. Со мной были многие из моих амазонок, Робер Энрико, не знавший куда и к кому податься, Жан-Нозль Гринда, который нес меня на руках до моей машины, белокурая куколка Стефания и толпа поклонников, претендующих на место Патрика, который блистал своим отсутствием и, как выяснилось, был неправ.

Мама как-то сказала мне, что поцелуй в новогоднюю ночь, когда бьют часы, соединяет тех, кто рядом друг с другом, и разъединяет тех, кто друг от друга далеко. Как всегда, она была права. Я не поцеловала в новогоднюю ночь Патрика, — нас с ним разделяли сотни километров, — и в итоге дело кончилось разрывом.

Но тогда я еще этого не знала.

Незадолго до моего отъезда в Мексику мама Ольга предложила мне прочитать сценарий фильма, который должен был сниматься будущим летом в Мадриде с участием Клаудии Кардинале, и назывался «Нефтедобытчицы».

По правде говоря, мне уже порядком надоело бродить по свету. Говорят, под лежащий камень вода не течет. Я мечтала о том, чтобы ничего не делать, просто наслаждаться жизнью, жизнью, которой не знала с ранней юности. У меня никогда не было времени что-либо предпринять, неумолимый ритм работы опрокидывал все мои планы.

Итак, снова подняв якоря, я села в «Боинг-747» в сопровождении двух амазонок, Кароль и Стефании: я поменяла свой билет в первом классе на три билета в экономическом, и взяла их с собой, чтобы отогнать одиночество, грызущее душу. В течение всего полета мы играли в «скрабл» с секретарем съемочной группы, очень милой и умной женщиной, которая вначале подавляла меня своим властным характером, но вскоре стала мне верным, чутким и внимательным другом.

Из аэропорта Мехико, где меня встречали «марьячос», я поспешила вместе с моим мозговым трестом в отель «Лума», уже знакомый мне по временам «Вива, Мария!». Я в знакомых местах: это очень важно для меня.

Я была в восторге от новой встречи с Мексикой: эта чудесная, удивительная страна покорила меня, еще когда снимали «Вива, Мария!», но, в сущности, я так мало ее знала.

Накануне нашего отъезда в Веракрус вдруг, как снег на голову, явился Патрик! Я его уже не ждала, я больше не нуждалась в нем. Но раз уж он был здесь, вместе с моими амазонками, — я разрешила использовать его в качестве статиста в сцене погони.

В Веракрусе я поняла, что за сказочным названием не всегда скрывается сказочный город. Не считая «сокало», то есть главной площади города или деревни, где «марьячос» терпеливо ждут, чтобы их наняли на какую-нибудь вечеринку, — ярчайшего проявления местного колорита, — порт, улицы и все остальное были ужасающе уродливы и бесконечно далеки от того, что представляется воображению при слове «Веракрус».

Наш отель был похож на казарму, заброшенную лет сто тому назад и наспех приспособленную для того, чтобы разместить под-

разделение сенегальских стрелков. Ну что же, на войне как на войне, приходилось приспособливаться. Мы ежедневно принимали сехинил, чтобы не подцепить малярию, которой следует опасаться во всех тропических странах, йодохин, чтобы предупредить амёбную дизентерию и другие опасные желудочные инфекции, подстерегающие наивных, неосторожных путешественников. Несмотря на немилосердную жару, недостаток удобств и жесткий, как в армии, распорядок дня, мне удалось быть неизменно элегантной, утонченной, привлекательной, свежей и веселой. Бывают же иногда чудеса.

Когда съемки были окончены, Патрик, желая лучше узнать Мексику, взял напрокат американскую машину и повез нас четверых — Жан-Пьера, Стефанию, Кароль и меня — на экскурсию по этой прекрасной стране.

При этих обстоятельствах я познакомилась с Ивонной и Ричардом Уилки. Гостеприимство этого дипломата и его жены-мексиканки позволило нам увидеть тайные сокровища этой тысячеликкой страны. Они даже наняли маленький самолет, чтобы доставить нас на двое суток в поселок на берегу моря, где в наше распоряжение был предоставлен весь верхний этаж одного из самых современных и самых уютных местных отелей. Там мы могли купаться в отдельном бассейне, одновременно наслаждаясь видом, от которого захватывает дух.

А еще мы провели день в Такско, городе серебряных рудников, у старой англичанки, сдававшей комнаты. Опыт кочевой жизни позволял нам оценить прелесть маленькой мексиканской асиенды и преимущества комфорта, в котором англичане никогда себе не отказывают. Завтрак был восхитительный, а такого ароматного чая — смеси «дарджилинг» и «эрл грей» — я давно уже не пила! А булочки с изюмом, кекс и тосты с джемом из терпких апельсинов!

Там мы отдохнули от пряных запахов всяческих «тапас», «тортильяс» и «чили ком карне», из которых состояло наше ежедневное меню в этой стране. Ивонна и Ричард долго оставались моими самыми близкими друзьями, пока их прекрасная чета не распалась. Их разрыв положил конец нашей дружбе!

XXVII

Возвращение было невеселым.

В конце января в Париже стояла омерзительная погода, все было серое, грязное, тусклое. Даже квартира на авеню Поль-Думер казалась тесной и убогой, а мадам Рене как будто скуко-

жилась! На липких тротуарах толклись прохожие с угрюмыми, мрачными, пугающими физиономиями. На мокрых, унылых фасадах домов проступала грязь.

Патрик, за последнее время привыкший к роскоши и независимости, воспользовался моментом и объявил мне о своем предстоящем отъезде на горнолыжный курорт, где родители сняли ему квартиру!

А я? Меня в расчет не берут? Я ведь тоже сняла шале в Мерибеле, и что мне теперь с ним делать?

Это были мои трудности, не его.

И он уехал!

На сей раз я отнеслась к этому иначе: я решила ни в коем случае не принимать его обратно. Я была сыта этим по горло, дальше так продолжаться не могло.

Я совсем забыла о квартире на бульваре Ланн, а там обо мне не забыли. На моем письменном столе накопилась гора чеков на оплату ремонтных работ в парижской квартире и в «Мадраге», которые я должна была подписать. Это напомнило мне папу в те дни, когда надо было платить служащим на его заводе. И настроение, какое бывало у него тогда. Сейчас я была в таком же положении, я одна отвечала за все.

А мой жиголо меня бросил!

Первого февраля маме исполнялось пятьдесят девять лет: мой разрыв с этим бездельником, с этим прохвостом, которого она ненавидела, был бы для нее лучшим подарком. Я обещала исполнить это ее желание, но она не поверила!

Тогда я бросилась в вихрь развлечений.

Я призвала на помощь моих амазонок, вернее, то, что от них осталось, а также Жана и Симону Букен, Жики и Анну, Мишеля Дюшоссуа и его подружку Мартину. Мы каждый вечер шли куда-нибудь веселиться, и заканчивалось это обычно в «Кастель» уже под утро.

В одном ночном клубе мы случайно наткнулись на Фи-Фи и приняла его в нашу компанию полуночников. Между двумя бессонными ночами я подписала контракт на «Нефтедобытчиц», чтобы доставить удовольствие Ольге. Я слабо представляла себе, что это может быть за фильм, но если Клаудия Кардинале согласилась в нем участвовать при условии, что ее партнершей буду я, значит, все будет в порядке.

Не имея ни малейшего желания ехать в Мерибель, я все же не отказалась от шале и оставила его за собой! Там будет видно.

Как-то вечером мы все собрались на авеню Поль-Думер, пили шампанское в ожидании уж не помню кого, смотрели телевизор. Показывали сериал, третьесортный, но с изумительным актером.

Это был немец по имени Амадеус Аугуст, и я сошла с ума от восторга, наверно, выпила лишнего! Жан Букен, который ни перед чем не останавливается, тут же позвонил на немецкое телевидение и от моего имени попросил телефон Амадеуса Аугуста. А потом позвонил этому парню в Мюнхен и передал мне трубку. У меня была долгая беседа с этим незнакомым человеком, он очень плохо говорил по-французски, и, должно быть, до сих пор не понял, что с ним произошло!

В это же самое время в Париж приехал Уоррен Битти, он мечтал со мной познакомиться! Почему бы и нет? Уоррен обладает безмерным обаянием, которому трудно, а то и невозможно сопротивляться. А почему я должна была сопротивляться, ради кого?

Он мог намеренно или ненамеренно помочь мне забыть Патрика, и я отнеслась к нему соответственно.

Как-то меня пригласили на вечеринку у знаменитого певца Нино Феррера. Я пришла туда, напустила на себя дерзкий, победоносный вид, за которым скрывалась ранимость и глубокая печаль. Нино показался мне милым, застенчивым, с налетом грусти, простым, естественным и необычайно чувствительным. Тогда я сбросила маску и предстала перед ним такой, какая я на самом деле. Между нами вспыхнула любовь с первого взгляда, которая на время заглушила боль от старых ран и у него, и у меня. Я даже поехала к нему в Рим.

К несчастью, я не была готова к новому сильному чувству, слишком много в душе накопилось горечи, от которой я не могла излечиться даже в объятиях Нино. Все же он написал для меня замечательную песню «Стрекоза и мотылек», напоминавшую лучшие вещи Гейнзбура. Мне так никогда и не довелось ее спеть, но несколько лет спустя ее исполнила подруга Нино, ставшая его женой. Это напомнило мне историю создания песни «Я люблю тебя — и я тебя тоже нет». Я вдохновляю гениев, находящихся в кризисе, умирающих от любви ко мне, а потом предоставляю другим использовать этот творческий импульс, результат отношений, которые связывали их со мной.

Вернувшись в Париж, я, словно стрекоза или мотылек, порхала с цветка на цветок. На Втором Салоне гоночных автомобилей я познакомилась с Франсуа Севером. И как меня занесло на эту выставку, я ведь ненавижу рев моторов, скорость и все эти прообразы машин — «формула один», «формула два», «три» или «четыре», которые дают на психику и на барабанные перепонки?

И тем не менее этот самый Франсуа Север был большой любитель женщин, видный автогонщик, красивый парень и пре-

красный, очаровательный любовник! Правда, звезд с неба он не хватал, но кого это волновало? Во всяком случае, не меня! Он обожал лыжи, снег, горы. Я вспомнила о шале в Мерибеле, которое ждало меня с начала февраля.

Нельзя было терять ни минуты!

Я объявила общий сбор: мадам Рене отправлялась туда первой, чтобы все подготовить, Жики и Анна с детьми запрыгнули в машину, а Филипп Летелье, мой старый приятель, фотограф в «Пари-Матч», переживавший трудный разрыв с женой, должен был сам выбрать средство передвижения.

А я наняла маленький самолет, который благополучно доставил нас с Франсуа на очень ненадежный мерибельский аэродром. Вся эта веселая суета не давала мне задумываться, заставляла час за часом двигаться вперед! Но когда мы оказались в шале, все пошло иначе. Франсуа вдруг показался мне таким же настырным, как тот продюсер, что привез меня сюда на «феррари» два года назад. Его присутствие стало невыносимо тяготить меня, и я всеми силами старалась от него избавиться.

Моего сердца он не тронул, а сердцу не прикажешь!

Поскольку он никак не желал это понять, нам пришлось устроить ему адскую жизнь, и в конце концов он уехал. Надо сказать, мы, клан Бардо, не слишком-то церемонились с теми, кто оказывался лишним!

Итак, у меня больше не было козла отпущения, горные лыжи меня не слишком привлекали, и вот я заскучала, снова стала думать о Патрике, и на меня напала ужасающая тоска. Ни вечерние партии в покер до поздней ночи, ни кулинарные изыски мадам Рене, ни шутки Жики не помогали мне развеяться.

Тогда клан принял решение: «малышку» надо выводить в свет. И вот мы все отправились в клуб «Сен-Никола» в Куршевеле, к повелительнице наших бессонных ночей, Жаклин.

Я не стала шикарно одеваться, заранее зная, что там будет за публика: лысые, тучные дельцы, увешанные золотыми цепями, лопающиеся от денег, в сопровождении несчастных девчонок, ищущих богатого содержателя. Мне осточертел весь этот гам, пьянство, потная толпа, которая вихлялась на площадке для танцев. Я повернулась лицом к бару, ища глазами Жаклин, хотела сказать ей, что мы уходим.

И тут я увидела его!

Потрясающий парень, прямо Клинт Иствуд!

Он стоял за стойкой, поглощенный своим делом, и совершенно не обращал внимания на то, что происходило с другой стороны.

У меня перехватило дыхание!

Жаклин сказала, что это ее бармен, что зовут его Кристиан,

что он заносчивый, скрытный и увлекается спортом. Я попросила диск-жокея поставить медленный фокстрот и подошла к бару — пригласить Кристиана на танец. Он мягко и вежливо отказался: при его работе ему нельзя было отойти даже ненадолго!

Ну это уж слишком! Мое самолюбие было задето.

Узнав, в чем дело, мои спутники предложили ему на время занять его место.

Нет! Он отказался!

Пришлось вмешаться Жаклин.

Или он танцует со мной, или он уволен!

Он пошел со мной танцевать. Но, надо сказать, без воодушевления. Я вела себя так скромно, как только могла. Но я была Брижит Бардо, а он испытывал непреодолимое отвращение ко всему, что относилось к шоу-бизнесу, к его звездам, к его видным деятелям. Ему было глубоко чуждо все это! Насмотревшись в своем ночном клубе на знаменитостей, он теперь их на дух не переносил. Я не знала, куда мне деваться, снова, в который раз, проклинала судьбу, сделавшую меня знаменитой, в то время как мой склад характера и желания влекли меня к скромной жизни. Он любезно проводил меня к столику, потом вновь скрылся за стойкой бара и продолжал работать, как будто ничего не произошло. Нет, мне решительно не везло! Любой парень отдал бы все на свете, лишь бы потанцевать со мной, но именно тот, кто мне нравился, эту возможность ни в грош не ставил. Вдобавок, он еще и бармен. Я конечно, не сноб, но все-таки!

Я вернулась в Мерибель с неприятным осадком в душе.

Через два дня я решила опять съездить в Куршевель.

Весь клан отправился со мной!

Я снова увидела Кристиана. Я попыталась приручить его: со всей прямотой, на какую способна, рассказала ему о своем подавленном состоянии, о потребности в абсолютном. На этот раз он сам попросил у Жаклин разрешения потанцевать со мной и тут же его получил. Но нам мало было этих дурацких танцев. Нам хотелось увидиться днем, и в другом месте!

Кристиан катался на горных лыжах, как олимпийский бог! Он приехал ко мне в Мерибель. Мы с ним говорили обо всем и ни о чем, о жизни, о страдании, о счастье любви! Он тоже родился десятью годами позже меня, под знаком Льва, но производил впечатление зрелого человека, гораздо более зрелого, чем Патрик, и был совсем не похож на него, родившегося под знаком Стрельца.

Иногда я оставалась ночевать у Кристиана. К моему удивлению, в его однокомнатной квартире жил еще и Клод Готье, его самый близкий друг и помощник бармена в клубе «Сен-Никола». Мне это напомнило жизнь в квартире Вадима на улице Бассано.

Я подарила Клоду Готье коробку затычек для ушей, но повод воспользоваться ими представлялся крайне редко!

Кончился февраль, самый короткий месяц в году, и истек срок аренды шале, но моя любовь к Кристиану не угасла!

Иногда он приезжал ко мне на уик-энд, при содействии Жаклин. В других случаях я сама ездила в Куршевель.

Все эти сложности не прекращались до тех пор, пока Кристиан не оставил работу: ради меня, чтобы иметь возможность любить меня, куда бы ни забросила его судьба... Он переехал на авеню Поль-Думер, и вместо бархатных и альпаковых костюмов, какие обычно носил Патрик, мои платяные шкафы наполнились зимними куртками и другой спортивной одеждой. Я приютила у себя вольную птицу, привыкшую к просторам, и неприспособленную к жизни в большом городе.

В это трудное для меня время заболела Дада.

Моя Дада, моя любимая нянюшка, жившая очень стесненно, без всякой помощи, кроме моей, в квартирке для прислуги, которую я ей купила, не способная сама обеспечить свое существование, потому что умела только обслуживать других, тяжело заболела, и ее срочно надо было класть в больницу. Я устроила ее в частную клинику на улице Николо, в двух шагах от ее дома. Навещала ее каждый день, ее состояние меня беспокоило. Я представила ей Кристиана, она была счастлива его видеть и сказала: «Надеюсь, уж этого-то ты не отпустишь, моя Бриззи».

Это было и мое самое сильное желание!

Однажды Патрик с победоносным видом и букетиком фиалок явился на авеню Поль-Думер, готовый вновь занять свое место. Однако, к его огорчению, оно уже было занято!

Я приобщила Кристиана к Базошу, где он мог гулять и бегать с ошалевшими от радости собаками, и собиралась приобщить его к «Мадрагу». Квартира на бульваре Ланн постепенно обретала великолепие. Как оказалось, весьма кстати! Но там пока еще никто не жил, и грустно было думать о том, что Патрик туда никогда не войдет!

Тридцать первого марта я согласилась сделать первый удар по мячу в футбольном матче сборных Франции и Бразилии! Для такого исключительного случая Жан Букен одел меня в синюю майку, коротенькие белые шорты и красные сапожки!

Это была целая эпопея!

Я в жизни не бывала на стадионе, а тем более на Парк де Пренс, и оледенела от страха, когда пришлось вслед за Пеле выйти на середину арены, где на меня уставились тридцать тысяч зрителей! Меня окружили игроки обеих команд, надвинулась толпа фотографов и телеоператоров, и я в бешенстве изо всех сил

пнула мяч, приземлившись прямо на голову одного из фотографов, который присел на корточки и самозабвенно щелкал затвором!

Выполнив свою миссию, я со всех ног понеслась к лестнице, где меня ждал Кристиан. По этому случаю на следующий день я удостоилась в газетах чрезвычайно лестного эпитета «белая газель». Но тогда мне стоило невероятных сил уйти целой и невредимой из этого ада. Меня теснили со всех сторон, и я укрылась в раздевалке, но вскоре толпа вышибла двери, и мне, точно загнанному зверю, пришлось забиться в душевую.

Никогда не забуду, как Жики, Кристиан, Жан Букен и Кристиан Бринкур, специальный корреспондент телевидения, вместе с полицейскими пытались заслонить меня своим телом, своими мускулами, своей дружбой или своей любовью от бушующего, бесчувственного людского моря, которое зовется «толпа».

* * *

Кристиан, метавшийся на авеню Поль-Думер, словно зверь в клетке, захотел провести Пасху в Сен-Тропезе. Оттуда ему удобно будет навестить родителей в Каннах. Он благоговейно относился к своей «мутти» и был бы счастлив познакомить меня со своим отцом.

Но вилла «Мадраг» еще не была готова к нашему приезду, и мы поселились у Жана и Симоны Букен. Мой белый «роллс-ройс» уже был продан, а «роллс-ройс» Азнавура, который я успела купить, стоял в гараже. На нем уже долгое время не ездили.

И мы прилетели на самолете, отправив поездом мой «морган».

Жан и Симона приняли нас так, словно были мне братом и сестрой. Чудесный, сердечный прием. Они баловали меня.

Я показала Кристиану «Мадраг», где еще шел ремонт.

Он был в восторге, но увы, штукатурка не высохла, вокруг только что законченного бассейна лежали кучи земли и строительного мусора. Не было больше полевых цветов, так украшавших мой сад... Эррера заверил меня, что через две недели все опять будет на месте, все будет закончено, все будет замечательно. Мою ванную нельзя было узнать: она стала самой красивой и самой большой комнатой в доме, ванна была углублена, ее край — вровень с полом, она сверкала позолоченными кранами, а пол был выложен каррарским мрамором в редких прожилках цвета охры! За резными дверцами стенных шкафов, достойными какой-нибудь роскошной библиотеки, висели вешалки для одежды и были скрыты унитаз и биде. Я была вне себя от восторга и подумала о Патрике, которому никогда не придется воспользоваться этими удобствами, созданными ради него! Маленькое окошко моей спальни превратилось в широкое окно, выходявшее

на великолепную террасу — как бы продолжение комнаты! Собаки устроили мне невероятно торжественную встречу.

Капи показался мне старым и усталым. Хромой пес Бонер по прозвищу «Талейран» носился за местными сучками. Что до Проспера, верного, добродушного и трогательного толстяка, он был падок на ласки и нежности.

Кристиан провел долгое время в ночном клубе в качестве бармена и теперь ни за что не хотел посещать эти заведения как клиент. Он терпеть не мог светских развлечений и был счастлив оставаться вдвоем со мной, в окружении собак. Он читал газету «Команда» и не пропускал ни одного футбольного матча по телевизору. Эта простота нравов, иногда грубоватая, но здоровая, давала мне отдохнуть от той бурной жизни, какую я вела последние годы. Я старалась приспособиться к новому для меня, так сказать, растительному существованию, рассеянно слушала новости спорта, на которые мне было наплевать, старалась не раздражаться, когда при упоминании какого-нибудь знаменитого писателя или музыканта, Кристиан в знак вопроса широко раскрывал глаза!

Нельзя иметь все!

Я регулярно справлялась о здоровье Дада. Настроение у нее было хуже некуда, а здоровье к шестидесяти девяти годам было подорвано долгой нелегкой трудовой жизнью. Смерть Бабули была для нее большим ударом, и теперешнее недомогание стало чем-то вроде запоздалой реакции на пережитое потрясение.

Новоселье в «Мадраге» вышло ужасно веселым!

Мы разместились в пустых комнатах, мебель расставляли постепенно, испробовав по десять вариантов. Пришлось заново обивать диваны: из-за собак я выбрала для обивки белую искусственную кожу. Затем я купила цветы в горшках и заказала рамки из нержавеющей стали для гравюр с дарственными надписями Фолона. Это неожиданно привнесло современную ноту, контрастирующую со старой мебелью и с плиточным полом.

Кристиан мало чем помогал мне. Ему была по душе лишь неприятная обстановка горной хижины, и, если только у него было кресло напротив телевизора, остальное значения не имело. И все же он был страшно доволен, что может купаться в новеньком бассейне с морской водой, подогретой до тридцати градусов мощной отопительной установкой.

Мне надо было возвращаться в Париж, на озвучивание «Ромового бульвара» и на примерку костюмов для «Нефтедобытчиц», съемки которых должны были начаться в конце июня и проходить исключительно в Мадриде.

Я воспользовалась этим, чтобы добавить последние штрихи к

квартире на бульваре Ланн: всякие мелкие детали и находки, чтобы квартира не выглядела холодной и безликой. Спальня и ванная комната находились на террасе последнего этажа, широкие окна выходили прямо в сад на крыше, полный деревьев и цветов.

Это было великолепно! Потрясающе!

Кристиан смотрел на все это полунасмешливо, полуравнодушно. Ему было вполне достаточно квартиры на авеню Поль-Думер, и он не понимал, зачем я трачу столько денег и столько сил на то, что ему казалось бесполезным и лишним.

Я навестила Дада в больнице. Сердце у нее работало плохо, лицо было бескровным, но она рассмеялась, когда я украсила стены палаты яркими афишами в форме сердца, которые мне дал Жан Букен. Она спросила, счастлива ли я. «Да, конечно», — ответила я ей. Если по правде, то я не была несчастна, что уже было большим шагом вперед: я пыталась научиться быть довольной тем, что у меня есть, а не заниматься тщетными поисками идеала.

Мы подолгу задерживались на уик-эндах в Базоше, где цвела сирень, яблони и сливы.

Собаки упоенно резвились вокруг нас, не обижаясь за то, что я бросила их на долгие месяцы. Мы играли в покер. К нам снова вернулось детство. У нас бывали перепалки из-за пустяков и приступы неудержимого, незабываемого, беспричинного смеха.

Если это и не было счастье, то что-то очень на него похожее!

Но потом пришлось заняться серьезными делами!

Свева попросила нас взять ее с собой в Мадрид. Мы поехали в моем новом «роллс-ройсе» с откидным верхом и на несколько дней сделали остановку в Сен-Тропезе, перед трудной дорогой в Испанию! Чем ближе надвигалась намеченная дата, тем меньше мне хотелось ехать сниматься в «Нефтедобытчицах». Ну зачем я туда еду? На два долгих летних месяца, в нестерпимую жару, в самом сердце Испании, такой суровой и негостеприимной!

Все эти фильмы сидели у меня в печенках!

Но взявшись за дело, надо его делать. И я поехала в Испанию.

Поездка заняла два дня и оказалась довольно-таки приятной. «Роллс-ройс» катил по автострадам, проезжал через деревни, облик которых все больше и больше менялся по мере приближения к границе. Было жарко, солнце и ветер очень выматывали. Я уже начинала жалеть, что не поехала в закрытой машине с кондиционером.

Тогда в моде были коротенькие шорты, едва прикрывавшие ягодицы, и очень высокие летние сапожки. Вот в таком наряде и ехали мы со Свевой, закрыв головы большими кепками, а глаза спрятав за большими очками-консервами. Невозможно передать,

какой успех мы имели по ту сторону границы. Испанцы смотрели на нас так, словно мы явились с другой планеты.

Мне представили Клаудию Кардинале, одетую в классический, элегантный костюм. Потом была радостная встреча с моей Дедеттой, Жан-Пьером и Фран-Франом — продюсером Франсисом Каном. Но едва войдя в забронированный для меня номер в отеле, я заорала благим матом. Несмотря на кондиционер, там было самое настоящее пекло. Меня охватила мучительная клаустрофобия, и я потребовала, чтобы мне немедленно предоставили другое жилье.

Капризы кинозвезды на этом не кончились.

В итоге я со всеми причиндалами приземлилась в пристройке отеля, где разместили Дедетту, Жан-Пьера и технический персонал: костюмерш, портних, гримеров, секретарш... и меня, и меня, и меня! Там было гораздо просторнее, но уж конечно, не так роскошно! Правда, там не было кондиционера, зато был воздух, широкие окна, выходящие на великолепный парк с бассейном, и наконец, там было где повернуться.

Меня сочли чудачкой.

Но сюрпризы для них еще не кончились!

Съемки фильма проходили в опаленной солнцем Сьерре в окрестностях Мадрида, среди пустынного ландшафта, неотличимого от пейзажа классических вестернов, которые снимали на границе Мексики и Соединенных Штатов. Мы выезжали рано утром, пока было прохладно, и возвращались обессиленные, грязные от пота и пыли, только вечером, в накопившуюся за целый день духоту.

Клаудия была прелестна — очень профессиональная актриса и кинозвезда в полном смысле этого слова. У нее тоже был «роллс-ройс», но последней модели, с шофером в ливрее, столь же безупречной, как и сам автомобиль, который он целый день мыл, чистил и доводил до блеска, несмотря на пыль, забивавшую нам легкие.

А я вечно опаздывала, ворчала из-за нудных репетиций, забывала текст или меняла его по своей прихоти; что касается моего «роллс-ройса», то он был похож на кучу грязи! У нас было не так уж много общего и никакого взаимного притяжения, но мы старались обращать друг на друга поменьше внимания, и все шло гладко.

Сцены, где приходилось ездить на лошади, дались мне ценой невероятных мучений. Я всегда испытывала ужас перед этими средствами передвижения, у которых нет ручного тормоза! Как только лошадь галопом брала с места и начинала подбрасывать меня, словно мешок картошки, я не знала, за что уцепиться. Клаудия великолепно ездил верхом. Она хохотала до слез, когда лошадь, получив пинка от помощника режиссера, пускалась бешеным галопом, и я с воплем «спасите, помогите!» хваталась за седло или за гриву бедного животного.

Утром десятого июля мама со слезами сообщила мне о смерти Дада. Это было ужасно. Мое сердце, мою душу охватила глубокая скорбь, пронзила жгучая боль.

Моя ласковая Дада, моя вторая мамочка, моя милая, моя обожаемая, умерла и унесла в могилу часть меня самой. Все мое детство, огромную радость, разделенную с ней, ее объятия, в которых я забывала горести, волшебные сказки, которые она рассказывала мне на забавном полуитальянском, полуфранцузском языке, приводя меня в такой восторг...

Первым же самолетом я вместе с Кристианом вылетела в Париж, бросив съемки, продюсера и всю эту смехотворную возню.

Стояла страшная жара!

Дада находилась в больничном морге.

Мне еще никогда в жизни не приходилось бывать в таком враждебном человеку жестоком месте. Я взглянула на нее издали, не в силах приблизиться к оледеневшему телу, которое уже не было ею. Потом я попыталась понять, как же это могло случиться, почему внезапный сердечный приступ так быстро унес ее жизнь. Мама сказала, что так лучше, что она не страдала. Мама пыталась успокоить меня, побудить смириться. Наверно, не отдавая себе отчета, она хотела подготовить меня к тому, что ожидало меня через четыре года, когда смерть разлучила меня с моим папой Пилу, и еще через семь лет, когда я потеряла самое дорогое — мою мать.

Никто не знал, где хоронить Дада.

Я предложила похоронить ее в Базоше и захотела все сделать сама. Мама не стала возражать. Впервые в жизни я брала на себя такую ответственность: одной, без чьей-либо помощи, заниматься похоронами и установкой памятника дорогому мне человеку.

Это оказалось тяжелым испытанием!

Мне пришлось выбирать гроб, его обивку, жалкие украшения и саван. Я заплакала, глядя на маленькую белую кружевную подушку, где должна была покоиться ее голова, пока не завершится разложение. Я думала, что схожу с ума, но надо было держаться.

Дада похоронена в Базоше, и я ухаживаю за ее могилой.

Я приезжаю туда так часто, как только могу, приношу цветы, сажусь рядом и веду с ней долгий разговор — и так уже больше двадцати лет!

А потом мне пришлось вновь ехать на съемки «Нефтедобытчиц», но у меня не было никакого желания работать. Абсолютно никакого. Я как будто постарела на сто лет. Я стала другой! Кристиан не помог мне ничем, только повсюду ходил за мной и повторял мои движения и мои слова, точно попугай! Кроме Гюнтера, который поддерживал меня материально, и Боба Загури, у

которого было определенное чувство ответственности, я не встретила в своей жизни мужчину, который мог бы поделиться со мной силой воли и жизненным опытом, чтобы стать мне опорой, защитой, спасательным кругом.

Наоборот, это я подносила им все на серебряном блюдечке, незаметно для себя вырабатывала у них характер избалованного, капризного, требовательного ребенка, который проявлялся у них все время, пока они жили со мной.

И даже сегодня, увы!..

Съемки «Нефтедобытчиц» продолжались с переменным успехом!

У Кристиана вдруг начались страшные боли в животе, сопровождавшиеся неукротимой рвотой. Я в ужасе бросилась к Дедетте, та, заподозрив приступ аппендицита, вызвала врача, который сказал, что у Кристиана начинается перитонит, и необходима срочная операция. Только этого мне не хватало!

Мне казалось, что я вижу кошмарный сон на каком-то непонятном иностранном языке. В больнице, когда его привезли в палату, он был еще под наркозом, но плакал и стонал от боли. Я долго сидела рядом, взяв его за руку, я не хотела оставлять его одного. Но поздней ночью мне пришлось все же вернуться в отель, чтобы попытаться хоть немного поспать.

Так было все пять дней, пока он лежал в больнице. Как только время позволяло, я бежала к нему и сидела с ним, пока, сморенная усталостью, не засыпала прямо на стуле, который там для меня поставили. За свою жизнь я провела много часов, держа за руку дорогого мне человека, боровшегося с болью, с болезнью или со смертью.

Об этом знают только они и я.

Но если бы эти руки соединились в цепь, то, быть может, по ней я смогла бы подняться в рай, когда настанет мой черед.

Выйдя из больницы, Кристиан сразу сообщил мне, что едет к матери в Канны. Только она могла должным образом обеспечить его выздоровление! Он очень обидел меня. Но я старалась это понять, старалась понять его. И вот опять я оказалась в одиночестве, несмотря на мое желание делать добро, мою преданность и мою грусть.

А фильм продолжался. Предстояло снимать знаменитую драку, поединок между Клаудией и мной, как между двумя вожаками стада, за право быть главенствующей семьей!

Эта сцена снималась неделю. Семь долгих дней, с утра до вечера, мы по-мужски лупили друг друга кулаками и по очереди валялись в пыли. Главная трудность была в том, чтобы уклониться от удара, делая вид, будто он попал в цель! Два или три раза я

оказывалась с рассеченной губой. У бедной Клаудии с самого начала был страшный фонарь под глазом. Эта беспощадная драка сблизила нас. Когда очередной эпизод был отснят, мы бросались в объятия друг друга, извиняясь за неловкие движения. Поскольку отснятый материал монтировался подряд, нам на всю неделю запретили мыть голову. Волосы сбились и слиплись от пыли, песка и пота, приняв определенную форму, и на следующий день они должны были выглядеть точно так же, как накануне.

Это было очень тяжело для нас обеих.

Но для меня особенно, ведь у меня волосы были длинные, до середины спины, и с них на подушку сыпалась красная земля. Я додумалась на ночь закручивать их в платок, чтобы эта грязь не преследовала меня хотя бы во время сна.

На поверку Клаудия оказалась смелой и совестливой.

Я глубоко уважаю ее. По знаку она Овен, и это, думаю, помогло ей, в отличие от меня, занимающей противоположное место на карте звездного неба, выдержать немало испытаний, безропотно и с достоинством.

Тем временем пришло приглашение по всей форме от Альфонсо фон Гогенлоэ на уик-энд в «Марбелья-клуб», отель для миллиардеров, собственность этого неподдельного князя, бывшего мужа Иры фон Фюрстенберг. Мы со Свевой решили отправиться туда, чтобы показать наши новые платья.

Мы сели в «роллс-ройс»: Жан-Пьер, его подруга, Свева, Жан Букен и я — и покатали в Марбелью!

Альфонсо принял нас так, как умеют принимать только князья.

Хорошенький деревянный домик на пляже, предоставленный в наше распоряжение, был чудом хорошего вкуса, улучшенным вариантом «Мадрага», продуманным соединением деревенской простоты и роскоши.

Я жалела, что не смогу разделить там постель с Кристианом.

Тем же вечером состоялся праздник в мою честь.

Два-три дня ушли на черновой монтаж и просмотр, а затем я покинула Мадрид и взяла курс на Сен-Тропез, где собиралась встретиться с Кристианом, полностью выздоровевшим благодаря заботливому материнскому уходу.

Я снова увидела Клаудию лишь двадцать три года спустя, на церемонии, устроенной Жаком Шираком в 1994 году в театре «Ваграм» по случаю награждения ее медалью парижского муниципалитета.

* * *

Я не задержалась в Сен-Тропезе, мне хотелось лишь повидать Кристиана и осмотреть его шрам, длинный, как мое предплечье. Потом снова в дорогу, в Париж, нельзя было больше тянуть с

переездом на бульвар Ланн. Это оказалось совсем не простым делом, я никак не могла переломить себя. В последний момент я вдруг раздумала, не захотела покидать обжитой, уютный уголок на авеню Поль-Думер ради новой, незнакомой квартиры. И снова, в который раз, меня выручила мама, а Кристиан в это время был занят чтением спортивного журнала. Когда все уже перевезли, я попрежнему ночевала на авеню Поль-Думер, на матрасе, положенном прямо на пол. Я упорно отказывалась покидать эти стены, где чувствовала себя защищенной.

И все же пришлось, наконец, отдать швартовы!

Настал роковой вечер, когда Кристиан привез меня на бульвар Ланн, и с домом семьдесят один на авеню Поль-Думер пришлось проститься навсегда.

Разумеется, все там было красиво, все как я хотела. Разумеется, со временем я привыкну и освоюсь. Но в ту ночь я так и не смогла заснуть, мне было не по себе среди этого великолепия, столь чуждого моим сокровенным желаниям. Мадам Рене испытала такое же чувство и почти сразу же попросила расчет! Этого я никак не ожидала. Она героически справилась с переездом и попыталась приспособиться к новой жизни, но не смогла.

Она убила меня этим, просто убила... Мне легче потерять много сердцу любовника, чем прислугу. Мадам Рене была одной из тех, на ком держалась моя жизнь. Я предлагала ей любые прибавки к жалованью, но она осталась равнодушной.

Свое тридцатисемилетие я встретила, по уши увязнув в запутанных делах.

День рождения не был для меня праздником.

Кристиан заявил, что хочет снова занять место бармена в клубе «Сен-Никола» на зимний сезон! Тогда я решила снять на три месяца шале в Мерибеле. Но как я управлюсь со всем этим без мадам Рене?

Мы с Мишель целыми днями принимали кандидатов на ее место, изучали их рекомендации и выслушивали их условия...

А еще надо было продавать квартиру на авеню Поль-Думер. Мне было не по средствам оплачивать все эти квартиры! Мой счет в банке за последнее время сильно похудел. И я решила переселить мадам Легран, мою Биг, в однокомнатную квартиру, где раньше жила Дада. Там сделали косметический ремонт, кое-что переделали, поменяли мебель и, в частности, кровать, чтобы Биг чувствовала себя как дома, а не так, словно влезла в еще не остывшие шлепанцы Дада. Но характер у Биг был тяжелый, и угодить ей было непросто. Она отказалась съезжать со своих ста квадратных метров и забиваться в маленькую квартирку с тесной

ванной, где нельзя будет повернуться. А куда денется ее кот Феликс?

Вот несчастье! Нельзя же продать квартиру вместе с мадам Легран! Когда приходили смотреть квартиру, она начинала перечислять все ее недостатки: неудобная, шумная, сырая, трубы протекают, обходится слишком дорого и т.д., пока люди не разворачивались и не убегали со всех ног, чтобы больше не вернуться. С этим надо было что-то делать!

Сговорившись с ее врачом, я уложила ее на два дня в клинику на улице Николо. Она непрерывно жаловалась на какие-то пустяковые болячки, так пускай пройдет полное обследование. Тем временем мы с Мишель перевезли ее вещи, и когда она вышла из своего «кетчупа», как сказала бы мадам Рене, то волей-неволей оказалась в новой квартире, где кот Феликс успел уже немного обжиться.

Мама считала, что я понапрасну усложняю себе жизнь этой возней с пожилыми дамами, которых взяла под свое покровительство! Она, конечно была права, но я не могла иначе, ведь я всю жизнь брала на себя ответственность за тех, кто попал в беду, заболел или состарился, поддерживала их морально и обеспечивала материально. Это тайный сад моей души. И какой это чудесный сад.

Когда сейчас я слышу упреки в том, что помогаю животным, а не престарелым людям, то воздерживаюсь от ответа, но не могу сдерживать улыбку. Впрочем, я неоднократно замечала, что суровой всего критикуют других, и в частности меня, те, кто сами никому ничем не помог.

Не найдя никого, кто мог бы заменить мадам Рене, я уже начала паниковать! Я даже согласилась бы переехать обратно на авеню Поль-Думер, лишь бы она вернулась ко мне. Легко сказать! Мадам Рене была чистокровная, типичная нормандка, упрямая как осел: если она принимала решение, ничто не могло заставить ее передумать.

Тогда я стала плакать! И плакала без конца.

Наверно, так на меня подействовала утомительная синхронизация «Нефтедобытчиц». Кристиан на секунду задерживал на мне взгляд, затем снова углублялся в чтение «Команды». Он целые дни проводил на диване, поставленном напротив телевизора! Когда чтение, наконец, заканчивалось, мне забивали голову телепередачами о футболе, велогонках или боксе. На минутку уняв слезы, я подходила к телефону: так хотелось поговорить с кем-нибудь не о спорте. Из одного такого разговора я узнала, что дворецкий, служивший у нас в Авориазе два года назад, сейчас без работы. Он искал себе место и предлагал мне нанять его. Он умел

все: готовить, убирать, гладить, подавать на стол, мог даже сделать укол в случае необходимости.

Я готова была расцеловать его!

Поскольку от природы я не отличаюсь терпением, мне пришлось пустить в ход все мои дипломатические таланты, дабы не твердить моему новому дворецкому с утра до вечера, что он идиот! Он хотел все сделать как лучше, но делал одни глупости, слишком много внимания уделял хорошему тону и слишком мало — пользе дела. Вдобавок, он оказался откровенным гомиком. И обволакивал Кристиана томными взглядами!.. Но что делать, не ревновать же мне было к собственному дворецкому.

Кристиан уехал на работу. В ожидании моего приезда в Мерибель он, как и в прошлом году, жил в однокомнатной квартире у Клода Готье в Куршевеле.

Тем временем я вместе с Мишель навестила Сюзон в Ферте-су-Жуар. Для этой замечательной женщины каждый мой приезд был праздником! Она начинала готовиться к нему за неделю, а потом еще две недели переживала каждую минуту, проведенную со мной, как драгоценное и неповторимое событие в своей жизни.

Сюзон перенесла рак горла, у нее не было голосовых связок, и изъясняться она могла лишь гортанными звуками, проходившими сквозь отверстие в трахее, через которое она дышала. А еще у нее была грифельная доска, на которой она писала, если я не могла разобрать ее шепот. Она никогда не жаловалась, наоборот, она гордилась тем, что выжила благодаря мне, а еще больше тем, что нас с ней соединяет нечто вроде пуповины, помогающей ей жить. Она работала в муниципальной библиотеке, проявляя исключительное мужество.

Мы повезли ее обедать в трехзвездочную гостиницу в Ферте-су-Жуар, куда она явилась об руку с мной, крохотная, как мышка, и гордая, как Артабан, где директор и официанты приветствовали ее, словно королеву. После обеда мы обычно устраивали ей небольшую прогулку на машине, которая каждый раз заканчивалась на кладбище: она обязательно хотела дать мне полюбоваться собственным надгробием, поставленным ею исключительно на свои средства. Это был памятник из черного гранита, с ее именем и датой рождения, написанными золотыми буквами. На месте даты смерти стояла только цифра 19.., остальное должно было появиться, когда придет время.

На это ушли все ее сбережения. Очень гордая собой, она с хитрой улыбкой пыталась сказать мне, что когда она умрет, мне не надо будет ничем заниматься, ведь все, вплоть до мелочей, уже предусмотрено и оплачено.

Увы, несколько лет спустя мне пришлось убедиться, что так оно и было.

На Рождество весь клан в полном составе собрался в Мерибеле.

Мой дворецкий, обычно неотразимый в своей белой накрахмаленной куртке, здесь выглядел не столь блестяще: он носил кожаную обувь, и всякий раз, стоило ему ступить маленькой ножкой в сугроб или на скользкое место, как он сразу же шлепался и расшибал себе нос. Увидев это, я купила ему рождественский подарок — пару зимних сапожек на теплой подкладке и с подошвами, которые не скользили на льду.

У нас с Кристианом все складывалось неважно.

Он уезжал каждый вечер, часов в пять, и возвращался только в четыре утра, а то и вовсе не возвращался, если дорогу от Мерибеля до Куршевелия заносило. Он пытался поспать до полудня, но все остальные вставали в девять и поднимали немыслимый гвалт, особенно дети! Ведь в шале всегда такой резонанс, там слышен каждый звук.

Настроение у Кристиана было хуже некуда. У меня тоже.

Рождество я встретила без Кристиана. В клубе «Сен-Никола» был большой наплыв посетителей! Как всегда, я нарядила елку и разложила под ней подарки для всех. Снег падал крупными хлопьями, в камине весело горел огонь, пахло смолой и хвоей, все было как на Крайнем Севере.

Это было почти счастье!

Между Кристианом и Жаклин Весьер возникли трения. За минувший год у него появились привычки кинозвезды, он отказывался подчиняться суровой дисциплине, которую установила для своего персонала Жаклин, разговаривал с ней недопустимым тоном. В общем, вообразил себя... Брижит Бардо! Такое не раз случалось с мужчинами, которые вошли в мою жизнь. Надо было обладать большим умом, чтобы не поддаться этой мимикрии.

В новогоднюю ночь, когда били часы, я смогла поцеловать Кристиана: он стал безработным!

Мне больше незачем было оставаться в шале, и мы собрали вещи. Редкий случай, но у меня в ближайшее время не предвиделось съемок. Кристиан тоже был свободен, и я решила пожить полной жизнью — ведь мое существование столько лет формально было подчинено определенному режиму.

Не отдавая себе в этом отчета, я уже тогда готовилась к уходу из кино. Я еще не приняла окончательного решения, но уже несколько раз сообщала журналистам о намерении покончить с этой профессией, начинавшей сильно тяготить меня. Пока что никто не воспринимал это всерьез: так, еще один каприз кинозвезды.

На афишах «Ромового бульвара» и «Нефтедобытчиц», не так давно вышедших на экраны, мое имя еще было написано гигантскими буквами. Оба фильма имели успех, но «Ромовый бульвар» шел на несколько голов впереди и тащил за собой «Нефтедобытчиц», словно локомотив!

Но все это оставляло меня равнодушной.

Я развлекалась, устраивая приемы в моей новой великолепной игрушке, квартире на бульваре Ланн.

Дворецкий в этой обстановке смотрелся хорошо. Я надевала длинные платья и собирала волосы на макушке затейливым узлом, украшая его брошью. Музыка, звучащая изо всех уголков квартиры, даже из туалетов, свечи, освещенные террасы — все это приводило меня в восторг.

Невероятно, но это был мой дом.

Моими гостями были журналисты, директора телекомпаний, видные репортеры.

Иногда вечер заканчивался великолепной партией в покер, невероятно возбуждавшей нас. Каждый стремился выиграть во что бы то ни стало и смотрел на другого как на врага, которого надо безжалостно уничтожить. Я прилично владела этой игрой, хладнокровие и самообладание позволяли мне часто выигрывать у игроков-мужчин и даже у профессионалов. Похоже, в покере каждый проявляет себя, как в жизни. Побежденные проигрывают, победители выигрывают!

Вспоминается история о собаке, которая всегда проигрывала в покер: каждый раз, когда ей шла карта, она виляла хвостом от радости, и все сразу настораживались.

Я всегда была женщиной, склонной впадать в крайности, ни в чем не знающей меры, я могла от самой утонченной элегантности шарахнуть к самой что ни на есть деревенской простоте.

В Базоше, во время уик-эндов, меня нередко видели в резиновых сапогах, старых вельветовых брюках, с всклокоченными волосами; я шлепала по грязи и навозу в компании шести собак, десятка кошек, ручного кролика, двух десятков уток, осла Корнишона и полудюжины коз и баранов, спасенных от бойни! Я сама чистила овчарни и коровники, поносила последними словами их бездельников-сторожей. Я умела приказывать, но умела засучить рукава и взяться за дело.

Я увлеклась чтением.

Я залпом проглатывала книги Райнера Мариа Рильке, Льюиса Бромфилда, Льюиса Пууэлса, Пьер-Жана Жува, Лоренса Даррелла, Мориса Дрюона, Скотта Фитцджеральда. Круг чтения Кристиана был диаметрально противоположным, и мы с ним жили словно на двух разных планетах, имея мало возможностей для общения.

Однажды Свева легла в больницу на одну несложную операцию. Я просидела целый день у нее в палате, в клинике Бельведер. Поскольку на меня, стоило только высунуть нос на улицу, тут же набрасывались газетчики, я приняла меры предосторожности: надела на голову платок и нацепила на нос большие солнечные очки, чтобы проскочить по возможности незаметно.

Каково же было мое изумление и возмущение, когда наутро в теленовостях Эдгар Шнейдер заявил, что накануне мне сделали подтяжку в клинике «Бельведер». Я приехала туда утром, а уехала вечером, закутанная, неузнаваемая, в больших темных очках, скрывающих лицо.

Это было уже слишком!

Я чуть не задохнулась от ярости!

Этот тип просто ненормальный! Что за подлец, что за гнусный лгун!

Можно подумать, мне в мои тридцать семь лет могла понадобиться подтяжка!

Ну чем, чем я так провинилась перед Господом Богом, что меня так достают, снова и снова сочиняют про меня какие-то лживые, оскорбительные байки, постоянно лезут в мою личную жизнь и никак не уймутся, не хотят оставить меня в покое. Свинство, свинство, свинство!

Я немедленно вызвала моего адвоката, мэтра Жан-Пьера Ле Ме.

Надо было что-то делать, принимать срочные меры, пока эта информация не обошла весь мир, а то меня днем и ночью будут преследовать фотографы, жаждущие запечатлеть мое «новое лицо». Нельзя было терять ни минуты. Я заставила адвоката действовать без промедления и добилась, чтобы слушание в суде было назначено на послезавтра.

А назавтра «Пари-пресс» вышла с заголовком на первой полосе: «Б.Б. сделала подтяжку», и это было только начало... Я подала против «Пари-пресс» такой же иск, как и против Эдгара Шнейдера и телекомпании РТЛ — за клевету, распространение дезинформации и т.п. Я уж не говорю о разных там «Франс-Диманш», «Иси-Пари» и прочих, подхвативших эту «сенсацию». На слушании судья, не очень-то разбиравшийся в таких казусах, постановил, чтобы меня осмотрел судебно-медицинский эксперт в присутствии моего адвоката и моего врача, а также адвоката и врача со стороны Эдгара Шнейдера.

Нервы у меня не выдержали, и я сорвалась.

Какое безобразие!

Какая пакость, какая непростительная трата времени, денег и сил.

Я возненавидела весь мир.

Кристиан на секунду достаивал меня взглядом, а затем опять утыкался в газету. Он был в миллионе световых лет от меня. Как я могла жить с этим одноклеточным болваном! Я возненавидела и его тоже, мне опротивело все кругом! Несколько недель спустя мне пришлось подвергнуться судебной-медицинской экспертизе в присутствии моего врача, доктора Арналя, мэтра Ле Ме, а также адвоката и врача Шнейдера. Меня попросили полностью очистить лицо от косметики. А потом вывернули веки. Осмотрели уши спереди и сзади, покопались в волосах, ища шрамы на коже головы. Я была похожа на пугало, с всклокоченными волосами, из покрасневших глаз с вывернутыми веками неудержимо лились слезы.

Какой это был ужас! Кошмарный сон!

Со мной обошлись как со скотиной, выставленной на продажу, бесконечно унизили, и все это только за то, что я навестила больную подругу.

Какая вопиющая несправедливость!

Думаю, именно это происшествие укрепило во мне давно зревшее решение послать все к чертям. Процесс я, разумеется, выиграла. Но зло уже совершилось. Мне нанесли рану, которая долго не заживала и продолжает болеть по сей день.

Пока я страдала, оскорбленная до глубины души, жизнь, к счастью, продолжалась!

У Вадима, которого я не видела лет сто, возник замысел, казавшийся ему гениальным! Он хотел изобразить Дон Жуана в собственной, весьма оригинальной трактовке — в виде женщины, и предложил эту роль мне! Но от Вадима можно было ожидать всякого, и хорошего, и плохого, и я не знала, соглашаться ли мне.

С другой стороны, необходимо было пополнить мой банковский счет: я не глядя тратила значительные суммы на содержание жилья вне Парижа, на престижные автомобили, на моих пожилых дам, а квартира на улице Ланн с текущими расходами, ремонтом и всеми причиндалами обходилась безумно дорого. И я подписала контракт, из-за которого под конец моей карьеры, знавшей взлеты и падения, мне суждено было стать самой недооцененной из актрис, столкнуться с огромной неблагодарностью публики, боготворившей меня двадцать лет!

Это был не фильм, а сплошное мучение. Съемки начались двадцать четвертого июля, я не понимала, что я должна делать и все делала плохо. Притом еще умерла моя костюмерша Лоло, проработавшая со мной двадцать лет! Бедная женщина, такая сильная, всегда утешавшая меня в трудную минуту, на восьмом

десятке все еще добывавшая кусок хлеба тяжелым трудом! Вся моя кинематографическая семья была в трауре. Дедетте, как и мне, было очень грустно.

У меня шли бесконечные скандалы с Кристианом. Пропасть, разделявшая нас, становилась все глубже. Он изводился от безделья, а я работала до изнеможения.

Фильм получался малоинтересным, несмотря на усилия моих талантливых партнеров: Мориса Роне, Робера Оссейна, Матье Карьера и Джейн Биркин. Но Вадим не терял оптимизма, он был уверен, что творит шедевр, такой же, как «И Бог создал женщину»: Ради этого он заставил меня раздеться и лечь в постель с Джейн Биркин. Нам обоим было одинаково неловко.

Потом он заставил меня заниматься любовью со священником, Матье Карьером — а до этого я должна была десять минут танцевать перед ним голой, чтобы он поддался моим чарам. И опять-таки мы оба не знали, куда деваться.

Съемки должны были продолжаться в Швеции, но перед самым отъездом Кристиан меня бросил. Я сломалась, стала пить по две бутылки шампанского и по три литра красного в день.

Съемки пришлось прервать.

Мой врач вызвал психиатра, которого я сразу послала куда дальше. Моя жизнь разваливалась, я больше не могла справиться с надвигавшейся на меня разрушительной силой, я барахталась в грязи, обломок кораблекрушения в этом мире, отторгавшем меня. Вечерами я бродила, как призрак, по этой огромной, пустынной квартире, вопя от отчаяния, и успокаивалась только под действием алкоголя и сильных снотворных.

Мама хотела помочь мне, но после ее недолгих визитов я чувствовала себя еще более одинокой, обделенной любовью и вниманием. Мишель осенила идея: разыскать мадам Рене, умиравшую от скуки, и уговорить ее вернуться. Мы встретились как влюбленные после долгой разлуки! Спасибо, мадам Рене, спасибо вам за то, что вы вернулись в самый тяжелый момент моей жизни. Мой дворецкий исчез столь же деликатно, как появился. Привычное, умиротворяющее присутствие мадам Рене вернуло мне мужество, и я смогла взять себя в руки.

На студии, когда съемки возобновились, я однажды увидела из окна моей примерной на первом этаже необычайно красивого молодого человека: он шел по двору и улыбался мне! Это мне было приятно, но я тут же об этом забыла, поглощенная работой. Вечером я снова увидела его из окна, он был все такой же улыбающийся, веселый, славный! Мы обменялись какими-то незначущими словами, а потом я уехала домой.

На следующий день я увидела его на съемках, он играл какую-

то небольшую роль. Мы с ним подружились, он смешил меня, рассказывал всякие занятные истории, это меня отвлекало. Я узнала, что его зовут Лоран, что ему двадцать три года и он мечтает стать актером. Я была растеряна, я сбилась с курса, и я взяла его в любовники, чтобы не быть одной!

Он был моложе меня на четырнадцать лет! В его возрасте был Вадим, когда я вышла за него замуж, и Патрик, когда я познакомилась с ним в свои тридцать три. Быть может, мне суждено всю жизнь любить только двадцатитрехлетних?

У меня было тяжело на душе, когда я привела его на бульвар Ланн, где все еще напоминало о Кристиане. Но благодаря ему я смогла поехать в Швецию, мое пребывание в Стокгольме было почти приятным, и съемки могли продолжаться. Мы снимали в местном университете, где было полным-полно студентов. Когда я пришла туда утром двадцать восьмого сентября, они все встали, а было их не меньше сотни, и запели: «С днем рождения!»

У меня дрогнуло сердце, на глаза навернулись слезы!

Мне стукнуло тридцать восемь лет.

Благодаря Лорану, его жажде новых впечатлений, любознательности и легкому характеру, я смогла открыть для себя Швецию, о которой раньше ничего не знала.

Как только у меня выдавалась свободная минутка, он увозил меня куда-нибудь за город, на природу, такую прекрасную в этих северных краях, там мы останавливались в маленьких гостиницах, лакомились копченой рыбой в сметане и булками с корицей. Мы побывали также на островках, которых вокруг Стокгольма не одна сотня, где в деревянных домиках проводят уик-энд скандинавские робинзоны. Погода стояла холодная, но сухая. Морские прогулки к островам были приятны, потому что во фьордах не бывает шторма.

Я вспоминаю об этом с большим удовольствием.

Вернувшись в Париж, я узнала, что мадам Легран увезли в больницу Амбруаз-Паре с кровоизлиянием в мозг.

Я бросилась туда. Моя Биг лежала в общей палате, жевала вставную челюсть, свисавшую у нее изо рта, взгляд у нее блуждал, а разум был далеко. Вызванный мной дежурный ординатор не смог объяснить, что с ней случилось. Затем пришли два практиканта с троакаром, делать спинномозговую пункцию.

Я их к ней не подпустила!

Нельзя было оставлять ее в этом аду.

Она так и не узнала меня. Я с ней разговаривала, тормошила ее, но она ни на что не реагировала. Я тут же позвонила в клинику Николо и распорядилась, чтобы ей приготовили отдельную палату, вызвали моего врача и прислали за ней машину «скорой помощи». Я перевезла ее в бесчувственном состоянии. Она так и не

пришла в себя и через несколько дней скончалась, оставив меня сиротой во второй раз.

Ее похоронили в фамильном склепе в Ферте-су-Жуар. Мне снова пришлось заниматься организацией похорон. Сюзон заварила меня, что будет ухаживать за могилой...

Прощай, Биг! Ей было восемьдесят три года.

Я отвезла ее кота Феликса в Базош, но он, привыкший жить в четырех стенах, на коленях у хозяйки, не смог приспособиться к новым условиям и в скором времени умер тоже. Сколько смертей!

Все это очень тяжело подействовало на меня. Мне казалось, что моя жизнь увядает, прошлое рассыпается в прах, все вокруг рушится. Потрясение было таким глубоким, что я серьезно заболела. И встретила Рождество в постели, с двусторонним плевритом и температурой сорок один. Пришлось на сей раз самой ложиться в клинику Николо, где я, в одиночестве, в страданиях «отпраздновала» новый 1973 год.

* * *

К счастью, у меня есть свойство быстро приходить в себя после горестей и после недомоганий, как физических, так и моральных, которыми отмечена моя жизнь. Я довольно быстро встала на ноги, и бездействие начало меня тяготить. Я работала всю жизнь, с четырнадцати лет. Если у меня нет никаких планов, это меня тревожит, безделье кажется мне чем-то кошунственным.

Юг Офрэ только что выпустил замечательную пластинку «Вы моя леди» с американскими песнями, переведенными на французский. Мелодия песни «Вы моя леди» и ее чудесные слова мне так понравились, что мне захотелось спеть ее вместе с Лораном, у которого был очень хороший голос. Я пошла к Эдди Беркли, и он устроил нам запись. У нас получился удачный дуэт, а текст оказался весьма подходящим, если учесть разницу в возрасте между нами. Наши голоса гармонично сливались воедино.

Это было хорошо. Я радовалась.

Я всегда любила петь, я отдаюсь во власть музыки и слов и бываю обо всем!

В Базоше мои собаки одна за другой стали жертвами загадочных несчастных случаев.

Первый из них произошел с кроткой Дианой, которую нашли однажды утром без ноги: то ли ее отрезало буфером автомобиля, то ли вырвало пулей крупного калибра! Я в панике бросилась с ней к ветеринару, и ее жизнь была спасена. Но она потеряла много крови, и выздоровление было долгим. Она смотрела на

меня добрыми золотисто-карими глазами и лизала руки. Потом вдруг исчезла Барбишю, я обшарила окрестности, обещала вознаграждение тому, кто ее найдет, но она так и не нашлась.

Я чуть не заболела от расстройства!

Бижуфикс нашли в загончике, который служил ей конурой: в нее всадили заряд дробы. Спасти ее было невозможно... А Патапон умерла от отравления стрихнином.

Я подняла скандал в мэрии, в редакциях местных газет и послала отчаянное письмо во «Франс-Суар», в котором жаловалась на жестокость местных крестьян и обещала принять меры против охотников... Я была готова на все, лишь бы утолить жажду мести, разъедавшую мне нутро. Мне хотелось убить негодяев, зверски расправившихся с моими собаками, бедными, славными животными, виноватыми единственно в том, что они бегали по полям за мелькнувшим где-то зайцем. А разве сами они, убийцы, не делали того же каждый уик-энд? Они настолько обнаглели, что стреляли в моих уток, моих баранов, моих коз!

Я люто возненавидела их и поклялась бороться с ними до самой смерти.

Но сколько я ни кричала, ни угрожала, сколько ни поднимала шума на всю страну, убийц так и не нашли. У меня было одно предположение, но слишком мало доказательств, а собирать их — дело опасное, поэтому позиции мои оказались слабыми.

Сейчас, когда прошло почти четверть века, когда я стала сильнее, потому что меня поддерживают сорок тысяч членов моего фонда, я продолжаю выступать против них и никогда не опускаю рук, даже если проигрываю сражение. Я должна отомстить во что бы то ни стало, отомстить за гибель моих собак и тысяч других животных.

Меня охватило отвращение к двуногим, и я решила немного отдохнуть в «Мадраге». Лоран поехал со мной.

У него не было определенных занятий, и он мог составить мне компанию. Все виделось мне сквозь дымку сожаления и печали. Во мне что-то сломалось. Мои усилия казались пустыми и бесполезными.

Я много времени проводила у Жики и Анны. Они были такие сильные, надежные, прямодушные, верные, веселые и мудрые.

Однажды вечером, когда я с трудом преодолевала подъем по каменистой дороге, ведущей к их старой, уединенной ферме, моя малолитражка заглохла. Ну и положеньице! До меня доносился лай собак, но в густеющих сумерках был виден только старый грузовик, похоже, заброшенный. Из него вылез какой-то человек и направился ко мне... Я слегка испугалась! Он попытался помочь мне завести машину, потом полез в грузовик и принес оттуда

полную корзину крошечных, от силы трехнедельных щенят. Встревоженная мать бежала следом. Он предложил мне купить щенка... У меня с собой было только пятьдесят франков, это его устроило. И в свете фар я выбрала себе коричневый комочек, малышку, которую пригрела на своей груди, которую мне суждено было любить и беречь четырнадцать лет. Она послужила для меня сигналом к началу нового этапа моей жизни, целиком посвященного защите животных.

Пишну стала моим талисманом, в горе и в радости.

Она вернула мне способность улыбаться, в какой-то степени вернула радость жизни. У нее был свой, ярко выраженный характер, и ворчать она научилась раньше, чем лаять. В «Мадраге» три здоровенных пса встретили ее, дружелюбно виляя хвостами. Под их защитой она вскоре стала пробовать себя в роли сторожевой собаки, кусала пятки, икры и все, что свисало на пол.

Я вернулась в Париж с Пишну на руках.

Мама Ольга хотела, чтобы я прочла сценарий «Колино Заде-ри-Рубашку» — она находила его очень удачным. Автором была моя любимая Нина Компанец, она же — режиссер, а главную роль должен был играть Франсис Юстер. Сниматься мне предстояло недолго, всего неделю: Ольга полагала, что это будет очень кстати после провала «Дон Жуана-73».

Я ворчала, что не хочу сниматься.

Лоран, как всегда, оптимистичный, жадный до новых впечатлений, заверил меня, что сниматься в Сарла, этом чудесном городе, будет просто замечательно. Он обещал показать мне во всей красе юго-запад Франции, с его самобытной кухней, с его замками, его пейзажами, так непохожими на виды Прованса... В общем, прочитав и ознакомившись, я одобрила и подписала.

В это же время Коринна Дессанж представила мне Жаң-Пьера Элькаббака. Он непременно хотел, чтобы я участвовала в его телепередаче, очень серьезной и, как правило, посвященной политическим деятелям: «Актюэль-2».

У меня захватило дух!

Там надо было отвечать на вопросы четырех журналистов в течение часа, в прямом эфире. Риск был огромный, я начала умирать от страха за неделю до передачи и пришла в себя только неделю спустя — но я рискнула!

Ну что я в сущности теряла?

Зато могла кое-что найти!

Публика не знала подлинной Брижит. Сколько лет во мне видели очаровательную идиотку, которой я отнюдь не была. Пора было объяснить это всем!

И вот девятого апреля, ни жива ни мертва от волнения, я уселась напротив моих мучителей. Это были Клод Саррот, Рене Бержавель, Франсуа Нурирье и Люсьен Бодар. Жан-Пьер Элькаббак, выполнявший роль ведущего и арбитра, уселся за отдельным столиком, между мной и ими. Это было как в суде. Я старалась унять дрожь в руках, выдававшую мой панический страх. Мне надо было оставаться спокойной, уравновешенной, уверенной в себе, а между тем сердце у меня колотилось так, что было слышно в микрофон звукооператору. Из этого тяжкого испытания я вышла с победой, но совершенно без сил. Французы увидели, что я совсем не такая, какой они меня воображали. У меня час копались в кишках, заглянули в самые сокровенные уголки души, а я отвечала шутками, словесной эквилибристикой.

Десять миллионов телезрителей следили за этой дуэлью в прямом эфире. Многие просили повторить передачу, и ее повторили через четыре месяца.

Это был колоссальный успех.

Я красиво уходила из кино, я прощалась с местом в жизни, которое мне больше не принадлежало. Это было ясное, четкое, исчерпывающее разъяснение, кто я есть на самом деле и какой хочу быть отныне. Как правильно сказал Ларошфуко: «Есть время, когда в жизни можно добиться удач. И есть время, когда можно добиться, чтобы жизнь удалась».

Когда сейчас, двадцать два года спустя, я пишу эти строки, нельзя сказать, чтобы жизнь удалась, это далеко не так, но попытка была сделана. Я сумела добиться того, к чему стремилась: я защищаю животных, рассказываю людям об ужасных условиях их существования и возможности эти условия изменить, говорю правду о бессмысленных бойнях, невинными жертвами которых они становятся, об их страданиях и бедах.

И я горжусь этим! Даже если иногда меня поднимают на смех!

* * *

Я заслужила несколько дней отдыха!

Мы с Лораном решили, что надо съездить на юго-запад Франции, посмотреть места, которые я совсем не знала. А в первые дни мая я должна была приехать в Сарла на съемки «Колино». К нам присоединились мои друзья из Сен-Тропеза, агенты по недвижимости Пьер и Нелли Медер, — они хотели купить себе дом в тех краях.

И, конечно же, я взяла с собой Пишну: она так описала ковры на бульваре Ланн, что мадам Рене под этим предлогом устроила генеральную уборку.

Вначале я едва не влюбилась в этот уголок Франции.

Когда Пьер и Нелли нашли дом своей мечты, я чуть было не

купила соседний — вместо «Мадрага». Но вовремя вспомнила, что эти места кишат самыми злыми и коварными охотниками, какие только бывают. Вдобавок именно тут, по варварской местной традиции, откармливали птицу для изготовления паштета из утиной и гусиной печенки! Надо сказать, что пока мои друзья лакомились картофелем по-сарлатски и жарким из утки или гуся, я ела тертую морковь и салат из помидоров с яйцом, чтобы не нести вину за чью-то мучительную агонию.

В общем, не все мне там понравилось. И это мое впечатление подтвердилось несколько лет спустя, когда я вела борьбу против незаконного отстрела горлиц в Медоке.

Потом мы приехали в Сарла, где уже начались съемки, где меня дожидались Ольга и толпа журналистов. Деетта работала на другом фильме, и мне пришлось доверить лицо незнакомой гримерше, оказавшейся, впрочем, очень славной.

В фильме участвовала масса знаменитых актеров, но я не была ни с кем из них знакома. Весь этот маленький мирок сложился в семью, в которой я чувствовала себя чужой. Нина, никогда не менявшаяся, милая и терпеливая, попыталась приручить меня как могла, чувствуя, что дикое животное во мне возобладало над кинозвездой.

Франсис Юстер осваивал актерскую профессию; продвигаться на сцене и в жизни ему помогала любящая, многоопытная Нина, которая и вывела его на эту стезю. Он чувствовал, что его опекают, выделяют, видел, как перед ним заискивают очаровательные актрисы с громкими именами. Порой он держался самоуверенно и заносчиво, а это уж мне совсем не нравилось. По праву или не по праву считая себя новым Жераром Филипом, он склонен был смотреть на остальных, в том числе и на Нину, как на грязь под ногами. Иногда он просто бесил меня. С тех пор Франсис Юстер очень изменился, он проложил себе дорогу в искусстве исключительно талантом и стал одним из самых блестящих актеров классического репертуара, которым может гордиться Франция!

Во время съемки одного из первых эпизодов с моим участием в замке Ламот-Фенелон, где я присутствовала на турнире, устроенном моими придворными, я заметила в массовке крестьянку с двумя маленькими прелестными козочками. Освободившись, я прямо в этом средневековом костюме, с остроконечным головным убором, пошла погладить этих козочек. Пишну, теперь всегда бегавшая за мной по пятам, возмущенно тявкала от ревности.

Оказалось, это статистка-фермерша с нетерпением ждет, когда закончатся съемки турнира: в воскресенье ее внук идет к первому причастию, и одна из козочек предназначена для праздничного обеда. Другую уже продали на какую-то ферму, где делали козий

сыр! Теперь у меня была одна забота — спасти этого крошечного козленка, ростом с мою Пишну. Я уже не думала о роли, фильм казался мне чепухой, а сама я в этом маскарадном наряде — просто чучелом. Вечером я купила козочку и вернулась в отель, держа ее под мышкой с правой стороны, а Пишну — с левой.

Я произвела большой эффект!

Однако дирекция отеля была обеспокоена: где я оставлю ее на ночь? Только не у себя в номере!

Об этом не может быть и речи!

В отеле не было подсобного помещения, которое годилось бы под хлев, — у них не принято пускать клиентов с козами! Это уже была проблема, особенно если учесть, что каждые три часа ее надо было кормить из бутылочки, а оставшись одна, она тут же принималась блять душераздирающим голосом. Мы попробовали поместить ее в одну из комнат при кухне, однако, едва мы закрыли дверь, раздался такой звон разбитой посуды и грохот кастрюль, начался такой тарарам, что мне пришлось забрать козу и щедро оплатить убытки. Я попросила выделить ей номер, но мне возразили, что ковры и стильная мебель в номерах подбирались не для скотного двора. Не зная, как быть, вконец измученная и издерганная, я вернулась к себе в номер с собакой и козой и уложила обеих в свою постель.

Все сошло гладко!

Я выводила их гулять на поводке, и они как паиньки делали свои дела на подстриженной лужайке, под осуждающими взглядами садовников и клиентов отеля, принимавших меня за сумасшедшую! Бутылочки с молоком для Колинетты волновали меня гораздо больше, чем мой текст и исполняемая роль, на которую мне было глубоко наплевать!

Именно тогда я приняла окончательное решение расстаться с актерской профессией.

Я увидела себя в зеркале, в этом дурацком средневековом костюме, с Пишну и Колинеттой, которые вертелись у моих ног с бляением и лаем. И вдруг мне осточертело все это кривляние, мне стало понятно, что я пленница, отрешенная от настоящих жизненных ценностей. Мое занятие показалось мне ничтожным, ненужным, никчемным, достойным осмеяния.

У меня была только одна жизнь, и я должна была прожить ее по-своему!

Вечером, к невыразимому изумлению мамы Ольги, я подарила эту сенсацию Николь Жоливе, журналистке из «Франс-Суар», случайно оказавшейся на съемках:

— Я ухожу из кино, все, конец, этот фильм последний — надоело!

В средствах массовой информации поднялась настоящая буря!

Все газеты мира, кто всерьез, кто со скептической усмешкой, подхватили эту новость. У меня уже бывали такие капризы... Меня подняли на смех — бросила кино из-за козы! А как-то впоследствии, когда я велела кастрировать осла — вполне обычное дело, — мировая пресса вновь принялась потешаться надо мной, уверяя, будто кастрация — мое давнее хобби! Я уже не придавала значения всем этим бредням, повинуюсь лишь моему инстинкту, принятой мной линии поведения и моему сердцу.

У меня словно гора свалилась с плеч. Теперь, думала я, начнется нормальная жизнь, на природе, без всякого принуждения, среди животных, которых я так люблю, которые так близки мне.

Бедная я, бедная, если бы я знала!..

* * *

Я так и не изменила своего решения, несмотря на все предложения, которые получала мама Ольга, — а среди них были и весьма заманчивые.

В последнем кадре последнего эпизода моего последнего, сорок восьмого фильма, у меня на руке сидит голубка.

Это глубоко символично.

Когда прошла эйфория, вызванная внезапным решением, будущее вдруг разверзлось передо мной, как бездна, как черная пугающая пропасть. Трудно одним махом провести черту под целой жизнью, еще труднее начать после этого новую. Я с семнадцати лет привыкла, что кто-то за меня принимает решения, несет всю ответственность, управляет мной, у меня никогда не было времени думать и жить самостоятельно.

С другой стороны, мне всегда приходилось вживаться в образ героини, которую я играла, жить параллельной жизнью. Это позволяло мне разряжаться, перетекать из одной жизни в другую, а иногда и смешивать их. А теперь я перекрывала себе этот предохранительный клапан, перерезала пуповину, давая ей колыхаться в вечном бездействии.

Колинетта, водворенная вместе со своими бутылочками в Базош, прожила у меня пятнадцать лет; всю свою жизнь она была ручной козочкой-собачкой, умненькой и ласковой!

Чтобы быть по-настоящему в ответе за животных, которых я приручила, я посвятила им себя целиком, безраздельно, с добросовестностью, иногда непосильной, но также дарившей мне порой самые истинные, самые неподдельные радости, какие я только знала в жизни.

В августе, будучи все еще в Париже — Сен-Тропез летом стал невыносим, — я пошла в парикмахерскую, навести красоту. Кажется, с тех пор я ни разу больше туда не ходила. Но тогда меня

еще очень волновала собственная внешность, и я позволяла уродовать себе волосы всевозможными модными составами. Прошли годы, и три прутика от метлы — все что осталось у меня на голове — превратились в пышную блестящую шевелюру, вполне здоровую и такую длинную, что я могу сидеть на своих волосах.

В тот день я пришла и увидела, что моя парикмахерша прижимает к груди белого крольчонка. Но нет, это не крольчонок, это крошечный щенок английского сеттера! Его оставили здесь одна клиентка, она недавно пережила трагедию и хотела избавиться от этой прелестной крошки.

И парикмахерша сунула щенка мне!

Это была самочка, совсем малюсенькая, дрожащая, вся белая, с маленьким черным пятнышком над левым глазом. Бедная плюшевая зверюшка с неясным будущим, такая юная, невинная и уже брошенная. Сердце мое растаяло. Мы ушли вместе. Она села у меня на плече, вцепившись в волосы.

Но когда мы явились на бульвар Ланн, дело приняло серьезный оборот. Ревнивая, властная Пишну устроила нам ужасную сцену. Мое приобретение от страха намочило только что вычищенный ковер. Мадам Рене глядела на нас осуждающе, и я почувствовала себя виноватой. Лоран сказал мне, что собаки этой замечательной и весьма редкой породы отличаются необыкновенно кротким нравом, необычайной красотой и грацией. Я убедилась в этом, воспитывая Нини, которая стала родоначальницей династии. Английские сеттеры и похожие на них породы до сих пор остаются моими любимыми собаками, насколько я вообще могу любить одних животных больше других.

Клиентка моей парикмахерши бросила Нини потому, что это была собака ее двухлетнего сына, который утонул в Довилле на глубине двадцати сантиметров. Нини, в свою очередь, утонула десятью годами позже.

Чтобы заполнить свободное время, я согласилась записать с Саша Дистелем «Солнце моей жизни», очаровательный дуэт, продолживший во Франции успех великого американского певца Стиви Уандера. Пластинку слушали и покупали очень многие, а ее исполнение было увековечено в телепередаче «Хиты Саша Дистеля». Поскольку мое решение бросить кино было незывлемым, представители телекомпаний толклись у моих дверей, подбывая крошки.

Я прекрасно понимала, в чем тут дело. Но я обожала петь.

Чтобы отпраздновать мой первый день рождения в качестве бывшей кинозвезды, Жан Букен придумал замечательную вещь: дать костюмированный бал в своем новом ресторане «Тарелка с

маслом» на улице Сен-Бенуа. Нам предстояло воскресить 1900-е годы — в стиле этой эпохи был выдержан ресторан.

Я отыскала в одной театральной костюмерной настоящее платье того времени из кружев шантильи цвета шампанского, настолько узкое в талии, что вечером я не стала ничего есть, боясь, как бы оно не лопнуло. Парикмахер от Дессанжа приколот мне шиньон и укрепил на нем цветы померанца. От бульвара Ланн до улицы Сен-Бенуа меня доставил фиакр, запряженный парой, а впереди ехал старинный автомобиль с непрерывно чихающим мотором.

Жан и Симона устроили все по-королевски.

В кругу моих ближайших друзей, таких красивых в своих костюмах и платьях, с усами и шиньонами, я провела необыкновенный, незабываемый вечер, отпраздновала мой тридцать девятый день рождения радостно и беззаботно, в любви и веселье.

Хорошо быть счастливым!

Фи-Фи д'Эксеа и Шанталь Боллоре собирались с дюжиной друзей на остров Маврикий. Их приятель Арно де Роне пригласил отдохнуть на его родном острове таких парижских знаменитостей, что этот полет был похож на роскошный чартерный рейс.

Они предложили нам присоединиться к ним!

Лоран страшно воодушевился, он, конечно, был «за».

Я отнеслась к этому прохладнее: я терпеть не могла самолет, а тут предстояло шестнадцать часов полета, я старалась избегать представителей высшего света, а там они будут вокруг нас все время, и, главное, ни за что на свете не хотела расставаться с Пишну и Нини.

Общество защиты животных, двенадцать лет обещавшее мне открыть менее гнусный приют, чем тот, где я в 1966 году нашла моих бедных собачек и кошек, наконец построило в Женевиле заведение под названием «Гостеприимство».

Меня попросили взять над ним шефство. Я с радостью согласилась открыть вместе с председательницей общества, Жаклин Том-Патенотр, эту новую тюрьму. Я надеялась, что она будет более сносной, хотя бы благодаря более здоровой атмосфере в только что построенных помещениях!

И вот шестого ноября я появилась там в окружении целой своры журналистов и фотографов, служащих Общества, пресс-секретарей, одного министра и Жаклин Том-Патенотр.

Перерезая ленточку под треск десятков фотовспышек, я услышала многоголосый лай. А затем, не проявив никакого интереса к бедным брошенным собакам, не удостоив их даже взглядом, вся толпа кинулась в зал, где нас ожидало шампанское, трибуна и гроздь микрофонов. И каждый произнес слашавую и льстивую

речь. Устав от этих восхвалений, озабоченная судьбой животных, которая была для меня важнее, я незаметно покинула зал, взяла привезенную из дома сумку с печеньем и пошла навестить маленьких узников.

Я провела целый час на четвереньках, пытаюсь впридачу к печенью дать этим бедолагам хоть немного нежности, немного ласки, немного тепла. У них были добрые, печальные глаза, они тянули ко мне лапы между прутьями решетки, умоляя освободить их. Они не обращали внимания на печенью, а лизали мне руки и ждали моего ответа. Я выплакала всю душу, глядя на это несчастье, а дураки в зале в это время обменивались комплиментами. Некоторые собаки грызли решетку так яростно, что из десен шла кровь, другие, покоровшись судьбе, свернулись калачиком в углу клетки, на загаженном бетонном полу, и уже ни на что не реагировали.

Это было жутко, беспросветно, бесчеловечно.

Эти бедные животные попали в темницу, в невыносимые условия только за то, что их бросили бессовестные, бессердечные люди. Мне так хотелось открыть эти тяжелые засовы. Так хотелось взять их к себе, ухаживать за ними и любить их, как они того заслуживают. Но их было четыреста! А сколько еще тех, что ждут освобождения хозяев, отбывающих десяти — или двадцатилетний срок? А еще других, тех, что терпеливо, с надеждой ждут выздоровления больных, которые, быть может, никогда не вернутся к ним из больницы!

Я прикоснулась к страданию в чистом виде.

Сколько таких же страдальцев, разбросанных по всей Франции, томятся в еще худших условиях?

С этого дня мое имя, моя слава, мое состояние, моя еще не растроченная молодость и сила будут отданы на то, чтобы помогать им до самой смерти, на то, чтобы бороться за них, мстить за них, любить их и пробуждать к ним любовь. Такой обет я дала себе в тот день, шестого ноября 1973 года.

И я сдержала слово!

У меня снова была цель в жизни. И какая цель!

Теперь мне надо будет заботиться о животных не только в Базоше и «Мадраге», а во всем мире, возможно, обаяние и известность помогут мне быть услышанной, быть понятой. Я была полна надежд и планов, убеждена, что стоит мне вмешаться — и, как по волшебству, ужасное положение животных на нашей планете станет немного легче.

Увы, как мне пришлось убедиться, ничто не дается даром.

Все надо добывать силой рук, силой воли, а порою силой отчаяния.

Дождливым, туманным, грязным ноябрьским вечером, вместе с Лораном, Фи-Фи д'Эксеа, Шанталь Боллоре и остальными я вылетела на остров Маврикий.

Я согласилась ехать скрепя сердце! Но по прибытии на место сердце мое возрадовалось! Стараясь не обращать внимания на скучную светскую публику, которая нас сопровождала, Фи-Фи с Шанталь, Лоран и я устроились в маленьком бунгало отеля «Оленья чаша».

Это было нечто восхитительное!

Нас ожидали кокосовые пальмы, белый песок, бирюзовая лагуна. День за днем, медленно, но верно я осваивалась в этом маленьком раю, который зовется Маврикий. Первым делом я оценила любезность местных жителей, с ними можно было отдохнуть от желчных французов.

На этом острове и вправду каждый был красив, каждый был любезен. Арно де Роне устроил в нашу честь прием в своем доме в колониальном стиле, освещенном смоляными факелами, которые держали полуголые мужчины в тюрбанах. Я познакомилась с его матерью, замечательной женщиной, принадлежавшей к другому веку, и с его нянюшками, толстыми и грудастыми негритянками, которые сердечно обняли меня, выпевая протяжные мелодии, словно прямиком пришедшие из Нового Орлеана.

Это был волнующий, необыкновенный, неповторимый, незабываемый вечер.

Когда я думаю об Арно, исчезнувшем несколько лет спустя в ненасытной пасти океана вместе с виндсерфером, которым он так искусно владел, моему мысленному взору предстает обаятельнейший человек, ребенок, выросший на Маврикии среди боготворивших его женщин, влюбленный в эту страну, где он был маленьким принцем, просившим нарисовать ему доску с парусом!

Я побывала в Кюрпипе с его китайским кварталом и миниатюрной Эйфелевой башней, в Пор-Луи с его разноплеменной толпой моряков, грязными борделями, рынками, где продавали ароматные и дурманящие травы, с китаянками-крупье в казино, где царил обман!

Я полакомилась рыбой святого Петра, которая ловится только в теплых водах под этими широтами. Я видела, как местные жители предлагают угощение индуистским богам в маленьких кумирнях на поворотах дорог. Потом сшила на заказ несколько сари у чудесной портнихи.

И вот однажды я увидела стаю одичавших бродячих собак, которые искали себе пропитание на пляже! Тогда я стала собирать по ресторанам остатки еды, выпрашивая то тут, то там какую-ни-

будь косточку! Я раскладывала все это на пляже и видела, как несчастные звери набрасываются даже на листья салата!

На это невозможно было смотреть.

Среди них был черненький комочек на четырех лапках, остальные задирали его и не подпускали к еде. Я попыталась приручить его. Но это была безнадежная затея. Бедный черненький комочек на четырех лапках, изголодавшийся и истощенный, был свиреп, словно африканский лев. Один местный житель, служащий отеля, заверил меня, что сможет его поймать. Я согласилась, не слишком веря, что ему это удастся.

Вечером, когда я вернулась домой, он с радостным видом указал мне на коврик у дивана. Там, опутанный сетью, лежал несчастный черный комочек, скулящий, обессиленный, напуганный. Я схватила ножницы в отчаянной попытке освободить щенка из этого недостойного плена и накричала на служащего, обзывая его всеми бранными словами, какие только пришли мне в голову.

Как только я выполнила свою задачу, меня жестоко укусили.

Пришлось вызвать врача, который сделал мне два противостолбнячных укола в живот и еще несколько в ягодицы. И все же я была счастлива, что сумела освободить мой бедный черненький комочек на четырех лапках, а он, не долго думая, побежал обратно к своим товарищам по несчастью и даже не дотронулся до роскошного угощения, которое я поставила ему под нос. С этой минуты мое пребывание на Маврикии превратилось в сплошное хождение за едой для собак. С наступлением темноты я выкладывала свою добычу на пляже. Ласка и терпение принесли свои плоды: в конце концов мне удалось погладить черненький комочек на четырех лапках. Это была самочка, она очень быстро поняла, что я ее люблю и не хочу обидеть. Она даже лизнула меня в нос! Она бежала ко мне, едва заслышав мой голос!

Бедная зверюшка, я уехала и оставила ее.

Но что мне было делать?

Я оставила служащему, который ее поймал, солидные чаевые и попросила кормить ее после моего отъезда.

* * *

Я была готова, наконец-то готова вступить в новую жизнь.

Зачеркнув ради них мою личность и мою славу.

Поставив себя на службу их выживанию.

Забыв себя самое, чтобы думать только о них одних.

Став служительницей Религии животных.

Брижит Бардо, в заснеженном Базоше,
сегодня, 7 декабря 1995 года

СТИХОТВОРЕНИЯ МОЕГО ПАПЫ ПИЛУ

Из сборника «Стихи ворохом» (1960 г.), удостоенного награды французской Академии. Перевод Е. Кассировой.

МОРСКОЙ ЗАКАТ

Над синькою вод
В огне небосвод
И дальние скалы.

Безбрежные алы
Под вечер просторы...
Но сумерки скоры:
Не радуя глаз,
Приветствуют нас...

И блеском лучей
Последних и зарев,
Неведомо чей,
Кораблик залит.
Но гаснет зенит...

Огонь, отбазарив,
Затих. И, как чуду,
Не веря глядишь:
Не зарево — всюду
Поблекшая тишь.

И вот уже лишь
На небе немножко —
Не светлого, нет,
А тоненький след,
Бороздка-дорожка...

Все — ночь.

СЕМЬЯ В СЕН-ТРОПЕЗЕ

Брижит, как высадилась с яхты,
Проговорила на бегу:
«С тобой побуду — ох ты, ах ты —
Три дня, а больше не могу!»

День первый. Вроде бы сперва
Взирает преданно и кротко
На папу доченька красотка.
И я своей семье — глава.

Но наступает день второй.
И в гости наезжает свора.
И занимают дочь игрой
Под руководством режиссера.

День третий и второго горше;
И дочка, папочку любя,
Мне дарит хахаля дублерши,
Чтоб не скучать, взамен себя.

Но к новым блеску и престижу
Собравшись, милая Брижит
На яхту завтра пробежит —
Даст Бог, тогда ее увижу!

МИМОХОДОМ

Брижит

Брижит, тебе немало тушей,
И гимнов раздалось, и од...
Но нынче вечером, послушай:
Твой папа шепотом поет...

Да, папин шепот тих и слаб,
Но прозвучит он так знакомо
И любяще внизу, у дома,
Как вечно голоса у пап...

Смотри, да, это я внизу
Шепчу стихи, во тьме шагая,
Тебе, дочурка дорогая.

Но мимо я пройду — и сгину.
А ты однажды скажешь сыну:
«Твой дед — поэт», — смахнув слезу.

КАМЕРОН

Генералу Кенигу

Втроем сражались против тысяч
Легионеры те.
Смогли по праву крест им высечь
На гробовой плите!

Их памятник цветами кроя,
Мы, внуки, слезы льем,
Что зарастает поле боя
Асфальтом и быльем.

Второе поколение, третье
Давно за гранью тьмы.
Но и теперь, спустя столетье,
Вас не забыли мы.

И души воинов-героев
На свете не умрут,
Как странник Камерон, — освоив
Неведомый маршрут.

**Брижит Бардо
Инициалы Б.Б.**

**РЕДАКТОР
И.Е. Богат**

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Т.Н. Костерина**

**ТЕХНОЛОГ
М.С. Белоусова**

**ОПЕРАТОР КОМПЬЮТЕРНОЙ ВЕРСТКИ
А.А. Павлов**

**ЗАВ. КОРРЕКТОРСКОЙ
А.Ю. Минаева**

**ЗАМ. ЗАВ. КОРРЕКТОРСКОЙ
Н.Ш. Таласбаева**

**КОРРЕКТОРЫ
В.А. Жечков, С.Ф. Лисовский**

Издательская лицензия
№ 061053
от 15 апреля 1992 года.
Подписано в печать
29.01.97.
Формат 60×90/16
Гарнитура Таймс.
Печать офсетная.
Объем 32 печ. л.
Тираж 20 000 экз.
Изд. № 422. Заказ 3341.

Издательство «ВАГРИУС»
103064, Москва, ул. Казакова, 18.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Государственном
ордена Октябрьской революции,
ордена Трудового Красного Знамени
Московском предприятии
«Первая Образцовая типография»
Комитета РФ по печати
113054, Москва, Валовая, 28.

Книги издательства „ВАГРИУС“ вы можете приобрести
в московских магазинах „Москва“, „Столица“,
„Библио-Глобус“, „Молодая гвардия“,
на территории ВВЦ (б. ВДНХ).

По вопросам оптовых закупок обращаться
к эксклюзивному дистрибьютору
издательства в „Клуб 36,6“ телефоны:
Офис: (095) 261-24-90, 265-86-94
тел./факс: (095) 265-13-05
только для московских абонентов: 265-81-93, 265-20-38
крупнооптовый склад: (095) 523-92-63, 523-11-10
мелкооптовая и розничная торговля
Книжная лавка „У Сытина“ (095) 230-89-00, 230-88-63
тел./факс: 237-36-11
Для переписки и заказов книг по почте:
107078, Москва, а/я 245, „Клуб 36,6“

В других городах обращайтесь к нашим
региональным представителям:

в Санкт-Петербурге:
ТОО „НЕВСКАЯ КНИГА“ (812) 567-47-55, 567-53-30

в Екатеринбурге:
ТОО „У-ФАКТОРИЯ“ (3432) 22-25-53
ТОО „ЛЮМНА“ (3432) 44-26-57
в Иркутске:
Бибколлектор (3952) 23-55-26
в Казани:
представительство „АСТ-ПРЕСС“ (8432) 53-35-63,
37-26-09
в Киеве:
фирма „КИМО“ (044) 219-49-87
в Новосибирске:
ООО „ТОП-КНИГА“ (3832) 39-63-60, 20-29-07
в Омске:
ПКП „ПРИНТ“ (3812) 33-05-14
в Перми:
ТОО „ТИГР“ (3422) 44-73-54
в Ростове-на-Дону:
ТОО „ЭМИС“ (8632) 65-40-04
в Сочи:
АОЗТ ТД „ОТКРЫТАЯ КНИГА“ (8622) 997-81-93
в Твери:
фирма „ПОЛИНА“ (0822) 55-11-22
в Тольятти:
АОЗТ „ЛАДА МАКОМ КОРПОРЕЙШН“ (8469) 39-05-28
на территории США и Канады
КОМПАНИЯ „ДОМ КНИГИ—САНКТ-ПЕТЕРБУРГ“
Нью-Йорк 1-800-5311037

Брижит Бардо

Инициалы Б.Б.

ВАГРИУС

